
Деникин А.И.
Очерки русской
смуты.
т. 2
Эр1 535

Генералъ А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ второй

Борьба Генерала Корнилова

Августъ 1917 г.
Апрѣль 1918 г.

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

Очерки Русской Смуты

Генералъ А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

Томъ второй

Борьба Генерала Корнилова

Августъ 1917 г.
Апрѣль 1818 г.

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS
13, rue Bonaparte, Paris (VIe)

25.—

Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW 68, Alte Jakobstr. 129

31 марта 1918 года русская граната, направленная рукою русскаго человѣка, сразила великаго русскаго патріота. Трупъ его сожгли, и прахъ разсѣяли по вѣтру.

За что? За то-ли, что въ дни великихъ потрясеній, когда недавніе рабы склонялись передъ новыми владыками, онъ сказалъ имъ гордо и смѣло: уйдите, вы губите русскую землю.

За то-ли, что не щадя жизни, съ горстью войскъ, ему преданныхъ, онъ началъ борьбу противъ стихійнаго безумія, охватившаго страну, и палъ поверженный, но не измѣнившій долгу передъ Родиной?

За то-ли, что крѣпко и мучительно любилъ онъ народъ, его предавшій, его распявшій?

Пройдутъ года, и къ высокому берегу Кубани потекутъ тысячи людей поклониться праху мученика и творца идеи возрожденія Россіи. Придутъ и его палачи.

И палачамъ онъ проститъ.

Но однимъ не проститъ никогда.

Когда Верховный главнокомандующій томился въ Быховской тюрьмѣ въ ожиданіи шемякина суда, одинъ изъ разрушителей русской храмины сказалъ: «Корниловъ долженъ быть казненъ; но, когда это случится, приду на могилу, принесу цвѣты и преклоню колѣна передъ русскимъ патріотомъ».

Проклятье имъ — прелюбодѣямъ слова и мысли! Прочь ихъ цвѣты! Они оскверняютъ святую могилу.

Я обращаюсь къ тѣмъ, кто и при жизни Корнилова и послѣ смерти его отдавали ему цвѣты своей души и сердца, кто нѣкогда довѣрилъ ему свою судьбу и жизнь:

Средь страшныхъ бурь и боевъ кровавыхъ, останемся вѣрными его завѣтамъ. Ему же — вѣчная память!

Рѣчь, произнесенная авторомъ въ Екатеринодарѣ въ 1919 г.

Брюссель
1922 г.

ГЛАВА I.

Расхожденіе путей революціи. Неизбѣжность переворота.

Широкое обобщеніе слагаемыхъ силъ революціи въ двѣ равнодѣйствующія — Временное правительство и Совѣтъ — допустимо въ извѣстной степени лишь въ отношеніи первыхъ мѣсяцевъ революціи. Въ дальнѣйшемъ теченіи ея происходитъ рѣзкое разслоеніе въ средѣ правящихъ и руководящихъ круговъ, и мѣсяцы іюль и августъ даютъ уже картину многосторонней междуусобной борьбы. На верху эта борьба идетъ еще въ довольно отчетливыхъ границахъ, раздѣляющихъ борющіяся стороны, но отраженіе ея въ массахъ являетъ образъ полнаго смѣшенія понятій, неустойчивости политическихъ взглядовъ и хаоса въ мысляхъ, чувствахъ и движеніяхъ. Иногда только, въ дни серьезныхъ потрясеній происходитъ вновь дифференціація, и вокругъ *двухъ* борющихся сторонъ собираются самые разнородные и зачастую политически и соціально-враждебные другъ другу элементы. Такъ было 3 іюля (возстаніе большевиковъ) и 27 августа (выступленіе Корнилова). Но тотчасъ-же по миновеніи остраго кризиса внѣшнее единеніе, вызванное тактическими соображеніями, распадается, и пути вождей революціи расходятся.

Рѣзкія грани прошли между тремя главенствующими учрежденіями: Временнымъ правительствомъ, Совѣтомъ (Центральный исполнительный комитетъ) и верховнымъ командованіемъ.

Въ результатѣ длительнаго правительственнаго кризиса, вызваннаго событіями 3—5 іюля, разгромомъ на фронтѣ и непримиримой позиціей, занятой либеральной демократіей, въ частности кадетской партіей, въ вопросѣ объ образованіи власти *), Совѣтъ вынужденъ былъ освободить формально министровъ соціалистовъ отъ отвѣтственности передъ собою и предоставить право Керенскому единолично формировать правительство. Объединенные центральные комитеты постановленіемъ отъ 24 іюля обусловили поддержку со стороны совѣтовъ правительству соблюденіемъ имъ программы 8 іюля и оставляли за собою право отзывать министровъ соціалистовъ, въ случаѣ уклоненія ихъ дѣятельности отъ намѣченныхъ программой демократическихъ задачъ. Но, тѣмъ не менѣе, фактъ извѣстной

---

*) К. д-ты требовали созданія власти, покоящейся „на общенаціональной почвѣ“ и представленной лицами, „не отвѣтственными ни передъ какими организаціями и комитетами“.

эмансипаціи правительства отъ вліянія совѣтовъ, какъ результатъ растерянности и ослабленія руководящихъ органовъ революціонной демократіи въ іюльскіе дни, не подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ болѣе, что въ составъ 3-го правительства вошли соціалисты или мало вліятельные или, какъ Авксентьевъ (министръ внутреннихъ дѣлъ), Черновъ (министръ земледѣлія), Скобелевъ (министръ труда), не свѣдущіе въ дѣлахъ своего вѣдомства. Ф. Кокошкинъ въ московскомъ комитетѣ партіи к. д. говорилъ: «за мѣсяцъ нашей работы въ правительствѣ совершенно не было замѣтно вліянія на него Совдепа... Ни разу не упоминалось о рѣшеніяхъ Совдепа, постановленія правительства не примѣнялись къ нимъ»... И внѣшне взаимоотношенія измѣнились: министръ-предсѣдатель не то избѣгалъ, не то игнорировалъ Совѣтъ и Центральный комитетъ, не появляясь на ихъ засѣданіяхъ и не давая имъ, какъ раньше, отчета.*)

Но борьба — глухая, напряженная продолжалась, имѣя ближайшими поводами расхожденіе правительства и центральныхъ органовъ революціонной демократіи въ вопросахъ о начавшемся преслѣдованіи большевиковъ, репрессіяхъ въ арміи, организаціи административной власти и т. д.

Верховное командованіе занимало отрицательную позицію какъ въ отношеніи Совѣта, такъ и Правительства. Какъ постепенно назрѣвали такія отношенія, говорилось въ I томѣ. Оставляя въ сторонѣ детали и поводы, обострявшіе ихъ, остановимся на основной причинѣ: генералъ Корниловъ стремился явно вернуть власть въ арміи военнымъ вождямъ и ввести на территоріи всей страны такія военносудебныя репрессіи, которыя остріемъ своимъ въ значительной степени были направлены противъ совѣтовъ и особенно ихъ лѣваго сектора. Поэтому, не говоря уже о глубокомъ политическомъ расхожденіи, борьба совѣтовъ противъ Корнилова являлась, вмѣстѣ съ тѣмъ, борьбой ихъ за самосохраненіе. Тѣмъ болѣе, что давно уже въ руководящихъ органахъ революціонной демократіи капитальнѣйшій вопросъ обороны страны потерялъ свое самодовлѣющее значеніе и, по свидѣтельству Станкевича, если иногда и выдвигался въ Исполнительномъ комитетѣ на первый планъ, «то только какъ средство для сведенія другихъ политическихъ счетовъ». Совѣтъ и Исполнительный комитетъ требовали поэтому отъ правительства смѣны Верховнаго главнокомандующаго и разрушенія «контръ-революціоннаго гнѣзда», какимъ въ ихъ глазахъ представлялась Ставка.

Керенскій, фактически сосредоточившій въ своихъ рукахъ правительственную власть, очутился въ особенно трудномъ положеніи: онъ не могъ не понимать, что только мѣры суроваго принужденія, предложенныя Корниловымъ, могли еще, быть можетъ, спасти армію, освободить окончательно власть отъ совѣтской зависимости и установить внутренній порядокъ въ странѣ. Несомнѣнно освобожденіе отъ совѣтовъ, произведенное чужими руками или свершившееся

*) Былъ одинъ разъ за $1\frac{1}{2}$ мѣсяца.

Полковникъ Корниловъ (1906 г.)

Стр. 8.

Временное Правительство чествуетъ ген. Корнилова 3-го августа 1917 г.

Нижнiй рядъ: Юреневъ, Кокошкинъ, Терещенко, Корниловъ, Керенскiй, Ефремовъ, Ольденбургъ, Зарудный, Никитинъ.
Верхнiй рядъ: 1. 2. 3. Савинковъ, 4. Барановскiй, 5. Романовскiй (нач. ген. штаба), 6. И. П. Романовскiй (ген. кв. ставки).

въ результатѣ событій стихійныхъ, снимавшихъ отвѣтственность съ Временного правительства и Керенскаго, представлялось ему государственно-полезнымъ и желательнымъ. Но добровольное принятіе предуказанныхъ командованіемъ мѣръ вызвало бы полный разрывъ съ революціонной демократіей, которая дала Керенскому имя, положеніе и власть и которая, не взирая на оказываемое ею противодѣйствіе, все же, какъ это ни странно, служила ему хоть и шаткой, но *единственной* опорой. Съ другой стороны, возстановленіе власти военнаго командованія угрожало не реакціей — объ этомъ Керенскій часто говорилъ, хотя врядъ ли серьезно въ это вѣрилъ — но, во всякомъ случаѣ, перемѣщеніемъ центра вліянія отъ соціалистической къ либеральной демократіи, крушеніемъ соціалъ-революціонерской партійной политики и утратой преобладающаго, быть можетъ и всякаго, вліянія его на ходъ событій. Къ этому присоединилась и личная антипатія между Керенскимъ и генераломъ Корниловымъ, изъ которыхъ каждый не стѣснялся высказывать подчасъ въ весьма рѣзкой формѣ свое отрицательное отношеніе одинъ къ другому и ожидалъ встрѣтить не только противодѣйствіе, но и прямое покушеніе съ противной стороны. Такъ генералъ Корниловъ опасался ѣхать къ 10-му августу въ Петроградъ на засѣданіе Временного правительства, ожидая почему то смѣщенія съ поста и даже личнаго задержанія... И, когда все-же по совѣту Савинкова и Филоненко онъ поѣхалъ, его сопровождалъ отрядъ текинцевъ, которые поставили пулеметы у входовъ въ Зимній дворецъ во время пребыванія тамъ Верховнаго главнокомандующаго. Въ свою очередь Керенскій еще 13—14 августа въ Москвѣ въ дни государственнаго совѣщанія ожидалъ активнаго выступленія со стороны приверженцевъ Корнилова и принималъ мѣры предосторожности. Нѣсколько разъ Керенскій возбуждалъ вопросъ объ удаленіи Корнилова, но, не встрѣчая сочувствія этому рѣшенію ни въ военномъ министерствѣ, ни въ средѣ самаго правительства, съ тревогой ждалъ развитія событій. Еще 7 августа помощникъ комиссара при Верховномъ главнокомандующемъ предупредилъ Корнилова, что вопросъ объ его отставкѣ рѣшенъ въ Петроградѣ окончательно. Корниловъ отвѣтилъ: «лично меня вопросъ о пребываніи на посту мало занимаетъ, но я прошу довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что такая мѣра врядъ ли будетъ полезна въ интересахъ дѣла, такъ какъ можетъ вызвать въ арміи волненія»...

Расколъ не ограничивался вершинами власти: онъ шелъ глубже и шире, поражая безсиліемъ ея органы.

Временное правительство представляло механическое соединеніе трехъ группъ, не связанныхъ между собой ни общностью задачъ и цѣлей, ни единствомъ тактики: министры—соціалисты*), либеральные министры **) и отдѣльно — тріумвиратъ, въ составѣ Керенскаго

---

*) Авксентьевъ (с.-р.), Скобелевъ (с.-д.), Пѣшехоновъ (н.-с.), Черновъ (с.-р.), Зарудный (с.-р.), Прокоповичъ (с.-д.), Никитинъ (с.-д.).

**) Ольденбургъ, Юреневъ, Кокошкинъ, Карташовъ (К. д-ты), Ефремовъ (р.-д.).

(с.-р.), Некрасова (р.-д.) и Терещенко (безп.). Если часть представителей первой группы находила зачастую общій языкъ и одинаковое государственное пониманіе съ либеральными министрами, то Авксентьева, Чернова и Скобелева, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ всѣ важнѣйшія вѣдомства, отдѣляла отъ нихъ пропасть. Впрочемъ значеніе обѣихъ группъ было довольно ничтожно, такъ какъ тріумвиратъ «самостоятельно рѣшалъ всѣ важнѣйшіе вопросы внѣ правительства, и иногда даже рѣшенія ихъ не докладывались послѣднему». *) Протесты министровъ противъ такого порядка управленія, представлявшаго совершенно не прикрытую диктатуру, оставались тщетными. Въ частности свое расхожденіе съ Корниловымъ и вопросъ о предложенныхъ имъ почти ультимативно мѣропріятіяхъ Керенскій старался всемѣрно изъять изъ обсужденія правительства.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ этихъ трехъ группъ, вызывая къ себѣ сочувствіе либеральной, оппозицію соціалистической и плохо скрытое раздраженіе тріумвирата, стояло военное министерство Савинкова.**) Савинковъ порвалъ съ партіей и съ совѣтами. Онъ поддерживалъ рѣзко и рѣшительно мѣропріятія Корнилова, оказывая непрестанное и сильное давленіе на Керенскаго, которое, быть можетъ, увѣнчалось бы успѣхомъ, если бы вопросъ касался только идеологіи новаго курса, а не угрожалъ Керенскому перспективой самоупраздненія... Вмѣстѣ съ тѣмъ, Савинковъ не шелъ до конца и съ Корниловымъ, не только облекая его простыя и суровыя положенія въ условныя внѣшнія формы «завоеваній революціи», но и отстаивая широкія права военно-революціоннымъ учрежденіямъ — комиссарамъ и комитетамъ. Хотя онъ и признавалъ чужеродность этихъ органовъ въ военной средѣ и недопустимость ихъ въ условіяхъ нормальной организаціи, но... повидимому надѣялся, что послѣ прихода къ власти — комиссарами можно было назначать людей «вѣрныхъ», а комитеты — взять въ руки. А въ то-же время бытіе этихъ органовъ служило извѣстной страховкой противъ командного состава, безъ помощи котораго Савинковъ не могъ достигнуть цѣли, но въ лояльность котораго въ отношеніи себя онъ плохо вѣрилъ. Характеръ «содружества» и сотрудничества генерала Корнилова и Савинкова опредѣляется тѣмъ не безъинтереснымъ фактомъ, что приближенные Корнилова считали необходимымъ во время пріѣздовъ Савинкова въ Ставку и въ особенности во время ихъ бесѣдъ съ глазу на глазъ принимать нѣкоторыя мѣры предосторожности... Такъ было не только въ концѣ августа въ Могилевѣ, но и въ началѣ іюля въ Каменецъ-Подольскѣ.

Савинковъ могъ идти съ Керенскимъ противъ Корнилова и съ Корниловымъ противъ Керенскаго, холодно взвѣшивая соотношеніе силъ и степень соотвѣтствія ихъ той цѣли, которую онъ преслѣдо-

---

*) Докладъ Ф. Кокошкина 31 августа.

**) Управляющій — Савинковъ, начальникъ политическаго отдѣленія Степунъ, комиссаръ при Ставкѣ — Филоненко.

валъ. Онъ называлъ эту цѣль — спасеніемъ Родины; другіе считали ее личнымъ стремленіемъ его къ власти. Послѣдняго мнѣнія придерживались и Корниловъ и Керенскій.

Расколъ созрѣлъ и въ руководящихъ органахъ революціонной демократіи. Центральный исполнительный комитетъ совѣтовъ все болѣе и болѣе расходился съ Петроградскимъ совѣтомъ какъ по вопросамъ принципіальнымъ, въ особенности о конструкціи верховной власти, такъ и вслѣдствіе претензіи обоихъ на роль высшаго представительства демократіи. Болѣе умѣренный Центральный комитетъ не могъ уже состязаться плѣнительными для массъ лозунгами съ Петроградскимъ совѣтомъ, неудержимо шедшимъ къ большевизму. Въ средѣ самого совѣта по основнымъ политическимъ вопросамъ все чаще обозначалась прочная коалиція меньшевиковъ — интернаціоналистовъ, лѣвыхъ соціалъ-революціонеровъ и большевиковъ. Если обострялись сильно грани между двумя основными подраздѣленіями соціалъ-демократіи, то еще рѣзче проявилось разложеніе другой главенствующей партіи — соціалъ-революціонеровъ, изъ которой послѣ іюльскихъ дней, не порывая еще окончательно формальной связи со старой партіей, выдѣлилось лѣвое крыло ея, наиболѣе яркой представительницей котораго была Спиридонова. Въ теченіи августа лѣвые с.-ры., возросши численно въ совѣтской фракціи чуть ли не до половины ея состава, становятся въ рѣзкую оппозицію и къ партіи, и къ кругамъ, единомышленнымъ съ Центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ, требуя полнаго разрыва съ правительствомъ, отмѣны исключительныхъ законовъ, немедленной соціализаціи земли и сепаратнаго перемирія съ центральными державами.

Въ такой нервной, напряженной атмосферѣ протекалъ весь іюль и августъ мѣсяцы. Трудно учесть и разграничить зависимость двухъ аналогичныхъ явленій полнаго разброда — среди правящихъ и руководящихъ верховъ съ одной стороны и народной массы — съ другой: былъ ли разбродъ наверху прямымъ отраженіемъ того состоянія броженія страны, въ которомъ еще не могло опредѣлиться конечныхъ цѣлей, стремленій и воли народной, или наоборотъ — болѣзнь верховъ поддерживала и углубляла процессъ броженія. Въ результатѣ, однако, не только не появлялось ни малѣйшихъ признаковъ оздоровлѣнія, а наоборотъ всѣ стороны народной жизни быстро и неизмѣнно шли къ полному разстройству.

Участились и внѣшнія проявленія этого разстройства, въ особенности въ области обороны страны. 20 августа разразилась рижская катастрофа, и германцы явно начали готовиться къ большой десантной операціи, угрожавшей Ревелю и Петрограду. Въ то время, когда производительность военной промышленности падала въ угрожающихъ размѣрахъ (снарядное производство на 60 проц.), 14 августа происходитъ вызванный несомнѣнно злонамѣренно грандіозный взрывъ пороховыхъ заводовъ и артиллерійскихъ складовъ въ Казани, которымъ уничтожено было до милліона снарядовъ и до

12 тысячъ пулеметовъ. Во второй половинѣ августа назрѣвала всеобщая желѣзнодорожная забастовка, угрожавшая параличемъ нашему транспорту, голодомъ на фронтѣ и всѣми сопряженными съ этимъ явленіемъ роковыми послѣдствіями. Въ арміи участились случаи самосудовъ и неповиновенія. То словоблудіе, которое текло непрерывно изъ Петрограда и тамъ отравляло и опьяняло мысль и совѣсть верховъ революціонной демократіи, на широкой аренѣ народной жизни обращалось въ прямое дѣйствіе. Цѣлыя области, губерніи, города порывали административную связь съ центромъ, обращая русское государство въ рядъ самодовлѣющихъ и самоуправляющихся территорій, связанныхъ съ центромъ почти исключительно... неимовѣрно возросшей потребностью въ государственныхъ денежныхъ знакахъ. Въ этихъ «новообразованіяхъ» постепенно пропадалъ вызванный первымъ подъемомъ революціи интересъ къ политическимъ вопросамъ, и разгоралась соціальная борьба, принимая все болѣе сумбурныя, жестокія, негосударственныя формы.

А на фонѣ этой разрухи надвигалось новое потрясеніе — вновь и явно подготовлявшееся возстаніе большевиковъ. Оно было пріурочено къ концу августа. Если тогда могли возникать сомнѣнія и колебанія въ оцѣнкѣ положенія и грозящей опасности, въ выборѣ «равнодѣйствующей» и въ томительныхъ поискахъ жизнеспособной коалиціи, то теперь, когда августъ 1917 года — уже далекое прошлое, сдѣлавшееся достояніемъ исторіи, не можетъ быть никакихъ сомнѣній по крайней мѣрѣ въ одномъ: что только власть, одухотворенная рѣшимостью безпощадной борьбы съ большевизмомъ, могла спасти страну, почти обреченную.

Этого не могъ сдѣлать Совѣтъ, органически связанный со своимъ лѣвымъ крыломъ. Не могъ и не хотѣлъ, «недопуская борьбы съ цѣлымъ политическимъ теченіемъ» и лицемѣрно требуя отъ правительства прекращенія «незаконныхъ арестовъ и преслѣдованія», примѣняемыхъ къ «представителямъ крайнихъ теченій соціалистическихъ партій».*)

Этого не могъ и не хотѣлъ сдѣлать и Керенскій — товарищъ предсѣдателя Совѣта, грозившій нѣкогда большевикамъ «желѣзомъ и кровью». Даже 24 октября, то есть наканунѣ рѣшительнаго большевистскаго выступленія, признавъ наконецъ «дѣйствія русской политической партіи (большевиковъ) предательствомъ и измѣной Россійскому государству», Керенскій, говоря о захватѣ власти въ петроградскомъ гарнизонѣ военно-революціоннымъ комитетомъ, поясняетъ: «но и здѣсь военная власть *по моему указанію*, хотя и было наличіе всѣхъ данныхъ для того, чтобы приступить къ рѣшительнымъ и энергичнымъ мѣрамъ, считала надобнымъ дать сначала людямъ возможность сознать свою сознательную или безсознательную ошибку»...**)

---

*) Резолюціи 24 іюля и 20 августа.

**) Рѣчь въ „Совѣтѣ республики“.

Такимъ образомъ, странѣ предстояла альтернатива: безъ борьбы и въ самомъ непродолжительномъ времени подпасть подъ власть большевиковъ, или выдвинуть силу, желающую и способную вступить съ ними въ рѣшительную борьбу.

ГЛАВА II.

Начало борьбы: генералъ Корниловъ, Керенскій и Савинковъ. Корниловская „записка“ о реорганизаціи арміи.

Въ борьбѣ между Керенскимъ и Корниловымъ, которая привела къ такимъ роковымъ для Россіи результатамъ, замѣчательно отсутствіе прямыхъ политическихъ и соціальныхъ лозунговъ, которые разъединяли бы борющіяся стороны. Никогда, ни до выступленія, ни во время его — ни офиціально, ни въ порядкѣ частной информаціи Корниловъ не ставилъ опредѣленной «политической программы». Онъ ея не имѣлъ. Тотъ документъ, который извѣстенъ подъ этимъ названіемъ, какъ увидимъ ниже, является плодомъ позднѣйшаго коллективнаго творчества быховскихъ узниковъ. Точно также въ сферѣ практической дѣятельности Верховнаго главнокомандующаго, облеченнаго неотмѣненными правами въ области гражданскаго управленія на территоріи войны, онъ избѣгалъ всякаго вмѣшательства въ правительственную политику. Единственный приказъ его въ этой сферѣ имѣлъ ввиду земельную анархію и, не касаясь правовыхъ взаимоотношеній землевладѣльцевъ, устанавливалъ лишь судебныя репрессіи за насильственныя дѣйствія, угрожавшія планомѣрному продовольствованію арміи, вслѣдствіе «самоуправнаго расхищенія на театрѣ военныхъ дѣйствій государственнаго достоянія». Достоинъ вниманія отвѣтъ Корнилова явившимся къ нему подольскимъ землевладѣльцамъ: *)

— Вооруженную силу для охраны урожая, необходимаго для арміи, я дамъ. Я не постѣсняюсь примѣнять эту вооруженную силу по отношенію къ тѣмъ безумцамъ, которые, ради удовлетворенія низменныхъ инстинктовъ, губятъ армію. Но я не задумаюсь такъ-же разстрѣлять любого изъ васъ, въ случаѣ обнаруженія нерадѣнія или злоумышленія при сборѣ нынѣшняго урожая.

Нѣсколько неожиданно отсутствіе яркой политической физіономіи у вождя, который долженъ былъ взять временно въ свои руки руль русскаго государственнаго корабля. Но при создавшемся къ осени 1917 года распадѣ русской общественности и разбродѣ политическихъ теченій казалось, что только такого рода нейтральная сила при наличіи нѣкоторыхъ благопріятныхъ условій могла имѣть шансы на успѣхъ въ огромномъ численно, но рыхломъ интеллектуально сочетаніи народныхъ слоевъ, стоявшихъ внѣ рамокъ «револю-

*) Въ началѣ іюля на Юго-западномъ фронтѣ.

ціонной демократіи». Корниловъ былъ солдатъ и полководецъ. Этимъ званіемъ своимъ онъ гордился и ставилъ его всегда на первый планъ. Мы не можемъ читать въ душахъ. Но дѣломъ и словомъ, подчасъ откровеннымъ, не предназначавшимся для чужого слуха, онъ въ достаточной степени опредѣлилъ свой взглядъ на предстоящую ему роль: не претендуя на политическую непогрѣшимость, онъ смотрѣлъ на себя, какъ на могучій таранъ, который долженъ былъ пробить брешь въ заколдованномъ кругѣ силъ, облѣпившихъ власть, обезличившихъ и обезкровившихъ ее. Онъ долженъ былъ очистить эту власть отъ элементовъ негосударственныхъ и ненаціональныхъ и во всеоружіи силы, опирающейся на возстановленную армію, поддержать и провести эту власть до изъявленія подлинной народной воли.

Но слишкомъ, быть можетъ, терпимый, довѣрчивый и плохо разбиравшійся въ людяхъ, онъ не замѣтилъ, какъ уже съ самого зарожденія его идеи ее также облѣпили со всѣхъ сторонъ элементы мало-государственные иногда просто безпринципные. Въ этомъ былъ глубокій трагизмъ въ дѣятельности Корнилова.

Политическій обликъ Корнилова остался для многихъ неяснымъ и теперь, три съ лишнимъ года спустя послѣ его смерти. Вокругъ этого вопроса плетутся легенды, черпающія свое обоснованіе въ характерѣ того окруженія, которое не разъ творило его именемъ свою волю.

На этомъ шаткомъ и слишкомъ растяжимомъ основаніи, представленномъ въ широкомъ діапазонѣ отъ мирнаго террориста черезъ раскаявшагося трудовика до друга Илліодора, можно выводить какіе угодно узоры, съ одинаковымъ вѣроятіемъ на полное искаженіе истины. Монархистъ — республиканецъ. Реакціонеръ — соціалистъ. Бонапартъ — Пожарскій. «Мятежникъ» — народный герой. Такими противоположеніями полны отзывы о покойномъ вождѣ. И, если «селянскій министръ» Черновъ нѣкогда въ своемъ возмутительномъ воззваніи объяснялъ планы Корнилова желаніемъ «задушить свободу и лишить крестьянъ земли и воли», то митрополитъ Антоній въ словѣ, посвященномъ памяти Корнилова, незадолго до оставленія русской арміей Крыма упрекнулъ погибшаго... въ «увлеченіи революціонными идеями».

Вѣрно одно: Корниловъ не былъ ни соціалистомъ, ни реакціонеромъ. Но напрасно было бы въ предѣлахъ этихъ широкихъ рамокъ искать какого либо партійнаго штампа. Подобно преобладающей массѣ офицерства и командного состава, онъ былъ далекъ и чуждъ всякаго партійнаго догматизма; по взглядамъ, убѣжденіямъ примыкалъ къ широкимъ слоямъ либеральной демократіи; быть можетъ не углублялъ въ своемъ сознаніи мотивовъ ея политическихъ и соціальныхъ расхожденій и не придавалъ большого значенія тѣмъ изъ нихъ, которыя выходили за предѣлы профессіональныхъ интересовъ арміи.

Корнилова — правителя исторія не знаетъ. Но Корнилова — Верховнаго главнокомандующаго мы знаемъ. Этотъ Корниловъ имѣлъ

болѣе чѣмъ другіе военачальники смѣлости и мужества возвышать свой голосъ за растлеваемую армію и поруганное офицерство. Онъ могъ поддерживать правительства и Львова и Керенскаго, независимо отъ сочувствія или несочувствія направленію ихъ политики, если бы она вольно и невольно не клонилась по его убѣжденію къ явному разрушенію страны. Онъ отнесся бы совершенно отрицательно въ принципѣ, но вѣроятно не поднялъ бы оружія даже и противъ однороднаго соціалистическаго правительства, еслибы такое появилось у власти и, паче чаянія, проявило сознательное отношеніе къ національнымъ интересамъ страны. Корниловъ не желалъ идти «ни на какія авантюры съ Романовыми», считая, что «они слишкомъ дискредитировали себя въ глазахъ русскаго народа»; но на заданный ему мною вопросъ — что, если Учредительное Собраніе выскажется за монархію и возстановитъ павшую династію? — онъ отвѣтилъ безъ колебанія:

— Подчинюсь и уйду.

Но Корниловъ не можетъ мириться съ тѣмъ, что «будущее народа — въ слабыхъ безвольныхъ рукахъ», что армія разлагается, страна стремительно идетъ въ пропасть и, «какъ истинный сынъ русскаго народа», въ неравной борьбѣ безъ колебанія и безъ сомнѣнія «несетъ въ жертву Родинѣ самое большое, что онъ имѣетъ — свою жизнь». *) Этой, по крайней мѣрѣ, непреложной истины не могутъ отрицать ни друзья, ни враги его.

Офиціально борьба Корнилова съ Керенскимъ (точнѣе съ тріумвиратомъ) происходила на почвѣ разногласія ихъ по отношенію къ мѣропріятіямъ, предложеннымъ въ извѣстной запискѣ Корнилова.

Еще 30 іюля на совѣщаніи съ участіемъ министровъ путей сообщенія и продовольствія Корниловъ высказалъ взглядъ: «для окончанія войны миромъ, достойнымъ великой, свободной Россіи, намъ необходимо имѣть три арміи: армію въ окопахъ, непосредственно ведущую бой, армію въ тылу — въ мастерскихъ и заводахъ, изготовляющую для арміи фронта все ей необходимое, и армію желѣзнодорожную, подвозящую это къ фронту»... «Не касаясь вопроса — какія мѣры необходимы для оздоровленія рабочей и желѣзнодорожной армій, предоставляя разобраться въ этомъ вопросѣ спеціалистамъ», Корниловъ считалъ, однако, что «для правильной работы этихъ армій онѣ должны быть подчинены той-же желѣзной дисциплинѣ, которая устанавливается для армій фронта». **)

Въ запискѣ, приготовленной для доклада Временному правительству, указывалось на необходимость слѣдующихъ главнѣйшихъ мѣропріятій: введенія на всей территоріи Россіи въ отношеніи тыловыхъ войскъ и населенія юрисдикціи военно-революціонныхъ судовъ, съ примѣненіемъ смертной казни за рядъ тягчайшихъ преступленій, преимущественно военныхъ; возстановленія дисциплинарной власти во-

---

*) Изъ „Обращенія къ народу“ 28 августа 1917 года.

**) Показаніе слѣдственной комиссіи.

енныхъ начальниковъ; введенія въ узкія рамки дѣятельности комитетовъ и установленія ихъ отвѣтственности передъ замкомъ.

Исторія прохожденія этой записки весьма характерна для выясненія взаимоотношеній главныхъ дѣйствующихъ лицъ разыгравшейся въ концѣ августа драмы и свидѣтельствуетъ о томъ двоедушіи, которое проявилъ Керенскій и которое сдѣлало неизбѣжнымъ окончательный разрывъ между нимъ и верховнымъ командованіемъ.

3 августа Корниловъ прибылъ въ Петроградъ для доклада Временному правительству своей записки и вручилъ ее Керенскому. Ознакомившись съ запиской, Керенскій выразилъ принципіальное согласіе съ указанными въ ней мѣрами, но, совмѣстно съ Савинковымъ, уговорилъ Корнилова не представлять записки правительству, а выждать окончанія аналогичной работы военнаго министерства для согласованія съ ней. Было условлено, что послѣ этого Корниловъ вновь пріѣдетъ сдѣлать докладъ правительству. Въ своей книгѣ *) Керенскій мотивируетъ этотъ шагъ... заботами объ успѣшномъ прохожденіи мѣропріятій и о самомъ Верховномъ главнокомандующемъ: «докладъ былъ написанъ въ такомъ тонѣ, что я считалъ невозможнымъ предъявить его Временному правительству. Онъ заключалъ въ себѣ рядъ мѣръ, большая часть которыхъ была вполнѣ пріемлема; но онѣ были такъ формулированы и поддержаны такими аргументами, что оглашеніе доклада привело бы къ обратнымъ результатамъ. И если докладъ сталъ бы достояніемъ гласности, не возможно было бы сохранить Корнилова на посту Верховнаго главнокомандующаго».

А 4 августа, то есть на другой день копія доклада находилась уже въ редакціонномъ портфелѣ совѣтскаго офиціоза «Извѣстія», и съ 5-го началось печатаніе выдержекъ изъ него и одновременно широкая травля верховнаго командованія.

На засѣданіи 3 августа произошелъ инцидентъ, произведшій глубокое впечатлѣніе на Корнилова. Детали и мотивы его всѣ три участника (Корниловъ, Керенскій и Савинковъ) трактуютъ различно, но сущность его заключалась въ слѣдующемъ: Керенскій остановилъ докладъ Корнилова, когда послѣдній коснулся вопроса о преднамѣченной наступательной операціи на Юго-западномъ фронтѣ, а Савинковъ прислалъ записку, выражавшую неувѣренность въ томъ, что «сообщаемыя Верховнымъ главнокомандующимъ государственныя и союзныя тайны не станутъ извѣстны противнику въ товарищескомъ порядкѣ». **) Корниловъ «былъ страшно пораженъ и возмущенъ тѣмъ, что въ Совѣтѣ министровъ Россійскаго государства Верховный главнокомандующій не можетъ безъ опаски касаться такихъ вопро-

*) „Прелюдія большевизма“ (англ.). Савинковъ былъ, по его словамъ, противъ оглашенія записки по мотивамъ необходимости расширить программу военныхъ мѣропріятій „до размѣровъ обще-государственныхъ и внести въ осуществленіе ея элементъ осторожной послѣдовательности“.

**) Изъ бесѣдъ съ Савинковымъ Корниловъ вынесъ впечатлѣніе, что предупрежденіе имѣло въ виду министра земледѣлія Чернова.

совъ, о которыхъ онъ въ интересахъ обороны страны считаетъ необходимымъ поставить правительство въ извѣстность». *)

Корниловъ уѣхалъ, унося съ собою мало надежды на удовлетвореніе своихъ требованій, тѣмъ болѣе, что въ ближайшіе дни въ совѣтской и вообще въ крайней лѣвой печати раздалось настойчивое требованіе объ удаленіи его съ поста, — требованіе, нашедшее живой откликъ и въ мысляхъ министра-предсѣдателя, который «почти ежедневно возвращался къ вопросу о смѣщеніи генерала Корнилова, причемъ предполагалось, что Верховнымъ главнокомандующимъ будетъ самъ Керенскій». **)

Всѣ эти разногласія въ вопросахъ реорганизаціи арміи были скрыты Керенскимъ отъ Временнаго правительства, члены котораго узнавали о нихъ изъ газетъ, а нѣкоторые министры либеральной группы очевидно и въ военномъ министерствѣ, съ которымъ поддерживали болѣе тѣсныя отношенія.

Между тѣмъ, военное министерство изготовило свой докладъ, который, сохранивъ нѣкоторыя общія положенія корниловской записки, вносилъ существенныя измѣненія въ ея основную мысль. Они касались не только формы изложенія и мотивировки — болѣе льстивыхъ и слѣдовательно болѣе пріемлемыхъ для революціонной демократіи, но и расширяли значительно права военно-революціонныхъ учрежденій и вводили весьма важные законопроэкты о милитаризаціи желѣзныхъ дорогъ и торгово-промышленныхъ предпріятій, работающихъ на оборону. Общая схема взаимоотношеній въ арміи въ представленіи составителя 2-ой записки, Верховнаго комиссара Филоненко рисовалась въ такомъ видѣ: «комитеты должны выражать собою мнѣніе арміи, комиссары осуществлять въ арміи революціонную государственную власть, а командный составъ долженъ попрежнему вѣдать часть оперативную и подготовку войскъ».***) Впослѣдствіи въ положеніи о комитетахъ проэктъ министерства, вопреки рѣшительному протесту Корнилова, предусматривалъ даже участіе комитетовъ въ аттестованіи начальниковъ. Такимъ образомъ 2-ая записка, если и вводила суровыя репрессіи, то по главному вопросу — организаціи арміи — не шла далѣе закрѣпленія существующаго порядка.

Не можетъ быть однако сомнѣнія, что вся плохо прикрытая игра между Керенскимъ и военнымъ министерствомъ велась вовсе не по поводу редакціи доклада или даже существенныхъ его положеній, а исключительно вокругъ одного основного вопроса — о введеніи смертной казни въ тылу. Тѣмъ болѣе, что въ бурныхъ засѣданіяхъ солдатской и рабочей секцій Совѣта, обыкновенно очень хорошо освѣдомленнаго о томъ, что дѣлается въ кругахъ правительства, еще 7 и 8

---

*) Показаніе слѣдственной комиссіи.
**) Савинковъ. „Къ дѣлу Корнилова".
***) „Армія и флотъ" 1 августа 1917 года.

августа было предъявлено требованіе отмѣны смертной казни, какъ мѣры, «преслѣдующей явно контръ-революціонныя цѣли».

Корниловъ отказался ѣхать къ 10-му августа въ Петроградъ, ссылаясь на серьезное положеніе фронта. Дѣйствительными причинами были опасеніе подвоха со стороны Керенскаго и сложившееся убѣжденіе о безнадежности проведенія корниловскихъ мѣропріятій. Этимъ только и можно объяснить предложеніе Корнилова Савинкову «взять на себя представленіе доклада Временному правительству съ тѣми измѣненіями, которыя желательно въ немъ сдѣлать по мнѣнію управляющаго военнымъ министерствомъ». Однако Савинковъ и Филоненко переубѣдили Корнилова, и онъ выѣхалъ 9-го, не зная, что вслѣдъ ему послана телеграмма министра-предсѣдателя, указывающая, что его «прибытіе не представляется необходимымъ и что Временное правительство снимаетъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія его отсутствія съ фронта».

9-го августа во время серьезнаго объясненія Савинкова съ Керенскимъ послѣдній говорилъ, что «никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не подпишетъ законопроэкта о смертной казни въ тылу». Савинковъ счелъ себя вынужденнымъ просить объ отставкѣ и заявилъ, что «если военный министръ не желаетъ подписать докладной записки (Временному правительству), то ее подпишетъ Верховный главнокомандующій». *)

10 августа Корниловъ пріѣхалъ въ Петроградъ и въ военномъ министерствѣ ознакомился съ возникшимъ конфликтомъ. Сопровождавшій Верховнаго генералъ Плющевскій-Плющикъ (редактировавшій первый докладъ) доложилъ Корнилову краткое содержаніе 2-ой записки (Филоненко), указавъ, что фактическая сторона ея почти цѣликомъ взята изъ первой, но выводы поражаютъ прямой противоположностью.

— Генералъ Корниловъ не возразилъ ничего, — разсказывалъ Плющевскій-Плющикъ — молчалъ и Савинковъ. Но за то Филоненко вертѣлся мелкимъ бѣсомъ и старался убѣдить меня, что это только *первый шагъ* и что мы его дѣлаемъ въ ногу. Я рѣзко отвѣтилъ, что если первый шагъ мы и дѣлаемъ въ ногу, т. е. признаемъ недопустимымъ развалъ фронта, то уже со второго идемъ въ перебой.

Корниловъ былъ поставленъ въ трудное положеніе: подписать записку и тѣмъ признать своими нѣкоторые еретическіе взгляды той части ея, которая касалась реорганизаціи арміи, или отклонить — слѣдовательно порвать съ Савинковымъ, дать моральную поддержку Керенскому въ ихъ конфликтѣ и допустить отставку Савинкова.

Рѣшеніе нужно было принять немедленно, и Корниловъ принялъ первое рѣшеніе.

Керенскій, подъ предлогомъ, что онъ не ожидалъ пріѣзда Верховнаго, не знакомъ съ запиской (2-ой) и не можетъ допустить до-

---

*) Савинковъ „Къ дѣлу Корнилова“.

кладъ Временному правительству о военныхъ мѣропріятіяхъ, не изучивъ его основательно, ограничилъ обсужденіе доклада рамками тріумвирата.

Странный характеръ имѣло это засѣданіе: составитель 2-ой записки не былъ на него допущенъ; *представлялъ* Корниловъ, не имѣвшій нравственнаго основанія защищать положенія большой ея части; *читалъ* ее Плющевскій-Плющикъ, съ глубокимъ возмущеніемъ относившійся къ ея содержанію; *слушалъ* тріумвиратъ, относившійся отрицательно къ запискѣ, предубѣжденно къ ея авторамъ и сводившій весь вопросъ къ личной политической борьбѣ.

На засѣданіи было установлено, что первый, корниловскій проэктъ болѣе пріемлемъ, что «правительство соглашается на предложенныя мѣры, вопросъ же о ихъ осуществленіи является вопросомъ *темпа* правительственныхъ мѣропріятій; что-же касается... милитаризаціи желѣзныхъ дорогъ и заводовъ и фабрикъ, работающихъ на оборону, то до обсужденія этого вопроса, въ виду его сложности и слишкомъ рѣзкой постановки въ докладѣ, онъ подвергнется предварительному обсужденію въ подлежащихъ спеціальныхъ вѣдомствахъ». *) Съ послѣднимъ условіемъ Корниловъ согласился. Оставилъ первую записку и уѣхалъ на вокзалъ, увезя съ собою вторую. Но тамъ на перронѣ его ждали уже Савинковъ и Филоненко и послѣ разговора съ ними, Корниловъ отправилъ Временному правительству съ вокзала вторую записку... Характерная мелочь: у Филоненки предусмотрительно нашелся для этой цѣли и соотвѣтствующій конвертъ...

Политическая арена оказалась много сложнѣе и много грязнѣе, чѣмъ поле битвы. Славнаго боевого генерала запутывали въ ней.

Члены Временного правительства узнали о пріѣздѣ Верховнаго только 10-го изъ газетъ, и на вопросъ Ф. Кокошкина, министръ-предсѣдатель обѣщалъ, что докладъ состоится вечеромъ. Но день прошелъ и 11-го также изъ газетъ они узнали о предстоящемъ оставленіи своего поста Савинковымъ, ввиду разногласій съ военнымъ министромъ и невозможности провести извѣстныя военныя реформы, а также съ большимъ изумленіемъ прочли, что Корниловъ ночью отбылъ въ Ставку.

Въ этотъ же день Кокошкинъ предъявилъ министру-предсѣдателю ультимативное требованіе, чтобы правительство немедленно было ознакомленно съ запиской Корнилова, угрожая въ противномъ случаѣ выходомъ въ отставку всей кадетской группы (Кокошкинъ, Юреневъ, Карташевъ, Ольденбургъ). Вечеромъ состоялось засѣданіе, въ которомъ Керенскій прочелъ *первую* записку Корнилова и далъ по ней весьма уклончивыя объясненія. Распространеніе на тылъ военно-революціонныхъ судовъ и смертной казни «подчеркивалось, какъ существенное разногласіе, хотя тутъ-же Керенскій указывалъ, что онъ не возражаетъ по существу, но что правительство введетъ эти суды и

---

*) Показанія Корнилова слѣдственной комиссіи.

смертную казнь тогда, когда само сочтетъ это нужнымъ». Въ общемъ весь вопросъ былъ отложенъ до окончанія Московскаго государственнаго совѣщанія, причемъ Керенскій далъ обѣщаніе сказать въ своей рѣчи о необходимости предложенныхъ Корниловымъ мѣръ для оздоровленія арміи и тыла. Въ части, касающейся реорганизаціи арміи, онъ не исполнилъ обѣщанія вовсе. По вопросу же объ оздоровленіи тыла Керенскій произнесъ фразы, которыя скорѣе звучали вызовомъ какимъ то невѣдомымъ врагамъ, чѣмъ свидѣтельствовали о принятомъ твердомъ рѣшеніи: «...но пусть знаетъ каждый, что эта мѣра (смертная казнь) — великое искушеніе, что эта мѣра — великое испытаніе. И пусть никто не осмѣливается на этомъ пунктѣ ставить намъ какія-либо безусловныя требованія. Мы этого не допустимъ. Мы говоримъ только: если стихійное разрушеніе, развалъ, малодушіе и трусость, предательское убійство, нападеніе на мирныхъ жителей, сожженіе строеній, грабежи — если это будетъ продолжаться, не смотря на наши предупрежденія, то хватитъ силъ у Временного правительства бороться такъ, какъ то окажется нужнымъ».

Керенскій на Московскомъ совѣщаніи пытался лишить Верховнаго главнокомандующаго слова. Когда офицеръ, посланный къ министру почтъ и телеграфа Никитину, вѣдавшему распорядкомъ Совѣщанія, просилъ указать время для выступленія Верховнаго главнокомандующаго россійскихъ армій, Никитинъ позволилъ себѣ даже глумиться:

— А отъ какой организаціи будетъ говорить генералъ Корниловъ?

Корниловъ настоялъ, однако, на своемъ требованіи. Ограниченный въ свободѣ выбора темъ для своей рѣчи, онъ, какъ извѣстно, сказалъ кратко, въ широкомъ обобщеніи и не касаясь тѣхъ вопросовъ, которые казались Керенскому слишкомъ острыми.

17 августа по различнымъ соображеніямъ, и въ томъ числѣ по настойчивому представленію Корнилова, министръ-предсѣдатель отклоняетъ отставку Савинкова и соглашается на образованіе междувѣдомственной комиссіи для разработки проэкта о военно-революціонныхъ судахъ и смертной казни въ тылу.

20 августа Керенскій, по докладу Савинкова, соглашается на «объявленіе Петрограда и его окрестностей на военномъ положеніи и на прибытіе въ Петроградъ военнаго корпуса для реальнаго осуществленія этого положенія, т. е. для борьбы съ большевиками».*)

Кокошкинъ подтверждаетъ, что постановленіе о военномъ положеніи въ Петроградѣ дѣйствительно было принято правительствомъ, но не приводилось въ осуществленіе. Какъ видно изъ протокола о пребываніи въ Ставкѣ управляющаго военнымъ Министерствомъ Савинкова, день объявленія военнаго положенія пріурочивался къ подходу къ столицѣ коннаго корпуса, причемъ всѣ собесѣдники — какъ

*) Савинковъ. „Къ дѣлу Корнилова“.

чины Ставки, такъ и Савинковъ, и полковникъ Барановскій (начальникъ военнаго кабинета Керенскаго) пришли къ заключенію, что «если на почвѣ предстоящихъ событій кромѣ выступленія большевиковъ выступятъ и члены Совѣта, то придется дѣйствовать и противъ нихъ»; причемъ «дѣйствія должны быть самыя рѣшительныя и безпощадныя»...

Съ какой бы стороны ни подходить къ повороту, свершившемуся въ міровоззрѣніи Керенскаго 17 августа, онъ знаменовалъ собою полный разрывъ съ революціонной демократіей. Тѣмъ болѣе, что 18-го послѣ небывало бурнаго пленарнаго засѣданія Петроградскаго совѣта была вынесена подавляющимъ большинствомъ голосовъ резолюція о полной отмѣнѣ смертной казни; при этомъ резолюція эта была предложена... фракціей с.-ровъ., т. е. партіей, къ которой принадлежалъ Керенскій.

Было ясно, что введеніе новыхъ законовъ вызоветъ взрывъ среди совѣтовъ. Какъ оцѣнивалъ положеніе Керенскій, можно видѣть изъ діалога между нимъ и В. Львовымъ, сообщеннаго послѣднимъ.

— Негодованіе (противъ Совѣта) перельется черезъ край и выразится въ рѣзнѣ.

— Вотъ и отлично! — воскликнулъ Керенскій, вскочивъ и потирая руки. — Мы скажемъ тогда, что не могли сдержать общественнаго негодованія, умоемъ руки и снимемъ съ себя отвѣтственность...*)

Обнаруженіе обстоятельствъ этого «грѣхопаденія» Керенскаго произвело впослѣдствіи большое впечатлѣніе на совѣтскіе круги, а членъ слѣдственной комиссіи Либеръ, **) ознакомившись съ ними во время допроса Корнилова въ Быховѣ, схвативъ себя руками за голову, патетически воскликнулъ:

— Боже мой, вѣдь это чистая провокація!..

Законопроэктъ былъ готовъ 20-го, но министръ-предсѣдатель раздумалъ и упорно отказывался подписать его. Такъ прошло время до 26-го, когда Керенскій, послѣ интимнаго разговора съ Савинковымъ, разговора, въ которомъ повидимому звучала скрытая угроза, согласился представить законопроэктъ въ тотъ-же день на обсужденіе Временнаго правительства.

Такое постоянное рѣзкое расхожденіе военнаго министра (Керенскаго) съ управляющимъ его вѣдомствомъ (Савинковымъ) — лицомъ имъ избраннымъ и ему подчиненнымъ представляется на первый взглядъ малопонятнымъ. Какія цѣпи связывали ихъ? Почему Керенскій, съ такой изумительной легкостью свергавшій Верховныхъ, не могъ разстаться съ управляющимъ министерствомъ? Только потому, что Савинковъ даже тогда, когда рѣшительно ни на какіе политическіе круги не опирался, импонировалъ ему своимъ террористическимъ прошлымъ. Керенскій ненавидѣлъ Савинкова и боялся

---

*) „Послѣднія новости“ 1920 года. № 190. Статья Львова.

**) С.-д. меньшевикъ, видный членъ центральнаго комитета.

его. Лучше было имѣть Савинкова своимъ строптивымъ подчиненнымъ, чѣмъ явнымъ врагомъ, отброшеннымъ окончательно въ тотъ лагерь, который укрѣплялся возлѣ Ставки и начиналъ все больше и больше волновать Керенскаго. И не случайность, что Керенскій такъ легко разстался съ Савинковымъ 31 августа, въ тотъ именно день, когда генералъ Алексѣевъ ѣхалъ въ Ставку для окончательной ликвидации закончившагося уже выступленія Верховнаго главнокомандующаго. Заступничество Савинкова за арестованнаго Филоненко, игравшаго двойную игру, было только предлогомъ.

Савинковъ остался среди зіяющей пустоты. «Неумолимый врагъ диктатуры» дѣлалъ затѣмъ попытки сближенія съ казачьими руководящими кругами, находившимися всецѣло на сторонѣ Корнилова, и примиренія съ самимъ Корниловымъ. Современное политическое положеніе страны и взаимоотношеніе силъ не давали выбора: противъ совѣтовъ можно было бороться тогда только совмѣстно съ Корниловымъ.

Что касается членовъ правительства, то участіе ихъ въ этомъ дѣлѣ какъ нельзя лучше опредѣляется разговоромъ, имѣвшимъ мѣсто въ двадцатыхъ числахъ августа между Керенскимъ и Юреневымъ: *)

— Когда правительство будетъ обсуждать законопроэкты, касающіеся реорганизации арміи?

— Когда они будутъ готовы.

— А кто-же ихъ изготовляетъ?

— Военный министръ.

— То есть — вы. Слѣдовательно вы можете сообщить, въ какомъ положеніи дѣло...

— Я вамъ сказалъ, что правительство будетъ обсуждать законопроэкты, когда они будутъ готовы.

— Но я слышалъ, что у Савинкова готовъ уже какой-то законопроэктъ?

— Когда законопроэкты будутъ готовы, они будутъ внесены на обсужденіе Временнаго правительства.

Этотъ діалогъ лучше чѣмъ самая пространная характеристика дѣятельности правительства даетъ понятіе о внутреннемъ кризисѣ его — назрѣвшемъ и даже перезрѣвшемъ, въ силу котораго либеральная группа обращалась въ простыхъ статистовъ, призванныхъ своимъ присутствіемъ демонстрировать коалицію и прикрывать пустое мѣсто, образовавшееся въ ея правомъ секторѣ. Если представители либеральной демократіи, входившіе въ составъ третьяго правительства, тѣмъ не менѣе, шли на такую неприглядную роль, то это можно объяснить только огромнымъ самопожертвованіемъ, путемъ котораго они долго и тщетно пытались склеить разбитую вдребезги храмину національнаго единства.

---

*) Докладъ Ф. Кокошкина.

Такимъ образомъ, не находя или по крайней мѣрѣ не высказывая возраженій по существу по вопросу объ измѣненіи правительственнаго курса въ сторону рѣшительной борьбы съ анархіей, Керенскій колебался, хитрилъ, то соглашался, то отказывался, старался выиграть время и все откладывалъ рѣшеніе сакраментальнаго вопроса, проведеніе котораго, по его мнѣнію, должно было оторвать массы влѣво и смести правительство, «сдерживающее звѣря»... Образовался заколдованный кругъ, изъ котораго не видно было выхода, ибо мѣрами правительственной кротости сдержать анархію, охватившую страну, было невозможно. Но если образъ «звѣря» рисовался еще только въ воображеніи, то передъ Керенскимъ тутъ-же рядомъ стояла реальная угроза въ лицѣ Совѣта, недвусмысленно говорившаго уже объ «измѣнѣ революціи».

Политическая и соціальная борьба, раздиравшая русское государство, вступила въ новый фазисъ, сохраняя однако прежнее соотношеніе и противоположеніе силъ. Ибо если Керенскій, демонстрируя независимость верховной власти, влачилъ за собою тяжелую цѣпь, приковывавшую его къ совѣтамъ, то за Корниловымъ, не взирая на отсутствіе въ немъ интереса къ чисто политическимъ вопросамъ и классовой борьбѣ — стояли буржуазія, либеральная демократія и то безличное студенистое человѣческое море русской обывательщины, по которой больно ударили и громы самодержавія и молніи революціи и которая хотѣла только покоя. Стояли — одни явно, другіе тайно, третьи полусознательно.

Центральный комитетъ совѣтовъ формулировалъ положеніе такъ: «значительные слои буржуазіи, не желающіе нести требуемыхъ революціей жертвъ, въ союзѣ съ контръ-революціонными элементами пользуются испытанными страной затрудненіями, чтобы начать открытый натискъ на полномочные органы революціонной демократіи и вести подкопъ подъ созданное революціей Временное правительство»... *)

Совѣщаніе общественныхъ дѣятелей не возражало: «...Правительство должно немедленно и рѣшительно порвать со служеніемъ утопіямъ, которыя оказали гибельное вліяніе на его дѣятельность»... Правительство должно «рѣшительно порвать со всѣми слѣдами зависимости отъ какихъ бы то ни было комитетовъ, совѣтовъ и другихъ подобныхъ организацій»...**)

А безликій обыватель въ безчисленныхъ обращеніяхъ къ тому, кого онъ считалъ призваннымъ водворить порядокъ, просилъ только поторопиться, такъ какъ «жить становится невмоготу»... «Разъ Вы — избранникъ Божій, то Вамъ и надлежитъ принять на себя роль избавителя и спасителя... Не бойтесь — время, мудрость и опытъ научатъ Васъ всему»... ***)

*) Постановленіе 4 августа.
**) Постановленіе 10 августа.
***) Изъ типичнаго письма.

Генералъ Корниловъ въ Москвѣ.

Стр. 21.

„Конференція“ Георгіевскихъ кавалеровъ
(✕ ген. Корниловъ).

Стр. 27.

ГЛАВА III.

Корниловское движеніе: тайныя организаціи, офицерство, русская общественность.

Исторія противоправительственнаго и противосовѣтскаго движенія въ серединѣ 1917 года скрыта еще подъ покровомъ тайны и вызываетъ иногда самыя неправдоподобныя представленія въ широкихъ кругахъ русскаго общества. Подымемъ нѣсколько этотъ покровъ, чтобы освѣтить сущность одного изъ наиболѣе серьезныхъ моментовъ русской революціи.

Послѣ неудачи іюньскаго наступленія офицерскій корпусъ перешелъ въ прямую оппозицію къ правительству. Но сколько нибудь широкихъ размѣровъ дѣйственное проявленіе оппозиціи не приняло. Причины — нравственная подавленность офицерства, укоренившаяся интуитивно въ офицерской средѣ внутренняя дисциплина и отсутствіе склонности и способности къ конспиративной дѣятельности. Работа въ этомъ направленіи, какъ увидимъ ниже, нѣкоторыми организаціями велась, но къ какимъ либо серьезнымъ результатамъ не приводила. Врядъ ли вначалѣ эти необъединенныя организаціи имѣли опредѣленные лозунги и ясныя цѣли предстоящей имъ дѣятельности. Скорѣе всего работа ихъ имѣла характеръ подготовки на всякій случай: будь то большевистское выступленіе, паденіе власти, крушеніе фронта, поддержка диктатуры или, наконецъ, для нѣкоторыхъ членовъ организацій — возстановленіе самодержавія. Къ тому-же въ первое время ни имя претендента на престолъ, ни имя диктатора произнесены не были. Одинъ только общій лозунгъ выяснялся совершенно твердо и опредѣленно — борьба съ совѣтами.

Есть основаніе предполагать, что возникшая по инициативѣ генерала Крымова на Юго-западномъ фронтѣ офицерская организація, охватившая главнымъ образомъ части 3 коннаго корпуса и Кіевскій гарнизонъ (полки гвардейской кавалеріи, училища, техническія школы и т. д.), имѣла первоначальной цѣлью созданіе изъ Кіева центра будущей военной борьбы. Генералъ Крымовъ считалъ фронтъ конченнымъ, и полное разложеніе арміи — вопросомъ даже не мѣсяцевъ, а недѣль. Планъ его повидимому заключался въ томъ, чтобы, въ случаѣ паденія фронта, итти со своимъ корпусомъ форсированными маршами къ Кіеву, занять этотъ городъ и, утвердившись въ немъ, «кликнуть кличъ». Все лучшее, все, не утратившее еще чувства патріотизма, должно было отозваться, и прежде всего офицерство, которое, такимъ образомъ, могло избѣгнуть опасности быть раздавленнымъ солдатской волной. Въ дальнѣйшемъ возможно было

продолженіе европейской войны хотя и не сплошнымъ фронтомъ, но сильными отборными частями, которыя, и отступая вглубь страны, отвлекали бы на себя большія силы австро-германцевъ.

— Что касается формъ верховной власти, — говорилъ Крымовъ одному изъ своихъ сотрудниковъ, — это вопросъ будущаго; но лично я никакой нѣжности къ династіи не питаю.

3-й конный корпусъ входилъ въ составъ Юго-западнаго фронта. При томъ составѣ чиновъ высшей военной іерархіи, который имѣлъ мѣсто до іюля,*) такой совершенно обособленный планъ дѣйствій, съ расчетомъ только на себя и на свои силы, былъ единственно возможнымъ. Послѣ 8-го іюля, т. е. съ назначеніемъ главнокомандующимъ Юго-западнаго фронта генерала Корнилова, узкія рамки всего предпріятія имѣли шансы раздвинуться до фронтового масштаба.

Менѣе опредѣленными были повидимому задачи различныхъ, вначалѣ не объединенныхъ петроградскихъ организацій. Безъ серьезныхъ средствъ и безъ руководителей, сколько-нибудь выдающихся по рѣшимости и таланту, онѣ представляли изъ себя скорѣе кружки фрондирующихъ молодыхъ людей, играющихъ въ заговоръ. Эти кружки, въ которые вовлекались и военныя училища, были непримиримо настроены къ Совѣту, враждебно къ правительству и могли быть дѣйствительно опасны для нихъ въ случаѣ благопріятно сложившейся обстановки или при лучшей организаціи и руководствѣ. Врядъ ли будетъ ошибкой считать, что большое число участниковъ петроградскихъ организацій принадлежало къ правымъ кругамъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что цѣлью ихъ была реставрація. Они удовлетворялись сверженіемъ совѣтовъ и установленіемъ «сильной власти», не влагая въ это понятіе слишкомъ конкретной сущности. Идея немедленнаго возстановленія монархическаго строя и имъ казалась нецѣлесообразной для текущаго этапа революціи; кромѣ того, здѣсь примѣшивалось одно обстоятельство, про которое впослѣдствіи глава организаціи «Русской государственной карты», В. Пуришкевичъ,**) правда на судѣ большевистскаго трибунала, но не безъ извѣстной искренности говорилъ: «Но какъ могъ я покушаться на возстановленіе монархическаго строя — который, я глубоко вѣрю, будетъ возстановленъ — если у меня нѣтъ даже того лица, которое должно бы, по моему, быть монархомъ. Назовите это лицо. Николай II? Больной Царевичъ Алексѣй? Женщина, которую я ненавижу больше всѣхъ людей въ мірѣ? Весь трагизмъ моего положенія, какъ идеолога-монархиста, въ томъ и состоитъ, что я не вижу лица, которое поведетъ Россію къ тихой пристани».

Внутри организацій съ самого начала создавалась нездоровая атмосфера. Несерьезная фронда, выносившаяся нѣкоторыми на улицу и въ залы кіевскихъ и петроградскихъ ресторановъ... Повидимому свои

*) Главнокомандующимъ Юго-западнымъ фронтомъ былъ тогда генералъ Брусиловъ; позднѣе, съ 22 мая — Верх. главнок. былъ генералъ Брусиловъ, а главнок. арміями фронта — генералъ Гуторъ.

**) Къ выступленію Корнилова не причастенъ.

Азефы... Такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе производятъ нѣкоторые эпизоды конца августа. Наконецъ, просто предатели. Одинъ изъ нихъ, скрытый въ книгѣ Керенскаго подъ иниціалами «капитанъ В-инъ», раскрылъ ему всѣ данныя о важнѣйшей петроградской организаціи...

Въ концѣ іюня въ Петроградѣ, въ числѣ многихъ другихъ, образовалась политическая группа, подъ названіемъ «Республиканскій центръ». Составъ ея былъ немногочисленнымъ и чрезвычайно пестрымъ; политическая программа весьма растяжима, и даже само наименованіе группы не выражало точно существа политическихъ взглядовъ ея членовъ, такъ какъ по словамъ руководителя группы «въ республиканскомъ центрѣ разговоровъ о будущей структурѣ Россіи не поднималось; казалось естественнымъ, что Россія должна быть республиканской, отсюда и пошло названіе «Респуб. центръ». При пріемѣ въ организацію «никого не спрашивали, во что вѣруешь; достаточно было заявленія о желаніи борьбы съ большевизмомъ и о сохраненіи арміи». Первоначально руководители Республиканскаго центра ставили себѣ цѣлью «помощь Временному правительству, создавъ для него общественную поддержку путемъ печати, собраній и проч.»; потомъ, убѣдившись въ полномъ безсиліи правительства, приступили къ борьбѣ съ нимъ, участвуя въ подготовкѣ переворота. Интеллектуальныя силы и вліяніе группы были не велики, но она имѣла одно большое преимущество передъ всѣми другими — обладала нѣкоторыми денежными средствами. Ихъ давала крупная денежная буржуазія — «небольшая по числу, — какъ опредѣляетъ одинъ изъ организаторовъ «центра», — но очень вліятельная, довольно замкнутая и крайне эгоистичная въ своихъ дѣйствіяхъ и аппетитахъ»; буржуазія эта «подняла тревогу (въ іюльскіе дни), когда обнаружилась слабость Временнаго правительства, и предложила (Респ. Центру) первую денежную помощь, чтобы уберечь Россію... отъ очевидной тогда для нихъ надвигавшейся опасности большевизма». Лично представители этой банковской и торгово-промышленной знати стояли внѣ организаціи, опасаясь скомпрометировать себя въ случаѣ неудачи.

Отсутствіе партійной нетерпимости, дѣловая программа и въ особенности извѣстныя средства дали возможность «Респ. Центру» объединить много мелкихъ, главнымъ образомъ военныхъ петроградскихъ организацій.*) Онѣ вошли въ составъ военной секціи «Респ.

*) Одно изъ коллективныхъ обращеній къ генералу Корнилову (31 іюл) исходило отъ 10 организацій:

1. Военная лига.
2. Союзъ георгіевскихъ кавалеровъ.
3. Союзъ воинскаго долга.
4. Союзъ Честь Родины.
5. Союзъ добровольцевъ народной обороны.
6. Добровольческая дивизія.
7. Батальонъ свободы.
8. Союзъ спасенія Родины.
9. Общество 1914 года.
10. Республиканскій центръ.

Кромѣ того существовали организаціи полковыя, раіонныя и т. д.

Центра» въ лицѣ своихъ представителей, причемъ далеко не всѣ члены ихъ знали, кто ихъ возглавляетъ. Такимъ путемъ, къ концу августа активныхъ участниковъ военной секціи числилось до 4 тысячъ человѣкъ. Сколько ихъ было въ дѣйствительности, вѣроятно никто не зналъ. Внутренняя организація этихъ отдѣловъ оставалась по прежнему чрезвычайно слабой. Тѣмъ не менѣе, значеніе ихъ сильно переоцѣнивалось какъ самими участниками, такъ и тѣми, кто предполагалъ воспользоваться ихъ силами.

Наконецъ, организующую работу велъ Главный комитетъ офицерскаго союза. Съ первыхъ-же дней существованія комитета въ составѣ его образовался тайный активный коллективъ, къ которому впослѣдствіи примкнулъ весь составъ комитета. Не задаваясь никакими политическими программами, комитетъ этотъ поставилъ себѣ цѣлью подготовить въ арміи почву и силу для введенія диктатуры — единственнаго средства, которое, по мнѣнію офицерства, могло еще спасти страну. Завязывались оживленныя сношенія съ совѣтомъ Союза казачьихъ войскъ, военными организаціями и политическими партіями. Хотя комитетъ отражалъ въ полной мѣрѣ настроеніе фронтового офицерства, организація послѣдняго подвигалась крайне слабо. Кромѣ неприспособленности къ «заговорщической» работѣ и офицерской среды, и самого комитета, на ходѣ ея отразились неблагопріятно быстрый темпъ, которымъ развивались событія, и рядъ внѣшнихъ препятствій. Керенскій, встрѣчая гласное и рѣзкое осужденіе своей военной политики въ резолюціяхъ комитета, относился къ нему враждебно и установилъ за нимъ надзоръ; Брусиловъ, тогда Верховный главнокомандующій, смотрѣлъ на дѣятельность комитета также съ большимъ неодобреніемъ. Пригласивъ однажды къ себѣ всѣхъ членовъ комитета, Брусиловъ обратился къ нимъ съ рѣзкими упреками за то, что комитетъ «своими выступленіями мѣшаетъ дѣлу спасенія арміи, что нельзя переть напроломъ, когда правительство и Керенскій стали на вѣрный (?) путь». Онъ говорилъ такъ, но видимо чувствовалъ всю неприглядность своей позиціи. И когда одинъ изъ членовъ комитета заявилъ: «разъ мы приносимъ вредъ, то насъ слѣдуетъ попросту разогнать», — Брусиловъ со слезами на глазахъ сталъ жаловаться, что офицерство больше не идетъ за нимъ и что ни ему, ни Керенскому не вѣрятъ...

Наконецъ, самое серьезное мѣропріятіе, задуманное комитетомъ — формированіе добровольческихъ ударныхъ батальоновъ въ дивизіяхъ и на желѣзнодорожныхъ узлахъ — было вырвано изъ его рукъ: Брусиловъ утвердилъ своимъ приказомъ проэктъ «товарища Манакина*) о формированіи ударныхъ частей, при участіи... совѣтовъ... Такимъ образомъ, когда настало время дѣйствовать, комитетъ имѣлъ въ своемъ моральномъ активѣ широкое сочувствіе всего офицерства, а въ реальномъ — только добрую волю своихъ членовъ.

* * *

**) Подполковникъ генеральнаго штаба.

Страна искала *имя*.

Первоначально неясныя надежды, не облеченныя еще ни въ какія конкретныя формы, какъ среди офицерства, такъ и среди либеральной демократіи, въ частности к. д. партіи, соединялись съ именемъ генерала Алексѣева. Это былъ еще періодъ упованій на возможность законопреемственнаго обновленія власти. Ибо трудно себѣ представить лицо, менѣе подходящее по характеру, чѣмъ ген. Алексѣевъ, для выполненія насильственнаго переворота.

Позднѣе, можетъ быть и одновременно, многими организаціями дѣлались опредѣленныя предложенія адмиралу Колчаку во время пребыванія его въ Петроградѣ. Въ частности «Республиканскій центръ» находился въ то время въ сношеніяхъ съ адмираломъ, который принципіально не отказывался отъ возможности стать во главѣ движенія. По словамъ Новосильцева, которому объ этомъ говорилъ лично адмиралъ, довѣрительные разговоры на эту тему велъ съ нимъ и лидеръ к. д. партіи. Вскорѣ, однако, адмиралъ Колчакъ по невыясненнымъ причинамъ покинулъ Петроградъ, уѣхалъ въ Америку и временно устранился отъ политической дѣятельности.

Но когда генералъ Корниловъ былъ назначенъ Верховнымъ главнокомандующимъ, всѣ исканія прекратились. Страна — одни съ надеждой, другіе съ враждебной подозрительностью — назвала имя диктатора.

Въ дни Московскаго совѣщанія въ вагонѣ Верховнаго произошелъ знаменательный разговоръ между нимъ и генераломъ Алексѣевымъ:

— Михаилъ Васильевичъ, придется опираться на Офицерскій союзъ — дѣло вашихъ рукъ. Становитесь вы во главѣ, если думаете, что такъ будетъ лучше.

— Нѣтъ, Лавръ Георгіевичъ. Вамъ, будучи Верховнымъ, это сдѣлать легче.

Началось паломничество въ губернаторскій домъ въ Могилевѣ. Пришли въ числѣ другихъ представители Офицерскаго союза, во главѣ съ Новосильцевымъ и принесли Корнилову свое желаніе работать для спасенія арміи. Появились делегаты казачьяго Совѣта и Союза георгіевскихъ кавалеровъ. Пріѣхалъ изъ Петрограда представитель «Республиканскаго центра», обѣщалъ поддержку вліятельныхъ круговъ, стоящихъ за группой, и предоставилъ въ распоряженіе Корнилова военныя силы петроградскихъ организацій. Прислалъ гонца въ комитетъ Офицерскаго союза и генералъ Крымовъ съ запросомъ «будетъ ли что-нибудь», и въ зависимости отъ этого — принимать ли ему 11 армію, предложенную мною, или оставаться во главѣ 3-го корпуса, который по его словамъ «пойдетъ куда угодно»... Ему отвѣтили просьбой оставаться во главѣ корпуса.

*
* *

Таковы были *реальныя средства* въ рукахъ тѣхъ, кто хотѣлъ перестроить тонувшую въ дебряхъ внутреннихъ противорѣчій верховную власть, чтобы спасти страну отъ большевизма.

Но въ предѣлахъ этихъ ничтожныхъ техническихъ средствъ всякая активная и тѣмъ болѣе насильственная борьба была заранѣе обречена на неуспѣхъ, если она не имѣла широкаго общественнаго обоснованія. На кого-же опирался генералъ Корниловъ?

Теперь, когда идетъ безудержная переоцѣнка цѣнностей, когда «тактическія соображенія» и «интересы цѣлесообразности» окончательно вытѣснили изъ политическаго обихода «старые предразсудки моральнаго свойства» — у многихъ измѣнился взглядъ на своевременность и необходимость корниловскаго выступленія. При этомъ упускается изъ виду одно обстоятельство — *неизбѣжность этого явленія,* какъ естественнаго и непредотвратимаго рефлекса борющагося со смертью государственнаго организма, напрягающаго послѣднія силы національнаго, моральнаго и правового самосознанія; неизбѣжность, въ силу которой отпадаютъ обѣ предпосылки, и вопросъ сводится, слѣдовательно, лишь къ оцѣнкѣ тѣхъ формъ и тѣхъ способовъ, которыми могъ быть наилучшимъ образомъ разрубленъ мертвый узелъ, завязанный вокругъ власти. Во всякомъ случаѣ, *тогда* Корниловъ могъ имѣть полную увѣренность, что онъ опирается на широкія общественныя силы, включающія въ свой составъ, какъ я уже упоминалъ, либеральную демократію и буржуазію, весь офицерскій корпусъ, командный составъ и даже членовъ Временнаго правительства.

Многочисленныя офиціальныя обращенія къ Корнилову не оставляли сомнѣнія въ своемъ положительномъ значеніи.

Когда на Московскомъ совѣщаніи вся правая половина русской общественности съ высокимъ подъемомъ привѣтствовала Верховнаго главнокомнадующаго, она безъ сомнѣнія видѣла въ немъ орудіе судьбы и своего избранника.

Когда совѣщаніе общественныхъ дѣятелей въ постановленіи своемъ отъ 10 августа говорило о томъ, что правительство ведетъ страну къ гибели, что должна быть возстановлена власть командныго состава, что необходимо рѣшительно порвать съ совѣтами — оно повторяло «корниловскую программу». Въ воззваніи прозвучалъ даже призывъ «изъ сердца Россіи... къ низиннымъ людямъ» — подобно тому, какъ 300 лѣтъ назадъ ихъ предки пришли къ Москвѣ спасать Родину — и теперь «не выдавать своихъ героевъ и вернуть Россіи возможность стать счастливой и великой*)»...

Наконецъ, совсѣмъ ужъ недвухсмысленна была телеграмма, посланная Корнилову 9 августа за подписью Родзянко: «Совѣщаніе общественныхъ дѣятелей привѣтствуетъ Васъ, Верховнаго вождя

---

*) „Керенскій по поводу этого воззванія возмущенно говорилъ Кокошкину, что Милюковъ вновь организуетъ прогрессивный блокъ противъ Временнаго правительства, какъ противъ Николая II".

Русской арміи. Совѣщаніе заявляетъ, что всякія покушенія на подрывъ Вашего авторитета въ арміи и Россіи считаетъ преступными и присоединяетъ свой голосъ къ голосу офицеровъ, георгіевскихъ кавалеровъ и казаковъ.*) Въ грозный часъ тяжелаго испытанія вся мыслящая Россія смотритъ на васъ съ надеждой и вѣрой. Да поможетъ Вамъ Богъ въ вашемъ великомъ подвигѣ на возсозданіе могучей арміи и спасеніе Россіи».

Въ Москвѣ, въ день пріѣзда на государственное совѣщаніе Корниловъ былъ встрѣченъ оваціями. Офицеры понесли его на рукахъ къ автомобилю. Родичевъ на вокзалѣ въ своемъ горячемъ обращеніи къ Корнилову говорилъ:

— Вы теперь символъ нашего единства. На вѣрѣ въ васъ мы сходимся всѣ, вся Москва. И вѣримъ, что во главѣ обновленной русской арміи вы поведете Русь къ торжеству надъ врагомъ и что кличъ — да здраствуетъ генералъ Корниловъ! — теперь кличъ надежды — сдѣлается возгласомъ народнаго торжества.

И закончилъ:

— Спасите Россію, и благодарный народъ увѣнчаетъ васъ...

Морозова упала передъ нимъ на колѣни...

Не удивительно, что люди чувствовали иногда нѣкоторыя угрызенія совѣсти. В. Маклаковъ говорилъ Новосильцеву:

— Передайте генералу Корнилову, что вѣдь мы его провоцируемъ, а особенно М-ъ. Вѣдь Корнилова никто не поддержитъ, всѣ спрячутся...

Таковы были внѣшнія, офиціальныя отношенія общественныхъ круговъ къ Верховному главнокомандующему. Нѣсколько иначе обстояло дѣло въ конспиративной области дѣловыхъ сношеній. 8 или 9 августа въ Москву къ находившемуся тамъ Новосильцеву пріѣхалъ изъ Ставки капитанъ Роженко и попросилъ его собрать общественныхъ дѣятелей, чтобы поставить ихъ въ извѣстность относительно назрѣвавшихъ событій.**) На квартирѣ виднаго кадетскаго лидера состоялось собраніе вліятельныхъ членовъ Думы и политическихъ дѣятелей. Роженко доложилъ объ общемъ положеніи арміи, о треніяхъ между генераломъ Корниловымъ и Керенскимъ, о возможности смѣщенія Корнилова съ поста Верховнаго, чему онъ рѣшилъ не подчиниться изъ патріотическихъ побужденій; говорилъ о предстоящемъ возстаніи большевиковъ и о подходѣ къ Петрограду коннаго корпуса, которому предстоитъ ликвидировать большевиковъ, совѣты и, можетъ быть, выступить противъ правительства. Докладъ своею легкостью произвелъ на всѣхъ тягостное впечатлѣніе. Одинъ изъ участниковъ собранія такъ описываетъ этотъ эпизодъ.

---

*) Отъ офицерскаго союза, союза георгіевскихъ кавалеровъ и казачьяго совѣта были посланы правительству рѣзкія телеграммы о несмѣняемости Корнилова.

**) Новосильцевъ до сихъ поръ предполагаетъ, что инициатива командировки Роженко исходила не отъ Корнилова, а отъ „политическаго окруженія“.

— Обсуждать тутъ-же этотъ докладъ увлекающагося офицера не хотѣли. Было ясно, что сочувствуютъ дѣлу всѣ, но никто не вѣритъ въ успѣхъ, да и связывать себя и политическія группы, которыхъ представляли участники собранія, ни у кого не было желанія.

Черезъ нѣсколько дней, однако, взволновавшее всѣхъ сообщеніе обсуждалось вновь въ болѣе широкомъ кругу либеральныхъ и консервативныхъ политическихъ дѣятелей.

«Послѣ долгихъ объясненій — говоритъ одинъ изъ нихъ — П. Н. Милюковъ отъ лица общественныхъ дѣятелей кадетскаго направленія сдѣлалъ заявленіе о томъ, что они сердечно сочувствуютъ намѣреніямъ Ставки остановить разруху и разогнать совдепъ. Но настроеніе общественныхъ массъ таково, что они никакой помощи оказать не могутъ. Массы будутъ противъ нихъ, если они активно выступятъ противъ правительства и совдепа. Поэтому на Милюкова и его единомыщленниковъ расчитывать нельзя. Къ этому заявленію стыдливо присоединились путемъ молчанія и знакомъ молчаливаго согласія остальные общественники».

Не болѣе благопріятной оказалась информація объ отношеніи къ назрѣвавшимъ событіямъ Государственной Думы, какъ учрежденія. Предсѣдатель ея говорилъ о безсиліи Думы въ дѣлѣ борьбы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о возможности гальванизировать ее и привлечь къ организаціи власти въ случаѣ успѣха.

Что касается болѣе широкихъ интеллигентскихъ круговъ, то освѣдомленность ихъ одинъ московскій дѣятель опредѣляетъ такими словами:

«Слухи, не шли дальше того, что Корниловъ что то замышляетъ противъ Совѣтовъ, что около Корнилова собрались какіе-то болѣе чѣмъ странные люди, которые, Богъ вѣсть, какъ попали къ нему. Иногда доходили слухи, что въ Ставку таинственно выѣхалъ такой-то, что скоро предстоитъ болѣе широкое совѣщаніе по поводу дѣйствій громадной важности. Но все было покрыто тайной и молчаніемъ. Это молчаніе понимали и не хотѣли нарушать его».

Таковы объективные факты, показательные для общественнаго настроенія, создававшагося вокругъ корниловскаго движенія. Это настроеніе можно опредѣлить кратко:

Сочувствіе, но не содѣйствіе.

Въ какой мѣрѣ правильно информировали генерала Корнилова о «дѣловыхъ сношеніяхъ» съ отвѣтственными политическими группами, сказать трудно. Весьма показательнымъ, однако, является разговоръ его съ княземъ Г. Трубецкимъ, посѣтившимъ генерала, когда онъ находился уже подъ стражей въ могилевской гостинницѣ.

— Передайте, чтобы ни одинъ кадетъ не входилъ въ составъ правительства — сказалъ Корниловъ.

Человѣку политики и собраній пришлось долго уговаривать человѣка меча и боевого поля, что для предъявленія подобнаго требованія нужно имѣть совершенно конкретныя обязательства со стороны кадетской партіи...

Да и само субъективное воспріятіе сложной политической обстановки людьми, не искушенными въ этихъ вопросахъ, приводило иногда къ разительнымъ противорѣчіямъ. Представители офицерскаго союза еще лѣтомъ устанавливали связь съ нѣкоторыми политическими группами и дѣлились съ ними своими предположеніями. Вотъ какія впечатлѣнія они вынесли. Одинъ — человѣкъ чисто военный — пишетъ: «русскіе общественные круги, въ частности кадеты обѣщали намъ свою полную поддержку. Мы были у Милюкова и Рябушинскаго. И та, и другая группы обѣщали поддержку у союзниковъ, въ правительствѣ, печати и деньгами»... Другой—причастный къ политической дѣятельности — о тѣхъ-же эпизодахъ говоритъ: «московская группа шла намъ навстрѣчу; петроградская насъ избѣгала. У Рябушинскаго отнеслись болѣе внимательно. Но, тѣмъ не менѣе, мы должны были сдѣлать одинъ выводъ: мы — одни».

Но, кромѣ проявленія офиціальныхъ и дѣловыхъ отношеній, сумма впечатлѣній, утверждавшихъ Верховнаго главнокомандующаго въ его намѣреніяхъ, слагалась и другимъ путемъ: множество личныхъ разговоровъ, изъ которыхъ одни извѣстны, другіе станутъ достояніемъ гласности, третьи унесены съ собою въ могилу собесѣдниками, — разговоровъ, веденныхъ съ отвѣтственными представителями общественныхъ и политическихъ группъ или отъ ихъ имени — создавало иллюзію широкаго, если не народнаго, то общественнаго движенія, увлекавшаго Корнилова роковымъ образомъ въ центръ его. Генералъ Алексѣевъ имѣлъ несомнѣнно право писать Милюкову:*) «дѣло Корнилова не было дѣломъ кучки авантюристовъ. Оно опиралось на сочувствіе и помощь (?) широкихъ круговъ нашей интеллигенціи, для которой слишкомъ тяжелы были страданія Родины».

Впрочемъ даже и революціонная демократія въ душѣ должна была ясно сознавать почвенность и истинные мотивы корниловскаго движенія и иногда имѣла смѣлость говорить о нихъ въ печати. Въ меньшевистской «Рабочей газетѣ» Цедербаума (Мартова) 3-го сентября 1917 года мы находимъ слѣдующія мысли: революція вначалѣ была всенародной. Потомъ «одинъ слой буржуазіи за другимъ отходили отъ революціи... начинали съ ней борьбу. Но этотъ отходъ буржуазіи не случился бы такъ быстро и не имѣлъ бы такихъ опасныхъ... послѣдствій, еслибы революціонная демократія проявила больше революціоннаго творчества въ дѣлѣ организаціи обороны страны, установленія въ тылу и въ арміи революціоннаго порядка, разрѣшенія продовольственнаго кризиса, борьбы съ хозяйственной разрухой. Разочарованіе въ революціи и возбужденіе противъ рабочихъ и солдатъ не охватили бы такихъ широкихъ круговъ населенія, еслибы безотвѣтственная агитація не толкала рабочія и солдатскія массы на путь опасныхъ авантюръ».

Революціонная демократія понимала и ждала со страхомъ, либеральная демократія знала и ждала съ надеждой.

---

*) 12 сентября 1917 года.

Впослѣдствіи Корниловъ горько упрекалъ представителей русской общественности за ихъ болѣе чѣмъ пассивную роль въ августовскіе дни. Когда-же однажды положеніе быховскихъ узниковъ, въ виду готовившагося самосуда, стало весьма опаснымъ, Корниловъ, считая себя отвѣтственнымъ за судьбу тѣхъ, которые пошли за нимъ, послалъ нѣкоторымъ виднымъ дѣятелямъ ультимативное требованіе принять немедленно мѣры общественнаго воздѣйствія на правительство.

Въ такомъ деликатномъ вопросѣ рѣдко оставляются документальные слѣды, но и они найдутся съ теченіемъ времени. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію одно: если многіе представители новаго прогрессивнаго блока, какимъ явилось по существу «совѣщаніе общественныхъ дѣятелей», и не были посвящены во времена и сроки, то, во всякомъ случаѣ, сочувствовали идеѣ диктатуры, именно корниловской, одни догадывались, другіе знали о надвигающихся событіяхъ.

ГЛАВА IV.

Идеологія корниловскаго движенія. Подготовка выступленія. „Политическое окруженіе". Трехсторонній „заговоръ".

Корниловское «дѣло», «выступленіе», «заговоръ», «мятежъ» — вотъ въ какихъ терминахъ опредѣлялись трагическія событія конца августа, связанныя съ именемъ Корнилова. Обстановка, однако, по природѣ своей была несравненно сложнѣе и, захватывая широкіе круги русской общественности, не можетъ быть втиснута въ узкія рамки такихъ опредѣленій. Гораздо правильнѣе назвать эти событія — *корниловскимъ движеніемъ,* оставляя за актомъ, имѣвшимъ мѣсто 27—31 августа названіе корниловскаго выступленія.

И такъ, по личному твердому и искреннему убѣжденію и подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія*) Корниловъ видѣлъ въ *диктатурѣ* единственный выходъ изъ положенія, созданнаго духовной и политической прострацiей власти. Формы диктатуры опредѣлялись весьма разнообразно не въ силу личнаго честолюбія или двуличія, въ чемъ тщится обвинить Корнилова Керенскій, а исключительно какъ мучительное исканіе наилучшаго и наиболѣе безболѣзненнаго разрѣшенія кризиса власти. Мы знаемъ, что 19 іюля Корниловъ при назначеніи своемъ на постъ Верховнаго требовалъ отъ правительства признанія за нимъ отвѣтственности «только передъ собственной совѣстью и всѣмъ народомъ», устанавливая какую то оригинальную схему сувереннаго военнаго командованія. 30 или 31 іюля въ разговорѣ со мной онъ упоминалъ о полной мощи Верховнаго главнокомандующаго, но нѣсколько расширенной правами по умиротворенію взбаламученной народной стихіи. Позднѣе въ бесѣдахъ съ цѣлымъ рядомъ лицъ, такъ или иначе причастныхъ къ движенію, выдвигаются самыя разнообразныя формы «сильной власти», какъ то пересозданіе на національныхъ началахъ кабинета Керенскаго, перемѣна главы правительства, введеніе Верховнаго главнокомандующаго въ составъ правительства, совмѣщеніе званій министра предсѣдателя и Верховнаго, директорія и, наконецъ, единоличная диктатура.

Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ Корниловъ, и въ особенности ближайшее его окруженіе склонялись къ этой послѣдней формѣ правленія. Но лично Корниловъ въ своемъ сознаніи не ставилъ диктатуру самоцѣлью, придавая огромное значеніе факту законной преемственности. Въ силу этого окончательное рѣшеніе вопроса ставилось въ полную за-

---

*) Правые смотрѣли на Корнилова только какъ на орудіе судьбы, и на дѣло его какъ на переходный этапъ къ другому строю.

висимость отъ хода событій: будетъ достигнуто соглашеніе съ Керенскимъ и измѣненіе курса государственной политики — тогда возможно устроеніе власти въ порядкѣ сговора, возможны и коллективныя формы ея; не будетъ достигнуто соглашеніе, и, слѣдовательно, исчезнутъ всякія надежды на спасеніе страны, — предстояло насильственное устраненіе представителей верховной власти и въ результатѣ потрясенія рисовалась одна перспектива — личной диктатуры. При этомъ возможность крушенія власти далеко не обусловливалась однимъ лишь корниловскимъ движеніемъ: оно могло наступить стихійно и непредотвратимо въ любой моментъ, какъ результатъ одного изъ непрекращавшихся внутреннихъ кризисовъ правительства, большевистскаго-ли возстанія или новаго наступленія австро-германцевъ, грозившаго смести фронтъ и въ его бѣшенномъ потокѣ затопить и правительство.

Всѣ эти перспективы были равно возможны, роковымъ образомъ приближались и требовали принятія героическихъ мѣръ для ихъ предотвращенія. Попытки Корнилова привлечь съ собой на этотъ путь Керенскаго оставались пока безрезультатными. Поэтому Верховный главнокомандующій счелъ себя вынужденнымъ принять нѣкоторыя предварительныя мѣры, примѣненіе которыхъ могло быть опредѣлено лишь историческихъ ходомъ событій.

Нѣтъ сомнѣнія, что переброска войскъ на Сѣверный фронтъ, ихъ дислокація, созданіе Петроградской арміи и ея усиленіе — вызывались безусловно стратегической необходимостью; но, конечно, выборъ войскъ соотвѣтствовалъ и другой цѣли — созданія благопріятныхъ условій на случай крушенія центральной власти.

Такимъ же подсобнымъ средствомъ считались офицерскія организаціи.

Въ виду полной ненадежности петроградскаго гарнизона, столичныя организаціи представлялись полезнымъ орудіемъ какъ для вооруженной борьбы противъ большевистскаго возстанія, такъ и на случай паденія власти или окончательнаго уклоненія ея на путь, предопредѣленный соотношеніемъ силъ въ совѣтахъ, въ которыхъ большевистскія теченія получали явное преобладаніе.

* * *

Къ 13-му августа въ Могилевъ прибылъ командиръ 3-го коннаго корпуса, генералъ Крымовъ и въ своихъ рукахъ сосредоточилъ какъ непосредственное руководство войсками, прибывающими въ петроградскій раіонъ, такъ и общее направленіе дѣятельностью организацій. Большой патріотъ, смѣлый, рѣшительный, не останавливавшійся передъ огромнымъ рискомъ, разочарованный въ людяхъ еще со времени подготовки мартовскаго переворота,*) нелюбившій дѣлиться

*) Конецъ 1916 и начало 1917 года. Крымовъ былъ вызванъ своими единомышленниками съ фронта въ Петроградъ къ 1-му марта, но петроградское возстаніе измѣнило ходъ событій.

своими планами съ окружающими и расчитывавшій преимущественно на свои собственныя силы, онъ внесъ извѣстныя индивидуальныя особенности во все направленіе послѣдующей конспиративной дѣятельности, исходившей изъ Могилева. Его непоколебимымъ убѣжденіемъ было полное отрицаніе возможности достигнуть благопріятныхъ результатовъ путемъ сговора съ Керенскимъ и его единомышленниками. Въ ихъ искренность и въ возможность ихъ «обращенія» онъ совершенно не вѣрилъ; всѣ послѣдующія событія подтвердили правильность его точки зрѣнія.

Повидимому, политическая сторона вопроса Крымова, какъ и Корнилова, не слишкомъ интересовала. Если раньше, когда верховное возглавленіе находилось въ рукахъ оппортуниста — Брусилова, Крымовъ дѣлалъ попытку организовать вокругъ себя военный центръ въ Кіевскомъ округѣ, то теперь, подчиняясь широкимъ общественнымъ настроеніямъ, единодушно называвшимъ имя Корнилова, онъ предоставилъ себя въ полное его распоряженіе. Крымовъ добровольно сталъ орудіемъ, «мечомъ» корниловскаго движенія; но орудіемъ сознательнымъ, быть можетъ направлявшимъ иногда... руку, его поднявшую. «Мечъ» хотѣлъ разить, утративъ вѣру въ цѣлебность напрасныхъ словопреній, и, исходя изъ взгляда, что страна подходитъ къ роковому предѣлу и что поэтому пріемлемо всякое, самое рискованное средство... «Рука» раздѣляла всецѣло эти взгляды, но, придавленная огромной тяжестью нравственной отвѣтственности передъ страной и арміей, нѣсколько колебалась. Только это побужденіе сдерживало Корнилова, потому что о себѣ, о своей головѣ, онъ не раздумывалъ ни одной минуты.

Корниловъ переживалъ тяжелые дни.

Вспомнимъ конкретные факты.

31 іюля Корниловъ совершенно спокойно и увѣренно говоритъ со мной о будущихъ перспективахъ, не предрѣшая насильственнаго кризиса и расчитывая на благополучный исходъ разговоровъ съ «ними».

3-го августа ѣдетъ въ Петроградъ предъявить свою докладную записку о реорганизаціи арміи и борьбѣ съ разрухой и испытываетъ жестокое разочарованіе.

8-го августа отказывается вести дальнѣйшіе переговоры о «запискѣ», считая ихъ безполезными.

10-го августа, по настоянію Савинкова и Филоненко, вновь прибываетъ въ Петроградъ и вновь совершенно напрасно.

14-го августа въ день возвращенія съ Московскаго совѣщанія повидимому окончательно опредѣляется невозможность идти вмѣстѣ съ Керенскимъ, и генералъ Крымовъ, вполнѣ удовлетворенный теченіемъ событій, говоритъ начальнику одной изъ офицерскихъ организацій:

— Все идетъ хорошо. Рѣшили не имѣть больше дѣла съ «ними»...

24-го августа Савинковъ прибываетъ въ Ставку, знакомитъ Верховнаго съ проэктами законовъ, вытекающихъ изъ Корниловской «записки», еще не подписанныхъ, но прохожденіе которыхъ въ правительствѣ якобы обезпечено; сообщаетъ о рѣшеніи Керенскаго объявить Петроградъ и его окрестности на военномъ положеніи; проситъ отъ имени правительства, ввиду возможныхъ осложненій, къ концу августа подтянуть къ Петрограду 3-ій конный корпусъ...

Это обстоятельство, знаменующее выходъ правительства, въ частности Керенскаго, на путь предуказанный Корниловымъ, вызываетъ несомнѣнно искренній отвѣтъ Корнилова:

— Я готовъ всемѣрно поддержать Керенскаго, если это нужно для блага отечества.

А въ тѣ-же дни съ Крымовымъ, не вѣрившимъ совершенно ни Керенскому, ни Савинкову, происходитъ рѣзкая перемѣна. Онъ ходитъ разстроенный, блѣдный, задумчивый, все еще не ѣдетъ къ корпусу, живетъ на вокзалѣ въ Могилевѣ. Въ довѣрительномъ разговорѣ съ однимъ изъ своихъ соучастниковъ онъ высказываетъ глубоко пессимистическій взглядъ:

— Конечно, надо идти до конца. Я отдаю дѣлу свою голову. Но 90 процентовъ за неудачу. Мнѣ необходимо ѣхать къ корпусу, но я боюсь, что, когда я оставлю Могилевъ, здѣсь начнутъ творить несообразное...

* *
*

Между тѣмъ, подготовка «выступленія», ни время, ни формы котораго не представлялись еще достаточно ясными, продолжалась.

Ставка, какъ органъ управленія — въ ней не участвовала. Нѣсколько лицъ изъ состава Ставки были посвящены въ истинный смыслъ принимаемыхъ мѣръ, всѣ другіе продолжали свою нормальную служебную дѣятельность, быть можетъ только догадываясь о назрѣвающихъ событіяхъ и вполнѣ сочувствуя предполагаемымъ замысламъ Корнилова. Стратегическая подготовка велась при участіи 1-го генералъ-квартирмейстера, генерала И. П. Романовскаго, съ которымъ связывали Корнилова добрыя отношенія еще по краткой совмѣстной службѣ въ 8-ой арміи, и который имѣлъ личные доклады у него по этимъ вопросамъ. Начальникъ штаба Верховнаго, генералъ Лукомскій не былъ посвященъ въ то, что дѣлалось за кулисами. Какъ человѣкъ умный и хорошо разбиравшійся въ явной и скрытой обстановкѣ Ставки, онъ несомнѣнно отдавалъ себѣ ясный отчетъ о всемъ происходящемъ. Нервничалъ, но до поры до времени молчалъ. Тѣмъ болѣе, что возникъ вопросъ о перемѣщеніи его на должность командующаго одной изъ армій. Но когда обстановка назрѣла въ такой степени, что долѣе занимать нейтральную позицію было невозможно, Лукомскій въ серединѣ августа переговорилъ по этому поводу съ Романовскимъ и затѣмъ поставилъ Корнилову вопросъ о довѣріи. Бесѣда окончилась пріобщеніемъ Лукомскаго къ дѣлу.

Подтягивались къ пунктамъ сосредоточенія и войска.

Очевидно, количеству ихъ въ Ставкѣ не придавали большого значенія, тѣмъ болѣе, что элементъ времени не давалъ возможности солидной организаціи. Чуть не на походѣ начиналось развертываніе весьма слабой Осетинской бригады и формированіе Туземнаго корпуса; во главѣ вновь учреждаемой Петроградской арміи становился генералъ Крымовъ, а командованіе имѣвшимъ рѣшительное значеніе 3-мъ коннымъ корпусомъ поручалось незнакомому съ частями ген. Краснову, который не успѣлъ и прибыть къ началу движенія. Войска расползлись по широкимъ квартирамъ и эшелонировались на огромномъ протяженіи желѣзныхъ дорогъ внѣ всякаго моральнаго воздѣйствія старшаго командного состава. Еще 5-го августа командиръ Корниловскаго ударнаго полка, капитанъ Нѣженцевъ въ продолжительномъ докладѣ убѣждалъ своего шефа развернуть эту надежную добровольческую часть въ дивизію. Корниловъ тогда отказалъ, и полкъ на общихъ основаніяхъ былъ включенъ въ одну изъ дивизій 7 арміи. Этотъ полкъ, оправдавшій впослѣдствіи вполнѣ довѣріе Верховнаго, только 21 августа получилъ приказаніе двигаться на Сѣверный фронтъ.

Наконецъ возможно было использовать для Петрограда Кубанскую бригаду стоявшую между Выборгомъ и Петроградомъ и для Москвы донскую дивизію, направляемую съ Дона въ Финляндію.

Когда въ серединѣ августа части съ Юго-западнаго фронта двигались въ раіонъ Псковъ—Луга—Дно, передъ ними невольно должна была возникнуть мысль о возможности примѣненія ихъ силъ и для разрѣшенія вопросовъ внутренней политики. Какъ учитывали они положеніе видно изъ хроники Корниловскаго полка:*) «истинная цѣль переброски не была извѣстна; извѣстенъ былъ лишь конечный пунктъ маршрута мѣстечко Усве, на берегу Балтійскаго моря. Но общее мнѣніе было, что идемъ на Петроградъ». И далѣе: «полкъ выступилъ къ походъ въ приподнятомъ, великолѣпномъ состояніи духа... Мы знали, что долженъ былъ черезъ нѣкоторый промежутокъ времени состояться государственный переворотъ**); (?) но по нашимъ свѣдѣніямъ онъ долженъ былъ заключаться въ уничтоженіи власти Петроградскаго совдепа и въ установленіи или директоріи или диктатуры, но съ согласія и съ участіемъ Керенскаго, что при тогдашнихъ условіяхъ гарантировало полный успѣхъ переворота».

Несомнѣнно офицерская среда въ конечномъ итогѣ была готова на все. Но въ толщѣ войскъ настроеніе оказалось иное: 3-ій конный корпусъ, Кавказская Туземная дивизія, быть можетъ и много еще другихъ частей были *тогда* вполнѣ способны идти съ Корниловымъ противъ большевиковъ и противъ совѣтовъ, но въ отношеніи Временнаго правительства они сохраняли еще «нейтралитетъ»: ни за

---

*) Составлена кн. Ухтомскимъ.

**) Интересно это представленіе строевого офицерства о „власти совѣта“, какъ о государственно-правомъ состояніи и о сверженіи этой „власти“, какъ о „государственномъ переворотѣ“.

него, ни противъ него идти не хотѣли. Одинъ только Корниловскій ударный полкъ и Текинскій, не взирая на весьма неопредѣленную позицію, занятую его командиромъ, могли безотговорочно слѣдовать за Корниловымъ...

Такъ-же на спѣхъ, несерьезно готовились офицерскія организаціи.

Въ началѣ августа для объединенія военной секціи «Республиканскаго центра» былъ командированъ членъ комитета офицерскаго союза, полковникъС., который получилъ въ свои руки все дѣло финансированія и полную свободу дѣйствій, безъ вмѣшательства комитета «Респ. центра». Въ половинѣ августа при посредствѣ членовъ офицерскаго союза началась тайная переброска офицеровъ изъ арміи въ Петроградъ; одни направлялись туда непосредственно — по двумъ конспиративнымъ адресамъ, другіе черезъ Ставку, имѣя офиціальнымъ назначеніемъ обученіе бомбометанію. Вслѣдствіе крайне легкомысленной организаціи дѣла, эти офицеры попали въ весьма двухсмысленое и тяжелое положеніе. Тогда-же на секретномъ засѣданіи въ Могилевѣ подъ предсѣдательствомъ Крымова выяснялся вопросъ о вооруженномъ занятіи Петрограда, составлялся планъ и распредѣлялись роли между участниками. Полковникъ С. увѣренно заявилъ, что у него рѣшительно все готово... Кіевской организаціи было указано по частямъ перебрасываться въ Петроградъ, куда должны были собираться и могилевскіе «бомбометчики». По отношенію ко всѣмъ имъ С. также успокоилъ совѣщаніе. Впослѣдствіи оказалось, что для пріѣзжихъ не было ни указаній, ни квартиръ, ни достаточныхъ средствъ, и вся организація понемногу распылялась и разстраивалась.

Позднѣе въ Петроградѣ руководители организаціи устраивали непрестанныя засѣданія, но такъ какъ мѣстомъ для нихъ, въ видахъ вящей конспираціи, избирались обыкновенно наиболѣе посѣщаемые рестораны (Акваріумъ, Вилла Родэ), то эти засѣданія мало по малу утрачивали дѣловой характеръ, обращаясь въ товарищескія пирушки.

Къ тому-же, еще на могилевскомъ засѣданіи руководителей прозвучало рѣзкимъ диссонансомъ заявленіе одного изъ видныхъ участниковъ, что сердце его къ дѣлу не лежитъ, въ успѣхъ онъ не вѣритъ и потому проситъ освободить его отъ всякихъ обязанностей...

Такимъ образомъ, вся техническая подготовка носила характеръ крайне несерьезный. Лишь опытъ подавленія предыдущихъ возстаній могъ оправдать подобное легкомысліе. Опытъ, доказавшій, что съ трусливой, распропагандированной толпой, которую представлялъ изъ себя Петроградскій гарнизонъ и съ неорганизованнымъ городскимъ пролетаріатомъ можетъ справиться очень небольшая дисциплинированная и понимающая ясно свои задачи часть. Правда, кромѣ Петрограда была вѣдь еще *страна*... Но ударъ по столицѣ не могъ не отозваться въ положительномъ смыслѣ въ самыхъ отдаленныхъ углахъ государства...

Какъ бы то ни было, тетива натягивалась все сильнѣе, и стрѣла готова была вылетѣть. Направленіе ея во многомъ зависѣло отъ того курса государственной политики, который приметъ Временное правительство. Я говорю такъ потому, что не только военная среда, но и лица, стоявшія во главѣ войскъ и организацій, плохо разбирались въ политической коньюнктурѣ, и личную политику Керенскаго отождествляли съ правительственной. При этомъ всѣ колебанія Керенскаго, всѣ причудливые зигзаги его въ области государственнаго управленія, его метанія между Корниловымъ и совѣтами — въ простомъ преломленіи военнаго мышленія получали форму весьма элементарную: — Съ большевиками или противъ большевиковъ.

* *
*

Наиболѣе страннымъ и необъяснимымъ является то вліяніе, которое имѣли на ходъ событій окружавшіе Корнилова политическіе дѣятели, въ лицѣ Завойко, Филоненко, Аладьина, за кулисами Добрынскаго и т. д. Къ нимъ примыкалъ полковникъ Голицынъ. Кромѣ Филоненко, перечисленныхъ лицъ я знаю. Появленіе всѣхъ ихъ вокругъ Корнилова внесло элементъ нѣкотораго авантюризма и несерьезности, отражавшихся на всемъ движеніи, связанномъ съ его именемъ. Одинъ изъ членовъ Временнаго правительства говорилъ мнѣ, что когда 27-го на засѣданіи правительства былъ прочитанъ корниловскій списокъ министровъ, съ именами Филоненки, Аладьина и Завойка, то даже у лицъ, искренне расположенныхъ къ Корнилову, опустились руки... Стоитъ прочесть повѣствованіе В. Львова, изображающее сцены и разговоры за кулисами корниловскаго выступленія; и если даже одну половину отнести на долю своеобразнаго воспріятія автора, то другая въ достаточной степени рисуетъ хлестаковщину и легкомысліе «политическаго окруженія».

Я уже говорилъ, что Корниловъ плохо разбирался въ людяхъ. Но это не все. Однажды, впослѣдствіи на мой вопросъ по поводу бывшаго своего окруженія, онъ отвѣтилъ:

— У меня никого не было. Этихъ людей я зналъ очень мало. Но они по крайней мѣрѣ хотѣли и не боялись работать.

И при этомъ расцѣнивали свою работу не меньше какъ министерскими портфелями. Съ большою легкостью Филоненко бралъ на себя внѣшнія сношенія русскаго государства и только послѣ рѣшительнаго протеста генерала Лукомскаго соглашался на портфель внутреннихъ дѣлъ. Безъ колебаній Завойко принималъ бремя русскихъ финансовъ и т. д.

У Корнилова дѣйствительно никого не было. Всѣ тѣ общественные и политическіе дѣятели, которые, если не вдохновляли, то во всякомъ случаѣ, всецѣло стояли на его сторонѣ, предпочитали оставаться въ тѣни, въ ожиданіи результатовъ борьбы. Что касается Савинкова, то Корниловъ никогда въ точности не зналъ, кому Са-

винковъ собирается «воткнуть ножъ въ спину» — ему или Керенскому.

Какъ же опредѣлялась политическая физіономія предполагавшейся новой власти? За отсутствіемъ политической программы, мы можемъ судить только по косвеннымъ даннымъ: въ составленномъ предположительно спискѣ министровъ, кромѣ указанныхъ выше лицъ, упоминались Керенскій, Савинковъ, Аргуновъ, Плехановъ; съ другой стороны — генералъ Алексѣевъ, адмиралъ Колчакъ, Тахтамышевъ, Третьяковъ, Покровскій, гр. Игнатьевъ, кн. Львовъ. По свидѣтельству кн. Г. Трубецкого, этотъ кабинетъ долженъ былъ, по словамъ Корнилова, «осуществлять строго демократическую программу, закрѣпляя народныя свободы, и поставить во главу угла рѣшеніе земельнаго вопроса». А включеніе въ кабинетъ Керенскаго и Савинкова должно было служить для демократіи гарантіей, что мѣры правительственнаго принужденія не перейдутъ извѣстныхъ границъ и что «демократія не лишается своихъ любимыхъ вождей и наиболѣе цѣнныхъ завоеваній». Къ 29 августа приглашены были въ Ставку на совѣщаніе по вопросу о конструкціи власти Родзянко, кн. Львовъ, Милюковъ, В. Маклаковъ, Рябушинскій, Н. Львовъ, Сироткинъ, Третьяковъ, Тесленко и др. Полагаю, что весь этотъ перечень, указывая на нѣкоторое перемѣщеніе «равнодѣйствующей» вправо, не представлялъ еще ничего угрожающаго для завоеваній революціи. Тѣмъ болѣе, что, выйдя изъ узкой и душной атмосферы конспираціи на широкую всероссійскую арену, Корниловъ несомнѣнно измѣнилъ бы характеръ своего окруженія.

Наконецъ, если даже говорить о стороннихъ чисто политическихъ вліяніяхъ, то приведенныя ниже строки изъ частнаго письма главнаго совѣтчика Завойко, адресованнаго Корнилову въ Быховъ, и не предназначавшагося для постороннихъ, могутъ дать нѣкоторое понятіе о характерѣ этого вліянія. Въ письмѣ, датированномъ 15 октября, дается современная политическая оріентировка:

«Въ настоящее время общественныя настроенія слѣва направо рисуются мнѣ въ слѣдующемъ видѣ: обѣ крайнія (лѣвая и правая) слились воедино и бѣснуются, а 20-го и позднѣе ожидаются выступленія; лозунги, выкинутые на это число совершенно смѣшались; явственнѣе другихъ слышится «долой Керенскаго», «долой Временное правительство», «Бей жидовъ», «Вся власть совѣтамъ» и т. д. — однимъ словомъ черносотенцы и большевики идутъ вмѣстѣ — это несомнѣнно; лѣвые трепещутъ и теряютъ позиціи; Временное правительство дрожитъ и само въ себѣ не увѣрено, заискиваетъ у всѣхъ и на всѣ стороны раскланивается; кадеты подняли головы и мнятъ себя «спасителями»; правые совсѣмъ возгордились и съ каждымъ днемъ прутъ все настойчивѣе и опредѣленнѣе. Между тѣмъ, линія поведенія, единственно ведущая къ побѣдѣ — это средняя — здоровая и истинная демократія».

Правда, направленіе средней линіи и тѣ источники, которые должны питать новую власть изъ этой политической шарады совер-

шенно не ясны, но, во всякомъ случаѣ, въ ней нѣтъ уклоненія въ сторону мракобѣсія и реакціи.

* * *

О подготовительныхъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ кругами, близкими къ Ставкѣ, знали и Керенскій, и Савинковъ. Быть можетъ не все, безъ деталей, но знали, въ особенности Керенскій — этого онъ не скрываетъ. Держа въ своихъ рукахъ нити организаціи уже въ концѣ іюля, онъ въ теченіи августа мѣсяца имѣлъ возможность прекратить ихъ дѣятельность путемъ разрушенія ихъ руководящихъ органовъ и остановки движенія частей на Сѣверный фронтъ, если считалъ его опаснымъ. Но лично для него эти мѣры имѣли бы смыслъ лишь въ двухъ случаяхъ: если бы онъ рѣшительно повернулъ отъ Корнилова къ совѣтамъ или имѣлъ въ рукахъ прямое доказательство связи Верховнаго съ конспиративными кругами, подозрѣваемыми въ организаціи переворота. Ни того, ни другого не было. Результатомъ явилась та недостойная игра, которая велась съ правительствомъ, Ставкой и военнымъ министерствомъ — этотъ «танецъ среди мечей», изъ которыхъ каждый при неосторожномъ прикосновеніи могъ нанести странѣ смертельную рану.

Если событія, предшествовавшія корниловскому выступленію, опредѣлять по терминологіи Керенскаго словомъ *заговоръ,* то на протяженіи августа мѣсяца въ чрезвычайно сложной и переплетающейся обстановкѣ внутренней политики такихъ «заговоровъ» исторія отмѣтитъ нѣсколько.*) Корниловъ (съ Крымовымъ), Керенскій и Савинковъ — противъ власти большевистскихъ совѣтовъ — въ тѣ дни, когда министръ-предсѣдатель рѣшился принять корниловскіе законопроэкты и недвусмысленное назначеніе 3 коннаго корпуса и тѣмъ вступилъ на путь открытой борьбы не только съ большевизмомъ, но и съ прикрывающими его совѣтами. Корниловъ (съ Крымовымъ) и Савинковъ — противъ Керенскаго, когда послѣдній колебался и бралъ обратно свои обѣщанія. Наконецъ, Корниловъ и Крымовъ противъ совѣтовъ и Керенскаго, когда не было никакой надежды на соглашеніе. Въ этой послѣдней комбинаціи не находилось мѣста Савинкову, которому плохо вѣрилъ Корниловъ и вовсе не вѣрилъ Крымовъ. Только поэтому Савинковъ и оказался на противоположномъ берегу.

Во всѣхъ этихъ перепитіяхъ сложной борьбы оставался совершенно въ сторонѣ источникъ всероссійской верховной власти — Временное правительство. Отъ имени его говорили или имя его поносили главные персонажи разыгравшейся исторической драмы въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда торжественность обстановки, юридическая терминологія или стилистическая форма того требовали.

---

*) Обобщаю теченія именами главныхъ участниковъ.

ГЛАВА V.

Провокація Керенскаго: миссія В. Львова, объявленіе странѣ о „мятежѣ“ Верховнаго главнокомандующаго.

И такъ, къ концу августа Керенскій все еще не рѣшался—идти ли съ Корниловымъ противъ совѣтовъ или съ совѣтами противъ Корнилова; Савинковъ взвѣшивалъ всѣ возможности для себя отъ неизбѣжнаго конфликта; Корниловъ, твердо рѣшивъ вопросъ о необходимости измѣненія конструкціи власти, колебался еще въ выборѣ методовъ его осуществленія. Лишь одинъ Крымовъ не сомнѣвался и не колебался, считая, что вести съ «*ними*» переговоры или ждать выступленія большевиковъ не слѣдуетъ и что только силою оружія можно разрубить завязавшійся узелъ.

Обстоятельства, непосредственно вызвавшія корниловское выступленіе, изложены въ книгахъ Керенскаго, Савинкова, В. Львова и во многихъ свидѣтельскихъ показаніяхъ, сдѣлавшихся достояніемъ гласности. Къ сожалѣнію эти источники, за исключеніемъ непосредственнаго по своей наивной простотѣ разсказа В. Львова, носятъ отпечатокъ «слѣдственнаго производства» и лишены поэтому надлежащей объективности. Неполнота въ области фактовъ и аргументаціи присуща и показанію Корнилова. Зная хорошо его характеръ, я убѣжденъ, что это обстоятельство вызывалось соображеніями чисто объективными: Корниловъ могъ сказать странѣ всю правду и не постѣснялся бы сдѣлать это съ полной прямотой и искренностью, еслибы... эта правда своими послѣдствіями угрожала только ему лично, а не сотнямъ людей, довѣрившихъ ему свою судьбу.

Попытаюсь разобраться въ этомъ матеріалѣ, внеся въ его оцѣнку то пониманіе, которое создалось на основаніи личнаго общенія со многими важнѣйшими участниками событій и очертивъ лишь главнѣйшіе этапы корниловскаго выступленія.

Поводомъ къ развязкѣ событій послужило несомнѣнно роковое вмѣшательство въ нихъ б. члена правительства В. Львова — человѣка, которому В. Набоковъ далъ слѣдующую характеристику: «онъ былъ одушевленъ самыми лучшими намѣреніями... поражалъ своей наивностью да еще какимъ то невѣроятно легкомысленнымъ отношеніемъ... къ общему положенію... Онъ выступалъ всегда съ большимъ жаромъ и одушевленіемъ и вызывалъ неизмѣнно самое веселое настроеніе не только въ средѣ правительства, но даже у чиновъ канцеляріи»... Попавъ въ общество г. г. Аладьина и Добрынскаго, съ ихъ

траги — комической конспираціей, инсценировавшей важность участія ихъ въ назрѣвающемъ переворотѣ, Львовъ проникся страхомъ и воспылалъ желаніемъ спасти положеніе, принявъ *отъ нихъ* *) порученіе переговорить съ Керенскимъ. Эти переговоры должны были привести къ примиренію между Корниловымъ и Керенскимъ, къ предоставленію полной мощи надъ всей вооруженной силой страны Верховному главнокомандующему и къ созданію новаго правительства на національной основѣ.

22 августа между Керенскимъ и Львовымъ произошелъ разговоръ, содержаніе котораго установить трудно, такъ какъ онъ велся безъ свидѣтелей, а передача его обоими собесѣдниками совершенно не согласована. Поэтому я приведу выдержки изъ ихъ показаній по важнѣйшимъ вопросамъ въ параллельномъ изложеніи.

У Керенскаго.

Изъ слѣдственнаго дѣла. «Прелюдія большевизма». Англ. изд.

1. «Я не помню подробностей разговора, но суть его сводилась къ слѣдующему»...

2. «Онъ (Львовъ) продолжалъ повторять «*мы* можемъ сдѣлать то или другое»... Я спросилъ его — кто «мы» и отъ чьего имени онъ говоритъ».

— Я не имѣю права сказать вамъ. Я только уполномоченъ спросить, согласны ли вы войти въ переговоры».

3. «Львовъ пытался доказать мнѣ, что я не имѣю поддержки».

У Львова.

«Послѣднія Новости» 1920 г. № 190.

1. (Львовъ передаетъ разговоръ съ большими деталями).

2. «— Я пришелъ по порученію.

—Отъ кого?—Живо спросилъ Керенскій.

— Отъ кого, я не имѣю права сказать. Но довѣрьтесь мнѣ, что разъ я пришелъ значитъ дѣло важное».

3. «— Скажите, пожалуйста, на кого вы опираетесь?... У васъ Петроградскій совѣтъ уже состоитъ изъ большевиковъ и постановляетъ противъ васъ.

— Мы его игнорируемъ — воскликнулъ Керенскій.

— Съ другой стороны, продолжалъ я, негодованіе на совѣтъ растетъ... (оно) переливается черезъ край и выразится въ рѣзнѣ.

---

*) Корниловъ узналъ объ этомъ только впослѣдствіи.

— Вотъ и отлично! — воскликнулъ Керенскій, вскочивъ и потирая руки. — Мы скажемъ тогда, что не могли сдержать общественнаго негодованія, умоемъ руки и снимемъ съ себя отвѣтственность.

— (Но) первая кровь прольется ваша...

Керенскій поблѣднѣлъ.

— Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?

— Порвите съ совѣтомъ.

— Вы хотите, чтобы я былъ измѣнникомъ?

— Нѣтъ... Я желаю, чтобы вы подумали о Россіи, а не о революціи».

4. «Онъ выразительно добавилъ:

— Я уполномоченъ спросить васъ, хотите ли вы включить въ правительство новые элементы и обсуждать этотъ вопросъ?

Я отвѣтилъ:

— Передъ тѣмъ какъ дать отвѣтъ, я долженъ знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло. Кто тѣ, кого вы представляете и чего они желаютъ?

— Они общественные дѣятели.

— Бываютъ разнаго сорта общественные дѣятели... Хорошо, допустимъ, я не имѣю поддержки. Какими же реальными силами вы располагаете?

Онъ возразилъ, что я введенъ въ заблужденіе, что они опираются на серьезныя силы, которыхъ нельзя игнорировать».

4. — Кто же это вы? Союзъ георгіевскихъ кавалеровъ? — саркастически улыбнулся Керенскій.

— Это во первыхъ конституціонно - демократическая партія. Во вторыхъ это торговопромышленники, въ третьихъ это казачество, въ четвертыхъ — полковыя части, наконецъ союзъ офицеровъ и многіе другіе.

— Что же вы хотите, чтобы я сдѣлалъ?

— Протяните руку тѣмъ, которыхъ вы отъ себя отталкиваете... Включите (въ правительство) представителей правѣе кадетъ, съ другой стороны пусть въ немъ будутъ соціалисты-государственники, а не исключительно представители Совѣта.

— Ну все же нельзя обойтись безъ представителей Совѣта, — сказалъ Керенскій.

— Я не спорю, пусть такъ».

5. «Конечно, я не далъ ему никакихъ инструкцій, никакихъ полномочій. Я считаю, что онъ,

5. «Керенскій былъ тронутъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ. Я согласенъ уйти. Но поймите

говоря отъ моего имени въ Ставкѣ такъ, какъ онъ это сдѣлалъ, допустилъ «превышеніе полномочій». Это несомнѣнно, такъ какъ ничего подобнаго я ему не говорилъ... Львовъ не окончилъ разговора. Онъ спросилъ:

— Вступите ли вы въ переговоры, если я вамъ скажу. (Отъ кого присланъ)?

— Скажите болѣе опредѣленно, что вы желаете слышать отъ меня и для чего.

Онъ отвѣтилъ:

— До свиданья!

И ушелъ».

же, что я не могу бросить власть; я долженъ передать ее съ рукъ на руки.

— Такъ дайте мнѣ порученіе, сказалъ я, войти въ переговоры отъ вашего имени со всѣми тѣми элементами, которые я сочту необходимымъ.

— Я даю вамъ это порученіе, — сказалъ Керенскій. — Только прошу васъ все держать въ секретѣ.

И крѣпко пожалъ мнѣ руку».

Предоставляя читателямъ разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ, я не могу, однако, не указать, что діалогъ, изображенный на лѣвой половинѣ листа, въ особенности въ заключительной части своей, представляется чрезвычайно страннымъ. Ясно чувствуется, что *такъ нелѣпо* закончиться онъ не могъ. Хотя Керенскій въ своемъ показаніи усиленно подчеркиваетъ, что разговору со Львовымъ онъ не придалъ никакого значенія, но тутъ-же рядомъ неоднократно заявляетъ, что вопросъ — отъ чьего имени сдѣлано было предложеніе и та таинственность, которой облекъ его Львовъ, въ связи съ имѣвшимися у премьера ранѣе свѣдѣніями о заговорѣ, «произвела большое впечатлѣніе»... Что касается меня, я убѣжденъ въ правильности версіи Львова и считаю, что въ этотъ день, если не свершилось грѣхопаденіе Керенскаго передъ лицомъ революціонной демократіи, то развернулась окончательно нить «великой провокаціи».

Львовъ, пройдя опять черезъ все сомнительное чистилище корниловскаго окруженія, попадаетъ 24-го въ Верховному. Ихъ разговоръ, веденный въ этотъ день и на слѣдующій, въ противоположность предыдущему, въ сущности своей является совершенно установленнымъ.

У Корнилова.	*У Львова.*
Показаніе слѣдственной комиссіи.	«Послѣднія Новости» 1920 г. № 192.
1. «Войдя ко мнѣ въ кабинетъ Львовъ сразу заявилъ мнѣ: — Я отъ Керенскаго».	1. — Я отъ Керенскаго. — Глаза Корнилова сверкнули недобрымъ огнемъ».
2. В. Н. Львовъ заявилъ мнѣ отъ имени Керенскаго, что если	2. — Я имѣю сдѣлать вамъ предложеніе. Напрасно думаютъ,

по моему мнѣнію дальнѣйшее участіе послѣдняго въ управленіи страной не дастъ власти необходимой силы и твердости, то Керенскій готовъ выйти изъ состава правительства. Если Керенскій можетъ расчитывать на поддержку, то онъ готовъ продолжать работу.

что Керенскій дорожитъ властью. Онъ готовъ уйти въ отставку, если вамъ мѣшаетъ. Но власть должна быть законно передана съ рукъ на руки. Власть не можетъ ни валяться, ни быть захваченной. Керенскій идетъ на реорганизацію власти въ томъ смыслѣ, чтобы привлечь въ правительство всѣ общественные элементы. Вотъ вамъ мое предложеніе — это есть соглашеніе съ Керенскимъ».

3. «Я очертилъ общее положеніе страны и арміи, заявилъ, что по моему глубокому убѣжденію единственнымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія является установленіе военной диктатуры и немедленное объявленіе страны на военномъ положеніи.

3. — Передайте Керенскому, что... дальше медлить нельзя... Необходимо, чтобы Петроградъ былъ введенъ въ сферу военныхъ дѣйствій и подчиненъ военнымъ законамъ, а всѣ тыловыя и фронтовыя части подчинены Верховному главнокомандующему... Въ виду грозной опасности, угрожающей Россіи, я не вижу иного выхода, какъ немедленная передача власти Верховнымъ правительствомъ въ руки Верховнаго главнокомандующаго.

Я перебилъ Корнилова:

— Передача одной военной власти или также гражданской?

— И военной, и гражданской.

— Быть можетъ лучше просто совмѣщаніе должности Верховнаго главнокомандующаго съ должностью предсѣдателя совѣта министровъ? — вставилъ я.

— Пожалуй, можно и по вашей схемѣ... Конечно все это (только) до Учредительнаго Собранія.

4. «Я заявилъ, что не стремлюсь къ власти и готовъ немедленно подчиниться тому, кому будутъ вручены диктаторскія пол-

4. «Корниловъ продолжалъ:

— Кто будетъ Верховнымъ главнокомандующимъ, меня не касается, лишь бы власть ему бы-

номочія — *будь то самъ Керенскій,*)* ген. Алексѣевъ, ген. Калединъ или другое лицо. Львовъ заявилъ, что не исключается возможность такого рѣшенія, что въ виду тяжелаго положенія страны, Временное правительство, въ его нынѣшнемъ составѣ, само прійдетъ къ сознанію необходимости установленія диктатуры и, весьма возможно, предложитъ мнѣ обязанности диктатора. Я заявилъ, что если-бы такъ случилось, ...я отъ такого предложенія не отказался бы».

ла передана Временнымъ правительствомъ.

Я сказалъ Корнилову:

— Разъ дѣло идетъ о военной диктатурѣ, то кому же быть диктаторомъ, какъ не вамъ».

5. «Я просилъ Львова передать Керенскому, что, независимо отъ моихъ взглядовъ на его свойства, его характеръ и его отношенія ко мнѣ, я считаю участіе въ управленіи страной самого Керенскаго и Савинкова безусловно необходимымъ».

5. «— Я не вѣрю больше Керенскому... и Савинкову я не вѣрю... Впрочемъ, — продолжалъ Корниловъ — я могу предложить Савинкову портфель военнаго министра, а Керенскому портфель министра юстиціи»...

6. «Я просилъ передать Керенскому, что по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ въ Петроградѣ въ ближайшіе дни готовится выступленіе большевиковъ и на Керенскаго готовится покушеніе; поэтому я прошу Керенскаго пріѣхать въ Ставку, чтобы договориться съ нимъ окончательно. Я просилъ передать ему, что честнымъ словомъ гарантирую его полную безопасность въ Ставкѣ».

6. «— Затѣмъ — продолжалъ онъ — предупредите Керенскаго и Савинкова, что я за ихъ жизнь нигдѣ не ручаюсь, а потому пусть они пріѣдутъ въ Ставку, гдѣ я ихъ личную безопасность возьму подъ свою охрану».

Такимъ образомъ, предложенія Корнилова ультимативнаго требованія не носили, тѣмъ болѣе, что вопросъ о личности диктатора, въ случаѣ возможности сговора, оставлялся открытымъ. На другой день уже, 26-го, Корниловъ въ бесѣдѣ съ Филоненко, Завойко и Аладьинымъ допускаетъ возможность коллективной диктатуры, въ видѣ Совѣта народной обороны, съ участіемъ Верховнаго главнокомандующаго въ качествѣ предсѣдателя.

---

*) Единственная фраза во всемъ показаніи, которая не подтверждается В. Львовымъ.

Корниловъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія не вѣрить Львову. Онъ зналъ, что Львовъ пользуется репутаціей человѣка — не серьезнаго, путаника, но честнаго. Сущность же всего разговора была настолько опредѣленна, что не допускала невольнаго искаженія его передачи. Наконецъ, Львовъ былъ вѣдь недавно *министромъ* въ правительствѣ Керенскаго!

Передъ Корниловымъ въ первый разъ встали реальныя перспективы мирнаго, легальнаго разрѣшенія вопроса о реорганизаціи власти, по крайней мѣрѣ въ первой стадіи его, такъ какъ въ дальнѣйшемъ несомнѣнно предстояла рѣшительная и жестокая борьба съ совѣтами.

Первый, самый важный вопросъ былъ близокъ къ разрѣшенію, и это обстоятельство мѣняло весь характеръ борьбы, ставя ее въ легальныя рамки.

Послѣ разговора съ Корниловымъ Львовъ опять попалъ въ «чистилище». Оглушенный всей этой хлестаковщиной корниловскаго «политическаго окруженія», всѣми «тысячью курьеровъ», онъ совершенно потерялъ масштабъ въ оцѣнкѣ вѣса, значенія и роли своихъ собесѣдниковъ. Добрынскій*), могущій «по первому сигналу выставить до 40 тысячъ горцевъ и направить ихъ куда пожелаетъ»... Аладьинъ, якобы посылающій корниловскую телеграмму Донскому атаману Каледину съ приказомъ начать движеніе на Москву и отъ имени Верховнаго и офицерскаго союза требующій, чтобы ни одинъ министерскій постъ не замѣщался безъ вѣдома Ставки... Завойко, назначающій министровъ и «собирающійся созвать Земскій соборъ»... Профессоръ Яковлевъ, разрѣшающій какимъ то неслыханнымъ способомъ аграрную проблемму...

Вернулся Львовъ въ Петроградъ, окончательно сбитый съ толку въ той атмосферѣ безпардонной фронды и кричащей о себѣ и своихъ тайнахъ на каждомъ шагу «конспираціи», которая окружала Ставку. И привезъ цѣлый рядъ «государственныхъ актовъ», составленныхъ и врученныхъ ему Завойко: проэктъ манифеста къ арміи отъ имени Корнилова, принимавшаго на себя верховную власть; проэктъ воззванія къ солдатамъ по поводу дарованія имъ земельныхъ надѣловъ — аграрная программа Яковлева, если вѣрить Львову, сильно напоминавшая демагогическій проэктъ большевистскаго генерала Сытина**); списокъ министровъ новаго кабинета, тутъ-же наскоро набросанный Завойко при благосклонномъ участіи самого Львова***); словесное внушеніе Завойко, развивавшаго по своему указанія Кор-

---

*) Добрынскій до декабря не былъ представленъ ген. Корнилову.

**) См. главу IX Т. I.

***) Предположительный списокъ министровъ составлялся въ кабинетѣ Корнилова на слѣдующій день, 26-го, при участіи его, Филоненко, Завойко и Аладьина.

По свидѣтельству г. Н-го, Завойко впослѣдствіи, на совѣщаніи въ Ставкѣ, оправдываясь передъ Корниловымъ, отрицалъ фактъ передачи имъ (Завойко) списка министровъ В. Львову.

нилова, — предъявить правительству три пункта: 1) «немедленная передача правительствомъ военной и гражданской власти въ руки Верховнаго главнокомандующаго 2) немедленная отставка всѣхъ членовъ Временнаго правительства и 3) объявленіе Петрограда на военномъ положеніи». Наконецъ, вернулся Львовъ съ твердымъ убѣжденіемъ, основаннымъ на всемъ слышанномъ, что Корниловъ желаетъ спасти Керенскаго, но что въ Ставкѣ вынесли Керенскому «смертный приговоръ». Это послѣднее обстоятельство повидимому окончательно нарушило душевное равновѣсіе Львова и отразилось на всемъ характерѣ второго разговора его съ Керенскимъ и въ значительной мѣрѣ повліяло на рѣшеніе послѣдняго. Маленькая житейская подробность, вѣроятно не безъинтересная для бывшаго премьера, который въ своей книгѣ не разъ останавливается на грозившей ему смертельной опасности, очень туманно касаясь источниковъ ея: 26-го для него въ Могилевѣ, въ губернаторскомъ домѣ, приготовили комнату рядомъ со спальней Корнилова, выселивъ для этой цѣли одного изъ членовъ его семьи... Верховный не игралъ своимъ словомъ.

26-го августа Львовъ — у Керенскаго и передаетъ ему результаты своихъ переговоровъ въ Ставкѣ. Посовѣтовавъ Керенскому не ѣхать въ Ставку, Львовъ предъявилъ ему тѣ предложенія, которыя были формулированы Завойко. «Когда я услышалъ всѣ эти нелѣпости — показываетъ Керенскій — мнѣ показалось, что онъ (Львовъ) боленъ или случилось дѣйствительно что-то очень серьезное... Тѣ, кто были возлѣ меня, могутъ засвидѣтельствовать, какъ сильно я былъ разстроенъ... Успокоившись нѣсколько, я умышленно увѣрилъ Львова, что больше не имѣю ни сомнѣній, ни колебаній и рѣшилъ согласиться. Я сталъ объяснять Львову, что я не могу представить Временному правительству такое сообщеніе безъ доказательствъ... Подъ конецъ я попросилъ его изложить письменно всѣ корниловскія предложенія».

Львовъ написалъ:

«1) Объявить въ Петроградѣ военное положеніе.

2) Вся военная и гражданская власть должна быть передана въ руки Верховнаго главнокомандующаго.

3) Всѣ министры, не исключая премьера должны подать въ отставку. Временно исполнительная власть должна быть передана товарищамъ министровъ впредь до сформированія правительства Верховнымъ главнокомандующимъ».

В. Львовъ

Петроградъ 26-го августа.

«Было необходимо — говоритъ Керенскій — доказать немедленно формальную связь между Львовымъ и Корниловымъ настолько ясно, чтобы Временное правительство было въ состояніи принять рѣшительныя мѣры въ тотъ же вечеръ... заставивъ Львова повторить въ присутствіи третьяго лица весь его разговоръ со мной».

Для этой цѣли былъ приглашенъ помощникъ начальника милиціи Булавинскій, котораго Керенскій спряталъ за занавѣской въ своемъ кабинетѣ во время второго посѣщенія его Львовымъ. Булавинскій свидѣтельствуетъ, что записка была прочтена Львову и послѣдній подтвердилъ содержаніе ея, а на вопросъ, «каковы были причины и мотивы, которые заставили генерала Корнилова требовать, чтобы Керенскій и Савинковъ пріѣхали въ Ставку», онъ не далъ отвѣта.

Львовъ категорически отрицаетъ версію Керенскаго. Онъ говоритъ: «*Никакого ультимативнаго требованія Корниловъ мнѣ не предъявлялъ.* У насъ была простая бесѣда, во время которой обсуждались разныя пожеланія въ смыслѣ усиленія власти. Эти пожеланія я и высказалъ Керенскому. Никакого ультимативнаго требованія (ему) я не предъявлялъ и не могъ предъявить, а онъ потребовалъ, чтобы я изложилъ свои мысли на бумагѣ. Я это сдѣлалъ, а онъ меня арестовалъ. Я не успѣлъ даже прочесть написанную мною бумагу, какъ онъ, Керенскій, вырвалъ ее у меня и положилъ въ карманъ».

* * *

Теперь уже всѣ государственные вопросы отошли на задній планъ. Глава правительства въ наиболѣе критическій моментъ для государства перестаетъ взвѣшивать его интересы и, будучи во власти одной болѣзненно-навязчивой идеи, стремится лишь всѣми силами къ отысканію неопровержимыхъ уликъ противъ «мятежнаго» Верховнаго. Передъ нами проходитъ рядъ сценъ, въ которыхъ развернулись пріемы сыска и провокаціи: эпизоды съ запиской Львова и съ Булавинскимъ, и наконецъ, разговоръ Керенскаго совмѣстно съ Вырубовымъ по аппарату съ Корниловымъ отъ имени премьера и... отсутствующаго Львова. Больше всего Керенскій боится, чтобы отвѣтъ Корнилова по самому существенному вопросу — о характерѣ его предложеній — не внесъ какихъ либо неожиданныхъ измѣненій въ толкованіе «ультиматума», которое онъ старался дать предложенію Корнилова въ глазахъ страны и правительства. Думскій и политическій дѣятель, правитель волею революціи и юристъ по профессіи не могъ *не сознательно* облечь въ такія умышленно темныя формы главное существо вопроса:

— Просимъ подтвердить, что Керенскій можетъ дѣйствовать, согласно свѣдѣніямъ, переданнымъ Владиміромъ Николаевичемъ (Львовымъ).

— Вновь подтверждая тотъ очеркъ положенія, въ которомъ мнѣ представляется страна и армія, очеркъ сдѣланный мною В. Н-чу, *съ просьбой доложить вамъ,* я вновь заявляю, что событія послѣднихъ дней и вновь намѣчающіяся повелительно требуютъ вполнѣ опредѣленнаго рѣшенія въ самый короткій срокъ.

— Я, Владимиръ Николаевичъ(?), васъ спрашиваю: то опредѣленное рѣшеніе нужно исполнить, о которомъ вы просили извѣстить

меня Александра Федоровича только совершенно лично; безъ этого подтвержденія лично отъ васъ А. Ф. колеблется мнѣ вполнѣ довѣрить.

— Да, подтверждаю, *что я просилъ васъ передать А. Ф-чу мою настойчивую просьбу пріѣхать въ Могилевъ.*

— Я, А. Ф., понимаю вашъ отвѣтъ, какъ подтвержденіе словъ, переданныхъ мнѣ В. Н. Сегодня этого сдѣлать и выѣхать нельзя. Надѣюсь выѣхать завтра. Нуженъ ли Савинковъ?

— Настоятельно прошу, чтобы Б. В. пріѣхалъ вмѣстѣ съ вами... Очень прошу не откладывать вашего выѣзда позже завтрашняго дня. Прошу вѣрить, что только сознаніе отвѣтственности момента заставляетъ меня такъ настойчиво просить васъ.

— Пріѣзжать ли только въ случаѣ выступленія, о которомъ идутъ слухи, или во всякомъ случаѣ?

— Во всякомъ случаѣ.

Этотъ разговоръ обличаетъ въ полной мѣрѣ нравственную физіономію Керенскаго, необычайную неосмотрительность Корнилова и сомнительную роль «благороднаго свидѣтеля» Вырубова.

Только въ этотъ день поздно вечеромъ, 26 августа, поѣхалъ къ своимъ войскамъ Крымовъ, которому были даны Верховнымъ двѣ задачи: 1) «Въ случаѣ полученія отъ меня или непосредственно на мѣстѣ (свѣдѣній) о началѣ выступленія большевиковъ, немедленно двигаться съ корпусомъ на Петроградъ, занять городъ, обезоружить части петроградскаго гарнизона, которыя примкнутъ къ движенію большевиковъ, обезоружить населеніе Петрограда и разогнать совѣты; 2) По окончаніи исполненія этой задачи генералъ Крымовъ долженъ былъ выдѣлить одну бригаду съ артиллеріей въ Ораніенбаумъ и по прибытіи туда потребовать отъ Кронштадтскаго гарнизона разоруженія крѣпости и перехода на материкъ».*)

Этотъ документъ, которому Керенскій придаетъ такое уличающее значеніе въ квалификаціи корниловскаго выступленія «мятежемъ», по существу вытекалъ непосредственнс изъ всей создавшейся обстановки: войска Крымова по требованію правительства шли къ Петрограду; ожидавшееся большевистское выступленіе неизбѣжно втягивало въ себя совѣты, такъ какъ почти половина состава Петроградскаго совѣта была большевистской; такъ-же неизбѣжно было, безотносительно даже отъ чисто большевистскаго возстанія, выступленіе революціонной демократіи въ лицѣ совѣтовъ въ тотъ день, когда объявлены были-бы первыя мѣры «правительственной твердости». Наконецъ, самый сдвигъ правительства отъ Совѣта къ Ставкѣ, который послѣ Львовской миссіи и послѣдняго телеграфнаго разговора считался вопросомъ ближайшихъ одного — двухъ дней, долженъ былъ произвести оглушительный взрывъ въ нѣдрахъ совѣтовъ... Что-же касается ликвидаціи кронштадтскаго мятежнаго гнѣзда, то согласіе на нее было дано министромъ-предсѣдателемъ еще 8-го августа.

---

*) Изъ показанія Корнилова слѣдственной комиссіи.

Утромъ 27-го Ставка была поражена неожиданной новостью: получена была телеграмма, передающая личное распоряженіе Керенскаго, въ силу котораго Корниловъ долженъ былъ немедленно сдать должность Лукомскому и выѣхать въ Петроградъ...

Стремленіе «охранять завоеванія революціи», нерѣшительность, обманъ и провокація — можно называть какими угодно именами тѣ дѣйствія и бездѣйствіе, которыя проявлены были министромъ-предсѣдателемъ, но сущность ихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію: они были лишены государственной цѣлесообразности и предвидѣнія. Керенскій съ большимъ удовлетвореніемъ повторяетъ «образное выраженіе» Некрасова, что «благодаря пріѣзду Львова, стало возможнымъ взорвать приготовленную мину на два дня раньше срока»... Но это «образное выраженіе» значительно теряетъ свое радостное содержаніе, если вспомнить, что мину взорвали въ тѣлѣ Родины и что можно было, не взрывая, просто потушить фитиль, ставъ на прямую открытую дорогу, не угрожавшую завоеваніямъ революціи, и даже въ началѣ не причинявшую большого ущерба политической карьерѣ премьера.

Керенскій даетъ сбивчивыя показанія о порядкѣ разрѣшенія вопроса объ удаленіи съ поста Корнилова, утверждая, что мѣра эта была принята Временнымъ правительствомъ въ засѣданіи 26 августа. Никакихъ письменныхъ слѣдовъ такого постановленія нѣтъ; бурное засѣданіе это, окончившееся въ 5 часовъ утра, обсуждало главнымъ образомъ требованіе Керенскаго о предоставленіи ему чрезвычайныхъ (диктаторскихъ) полномочій и хотя и выяснило принципіальное согласіе почти всѣхъ министровъ вручить предсѣдателю свою отставку, но къ окончательнымъ рѣшеніямъ не привело. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству Кокошкина, на другой день, 27-го, на 11 часовъ утра было назначено новое засѣданіе «для оформленія — какъ заявилъ Некрасовъ — всѣхъ принятыхъ рѣшеній». Но засѣданіе не состоялось. Члены правительства собрались только 28-го на *частное засѣданіе,* которое явилось послѣднимъ, такъ какъ Керенскій дѣйствовалъ уже самостоятельно, считая себя воспріявшимъ единолично верховную власть. «Временное правительство» — этотъ фетишъ, который такъ крикливо и лицемѣрно оберегался Керенскимъ отъ притязаній Корнилова, «дерзнувшаго предъявить Временному правительству требованіе передать ему власть», было имъ распущено и отстранено отъ участія въ государственномъ управленіи. «Дерзать», слѣдовательно, можно было только Керенскому. Тѣмъ не менѣе среди правительства и совѣтскихъ круговъ царила полная растерянность. Въ Смольномъ происходили день и ночь тревожныя засѣданія и принимались необычайныя мѣры изолированія зданія и самообороны. Еще 28-го новый диктаторъ въ частномъ засѣданіи бывшаго правительства опредѣлялъ положеніе почти безнадежнымъ: крымовскіе войска шли на Петроградъ, и испуганному воображенію диктатора уже рисовалось приближеніе страшныхъ кавказскихъ всадниковъ «Дикой дивизіи»... Усиливалось и политическое одино-

чество премьера: большинство бывшихъ членовъ правительства высказалось за мирную ликвидацію Корниловскаго выступленія и образованія директоріи съ участіемъ генерала Алексѣева, съ совмѣщеніемъ имъ должности Верховнаго; а кадеты, поддержанные извнѣ Милюковымъ, настаивали даже на томъ, чтобы Керенскій покинулъ правительство, передавъ власть генералу Алексѣеву. Въ этомъ назначеніи они видѣли не только перемѣну правительственной политики, но и наилучшій способъ безкровной ликвидаціи корниловскаго выступленія, такъ какъ не было сомнѣній, что Корниловъ подчинится тогда Алексѣеву.

Въ то-же время рядъ лицъ, въ томъ числѣ генералъ Алексѣевъ, Милюковъ, президіумъ казачьяго Совѣта и другіе вели настойчивые переговоры съ Керенскимъ о примиреніи его со Ставкой. Даже вдохновитель Керенскаго г. Некрасовъ, сыгравшій такую печальную роль въ поспѣшномъ оповѣщеніи страны о «мятежѣ Корнилова*), по свидѣтельству Кишкина, въ этотъ день, «лежа въ изнеможеніи на кушеткѣ» на вопросъ Керенскаго отвѣтилъ:

— Я нахожу, что безъ того или иного участія генерала Алексѣева въ составѣ правительства нельзя разрѣшить кризиса.

Керенскій не хотѣлъ слышать ни объ оставленіи власти, ни о примиреніи съ «мятежнымъ генераломъ».

— Оставшись одинъ, — заявилъ онъ, — я ухожу къ «нимъ». — И ушелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ его ожидали Церетелли и Гоцъ.

Въ окончательномъ итогѣ судьбы движенія рѣшили «они», т. е. совѣты.

27-го августа Керенскій повѣдалъ странѣ о возстаніи Верховнаго главнокомандующаго, причемъ сообщеніе министра-предсѣдателя начиналось слѣдующей фразой: «26 августа генералъ Корниловъ прислалъ ко мнѣ члена Государственной Думы В. Н. Львова съ требованіемъ передачи Временнымъ правительствомъ всей полноты военной и гражданской власти, съ тѣмъ, что имъ по личному усмотрѣнію будетъ составлено новое правительство для управленія страной».

Въ дальнѣйшемъ Керенскій, тріумвиратъ Савинковъ, Авксентьевъ и Скобелевъ, петроградская дума съ А. А. Исаевымъ и Шрейдеромъ во главѣ и совѣты лихорадочно начали принимать мѣры къ пріостановкѣ движенія войскъ Крымова и, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлымъ рядомъ воззваній, обращенныхъ къ народу, арміи, комитетамъ, желѣзнодорожникамъ, мѣстнымъ комиссарамъ, совѣтамъ и т. д. стремились опорочить движеніе и вызвать ненависть противъ его главы. Во всѣхъ этихъ воззваніяхъ не было правдиваго, фактическаго и юридическаго обоснованія, — они отражали лишь болѣе или менѣе

---

*) Инициатива, редакція и даже подпись фамиліи Керенскаго на телеграммѣ съ обращеніемъ къ народу о мятежѣ главнокомандующаго приписываются Некрасову. Слѣдственная комиссія такъ и не добилась подлинника телеграммы.

холерическій темпераментъ составителей. «Мятежъ», «измѣна родинѣ и революціи», «обнаженіе фронта» — вотъ главные мотивы. Но постыднѣе всѣхъ было воззваніе Чернова отъ имени исполнительнаго комитета Всероссійскаго съѣзда крестьянскихъ депутатовъ. Оно начиналось обращеніемъ къ «крестьянамъ въ сѣрыхъ солдатскихъ шинеляхъ» и приглашало ихъ «запомнить проклятое имя человѣка», который хотѣлъ «задушить свободу, лишить васъ (крестьянъ) земли и воли!» Участникъ Циммервальда, членъ редакціоннаго комитета газеты «На чужбинѣ», состоявшей на службѣ у германскаго генеральнаго штаба, пролилъ слезу и надъ участью *«родной земли»*, страдающей отъ «опустошенія, огня, меча чужеземныхъ императоровъ», — земли, отъ защиты которой отвлекаются «мятежникомъ» войска.

А въ то-же время новый петроградскій генералъ-губернаторъ, Б. Савинковъ, собиралъ революціонныя войска для непосредственной обороны Петрограда — занятіе тѣмъ болѣе трудное, что петроградскій гарнизонъ отнюдь не имѣлъ желанія отдавать свою жизнь за Временное правительство, а юнкерскіе караулы въ Зимнемъ Дворцѣ, по свидѣтельству того-же Савинкова, приходилось смѣнять по нѣсколько разъ въ ночь изъ опасенія «измѣны». Въ организаціи военной обороны, за отсутствіемъ довѣрія къ командному составу, принимали дѣятельное участіе такіе спеціалисты военнаго дѣла, какъ Филоненко и... Черновъ, причемъ послѣдній «объѣзжалъ фронтъ и высказывалъ неожиданныя (стратегическія) соображенія»... *)

Между прочимъ, въ какой-то газетѣ или информаціи промелькнуло совершенно нелѣпое свѣдѣніе объ участіи генерала Алексѣева совмѣстно съ Савинковымъ въ тактической разработкѣ плана обороны подступовъ къ столицѣ противъ корниловскихъ войскъ. Не взирая на всю вздорность этого слуха, Корниловъ склоненъ былъ вѣрить ему и однажды въ Быховѣ, передавая мнѣ этотъ эпизодъ, сказалъ:

— Я никогда не забуду этого.

Съ большимъ трудомъ мнѣ удавалось разсѣять его предубѣжденіе.

Долженъ замѣтить, что какія-то вліянія все время усиленно работали надъ созданіемъ недружелюбныхъ отношеній между генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ; искажались факты, передавались не разъ вымышленные злые и обидные отзывы, долетавшіе извнѣ даже до Быхова. Кому то нужно было внести элементъ раздора въ ту среду, которую не разъѣдало политическое разномысліе.

* * *

*) Изъ письма въ газету Филоненко.

Въ послѣдніе дни августа Петроградъ представлялъ изъ себя разворошенный муравейникъ. И не взирая на громкіе, возбуждающіе призывы своихъ вождей, — призывы, скрывавшіе неувѣренность въ собственныхъ силахъ, революціонная демократія столицы переживала дни смертельной тревоги. Приближеніе къ Петрограду «ингушей» заслонило на время всѣ прочіе страсти, мысли и интересы. А нѣкоторые представители верховной власти торопливо запасались уже заграничными паспортами...

ГЛАВА VI.

Выступленіе генерала Корнилова. Ставка, военноначальники, союзные представители, русская общественность, организаціи, войска генерала Крымова — въ дни выступленія. Смерть генерала Крымова. Переговоры о ликвидаціи выступленія.

Если въ Петроградѣ положеніе было крайне неопредѣленнымъ, то еще большій хаосъ царилъ въ противномъ лагерѣ.

Керенскій приказалъ вступить въ верховное командованіе послѣдовательно начальнику штаба Верховнаго, генералу Лукомскому*), затѣмъ главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ генералу Клембовскому. Оба отказались: первый — бросивъ обвиненіе Керенскому въ провокаціи, второй — «не чувствуя въ себѣ ни достаточно силъ, ни достаточно умѣнья для предстоящей тяжелой работы»... Генералъ Корниловъ, прійдя къ убѣжденію, что «правительство снова подпало подъ вліяніе безотвѣтственныхъ организацій и, отказываясь отъ твердаго проведенія въ жизнь (его) программы оздоровленія арміи, рѣшило устранить (его), какъ главнаго иниціатора указанныхъ мѣръ**), — рѣшилъ не подчиниться и должности не сдавать.

27-го въ Ставку начали поступать петроградскія воззванія, и Корниловъ, глубоко оскорбленный ихъ внѣшней формой и внутренней неправдой, отвѣтилъ со своей стороны рядомъ горячихъ воззваній къ народу, арміи, казакамъ. Въ нихъ, описывая историческій ходъ событій, свои намѣренія и «великую провокацію»***), онъ клялся довести страну до Учредительнаго собранія. Воззванія, искусственныя по стилю****), благородныя и патріотическія по содержанію, остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. «Мы» и безъ нихъ всей душой сочувствовали корниловскому выступленію; «они» — шли только за реальными посулами и подчинялись только силѣ. А, между тѣмъ, во всѣхъ обращеніяхъ слышалась нота душевной скорби и отчаянія, а не сознаніе своей силы. Кромѣ того, тяжело переживая событія и нѣ-

---

*) См. Томъ I, гл. XXXVI.

**) Изъ показанія Корнилова слѣдственной комиссіи.

***) „Телеграмма министра-предсѣдателя... во всей своей первой части является ложью: не я послалъ члена Гос. Думы В. Львова къ Временному правительству, а онъ пріѣхалъ ко мнѣ, какъ посланецъ министра-предсѣдателя“.

****) Два воззванія составлены Завойко, одно (къ казакамъ) лично Корниловымъ.

сколько теряя равновѣсіе, Корниловъ въ воззваніи 27 августа неосторожно заявилъ, что «Временное правительство, подъ давленіемъ большевистскаго большинства совѣтовъ, дѣйствуетъ въ полномъ согласіи съ планами германскаго генеральнаго штаба, и одновременно съ предстоящей высадкой вражескихъ силъ на Рижскомъ побережьи, убиваетъ армію и потрясаетъ страну внутри». Это неосторожное обобщеніе всѣхъ членовъ Временнаго правительства, которыхъ, за исключеніемъ быть можетъ одного, можно было обвинять въ чемъ угодно, только не въ служеніи нѣмцамъ, произвело тягостное впечатлѣніе на лицъ, знавшихъ дѣйствительныя взаимоотношенія между членами правительства, и особенно на тѣхъ, кто въ средѣ его были духовно сообщниками Корнилова.

Образъ, сравненіе, аналогія—въ редакціи Завойко выражены были словомъ «согласіе». Безъ сомнѣнія и Корниловъ не придавалъ прямого значенія этому обвиненію Временного правительства, ибо 28-го онъ уже приглашалъ его въ Ставку, чтобы совмѣстно съ нимъ выработать и образовать «такой составъ правительства народной обороны, который, обезпечивая побѣду, велъ бы народъ русскій къ великому будущему».

28-го Керенскій потребовалъ отмѣны приказанія о движеніи 3-го коннаго корпуса на Петроградъ. Корниловъ отказалъ и, на основаніи всей создавшейся обстановки прійдя къ выводу, что «правительство окончательно подпало подъ вліяніе Совѣта», рѣшилъ: «выступить открыто и, произведя давленіе на Временное правительство, заставить его: 1. исключить изъ своего состава тѣхъ министровъ, которые по имѣющимся (у него) свѣдѣніямъ были явными предателями Родины; 2. перестроиться такъ, чтобы странѣ была гарантирована сильная и твердая власть». Для оказанія давленія на правительство онъ рѣшилъ воспользоваться войсками Крымова, которому 29 августа послано было соотвѣтствующее приказаніе.

И такъ, жребій брошенъ — началась открыто междуусобная война.

Мнѣ не разъ приходилось слышать упреки по адресу Корнилова, что онъ самъ лично не сталъ во главѣ войскъ, шедшихъ на Петроградъ и не использовалъ своего огромнаго личнаго обаянія, которое такъ вдохновляло полки на полѣ сраженія... Повидимому и войсковыя части раздѣляли этотъ взглядъ. По крайней мѣрѣ въ хроникѣ Корниловскаго ударнаго полка читаемъ: «настроеніе корниловцевъ было настолько приподнятое, что, прикажи имъ генералъ идти *съ нимъ* на Петроградъ, много было шансовъ, что взяли бы. Корниловцы увлекли бы за собой и другихъ... Но почему-то генералъ Корниловъ, первоначально рѣшившись, казалось, все поставить на карту, внезапно заколебался и, остановившись на полдорогѣ, не захотѣлъ рискнуть своимъ послѣднимъ козыремъ — Корниловскимъ и Текинскимъ полками». Интересно, что и самъ Корниловъ впослѣдствіи считалъ крупной своей ошибкой то обстоятельство, что онъ не выѣхалъ къ войскамъ... Несомнѣнно появленіе Корнилова съ двумя надеж-

ными полками рѣшило бы участь Петрограда. Но оно врядъ ли было выполнимо технически: не говоря уже о томъ, что съ выходомъ полковъ изъ Ставки весь драгоцѣнный аппаратъ ея попалъ бы въ руки мѣстныхъ совѣтовъ, предстояло передвинуть могилевскіе эшелоны, исправляя пути, мѣстами вѣроятно съ боемъ — на протяженіи 650 верстъ! 26-го Корниловъ ждалъ пріѣзда Керенскаго и Савинкова; 27-го велъ переговоры въ надеждѣ на мирный исходъ, а съ вечера этого дня пути во многихъ мѣстахъ были разобраны и бывшіе впереди эшелоны Туземной дивизіи и 3-го коннаго корпуса безнадежно застряли, разбросанные на огромномъ протяженіи желѣзнодорожныхъ линій, ведущихъ къ Петрограду. Было только двѣ возможности: не ведя переговоровъ, передавъ временное командованіе генералу Лукомскому, выѣхать 27-го съ однимъ эшелономъ на Петроградъ, или позже перелетѣть на аэропланѣ въ раіонъ Луги, рискуя, впрочемъ, въ томъ и другомъ случаѣ вмѣсто «своихъ» попасть къ «чужимъ», такъ какъ съ Крымовымъ всякая связь была прервана. Обѣ эти возможности сильно ударялись въ область приключеній.

Въ Могилевѣ царило тревожное настроеніе. Ставка работала попрежнему, и въ составѣ ея не нашлось никого, кто бы посмѣлъ, а, можетъ быть, кто бы хотѣлъ не исполнить приказанія опальнаго Верховнаго... Ближайшіе помощники Верховнаго, генералы Лукомскій и Романовскій и нѣсколько другихъ офицеровъ сохраняли полное самообладаніе. Но въ души многихъ закрадывались сомнѣніе и страхъ. И среди малодушныхъ начались уже паническіе разговоры и принимались мѣры къ реабилитаціи себя на случай неуспѣха. Бюрократическая Ставка по природѣ своей могла быть мирной фрондой, но не очагомъ возстанія.

Въ гарнизонѣ Могилева не было полнаго единства: онъ заключалъ въ себѣ до трехъ тысячъ преданныхъ Корнилову — корниловцевъ и текинцевъ—и до тысячи солдатъ Георгіевскаго батальона, тронутыхъ сильно революціоннымъ угаромъ и уже умѣвшихъ торговать даже своими голосами...*) Георгіевцы, однако, чувствуя себя въ меньшинствѣ, сосредоточенно и угрюмо молчали; иногда, впрочемъ, происходили небольшія побоища на глухихъ городскихъ улицахъ между ними и «корниловцами». И когда 28-го августа генералъ Корниловъ произвелъ смотръ войскамъ гарнизона, онъ былъ встрѣченъ могучими криками «ура» однихъ и злобнымъ молчаніемъ другихъ. «Никогда не забыть присутствовавшимъ на этомъ историческомъ парадѣ — говорится въ хроникѣ Корниловскаго полка — небольшой, коренастой фигуры Верховнаго... когда онъ рѣзко и властно говорилъ о томъ, что только безумцы могутъ думать, что онъ, вышедшій самъ изъ народа, всю жизнь посвятившій служенію ему, можетъ даже въ мысляхъ измѣнить народному дѣлу. И задрожалъ невольно отъ смертельной обиды голосъ генерала, и задрожали сердца его корниловцевъ. И новое, еще болѣе могучее... «ура» покатилось по сѣрымъ

---

*) При выборахъ въ городскую думу.

рядамъ солдатъ... А генералъ стоялъ съ поднятой рукой... словно обличая тѣхъ, кто нагло бросилъ ему обвиненіе въ измѣнѣ своей Родинѣ и своему народу»...

Еслибы этотъ могучій кликъ могъ докатиться до тѣхъ станцій, полустанковъ, деревень, гдѣ столпились и томились сбитые съ толку, не понимавшіе ничего, въ томъ что происходитъ, эшелоны крымовскихъ войскъ!..

Городъ притихъ, смертельно испуганный всевозможными слухами, ползущими изъ всѣхъ угловъ и щелей, ожиданіемъ междуусобныхъ схватокъ и кровавыхъ самосудовъ.

* * *

Старый губернаторскій домъ на высокомъ, крутомъ берегу Днѣпра, втеченіе полугода бывшій свидѣтелемъ столькихъ историческихъ драмъ, хранилъ гробовое молчаніе. По мѣрѣ ухудшенія положенія стѣны его странно пустѣли и въ нихъ водворилась какая-то жуткая, гнетущая тишина, словно въ домѣ былъ покойникъ. Рѣдкіе доклады и много досуга. Опальный Верховный, потрясенный духовно, съ воспаленными глазами и тоскою въ сердцѣ, цѣлыми часами оставался одинъ, переживая внутри себя свою великую драму, драму Россіи. Въ рѣдкія минуты общенія съ близкими, услышавъ робко брошенную фразу, съ выраженіемъ надежды на скорый подходъ къ столицѣ войскъ Крымова, онъ рѣзко обрывалъ:

— Бросьте, не надо.

Все понемногу рушилось. Послѣднія надежды на возрожденіе арміи и спасеніе страны исчезали. Какіе еще новые факторы могли спасти положеніе?

Разговоръ по телеграфу 27 августа съ Савинковымъ и Маклаковымъ не могъ внушить никакого оптимизма. Изъ нихъ первый въ пространномъ и нравоучительномъ наставленіи убѣждалъ Корнилова «во имя несчастной родины нашей» подчиниться Временному правительству; второй — «принять всѣ мѣры (чтобы) ликвидировать недоразумѣніе безъ соблазна и огласки»... Было ясно, что искусственная редакція обращенія Савинкова имѣетъ цѣлью личную реабилитацію его въ глазахъ круговъ, стоявшихъ на сторонѣ Керенскаго, оправданіе тѣхъ загадочныхъ для революціонной демократіи и самого Керенскаго связей, которыя существовали между военнымъ министерствомъ и Ставкой. Или, какъ говорилъ самъ Савинковъ, — «для возстановленія исторической точности».

Поддержка «маршаловъ»?

Корниловъ *не вѣрилъ* въ стремленіе къ активному выступленію высшаго команднаго состава и не считалъ поэтому необходимымъ посвящать его заблаговременно въ свои намѣренія; если не ошибаюсь, никуда, кромѣ Юго-западнаго фронта, оріентировка не посылалась. По существу главнокомандующіе и командующіе не располагали вѣдь ни реальными силами, ни реальной вла-

стью, находясь въ почетномъ, иногда и не въ почетномъ плѣну у революціонныхъ организацій. Тѣмъ не менѣе, создать узлы сопротивленія путемъ формированія послушныхъ частей, хотя бы для удержанія въ своихъ рукахъ — болѣе или менѣе длительнаго — военныхъ центровъ и штабныхъ техническихъ аппаратовъ, было конечно и необходимо, и возможно. Но для этого нуженъ былъ нѣкоторый подборъ главныхъ начальниковъ, а для всего вмѣстѣ—*время*. Между тѣмъ, быстро прогрессирующій распадъ страны и арміи, по мнѣнію Корнилова, не давалъ возможности планомѣрной подготовки. Наконецъ, Корниловъ считалъ, что въ случаѣ успѣха — признаніе всѣхъ старшихъ военныхъ начальниковъ было обезпечено, а при неуспѣхѣ — меньшее число лицъ вовлекалось въ дѣло и подъ отвѣтъ. Судьба, однако, распорядилась иначе, создавъ совершенно непредвидѣнную обстановку длительнаго конфликта, въ рѣшеніи котораго не только матеріальныя силы, но и моральное воздѣйствіе, требовавшее, однако, нѣкотораго самопожертвованія и риска, имѣло бы огромное значеніе.

Такой нравственной поддержки Корниловъ не получилъ.

27-го на обращеніе Ставки изъ пяти главнокомандующихъ отозвалось четыре*): одинъ — «мятежнымъ» обращеніемъ къ правительству, трое — лояльными, хотя и опредѣленно сочувственными въ отношеніи Корнилова. Но уже въ рѣшительные дни 28—29-го, когда Керенскій предавался отчаянію и мучительнымъ колебаніямъ, обстановка рѣзко измѣнилась: одинъ главнокомандующій сидѣлъ въ тюрьмѣ; другой (Клембовскій) ушелъ и его замѣнилъ большевистскій генералъ Бончъ-Бруевичъ, принявшій немедленно рядъ мѣръ къ пріостановкѣ движенія крымовскихъ эшелоновъ; трое остальныхъ засвидѣтельствовали о своемъ полномъ и безоговорочномъ подчиненіи Временному правительству въ формѣ достаточно вѣрноподданной. Генералъ Пржевальскій, донося Керенскому, счелъ нужнымъ бросить укоръ въ сторону Могилева: «я остаюсь вѣрнымъ Временному правительству, и считаю въ данное время всякій расколъ въ арміи и принятіе ею участія въ гражданской войнѣ гибельнымъ для отечества»... Еще болѣе опредѣленно высказался будущій военный министръ, ставленникъ Керенскаго, полковникъ Верховскій, объявившій въ приказѣ по войскамъ Московскаго округа: «Бывшій Верховный главнокомандующій... въ то самое время, когда нѣмцы прорываются у Риги на Петроградъ, снялъ съ фронта три лучшихъ казачьихъ дивизіи и направилъ ихъ на борьбу съ правительствомъ *и народомъ русскимъ*»...

По мѣрѣ того, какъ получались всѣ эти свѣдѣнія, настроеніе Ставки все болѣе падало, а Верховный все больше уходилъ въ себя, въ свои тяжкія думы.

Поддержка союзниковъ?

Нужно замѣтить, что общественное мнѣніе союзныхъ странъ и ихъ правительствъ, вначалѣ чрезвычайно благожелательно настроенныхъ къ Керенскому, послѣ іюльскаго разгрома арміи рѣзко измѣни-

*) Кромѣ главнок. Кавказскимъ фронтомъ, ген. Пржевальскаго. См. гл. XXXVI, Т. I.

лось. И посланный правительствомъ для ревизіи нашихъ заграничныхъ дипломатическихъ миссій Сватиковъ имѣлъ полное основаніе суммировать свои впечатлѣнія слѣдующими словами доклада: «Союзники смотрятъ съ тревогой на то, что творится въ Россіи. Вся западная Европа — съ Корниловымъ, и ея пресса не перестаетъ твердить: довольно словъ, пора приступить къ дѣлу»*). Еще болѣе опредѣленныя и вполнѣ доброжелательныя отношенія сохранили къ Верховному иностранные военные представители. Многіе изъ нихъ представлялись въ эти дни Корнилову, принося ему увѣренія въ своемъ почитаніи и искреннія пожеланія успѣха; въ особенности въ трогательной формѣ это дѣлалъ британскій представитель. Слова и чувства. Реально они проявились только въ декларацiи, врученной 28 августа Терещенко Бьюкененомъ, въ качествѣ старѣйшины дипломатическаго корпуса. Въ ней въ изысканной дипломатической формѣ послы единодушно заявляли, что «въ интересахъ гуманности и въ желаніи устранить непоправимыя дѣйствія они предлагаютъ свои добрыя услуги (посредниковъ) въ единственномъ стремленіи служить интересамъ Россіи и дѣлу союзниковъ».

Впрочемъ, Корниловъ тогда не ждалъ и не искалъ болѣе реальныхъ формъ интервенціи.

Поддержка русской общественности?

Произошло нѣчто чудесное: русская общественность внезапно и безслѣдно сгинула.

Какъ я говорилъ уже, Милюковъ, быть можетъ еще два, три видныхъ дѣятеля упорно и настойчиво поддерживали въ Петроградѣ необходимость примиренія съ Корниловымъ и коренной реорганизаціи Временного правительства. Кадетская группа въ правительствѣ героически и безпомощно боролась за то-же въ самой средѣ его. Какое фатальное недоразумѣніе выростало на почвѣ ненависти къ правительству въ *цѣломъ* и непониманія его политическихъ группировокъ, когда и этимъ четыремъ «праведникамъ» въ общей «содомской» кучѣ, какъ оказывается, угрожали большія бѣдствія со стороны конспиративныхъ организацій, очевидно превышавшихъ свои полномочія... Либеральная печать, въ томъ числѣ «Рѣчь» и «Русское слово», въ первые дни въ спокойныхъ лояльныхъ статьяхъ такъ опредѣляли элементы выступленія: «преступность» способовъ борьбы, правильность цѣлей ея («подчиненіе всей жизни страны интересамъ обороны») и почвенность движенія, обусловленная положеніемъ страны и ошибками власти. Довольно робко говорили о примиреніи... Вотъ все.

Исчезло и «совѣщаніе общественныхъ дѣятелей», въ лицѣ оставленнаго имъ «совѣта». Предсѣдатель его М. Родзянко, еще три недѣли тому назадъ отъ имени совѣщанія заявившій, что «всякія покушенія на подрывъ авторитета (Корнилова) въ арміи и въ Россіи считаетъ преступнымъ», теперь говорилъ**):

*) Изъ секретныхъ документовъ, опубликованныхъ большевиками.

**) „Русское Слово“ 1917 г. № 197.

— Никогда ни въ какой контръ-революціи я не участвовалъ и во главѣ фронды не стоялъ. О всѣхъ злобахъ дня я узналъ только изъ газетъ и самъ къ нимъ не причастенъ. А вообще могу сказать одно: заводить сейчасъ междуусобія и ссоры — преступленіе передъ Родиной.

Ab uno disce omnes!

Офицерство?

Не было никакого сомнѣнія, что масса офицерства всецѣло на сторонѣ Корнилова и съ замираніемъ сердца слѣдить за перипитіями борьбы, имъ кровно близкой; но, не привлеченное къ ней заблаговременно въ широкомъ масштабѣ и въ солидной организаціи, въ той обстановкѣ, въ какой оно жило — офицерство могло дать лишь нравственную поддержку.

Одна надежда оставалась на вооруженную силу, каковую представляли войска Крымова и петроградскія организаціи, которыя должны были выступить одновременно съ войсками. Но съ Петроградомъ, кромѣ военнаго министерства, связи не было никакой; о Крымовѣ и сосредоточеніи его частей ничего не было извѣстно; летчикъ и цѣлый рядъ посланныхъ Ставкой офицеровъ застревали въ дорогѣ или были перехвачены, и никто не возвращался.

Предчувствовалось что-то недоброе...

* * *

Въ Петроградѣ, какъ я уже говорилъ, царилъ полный развалъ. Казалось необыкновенно легкимъ съ ничтожными силами овладѣть столицей, такъ какъ въ ней не было войскъ, искренно преданныхъ Временному правительству. Но не было и самоотверженныхъ «корниловцевъ». Неожиданный поворотъ событій 27 августа привелъ въ полную растерянность петроградскую организацію. Вновь пошли непрерывныя сборища и совѣщанія, обнаружившія только нерѣшительность и подавленное настроеніе руководителей.

Между тѣмъ, генералъ Алексѣевъ тщетно добивался благопріятнаго разрѣшенія кризиса. Та растерянность, которая царила въ Петроградѣ, и тѣ настроенія, которыя преобладали среди бывшихъ членовъ правительства, какъ будто давали надежду на образованіе новаго правительства съ участіемъ въ немъ въ первенствующей роли генерала Алексѣева, если съ его стороны будетъ проявлена твердость и настойчивость. Впослѣдствіи онъ подвергся суровымъ обвиненіямъ за то, что не сумѣлъ использовать положеніе и согласился стать въ подчиненную роль къ Керенскому. Приводимый ниже эпизодъ даетъ нѣкоторое объясненіе его рѣшенію.

29 августа ротмистръ Шапронъ — одинъ изъ участниковъ организаціи — засталъ его въ крайне угнетенномъ состояніи. Старый генералъ сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи, и изъ глазъ его текли крупныя слезы. Онъ сказалъ:

— Только что былъ Терещенко. Уговариваютъ меня принять должность начальника штаба при Верховномъ — Керенскомъ... Если не соглашусь, будетъ назначенъ Черемисовъ... Вы понимаете, что это значитъ? На другой же день корниловцевъ разстрѣляютъ!.. Мнѣ противна предстоящая роль до глубины души, но что-же дѣлать? Неужели нельзя связаться съ Крымовымъ и вызвать сюда хоть одинъ полкъ? Вѣдь у васъ тутъ есть организація... Отчего она бездѣйствуетъ? Найдите во что бы то ни стало С. и заставьте его приступить къ дѣйствіямъ...

Одинъ изъ крупныхъ участниковъ конспираціи — летчикъ — заявилъ, что всѣ летательныя машины испорчены; взялся лично пробраться къ Крымову на автомобилѣ, но скоро вернулся, объяснивъ, что сломалась машина. Этимъ, собственно, попытка связаться съ коннымъ корпусомъ и ограничилась. Наводитъ на размышленіе тотъ фактъ, что въ тѣ-же дни по всему раіону «внутренняго театра» совершенно безпрепятственно проѣзжалъ комиссаръ Станкевичъ, а къ крымовскимъ войскамъ проникали свободно всевозможныя делегаціи.

Главнаго руководителя петроградской военной организаціи, полковника С., разыскивали долго и безуспѣшно. Онъ, какъ оказалось, изъ опасенія преслѣдованія, скрылся въ Финляндію, захвативъ съ собой послѣдніе остатки денегъ организаціи, что-то около полутораста тысячъ рублей. Впослѣдствіи имена нѣсколькихъ участниковъ организаціи я встрѣтилъ въ агентурныхъ спискахъ лицъ, косвенно содѣйствовавшихъ большевикамъ или промотавшихъ деньги конспираціи. И техническая, и матеріальная часть дѣла были поставлены изъ рукъ вонъ плохо.

29-го Керенскій отдалъ указъ объ отчисленіи отъ должностей и преданіи суду «за мятежъ» генерала Корнилова и старшихъ его сподвижниковъ.

Ночь на 30-е послужила рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ событій: генералъ Алексѣевъ, ради спасенія жизни корниловцевъ, рѣшился принять на свою сѣдую голову безчестіе — стать начальникомъ штаба у «главковерха» Керенскаго. Само назначеніе Керенскаго на этотъ постъ вносило въ дѣло обороны страны элементъ какой-то злой и глупой шутки. Объ этомъ краткомъ, всего нѣсколькодневномъ періодѣ своей жизни Алексѣевъ говорилъ впослѣдствіи всегда съ глубокимъ волненіемъ и скорбью.

* *
*

Въ этотъ день, 30-го, Ставка потеряла въ значительной мѣрѣ надежду на успѣхъ. Между часомъ и тремя часами дня произошелъ историческій разговоръ по телеграфу между Алексѣевымъ и Корниловымъ. Генералъ Алексѣевъ сообщалъ о принятомъ «послѣ тяжкой внутренней борьбы» назначеніи, обуславливая его тѣмъ, чтобы «переходъ къ новому управленію совершился преемственно и безболѣзненно» для того, чтобы «въ корень расшатанный организмъ арміи не

испыталъ еще лишняго толчка, послѣдствія котораго могутъ быть роковыми»...

Минута для такого перехода очевидно уже назрѣла, такъ какъ еще до этого разговора была заготовлена Лукомскимъ отъ имени Верховнаго телеграмма Временному правительству... Въ ней указывалось на недопустимость перерыва руководства операціями хоть на одинъ день и на необходимость немедленнаго пріѣзда въ Ставку генерала Алексѣева, который «съ одной стороны могъ бы принять на себя руководство по оперативной части, съ другой — явился бы лицомъ, могущимъ всесторонне освѣтить обстановку»... Корниловъ обѣщалъ свою лояльность, подъ нѣкоторыми условіями: 1. объявленія о созданіи сильнаго и не подверженнаго вліянію безотвѣтственныхъ организацій правительства, «которое поведетъ страну по пути спасенія и порядка»; 2. прекращенія арестовъ генераловъ и офицеровъ и пріостановки преданія суду генерала Деникина и подчиненныхъ ему лицъ; 3. прекращенія въ интересахъ арміи распространенія приказовъ и воззваній, порочащихъ имя Корнилова, еще не сдавшаго верховнаго командованія.

Алексѣевъ обѣщалъ предъявить эти требованія правительству — повидимому безъ вѣры въ успѣхъ, потребовать временнаго оставленія за Корниловымъ оперативнаго руководства войсками и ускорить свое прибытіе. Керенскій дѣйствительно отдалъ приказъ о выполненіи арміями всѣхъ оперативныхъ приказаній Корнилова и Ставки и даже о продолженіи прерванныхъ перевозокъ, за исключеніемъ... направленныхъ къ Петрограду, Москвѣ, Могилеву и на Донъ, такъ какъ — сказано было въ телеграммѣ — «современное положеніе дѣлъ не требуетъ сосредоточенія войскъ къ указаннымъ пунктамъ».

Это не была еще безусловная сдача, какъ ошибочно поняли въ Петроградѣ.

30-го Корниловъ просилъ Алексѣева дать ему возможность переговорить по прямому проводу съ Крымовымъ... 31-го онъ объявлялъ войскамъ и населенію Могилева: «генералъ Алексѣевъ ѣдетъ изъ Петрограда въ Могилевъ для веденія со мной отъ имени Временнаго правительства переговоровъ... Являясь поборникомъ свободы и порядка въ странѣ, я остаюсь непреклоннымъ въ защитѣ таковыхъ и буду отстаивать ихъ во все время веденія переговоровъ».

Въ ночь съ 31-го августа на 1-ое сентября происходитъ весьма характерный разговоръ по аппарату между генералами Алексѣевымъ (изъ Витебска) и Лукомскимъ, который я приведу въ подробныхъ извлеченіяхъ:

А.: Циркулирующіе сплетни и слухи окутываютъ нежелательнымъ туманомъ положеніе дѣлъ, а главное вызываютъ нѣкоторыя распоряженія Петрограда, отдаваемыя послѣ моего отъѣзда оттуда и могущія имѣть нежелательныя послѣдствія. Поэтому прошу отвѣтить мнѣ: 1. считаете ли, что я слѣдую въ Могилевъ съ опредѣленнымъ служебнымъ положеніемъ, или

же только для переговоровъ. 2. Предполагаете ли, что съ пріемомъ мною руководства арміями дальнѣйшій ходъ событій будетъ опредѣляться прибывающей въ Могилевъ вѣроятно 2-го сентября или вечеромъ 1-го сентября слѣдственной комиссіей подъ предсѣдательствомъ главнаго (военнаго и) морского прокурора... Отъ этого будетъ зависѣть мое собственное рѣшеніе, такъ какъ я не могу допустить себѣ быть простымъ свидѣтелемъ тѣхъ событій, которыя подготовляются распоряженіями и которыхъ безусловно нужно избѣжать.

Л.: Сегодня вечеромъ генералъ Корниловъ говорилъ мнѣ, что онъ смотритъ на васъ, какъ на лицо, предназначенное на должность наштаверха, и предполагалъ послѣ разговоровъ съ вами и показавъ вамъ рядъ документовъ, которыхъ вы вѣроятно не имѣете, дать вамъ свое окончательное рѣшеніе, считая, что, быть можетъ, ознакомившись съ дѣломъ, вы нѣсколько измѣните тотъ взглядъ, который, повидимому, у васъ сложился. Во всякомъ случаѣ увѣряю васъ, что генералъ Корниловъ не предполагалъ устраивать изъ Могилева фортъ Шаброль и въ немъ отсиживаться. Я убѣжденъ, что ради того, что бы не прерывать оперативной дѣятельности и дабы въ этомъ отношеніи не произошло какихъ либо непоправимыхъ несчастій, *вамъ не будетъ чиниться никакихъ препятствій по оперативнымъ распоряженіямъ.* Вотъ все, что я знаю. Если этотъ отвѣтъ васъ не удовлетворяетъ, я могу разбудить генерала Корнилова и дать вамъ дополнительный отвѣтъ. Нужно-ли?

А.: Да, придется разбудить, такъ какъ всего сказаннаго вами недостаточно. Послѣ тяжелаго размышленія я вынужденъ былъ силою обстоятельствъ принять назначеніе, во избѣжаніе другихъ рѣшеній, которыя могли отразиться на арміи. Въ рѣшеніи этомъ я руководствовался только военною обстановкою, не принимая во вниманіе никакихъ другихъ соображеній. Но теперь возникаетъ вопросъ существенной важности: прибыть въ Могилевъ только для оперативной дѣятельности, при условіи, что остальная жизнь арміи будетъ направляться другою волею, невозможно. Или прійдется взять все, или отказаться совершенно отъ появленія въ Могилевѣ. Я сказалъ вамъ, что послѣ моего отъѣзда изъ Петрограда, оттуда идутъ распоряженія, идущія помимо меня, но прямо касающіяся событій, которыя могутъ разыграться въ Могилевѣ. Поэтому явиться невольнымъ участникомъ столкновенія двухъ воль, не отъ меня зависимыхъ, я считаю для себя и недопустимымъ, и недостойнымъ. Или съ прибытіемъ въ Могилевъ я долженъ стать отвѣтственнымъ распорядителемъ по всѣмъ частямъ жизни и службы арміи, или совсѣмъ не долженъ при-

нимать должности. Въ этомъ отношеніи не могу допустить никакой неясности и недоговоренности, такъ какъ это можетъ повлечь за собой непоправимыя послѣдствія. Я понимаю, что документы могутъ освѣтить мнѣ ходъ событій. Думаю, что мой взглядъ не идетъ въ разрѣзъ съ сутью этихъ документовъ. Но въ настоящую минуту вопросъ идетъ о практическомъ разрѣшеніи создавшагося положенія.

Л.: Для полученія мнѣ вполнѣ опредѣленнаго отвѣта отъ генерала Корнилова на ваши вопросы было бы крайне желательно получить отъ васъ освѣщеніе двухъ вещей: 1. что дѣлается съ Крымовымъ и 2. рѣшено-ли направить сюда что-либо для ликвидаціи вопроса.

А.: Я задержалъ сегодня свой отъѣздъ до 10 ч. утра, что бы дождаться пріѣзда генерала Крымова въ Петроградъ. Видѣлъ его и разговаривалъ съ нимъ. На пути видѣлъ бригадныхъ командировъ Туземной дивизіи и читалъ записку, присланную имъ отъ генерала Крымова. *Записка говоритъ объ отводѣ Туземной дивизіи въ раіонъ станціи Дно и о прибытіи начальниковъ дивизій и бригадныхъ командировъ въ Петроградъ.* Сейчасъ въ Витебскѣ циркулируютъ неясные слухи, что съ генераломъ Крымовымъ что-то случилось, но слухамъ этимъ я не довѣряю и предполагаю, что онъ остался въ Петроградѣ. Крымовъ говорилъ мнѣ, что въ 12 часовъ онъ долженъ былъ быть у Керенскаго. На 2-ой вашъ вопросъ долженъ сказать, что при отъѣздѣ я заявилъ, что беру на себя спокойно, безъ всякихъ толчковъ вступить въ исполненіе обязанностей. Къ глубокому сожалѣнію на пути узналъ, что непосредственно изъ Петрограда отдаются распоряженія, которыя становятся мнѣ извѣстными совершенно случайно, — о направленіи средствъ для насильственной, если нужно, ликвидаціи. Потому то я и высказалъ, что для меня и недостойно, и недопустимо пребываніе при такихъ условіяхъ въ Могилевѣ. Вотъ причина, вслѣдствіе которой для меня необходимъ ясный отвѣтъ. Отъ него будетъ зависѣть мое рѣшеніе. Но, къ сожалѣнію, я не могу сейчасъ повліять на остальныя распоряженія. Сознаю только глубоко, что допустить до подобной ликвидаціи было бы большой ошибкой.

. . . .

Л.: Генералъ Корниловъ проситъ васъ пріѣхать, *какъ полномочнаго руководителя арміями.* Но вмѣстѣ съ этимъ ген. Корниловъ настаиваетъ, что бы вы приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы никакія войска изъ другихъ пунктовъ теперь въ Могилевъ не вводились и къ нему не под-

водились, ибо по настроенію здѣшнихъ войскъ произойдетъ кровопролитіе, которое ген. Корниловъ считаетъ необходимымъ избѣжать. Со своей стороны онъ приметъ мѣры, дабы никакихъ волненій въ Могилевѣ не было. Ген. Корниловъ проситъ васъ отвѣтить, можете ли вы ручаться, что эта его просьба, чтобы войска къ Могилеву не подводились, будетъ исполнена?

А.: Сдѣлаю все.

Такимъ образомъ, только утромъ 1-го сентября генералъ Корниловъ принялъ окончательное рѣшеніе подчиниться судьбѣ.

* * *

Что же случилось съ войсками генерала Крымова?

Вновь назначенный командиромъ 3-го коннаго корпуса генералъ Красновъ прибылъ въ Могилевъ только 28 августа. Получивъ въ Ставкѣ приказаніе ѣхать черезъ Псковъ и, узнавъ тамъ мѣстонахожденіе частей корпуса, немедленно двигаться по направленію къ Петрограду, онъ задержался въ Псковѣ, гдѣ и былъ арестованъ.

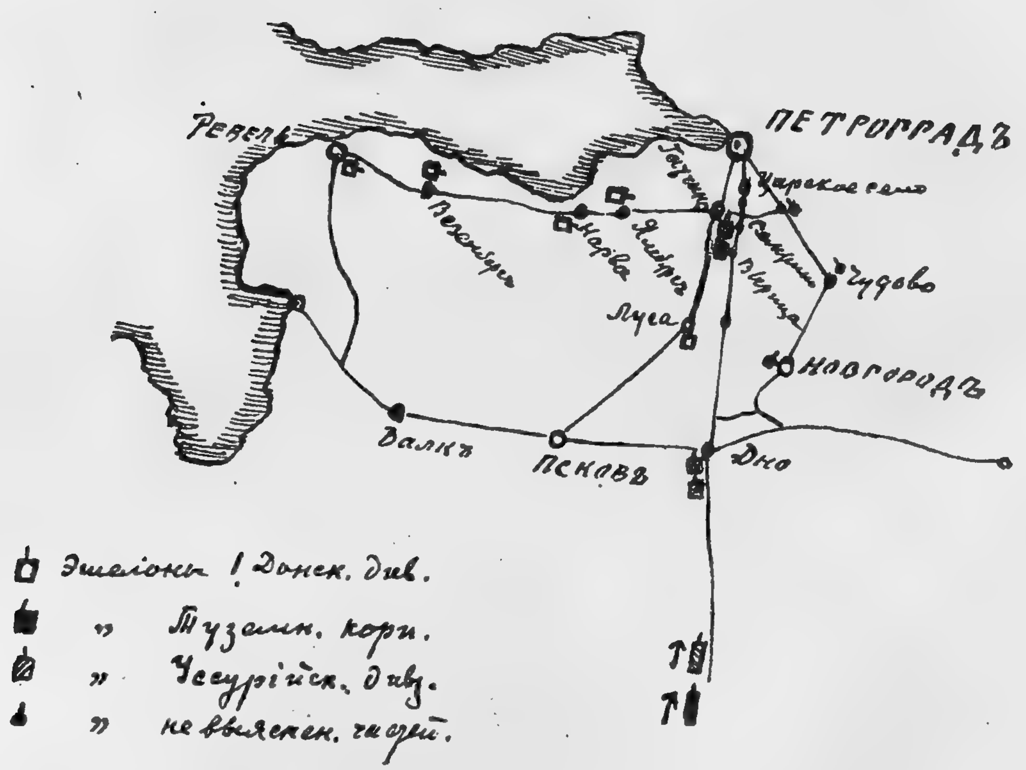
Приказъ о движеніи къ Петрограду войска 3-го коннаго корпуса и Туземной дивизіи получили 27 августа. Войска эти были разбросаны на обширномъ пространствѣ между Ревелемъ—Валкомъ—Псковомъ—Дно. Ко времени, когда окончательно остановилось желѣзнодорожное движеніе, передовыя части оказались далеко отъ Петрограда, и только одна бригада Туземной дивизіи (Черкесскій и Ингушскій полки подъ командой князя Гагарина) дошла своими передовыми частями до станціи Семрино, впереди которой и завела безкровную перестрѣлку съ «правительственными» войсками, находившимися у Антропшина. «Правительственныя войска», т. е. по преимуществу тыловые запасные батальоны, не выражали склонности къ серьезному сопротивленію, нервничали и не разъ уходили, бросая свои позиціи отъ одного слуха о приближеніи казаковъ и «дикихъ». Путаница была настолько велика, что не рѣдко казачьи квартирьеры мирно разъѣзжали въ раіонѣ своего противника и располагали тамъ свои части. Приказы отъ Крымова высшими штабами получались, но технически ихъ распространеніе по эшелонамъ, разбросаннымъ на сотни верстъ, встрѣчало трудно преодолимыя препятствія. До 29-го войска шли на Петроградъ офиціально для поддержки Временного правительства. Въ этотъ-же день Крымовъ объявилъ о столкновеніи Керенскаго съ Верховнымъ и призывалъ оставаться послушными распоряженіямъ послѣдняго, напоминая постановленіе казачества о недопустимости смѣны Корнилова. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подтверждалъ свой приказъ двигаться на Петроградъ, гдѣ по его свѣдѣніямъ «начались безпорядки». Такая неопредѣленная постановка цѣли уже ни казаковъ, ни солдатъ удовлетворить не могла. Вопросъ стоялъ проще и опредѣленнѣе:

— Съ Временнымъ правительствомъ противъ Корнилова или съ Корниловымъ противъ Временнаго правительства.

Эшелоны ген. Крымова

на путяхъ къ Петрограду

29.8.1917

Весь старшій командный элементъ, если и не былъ въ полномъ составѣ посвященъ въ планы и намѣренія Крымова, то конечно отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, на чью сторону стать. Въ отношеніи офицерства, которое далеко не все знало, но все понимало обстановку, разномыслія также не было. Всѣ знали, что необходимо спѣшить къ Петрограду. Необходимо было, слѣдовательно, начальникамъ, рискуя головами, увлечь за собою части, бросить станціи, гдѣ шла бѣшенная противо-корниловская агитація, бросить свои обозы и хвосты, жертвуя сосредоточеніемъ всѣхъ силъ, и итти въ поле, деревнями, походомъ, форсированными маршами, только бы скорѣе дойти до столицы.

Но дерзанія не было. Томленіе, нерѣшительность, безпомощность, потеря времени давали печальные результаты. Тѣмъ временемъ работалъ «Викжель», задерживая повсюду «корниловскіе эшелоны». Новый управляющій министерствомъ путей сообщенія Ливеровскій проявилъ необыкновенную дѣятельность въ дѣлѣ противодѣйствія сосредоточенію войскъ. Одновременно двинулись навстрѣчу эшелонамъ множество делегацій отъ Керенскаго, Совѣта, петроградской думы, мусульманскаго съѣзда, отъ всякихъ мѣстныхъ комитетовъ и т. д. Правительственныя делегаціи имѣли «мандаты» на устраненіе и аресты начальствующихъ лицъ. Въ свою очередь войсковыя части послали своихъ делегатовъ въ Петроградъ, и мало по-малу накопившееся напряженіе или разсасывалось въ потокѣ революціонныхъ словопреній или срывалось насиліями надъ офицерами.

Керенскій говоритъ, что корниловское движеніе было безкровно подавлено въ самомъ началѣ только благодаря энтузіазму и единенію всей страны, которая соединилась вокругъ національной демократической власти...*) Какое пристрастіе къ паѳосу! Вѣдь энтузіазмъ былъ уже похороненъ на поляхъ іюньскаго наступленія, «цвѣты души» растоптаны на Московскомъ совѣщаніи, власть давно опошлена и обезкровлена, и вмѣсто яркаго свѣточа ея тлѣлъ только фитиль еще два мѣсяца, пока не погасъ въ концѣ октября окончательно.

Нѣтъ, причины были болѣе реальныя: энергичная борьба Керенскаго за сохраненіе власти и борьба совѣтовъ за самосохраненіе, полная несостоятельность технической подготовки корниловскаго выступленія и инертное сопротивленіе массы, плохо вѣрившей Корнилову, мало знавшей его цѣли или, во всякомъ случаѣ, не находившей ихъ матеріально цѣнными...

Къ 30-му на подступахъ къ Петрограду у Крымова была только одна бригада кавказскихъ всадниковъ.

Методъ, такъ успѣшно примѣненный въ отношеніи Корнилова сольвовской миссіей, Керенскій повторилъ и съ Крымовымъ. Онъ послалъ въ окрестности Луги помощника начальника своего кабинета, полковника генеральнаго штаба Самарина, къ которому Крымовъ издавна питалъ большое расположеніе, «для выясненія положенія», въ дѣйствительности-же, чтобы безболѣзненно изъять Крымова изъ войскъ. Есть основаніе думать, что Самаринъ представилъ Крымову положеніе безнадежнымъ, подчиненіе Ставки окончательнымъ и отъ имени Керенскаго завѣрилъ, что послѣдній желаетъ принять всѣ мѣры, чтобы потушить возникшее столкновеніе и представить его странѣ въ примирительномъ духѣ. Ни одному слову Керенскаго Крымовъ не вѣрилъ, но Самарину повѣрилъ.

И поѣхалъ въ Петроградъ.

Раннимъ утромъ 31-го онъ велъ долгую бесѣду съ генераломъ Алексѣевымъ въ вагонѣ поѣзда, уже готоваго къ отправленію. Никто, кромѣ ихъ двухъ, не присутствовалъ въ этотъ глубоко драматич-

---

*) „Прелюдія большевизма“.

ный моментъ при ихъ бесѣдѣ, облеченной покровомъ тайны, и положившей предѣлъ корниловскому выступленію. Одно во всякомъ случаѣ ясно: потерявшій сердце Алексѣевъ не могъ влить твердость въ мятущуюся душу Крымова.

Алексѣевъ уѣхалъ въ Могилевъ «для ликвидаціи Ставки», Крымовъ поѣхалъ къ Керенскому. Его видѣли проѣзжавшаго по городу въ автомобилѣ — блѣднаго, задумчиваго, не замѣчавшаго привѣтствовавшихъ его знакомыхъ. Въ Зимнемъ дворцѣ произошелъ разговоръ его съ Керенскимъ, который послѣдній передаетъ въ англійскомъ изданіи своей книги*) въ оскорбительномъ для памяти покойнаго изложеніи. По его словамъ Крымовъ — смѣлый, рѣшительный, прямой, честный Крымовъ — былъ тихъ, скроменъ и подавленъ якобы тѣмъ, что сказалъ неправду ему — Керенскому, прозорливо разгадавшему истинную роль Крымова. О томъ бурномъ, гнѣвномъ, обличительномъ словѣ Крымова, которое вырывалось изъ-за стѣнъ кабинета, онъ молчитъ. Въ неоставляющей его маніи величія, Керенскій даетъ понять между строкъ англійскому читателю, что на финальный выстрѣлъ не осталось безъ вліянія и то обстоятельство, что онъ — Керенскій не подалъ при прощаніи руки генералу Крымову... Англичанамъ можно разсказывать что угодно: они не знаютъ, что Крымовъ всегда и открыто выражалъ свое глубокое презрѣніе къ Керенскому.

Впрочемъ и Керенскій долженъ былъ признать посмертно «честную, сильную и храбрую натуру этого человѣка» и «неоспоримое право его на величайшее уваженіе своихъ политическихъ враговъ».

Крымовъ оказался обманутымъ. Уйдя отъ Керенскаго, выстрѣломъ изъ револьвера онъ смертельно ранилъ себя въ грудь. Черезъ нѣсколько часовъ въ Николаевскомъ военномъ госпиталѣ, подъ площадную брань и издѣвательства революціонной демократіи, въ лицѣ госпитальныхъ фельдшеровъ и прислуги, срывавшей съ раненаго повязки, Крымовъ, приходившій изрѣдка въ сознаніе, умеръ.

Но, повидимому и мертвымъ «политическій врагъ» былъ страшенъ для министра-предсѣдателя: публичныя похороны были запрещены, и вдовѣ покойнаго пришлось пройти черезъ новое тяжелое испытаніе — просить Керенскаго о разрѣшеніи честного погребенія. Было, наконецъ, разрѣшено похоронить покойнаго по христіанскому обряду, но не позже шести часовъ утра въ присутствіи не болѣе девяти человѣкъ, включая и духовенство.

Вѣчная ему память!

* * *

4-го сентября полковникъ Самаринъ за отличіе по службѣ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командующимъ войсками Иркутскаго военнаго округа.

---

*) „Прелюдія большевизма“. Керенскій припоминаетъ, что при разговорѣ присутствовалъ помощникъ военнаго министра, полковникъ Якубовичъ.

Главныя ворота Быховской тюрьмы.

Стр. 86.

Быховская тюрьма (наружный фасадъ).

Стр. 86.

ГЛАВА VII.

Ликвидація Ставки. Арестъ генерала Корнилова. Побѣда Керенскаго — прелюдія большевизма.

«Направленіе средствъ для ликвидаціи Ставки», о которомъ говорилъ генералъ Алексѣевъ въ своемъ разговорѣ съ Лукомскимъ, принимало угрожающій характеръ. Еще по пути въ Могилевъ Алексѣевъ узналъ, что Витебскій и Смоленскій комитеты собираютъ войска для похода на Ставку. Въ Оршѣ онъ встрѣтилъ сводный отрядъ, набранный изъ войскъ Западнаго фронта, подъ начальствомъ подполковника Короткова. Отрядъ шелъ по приказу Керенскаго, распорядившагося уже послѣ отъѣзда генерала Алексѣева, о «начатіи рѣшительныхъ дѣйствій противъ Могилева»,*) причемъ военное министерство указывало и способы дѣйствія...**) 31-го передовыя части отряда находились уже на станціи Лотва, послѣдней передъ Могилевымъ. По ироніи судьбы Коротковъ былъ тотъ самый предсѣдатель «боевой контактной комиссіи» фронтового комитета, который во время моего іюльскаго наступленія явился къ генералу Маркову и съ неподдѣльнымъ чувствомъ отчаянія докладывалъ:

— Господинъ генералъ! Мы совершенно безсильны. Насъ никто не слушаетъ. «Они» не хотятъ идти...

Теперь «они» шли.

Даже 1-го сентября, когда генералъ Алексѣевъ находился уже въ Могилевѣ, командующій войсками Московскаго округа, полковникъ Верховскій говорилъ ему по аппарату: «сегодня выѣзжаю въ Ставку съ крупнымъ вооруженнымъ отрядомъ для того, чтобы покончить то издѣвательство надъ здравымъ смысломъ, которое до сихъ поръ имѣетъ мѣсто! Корниловъ, Лукомскій, Романовскій, Плющевскій-Плющикъ, Пронинъ и Сахаровъ должны быть арестованы немедленно и препровождены»... Революціонный неофитъ былъ такъ нетерпѣливъ въ своемъ желаніи лично разгромить Ставку, что не соглашался подождать отвѣта отвлеченнаго къ другому аппарату Алексѣева: «выѣду непремѣнно... не имѣю времени ожидать, отдаю распоряженія объ отъѣздѣ»...

Генералъ Алексѣевъ, бесѣдуя съ Керенскимъ по аппарату,***) указавъ на создаваемыя имъ осложненія, говорилъ: «я принялъ на себя

---

*) Телеграмма Керенскаго № 525.

**) Телеграмма прапорщика Толстого.

***) Разговоръ между 15^{30} и 17^{10} ч. 1-го сентября.

обязательство путемъ однихъ переговоровъ окончить дѣло... Мнѣ не было сдѣлано даже намека на то, что уже собираются войска для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Могилева». Керенскій оправдывался и необычайно торопилъ ликвидацію: «нами былъ полученъ за эти сутки цѣлый рядъ сообщеній устныхъ и письменныхъ, что Ставка имѣетъ большой гарнизонъ изъ всѣхъ родовъ оружія, что она объявлена на осадномъ положеніи, что на 10 верстъ въ окружности выставлено сторожевое охраненіе, произведены фортификаціонныя работы съ размѣщеніемъ пулеметовъ и орудій... Принимая всю обстановку во вниманіе, не считаю возможнымъ подвергать васъ и слѣдственную комиссію возможному риску и предложилъ Короткову двигаться. Никакихъ другихъ распоряженій какимъ бы то ни было другимъ частямъ отъ меня не исходило. Я предлагаю вамъ передать генералу Корнилову, что онъ долженъ сдать вамъ должность, отдать себя въ распоряженіе власти, демобилизовать свои войсковыя части немедленно, причемъ отвѣтственность на эти части не упадетъ, если это будетъ сдѣлано немедленно... Все это должно быть выполнено... въ 2-хъ часовой срокъ съ момента окончанія нашего съ вами разговора... Если черезъ два часа не получу отъ васъ отвѣта, я буду считать, что вы захвачены генераломъ Корниловымъ и лишены свободы дѣйствій».

Генералъ Алексѣевъ возражалъ, что должность онъ принялъ, «безопасность и свобода дѣйствій его и слѣдственной комиссіи вполнѣ обезпечена», что «въ Могилевѣ никакой артиллеріи нѣтъ, никакихъ фортификаціонныхъ сооруженій не возводилось, войска вполнѣ спокойны, и только при наступленіи подполковника Короткова столкновеніе неизбѣжно». Наконецъ, что въ теченіе двухъ часовъ онъ не въ состояніи собрать всѣхъ военныхъ начальниковъ.

Но Керенскій очевидно не вѣрилъ еще въ благополучный исходъ ликвидаціи и проявлялъ великое нетерпѣніе и страхъ. Въ исходѣ дня начальникъ его кабинета, полковникъ Барановскій вновь обратился въ Ставку съ напоминаніемъ:

«Верховный главнокомандующій требуетъ, чтобы ген. Корниловъ и его соучастники были арестованы немедленно, ибо дальнѣйшее промедленіе грозитъ неисчислимыми бѣдствіями. Демократія взволнована свыше мѣры и все грозитъ разразиться колоссальнымъ взрывомъ, послѣдствія котораго трудно предвидѣть. Этотъ взрывъ въ формѣ выступленія совѣтовъ и большевизма ожидается не только здѣсь, въ Петроградѣ, но и въ Москвѣ и другихъ городахъ. Въ Омскѣ арестованъ командующій войсками, власть перешла къ совѣту. Обстановка такова, что дальше медлить нельзя: или промедленіе и гибель всего дѣла спасенія родины, или немедленныя рѣшительныя дѣйствія, аресты указанныхъ вамъ лицъ и тогда возможна еще борьба. А. Ф. Керенскій ожидаетъ, что государственный разумъ подскажетъ ген. Алексѣеву рѣшеніе и онъ приметъ его немедленно: арестуетъ Корнилова и его соучастниковъ... Сегодня, сейчасъ необходимо дать это въ газеты, чтобы завтра утромъ объ арестѣ

узнала вся организованная демократія. Для васъ должны быть понятны тѣ политическія движенія, которыя возникли и возникаютъ на почвѣ обвиненія власти въ бездѣйствіи и попустительствѣ. Совѣты бушуютъ и разрядить атмосферу можно только проявленіемъ власти и арестомъ Корнилова и другихъ. Повторяю дальнѣйшее промедленіе невозможно. Нельзя дальше только разговаривать, надо рѣшаться и дѣйствовать»...

Въ этомъ паническаго характера обращеніи*) къ Вырубову съ исчерпывающей ясностью установлены взаимоотношенія министра-предсѣдателя съ совѣтами и тѣ личныя побужденія, которыя двигали имъ во всей исторіи столкновенія. Это впечатлѣніе не устраняетъ введенная въ обращеніи вводная фраза о спасеніи Родины...

Алексѣевъ отвѣтилъ: «Около 12½ часовъ главковерху отправлена мною телеграмма, что войска, находящіяся въ Могилевѣ вѣрны Временному Правительству и подчиняются безусловно главковерху. Около 22 часовъ генералы Корниловъ, Лукомскій, Романовскій, полковникъ Плющевскій-Плющикъ арестованы. Приняты мѣры путемъ моего личнаго разъясненія совѣту солдатскихъ депутатовъ установленія полнаго спокойствія и порядка въ Могилевѣ; посланъ приказъ полковнику Короткову не двигать войска его отряда далѣе станціи Лотва, такъ какъ надобности въ этомъ никакой нѣтъ. Такимъ образомъ, за семь часовъ времени пребыванія моего въ Могилевѣ были исполнены только дѣла и исключены разговоры. Около 24-хъ часовъ прибываетъ слѣдственная комиссія, въ руки которой будутъ переданы чины уже арестованные, и будутъ арестованы по требованію этой комиссіи другія лица, если въ этомъ встрѣтится надобность. Съ глубокимъ сожалѣніемъ вижу, что мои опасенія, что мы окончательно попали въ настоящее время въ цѣпкія лапы совѣтовъ, являются неоспоримымъ фактомъ».

* * *

Когда велись еще послѣдніе переговоры, они имѣли по существу информаціонный, формальный характеръ, ибо психологически въ Ставкѣ все уже было кончено. Еще 29-го весьма поспѣшно уѣхалъ изъ Могилева Завойко — «подымать Донъ»;**) Многіе чины Ставки перестали ходить на занятія; большая группа толпилась днемъ и ночью въ томъ домѣ, въ которомъ долженъ былъ остановиться генералъ Алексѣевъ... Въ хроникѣ Корниловскаго полка описывается сцена, какъ 31-го въ одной группѣ «приближенныхъ» шли разговоры о «бѣгствѣ», и только одинъ изъ присутствовавшихъ съ возмущеніемъ заявилъ, что долгъ всѣхъ, стоявшихъ заодно съ генераломъ, до конца

*) Оно авторизовано Керенскимъ, какъ видно изъ его книги „Прелюдія большевизма“.

**) Былъ по пути арестованъ и нѣкоторое время содержался въ Петроградѣ на гауптвахтѣ вмѣстѣ съ В. Львовымъ.

оставаться при немъ и раздѣлить его участь, хотя бы это была смерть. Замѣститель арестованнаго предсѣдателя Главнаго комитета офицерскаго союза спрашивалъ Алексѣева по прямому проводу «какъ быть» и докладывалъ своему почетному предсѣдателю, что «союзъ до послѣдней минуты шелъ по тому пути, на который Вы его благословили, и Главный комитетъ всюду поддерживалъ тѣ требованія, которыя предъявлялись генераломъ Корниловымъ для устроенія арміи»... Докладъ заканчивался тревожной фразой: «смѣю добавить, что судьба Главнаго комитета и всего союза въ Вашихъ рукахъ»...

Съ полками простился Корниловъ въ лицѣ ихъ командировъ. Онъ былъ спокоенъ и внѣшне ничѣмъ не проявлялъ внутренняго состоянія своей души.

— Передайте Корниловскому полку — сказалъ онъ — что я приказываю ему соблюдать полное спокойствіе; я не хочу, чтобы пролилась хоть одна капля братской крови.

Капитанъ Нѣженцевъ, командиръ Корниловскаго полка, рыдая, какъ ребенокъ, говорилъ:

— Скажите слово одно, и всѣ корниловскіе офицеры отдадутъ за васъ безъ колебанія свою жизнь...

Болѣе сдержаннымъ былъ командиръ Текинскаго полка, полковникъ Кюгельгенъ, который на вопросъ приближенныхъ Корнилова, можно ли ожидать отъ полка самопожертвованія, отвѣтилъ:

— Я не знаю.

Полковникъ Кюгельгенъ не сроднился съ полкомъ и говорилъ только отъ себя.

Впрочемъ, все уже было кончено и рѣшено. Даже нѣчто страшное, еще не высказанное, но уже овладѣвшее мыслью и сдавившее ее въ холодныхъ тискахъ обреченности...

Наступила ночь, и губернаторскій домъ погрузился въ тревожную, жуткую тишину. Верховный подводилъ итоги своей жизни. Все кончено, всѣ усилія его спасти страну и армію пошли прахомъ; поддержки тѣхъ, на кого надѣялся, не встрѣтилъ; надежды болѣе нѣтъ. Жить дольше не стоитъ.

Я не знаю, но я увѣренъ, что въ эти минуты на рѣшеніе Верховнаго вліяло и связывающее слово, сказанное имъ 28-го въ «обращеніи къ народу»:... «Долгъ солдата, самопожертвованіе гражданина Свободной Россіи и беззавѣтная любовь къ Родинѣ заставили меня въ эти грозныя минуты бытія отечества не подчиниться приказанію Временнаго правительства... Я заявляю всему народу русскому, что *предпочитаю смерть устраненію меня отъ должности Верховнаго*». Завойко позволилъ себѣ, не имѣя нравственнаго права, помѣстить въ проэктѣ воззванія столь индивидуальнаго характера фразу, которая могла бы исходить лишь отъ самого лица, обращавшагося съ воззваніемъ, оказывала несомнѣнно нравственное давленіе, и исключеніе которой для Верховнаго было психологически трудно или даже невозможно.

Но Корниловъ не могъ уйти изъ жизни тайно. Его мысли разгадала другъ-жена, дѣлившая съ нимъ 22 года его трудную, безпокойную жизнь... На другой день въ той самой комнатѣ, гдѣ нѣкогда томился духомъ свергаемый императоръ, происходила новая мистерія, въ которой шла борьба между холоднымъ отчаяніемъ и безпредѣльной преданной любовью.

. . . .

Выйдя изъ кабинета мать сказала дочери:

— Отецъ не имѣетъ права бросить тысячи офицеровъ, которые шли за нимъ. Онъ рѣшилъ испить чашу до дна.

* * *

Такъ какъ всѣ чины Ставки, причастные къ выступленію, подчинились добровольно, то арестъ ихъ, произведенный 1-го сентября генераломъ Алексѣевымъ, имѣлъ скорѣе характеръ необходимой предосторожности противъ «правительственныхъ отрядовъ» и революціонной демократіи, враждебно настроенной въ отношеніи «мятежниковъ». Губернаторскій домъ окружили постами георгіевцевъ, внутренніе караулы заняли вѣрные текинцы. На другой день генерала Корнилова и его соучастниковъ перевели въ одну изъ могилевскихъ гостинницъ, а въ ночь на 12 сентября всѣхъ повезли въ Старый Быховъ, въ наскоро приспособленное для заключенія арестованныхъ зданіе женской гимназіи.

Ставка и городъ начали мало по-малу приходить въ себя. Гарнизонъ нѣсколько еще волновался: корниловцы испытывали тяжелое чувство недоумѣнія, внутреннихъ противорѣчій и подавленности отъ пережитой драмы; георгіевцы подняли головы. Ген. Алексѣевъ поддержалъ нравственно первыхъ, пристыдилъ вторыхъ, обѣщая прочесть длинные списки полученныхъ ими за городскіе выборы «денежныхъ подарковъ» отъ еврейскаго населенія Могилева. На первомъ же смотру корниловцевъ онъ громко, въ присутствіи собравшейся толпы солдатъ и гражданъ сказалъ, что Корниловъ не виновенъ въ приписываемыхъ ему преступленіяхъ, и что праведный судъ сниметъ съ него тяжелое и необоснованное обвиненіе...

Одно это коренное расхожденіе во взглядахъ до крайности затрудняло совмѣстную службу его съ Керенскимъ. Но и кромѣ этого атмосфера Ставки становилась совершенно невыносимой: корниловскія мѣропріятія для оздоровленія арміи были отброшены; армія волновалась, офицерство попало въ еще болѣе мучительное положеніе. «Я сознаю — писалъ Алексѣевъ одному изъ союзныхъ военныхъ агентовъ — свое безсиліе возстановить въ арміи хоть тѣнь организаціи: комиссары препятствуютъ выполненію моихъ приказовъ, мои жалобы не доходятъ до Петрограда; Керенскій разсыпается въ любезностяхъ по телеграфу и перлюстрируетъ мою корреспонденцію; невзирая на всѣ обѣщанія его, судьба Корнилова остается загадоч-

ной»...*) Еще болѣе опредѣленно высказался генералъ Алексѣевъ въ письмѣ своемъ къ Каледину: «три раза я взывалъ къ совѣсти Керенскаго, три раза онъ давалъ мнѣ честное слово, что Корниловъ будетъ помилованъ; на прошлой недѣлѣ онъ показывалъ мнѣ даже проэктъ указа, одобренный, якобы, членами правительства... Все ложь и ложь! Керенскій не подымалъ даже этого вопроса... По его приказу украдены мои записки. Онъ или к... или сумасшедшій. По моему — к...»... Въ этомъ письмѣ совершенно ново требованіе *помилованія.* Въ Быховѣ шелъ разговоръ исключительно о *реабилитаціи,* и амнистія считалась совершенно непріемлемой. Также безрезультатны были его усилія вырвать изъ Бердичева находившуюся тамъ въ тюрьмѣ группу генераловъ. Генералъ Алексѣевъ, не достигнувъ въ этомъ отношеніи никакихъ результатовъ въ смыслѣ воздѣйствій на Керенскаго, написалъ горячее письмо редактору «Новаго Времени» Б. Суворину, требуя, чтобы немедленно была поднята газетная кампанія «противъ убійства лучшихъ русскихъ людей и генераловъ». Дѣйствительно, вскорѣ печать занялась нашимъ дѣломъ, хотя, впрочемъ, усилія ея только разжигали еще болѣе страсти бердичевскихъ военно-революціонныхъ организацій.

Но совершенно невыносимымъ стало положеніе ген. Алексѣева, когда онъ получилъ неожиданное свѣдѣніе, что его дѣйствія вызываютъ осужденіе со стороны... ген. Корнилова, который считаетъ, что съ ликвидаціей Ставки роль генерала Алексѣева окончена и что дальнѣйшее пребываніе столь авторитетнаго лица на посту начальника штаба только укрѣпляетъ морально позицію Керенскаго... Дальнѣйшая жертва оказалась ненадобной, и генералъ Алексѣевъ ушелъ.

На должность начальника штаба Верховнаго былъ призванъ генералъ Духонинъ, начальникъ штаба Западнаго фронта.

* * *

Корниловское выступленіе закончилось.

Въ ряду катаклизмовъ русской революціи — это былъ едва ли не наиболѣе спорный въ оцѣнкѣ его цѣлесообразности и послѣдствій. По первому вопросу я высказался раньше: нѣтъ надобности говорить о цѣлесообразности явленія, когда оно стало исторически неизбѣжнымъ. По второму... Керенскій считаетъ корниловское движеніе «прелюдіей большевизма» — оцѣнка, имѣющая вполнѣ правильное обоснованіе, если только довести мысль до логическаго конца, опредѣливъ, какой именно *моментъ* движенія считать «прелюдіей».

Такимъ моментомъ была безъ сомнѣнія *побѣда Керенскаго.*

Побѣда Керенскаго — пораженіе Корнилова. Этотъ этапъ въ историческомъ ходѣ революціи своими ближайшими видимыми ре-

*) Chessin: „Au pays de la démence rouge.“

зультатами, внѣ исторической перспективы, заслонилъ истинный характеръ движенія, создавъ теоріи настолько же элементарныя, насколько и близорукія: «контръ-революція», «бонапартизмъ», «авантюризмъ». Между тѣмъ, выступленіе Корнилова было только хотя и односторонней, но яркой вспышкой на фонѣ долгой, тягучей и бездѣйственной борьбы между соціалистической и либеральной демократіей.*) Корпусъ Крымова и офицерскія организации, не взирая на преобладаніе, быть можетъ, въ командномъ составѣ ихъ элементовъ болѣе правыхъ, являлись все же въ силу сложившейся обстановки и характера организующаго центра, орудіемъ либеральной демократіи. Поэтому, когда въ станѣ своихъ враговъ корниловцы увидѣли всю революціонную демократію и особенно пріостановившій на время свое вооруженное выступленіе лѣвый секторъ ея (большевиковъ) — это было понятно и естественно. Но что изъ среды рыхлой, боязливой или инертной интеллигентской массы, сохранявшей «нейтралитетъ», на той сторонѣ оказалось много, очень много видныхъ либеральныхъ дѣятелей — это являлось совершенно неожиданнымъ, представляя большое и роковое историческое недоразумѣніе. Газеты начала сентября наполнены резолюціями отдѣловъ партіи народной свободы и общественныхъ комитетовъ, изъ которыхъ одни призывали къ осторожности въ вопросѣ осужденія Корнилова, другіе выносили ему рѣзкое осужденіе, третьи присоединялись къ клеветническимъ выпадамъ противъ него революціонныхъ организацій. Даже, когда послѣднія призывали русскихъ воиновъ «не вѣрить тѣмъ, кто во имя возстановленія стараго порядка готовъ предать свободу, предать родину и открыть путь нѣмцамъ».

И это говорили или по крайней мѣрѣ съ этимъ соглашались тѣ самые люди, которые только двѣ недѣли тому назадъ на Московскомъ совѣщаніи пѣли «осанну» Верховному главнокомандующему, возлагая на него всѣ свои надежды.

Вообще, въ эти дни несуществующее**) правительство получило отъ самыхъ разнообразныхъ круговъ огромную массу телеграммъ и постановленій, выражавшихъ довѣріе къ нему, сочувствіе и обѣщаніе активной поддержки: революціонный этикетъ имѣлъ точно установленныя и строго обязательныя формы, скрывавшія истинную сущность...

Русская либеральная демократія въ этотъ историческій моментъ проявила удивительное отсутствіе прозорливости и даже простого политическаго такта. Всѣ ждали, всѣ хотѣли измѣненія порядка государственнаго управленія, не могли заблуждаться относительно тѣхъ путей, которыми придетъ это измѣненіе и, тѣмъ не менѣе, остались

*) Правыя партіи были сметены революціей, и отдѣльные члены ихъ входили въ составъ Совѣщанія общественныхъ дѣятелей и въ петроградскія военно-общественныя организаціи.

**) Всѣ министры подали въ отставку.

теплыми среди холодныхъ и горячихъ — для того, очевидно, чтобы черезъ два мѣсяца приступить къ лихорадочной организаціи «центровъ» и очаговъ возстанія и сопротивленія.

Буржуазія, распыленная и физически, и духовно, терялась во враждебной ей стихіи, и часть ея изъ чувства самосохраненія присоединяла свой голосъ къ голосу тѣхъ, кто шествовалъ за побѣдной колесницей.

Какимъ образомъ слагалась эта психологія общественности въ корниловскіе дни, поясняютъ слѣдующія строки одного изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей того времени:

«Передъ страной было неудавшееся, сорванное выступленіе, которое нельзя было уже ни спасти, ни передѣлать.

Какъ могли отнестись ко всему этому, такъ называемые общественные круги?»

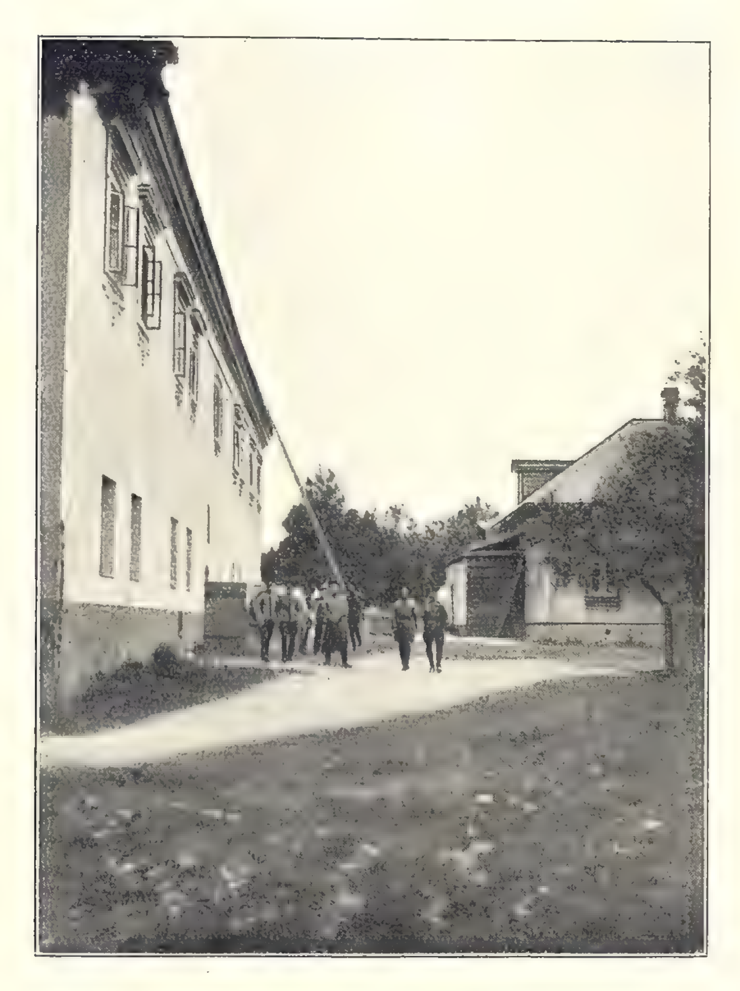
«Многіе поникли головой и опустили руки. Другіе, еще державшіеся на поверхности и пытавшіеся еще что-то спасти, не имѣли ни времени, ни основаній останавливаться на несостоявшихся дѣйствіяхъ и оцѣнивать ихъ въ отвлеченности. Имъ оставалось только идти дальше. Наконецъ, третьи съ рѣзкостью напали на неудачную попытку, которая сыграла въ пользу противниковъ».

«Эти три теченія были въ кругахъ не соціалистическихъ. А среди этихъ послѣднихъ стоялъ скрежетъ зубовный и клокотала небывалая ярость».

«Я нарочно очерчиваю сейчасъ общее обывательское состояніе, ибо тогда все реагировало, все воспринимало, все отзывалось. Подъ этимъ общимъ настроеніемъ разумѣю и настроеніе массы членовъ партіи к. д. и примыкавшихъ къ нимъ. Эти настроенія возникали и слагались *сами, ибо никакой общей команды изъ центра партіи не было*».

«Нужно принять также во вниманіе и то, что во многихъ мѣстахъ к.-д. были связаны разными техническими соглашеніями съ умѣренными соціалистами, входили въ разныя коалиціи, которыя отражали на мѣстахъ коалицію Временнаго правительства. Наконецъ, нужно имѣть въ виду, что к. д. были въ составѣ Вр. правительства. И вдругъ, это самое Вр. правительство объявляетъ странѣ, что готовилось на него, а не на совѣты покушеніе. Очевидно, что для недоумѣнія, соблазновъ и неразберихи полной и общей было болѣе чѣмъ достаточно основаній. Истинное положеніе стало выясняться только позднѣе. Въ «первые-же дни», какъ это всегда бываетъ при неудачѣ, вихремъ понеслись обвиненія, порицанія и проклятія. Эсъ-эровскія думы выли отъ злобы и бѣшенства. К.-д. фракція отражала названныя выше настроенія».

Правда, были и объективныя условія, способствовавшія углубленію недоразумѣнія. Въ широкихъ провинціальныхъ кругахъ, мало посвященныхъ въ тайны новаго «двора», настоящая физіономія Временнаго правительства и истинная роль въ немъ тріумвирата и Керенскаго были недостаточно хорошо извѣстны. Еще менѣе опредѣленнымъ ка-

Быховская тюрьма (внутренній фасадъ).
Выходъ на прогулку.

Стр. 86.

Быховская стража.

Текинецъ

Георгіевецъ

Стр. 94.

зался политическій обликъ Корнилова, въ силу исключительнаго положенія его какъ *военнаго* вождя и вслѣдствіе конспиративнаго характера дѣятельности его окруженія. Наконецъ, съ самого своего начала въ силу ряда неблагопріятныхъ обстоятельствъ успѣхъ выступленія представлялся весьма проблематичнымъ...

Послѣднее обстоятельство — едва ли не самое главное. Я глубоко убѣжденъ, что техническая удача выступленія въ корнѣ измѣнила бы всю политическую оцѣнку корниловскаго движенія. Нашлась бы и глубокая почвенность и сочувствіе широкихъ либеральныхъ круговъ и самое яркое кричащее его проявленіе. Въ безстрастномъ отраженіи исторіи отпадаетъ вся театральная бутафорія, созданная человѣческой слабостью: резолюціи общественыхъ дѣятелей — дань революціонной традиціи, приносимая не разъ «страха ради іудейска»... Проявленіе покорности правительству генераловъ — не только просто ненавидѣвшихъ его, но и причастныхъ къ подготовкѣ выступленія... Постановленія о своей непорочности и съ порицаніемъ «мятежу» — войсковыхъ частей, военно-общественныхъ организацій, невѣдомыхъ «офицерскихъ депутатовъ», даже столичныхъ военныхъ училищъ, чуть ли не поголовно причастныхъ къ конспиративнымъ кружкамъ... Всѣ эти декораціи создавали картину пожарища, гдѣ на обширномъ полѣ, объединенные въ несчастьи, сидятъ среди своего спасеннаго скарба — «завоеваній революціи» — негодующая демократія, порицающая буржуазія, и «обманутыя» войска. А посреди мрачно высятся обгорѣлыя стѣны Быховской тюрьмы.

Генералъ Корниловъ чувствовалъ себя всѣми покинутымъ и болѣзненно нервно относился къ сообщеніямъ печати о своемъ «дѣлѣ»:

— Я понимаю, что лбомъ стѣны не прошибешь, но зачѣмъ они такъ стараются...

Особено удручали его слухи, что даже его дѣтище — Корниловскій полкъ снялъ свои нарукавные знаки*) и пошелъ «на поклоненіе новымъ богамъ». Слухи были не вѣрны. Возмущенный ими командиръ полка, капитанъ Нѣженцевъ, писалъ: «я приказалъ снять эмблему, такъ какъ былъ безсиленъ въ борьбѣ съ темной солдатской массой, разжигаемой... агитаторами, заполняющими всѣ желѣзнодорожныя станціи и, подобно кликушамъ, выкрикивающими съ надрывомъ голосовыхъ связокъ противъ Васъ и полка, носящаго Ваше имя... Но, снявъ дорогую намъ эмблему... мы ею прикрыли нашъ умъ, наше сердце и волю»...

Какъ бы то ни было, послѣ августовскихъ дней въ словарѣ революціи появился новый терминъ — «корниловцы». Онъ примѣнялся и въ арміи, и въ народѣ, произносился съ гордостью или возмущеніемъ, не имѣлъ еще ни ясныхъ формъ, ни строго опредѣленнаго политическаго содержанія, но выражалъ собою, во всякомъ случаѣ, рѣзкій про-

---

*) На голубомъ фонѣ черепъ со скрещенными костями и надпись „Корниловцы."

тестъ противъ существовавшаго режима и противъ всего того комплекса явленій, который получилъ наименованіе «керенщины».

Къ половинѣ октября буржуазная пресса открыла кампанію въ пользу реабилитаціи Корнилова, а на возобновившемся многолюдномъ «Совѣщаніи общественныхъ дѣятелей» въ Москвѣ вновь послышалась «осанна» мятежному Верховному. Сначала робко — изъ устъ Бѣлевскаго, который говорилъ: «...насъ называютъ корниловцами. Мы не шли за Корниловымъ, ибо мы идемъ не за людьми, а за принципами. Но поскольку Корниловъ искренно желалъ спасти Россію, — этому желанію мы сочувствовали». Потомъ смѣлѣе — устами А. И. Ильина: «Теперь въ Россіи есть только двѣ партіи: партія развала и партія порядка. У партіи развала — вождь Александръ Керенскій. Вождемъ же партіи порядка долженъ былъ быть генералъ Корниловъ. Не суждено было, чтобы партія порядка получила своего вождя. Партія развала объ этомъ постаралась». Оба заявленія были встрѣчены «громомъ аплодисментовъ».

Мало по малу положеніе стало проясняться. Снова начинало организовываться сбитое съ толку въ августовскіе дни общественное мнѣніе, теперь уже явно сочувственное корниловскому движенію.

* *
*

Керенскій побѣдилъ.

Все трагическое значеніе этой побѣды обнаружилось на другой же день послѣ ареста Корнилова: 2-го сентября 3-му конному корпусу велѣно было двигаться къ Петрограду для защиты государственнаго строя, Временнаго правительства и министра-предсѣдателя отъ готовившихся посягательствъ анархо-большевиковъ. Въ составѣ корпуса были все тѣ же офицеры, которые вчера еще шли сознательно противъ Временного правительства, и только во главѣ корпуса вмѣсто «мятежнаго» генерала Крымова стоялъ подлинно «царскій» генералъ Красновъ, притомъ между Ставкой и Керенскимъ происходили тренія: послѣдній намѣчалъ на должность корпуснаго командира генерала Врангеля.

Побѣда Керенскаго означала побѣду совѣтовъ, въ средѣ которыхъ большевики стали занимать преобладающее положеніе, упрочила позицію самочинно возникшихъ лѣвыхъ боевыхъ организацій, въ видѣ военно-революціонныхъ комитетовъ, комитетовъ защиты свободы и революціи и т. д. Не пріобрѣтя ни въ малѣйшей степени довѣрія революціонной демократіи — этотъ терминъ въ пониманіи массъ перемѣстился теперь значительно влѣво — Керенскій окончательно оттолкнулъ отъ себя и Временнаго правительства тѣ либеральные элементы, которые, переживъ періодъ паники, не могли потомъ простить ему своего ослѣпленія; оттолкнулъ окончательно и офицерство — единственный элементъ — забитый, загнанный, попавшій въ положеніе паріевъ революціи и все же сохранившій еще способность и стремленіе къ борьбѣ. Потерявъ рѣшительно всякую

опору въ странѣ, Временное правительство считало возможнымъ продолжать еще два мѣсяца свои функціи, заключавшіяся преимущественно въ словесной регистраціи тѣхъ явленій окончательнаго распада, которыя переживало государство.

Въ октябрѣ извѣстная часть петроградской печати, съ легкой руки Бурцева, выпускала зажигательныя статьи и летучки подъ общимъ аншлагомъ:

«Керенскій долженъ поѣхать въ Быховъ и сказать генералу Корнилову: виноватъ!»

Это предложеніе вызывало у однихъ гнѣвъ, у другихъ улыбку и казалось тогда лишь болѣе или менѣе остроумнымъ полемическимъ пріемомъ — не болѣе того. Между тѣмъ, офиціальная реабилитація Корнилова дѣйствительно была единственнымъ выходомъ изъ положенія, требовавшимъ отъ Керенскаго по нашему разумѣнію справедливости, по его психологіи — политическаго и нравственнаго самопожертвованія; выходомъ, который въ безстрастномъ и нелицепріятномъ освѣщеніи исторіи сталъ бы актомъ высокой государственной мудрости.

Въ Быховъ Керенскій не поѣхалъ. Но... въ концѣ ноября судьба заставила его поѣхать въ Новочеркасскъ и постучаться въ двери другого «мятежника», генерала Каледина, ища убѣжища и защиты. Дверь оказалась запертой.

Въ оправданіе свое революціонной демократіей часто высказывается мнѣніе, что корниловское выступленіе окончательно развалило армію, ибо «вся трудная работа армейскихъ организацій по созданію новой дисциплины и взаимнаго довѣрія въ арміи была снесена этимъ неслыханнымъ актомъ мятежа высшаго офицерства»...*) Та картина состоянія арміи, которую я привелъ въ I томѣ, свидѣтельствуетъ, что развалъ шелъ неизмѣнно прогрессируя, ибо не ставилось никакихъ преградъ этому процессу. И, если дни выступленія вызвали рядъ новыхъ кровавыхъ расправъ надъ несчастнымъ офицерствомъ, то это были только пароксизмы въ общемъ теченіи соціальной болѣзни, ставшей или вовсе неизлѣчимой или требовавшей хирургическаго вмѣшательства. Подмѣна генерала революціоннымъ дѣятелемъ на посту Верховнаго не внесла большаго довѣрія къ военной власти; массовыя перемѣны въ старшемъ командномъ составѣ не измѣнили его внутренняго существа, такъ какъ въ этой средѣ были «корниловцы», были перелеты, но не было вовсе «керенцевъ»; выброшенный за бортъ по подозрѣнію въ «контръ-революціонности» новый десятокъ тысячъ офицеровъ, ослабивъ интеллектуально армію, не сдѣлалъ оставшійся составъ болѣе однороднымъ и революціоннымъ.

Армія шла къ предначертанному ей концу.

Но и въ самомъ офицерствѣ подъ вліяніемъ августовскихъ событій произошло замѣшательство и нѣкоторый психологическій сдвигъ.

---

*) Лѣвый с. р. Штейнбергъ. „Отъ февраля по октябрь 1917 г.“

Замѣшательство при видѣ неустойчиваго и сомнительнаго поведенія многихъ старшихъ начальниковъ... Сдвигъ — пока еще не въ области политическаго міросозерцанія, а лишь въ поискахъ тѣхъ общественныхъ группировокъ, которые удовлетворяли бы элементарнымъ запросамъ ихъ оскорбленнаго человѣческаго достоинства и возмущеннаго чувства патріотизма. Въ корниловскіе дни офицерство видѣло, что либеральная демократія, въ частности кадеты, за немногими исключеніями находятся или «въ нѣтяхъ» или въ станѣ враговъ. Это обстоятельство они учли и запомнили. Оно сыграло впослѣдствіи не маловажную роль въ созданіи извѣстныхъ политическихъ настроеній въ станѣ антибольшевистскихъ армій. Офицерство больно почувствовало тогда, что его бросила морально часть командного состава, грубо оттолкнула соціалистическая демократія и боязливо отвернулась отъ него — либеральная.

* * *

Всѣ описанныя явленія произвели бурное волненіе лишь въ верхнихъ слояхъ — политически дѣйственныхъ — русскаго взбаламученнаго моря и отчасти въ арміи. Глубинъ народныхъ, — того народа, во имя котораго строилась, боролась, низвергалась власть, корниловское выступленіе не всколыхнуло. Совершенно безразлично отнеслась къ нему деревня, занятая чернымъ передѣломъ; нѣсколько болѣе экспансивно рабочая среда въ массѣ своихъ «безпартійныхъ»; а безликій обыватель, еще болѣе павшій духомъ, продолжалъ писать теперь уже въ Быховъ — съ мольбою о спасеніи, тщательно измѣняя при этомъ свой почеркъ и опуская письма подальше отъ своего квартала.

ГЛАВА VIII.

Переѣздъ „Бердичевской группы" въ Быховъ. Жизнь въ Быховѣ. Генералъ Романовскій.

«Бердичевская группа арестованныхъ» ѣхала безпрепятственно въ Старый Быховъ.*) Предполагалась враждебная встрѣча на станціи Калинковичи, гдѣ сосредоточено было много тыловыхъ учрежденій, но ее проѣхали раннимъ утромъ, и вокзалъ былъ пустъ. Изъ конскаго вагона въ Житомірѣ насъ перевели въ товарный — приспособленный, съ нарами, на которыя мы тотчасъ улеглись, и послѣ пережитыхъ впечатлѣній вѣроятно всѣ заснули мертвымъ сномъ. Когда проснулись утромъ — вся обстановка въ вагонѣ такъ разительно отличалась отъ той — вчерашней, которая еще давила на мозгъ и память, какъ тяжелое похмѣлье... Наша стража — караульные юнкера — относились къ намъ съ трогательнымъ, какимъ-то застѣнчивымъ вниманіемъ. Помощникъ фронтового комиссара Григорьевъ, зашедшій въ вагонъ, воодушевленно разсказывалъ, какъ его на вокзалѣ «помяли» и какъ онъ «честилъ» революціонную толпу. Казалось, что мы находимся въ кругу своихъ доброжелателей, и единственный, кто чувствуетъ себя арестованнымъ, это — очередной комитетскій делегатъ, вооруженный револьверомъ въ какой-то огромной кобурѣ, хранящій молчаніе и безпокойно поглядывающій по сторонамъ.

Въ Старомъ Быховѣ мы простились съ нашими спасителями — юнкерами. Я не знаю ни именъ ихъ, ни судьбы: всѣхъ разметало по лицу земли, многихъ погубило русское безвременье. Но если кому-нибудь изъ уцѣлѣвшихъ попадутся на глаза эти строки, пусть приметъ мой низкій поклонъ.

На станціи насъ ожидалъ автомобиль польской дивизіи и брички. Я съ Бетлингомъ**) и двумя генералами сѣли въ автомобиль; комитетчики запротестовали: пришлось одного взять на подножку. Покружили по грязнымъ улицамъ еврейскаго уѣзднаго города и остановились передъ стариннымъ зданіемъ женской гимназіи. Раскрылась желѣзная калитка, и мы попали въ объятія друзей, знакомыхъ, незнакомыхъ— быховскихъ заключенныхъ, которые съ тревогой за нашу судьбу ждали нашего прибытія.

Явился къ Верховному.

---

*) См. Т. I, глава XXXVII.

**) Командиръ юнкерской полуроты.

— Очень сердитесь на меня за то, что я васъ такъ подвелъ? — говорилъ, обнимая меня Корниловъ.

— Полноте, Лавръ Георгіевичъ, въ такомъ дѣлѣ личныя невзгоды не причемъ.

Мы уплотнили населеніе Быховской тюрьмы; я и Марковъ расположились въ комнатѣ генерала Романовскаго. Все пережитое казалось уже только сквернымъ сномъ. У меня наступила реакція — нѣкоторая апатія, а самый молодой и экспансивный изъ насъ — генералъ Марковъ писалъ 29-го въ своихъ летучихъ замѣткахъ:

«...Нѣтъ, жизнь хороша. И хороша — во всѣхъ своихъ проявленіяхъ!..»

* * *

Ко 2-му октября въ тюрьмѣ находились: генералы 1. Корниловъ, 2. Деникинъ, 4. Эрдели, 3. Ванновскій, 5. Эльснеръ, 6. Лукомскій, 8. Романовскій, 7. Кисляковъ, 9. Марковъ, 10. Орловъ; подполковники 17. Новосильцевъ, 13. Пронинъ, 20. Соотсъ; капитаны Ряснянскій, 18. Роженко, 12. Брагинъ; эсаулъ 19. Родіоновъ; штабсъ-капитанъ Чунихинъ; поручикъ 21. Клецандо; прапорщики 14. Никитинъ, 15. Ивановъ; военный чиновникъ Будиловичъ; 16. І. В. Никаноровъ—сотрудникъ «Новаго Времени»; 11. А. Ф. Аладьинъ—членъ І-ой Государственной Думы*).

Быховскіе узники менѣе всего похожи были на опасныхъ заговорщиковъ.

Люди самыхъ разнообразныхъ взглядовъ, въ преобладающемъ большинствѣ совершенно чуждые политики и объединенные только большимъ или меньшимъ соучастіемъ въ корниловскомъ выступленіи и безусловнымъ сочувствіемъ ему. Одни принимали въ немъ фактическое участіе, другіе попали на такихъ же основаніяхъ, на которыхъ можно было привлечь 9/10 всего офицерства, третьи — просто по недоразумѣнію. Жизнь разметала ихъ впослѣдствіи; семеро изъ нихъ погибло;**) нѣкоторые по своимъ взглядамъ и позднѣйшей дѣятельности ушли далеко отъ идейнаго содержанія корниловскаго движенія... Но, тѣмъ не менѣе, 1½ мѣсяца пребыванія въ Быховской тюрьмѣ, близкое общеніе, совмѣстныя переживанія, общая опасность и общія надежды оставили послѣ себя живой слѣдъ и добрую память. Отбросимъ темныя пятна...

Быховскіе узники пользовались полной внутренней автономіей въ предѣлахъ стѣнъ тюрьмы. Ни Верховная слѣдственная комиссія, ни представитель Совѣта — Либеръ, ни комиссары Вырубовъ и Станкевичъ, посѣщая тюрьму, не дѣлали никакихъ посягательствъ на измѣненіе внутренняго режима. Создавалось такое впечатлѣніе, будто всѣмъ было очень неловко играть роль нашихъ «тюремщиковъ».

---

*) Указанныя цифры соотвѣтствуютъ проставленнымъ на прилагаемомъ снимкѣ.

**) Корниловъ, Романовскій, Кисляковъ, Марковъ, Роженко, Будиловичъ, Чунихинъ.

Корниловъ въ глазахъ всѣхъ заключенныхъ оставался «Верховнымъ»; его распоряженія исполнялись одинаково охотно какъ заключенными, такъ и чинами Текинскаго полка и офицерами георгіевскаго караула. Впрочемъ распоряженія эти не выходили за предѣлы лояльности, за исключеніемъ развѣ льготнаго допуска посѣтителей и корреспонденціи.

День въ тюрьмѣ начинался въ 8 час. утра. Послѣ чая — прогулка и посѣщеніе насъ близкими. Это право двукратнаго посѣщенія въ день для многихъ было особенно цѣннымъ и мирило съ тягостнымъ лишеніемъ свободы. Съ особаго разрѣшенія слѣдственной комиссіи, на практикѣ — съ разрѣшенія коменданта, подполковника Текинскаго полка Эргардта, допускались и посторонніе. Это было по преимуществу офицерство: члены комитета офицерскаго и казачьяго союзовъ, чины Ставки, пріятели... небольшого чина — все люди преданные и не стѣснявшіеся столь «компрометирующей» въ глазахъ правительства и Совѣта близостью къ Быхову. За все полуторамѣсячное пребываніе мое въ Быховской тюрьмѣ изъ старшихъ чиновъ я видѣлъ тамъ только генераловъ Абрама Драгомирова и Субботина. Изъ числа политическихъ дѣятелей, такъ или иначе прикосновенныхъ къ корниловскому движенію, не былъ никто; они не вели и переписки и, вообще, не подавали никакихъ признаковъ жизни.

Чаще другихъ пріѣзжали «по должности» комендантъ Ставки, полковникъ Квашнинъ-Самаринъ, бывшій въ мирное время адъютантомъ Архангелогородскаго полка, которымъ я командовалъ, и командиръ Георгіевскаго батальона, полковникъ Тимановскій, ранѣе — офицеръ «желѣзной дивизіи». Оба они были глубоко преданы и корниловскому дѣлу и лично намъ и выдерживали яростный напоръ со стороны могилевскихъ совѣтовъ, которымъ не давала покою Быховская тюрьма. Квашнинъ-Самаринъ парировалъ нападки совѣтовъ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и тонкой ироніей; Тимановскій терпѣлъ, мучился и ждалъ только дня нашего освобожденія, чтобы освободиться самому отъ нестерпимой жизни въ развращенной средѣ георгіевскихъ солдатъ.

Обѣдали за общимъ столомъ. Иногда присутствовалъ и Корниловъ, который вообще предпочиталъ столоваться въ своей камерѣ и по нѣскольку дней не выходилъ на прогулку, чтобы, на всякій случай, пріучить прислугу и георгіевскій караулъ къ своему длительному отсутствію...*) Я приглядывался и прислушивался къ новымъ людямъ. Разговоръ за столомъ также мало обличалъ «заговорщиковъ», перебѣгая съ одной, подчасъ весьма неожиданной, темы на другую. Вотъ Аладьинъ, какъ-то особенно скандируя слова, что должно было означать англійскую манеру, съ паѳосомъ говоритъ о Бердичевѣ, который за наши обиды «нужно стереть съ лица земли такъ, чтобы на мѣстѣ его выросли джунгли»... Ему возражаетъ Марковъ: «какая

---

*) На случай ухода изъ тюрьмы послѣднимъ.

кровожадность въ штатскомъ человѣкѣ; и почему непремѣнно джунгли, а не чертополохъ?»

— Зачѣмъ вы сидите здѣсь, сэръ Аладьинъ? — вмѣшивается шутя генералъ Корниловъ. Неужели вамъ еще не надоѣло съ нами.

Это деликатный вопросъ: во всѣхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ говорится, что Аладьинъ попалъ по недоразумѣнію; его предлагаютъ освободить — онъ не соглашается.

На другомъ концѣ стола Новосильцевъ съ трудомъ отбивается отъ атаки Никанорова и Родіонова, бичующихъ кадетскую политику. Новосильцевъ изнемогаетъ, но по счастью появляется «громоотводъ»: вмѣшивается Аладьинъ, оказавшійся единомышленникомъ съ крайними правыми.

— Позвольте, какъ такъ? Это говоритъ «трудовикъ»-Аладьинъ, который послѣ разгона I-й Думы поднималъ финскую красную гвардію?..

Въ другомъ мѣстѣ Эрдели началъ о Толстомъ, съ которымъ онъ въ дальнемъ родствѣ и знакомъ былъ лично, и кончилъ параллелью между литературными типами французской и русской женщины, обнаруживъ неожиданно большую эрудицію и тонкое литературное чутье.

Мрачный Ванновскій вполголоса, угрюмо бурчитъ о томъ, что «впереди мерзость запустѣнія», и что «всему виною... отмѣна крѣпостного права».

Ему возражаетъ Романовскій:

— Конечно — это только образъ? Но и онъ не вѣренъ: виною очевидно запоздалая отмѣна крѣпостного права...

Иногда въ споръ вмѣшивается Лукомскій солидно, категорично, съ нѣкоторой ироніей.

А съ лѣваго фланга по рукамъ передаютъ рукопись кого-то изъ нашихъ поэтовъ: Брагинъ — злободневный бытовикъ, Будиловичъ — лирикъ.

Пополудни приходятъ газеты, и поэтому за ужиномъ разговоръ ведется исключительно на злобу дня: ругаемъ правительство и Керенскаго, поносимъ Совѣтъ и ищемъ проблеска на политическомъ горизонтѣ. Проблеска, однако, не видно. Съ 8-го октября, послѣ внушенія, посланнаго Корниловымъ общественнымъ дѣятелямъ, газеты переполнены нашимъ дѣломъ. У Маркова подъ этой датой записано: «до насъ доходятъ тысячи слуховъ. Рекомендуютъ опасаться ближайшихъ 10—12 дней. Въ какой еще водоворотъ попадешь».

Кисляковъ, проштудировавъ послѣдній номеръ «Извѣстій», меланхолически заявляетъ:

— Не важно... Какъ вы думаете — прикончатъ?

— Насъ не за что, а васъ — несомнѣнно: подумайте, «какой позоръ!» — самъ на себя возсталъ!...*)

*) Генералъ Кисляковъ, находясь при Ставкѣ, былъ товарищемъ министра путей сообщенія, и мы шутя отождествляли его съ членами Времен. правительства.

Быховскіе узники.

Генералъ И. П. Романовскій (†).

Стр. 89.

Талантливый и веселый человѣкъ, но не слишкомъ мужественный. Напророчилъ себѣ несчастье: осенью 1919 года въ дни большевистской вспышки въ Полтавѣ, вскорѣ подавленной, проѣзжая по улицѣ въ генеральской формѣ, былъ буквально растерзанъ толпой.

Нѣтъ, положительно, не станъ мятежниковъ, а «клубъ общественныхъ дѣятелей» или военное собраніе.

Вечеромъ въ камерѣ № 6, какъ самой помѣстительной, собирались обыкновенно арестованные для общей бесѣды и слушанія очередныхъ докладовъ. Иногда доклады были дѣльные и интересные, иногда совсѣмъ диллетантскіе. Темы — крайне разнообразныя: Кисляковъ докладывалъ, напримѣръ, стройную систему организаціи временнаго управленія съ «вопросительнымъ знакомъ» во главѣ, долженствовавшимъ изображать фигурально диктатуру; Корниловъ разсказывалъ о мартовскихъ дняхъ въ Петроградѣ; Никаноровъ — о торговыхъ договорахъ и православной общинѣ (приходы); Новосильцевъ рисовалъ милую пастель на тему о русской старинѣ и родѣГончаровыхъ; Аладьинъ дѣлалъ экскурсіи въ область потусторонняго міра. Никогда не выступалъ Лукомскій. Онъ только оппонировалъ или поддерживалъ высказанныя положенія; характерной чертой его рѣчи было всегда конкретное, реальное трактованіе всякаго вопроса: онъ не вдавался въ идеологію, а обсуждалъ только цѣлесообразность. Его рѣчь съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ скептицизма и обыкновенно хорошо обоснованная не разъ умѣряла пылъ и фантазію увлекавшихся.

Всѣ разговоры сводились, однако, въ концѣ концовъ къ одному вопросу, наиболѣе мучительному и больному — о русской смутѣ и о способахъ ея прекращенія.

Впрочемъ, политическіе идеалы вообще не углублялись и поэтому быховцевъ не раздѣляли. Средствомъ же спасенія страны, не взирая на постигшую недавно неудачу, всѣми признавалось только одно — заключавшееся въ схемѣ Кислякова.

* *
*

День кончался обыкновенно въ нашей камерѣ, иногда съ гостями, иногда въ бесѣдѣ втроемъ: Романовскій, Марковъ и я.

Иванъ Павловичъ Романовскій.

Человѣкъ, оставившій послѣ себя яркій слѣдъ въ исторіи борьбы за спасеніе Родины. Человѣкъ, олицетворявшій собою свѣтлый обликъ русскаго офицера и павшій отъ преступной руки заблудившагося духовно русскаго офицерства. Человѣкъ — «загадочный»...

Это впечатлѣніе «загадочности» создалось дѣйствительно впослѣдствіи среди широкаго круга людей, даже безъ предубѣжденія относившихся къ Романовскому, не имѣя рѣшительно никакихъ основаній въ искренной, прямой натурѣ покойнаго. «Загадочность» явилась извнѣ, какъ результатъ противорѣчій между жизненной правдой и той тиной лжи, которую создавала вокругъ него сложная полити-

ческая интрига. Объ этомъ — рѣчь впереди. Тогда же личность Ивана Павловича была кристально ясной и привлекла къ нему общія симпатіи.

Я мало зналъ тогда Ивана Павловича, но много слышалъ о немъ отъ другихъ, въ томъ числѣ отъ Маркова — его наиболѣе близкаго друга.

Родился онъ въ семьѣ армейскаго офицера. Отлично окончилъ константиновское артиллерійское училище и вышелъ въ гвардейскую артиллерію; прослушалъ академію генеральнаго штаба и тотчасъ же, противъ желанія начальства, уѣхалъ на войну, въ Манджурскую армію. Тогда уже впервые сложилась боевая репутація «капитана Романовскаго» изъ многихъ мелкихъ бытовыхъ и боевыхъ фактовъ, о которыхъ самъ онъ никогда не разсказывалъ, но которые становились извѣстными въ кругу людей, знавшихъ его.

Потомъ служба въ Туркестанскомъ округѣ. Трогательныя отношенія, установившіяся между молодымъ офицеромъ и старымъ ветераномъ — генераломъ Мищенко. Не смотря на разницу въ возрастѣ, характерѣ и міровоззрѣніи, было нѣчто удивительно близкое и общее въ этихъ представителяхъ двухъ эпохъ, двухъ поколѣній русскаго офицерство: то особенное рыцарское благородство, преломленное въ многократной призмѣ времени, но словно только что навѣянное страницами «Войны и мира» или старой кавказской были... Воспоминанія о Туркестанѣ, о поѣздкахъ на Памиръ, въ Бухару, къ границамъ Афганистана сохранились особенно ярко въ его памяти. Тамъ вдали отъ людской пошлости и злобы, среди буйной и дикой природы не разъ мечталъ онъ отдохнуть когда-либо отъ каторжнаго труда, который судьба взвалила на его плечи...

Потомъ Петроградъ. Сначала въ Генеральномъ, потомъ въ Главномъ штабѣ. Этотъ періодъ службы Ивана Павловича имѣлъ уже болѣе общественный характеръ. Въ жизни главнаго штаба, послѣ длительнаго періода отчужденія отъ арміи, наступилъ переломъ. Три человѣка — генералы Кондзеровскій (дежурный генералъ), Архангельскій (начальникъ отдѣла) и полковникъ Романовскій (начальникъ II отдѣленія), вѣдавшій назначеніями, внесли новое направленіе въ дѣятельность учрежденія, довлѣющаго надъ бытомъ арміи: своимъ безпристрастіемъ и доброжелательствомъ они сумѣли умиротворить ту вереницу придавленнаго, робкаго и возмущеннаго офицерства, которое не разъ обивало пороги импонирующаго своей надменной важностью желтаго дома подъ тріумфальной аркой.

Иванъ Павловичъ съ необыкновеннымъ терпѣніемъ выслушивалъ всѣхъ, исполнялъ, что могъ и что позволяла совѣсть, а когда приходилось отказывать, дѣлалъ это отъ себя, не сваливая на начальника и не обнадеживая просителя — съ той исключительной прямотой, которая впослѣдствіи, въ добровольческій періодъ, создала ему такъ много враговъ.

Офицеры генеральнаго штаба, состоявшіе въ главныхъ управленіяхъ, передъ войной специализировались каждый въ своемъ узкомъ

дѣлѣ, зачастую чуждомъ стратегіи и боевыхъ вопросовъ. «Не было никакого общаго руководства нашимъ образованіемъ — говоритъ одинъ изъ нихъ.—Мы были предоставлены сами себѣ и имѣли полную возможность мирно спать, довольствуясь ролью военныхъ чиновниковъ»... Чтобы хоть нѣсколько расширить военные горизонты, компанія молодежи, по иниціативѣ Романовскаго, Маркова и Плющевскаго-Плющика организовали военную игру. «Среди насъ — говорилъ одинъ изъ участниковъ — особенно крупной фигурой выдѣлялся Иванъ Павловичъ. Спокойный, скромный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, увѣренный въ себѣ онъ поражалъ насъ вѣрностью и обоснованностью своихъ рѣшеній... Даже такіе строптивые, какъ покойный Марковъ — нашъ общій и незабвенный другъ — молчаливо признали его авторитетъ».

Съ началомъ отечественной войны Иванъ Павловичъ состоялъ начальникомъ штаба 25 пѣхотной дивизіи, а потомъ командиромъ Сальянскаго полка. Только удивительная скромность его привела къ такой обидной несообразности, что храбрѣйшій офицеръ этотъ не носилъ георгіевскаго креста. Многократныя представленія его гдѣ-то застревали и не приводили къ желаннымъ результатамъ. Въ одномъ изъ случайно сохранившихся представленій Ивана Павловича въ чинъ генерала такъ была охарактеризована его боевая дѣятельность:

«24 іюня... Сальянскій полкъ блестяще штурмовалъ сильнѣйшую непріятельскую позицію... Полковникъ Романовскій вмѣстѣ со своимъ штабомъ ринулся съ передовыми цѣпями полка, когда они были подъ самымъ жестокимъ огнемъ противника. Нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его были ранены, одинъ убитъ и самъ командиръ... былъ засыпанъ землей отъ разорвавшагося снаряда... Столь же блестящую работу дали Сальянцы 22 іюля. И этой атакой руководилъ командиръ полка въ разстояніи лишь 250 шаговъ отъ атакуемаго участка подъ заградительнымъ огнемъ нѣмцевъ... Выдающіяся организаторскія способности полковника Романовскаго, его умѣніе дать воспитаніе войсковой части, его личная отвага, соединенная съ мудрой расчетливостью, когда это касается его части, обаяніе его личности не только на чиновъ полка, но и на всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось соприкасаться, его широкое образованіе и вѣрный глазомѣръ — даютъ ему право на занятіе высшей должности»...

Въ тяжеловѣсныхъ нѣсколько словахъ офиціальной реляціи — глубокая внутренняя правда, не поблекшая до послѣдняго часа, когда люди съ изступленнымъ разумомъ и гнилою совѣстью грязнили свѣтлый обликъ Ивана Павловича и убили его.

Помню, какъ въ началѣ революціи въ дни своего начальствованія Ставкой я получилъ однажды изъ арміи пять настойчивыхъ предложеній для Ивана Павловича различныхъ высокихъ назначеній по генеральному штабу; и какъ онъ, запрошенный о своемъ желаніи, категорически отказался выбирать, предоставивъ Ставкѣ назначить его «туда, гдѣ служба его будетъ признана болѣе полезной». Его назна-

чили тогда начальникомъ штаба 8 арміи къ Каледину, съ которымъ служить пришлось недолго, такъ какъ вскорѣ по требованію Брусилова Каледина отчислили въ Военный Совѣтъ. Но и двухъ недѣль совмѣстной службы было очевидно достаточно, чтобы создать тѣ теплыя отношенія, которыя я потомъ наблюдалъ между ними въ Новочеркасскѣ и которыя были не совсѣмъ обычны для хмураго и замкнутаго Каледина.

Я зналъ, что въ корниловскомъ выступленіи Иванъ Павловичъ былъ довѣреннымъ лицомъ Верховнаго и поэтому тѣмъ болѣе цѣнной была въ немъ удивительная простота и скромность во всемъ, что касалось его роли и взаимоотношеній къ Корнилову. Никогда — никакой фразы, никакого подчеркиванія, никакой «ревности» къ чужому вліянію на Верховнаго. Въ его рѣчи какъ будто совсѣмъ исключались мѣстоимѣнія «я» и «мы», которыми такъ играла хлестаковщина, случайно прикосновенная или вовсе чуждая выступленію, расцвѣтшая махровымъ цвѣтомъ особенно тогда, когда первая опасность миновала и когда званіе «корниловца» давало нѣкоторыя моральныя, иногда даже и матеріальныя выгоды.

Въ быховскомъ «альманахѣ» записаны слова Романовскаго: «Могутъ разстрѣлять Корнилова, отправить на каторгу его соучастниковъ, но «корниловщина» въ Россіи не погибнетъ, такъ какъ «корниловщина» — это любовь къ Родинѣ, желаніе спасти Россію, а эти высокія побужденія не забросать никакой грязью,не затоптать никакимъ ненавистникамъ Россіи».

Иванъ Павловичъ былъ убѣжденъ въ *правотѣ* корниловскаго дѣла и безъ фразы, безъ позы и жеста отдалъ ему свои силы, сердце и мысль. И сдѣлалъ это такъ просто, какъ только могъ сдѣлать человѣкъ высокой души. Это обстоятельство тѣмъ болѣе характерно, что его нѣсколько тяготили и параллельное существованіе въ Ставкѣ двухъ штабовъ — официальнаго и неофиціальнаго, и физіономія ближайшаго «окруженія», и... *отсутствіе вѣры въ успѣхъ выступленія.*

Это послѣднее обстоятельство побудило Ивана Павловича отнестись съ величайшей осторожностью къ техникѣ отдачи распоряженій, относившихся къ выступленію, чтобы возможно меньшее число подчиненныхъ лицъ подвести подъ отвѣтъ. Всю вину и всю отвѣтственность онъ бралъ на себя. 2-ой генералъ-квартирмейстеръ Ставки, полковникъ Плющевскій-Плющикъ разсказалъ мнѣ характерный эпизодъ:

Всѣ вызовы надежныхъ офицеровъ изъ арміи подъ предлогомъ обученія ихъ пулеметному дѣлу были сдѣланы Романовскимъ, за его подписью, хотя это входило въ обязанность П. П-ка. Эти подписи впослѣдствіи послужили серьезнѣйшимъ поводомъ къ обвиненію Ивана Павловича. «Онъ сознательно спасалъ меня — говорилъ П. П. — и не только спасалъ, но сумѣлъ скрыть это отъ меня же. Я узналъ объ этомъ совершенно случайно, присутствуя при подписаніи Рома-

новскимъ послѣдняго вызова, кажется уже на второй день корниловскаго выступленія.

— Что ты дѣлаешь? — спросилъ я его. — Вѣдь это моя обязанность.

— Съ какой стати я стану подводить тебя. Я уже человѣкъ обреченный, и лишняя подпись разницы не составитъ. Ты же фактически въ дѣлѣ не участвовалъ и ввязываться теперь не имѣетъ смысла.»

* * *

Чѣмъ дольше я присматривался къ Ивану Павловичу, тѣмъ ближе, роднѣе становился онъ мнѣ. И жизнь въ камерѣ текла мирно, бесѣды, оживляемыя пылкимъ воображеніемъ Маркова и добродушной ироніей Романовскаго, еще тѣснѣе сближали насъ въ обстановкѣ неволи и томленія духа.

О прошломъ говорили мало, больше о будущемъ. Помню, какъ однажды, послѣ обсужденія судебъ русской революціи, ходившій крупными шагами по комнатѣ Марковъ, вдругъ остановился и съ какой-то дѣтской доброй и смущенной улыбкой обратился къ намъ:

— Никакъ не могу рѣшить въ умѣ и сердцѣ вопроса — монархія или республика? Вѣдь если монархія — лѣтъ на десять, а потомъ новые курбеты, то, пожалуй не стоитъ...

Эти слова весьма знаменательны: они являются отраженіемъ тѣхъ внутреннихъ переживаній, которыя испытывала часть русскаго офицерства, мучительно искавшая отвѣта: гдѣ проходитъ грань между чувствомъ, атавизмомъ, разумомъ и государственной цѣлесообразностью.

ГЛАВА IX.

Взаимоотношенія Быхова, Ставки и Керенскаго. Планы будущаго. „Корниловская программа“.

Предсѣдатель слѣдственной комиссіи Шабловскій принялъ порученіе не отъ Керенскаго, а отъ Временнаго правительства. Это обстоятельство и давало ему довольно широкую свободу въ опредѣленіи «мѣръ пресѣченія» и порядка содержанія арестованныхъ. Вмѣшательство Керенскаго не могло играть поэтому рѣшающей роли, тѣмъ болѣе, что по ходу дѣла онъ являлся если не стороной, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ свидѣтелемъ. Тѣмъ не менѣе, Керенскій требовалъ отъ комиссіи скорѣйшаго выполненія слѣдствія и ограниченія его въ отношеніи военнаго элемента только установленіемъ виновности «главныхъ участниковъ». Онъ понималъ, что если углубить вопросъ о корниловскомъ движеніи, то правительство останется вовсе безъ офицеровъ.

Наружную охрану несла полурота георгіевцевъ — весьма подверженная вліянію совѣтовъ; внутреннюю — текинцы, преданные Корнилову. Между ними существовала большая рознь, и текинцы часто ломаннымъ языкомъ говорили георгіевцамъ:

— Вы — керенскіе, мы — корниловскіе; рѣзать будемъ.

Но такъ какъ въ гарнизонѣ текинцевъ было значительно болѣе, то георгіевцы несли службу исправно и вели себя корректно.

Неоднократно проходившіе черезъ станцію Быховъ солдатскіе эшелоны проявляли намѣреніе расправиться съ арестованными. Были случаи высадки и движенія ихъ въ городъ. Впрочемъ, такія неорганизованныя попытки быстро ликвидировались польскими частями, расквартированными въ городѣ. Командиръ польскаго корпуса, генералъ Довборъ-Мусницкій, считая свои войска на положеніи иностранныхъ, отдалъ распоряженіе начальнику дивизіи — не вмѣшиваясь во «внутреннія русскія дѣла» и въ распоряженія Ставки, не допускать насилія надъ арестованными и защищать ихъ, не стѣсняясь вступать въ бой. Дѣйствительно, два-три раза, ввиду выступленія проходившихъ эшелоновъ, поляки выставляли сильныя дежурныя части съ пулеметами, начальникъ дивизіи и командиръ бригады приходили къ намъ уславливаться съ Корниловымъ относительно порядка обороны.

Тѣмъ не менѣе, угроза самосуда все время висѣла надъ Быховцами. Совѣтскій офиціозъ, за нимъ вся лѣвая печать громко, иногда истерически требовала вывода насъ изъ Быхова и примѣненія каторжнаго или, по крайней мѣрѣ, арестантскаго режима. Переведенный

въ Ставку большевистскій генералъ Бончъ-Бруевичъ *), назначенный начальникомъ могилевскаго гарнизона, на первомъ же засѣданіи мѣстнаго совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ сказалъ зажигательную рѣчь, потребовавъ удаленія Текинцевъ и перевода Быховцевъ въ могилевскую тюрьму, и съ этимъ требованіемъ во главѣ депутаціи явился къ Керенскому... Эволюція генерала Бончъ-Бруевича по моральнымъ его свойствамъ хотя и не была неожиданной, но представляетъ все-же извѣстный психологическій интересъ: въ дни первой революціи (1905 — 07 г. г.) въ печати появился рядъ его статей, изданныхъ потомъ отдѣльнымъ сборникомъ, въ которыхъ, на ряду съ проявленіемъ крайнихъ правыхъ воззрѣній, онъ призывалъ къ *безсудному истребленію мятежныхъ элементовъ*...

Мелочи жизни: книжку Бончъ-Бруевича быховцы отыскали и послали могилевскому совѣту съ надписью, приблизительно такого содержанія: «Дорогому могилевскому совѣту отъ преданнаго автора». Не воздѣйствовало: совдепъ зналъ цѣну людямъ... съ такимъ широкимъ моральнымъ діапазономъ.

Одновременно принимались мѣры воздѣйствія на Текинцевъ, съ цѣлью ихъ удаленія изъ Быхова. Съ мѣстъ шли вѣсти, что Закаспійскую область постигъ полный неурожай, и семьямъ Текинцевъ угрожаетъ небывалый голодъ. Въ то-же время Туркменскій областной съѣздъ ходатайствовалъ передъ Керенскимъ объ отправленіи полка въ Персію — «вдаль отъ колесъ русской революціи и лицъ, могущихъ воспользоваться имъ, какъ слѣпымъ орудіемъ», считая что въ корниловскомъ дѣлѣ полкъ «дѣйствовалъ противъ русскаго народа», уронивъ себя въ глазахъ «товарищей-солдатъ, вполнѣ основательно могущихъ питать (къ нему) недовѣріе и подозрительность». Несомнѣнно это постановленіе съѣзда было инспирировано извнѣ. Корниловъ въ письмѣ къ Каледину, прося его оказать помощь хлѣбомъ семьямъ Текинцевъ, такъ объяснялъ происхожденіе постановленія: «Г. Керенскій, которому не удалось заставить Текинскій полкъ покинуть меня въ критическую минуту, для того, чтобы по уходѣ его организовать надъ нами самосудъ, теперь пытается сбить съ толку Текинцевъ, стараясь повліять на нихъ черезъ Закаспійскій Областной комитетъ»...

Въ то-же время шли переговоры между Керенскимъ и Исполнительнымъ комитетомъ о замѣнѣ Текинской охраны своднымъ отрядомъ, составленнымъ по выбору отъ... армейскихъ комитетовъ.

Ставка подъ напоромъ всѣхъ этихъ давленій начала сдавать. Получено было свѣдѣніе о переводѣ насъ въ мѣстечко Чериковъ, удаленное верстъ на 80 отъ желѣзной дороги и занятое гарнизономъ изъ четырехъ разложившихся запасныхъ батальоновъ... Позднѣе уже въ дни октябрьскаго выступленія большевиковъ польскій гарнизонъ получилъ распоряженіе объ уходѣ изъ Быхова, и начальникъ

*) Впослѣдствіи „военный руководитель“ большевистскаго „Верховнаго совѣта“.

польской дивизіи прибылъ къ намъ въ тюрьму со своимъ недоумѣніемъ. Все это заставляло нервничать быховскихъ заключенныхъ; генералъ Корниловъ слалъ въ Ставку грозныя и рѣзкія посланія; было заявлено, что уводъ поляковъ и Текинцевъ, а также переводъ въ Чериковъ равносильны выдачѣ насъ на самосудъ черни, что изъ Быхова мы не уйдемъ и не остановимся передъ вооруженнымъ сопротивленіемъ, оставляя послѣдствія его всецѣло на совѣсти начальства Ставки.

Ставка нервничала еще болѣе. Генералъ Дитерихсъ (генералъ-квартирмейстеръ) присылалъ отъ себя и отъ имени начальника штаба успокоительныя завѣренія. 29-го октября онъ, между прочимъ, писалъ генералу Лукомскому: «уводъ Текинцевъ — вымыселъ. Пока мы здѣсь съ Духонинымъ, этого не будетъ; и для того, чтобы сохранить текинскую охрану какъ у васъ, такъ и у насъ, мы согласились на уступку вліяніямъ со всѣхъ сторонъ (что было *необходимо* для даннаго момента) временно взять комендантомъ этого субъекта...*) Съ поляками вышло недоразумѣніе... Будьте покойны». Въ концѣ онъ прибавлялъ: «Ради Бога, желательно смягчать выраженія генерала Корнилова, такъ какъ они истолковываются въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ. Сегодня въ Минскѣ вспышка, т. к. разнесся слухъ, что генералъ Корниловъ бѣжалъ. Изъ за этого на весь сегодняшній день невѣроятно осложнилась обстановка на Западномъ фронтѣ, и намъ не пропускаютъ ни одного эшелона, то есть потерянъ еще одинъ день».

Въ лицѣ Духонина, ставшаго фактически Верховнымъ главнокомандующимъ, Керенскій и революціонная демократія, представленная комиссарами и комитетами, нашли дѣйствительно тотъ идеалъ, который они долго и напрасно искали до тѣхъ поръ. Духонинъ — храбрый солдатъ и талантливый офицеръ генеральнаго штаба принесъ имъ добровольно и безкорыстно свой трудъ, отказавшись отъ всякой борьбы въ области военной политики и примирившись съ ролью «техническаго совѣтника» — той ролью, которую революціонная демократія мечтала навязать всему командному составу. Судьба какъ будто хотѣла, чтобы и этотъ послѣдній опытъ подчиненнаго сотрудничества съ революціонной демократіей былъ произведенъ надъ умирающей арміей — опытъ, оказавшійся наименѣе удачнымъ. Духонина никто изъ нихъ не заподозривалъ въ малѣйшемъ отсутствіи лояльности. Онъ не препятствовалъ продолжавшимся упражненіямъ новоявленныхъ творцовъ «революціонной арміи», хотя и не облекалъ свое отношеніе къ нимъ въ паѳосъ и ложь Брусиловской тактики.

Духонинъ сталъ оппортунистомъ par excellence. Но въ противовѣсъ другимъ генераламъ, видѣвшимъ въ этомъ направленіи но-

---

*) Духонинъ отрѣшилъ отъ должности преданнаго корниловскому дѣлу коменданта Ставки, полковника Квашнина-Самарина, и назначилъ совѣтскаго избранника, полковника Инскервелли.

а) Ген. Корниловъ бесѣдуетъ съ офицерами

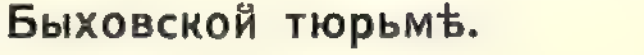
б) На прогулкѣ

в) Новости

г) Три друга

Въ Быховской тюрьмѣ.

д) — **Сэръ Аладьинъ!**

е) **Ген. Лукомскій**

ж) **Пришла почта**

з) **Дурные слухи**

Въ Быховской тюрьмѣ.

вый перспективы для неограниченнаго честолюбія или болѣе покойныя условія личнаго существованія, — онъ шелъ на такую роль, завѣдомо рискуя своимъ добрымъ именемъ, впослѣдствіи и жизнью, исключительно изъ-за желанія спасти положеніе. Онъ видѣлъ въ этомъ единственное и послѣднее средство.

Взаимоотношенія Быхова и Могилева (Ставки и «Подставки», какъ острили въ Совѣтѣ) были поэтому весьма оригинальны. Ставка несомнѣнно сочувствовала въ душѣ корниловскому движенію. Духонинъ и Дитерихсъ испытывали тягостное смущеніе неловкости, находясь между двухъ враждебныхъ лагерей. Сохраняя полную лояльность въ отношеніи къ Керенскому, они въ то-же время тяготились подчиненіемъ ему и отожествленіемъ съ этимъ лицомъ, одіознымъ для всего русскаго офицерства; ихъ роль — нашихъ офиціальныхъ «тюремщиковъ» также была не особенно привлекательна; моральный авторитетъ Корнилова въ глазахъ офицерства сохранился и съ нимъ нельзя было не считаться. Не разъ Быховъ давалъ нѣкоторыя указанія Могилеву, которыя въ мѣрѣ возможности Ставка исполняла. Однажды Духонинъ прислалъ словесно просьбу Корнилову не приводить въ исполненіе его, якобы, намѣренія — выйти изъ Быхова и завладѣть Ставкой, приводя рядъ мотивовъ о нецѣлесообразности, несвоевременности и гибельности для общаго дѣла этого шага. Изъ тревожныхъ и искреннихъ словъ Духонина можно было заключить, что онъ, осуждая въ принципѣ ожидавшійся переворотъ, рѣшительно никакого противодѣйствія появленію Корнилова не окажетъ... Духонинъ, конечно, получилъ изъ Быхова успокоительныя завѣренія, что это только вздорные слухи.

* * *

Между тѣмъ, въ Быховѣ слагался опредѣленный взглядъ на характеръ дальнѣйшей дѣятельности.

Вскорѣ послѣ прибытія бердичевской группы, на общемъ собраніи заключенныхъ поставленъ былъ вопросъ:

— Продолжать, или считать дѣло оконченнымъ?

Всѣ единогласно признали необходимымъ «продолжать». Загорѣлся споръ о формахъ дальнѣйшей борьбы. По инициативѣ кажется Аладьина, нашлось не мало защитниковъ созданія «корниловской политической партіи». Я рѣшительно протестовалъ противъ такой своеобразной постановки вопроса, такъ не соотвѣтствовавшей ни времени и мѣсту, ни характеру корниловскаго движенія, ни нашему профессіональному призванію. Я считалъ, что имя Корнилова должно стать знаменемъ, вокругъ котораго соберутся общественныя силы, политическія партіи, профессіональныя организаціи— всѣ тѣ элементы, которые можно объединить въ руслѣ широкаго національнаго движенія въ пользу возстановленія русской государственности. Что, ставъ въ сторонѣ отъ всякихъ политическихъ теченій, намъ нужно лишь восполнить пробѣлъ прошлаго и объявить строго дѣловую программу — не строительства, а удержанія страны отъ

окончательнаго паденія. Этотъ взглядъ былъ принятъ и въ результатѣ работы небольшой комиссіи при моемъ участіи, появилась утвержденная Корниловымъ такъ называемая «корниловская программа».

«1) Установленіе правительственной власти, совершенно независимой отъ всякихъ безотвѣтственныхъ организацій — впредь до Учредительнаго собранія.

2) Установленіе на мѣстахъ органовъ власти и суда, независимыхъ отъ самочинныхъ организацій.

3) Война въ полномъ единеніи съ союзниками до заключенія скорѣйшаго мира, обезпечивающаго достояніе и жизненные интересы Россіи.

4) Созданіе боеспособной арміи и организованнаго тыла — безъ политики, безъ вмѣшательства комитетовъ и комиссаровъ и съ твердой дисциплиной.

5) Обезпеченіе жизнедѣятельности страны и арміи путемъ упорядоченія транспорта и возстановленія продуктивности работы фабрикъ и заводовъ; упорядоченіе продовольственнаго дѣла привлеченіемъ къ нему кооперативовъ и торговаго аппарата, регулируемыхъ правительствомъ.

6) Разрѣшеніе основныхъ государственныхъ, національныхъ и соціальныхъ вопросовъ откладывается до Учредительнаго Собранія».

Такъ какъ технически было неудобно опубликовывать «программу Быхова», то въ печати она появилась не датированной, подъ видомъ программы прошлаго выступленія.

Другой серьезный вопросъ былъ разрѣшенъ въ болѣе тѣсномъ кругу старшихъ генераловъ вполнѣ единодушно: хотя побѣгъ изъ Быховской тюрьмы не представлялъ затрудненій, но онъ недопустимъ по политическимъ и моральнымъ основаніямъ и можетъ дискредитировать наше дѣло. Считая себя—если не юридически, то морально—правыми передъ страной, мы хотѣли и ждали суда. Желали реабилитаціи, но отюдь не «амнистіи». И когда въ началѣ октября намъ сообщили что Керенскій заявилъ Аджемову и Маклакову, что суда не будетъ вовсе, это обстоятельство сильно разочаровало многихъ изъ насъ.

Побѣгъ допускался *только* въ случаѣ окончательнаго паденія власти или перспективы неминуемаго самосуда. На этотъ случай обдумывали и обсуждали соотвѣтствующій планъ, но чрезвычайно несерьезно. Въ конечномъ итогѣ заготовлены были револьверы, нѣсколько весьма примитивныхъ фальшивыхъ документовъ, штатское платье и записаны три-четыре конспиративныхъ адреса, въ возможность использованія которыхъ у меня лично не было никакой вѣры.

Генералъ Корниловъ тяготился нѣсколько вынужденнымъ бездѣйствіемъ, но до большевистскаго выступленія вопроса этого больше не подымалъ. О «занятіи Ставки» говорили только развѣ шутя.

Тѣмъ не менѣе, внѣ Быховскихъ стѣнъ создалось совершенно опредѣленное убѣжденіе о предстоящемъ нашемъ побѣгѣ. Ставка

умоляла не дѣлать этого; совѣтская печать нѣсколько разъ сообщала о побѣгѣ, какъ о совершившемся фактѣ; Завойко изъ Петрограда въ каждомъ письмѣ къ Корнилову предостерегалъ отъ «необдуманнаго и безпричиннаго побѣга», который «можетъ послужить къ провалу всего дѣла»; Быховъ «провожалъ» насъ ежедневно, и однажды я былъ не мало изумленъ, когда священникъ, служившій у насъ въ тюрьмѣ вечерню, взволнованно и съ глубокимъ чувствомъ вознесъ особыя молитвы, чиномъ вечерни не установленныя... о путешествующихъ.

Общее мнѣніе укрѣпилось окончательно, когда Текинскій полкъ сталъ чинить вьюки и ковать лошадей...

Я думаю, что больше всѣхъ нашъ побѣгъ доставилъ бы удовольствіе Керенскому.

Чтобы облегчить намъ вынужденный уходъ изъ Быхова, въ особенности, если-бы пришлось итти походомъ съ Текинцами, принимались мѣры къ постепенному освобожденію арестованныхъ. Въ этомъ намъ содѣйствовали и Ставка, и Верховная слѣдственная комиссія. Корниловъ не разъ убѣдительно просилъ Духонина путемъ сношенія съ Керенскимъ или съ Шабловскимъ добиться скорѣйшаго освобожденія изъ Быхова ряда лицъ, «привлеченіе которыхъ къ его дѣлу и дальнѣйшее содержаніе въ заключеніи является сплошнымъ недоразумѣніемъ.» Дѣйствительно, къ 27 октября ушла изъ тюрьмы половина заключенныхъ, позднѣе и прочіе, за исключеніемъ генераловъ Лукомскаго, Романовскаго, Маркова и меня, которые принципіально должны были оставаться до конца съ генераломъ Корниловымъ.

Большое затрудненіе для насъ представляло полное отсутствіе денежныхъ средствъ. Широкое субсидированіе корниловскаго выступленія крупными столичными финансистами, о которомъ такъ много говорилъ въ своихъ показаніяхъ Керенскій — вымыселъ. Въ распоряженіи «диктатора» не было даже нѣсколькихъ тысячъ рублей, чтобы помочь впавшимъ въ нужду семьямъ офицеровъ, выброшенныхъ за бортъ и вообще пострадавшихъ въ связи съ выступленіемъ. Необходимо было помочь закупкой хлѣба семьямъ текинцевъ, позаботиться пріобрѣтеніемъ для всадниковъ Текинскаго полка на случай зимняго похода теплой одежды и т. д. Наконецъ, не легко было положеніе самихъ Быховцевъ, которыхъ Керенскій лишилъ содержанія. Семейные бѣдствовали. Вмѣсто содержанія Керенскій, лишенный чувства элементарнаго такта, приказалъ выдавать небольшія пособія изъ своихъ (по должности Верховнаго главнокомандующаго) экстраординарныхъ суммъ. Одни отвергли, другіе по нуждѣ брали. Это распоряженіе было совершенно незаконнымъ, такъ какъ даже подслѣдственнымъ арестованнымъ полагалось половинное содержаніе, а быховскіе узники по компетентному разъясненію предсѣдателя комиссіи Шабловскаго «не могли почитаться состоящими подъ слѣд-

ствіемъ *) и поэтому не лишены были права на полученіе содержанія.»

По этому поводу однимъ изъ заключенныхъ прапорщикомъ Никитинымъ подана была жалоба въ сенатъ, съ просьбой: «1) распоряженіе Главковерха отмѣнить, 2) привлечь присяжнаго повѣреннаго Александра Керенскаго, по должности Верховнаго главнокомандующаго, къ отвѣтственности по такимъ то статьямъ за превышеніе власти»...

Для поддержанія средствъ существованія быховцы затѣяли изданіе альманаха, изъ котораго, впрочемъ, ничего не вышло.

Генералъ Алексѣевъ черезъ Милюкова еще 12 сентября обратился къ Вышнеградскому, Путилову и друг.... «Семьи заключенныхъ офицеровъ — писалъ Алексѣевъ — начинаютъ голодать. Для спасенія ихъ нужно собрать и дать комитету союза офицеровъ до 300 тыс. рублей. Я настойчиво прошу ихъ прійти на помощь. Не бросятъ же они на произволъ судьбы и голоданіе семьи тѣхъ, съ которыми они были связаны общностью идеи и подготовки». Результаты этого обращенія мнѣ неизвѣстны.

Только въ концѣ октября Корнилову привезли изъ Москвы около 40 тыс. рублей, которыми онъ могъ удовлетворить важнѣйшія нужды.

Между тѣмъ, на этой почвѣ въ столицѣ и другихъ мѣстахъ развивался крупный шантажъ. Въ Быховъ начали поступать свѣдѣнія, что къ состоятельнымъ людямъ и въ банки приходятъ какія то невѣдомыя лица и обращаются съ требованіемъ большихъ суммъ на «тайную корниловскую организацію». Предъявляютъ записки московскихъ общественныхъ дѣятелей, иногда «собственноручныя», якобы, письма Корнилова.

Подъ вліяніемъ этихъ свѣдѣній, послѣ большевистскаго переворота, въ началѣ ноября генералъ Корниловъ, по настоянію прапорщика Завойко, которому продолжалъ еще довѣрять, согласился на образованіе имъ «единой центральной кассы въ Новочеркасскѣ, особаго комитета и контроля для распоряженія этими (собираемыми) деньгами, и наблюденія за ихъ использованіемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Корниловъ подписалъ присланныя Завойко письма къ 12 финансистамъ**), съ предложеніемъ жертвовать въ пользу создающихся вокругъ него

---

*) Пока шло только „разслѣдованіе“.

**) 1. А. И. Путиловъ — Русско-азіатскій банкъ.
2. А. И. Вышнеградскій — Международн. банкъ.
3. Л. Ф. Давыдовъ — Рус. для внѣш. торг. банкъ.
4. Д. Н. Шаховской — Рус. торг.-промыш. банкъ.
5. П. П. Батолинъ — Волжско-Камск. банкъ.
6. А. И. Каминка — Азовско-Донск. банкъ.
7. В. В. Тарновскій — Сибирскій банкъ
8. Ю. Л. Львовъ — Учетно-ссудный банкъ.
9. А. В. Красавинъ —
10. И. Д. Морозовъ —
11. И. И. Стахѣевъ —
12. В. Н. Троцкій-Сенютовичъ —

организацій для борьбы съ большевизмомъ, указывая, что *единственнымъ* его довѣреннымъ лицомъ по сбору денегъ является Завойко. Я не знаю, откликнулись-ли адресаты, но къ декабрю въ Новочеркасскѣ — и въ распоряженіи Корнилова, и въ фондѣ Добровольческой арміи, организовавшейся Алексѣевымъ — денегъ не оказалось.

Послѣдній эпизодъ, быть можетъ, обусловленъ недовѣріемъ къ новому Минину (Завойко), но вообще постановка финансового вопроса весьма показательна. Я остановился нѣсколько на ней, считая не безынтереснымъ своеобразное отношеніе крупной буржуазіи къ анти-совѣтскому и анти-большевистскому движенію, — той самой крупной буржуазіи, которую революціонная демократія тщится представить вдохновительницей и покровительницей движенія, созданнаго якобы на ея средства и для ея благоденствія. Отъ буржуазіи генералы Алексѣевъ и Корниловъ требовали жертвъ, но служили не ей, а народнымъ, національнымъ интересамъ. Быть можетъ это обстоятельство и вызывало тѣ трудно преодолимыя препятствія, которыя они встрѣчали не только въ средѣ враждебной, но въ другой, казалось бы, заинтересованной въ наступленіи правового порядка.

* * *

Куда уходить въ случаѣ нужды?

Только на Донъ. Вѣра въ казачество была сильна по-прежнему; совѣтъ казачьихъ войскъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Быховымъ, гальванизировалъ эту вѣру, добросовѣстно заблуждаясь и не чувствуя, что онъ, какъ и вся казачья старшина, оторваны отъ казачьей массы и давно уже не держатъ въ своихъ рукахъ ея реальной силы — войска. Въ Быховѣ составлялась преподанная Ставкѣ дислокація казачьихъ частей для занятія важнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ узловъ на путяхъ съ фронта къ югу, чтобы въ случаѣ ожидаемаго крушенія фронта, сдержать потокъ бѣгущихъ, собрать устойчивый элементъ и обезпечить продвиженіе его на Югъ. Въ то-же время шла дѣятельная переписка между Корниловымъ и Калединымъ.

Калединъ самъ еще находился въ опалѣ и въ совершенно неопредѣленномъ служебномъ положеніи. Въ дни корниловскаго выступленія Временное правительство, обвинивъ его «въ мятежѣ и въ желаніи путемъ занятія донскими частями желѣзодорожныхъ узловъ отрѣзать Донецкій бассейнъ отъ центра», отдало приказъ объ отрѣшеніи Каледина отъ должности, объ арестѣ его и преданіи суду. Донъ не выдалъ своего атамана и не допустилъ его устраненія. Керенскій лихорадочно собиралъ улики и не находилъ ничего рѣшительно, что могло бы изобличить въ нелояльности донского атамана. Временное правительство оказалось въ чрезвычайно неловкомъ положеніи и тщетно искало не слишкомъ компрометирующаго его выхода. 17 октября Керенскій въ разговорѣ съ донской депутаціей призналъ эпи-

зодъ съ калединскимъ мятежемъ «тяжелымъ и печальнымъ недоразумѣніемъ, которое было слѣдствіемъ паническаго состоянія умовъ на югѣ». Это не совсѣмъ вѣрно: паника имѣла мѣсто главнымъ образомъ на сѣверѣ; ее создали своими заявленіями Авксентьевъ, Либеръ, Рудневъ (Московскій городской голова), Верховскій, Рябцевъ (помощникъ команд. войск. Московс. округа) *) и многіе другіе. Офиціальной реабилитаціи, однако, такъ и не послѣдовало, и атаманъ, объявленный мятежникомъ, къ соблазну страны два мѣсяца уже правилъ въ такомъ почетномъ званіи областью и войскомъ.

Калединъ едва-ли не трезвѣе всѣхъ смотрѣлъ на состояніе казачества и отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ его психологіи. Письма его дышали глубокимъ пессимизмомъ и предостерегали отъ иллюзій. Даже на прямой вопросъ, дастъ ли Донъ убѣжище быховскимъ узникамъ, Калединъ отвѣтилъ хотя и утвердительно, но съ оговорками, что взаимоотношенія съ Временнымъ правительствомъ, положеніе и настроеніе въ области чрезвычайно сложны и неопредѣленны.

Такимъ образомъ, начало возникать сомнѣніе въ цѣнности единственной, какъ тогда представлялось, исходной базы для дальнѣйшей борьбы. Корниловъ былъ склоненъ приписывать это освѣщеніе субъективнымъ побужденіямъ казачьихъ верховъ. Въ этомъ убѣжденіи его усиленно поддерживалъ Завойко, пробравшійся въ Новочеркасскъ. Въ каждомъ своемъ письмѣ онъ рисовалъ широкими мазками народныя, якобы, настроенія: «... Ваше имя громадно, его двигаетъ впередъ уже стихія; за нимъ стоятъ не отдѣльные силы или люди, а въ полномъ смыслѣ слова — стихія»... И кстати добавлялъ: «Здѣсь на Дону Ваше имя и значеніе — бѣльмо на глазу Богаевскаго **); онъ полностью забралъ въ свои руки Каледина и въ этомъ направленіи вліяетъ на него; здѣсь политика по отношенію къ Вамъ — двуличная и большая личная ревность. Боятся, что Вы будете на верху, боятся, что Вы не позволите пожить за счетъ другихъ (?) и т. д.»...

Подобныя оріентировки не проходили безслѣдно, отражаясь на взглядахъ и настроеніи Корнилова. Весьма сдержанно отнесся онъ также къ полученному извѣстію, что 2 ноября пріѣхалъ въ Новочеркасскъ генералъ Алексѣевъ и приступилъ тамъ къ формированію вооруженной силы.

Вообще на ряду съ ожиданіемъ самосуда, въ Быховскую тюрьму набѣгала волна, заносимая многочисленными посѣтителями и обширной почтой, — волна, выносившая «Быховскихъ узниковъ» на авансцену политической жизни. Не въ такихъ кричащихъ тонахъ, какъ въ письмахъ Завойко, но въ такомъ же свѣтѣ представляли они общественныя настроенія въ отношеніи корниловскаго движенія. Цѣль Завойко, *отдаленнаго* отъ Быхова, довольно опредѣленно сквозила въ строкахъ одного изъ писемъ: «помните, что стихія за Вами;

---

*) Первый донесъ о „калединскомъ мятежѣ“.

**) М. Богаевскій, помощникъ Донскаго атамана.

ничего, ради Бога, не предпринимайте, сторонитесь всѣхъ; Васъ выдвинетъ стихія; Вамъ не надо друзей, ибо въ должный моментъ всѣ будутъ Вашими друзьями... За Вами придутъ — это дѣлаю и я»... Другіе приносили Корнилову свою искреннюю вѣру и свое добросовѣстное, но чисто индивидуальное и зачастую ошибочное пониманіе текущихъ событій.

А стихія дѣйствительно бушевала. Но стихія всецѣло враждебная корниловскому движенію. Въ его орбитѣ оставалось только неорганизованное офицерство и значительная масса интеллигенціи и обывательщины, распыленная, захлестываемая, могущая дать искреннее сочувствіе, но не силы, нужныя для борьбы.

ГЛАВА X.

Результаты побѣды Керенскаго: одиночество власти; постепенный захватъ ея совѣтами; распадъ государственной жизни. Внѣшняя политика правительства и совѣтовъ.

Керенскій побѣдилъ.

Значеніе этой побѣды сказалось не только въ отношеніи военной мощи страны, гдѣ армія осталась безъ вождей, но и въ области государственнаго управленія, гдѣ остались одни вожди безъ «арміи».

Передъ страной всталъ снова кардинальный вопросъ о построеніи верховной власти, ибо прежняя власть разбилась окончательно въ «безкровной побѣдѣ» надъ корниловскимъ выступленіемъ. Таково было мнѣніе не только «побѣжденныхъ», но и «побѣдителей». Газета Горькаго говорила: «Безсильная въ самостоятельной борьбѣ съ контръ-революціей, неспособная къ положительной творческой работѣ въ дѣлѣ обороны и борьбы съ разрухой, живущая цѣликомъ за счетъ авторитета и поддержки совѣта и его руками выводящая страну изъ-подъ смертельнаго удара корниловщины, — наша власть чувствуетъ себя достаточно «независимой» и «неограниченной»... въ предѣлахъ Зимняго дворца».

Въ центрѣ стояла попрежнему — одинокая и уже обреченная всѣмъ ходомъ предшествовавшихъ событій фигура Керенскаго. Разгромивъ дѣйственныя силы не соціалистической Россіи, онъ призывалъ ее вновь къ участію въ коалиціи, ведя борьбу за попираемыя права буржуазіи и не видя внѣ союза съ нею иного исхода, какъ «ликвидацію всего Временнаго правительства, съ премьеръ-министромъ во главѣ».

Революціонная демократія въ лицѣ Петроградскаго совѣта, огромнымъ большинствомъ голосовъ лѣвыхъ с. р-овъ и большевиковъ, требовала устраненія отъ власти не только партіи народной свободы, но и всѣхъ цензовыхъ элементовъ и передачи ея въ руки исключительно «революціоннаго пролетаріата и крестьянства». Если вѣрить Штейнбергу, изъ 165 резолюцій разныхъ провинціальныхъ организацій не менѣе 115 высказались за переходъ всей власти въ руки революціонной демократіи, причемъ солдатскіе комитеты оказывались часто лѣвѣе рабочихъ.

Къ этому времени изъ состава президіума Совѣта должны были выйти Чхеидзе, Церетелли, Скобелевъ и Черновъ, какъ слишкомъ «умѣренные». Въ составъ президіума вошли большевики и лѣвые с. р-ы. Новый предсѣдатель Совѣта Бронштейнъ (Троцкій), смѣнившій Чхеидзе, считалъ, что народныя массы уже вполнѣ подготовлены къ

воспріятію совѣтской власти, но «послѣ жестокаго урока іюльскихъ дней стали только болѣе благоразумными, отказались отъ собственной иниціативы и ожидаютъ призыва свыше»...

Прежніе вожди — Церетелли, Чхеидзе, Черновъ и друг., словомъ вся та соціалистическая интеллигенція, которая вначалѣ стояла во главѣ совѣтовъ, потомъ группировались вокругъ Исполнительныхъ комитетовъ и въ теченіи шести мѣсяцевъ пыталась руководить судьбами революціи, оказалась, какъ и Керенскій, въ пустомъ пространствѣ. За ними не было больше никого. Они продолжали священнодѣйствовать по инерціи, все еще произнося установленныя ритуаломъ рѣчи, въ которыхъ, однако, доминировала явно — смертельная тревога за будущее и, можетъ быть, тайно — заглушаемое раскаяніе за погубленное прошлое. Выбора не было. Если раньше въ числѣ различныхъ комбинацій можно было еще говорить объ однородномъ соціалистическомъ министерствѣ, когда большинство состояло изъ умѣренныхъ элементовъ (оборонческій блокъ), то при новомъ соотношеніи силъ вопросъ стоялъ значительно проще: или коалиція съ буржуазіей, имѣвшая за собой по крайней мѣрѣ одно преимущество —давность, или — «вся власть большевистскимъ совѣтамъ». Независимо отъ обще-государственнаго значенія этого вопроса, онъ имѣлъ для нихъ и чисто личное: первая комбинація оставляла ихъ на авансценѣ политической жизни страны, вторая низвергала въ подполье...

Остановившись на первомъ рѣшеніи, Исполнительные комитеты, очевидно только лишь для соблюденія революціонныхъ традицій вели длительные, нудные и неискренніе переговоры съ Керенскимъ. Вначалѣ появилось ультимативное требованіе устраненія отъ власти кадетъ — единственнаго организованнаго представительства демократіи и буржуазіи, подъ предлогомъ ихъ участія въ дѣлѣ Корнилова, — требованіе, дѣлавшее фактически не выполнимой идею коалиціи. Потомъ, въ результатѣ страстныхъ словопреній состоялся компромиссъ, въ силу котораго непосредственое руководство дѣлами государства впредь до окончательнаго сформированія кабинета временно возложено было на пятичленную директорію *). Постановленіе исполнительныхъ комитетовъ ставило окончательное разрѣшеніе вопроса въ зависимость отъ рѣшенія созываемаго ими съѣзда всей организованной демократіи («Демократическое совѣщаніе»).

На ряду съ преобладающимъ элементомъ «революціонной демократіи» изъ состава совѣтовъ, комитетовъ, Демократическое совѣщаніе заключало въ себѣ и значительные контингенты просто демократіи, вкрапленные въ городскія и земскія самоуправленія, профессіональные союзы, кооперативы и. т. д. Совѣщаніе должно было по мысли иниціаторовъ установить единый демократическій фронтъ, организовать власть и составить постоянный «революціонный парламентъ» для руководства ею впредь до Учредительнаго Собранія.

---

*) Министръ-предсѣдатель — Керенскій; Иностран. дѣлъ — Терещеко; воен. — Верховскій; морск. — Вердеревскій: поч. и тел. — Никитииъ.

Эта идея и возможность односторонняго захвата власти вызвали большую тревогу и протесты не только въ станѣ буржуазіи, но даже въ средѣ самой демократіи: такъ, совѣтъ кооперативныхъ съѣздовъ заявилъ, что «Всероссійское совѣщаніе должно быть общенаціональнымъ и должо быть созвано государственною властью. Въ немъ должны быть представлены всѣ слои населенія»...

Надежды и страхи не оправдались.

Совѣщаніе проявило поразительное отсутствіе чувства государственности и полный разбродъ мысли, полное отсутствіе среди демократіи какого бы то ни было единства взглядовъ даже по основнымъ вопросамъ государственной жизни. Этотъ расколъ и немощность какъ нельзя болѣе ярко опредѣлились въ резолюціи по тому главному вопросу, ради котораго собиралось совѣщаніе. Голосованіе формулы за необходимость коалиціи дало 766 голосовъ противъ 688; поправка объ исключеніи к. д. — принята 565 голосами противъ 483; наконецъ послѣ этого резолюція въ цѣломъ о необходимости коалиціи отвергнута 813 голосами противъ 183.

Это голосованіе нанесло несомнѣнно моральный ударъ демократіи и лишило всякаго авторитета Демократическое совѣщаніе. Чтобы выйти изъ положительно непристойнаго положенія, вожди революціонной демократіи, снявъ совершенно вопросъ о коалиціи, съ огромнымъ трудомъ провели новое постановленіе, въ силу котораго будущее правительство должно было руководствоваться «программой 14 августа»*), изъ состава совѣщанія выдѣлялся представительный органъ — предпарламентъ, причемъ, «въ случаѣ привлеченія въ составъ правительства и цензовыхъ элементовъ», таковой долженъ былъ пополниться делегатами отъ буржуазныхъ группъ; наконецъ, предусмотрѣна была отвѣтственность правительства передъ парламентомъ.

Почти вся пресса, хотя и по различнымъ побужденіямъ, напутствовала безвременно угасшее Демократическое совѣщаніе однообразной эпитафіей:

«Въ потокѣ словъ погибла еще одна революціонная иллюзія».

Неудивительно, что Керенскій счелъ возможнымъ игнорировать всѣ положенія совѣщанія. И послѣ знаменитыхъ засѣданій въ Малахитовомъ залѣ, гдѣ въ безконечномъ словесномъ турнирѣ еще разъ столкнулись представители революціонной демократіи и «цензовые элементы», къ 26-му сентября было достигнуто, наконецъ, соглашеніе, въ силу котораго признана была коалиція и независимость правительства; предпарламенту, переименованному въ «Совѣтъ россійской республики»**), рѣшено было дать законосовѣщательный характеръ и предоставить созывъ его правительству. Наконецъ, послѣ длительныхъ споровъ совмѣстными усиліями двухъ борющихся сторонъ выработана и опубликована декларація, заключавшая въ себѣ обычныя

*) Московскаго государственнаго совѣщанія

**) Составъ коалиціонный типа Московскаго совѣщанія.

перепѣвы программъ, воззваній, резолюцій, имѣвшихъ одинъ общій недостатокъ — *нереальность* въ обстановкѣ войны, голода и анархіи. И хотя «основными и первѣйшими задачами» своими правительство поставило «защиту родины отъ врага внѣшняго, возстановленіе законности и порядка и доведеніе страны до полновластнаго Учредительнаго Собранія», т. е. тѣ именно задачи, которыя поставлены были и «корниловской программой», но оставалось совершенно не яснымъ, какими методами будетъ добиваться верховная власть своей цѣли.

Методами государственнаго принужденія, или правительственной кротости?

Немедленно откликнулся Петроградскій совѣтъ, возглавленный въ эти дни Бронштейномъ (Троцкимъ), резолюціей отъ 25-го сентября: «Совѣтъ заявляетъ: правительству буржуазнаго всевластія и контръ-революціоннаго насилія мы — рабочіе и гарнизонъ Петрограда не окажемъ никакой поддержки... Вѣсть о новой власти встрѣтитъ со стороны всей революціонной демократіи одинъ отвѣтъ: въ отставку!... И опираясь на этотъ единственный голосъ подлинной демократіи, Всероссійскій съѣздъ совѣтовъ создастъ истинную революціонную власть. Совѣтъ призываетъ пролетарскія и солдатскія организаціи къ сплоченію своихъ рядовъ»...

И такъ, открытая война объявлена.

Какой-же откликъ находила эта борьба за власть вождей среди ихъ «арміи» — народныхъ массъ — этого многоликаго сфинкса, въ которомъ каждое теченіе находило основаніе своего первородства.

Никакого.

Народъ интересовался реальными цѣнностями, проявлялъ глубокое безразличіе къ вопросамъ государственнаго устройства и, видя ежечасное ухудшеніе своего правового и хозяйственнаго положенія, роптàлъ и глухо волновался. Народъ хотѣлъ хлѣба и мира. И не могъ повѣрить, что хлѣбъ и миръ немедленно не могутъ дать ему никто: ни Корниловъ, ни Керенскій, ни Церетелли, ни Ленинъ.

* *
*

Въ атмосферѣ полнаго недовѣрія, въ непрестанныхъ большихъ и малыхъ кризисахъ, отвлекавшихъ время, вниманіе и силы, нарушавшихъ душевное равновѣсіе, Директорія и Временное правительство новаго состава*) продолжали свою работу въ сентябрѣ и октябрѣ. Теперь не было уже ни одного класса, ни одной партіи, ни одной соціальной и политической группировки, на искреннюю

---

*) Мин.-предс. — Керенскій; замѣститель его и мин. торг. и пром. — Коноваловъ; иностр. дѣлъ — Терещенко; воен. — ген. Верховскій; морск. — адм. Вердеревскій; вн. дѣлъ — Никитинъ; юстиціи — Малянтовичъ; пут. сооб.- Ливеровскій; финан. — Бернацкій; призрѣн. — Кишкинъ; труда — Гвоздевъ; нар. просв. — Салазкинъ; продов. — Прокоповичъ; землѣд. — Масловъ; безъ портф. С. Третьяковъ; гос. контр. С. Смирновъ.

поддержку которыхъ могла разсчитывать власть. Она держалась только въ силу инерціи; только потому, что правая половина верхнихъ слоевъ русскаго народа боялась новаго катаклизма, лѣвая считала его пока преждевременнымъ, а нижніе слои непосредственно правительствомъ не интересовались.

Между тѣмъ, распадъ всей государственной жизни съ каждымъ днемъ становился все болѣе угрожающимъ. Въ 1-мъ томѣ приведенъ схематическій очеркъ внутренняго состоянія и хозяйственной жизни страны и на этихъ вопросахъ я остановлюсь теперь лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ. Всѣ первопричины разрухи оставались въ силѣ, и лишь элементъ времени расширилъ и углубилъ ея проявленія.

Самоопредѣлялись окончательно окраины.

Туркестанъ пребывалъ въ состояніи постоянной дикой анархіи. Въ Гельсингфорсѣ открывался явочнымъ порядкомъ финляндскій сеймъ, и мѣстныя революціонныя силы и русскій гарнизонъ предупреждали Временное правительство, что не позволятъ никому воспрепятствовать этому событію. Украинская центральная рада приступила къ организаціи сувереннаго учредительнаго собранія, требовала отдѣльнаго представительства на международной конференціи, отмѣняла распоряженія главнокомандующаго Юго-западнымъ фронтомъ, формировала «вольное казачество» — не то опричнину, не то просто разбойныя банды — угрожавшее окончательно затопить Юго-западный край.

Въ странѣ творилось нѣчто невообразимое. Газеты того времени переполнены ежедневными сообщеніями съ мѣстъ, подъ много говорящими заголовками: Анархія, Безпорядки, Погромы, Самосуды и т. д. Министръ Прокоповичъ повѣдалъ «Совѣту Россійской республики», что не только въ городахъ, но и надъ арміей виситъ зловѣщій призракъ голода, ибо между мѣстами закупокъ хлѣба и фронтомъ — сплошное пространство, объятое анархіей, и нѣтъ силъ преодолѣть его. На всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, на всѣхъ водныхъ путяхъ идутъ разбои и грабежи. Такъ, въ караванахъ съ хлѣбомъ, шедшихъ по Маріинской системѣ въ Петроградъ, по пути разграблено крестьянами, при сочувствіи или непротивленіи военной стражи 100 тыс. пудовъ изъ двухсотъ. Статистика военнаго министерства за одну недѣлю только въ тыловыхъ войскахъ и только исключительныхъ событій давала 24 погрома, 24 «самочинныхъ выступленія» и 16 «усмиреній вооруженной силой». Въ особенности страдала страшно прифронтовая полоса. Начальникъ Кавказской туземной дивизіи въ такихъ, напримѣръ, черныхъ краскахъ рисовалъ положеніе Подольской губерніи, гдѣ стояли на охранѣ его части... «Теперь нѣтъ силъ дольше бороться съ народомъ, у котораго нѣтъ ни совѣсти, ни стыда. Проходящія воинскія части сметаютъ все, уничтожаютъ посѣвы, скотъ, птицу, разбиваютъ казенные склады спирта, напиваются, поджигаютъ дома, громятъ не только помѣщичьи, но и крестьянскія имѣнія... Въ каждомъ селѣ развито винокуреніе, съ ко-

торымъ нѣтъ возможности бороться, вслѣдствіе массы дезертировъ. Самая плодородная страна — Подолія погибаетъ. Скоро останется голая земля».

Замѣчательно, какъ своеобразно и элементарно объясняла революціонная демократія эти неотвратимыя послѣдствія соціальной классовой борьбы и безвластія, которыя должны были лежать тяжелымъ камнемъ на ея душѣ: «въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи толпы озлобленныхъ, темныхъ, а часто и отуманенныхъ спиртомъ людей, руководимыя и натравливаемыя темными личностями, бывшими городовыми и уголовными преступниками, грабятъ, совершаютъ безчинства, насилія и убійства... Можетъ считаться точно установленнымъ, что во всемъ этомъ погромномъ движеніи участвуетъ смѣлая и опытная рука черной контръ-революціи... Погромная антисемитская агитація и проповѣдь вражды, насилія и ненависти къ инородцамъ и евреямъ являются, какъ показалъ опытъ 1905 года, наилучшей формой (?) для торжества контръ-революціонныхъ настроеній и идей»...*) Комитетъ призывалъ мѣстные совѣты зорко слѣдить за происками контръ-революціонеровъ и подавлять вооруженной силой ихъ погромныя попытки и агитацію. Эти призывы находили благодарную почву въ революціонной массѣ, дѣйствительно разбавленной болѣе чѣмъ ста тысячами амнистированныхъ преступниковъ, совершенно чуждыхъ контръ-революціоннымъ побужденіямъ и заполнявшихъ чиновныя мѣста на всѣхъ ступеняхъ совѣтской іерархіи. Все-же не совѣтское и не уголовное поступило въ разрядъ контръ-революціонеровъ.

Со времени корниловскаго выступленія ко всѣмъ прежнимъ революціоннымъ учрежденіямъ «для борьбы съ контръ-революціей» присоединились еще расцвѣтшіе пышнымъ цвѣтомъ по всей странѣ особые «революціонные комитеты», «комитеты спасенія и охраны революціи», ознаменовавшіе свое существованіе всевозможными насиліями. Правительство, «свидѣтельствуя отъ имени всей націи о чрезвычайныхъ заслугахъ этихъ комитетовъ», признало однако необходимымъ упразднить ихъ: «самочинныхъ дѣйствій въ дальнѣйшемъ допускаемо быть не должно, и Временное правительство будетъ съ ними бороться какъ съ дѣйствіями самоуправными и вредными республикѣ».**) А въ тотъ же день изъ нѣдръ Исполнительнаго комитета вышелъ приказъ***), чтобы органы эти «въ виду продолжающагося тревожнаго состоянія работали съ прежней энергіей»... Впрочемъ и само правительство было настолько одержимо боязнью контръ-революціи, что для борьбы съ нею въ началѣ октября возстановляло «охранныя отдѣленія» стараго режима, съ ихъ кругомъ вѣдѣнія, характеромъ и пріемами. Только названіе дано было новое — «особые

---

*) Постановленіе Центр. исполн. комит. совѣтовъ въ началѣ октября 1917 г.

**) Указъ 4 сентября.

***) Резолюція „комитета народной борьбы съ контръ-революціей".

отдѣлы общественной контръ-развѣдки», и въ составъ включались представители совѣтовъ, городскихъ управленій и магистратуры.

Правительство было безсильно справиться съ анархіей и кромѣ воззваній не дѣлало къ этому никакихъ попытокъ. Мѣстный представитель его — губернскій комиссаръ былъ едва ли не наиболѣе траги-комической фигурой правительственнаго аппарата. Безъ какой-либо силы — среди вопіющаго безправія и торжествующаго безвконія... Назначаемый «по соглашенію съ подлежащимъ комитетомъ общественныхъ объединенныхъ организацій» и обязанный «дѣйствовать въ единеніи съ комитетомъ», — онъ подвергался однако единоличной отвѣтственности за законность и правильность своихъ распоряженій.*)

Власть терпѣла и не могла порвать цѣпей, приковывавшихъ ее къ совѣтамъ — даже теперь, когда совѣты порвали съ ней окончательно.

Въ деревняхъ земля давно была взята и подѣлена. Теперь догорали помѣщичьи усадьбы и экономіи, дорѣзывали племенной скотъ и доламывали инвентарь. Ироніей поэтому звучали слова правительственной деклараціи, возлагавшей на земельные комитеты упорядоченіе земельныхъ отношеній и передавшей имъ земли «въ порядкѣ, *имѣющемъ быть установленнымъ закономъ и безъ нарушенія существующихъ нормъ землевладѣнія*»...

Совѣты подвергали секвестру и соціализаціи одну за другой фабрики и заводы, и въ то-же время шло массовое закрытіе промышленныхъ заведеній — къ половинѣ октября до тысячи, создавая быстро растущую безработицу и выбрасывая на улицу сотни тысячъ обозленныхъ, голодныхъ людей — готовые кадры будущей Красной гвардіи.

Государственная экспедиція допечатывала девятнадцатый миллiардъ кредитныхъ рублей, и бездонное народное чрево поглощало безслѣдно обезцѣненныя бумажныя деньги; въ то же время агитація противъ банковъ и въ пользу конфискаціи капиталовъ пріостановила вклады, нарушила кредитный оборотъ и вызвала хроническое состояніе денежнаго голода.

Министръ путей сообщенія Ливеровскій въ отчаянныхъ посланіяхъ читалъ отходную желѣзнодорожному транспорту, а въ то-же время Викжель организовывалъ всеобщую желѣзнодорожную забастовку. Въ дни войны и голода! Забастовка состоялась фактически — гдѣ три дня, гдѣ дольше, пока правительство не подчинилось требованіямъ желѣзнодорожниковъ и не ассигновало имъ прибавки содержанія въ 705 милліоновъ рублей. Но и эта капитуляція не удовлетворила Викжель, который продолжалъ предъявлять различныя требованія политически-правового характера, держа все время власть и командованіе подъ угрозой возобновленія забастовки.

Въ такой обстановкѣ протекала работа Временнаго правительства въ послѣдніе два мѣсяца его существованія.

---

*) Положеніе, утвержденное въ концѣ сентября.

Что народныя массы, освобожденныя отъ всякихъ сдерживающихъ вліяній, опьяненныя свободой, потеряли разумъ и принялись съ жестокимъ садизмомъ разрушать свое собственное благополучіе, это еще понять можно. Что у власти не нашлось силы, воли, мужества, чтобы остановить внезапно прорвавшійся потокъ, это также неудивительно. Но что дѣлала соль земли, верхніе слои народа, соціалистическая, либеральная и консервативная интеллигенція, наконецъ, просто «излюбленные люди», болѣе или менѣе законно, болѣе или менѣе полно, но все-же представлявшіе подлинный народъ — это выходитъ за предѣлы человѣческаго пониманія. Перечтите отчеты всѣхъ этихъ совѣтовъ, демократическихъ, государственныхъ и проч. совѣщаній, комитетовъ, засѣданій, предпарламентовъ и васъ оглушитъ неудержимый словесный потокъ, льющій вмѣсто огнегасительной — горючую жидкость въ расплавленную народную массу. Потокъ словъ умныхъ, глупыхъ или бредовыхъ; высоко-патріотическихъ или предательскихъ; искреннихъ или провокаторскихъ. Но только словъ. Въ нихъ отражены гипнозъ отвлеченныхъ формулъ и такая страстная нетерпимость къ программнымъ, партійнымъ, классовымъ отличіямъ, которая переноситъ насъ къ страницамъ талмуда, средневѣковой инквизиціи и спорамъ протопопа Аввакума. Они облечены внѣшней искренностью и внутренней ложью — не только у людей злой воли, но иногда и въ устахъ честныхъ и правдивыхъ. У послѣднихъ — ложь во спасеніе. Историкъ и мыслитель, изучая впослѣдствіи теченіе русской революціи по этимъ человѣческимъ документамъ, врядъ-ли сумѣютъ установить правильное пониманіе ея законовъ, если не обратятся въ область патологіи: не только для исторіи, но и для медицины состояніе умовъ въ особенности у верхняго слоя русскаго народа въ годы великой смуты представитъ высокоцѣнный неисчерпаемый источникъ изученія.

Не удивительно, что послѣ «Московскаго государственнаго совѣщанія», «Демократическаго совѣщанія», «Совѣта Россійской республики» и кратковременнаго «Учредительнаго собранія 1918 г.» въ глазахъ многихъ людей либеральнаго образа мыслей возникло сомнѣніе въ непогрѣшимости основной демократической догмы, перевоплощенной въ русской пословицѣ: «Гласъ народа — голосъ Божій».

* * *

Въ области внѣшнихъ сношеній положеніе Россіи становилось все болѣе тяжелымъ и унизительнымъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ Терещенко, въ стремленіи своемъ быть пріемлемымъ для революціонной демократіи, безнадежно запутался въ сочетаніи идей интернаціонализма, преобладавшаго въ Совѣтѣ, «революціоннаго оборончества», не искренно проводимаго Исполнительнымъ комитетомъ, и національной обороны, исповѣдуемой «цензовыми элементами». Эта тройственность составляетъ характерную особенность всѣхъ его актовъ. И въ послѣдней деклараціи

правительства отъ 25 сентября механическое смѣшеніе всѣхъ трехъ идеологій выразилось въ такой дипломатической формѣ: «...правительство будетъ неустанно развивать свою дѣйственную внѣшнюю политику въ духѣ демократическихъ началъ, провозглашенныхъ русской революціей, сдѣлавшей эти начала общенаціональнымъ достояніемъ (?), стремясь къ достиженію всеобщаго мира и исключая насилія съ чьей бы то ни было стороны». Какія начала: Ленина, Цедербаума (Мартова), Гурвича (Дана), Чернова или... Милюкова? «...Временное правительство... всѣ свои силы положитъ на защиту общесоюзническаго дѣла, на оборону страны, на рѣшительный отпоръ всякимъ попыткамъ отторженія національной территоріи и навязыванія Россіи чужой воли, на изгнаніе непріятельскихъ войскъ изъ предѣловъ родной страны». Въ этомъ изложеніи достаточно опредѣленно проводились въ политикѣ — status quo, въ стратегіи — отказъ отъ полной побѣды и переходъ отъ наступленія къ активной оборонѣ. Только сокровенный смыслъ фразы «защита обще-союзническаго дѣла», предназначенный для успокоенія союзныхъ странъ, нарушалъ нѣсколько общій тонъ «деклараціи безсилія», какъ назвала этотъ актъ печать.

Такая внѣшняя политика имѣла своимъ прикладнымъ результатомъ лишь возможность длительнаго пребыванія на посту г. Терещенко и встрѣчала осужденіе рѣшительно со всѣхъ сторонъ. Слѣва ее считали «прямымъ продолженіемъ внѣшней политики царизма... не заключающей въ себѣ ни демократическаго, ни революціоннаго элементовъ».*) Справа говорили о «стилѣ офиціальнаго лицемѣрія», которымъ о чести и достоинствѣ Россіи отказываются говорить, о національныхъ интересахъ говорятъ съ большой осторожностью».**) Любопытно, что самъ г. Терещенко въ различныхъ интервью опредѣлялъ нашу внѣшнюю политику, какъ «политику парадоксовъ»...

Деклараціей предусматривалась посылка на конференцію союзныхъ державъ въ числѣ уполномоченныхъ правительства и лица «облеченнаго особеннымъ довѣріемъ демократическихъ организацій». Таковымъ оказался М. Скобелевъ. Ему данъ былъ выработанный Центральнымъ исполнительнымъ комитетомъ наказъ, который перейдетъ въ исторію, какъ яркій показатель того политическаго, моральнаго и патріотическаго уровня, на которомъ стояли *умѣренные* вожди революціонной демократіи. П. Милюковъ въ Совѣтѣ республики далъ тонкій анализъ этого постыднаго акта, раздѣливъ содержаніе его на «три концентрическихъ круга мыслей»: общепацифистскій***), стокгольмскій****) и спеціально-совѣтскій, представлявшій переложеніе стокгольмскаго, исправленнаго въ духѣ утопизма и... германскихъ

*) Гурвичъ.

**) Милюковъ.

***) Положенія этого рода встрѣчали критику, но не осужденіе.

****) Манифестъ организаціоннаго комитета Стокгольмской конференціи 4 октября.

интересовъ. Отъ болѣе точнаго опредѣленія этого послѣдняго «круга мыслей» онъ воздержался. Но было ясно, что это просто предательство Родины, для которой безразлично, поступаются ли ея интересами за сребренники или даромъ.

Національные интересы Россіи, ея будущія судьбы и возможность мирнаго существованія, понесенныя ею великія жертвы, чудовищное разстройство народнаго хозяйства обезпечивались въ этомъ актѣ только слѣдующими положеніями: «непремѣннымъ условіемъ мира является выводъ нѣмецкихъ войскъ (а австрійскихъ, и турецкихъ?) изъ занятыхъ областей Россіи. Россія предоставляетъ полное самоопредѣленіе Польшѣ, Литвѣ и Латвіи». И дальше — общее требованіе: «всѣ воюющіе отказываются отъ требованія возмѣщенія всякихъ издержекъ въ прямомъ и скрытомъ видѣ». Нигдѣ болѣе въ наказѣ имя Россіи не упоминалось.

Забота объ интересахъ союзниковъ ограничивалась возстановленіемъ Бельгіи, Сербіи*), Черногоріи и Румыніи въ прежнихъ границахъ, возмѣщеніемъ убытковъ Бельгіи и матеріальной помощью Сербіи и Черногоріи изъ... интернаціональнаго фонда, т. е. и за счетъ союзныхъ и нейтральныхъ державъ!

Идея самоопредѣленія вылилась по существу въ *отторженіи* отъ Россіи — Литвы и Латвіи, отъ Румыніи — Добруджи и отъ Турціи — Арменіи; въ *сохраненіи* за Германіей ея колоній, Познани и польской Силезіи (въ Эльзасѣ и Лотарингіи допущенъ былъ плебисцитъ); за Австріей — румынской Трансильваніи и всѣхъ славянскихъ земель; только въ итальянскихъ областяхъ ея допускался плебисцитъ. Зарубежные поляки, чехо-словаки, южные славяне, румыны повидимому не заслуживали самоопредѣленія... Массарикъ, съ большой горечью напоминая о забытыхъ, указывалъ Совѣту, что такое одностороннее толкованіе имъ идеи самоопредѣленія народовъ, сближаетъ его совершенно со взглядами нѣмецкаго имперіализма.

Неудивительно, что это выступленіе русской демократіи произвело въ центральныхъ странахъ весьма благопріятное впечатлѣніе: австро-германская печать отозвалась сдержаннымъ одобреніемъ «перемѣнѣ курса русской политики», а канцлерскій офиціозъ Norddeutsche Allgemeine Zeitung» обмолвился даже такой знаменательной фразой: «этотъ духъ программы русской демократіи повидимому *воспріялъ нѣчто* отъ того примирительнаго духа, которымъ проникнуты рѣчи, произнесенныя въ германскомъ рейхстагѣ по поводу ноты папы, а также заявленіе графа Чернина въ Будапештѣ». Воспріялъ несомнѣнно — черезъ благодать Стокгольмскаго банка, Циммервальдъ, руссоненавистничество и духовное затменіе.

Наконецъ, для осуществленія *скораго* мира наказъ требовалъ заключенія его «черезъ уполномоченныхъ, выбранныхъ органами народнаго представительства» — для чего нужно было измѣненіе

*) Ей предоставлялся доступъ къ Адріатическому морю.

конституцій всѣхъ воюющихъ странъ — и не иначе, какъ «на *всемірномъ* конгрессѣ».

Всѣ эти «парадоксы» официальнаго политическаго курса и откровенія неофиціальнаго были бы однако лишь пустымъ словопреніемъ, безъ всякаго реальнаго значенія, если бы они не давали почвы и оправданія тѣмъ сумбурнымъ настроеніямъ, которыя царили въ арміи — арміи, не желавшей знать никакихъ «цѣлей войны», а жаждавшей немедленнаго мира во что бы то ни стало. Такъ смотрѣли на нашу дипломатію и союзники. Съ развалομъ арміи она теряла всякій авторитетъ и вліяніе на союзническую политику. Въ союзныхъ правительствахъ, парламентахъ, въ печати, не исключая части соціалистической, за рѣдкими исключеніями отзывались на откровенія русской революціонной демократіи поучающе-снисходительно, съ ироніей или съ осужденіемъ, но не придавали имъ слишкомъ серьезнаго значенія. Крупная англійская печать находила, что идеи джентельменовъ изъ Совѣта представляются весьма интересными и будутъ имѣть вѣроятно большое значеніе... послѣ окончанія войны и заключенія мира. Клемансо рѣзко высказывалъ удивленіе, что совѣты, имѣющіе въ своемъ активѣ только пораженія, «навязываютъ французамъ съ ихъ длительными блестящими успѣхами условія мира, внушенныя ихъ мечтаніями».

Что касается соціалъ-демократіи союзныхъ странъ, то хотя въ нѣдрахъ ея происходилъ процессъ разслоенія, и меньшинство все болѣе принимало обликъ русскаго большевизма, значительное большинство оставалось вѣрнымъ принятымъ съ начала войны идеямъ національной обороны. Почти въ то же время, когда составлялся скобелевскій наказъ, французская соціалистическая конференція въ Бордо выносила резолюцію, которая, на ряду съ проповѣдью общепацифистскихъ идей, высказывалась за поддержку буржуазнаго правительства и за рѣшительное продолженіе войны до побѣды.

Союзниковъ глубоко интересовалъ и тревожилъ одинъ главный вопросъ — о русскомъ фронтѣ.

26 сентября къ министру-предсѣдателю явились посланники Англіи, Франціи и Италіи и обратились къ нему съ коллективнымъ заявленіемъ отъ имени своихъ державъ, — что «общественное мнѣніе ихъ странъ требуетъ отчета у правительствъ по поводу матеріальной помощи, оказанной Россіи; что русское правительство должно доказать свое стремленіе использовать всѣ средства, чтобы возстановить дисциплину и истинный воинскій духъ въ арміи»*).

Камбонъ объяснялъ этотъ шагъ создавшимся въ парижскихъ кругахъ убѣжденіемъ, что «Временное правительство можетъ, опираясь на вѣрныя войска, возстановить боеспособность арміи и раздавить большевиковъ». А Сонино въ бесѣдѣ съ нашимъ посломъ сообщилъ, что «коллективное выступленіе имѣло именно цѣлью дать поддержку Временному правительству»...

*) Изъ секретн. дипломат. переписки, опубликованной большевиками.

Какъ бы то ни было, такое выступленіе являлось тревожнымъ фактомъ въ особенности въ связи съ упорными слухами о возможности заключенія союзниками сепаратнаго мира.

Позднѣе, въ началѣ октября, слухи о сепаратномъ мирѣ получили уже реальное обоснованіе: послѣ неудачнаго выступленія папы, нѣмецкое правительство въ лицѣ министра иностр. дѣлъ Кюльмана сдѣлало неофиціальное заявленіе Франціи черезъ Бріана, что оно готово обсуждать вопросъ объ Эльзасѣ и Лотарингіи, о Тріестѣ и возстановленіи независимости Бельгіи на условіяхъ компенсацій на Востокѣ... Рибо во французскомъ парламентѣ, Лордъ Сесиль въ англійскомъ, подтверждая вѣрность союзу, отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ; ихъ заявленіе успокоило правительство и русскую общественность, вызвавъ въ Россіи смѣшанное чувство досады за себя и умиленія по адресу союзниковъ. Министръ Прокоповичъ на кооперативномъ съѣздѣ въ Москвѣ заявилъ о нашемъ отчаянномъ международномъ положеніи: «Миръ приближается къ намъ. Но миръ неслыханно позорный для Россіи, миръ исключительно за нашъ счетъ. Насъ спасаетъ пока только благородство союзниковъ, отвергающихъ дѣлаемыя Германіей, выгодныя для нихъ, но гибельныя для насъ мирныя предложенія». Но «быть можетъ чаша терпѣнія ихъ скоро переполнится».

Трудно теперь, послѣ четырехлѣтняго опыта подходить къ мотивамъ, двигавшимъ дѣйствіями международной дипломатіи съ точки зрѣнія чистаго альтруизма. Его конечно не было. Былъ холодный, ясный расчетъ. Не даромъ Рибо называлъ предложеніе Кюльмана «ловушкой». Самый фактъ открытія сепаратныхъ переговоровъ произвелъ бы въ Россіи глубочайшій переворотъ не только въ политическихъ взаимоотношеніяхъ, но и въ психологіи русскаго народа, бросивъ его въ объятія Германіи и тѣмъ смѣшавъ всѣ карты новой игры. Наконецъ, даже «удачный» исходъ переговоровъ, приведя къ чрезмѣрному усиленію Германіи, нисколько не мѣнялъ бы того напряженнаго состоянія, которое царило въ Европѣ до войны, не уничтожалъ, а наоборотъ увеличивалъ опасность германскаго имперіализма, стремленія къ политической и экономической гегемоніи. Нѣмецкій бронированный кулакъ, благодаря взращенной въ теченіи трехъ лѣтъ злобѣ и чувству мести, сталъ бы вновь огромной угрозой европейскому миру. И въ особенности угрозой — если не бытію, то великодержавности Франціи, которой съ устраненіемъ Россіи предстояло въ будущемъ жуткое политическое одиночество.

Вотъ почему отсѣченіе даже больного духовно и парализованнаго физически члена Согласія обрекало на безцѣльность и безполезность всѣ громадныя жертвы, усилія и затраты союзниковъ.

И когда въ дни, приближавшіе насъ къ роковому исходу, за двѣ недѣли до большевистскаго переворота, во французскомъ парламентѣ новый министръ иностранныхъ дѣлъ Барту съ большимъ подъемомъ говорилъ:

— Мы единодушно утверждаемъ, что питаемъ довѣріе къ Россіи!

А Тома перебилъ:

— Надо оказать ей дѣйствительную помощь! — въ этомъ діалогѣ французскихъ государственныхъ людей отразились не столько вѣра и желаніе, сколько смертельный страхъ за судьбы своей родины.

ГЛАВА XI.

Военныя реформы Керенскаго — Верховскаго — Вердеревскаго. Состояніе арміи въ сентябрѣ, октябрѣ. Занятіе нѣмцами Моонзунда.

Послѣ корниловскаго выступленія во главѣ военнаго министерства Керенскій поставилъ произведеннаго имъ въ генералы Верховскаго и во главѣ морского — адмирала Вердеревскаго, который только что былъ освобожденъ изъ-подъ слѣдствія по обвиненію его въ неисполненіи приказа Временнаго правительства подъ вліяніемъ флотскаго комитета. Главной причиной, которая послужила къ выдвиженію этихъ лицъ была ихъ удивительная приспособляемость къ господствующимъ совѣтскимъ настроеніямъ, постепенно переходившая въ чистую демагогію. Этотъ элементъ ярко окрашиваетъ ихъ двухмѣсячную дѣятельность. Любопытную характеристику обоимъ даетъ самъ Керенскій*). Вердеревскій по его мнѣнію умный и очень дипломатичный человѣкъ, который ради огражденія отъ дальнѣйшаго поношенія, можетъ быть даже истребленія, морскихъ офицеровъ сталъ «исключительнымъ оппортунистомъ». Верховскій «былъ не только не способенъ овладѣть положеніемъ, но даже понять его». Онъ былъ выдвинутъ политическими игроками слѣва и быстро поплылъ «безъ руля и безъ вѣтрилъ» прямо навстрѣчу катастрофѣ... Верховскій ввелъ въ свою дѣятельность «комическій элементъ». Къ этому опредѣленію можно добавить еще легкую возбуждаемость на почвѣ не то истеріи, не то пристрастія къ наркозамъ... Но Верховскій въ свое время рѣзко выступилъ противъ Корнилова, и это обстоятельство сыграло по признанію Керенскаго рѣшающую роль: «принимая во вниманіе колеблющееся поведеніе во время корниловскаго выступленія всѣхъ другихъ желаемыхъ кандидатовъ, мнѣ буквально не изъ кого было выбирать, а, между тѣмъ, съ обѣихъ сторонъ — правой и лѣвой — проявилось внезапное желаніе видѣть на посту военнаго министра — военнаго человѣка»...

При такихъ условіяхъ ничто не могло измѣнить трагической судьбы русской арміи.

Изложивъ немедленно послѣ своего назначенія Исполнительному комитету свою программу, заслужившую его одобреніе, военный министръ приступилъ къ работѣ, носившей необыкновенно сумбурный характеръ, не оставившей послѣ себя никакого индивидуальнаго

---

*) „Прелюдія большевизма“ (англ.)

слѣда и какъ будто заключавшейся исключительно въ томъ, чтобы излагать грамотнымъ военнымъ языкомъ безграмотныя по смыслу совѣтскія упражненія въ военной области.

Реформы начались съ новаго изгнанія лицъ командного состава. Въ теченіе мѣсяца было уволено «за контръ-революцію» 20 высшихъ чиновъ командованія и много другихъ войсковыхъ начальниковъ. Они были замѣнены лицами, по опредѣленію Верховскаго, имѣвшими въ своемъ активѣ «политическую честность, твердость поведенія въ корниловскомъ дѣлѣ и контактъ съ армейскими организаціями». Въ какомъ-то самоослѣпленіи Керенскій въ концѣ октября заявилъ «Совѣту республики» о необыкновенныхъ результатахъ этого механическаго отсѣиванія: «я счастливъ заявить, что въ настоящее время ни на одномъ фронтѣ, ни въ одной арміи вы не найдете руководителей, которые были бы противъ той системы управленія арміей, которую я проводилъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ». Какъ будто въ разъясненіе этого заявленія Верховскій, продолжавшій эволюціонировать, теперь уже рѣшительными шагами въ сторону большевизма, тамъ-же въ Совѣтѣ счелъ нужнымъ обратить вниманіе армейскихъ организацій на одну очень характерную черту армейскаго быта: «и сейчасъ, при новомъ режимѣ, появились генералы, и даже въ очень высокихъ чинахъ, которые опредѣленно поняли, куда вѣтеръ дуетъ, и какъ нужно вести свою линію». Несомнѣнно тяжкое обвиненіе командного состава, вытекающее изъ словъ Керенскаго, преувеличено: на общемъ фонѣ обезличенныхъ начальниковъ, сведенныхъ на степень «техническихъ совѣтниковъ», кромѣ типа Черемисова, существовалъ еще типъ Духонина. Между нравственнымъ обликомъ одного и другого — непроходимая пропасть. Но *всѣ* тѣ, кто по разнымъ побужденіямъ примирились внѣшне съ военной политикой правительства, въ душѣ считали политику эту гибельной и ненавидѣли творцовъ ея.

Вопросъ о революціонныхъ организаціяхъ оставался въ прежнемъ, если не въ худшемъ положеніи. Наканунѣ своего удаленія отъ должности, 30 сентября, Савинковъ успѣлъ выпустить приказъ съ изложеніемъ общихъ основаній реорганизаціи этихъ институтовъ, въ редакціи отвергнутой въ свое время Корниловымъ. Власть комиссаровъ была усилена. Имъ предоставлены прокурорскія обязанности въ отношеніи войсковыхъ организацій въ смыслѣ наблюденія за закономѣрностью дѣятельности послѣднихъ, надзоръ за печатью и устной агитаціей и регламентированіе права собраній въ арміи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на комиссаровъ возложено было уже официально наблюденіе за командным составомъ арміи, аттестація лицъ «достойныхъ выдвиженія» и возбужденіе вопроса объ удаленіи начальниковъ, «не соотвѣтствующихъ занимаемой ими должности». Тягость положенія командного состава усугублялась тѣмъ, что приказъ не предусматривалъ границъ комиссарскаго усмотрѣнія (политика, служба, военное дѣло, общая преступность?) и не опредѣлялъ точно рѣшающей инстанціи.

Войсковымъ комитетамъ, на ряду съ руководствомъ общественной и политической жизнью войскъ, предоставлялся контроль надъ органами снабженія и опять-таки надзоръ за командным составомъ и аттестованіе его путемъ сбора «матеріаловъ о несоотвѣтствіи даннаго начальника въ занимаемой имъ должности». Революціонный сыскъ, возведенный въ систему и оставившій далеко позади черные списки Сухомлиновско-Мясоѣдовскаго періода, повисъ тяжелымъ камнемъ надъ головами начальниковъ, парализуя дѣятельность даже крайнихъ оппортунистовъ.

Офиціальное лицемѣріе продолжало возносить армейскія революціонныя организаціи, какъ важнѣйшіе «устои демократической арміи» — очевидно не по убѣжденію, а по тактическимъ соображеніямъ. Въ союзѣ съ ними, хотя и весьма неискреннемъ, всѣ тѣ, что группировались вокругъ Керенскаго, видѣли извѣстный демократическій покровъ политическаго курса и послѣднюю свою надежду. Порвавъ съ ними, власти нельзя было сохранить даже неустойчивое равновѣсіе и неминуемо приходилось сдѣлать послѣдній шагъ вправо или влѣво: къ совѣтамъ и Ленину или къ диктатурѣ и «бѣлому генералу».

А «покровъ» почти истлѣлъ.

Какой авторитетъ могли имѣть въ арміи комиссары — представители Временнаго правительства, если, напримѣръ, комиссаръ Сѣвернаго фронта Станкевичъ, посѣтившій въ сентябрѣ ревельскій гарнизонъ, имѣя задачей «защищать Временное правительство», встрѣчаетъ такой пріемъ: «...я чувствовалъ всю тщету попытокъ, такъ какъ само слово «правительство» создавало какіе-то электрическіе токи въ залѣ, и чувствовалось, что волны негодованія, ненависти и недовѣрія сразу захватывали всю толпу. Это было ярко, сильно, непреодолимо и сливалось въ единственный вопль: Долой!» Въ другихъ мѣстахъ отношеніе солдатской массы къ правительству если и не проявлялось такъ экспансивно, то, во всякомъ случаѣ, выражало полнѣйшее равнодушіе или пассивное сопротивленіе, ежеминутно готовое вылиться въ открытый бунтъ.

Комитеты также измѣняли постепенно свой обликъ. Многіе высшіе комитеты, которые съ весны не переизбирались, сохраняли еще прежнія традиціи оборончества и условной поддержки правительству («по стольку, по скольку»), теряя постепенно связь съ войсками и всякое вліяніе на нихъ, тогда какъ другіе и большинство низшихъ переходили окончательно въ большевистскій лагерь. Изъ среды комитетовъ и помимо нихъ текли непрерывно въ Петроградъ делегаціи и тамъ, минуя Зимній дворецъ, направлялись въ Петроградскій совѣтъ, черпая въ нѣдрахъ его совѣты, указанія и надежды.

Особенно угрожающее положеніе занимали флотскія организаціи. Если главный общеармейскій комитетъ завелъ междоусобіе даже съ оппортунистической Ставкой Керенскаго, то Центрофлотъ предъявлялъ уже ультиматумы Керенскому и Вердеревскому, угрожая «прервать съ ними дальнѣйшія отношенія» и побудить къ тому же своихъ избирателей. А когда въ концѣ сентября Керенскій, ввиду нѣ-

мецкаго дессанта, призывалъ флотъ «опомниться и перестать вольно и невольно играть въ руку врагу», не замедлилъ отвѣтъ отъ Съѣзда представителей Балтійскаго флота: «потребовать немедленнаго удаленія изъ рядовъ правительства Керенскаго, какъ лица, позорящаго и губящаго своимъ безстыднымъ политическимъ шантажемъ великую революцію, а вмѣстѣ съ ней весь революціонный народъ»...

Къ концу сентября въ основаніе реформъ положена была докладная записка, подписанная Духонинымъ и Дитерихсомъ.*)

Записка Духонина представляетъ попытку согласованія основныхъ началъ военной службы съ «завоеваніями революціи» и поэтому вся проникнута была двойственностью идеи и половинчатостью мѣръ. Поставлено было требованіе «полнаго прекращенія какой-бы то ни было агитаціи въ войскахъ, независимо отъ партій», которое сейчасъ же вступало въ неумолимое противорѣчіе съ организаціей комиссарами и комитетами предвыборной кампаніи. Устанавливалось два положенія военно-служащаго «на службѣ» и «внѣ службы», причемъ во-второмъ — всѣ являлись равноправными гражданами, ограниченными лишь «правилами общественнаго порядка и гигіены». Возстановлялась дисциплинарная власть начальниковъ и право преданія ими подчиненныхъ суду, но первая — условно («если дисциплинарный судъ въ 24 часа не вынесетъ рѣшенія»), а второе въ значительной мѣрѣ парализовалось предоставленіемъ разслѣдованія — выборнымъ комиссіямъ. Возстановлено отданіе чести — только прямымъ начальникамъ. Начальникъ, по мысли записки, становился «представителемъ власти правительства», а комиссаръ только его помощникомъ «по части проведенія въ арміи началъ государственности». Но этотъ помощникъ, «въ случаѣ явнаго направленія дѣятельности начальника въ разрѣзъ правительственныхъ интересовъ», имѣлъ право «примѣнять рѣшительныя мѣры для поддержанія правительственной власти». Компетенція комитетовъ, правда, сильно ограничивалась и устанавливалась ихъ отвѣтственность. Записка признавала возможнымъ отказаться отъ смертной казни, «если всѣ эти мѣры будутъ проведены полностью». Вмѣстѣ съ тѣмъ, записка намѣчала цѣлый рядъ мѣръ по измѣненію уставовъ и насажденію военнаго и техническаго образованія. Словомъ, вся реорганизація арміи, разсчитанная на длительный періодъ, была поставлена такъ, какъ будто Ставка имѣла впереди много времени и жила въ нормальной обстановкѣ, а не имѣла дѣло съ массой, давно переставшей повиноваться, работать и учиться.

Но и эти робкія попытки возстановленія арміи оставались въ области теоретическихъ предположеній. Вводить ихъ въ жизнь должно было военное министерство, а Верховскій, предвидя событія, ставилъ свою дѣятельность въ зависимость отъ взглядовъ Совѣта. Кажется единственное мѣропріятіе проведено имъ было скоро и легко — это роспускъ изъ арміи четырехъ старшихъ возрастныхъ клас-

*) I-ый Генералъ-квартирмейстеръ Ставки.

совъ, который окончательно укрѣпилъ солдатъ въ мысли о предстоящей демобилизаціи.

На практикѣ никакихъ мѣръ къ поднятію дисциплины не было принято. Впрочемъ, сдѣлать это было бы тѣмъ болѣе трудно, что идеологія воинской дисциплины у руководителей вооруженныхъ силъ проявлялась офиціально въ формахъ весьма неожиданныхъ: Верховскій, въ согласіи съ мнѣніемъ совѣтовъ, видѣлъ главную причину разрухи «въ непониманіи войсками цѣлей войны» и предлагалъ Правительству и Совѣту «сдѣлать для каждаго человѣка совершенно яснымъ, что мы не воюемъ ради захватовъ своихъ и чужихъ». Ни Рига, ни занятіе нѣмцами Моонзунда очевидно не уясняли вопроса въ глазахъ военнаго министра. Керенскій по требованію Совѣта пріостановилъ приведеніе въ исполненіе смертныхъ приговоровъ въ арміи, т. е. фактически отмѣнилъ смертную казнь; Вердеревскій проповѣдывалъ, что «дисциплина должна быть добровольной. Надо сговориться съ массой (!) и на основаніи общей любви къ родинѣ побудить ее добровольно принять на себя всѣ тяготы воинской дисциплины... Необходимо, чтобы дисциплина перестала носить въ себѣ непріятный характеръ принужденія».*)

Офиціальное лицемѣріе продолжало поддерживать легенду о жизнеспособности фронта. Еще 10 октября Верховскій говорилъ «Совѣту республики»: «люди, которые говорятъ, что русской арміи не существуетъ, не понимаютъ того, что они говорятъ. Нѣмцы держатъ на нашемъ фронтѣ 130 дивизій... Русская армія существуетъ, исполняетъ свою задачу и исполнитъ ее до конца». А черезъ нѣсколько дней въ засѣданіи комиссіи «Совѣта республики» заявилъ: у насъ нѣтъ болѣе арміи, необходимо заключить немедленно сепаратный миръ съ нѣмцами.**)

* * *

Такое направленіе военной политики расчищало пути большевизму въ арміи. Тѣ самые комиссары и предсѣдатели фронтового и армейскихъ комитетовъ Юго-западнаго фронта, которые вели со мной столь успѣшную и побѣдную борьбу въ августѣ, на съѣздѣ своемъ въ Кіевѣ въ половинѣ октября съ большой тревогой обсуждали вопросъ, какія мѣры необходимы, чтобы остановить допущенную, въ связи съ выборами въ Учредительное Собраніе, преступную агитацію, переходящую въ призывъ — бросить окопы и итти домой.

Эту своеобразную «поддержку» получала армія главнымъ образомъ отъ тыла. Армія, погрязшая въ своихъ собственныхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ, имѣла все же право обратиться съ недоумѣннымъ вопросомъ къ тылу:

— Воюемъ мы или не воюемъ?

---

*) Изъ рѣчей въ „Совѣтѣ республики“.

**) Послѣ этого засѣданія уволенъ отъ должности военнаго министра.

«Къ тылу, къ странѣ, ко всей Россійской республикѣ и прежде всего въ революціонной демократіи. Не сваливайте вину на буржуазію, потому что армія обращается не къ ней, а къ вамъ —, революціонерамъ и демократамъ, потому что не буржуазія, а вы —, большевики, меньшевики и соціалисты-революціонеры, называете солдатъ товарищами. Или товарищеская вѣрность до смерти, или слово «товарищъ» — лживое слово»... Такъ писалъ 3 октября не кто иной, какъ офиціозъ революціонной демократіи «Извѣстія».

Тылъ отвѣтилъ словомъ и дѣломъ:

— Не воюемъ.

Опредѣленнѣе всѣхъ говорилъ большевизмъ. Въ армію, какъ мы знаемъ, онъ пришелъ съ прямымъ приглашеніемъ — отказать въ повиновеніи начальникамъ и прекратить войну, найдя благодарную почву въ стихійномъ чувствѣ самосохраненія, охватившемъ солдатскую массу. Впереди предстояла дождливая осень, холодная зима, съ неизбѣжными тяжелыми лишеніями, осложненными сильнѣйшимъ разстройствомъ тыла. Делегаты, отправляемые со всѣхъ фронтовъ въ Петроградскій совѣтъ съ запросами, просьбами, требованіями, угрозами, слышали тамъ иногда отъ немногочисленныхъ представителей оборонческаго блока упреки и просьбы потерпѣть, но находили за то полное сочувствіе въ большевистской фракціи Совѣта, унося съ собой въ грязные и холодные окопы убѣжденіе, что мирные переговоры не начнутся, пока вся власть не перейдетъ къ большевистскимъ совѣтамъ.

Осенью въ одномъ изъ засѣданій Петроградскаго совѣта, прибывшій съ фронта офицеръ Дубасовъ сказалъ: «солдаты сейчасъ не хотятъ ни свободы, ни земли. Они хотятъ одного — конца войны. Что бы вы здѣсь ни говорили, солдаты больше воевать не будутъ»... Это заявленіе, какъ передавалъ газетный хроникеръ, произвело «непередаваемое впечатлѣніе». Было бы напрасно, однако, въ этомъ рефлекторномъ движеніи искать признаковъ сожалѣнія или раскаянія. Оно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ прогрессирующемъ развалѣ арміи была очевидно такая черта, переходъ которой считался угрозой даже для... большевизма. По крайней мѣрѣ, по словамъ Троцкаго, однимъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ скорѣйшему захвату большевиками власти было опасеніе, что «событія на фронтѣ могутъ произвести въ рядахъ революціи чудовищный хаосъ и ввергнуть въ отчаяніе рабочія массы».*)

Петроградскій гарнизонъ, не перестававшій играть роковую роль въ судьбахъ революціи, составлялъ предметъ исключительнаго вниманія большевистскихъ руководителей. Въ серединѣ октября Керенскій пришелъ къ необходимости осуществить корниловскій планъ подчиненія Петроградскаго военнаго округа главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ и вывода на фронтъ частей петроградскаго гарнизона. Мѣра эта уже запоздала. Гарнизонъ рѣшительно отказалъ

*) Троцкій „L'avènement du bolchvisme".

въ повиновеніи, и Петроградскій совѣтъ всѣми доступными мѣрами противодѣйствовалъ выводу частей изъ столицы. Такое отношеніе усилило въ значительной степени вліяніе Совѣта и самыми тѣсными узами связало судьбу гарнизона съ судьбой большевизма.

Въ странѣ не было ни одной общественной или соціальной группы, ни одной политической партіи, которая могла бы, подобно большевикамъ и къ нимъ примыкающимъ, такъ безотговорочно, съ такой обнаженной откровенностью призывать армію — «воткнуть штыки въ землю». Ибо, хотя въ средѣ, пропитанной духомъ интернаціонализма, само слово «Родина» было изъято изъ обращенія, но чувство къ ней тлѣло еще въ сердцахъ.

Арміи предстояло сыграть рѣшающую роль въ октябрьскомъ переворотѣ: какъ прямымъ содѣйствіемъ ему петроградскаго гарнизона, такъ и отказомъ фронта отъ борьбы и сопротивленія.

* * *

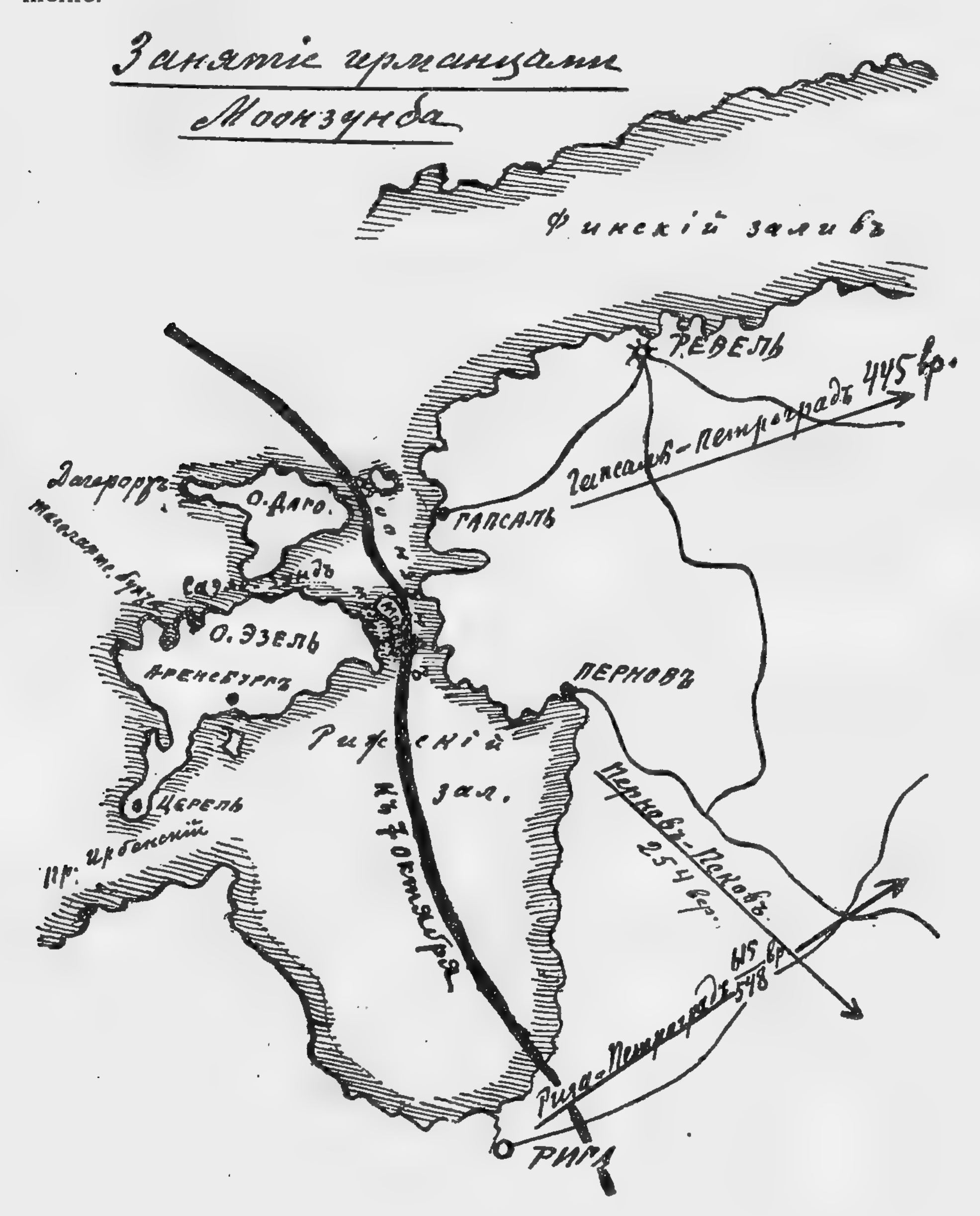
Верховскій былъ правъ въ одномъ: русская армія, помимо своей воли, не взирая на разлагающія вліянія извнѣ и извнутри и безсиліе власти, «исполняла свою задачу» — правда весьма односторонне — въ интересахъ союзниковъ: русскій фронтъ все еще удерживалъ противъ себя 127 вражескихъ дивизій;*) въ этомъ числѣ — 80 нѣмецкихъ, т. е. одну треть состава германской арміи. Глубина общаго развала русскихъ войскъ учитывалась нѣмецкой главной квартирой, и Гинденбургъ говорилъ, что для него не существуетъ совершенно препятствій на русскомъ фронтѣ, въ отношеніи котораго онъ руководствуется только мотивами цѣлесообразности. Петроградъ казался поэтому весьма заманчивой цѣлью и гипнотизировалъ общественное мнѣніе по обѣ стороны линіи фронта. У насъ — вызывая сильнѣйшее безпокойство за участь столицы, за рубежомъ — возбуждая чрезмѣрно большія иллюзіи. Гинденбургъ и Людендорфъ иронизируютъ надъ этими настроеніями людей, которые настолько не владѣютъ нервами, что «потеряли всякое понятіе о времени и пространствѣ» и не могутъ хотя бы «прикинуть циркулемъ разстояніе отъ фронта до Петрограда». Гипнозъ русской столицы подчинилъ себѣ и нѣмецкія войска, и ихъ начальниковъ, стремившихся продолжать наступленіе хотя бы до Нарвы. Гинденбургъ свидѣтельствуетъ, что съ этимъ стремленіемъ приходилось вести серьезную борьбу, чтобы отвратить вниманіе отъ Риги и перенести его къ берегамъ Адріатическаго моря».

Еще съ лѣта нѣмецкая главная квартира рѣшила перенести всю потенцію борьбы исключительно на Западъ, отнюдь не расходуя силы и средства на Востокѣ, не втягивая въ длительныя операціи армію и флотъ, держа тамъ войска сосредоточено и наготовѣ, въ ожиданіи

*) Передъ революціей противъ нашего фронта было 157 непріятельскихъ дивизій.

дня окончательнаго крушенія русской арміи и только способствуя его приближенію моральнымъ растлѣніемъ русскихъ солдатъ и въ особенности широкой организацiей братанія; въ октябрѣ братаніе приняло исключительные размѣры на всемъ огромномъ фронтѣ отъ Риги до Тульчи.

Но даже и такая необыкновенно благопріятная для центральныхъ державъ обстановка на Востокѣ не могла спасти ихъ положеніе.

Для возможности продолженія кампаніи нѣмцамъ нуженъ былъ миръ съ Россіей во что бы то ни стало. Еще въ серединѣ лѣта Людендорфъ подготовилъ проектъ перемирія, получившій одобреніе союзныхъ нѣмцамъ правительствъ, канцлера и императора, и съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ возможности осуществленія его. Покаже шли только частныя переброски и замѣна частей, бывшихъ на русскомъ фронтѣ, другими, болѣе слабыми морально и потрепанными въ бояхъ на Западѣ. Общее разстройство транспорта вызывало у нѣмецкаго командованія безпокойство — успѣютъ ли желѣзныя дороги перебросить огромную массу войскъ, которая освободится послѣ паденія русскаго фронта, къ началу весны на Западъ, гдѣ должна была рѣшиться участь кампаніи, союзныхъ странъ и нѣмецкаго народа.

Это обстоятельство, вопреки общей пацифистской тенденціи нѣмцевъ на нашемъ фронтѣ, побудило ихъ дать новый толчекъ (Рига) для ускоренія процесса распада русской арміи и парализованія «мозга Россіи» нервирующей, непосредственной угрозой столицѣ путемъ занятія Моонзундскаго архипелага.

Для широкой публики обѣихъ міровыхъ группировокъ — это былъ походъ на Петроградъ. Для нѣмецкой главной квартиры — только частная операція, вызванная кромѣ необходимости психологическаго воздѣйствія на насъ — желаніемъ создать выходъ накопившимся воинственнымъ настроеніямъ въ странѣ и арміи и дать работу германскому флоту, который на почвѣ долгаго бездѣйствія и пропаганды «независимыхъ с. д.» только что пережилъ тревожные дни мятежа. Попутно занятіе Моонзудскаго архипелага создавало выгодное стратегическое положеніе, отдавая въ руки нѣмцевъ Рижскій заливъ и морскіе пути къ Ригѣ, создавая новую близкую базу для морского и воздушнаго флота и ставя подъ серьезную угрозу правый флангъ нашего Сѣвернаго фронта при возможности высадки гдѣ-нибудь у Гапсаля и Пернова.

29 сентября сильный германскій флотъ, насчитывавшій въ своемъ составѣ до 12 дредноутовъ, до 12 крейсеровъ и большую минную и транспортную флотилію, появился вблизи острововъ; въ тотъ-же день подъ прикрытіемъ части флота нѣмецкій десантъ въ составѣ одной пѣхотной дивизіи и бригады самокатчиковъ началъ высадку въ Тагалахтской бухтѣ, произведя одновременно небольшую демонстрацію противъ Даго. Наши сухопутныя войска на Эзелѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ артиллерійскихъ частей, не оказали никакого сопротивленія, и нѣмцы на другой день появились уже у дамбы, соединяющей острова Эзель и Моонъ, и въ Аренсбургѣ; островныя батареи наши были частью сметены огнемъ нѣмецкой судовой артиллеріи, частью захвачены войсками десанта. Одновременно, кромѣ судовъ, прикрывавшихъ высадку, обозначилось наступленіе германскаго флота въ трехъ направленіяхъ:

На югѣ къ Ироенскому проливу сосредоточилась эскадра въ составѣ нѣсколькихъ дредноутовъ, 6 крейсеровъ и многихъ миноно-

цевъ, имѣя цѣлью прорваться въ Рижскій заливъ, входъ въ который, послѣ паденія Церельскихъ батарей, оказался совершенно свободнымъ и требовалъ лишь серьезнаго траленія ирбенскихъ водъ.

Минный отрядъ — не менѣе 20 судовъ — прорвался 29-го въ Саэле-зундъ, угрожая отрѣзать сообщеніе о. Эзеля по Моонской дамбѣ и нашу флотилію, находившуюся въ Рижскомъ заливѣ, — отъ Балтійскаго моря. Небольшой отрядъ нашихъ миноносцевъ отразилъ непріятеля. 1 октября нѣмецкіе миноносцы, поддержанные огнемъ дредноута, повторили свой маневръ, но послѣ горячаго боя нашъ, трижды меньшій численно, отрядъ, потерявъ потопленнымъ миноносецъ «Громъ», заставилъ противника повернуть назадъ.

Въ то-же время еще одна эскадра изъ трехъ дредноутовъ, въ сопровожденіи миноносцевъ и подводныхъ лодокъ, появилась въ устьѣ Финскаго залива, сѣв.-восточнѣе мыса Дагерорта, угрожая выходамъ изъ Моонъ-Зунда.

Въ ночь на 4-ое южная германская эскадра, закончивъ траленіе, проникла въ Рижскій заливъ. Здѣсь произошелъ длительный неравный бой съ ней эскадры адмирала Бахирева,*) въ результатѣ котораго, послѣ гибели корабля «Славы» и тяжкихъ поврежденій, нанесенныхъ прочимъ судамъ эскадры, она вынуждена была отойти во внутреннія воды Моонзунда.

Главныя силы Балтійскаго флота участія въ операціи не приняли. На рѣшеніе это повліяли несомнѣнно не только безнадежность обороны Рижскаго залива безъ участія сухопутныхъ войскъ и техническія неудобства плаванія въ Моонзундскихъ водахъ, но и моральное состояніе личнаго состава Балтійскаго флота.

Къ 7-му весь архипелагъ (Эзель, Моонъ, Даго) былъ въ рукахъ нѣмцевъ. Они взяли въ плѣнъ до 20 тысячъ человѣкъ, около 100 орудій и богатую военную добычу. Началась демонстративная высадка нѣмецкаго десанта на материкъ южнѣе Гапсаля.

Эскадра Бахирева благополучно ушла въ Финскій заливъ.

Послѣ страстныхъ столкновеній въ августѣ вокругъ вопроса о поведеніи войскъ при паденіи Риги, Ставка и буржуазная печать теперь воздерживались отъ непосредственной оцѣнки. За то яркую и до боли обидную картину нарисовали намъ печать и органы самой революціонной демократіи. Отъ нихъ мы узнали, что изъ состава русскихъ полковъ, занимавшихъ Моонзундскія позиціи, наиболѣе активные элементы устремились къ моонской дамбѣ и къ пловучимъ средствамъ, а масса съ огромнымъ воодушевленіемъ рвалась... сдаваться въ плѣнъ. Бросая оружіе, съ музыкой и пѣніемъ.

Единодушный отзывъ начальниковъ и комитетовъ свидѣтельствовалъ также о высоко доблестномъ поведеніи въ бою экипажей флотилии Бахирева. Не хочется отравлять душу ядомъ сомнѣній. Пусть останется еще одно свѣтлое воспоминаніе недолгой, но яркой

*) Лин. корабли „Гражданинъ“ и „Слава“, крейсеръ „Баянъ“ съ миноносцами.

вспышки національнаго самосознанія, жертвеннаго подвига, воинскаго долга. Но и къ этому отрадному явленію тянулись уже грязныя руки съ тыла: людей, далекихъ и въ большинствѣ чуждыхъ боевой страды, торговавшихъ и Родиной, и совѣстью, и просто... мануфактурой. Съ фальшивымъ паѳосомъ и въ волнующей своимъ безстыдствомъ формѣ «Съѣздъ представителей Балтійскаго флота» 5 октября изъ Гельсингфорса обратился по радіотелеграфу къ «народамъ міра»:

«Братья! Въ роковой часъ, когда звучитъ сигналъ боя, сигналъ смерти, мы посылаемъ вамъ привѣтъ и предсмертное завѣщаніе... Нашъ флотъ гибнетъ въ неравной борьбѣ. Ни одно изъ нашихъ судовъ не уклонится отъ боя, ни одинъ морякъ не сойдетъ побѣжденнымъ на сушу... Мы выполнимъ (свое обязательство) не по приказу какого-нибудь жалкаго русскаго Бонапарта, царящаго лишь милостью революціи. Мы исполняемъ верховное велѣніе нашего революціоннаго сознанія. И наша борьба съ отечественными хищниками даетъ намъ святое право призвать васъ, пролетаріи всѣхъ странъ, твердымъ передъ лицомъ смерти голосомъ къ возстанію противъ своихъ угнетателей».

Какъ бы то ни было, новое національное несчастіе должно было, казалось, всколыхнуть дремавшее народное самосознаніе и заставить, по крайней мѣрѣ, политическіе верхи перемѣнить свое отношеніе къ вопросу національной обороны и соединить свои силы для борьбы.

Этого не случилось. Расчеты Людендорфа оправдались вполнѣ. Петроградомъ дѣйствительно овладѣло паническое настроеніе, но страна и армія въ толщѣ своей отнеслись къ новому пораженію совершенно равнодушно. Въ разныхъ сферахъ русской общественности и въ правящихъ кругахъ Балтійская катастрофа вызвала самые разнообразные, подчасъ неожиданные отклики.

Буржуазные элементы и печать въ жуткой тревогѣ за судьбы страны призывали къ борьбѣ съ нѣмцами.

Умирающіе исполнительные комитеты также призывали демократію, но въ нѣсколько иной формѣ: «стойко защищать родную землю» и «напречь всѣ силы для обороны столицы», угрожаемой вражескимъ нашествіемъ и... «погромной агитаціей, которую явно ведетъ контръ-революція».

Совѣтъ рѣшилъ, что Керенскій желаетъ отдать нѣмцамъ столицу и что спасеніе Петрограда и страны заключается въ переходѣ власти въ руки совѣтовъ и въ скорѣйшемъ заключеніи мира.

Войсковыя организаціи присоединились частью къ оборонческой, частью къ большевистской точкѣ зрѣнія.

Петроградская дума также откликнулась многорѣчивыми засѣданіями, образованіемъ «центральнаго комитета общественной безопасности» и новыхъ пяти комиссій.

Временное правительство постановило эвакуировать Петроградъ. Это рѣшеніе, вызванное не столько стратегической обстановкой или паническимъ настроеніемъ, сколько желаніемъ освободиться отъ невыносимаго гнета петроградской революціонной демократіи, встрѣтило дружный и рѣзкій отпоръ въ ея рядахъ: переѣздъ правительства въ Москву по словамъ Троцкаго измѣнилъ бы условія борьбы, и Петроградъ могъ оказаться отрѣзаннымъ отъ всей Россіи...

Но наиболѣе безотрадную картину распада явилъ собою «Совѣтъ Россійской республики». Послѣ долгаго обсужденія вопроса объ оборонѣ государства, 18 октября на голосованіе Совѣта было поставлено борющимися въ немъ партіями шесть формулъ, всѣ шесть были отвергнуты, и вопросъ снятъ съ обсужденія; «Совѣтъ россійской республики» въ дни величайшей внѣшней опасности и наканунѣ большевистскаго переворота не нашелъ ни общаго языка, ни общаго чувства скорби и боли за судьбы Родины. Поистинѣ и у людей не предубѣжденныхъ могла явиться волнующая мысль: одно изъ двухъ — или «соборный разумъ» — великое историческое заблужденіе, или въ дни разгула народной стихіи прямымъ и вѣрнымъ отображеніемъ его въ демократическомъ фокусѣ можетъ быть только «соборное безуміе».

ГЛАВА XII.

Большевистскій переворотъ. Попытки сопротивленія. Гатчина. Финалъ диктатуры Керенскаго. Отношеніе къ событіямъ въ Ставкѣ и Быховѣ.

Огромная усталость отъ войны и смуты; всеобщая неудовлетворенность существующимъ положеніемъ; неизжитая еще рабья психологія массъ; инертность большинства и полная безграничнаго дерзанія дѣятельность организованнаго, сильнаго волей и безпринципнаго меньшинства; плѣнительные лозунги: власть — пролетаріату, земля — крестьянамъ, предпріятія — рабочимъ и немедленный миръ... Вотъ въ широкомъ обобщеніи основныя причины того неожиданнаго и какъ будто противнаго всему ходу историческаго развитія русскаго народа факта — воспріятія имъ или вѣрнѣе *непротивленія* воцаренію большевизма. И это въ странѣ, гдѣ «степень экономическаго развитія... и степень сознательности и организованности широкихъ массъ пролетаріата дѣлаютъ невозможнымъ немедленное и полное освобожденіе рабочаго класса»... Гдѣ «безъ сознательности и организованности массъ, безъ подготовки и воспитанія ихъ открытой классовой борьбой со всей буржуазіей, о соціалистической революціи не могло быть и рѣчи...» Такъ по крайней мѣрѣ думалъ и писалъ никто иной, какъ *Ленинъ* въ 1905 году.*)

Власть падала изъ слабыхъ рукъ Временнаго правительства, и во всей странѣ не оказалось, кромѣ большевиковъ, ни одной дѣйственной организаціи, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наслѣдіе во всеоружіи реальной силы. Этимъ фактомъ въ октябрѣ 1917 года былъ произнесенъ приговоръ странѣ, народу и революціи.

Троцкій имѣлъ основаніе сказать въ Совѣтѣ за недѣлю до выступленія: «намъ говорятъ, что мы готовимся захватить власть. Въ этомъ вопросѣ мы не дѣлаемъ тайны... Власть должна быть взята не путемъ заговора, а путемъ дружной демонстраціи силъ».

Дѣйствительно, весь процессъ захвата власти происходилъ явно и открыто.

Сѣверный областной съѣздъ совѣтовъ, Петроградскій совѣтъ, вся большевистская печать, въ которой работалъ подъ своимъ именемъ и скрывшійся Ленинъ, призывали къ возстанію. 16 октября Троцкій организовалъ военно-революціонный комитетъ, къ кото-

---

*) „Двѣ тактики соціалъ-демократовъ въ революціи.“

рому должно было перейти фактическое и исключительное право распоряженія петроградскимъ гарнизономъ. Въ послѣдующіе дни, послѣ ряда собраній полковыхъ комитетовъ, почти всѣ части гарнизона признали власть революціоннаго комитета, и послѣдній въ ночь на 22-ое объявилъ приказъ о неподчиненіи войскъ военному командованію.

Исполнительный комитетъ возмущенно протестовалъ: «только безумцы или непонимающіе послѣдствій выступленія могутъ къ нему призывать. Всякій вооруженный солдатъ, выходящій на улицу по чьему либо призыву, помимо распоряженій штаба округа... явится преступникомъ противъ революціи...» Это воззваніе было актомъ лицемѣрія. Ибо тѣ же люди, когда они, казалось, обладали властью, въ концѣ апрѣля говорили петроградскому гарнизону: «Товарищи солдаты! Безъ зова Исполнительнаго комитета (Петроградскаго совѣта) въ эти тревожные дни не выходите на улицу съ оружіемъ въ рукахъ. Только Исполнительному комитету принадлежитъ право располагать вами». Не все ли равно, чьими руками хоронилась правительственная и военная власть — апрѣльской «семерки»*) или октябрьской «шестерки»...**) Съ 17 октября при полномъ непротивленіи служащихъ изъ казенныхъ складовъ выдавалось оружіе и патроны по ордерамъ революціоннаго комитета рабочимъ Выборгской стороны, Охты, Путиловскаго завода и друг. 22-го въ различныхъ частяхъ Петрограда состоялся рядъ митинговъ, на которыхъ виднѣйшіе большевистскіе дѣятели призывали народъ къ вооруженному возстанію. Власть и командованіе находились въ состояніи анабіоза и дѣлали безплодныя попытки «примиренія» съ Совѣтомъ, предлагая усилить его представительство при штабѣ округа. Только 24 октября въ засѣданіи «Совѣта республики» предсѣдатель правительства рѣшился назвать то положеніе, въ которомъ находилась столица, — возстаніемъ.

Засѣданіе это, не имѣвшее никакого реальнаго вліянія на ходъ событій, представляетъ, однако, большой интересъ для характеристики настроеній правившихъ круговъ и демократіи. Изъ рѣчи Керенскаго страна узнала о великомъ долготерпѣніи правительства, почитавшаго своей цѣлью стремленіе, «чтобы новый режимъ былъ совершенно свободенъ отъ упрека въ неоправдываемыхъ крайней необходимостью репрессіяхъ и жестокостяхъ». Что достоинства этого режима вполнѣ признаны даже организаторами возстанія, считающими, что «политическія условія для свободной дѣятельности всѣхъ политическихъ партій наиболѣе совершенны въ настоящее время въ Россіи». Что до сихъ поръ большевикамъ «предоставлялся срокъ для

---

*) По постановленію И. К. 21 апрѣля власть надъ петроградскимъ гарнизономъ вручена была: Чхеидзе, Скобелеву, Бинасику, Скалову, Гольдману, Филиповскому и Богданову.

**) Въ бюро военно-революціоннаго комитета подъ руководствомъ Бронштейна (Троцкаго) вошли: Лазимиръ, Антоновъ, Садовскій, Подвойскій, Сахарковъ.

того, чтобы они могли отказаться отъ своей ошибки», но теперь всѣ времена и сроки вышли и необходимы рѣшительныя мѣры, на принятіе которыхъ власть испрашиваетъ поддержку и одобреніе Совѣта.

Только въ правой «цензовой» части правительство нашло нравственную поддержку. Демократія въ ней отказала. Поставленная на голосованіе формула лѣваго блока (с.-д. меньшевики и интернаціон., лѣв. с. р-ы и с. р-ы) вмѣсто поддержки выразила осужденіе дѣятельности правительства и потребовала немедленной передачи земли въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ и рѣшительныхъ шаговъ къ началу мирныхъ переговоровъ; что касается ликвидаціи выступленія, то она возлагалась на «комитетъ общественнаго спасенія», который должны были создать городское самоуправленіе и органы революціонной демократіи. Формула прошла 122 голосами противъ 102 (прав. блока), при 26 *воздержавшихся; въ* числѣ послѣднихъ были нар. соціалисты (Чайковскій), часть кооператоровъ (Беркенгеймъ) и земцевъ.

Мотивы такого рѣшенія революціонная демократія привела съ полной откровенностью устами Гурвича (Дана): предстоящее выступленіе большевиковъ *несомнѣнно ведетъ страну къ катастрофѣ,* но бороться съ нимъ революціонная демократія не станетъ, ибо «если большевистское возстаніе будетъ потоплено въ крови, то, кто бы ни побѣдилъ — Временное правитльство или большевики — это будетъ торжествомъ третьей силы, которая смететъ и большевиковъ и Временное правительство и всю демократію». Что касается лѣвыхъ с. р-овъ, то, по свидѣтельству Штейнберга, наканунѣ открытія «Совѣта республики» между ними и большевиками состоялось полное соглашеніе и послѣднимъ обѣщана полная поддержка въ случаѣ революціонныхъ выступленій внѣ Совѣта.*)

И такъ, пусть гибнетъ страна во имя революціи!

Вопросъ рѣшился конечно не рѣчами, а реальнымъ соотношеніемъ силъ. Когда 25-го въ столицѣ началось вооруженное столкновеніе, на сторонѣ правительства не оказалось никакой вооруженной силы. Нѣсколько военныхъ и юнкерскихъ училищъ вступили въ бой не во имя правительства, а побуждаемые къ тому сознаніемъ общей большевистской опасности; другія считавшіяся лояльными части, вызванныя изъ окрестностей столицы, послѣ моральной обработки ихъ посланными Троцкимъ агитаторами отказались выступить; казачьи полки сохраняли «доброжелательный» къ большевикамъ нейтралитетъ. Весь остальной гарнизонъ и рабочая красная гвардія были на сторонѣ Совѣта; къ нимъ присоединились прибывшіе изъ Кронштадта матросы и нѣсколько судовъ флота.

Снова, какъ восемь мѣсяцевъ тому назадъ, на улицы столицы вышелъ вооруженный народъ и солдаты, но теперь уже безъ всякого

*) Окончательный союзъ заключенъ синедріономъ въ составѣ представителей центральныхъ органовъ: отъ большевиковъ г. г. Бронштейнъ (Троцкій) и Розенфельдъ (Каменевъ), отъ л. с. р-овъ Натансонъ, Кацъ (Камковъ) и Шрейдеръ.

воодушевленія, съ еще меньшимъ, чѣмъ тогда, пониманіемъ совершающагося, въ полной неувѣренности и въ своихъ силахъ и въ правотѣ своего дѣла, даже безъ чрезмѣрной злобы противъ свергаемаго режима.

Описанія жизни обѣихъ столицъ въ эти дни свидѣтельствуютъ о невѣроятной путаницѣ, нелѣпости, противорѣчіяхъ и о той непроходимой, подавляющей пошлости, которая, вмѣстѣ съ грязно-кровавымъ налетомъ, облекла первые шаги большевизма. Вообще самый переворотъ перейдетъ въ исторію безъ легенды, безъ всякой примѣси героическаго элемента, заслоняя декораціями изъ «Вампуки» и подлинныя личныя драмы, и великую трагедію русскаго народа. Не многимъ лучше была обстановка и въ противномъ лагерѣ: наступленіе на Петроградъ войскъ Краснова, отъѣздъ — бѣгство Керенскаго, диктатура въ Петроградѣ въ лицѣ глубоко мирнаго человѣка доктора Н. М. Кишкина, параличъ штаба петроградскаго округа и метаніе «комитета спасенія», рожденнаго петроградской думой.

Только военная молодежь — офицеры, юнкера, отчасти женщины — въ Петроградѣ и въ особенности въ Москвѣ — опять устлали своими трупами столичныя мостовыя, безъ позы и фразы умирая... за правительство, за революцію? Нѣтъ. За спасеніе Россіи.

* * *

Генералъ Алексѣевъ въ эти дни принималъ самое живое участіе въ работѣ «Совѣта республики», предоставляя свой авторитетъ, свой богатый опытъ и знаніе русской арміи — либеральному блоку и, въ частности, находясь въ постоянномъ общеніи съ к. д.-скимъ центромъ. Одновременно онъ проявлялъ большое участіе въ судьбѣ бездомнаго нищаго офицерства, выброшеннаго буквально на улицу — въ результатѣ обстоятельствъ корниловскаго выступленія и непрекращавшихся гоненій солдатской среды. Ему удалось, въ качествѣ почетнаго предсѣдателя однаго благотворительнаго общества, путемъ измѣненія устава его, распространить благотворительную дѣятельность на пострадавшихъ воиновъ. Общество съ тѣхъ поръ стало оказывать негласную помощь офицерамъ, юнкерамъ, кадетамъ и другимъ военнымъ лицамъ, въ цѣляхъ спасенія ихъ отъ преслѣдованія большевиковъ, а впослѣдствіи и направленія ихъ на Донъ. Помощь оказывалась самая разнообразная: совѣтомъ, деньгами, одеждой, фальшивыми пропусками на большевистскихъ бланкахъ, желѣзнодорожными билетами и удостовѣреніями о принадлежности къ одному изъ казачьихъ войскъ или самоопредѣляющихся окраинъ.

Еще 25-го видѣли характерную фигуру генерала Алексѣева на улицахъ города уже объятаго возстаніемъ. Видѣли, какъ онъ рѣзко спорилъ съ удивленнымъ и нѣсколько опѣшившимъ отъ неожиданности начальникомъ караула, поставленнаго большевиками у Маріинскаго дворца, съ цѣлью не допускать засѣданія «Совѣта республики». Ви-

дѣли его спокойно проходившаго отъ Исакія къ Дворцовой площади сквозь цѣпи «войскъ революціоннаго комитета» и съ негодованіемъ обрушившагося на какого-то руководителя дворцовой обороны за то, что воззванія приглашаютъ офицерство къ Зимнему дворцу «исполнить свой долгъ», а, между тѣмъ, для нихъ не приготовлено ничего — ни оружія, ни патроновъ...

Приближенные генерала крайне безпокоились за его судьбу, при рѣзкомъ съ его стороны противодѣйствіи, принимали нѣкоторыя мѣры къ его безопасности и настоятельно совѣтовали ему выѣхать изъ Петрограда.

Въ ближайшій день вечеромъ въ конспиративную квартиру, въ которую перевезли генерала Алексѣева съ Галерной, прибылъ Б. Савинковъ въ сопровожденіи какого-то другого лица и съ холоднымъ дѣланнымъ паѳосомъ, скрестивъ руки на груди, обратился къ генералу:

— И такъ, генералъ, я васъ призываю исполнить свой долгъ передъ Родиной. Вы должны сейчасъ-же со мной ѣхать къ донскимъ казакамъ, властно приказать имъ сѣдлать коней, стать во главѣ ихъ и итти на выручку Временному правительству. Этого требуетъ отъ васъ Родина.

Присутствовавшій при разговорѣ ротмистръ Шапронъ сталъ горячо доказывать, что это — безсмысленная и непонятная авантюра. Сегодня еще онъ бесѣдовалъ съ казачьимъ совѣтомъ, который заявилъ, что надеждъ на 1, 4, 14 донскіе полки, бывшіе въ составѣ петроградскаго гарнизона, нѣтъ никакихъ. Казаки сплошь охвачены большевизмомъ или желаніемъ «нейтралитета», и появленіе генерала, не пользующагося къ тому-же особеннымъ ихъ расположеніемъ, приведетъ только къ выдачѣ его большевикамъ. Шапронъ указалъ, что если кому-нибудь можно повліять на казаковъ, то вѣроятно скорѣе всего «выборному казаку» Савинкову.

— Гдѣ же ваши большія силы, организація и средства, о которыхъ такъ много было всюду разговоровъ? — закончилъ онъ, обращаясь къ Савинкову.

Генералъ Алексѣевъ отклонилъ предложеніе Савинкова, какъ совершенно безнадежное. Опять патетическая фраза Савинкова:

— Если русскій генералъ не исполняетъ своего долга, то я, штатскій человѣкъ, исполню за него.

И въ эту же ночь онъ уѣхалъ. Но не къ полкамъ, а въ Гатчину къ Керенскому.

Эпизоды вооруженной борьбы подъ Петроградомъ описаны подробно и красочно многими участниками.*) Я не могу внести въ нихъ ничего новаго. Остановлюсь лишь на общей картинѣ, чрезвычайно характерной, какъ эпилогъ перваго восьмимѣсячнаго періода революціи, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, отразилась вся внутренняя ложь революціонной традиціи, приведшей къ нелѣпѣйшимъ противорѣчіямъ въ

*) Ген. Красновъ, комиссаръ Станкевичъ, Я. Миллеръ и т. д.

области политическаго мышленія верховъ, къ окончательному затменію сознанія массы, къ *вырождню революціи.*

Гатчино — единственный центръ активной борьбы: Петроградъ агонизируетъ, Ставка безсильна, Псковъ (штабъ Черемисова) сталъ явно на сторону большевиковъ: генералъ Черемисовъ, предавъ и своего благодѣтеля Керенскаго, и Временное правительство, еще 25-го приказалъ пріостановить всѣ перевозки войскъ къ Петрограду, склоняя къ этому и главнокомандующаго Западнымъ фронтомъ.

Въ Гатчинѣ собрались в с ѣ.

Керенскій — сохраняющій внѣшніе признаки военной власти, но уже оставленный всѣми, по существу — не то узникъ, не то заложникъ, отдавшій себя на милость «царскаго генерала» Краснова, котораго онъ «поздравляетъ» съ назначеніемъ командующимъ арміей... арміей въ 700 сабель и 12 орудій!..*)

Савинковъ, который два мѣсяца тому назадъ съ такимъ пыломъ осуждалъ «мятежъ» генерала Корнилова, теперь возбуждающій офицеровъ гатчинскаго гарнизона противъ Керенскаго и предлагающій Краснову свергнуть Керенскаго и самому стать по главѣ движенія... Въ поискахъ «диктатора», создаваемаго *его* руками, онъ отбрасывалъ уже всякія условныя требованія «демократическихъ покрововъ» и отъ идеи власти, и отъ носителя ея.

Циммервальдовецъ Черновъ, прибывшій неизвѣстно съ какой цѣлью и одобряющій рѣшеніе лужскаго гарнизона «сохранять нейтралитетъ»...

Верховный комиссаръ Станкевичъ, пріемлющій и пораженчество и оборончество, но прежде всего миръ — внутренній и внѣшній и ищущій «органическаго соглашенія съ большевиками цѣною максимальныхъ уступокъ».

Представители «Викжеля», который держалъ вначалѣ «нейтралитетъ», т. е. не пропускалъ правительственныхъ войскъ, потомъ выставилъ ультимативное требованіе примиренія сторонъ.

Господа Гоцъ, Войтинскій, Кузьминъ и т. д.

И среди этого цвѣта революціонной демократіи — монархическая фигура генерала Краснова, который всѣми своими чувствами и побужденіями глубоко чуждъ и враждебенъ всему политическому комплоту, окружающему его и ожидающему отъ его военныхъ дѣйствій спасенія — своего положенія, интересовъ своихъ партій, демократическаго принципа, «завоеваній революцій» и т. д.

Поистинѣ трагическое положеніе. Здѣсь — обломки Временного правительства; въ Петроградѣ — «комитетъ спасенія», не признающій власти правительства. Здѣсь на военномъ совѣтѣ обсужда-

---

*) Части корпуса распоряженіемъ ген. Черемисова были разбросаны по всему Сѣверному фронту, а сосредоточенію ихъ препятствовалъ Черемисовъ, военно-революціонные комитеты и Викжель.

ютъ даже возможность вхожденія большевиковъ въ составъ правительства... Какія же политическія цѣли преслѣдуетъ предстоящая борьба въ практическомъ, прикладномъ ихъ значеніи? Сверженіе Ленина и Троцкаго и возстановленіе Керенскаго, Авксентьева*), Чернова?**)

Особенно мучительно переживало это трагическое недоумѣніе офицерство отряда; оно съ ненавистью относилось къ «керенщинѣ» и, если въ сознательномъ или безотчетномъ пониманіи необходимости борьбы противъ большевиковъ, стремилось все-же на Петроградъ, то не умѣло передать солдатамъ порыва, воодушевленія, ни даже просто вразумительной цѣли движенія. За Родину и спасеніе государственности? Это было слишкомъ абстрактно, недоступно солдатскому пониманію. За Временное правительство и Керенскаго? Это вызывало злобное чувство, крики «Долой!» и требованіе выдать Керенскаго большевикамъ. Столь же мало, конечно, было желаніе итти и «за Ленина».

Впрочемъ никакимъ вліяніемъ офицерство не пользовалось уже давно; въ казачьихъ частяхъ къ нему также относились съ острымъ недовѣріемъ, тѣмъ болѣе, что казаковъ сильно смущали ихъ одиночество и мысль, что они идутъ «противъ народа».

Офицерскій корпусъ въ эти дни вступалъ въ новую, наиболѣе тяжелую и критическую фазу своего существованія: на той сторонѣ, какъ говорилъ Бронштейнъ (Троцкій), было также «большое число офицеровъ, которые не раздѣляли нашихъ (большевистскихъ) политическихъ, взглядовъ, но, связанные со своими частями («loyalement attaschés»), сопутствовали своимъ солдатамъ на поле боя и управляли военными дѣйствіями противъ казаковъ Краснова»***).

Въ результатѣ этого общаго великаго «недоумѣнія» шли небольшія стычки, въ которыхъ сбитый съ толку «вооруженный народъ» въ лицѣ солдатъ, казаковъ, матросовъ, красногвардейцевъ, то пострѣливалъ другъ въ друга, то бросалъ оружіе и уходилъ, то цѣлыми часами митинговалъ — совмѣстно оба лагеря. Вчерашніе враги, сегодняшніе друзья спорили до одури, воспламенялись истеричными криками какого-нибудь случайнаго оратора и расходились съ еще болѣе затемненнымъ разумомъ, унося глухую злобу одинаково — противъ правительства и командировъ, Ленина и большевиковъ. И у всѣхъ было одно неизмѣнное и неизбывное желаніе — окончить какъ можно скорѣе кровопролитіе.

---

*) Былъ назначенъ Керенскимъ его замѣстителемъ.

**) Военно-революціонныя организаціи прочили Чернова на постъ предсѣдателя новаго правительства.

***) „L'avénement du bolchevisme“

Окончилось все 1 ноября бѣгствомъ Керенскаго*) и заключеніемъ перемирія между генераломъ Красновымъ и матросомъ Дыбенко. Судьба жестоко мстила теперь творцамъ исторіи о «корниловскомъ мятежѣ», повторяя въ обратномъ, уродливомъ преломленіи всѣ важнѣйшіе этапы его. Всѣ тѣ элементы, на которыхъ опиралась правительственная власть въ борьбѣ противъ Корнилова, теперь отвернулись отъ нея: вожди революціонной демократіи уже дѣлили ея ризы; совѣты отрекались отъ правительства; армейскіе комитеты одинъ за другимъ составляли постановленія о нейтралитетѣ; «Викжель» остановилъ перевозку правительственныхъ войскъ. Совѣтъ народныхъ комиссаровъ, возглавившій Россійскую державу 26 октября, писалъ декреты объ «измѣнникахъ народа и революціи» и ввергалъ въ тюрьмы членовъ Временнаго правительства. Единственными элементами, къ которымъ можно было обратиться за помощью для спасенія государственности, по ироніи судьбы, оказались все тѣ-же «корниловскіе мятежники» — офицеры, юнкера, ударники, Текинцы, все тотъ-же 3-й конный корпусъ. Только уже лишенные сердца, яснаго стимула борьбы и вождя.

* * *

1 ноября ген. Духонинъ, въ виду безвѣстнаго отсутствія Керенскаго, принялъ на себя верховное командованіе и приказалъ прекратить отправку войскъ на Петроградъ. Онъ призывалъ фронтъ сохранять спокойствіе, въ ожиданіи «происходящихъ между различными политическими партіями переговоровъ для сформированія Временного правительства».

Подчинившись всецѣло политическому руководству комиссара Станкевича и Обще-армейскаго комитета, Ставка отказалась отъ всякой активной борьбы. Такое положеніе въ отношеніи «правительства народныхъ комиссаровъ» — безъ борьбы и безъ подчиненія — не могло быть долговѣчнымъ. 7 ноября Совѣтъ народныхъ комиссаровъ «повелѣлъ» Верховному главнокомандующему тотчасъ-же «обратиться къ военнымъ властямъ непріятельской арміи съ предложеніемъ немедленнаго пріостановленія военныхъ дѣйствій, въ цѣляхъ открытія мирныхъ переговоровъ». Духонинъ 8-го отвѣтилъ по аппарату комиссару по военнымъ дѣламъ Крыленко, что онъ также считаетъ «въ интересахъ Россіи — заключеніе скорѣйшаго мира»,

---

*) Въ показаніи, данномъ большевикамъ 1 ноября 1917 г. генералъ Красновъ приводитъ, между прочимъ, такую фразу изъ своего послѣдняго разговора съ Керенскимъ: „если вы честный человѣкъ, вы должны сейчасъ же ѣхать въ Петроградъ подъ бѣлымъ флагомъ, отыскать революціонный комитетъ, съ которымъ и вступить въ переговоры, какъ глава правительства". Въ своей статьѣ „На внутреннемъ фронтѣ" („Архив. рус. революціи т. I.") Красновъ признаетъ, что помогъ Керенскому бѣжать: „... Какъ ни велика вина ваша передъ Россіей, — сказалъ я, — я не считаю себя въ правѣ судить васъ. За полъ часа времени я вамъ ручаюсь"...

но что это можетъ сдѣлать только «центральная правительственная власть, поддержанная арміей и страной». Въ тотъ же день Совѣтъ комиссаровъ «за неповиновеніе и поведеніе, несущее неслыханное бѣдствіе трудящимся всѣхъ странъ и въ особенности арміямъ» смѣстилъ Духонина, предписавъ ему «продолжать веденіе дѣла, пока не прибудетъ въ Ставку новый главнокомандующій» — Крыленко.

Духонинъ, опираясь на рѣшеніе Общеармейскаго комитета, не призналъ возможнымъ оставить свой постъ.

Положеніе Ставки, между тѣмъ, становилось критическимъ. Техническое управленіе фронтомъ принимало все болѣе фиктивный характеръ, такъ какъ отдѣльныя части, дивизіи, корпуса, цѣлыя арміи мало по малу переходили на сторону большевиковъ. Крыленко на фронтѣ 5 арміи вступалъ уже въ переговоры съ нѣмецкимъ командованіемъ, и вскорѣ въ Ставкѣ получены были свѣдѣнія о движеніи матросскаго эшелона съ новымъ «Главковерхомъ» на Могилевъ сквозь сплошное расположеніе правительственныхъ войскъ, объявившихъ себя «нейтральными». Въ Могилевѣ въ это время Общеармейскій комитетъ, Черновъ, Авксентьевъ, Скобелевъ и друг. представители революціонной демократіи вели нескончаемые разговоры о созданіи новой власти, потонувъ въ партійныхъ догмахъ и, какъ будто не замѣчая, что они одни, совершенно одни — никому ненужные, никому неинтересные — среди взбаламученнаго и ихъ руками народнаго моря.

Быховъ переживалъ чрезвычайно больно новое народное несчастіе. Много разъ мы обсуждали событія. Ген. Корниловъ входилъ въ сношенія со Ставкой, съ Совѣтомъ казачьихъ войскъ, Довборъ-Мусницкимъ и Калединымъ. 1 ноября онъ обратился къ Духонину съ письмомъ, которое я привожу въ подробномъ извлеченіи и съ помѣтками Духонина, рисующими взглядъ Ставки на тогдашнее положеніе:

«Васъ судьба поставила въ такое положеніе, что отъ Васъ зависитъ измѣнить исходъ событій, принявшихъ гибельное для страны и арміи направленіе главнымъ образомъ благодаря нерѣшительности и попустительству старшаго командного состава. Для Васъ наступаетъ минута, когда люди должны или дерзать, или уходить, иначе на нихъ ляжетъ отвѣтственность за гибель страны и позоръ за окончательный развалъ арміи.

По тѣмъ неполнымъ, отрывочнымъ свѣдѣніямъ, которыя доходятъ до меня, положеніе тяжелое, но еще не безвыходное. Но оно станетъ таковымъ, если Вы допустите, что Ставка будетъ захвачена большевиками, или же добровольно признаете ихъ власть.

Имѣющихся въ Вашемъ распоряженіи Георгіевскаго батальона, наполовину распропагандированнаго, и слабаго Текинскаго полка далеко недостаточно.

Предвидя дальнѣйшій ходъ событій, я думаю, что Вамъ необходимо безотлагательно принять такія мѣры, которыя, прочно обезпечивая Ставку, дали бы благопріятную обстановку для организаціи дальнѣйшей борьбы съ надвигающейся анархіей.

Таковыми мѣрами я считаю:

1. Немедленный переводъ въ Могилевъ одного изъ Чешскихъ полковъ и польскаго уланскаго полка.

Помѣтка: «Ставка не считаетъ ихъ вполнѣ надежными. Эти части одни изъ первыхъ пошли на перемиріе съ большевиками».

2. Занятіе Орши, Смоленска, Жлобина и Гомеля частями польскаго корпуса, усиливъ дивизіи послѣдняго артиллеріей засчетъ казачьихъ батарей фронта.

Помѣтка: «Для занятія Орши и Смоленска сосредоточена 2 Кубанская дивизія и бригада Астраханскихъ казаковъ. Полковъ I польской дивизіи изъ Быхова не желательно (брать) для безопасности арестованныхъ. Части I дивизіи имѣютъ слабые кадры и потому не представляютъ реальной силы. Корпусъ опредѣленно держится того, чтобы не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи».)*

3. Сосредоточеніе на линіи Орша—Могилевъ—Жлобинъ всѣхъ частей Чешско-Словацкаго корпуса, Корниловскаго полка, подъ предлогомъ перевозки ихъ на Петроградъ и Москву и 1—2 казачьихъ дивизій изъ числа наиболѣе крѣпкихъ.

Помѣтка: «Казаки заняли непримиримую позицію не воевать съ большевиками».

4. Сосредоточеніе въ томъ же раіонѣ всѣхъ англійскихъ и бельгійскихъ броневыхъ машинъ съ замѣной прислуги ихъ исключительно офицерами.

5. Сосредоточеніе въ Могилевѣ и въ одномъ изъ ближайшихъ къ нему пунктовъ, подъ надежной охраной запаса винтовокъ, патроновъ, пулеметовъ, автоматическихъ ружей и ручныхъ гранатъ для раздачи офицерамъ и волонтерамъ, которые обязательно будутъ собираться въ указанномъ раіонѣ.

Помѣтка: «Это можетъ вызвать эксцессы».

6. Установленіе прочной связи и точнаго соглашенія съ атаманами Донского, Терскаго и Кубанскаго войскъ и съ комитетами польскимъ и чехо-словацкимъ. Казаки опредѣленно высказались за возстановленіе порядка въ странѣ,**) для поляковъ же и чеховъ вопросъ

---

*) Ген. Довборъ-Мусницкій отдалъ приказъ, чтобы польскія войска, отнюдь не вмѣшиваясь въ русскія дѣла, подавляли однако безпощадно силою оружія всякія посягательства на имущество и безопастность мирныхъ жителей безъ различія національности — въ раіонѣ ихъ расположенія.

**) Къ сожалѣнію — только обще-казачій совѣтъ и казачьи правительства.

возстановленія порядка въ Россіи — вопросъ ихъ собственнаго существованія.

Вотъ тѣ соображенія, которыя я считалъ необходимымъ высказать Вамъ, добавляя, что нужно рѣшиться не теряя времени».

Безотрадный взглядъ Ставки на общее положеніе обрисовался и въ письмѣ генералъ-квартирмейстера Дитерихса къ генералу Лукомскому. По словамъ Дитерихса главное усиліе Духонину и ему приходилось направлять для того, чтобы удержать на мѣстѣ армію — въ сущности большевистскую и дать собраться новому правительству, которое, «какое бы оно ни было, первымъ вопросомъ поставитъ миръ». «Къ Вамъ, представители всей русской демократіи — говорилъ Духонинъ въ своемъ обращеніи къ странѣ — къ вамъ, представители городовъ, земствъ и крестьянства — обращаются взоры и мольбы арміи: сплотитесь всѣ вмѣстѣ во имя спасенія Родины, воспряньте духомъ и дайте изстрадавшейся землѣ Русской власть, — власть всенародную, свободную въ своихъ началахъ для всѣхъ гражданъ Россіи и чуждую насилія, крови и штыка».

Но надеждъ на это объединеніе было не много, такъ какъ по словамъ Дитерихса «борьба съ большевизмомъ какъ бы отошла на задній планъ, а на главный выдвигается партійность и личности... Искренней же, *безкорыстной* поддержки нѣтъ ни отъ кого, въ томъ числѣ и отъ казачества, ибо оно поставило девизомъ — поддержку только коалиціоннаго правительства»... Ставка какъ будто защищала идею могилевскихъ организацій — однородное соціалистическое министерство отъ народныхъ соціалистовъ до большевиковъ включительно, съ Черновымъ во главѣ — противъ донского «либерализма». Это уже значительно суживало базу «всенародности», отзываясь опортунизмомъ хотя и послѣдовательнымъ, но въ данныхъ условіяхъ вовсе безпочвеннымъ и безполезнымъ. Дѣйствительно, къ серединѣ ноября могилевское совѣщаніе революціонной демократіи распалось, не прійдя ни къ какому соглашенію. Общеармейскій комитетъ объявилъ «нейтралитетъ» Ставки, какъ военно-техническаго аппарата, обѣщая ей вооруженную защиту, явно неосуществимую за отсутствіемъ войскъ.

Было ясно, что Ставка, обезличенная долгими мѣсяцами керенскаго режима, упустивъ время, когда еще были возможны организація и накопленіе силъ, не можетъ стать моральнымъ организующимъ центромъ борьбы.

ГЛАВА XIII.

Первые дни большевизма въ странѣ и арміи. Судьба быховцевъ. Смерть генерала Духонина. Нашъ уходъ изъ Быхова на Донъ.

Въ первые же дни послѣ переворота Совѣтъ народныхъ комиссаровъ издалъ рядъ оглушительныхъ декретовъ: предложеніе всѣмъ воюющимъ державамъ немедленнаго перемирія на всѣхъ фронтахъ и немедленнаго открытія переговоровъ о демократическомъ мирѣ; о передачѣ всей земли въ распоряженіе волостныхъ земельныхъ комитетовъ; о рабочемъ контролѣ въ промышленныхъ заведеніяхъ; о «равенствѣ и суверенитетѣ народовъ Россіи... вплоть до отдѣленія и образованія самостоятельныхъ государствъ;» объ отмѣнѣ судовъ и законовъ и т. д.

Однако за смѣлыми, казалось, до безразсудства дѣйствіями новой власти чувствовалась еще полная неувѣренность ея въ успѣхѣ, а въ народныхъ массахъ — недоумѣніе и колебаніе. Въ широкихъ кругахъ не только чисто обывательскихъ, но и зрѣлыхъ политически царило убѣжденіе, что новый режимъ — только злокачественный нарывъ на тѣлѣ революціи, который очень скоро вскроется, оздоровивъ наконецъ немощный, отравленный организмъ страны.

— Двѣ недѣли.

Эти «двѣ недѣли» — плодъ интеллигентскаго романтизма — и потомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ черной ночи озаряли тьму своимъ обманчивымъ свѣтомъ, чередуясь съ днями отчаянія и безнадежности...

Тѣмъ временемъ въ странѣ шла борьба, принявшая наиболѣе реальныя формы въ трехъ ея проявленіяхъ: въ центробѣжномъ стремленіи окраинъ, въ противодѣйствіи мѣстныхъ самоуправленій и въ сопротивленіи и саботажѣ со стороны городской демократіи.

Объявили о своемъ суверенитетѣ Финляндія и Украйна, объ автономіи — Эстонія, Крымъ, Бессарабія, казачьи области, Закавказье, Сибирь... Это явленіе, нося внѣшніе признаки государственной цѣлесообразности въ непризнаніи самозванной центральной власти, заключало въ себѣ серьезную опасность для будущаго, какъ въ ослабленіи и,можетъ быть, порывѣ внутреннихъ историческихъ связей нѣкоторыхъ окраинъ съ Россіей, такъ, главнымъ образомъ, въ полномъ разъединеніи матеріальныхъ и моральныхъ силъ при предстоящей борьбѣ съ большевизмомъ. Внѣшне какъ будто все обстояло благополучно: Кіевъ, Новочеркасскъ, Екатеринодаръ, Тифлисъ заговорили о федераціи и коалиціонномъ составѣ центральнаго правительства. Но на практикѣ картина получалась иная: Украина «анексировала» уже

Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую, часть Таврической губерній; Донъ велъ тяжбу съ Украйной о границахъ и изъ-за пустого въ сущности вопроса Екатерининской ж. дороги обѣ «высокія стороны» придвигали къ «пограничнымъ» пунктамъ гарнизоны; самоопредѣлившіеся «горскіе народы» огнемъ и оружіемъ начали уже разрѣшать спорные историческіе вопросы съ Терекомъ; Тифлисъ накладывалъ руку на огромныя общегосударственныя средства Кавказскаго фронта. Но наиболѣе гибельной и предопредѣлившей весь исходъ борьбы явилась идея, воспринятая по убѣжденію національными шовинистами и по заблужденію — лояльнымъ элементомъ: *сначала* отгородиться совершенно въ территоріальныхъ, областныхъ, національныхъ рамкахъ не только отъ раіоновъ, пораженныхъ большевизмомъ, но и отъ сравнительно «здоровыхъ» сосѣдей, заняться внутренней организующей работой и накопленіемъ силъ, а *потомъ* уже выступить активно сообразно со сложившейся политической обстановкой. Эта глубоко ошибочная идея давала большевизму время и возможность, дѣйствуя по «внутреннимъ операціоннымъ направленіямъ» стратегическаго и политическаго фронта, разбить по частямъ и смести разрозненныя противодѣйствовавшія силы.

Политически-дѣйственные элементы октябрьскій переворотъ разбилъ на три группы: 1) рѣшительно отрицающихъ большевизмъ — въ томъ числѣ к.-д-ты, народные соціалисты, кооператоры, группа Единства, правые с. р-ы и большинство профессіональныхъ союзовъ; 2) пріемлющихъ соглашеніе съ большевиками — с. д. меньшевики и 3) большевики съ примыкавшими къ нимъ лѣвыми с. р-ами и интернаціоналистами. Въ зависимости отъ численнаго или интеллектуальнаго преобладанія той или другой группы, въ городахъ сохранялись и возникали самые разнохарактерные центры мѣстнаго управленія, какъ то правительственные комиссаріаты, общественные комитеты спасенія, городскія самоуправленія и, наконецъ, большевистскіе военно-революціонные комитеты. Иногда одновременно существовало нѣсколько органовъ власти. Шла борьба, мѣстами принимавшая ожесточенный и кровавый характеръ, и въ этой борьбѣ рѣшающее значеніе получила опять таки тыловая чернь — армія. Мартирологъ русскихъ городовъ, все болѣе растущій, носилъ характеръ трагическій и однообразный: по полученіи извѣстія о паденіи Временнаго правительства въ городѣ образовывалась обыкновенно общественная власть; подымался гарнизонъ; послѣ краткой борьбы, иногда жестокаго артиллерійскаго обстрѣла, власть сдавалась, и въ городѣ начинались повальные обыски, грабежи и истребленіе буржуазіи.

Весьма длительную и упорную борьбу, хотя и чисто пассивную, повела городская демократія — въ широкомъ смыслѣ этого слова, главнымъ образомъ служилый элементъ. Служащіе государственныхъ и общественныхъ учрежденій, инженеры, техники, писцы, желѣзнодорожники, телеграфисты, телефонисты, лица либеральныхъ профессій — прямо или косвенно отказывались служить новому режиму, не пугаясь угрозъ и насилій, терпѣливо перенося отсутствіе заработка

и содержанія, изгнаніе изъ квартиръ и лишеніе пайковъ. Это сопротивленіе какъ будто грозило остановить весь государственный механизмъ новаго «крестьянско-рабочаго» правительства, которое не на шутку испугалось «саботажа буржуазіи», призывало ее образумиться и грозило жестокой расправой.

Фронтъ былъ покоренъ «миромъ».

Союзныя правительства черезъ своихъ военныхъ представителей протестовали передъ Ставкой «противъ нарушенія условій договора 23-го августа 1914 г.» и грозили, что «всякое нарушеніе договора со стороны Россіи повлечетъ за собою самыя тяжелыя послѣдствія». Духонинъ и общеармейскій комитетъ разсылали воззванія и приказы. Главнокомандующій Юго-западнымъ фронтомъ генералъ Володченко призналъ гражданскую власть Центральной Рады, оставивъ за собою оперативную свободу. Этотъ фронтъ и Румынскій, гдѣ наличіе румынской арміи сдерживало буйные порывы, внѣшне еще держались. Закавказье переживало дни смертельнаго страха за свою судьбу передъ лицомъ турецкаго нашествія и перестраивало фронтъ на національныхъ началахъ.

Но мало-по-малу становилось совершенно ясно, что все это только послѣдніе пароксизмы «оборончества». Сѣверный и Западный фронты перешли въ подчиненіе совѣтской власти, а отъ края и до края русскихъ линій началось стихійное ничѣмъ уже непредотвратимое «сепаратное заключеніе мира» — арміями, полками и даже ротами.

Въ эти же дни, въ серединѣ ноября по всѣмъ желѣзнодорожнымъ линіямъ непрерывной вереницей потянулись эшелоны нѣмецкихъ войскъ съ востока на западъ.

* * *

Въ связи съ паденіемъ Временнаго правительства, юридическое положеніе Быховцевъ становилось совершенно неопредѣленнымъ. Обвиненіе въ покушеніи на ниспроверженіе теперь ниспровергнутаго строя принимало совершенно нелѣпый характеръ. Кто наши обвинители, наши судьи, какой трибуналъ можетъ судить насъ? Передъ нами всталъ вопросъ, не пора-ли оставить гостепріимныя стѣны Быховской тюрьмы, тѣмъ болѣе, что вся совокупность обстановки указывала на возможность и необходимость большой работы. Генералъ Корниловъ, истомленный вынужденнымъ бездѣйствіемъ, рвался на свободу. Его поддерживали нѣкоторые молодые офицеры. Но генералы были противъ: ничего опредѣленнаго о формированіи новаго правительства не извѣстно; намъ нельзя уклоняться отъ отвѣтственности; сохранилась еще законная и нами признаваемая военная власть Верховнаго главнокомандующаго, генерала Духонина; а эта власть говоритъ, что *нашъ побѣгъ вызоветъ паденіе фронта.*

Паденіе фронта!

Этотъ фатумъ тяготѣлъ надъ волей и мыслью всѣхъ военоначальниковъ съ самаго начала революціи. Онъ давалъ

оправданіе слабымъ и связывалъ руки сильнымъ. Онъ заставлялъ говорить, возмущаться или соглашаться тамъ, гдѣ нужно было дѣйствовать рѣшительно и безпощадно. Въ различномъ отраженіи, въ разныхъ проявленіяхъ его вліяніе наложило свою печать на дѣятельность такихъ несхожихъ по характеру и взглядамъ людей, какъ императоръ Николай II, Алексѣевъ, Брусиловъ, Корниловъ. Даже когда разумъ говорилъ, что фронтъ уже конченъ, чувство ждало чуда, и никто не могъ и не хотѣлъ взять на свои плечи огромную историческую отвѣтственность — дать толчокъ его паденію — быть можетъ послѣдній. Кажется, только одинъ человѣкъ уже въ августѣ не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій и не боялся нравственной отвѣтственности — это Крымовъ...

Вопросъ остался открытымъ. Однако вскорѣ мы узнали, что Корниловъ приказалъ Текинскому полку готовиться къ походу, назначивъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней выступленіе. Побесѣдовали совмѣстно — Лукомскій, Романовскій, Марковъ и я и рѣшили, чтобы мнѣ переговорить по этому поводу съ Корниловымъ. Я пошелъ къ Верховному.

— Лавръ Георгіевичъ! Вы знаете нашъ взглядъ, что безъ крайней необходимости намъ уходить отсюда нельзя. Вы рѣшили иначе. Ваше приказаніе мы исполнимъ безпрекословно, но просимъ предупредить по крайней мѣрѣ дня за два.

— Хорошо, Антонъ Ивановичъ, повременимъ.

Нѣкоторая подготовка, между тѣмъ, продолжалась. Составили маршрутъ на случай походнаго движенія съ Текинцами. Приготовили поддѣльныя распоряженія отъ имени слѣдственной комиссіи Шабловскаго объ освобожденіи пяти генераловъ*) на случай, еслибы Текинцы остались, чтобы не подводить ихъ и коменданта. Изучали желѣзнодорожный маршрутъ на Донъ. Дѣло въ томъ, что по иниціативѣ казачьяго совѣта, Атаманъ просилъ Ставку отпустить Быховскихъ узниковъ на поруки Донского войска, предоставивъ для нашего пребыванія станицу Каменскую. Ставка колебалась. Корнилову не нравилась такая постановка вопроса и онъ рѣшилъ, въ случаѣ осуществленія этого проэкта, покинуть въ пути поѣздъ, чтобы не связывать ни себя, ни войско.

Но къ серединѣ ноября обстановка круто измѣнилась. Получены были свѣдѣнія, что къ Могилеву двигаются эшелоны Крыленко, что въ Ставкѣ большое смятеніе и что тамъ создалось опредѣленное рѣшеніе капитулировать. Наши друзья приняли повидимому энергичныя мѣры, такъ какъ, если не ошибаюсь, 18-го въ Быховѣ получена была телеграмма безотлагательно начать посадку въ спеціальный поѣздъ эскадрона текинцевъ и полуроты георгіевцевъ для сопровожденія арестованныхъ на Донъ.

Мы всѣ вздохнули съ облегченіемъ. Что готовитъ намъ судьба въ дальнемъ пути, это былъ вопросъ второстепенный. Важно было выбраться изъ этихъ стѣнъ на свѣтъ Божій, къ тому-же вполнѣ

---

*) Остававшихся послѣдними.

легально, и снова начать открытую борьбу. Быстро уложились и ждали. Прошли всѣ положенные сроки—не везутъ. Ждемъ три, четыре часа... Наконецъ получается лаконическій приказъ — телеграмма генерала Духонина коменданту — всѣ распоряженія по перевозкѣ отмѣнить.

Глубокое разочарованіе, подавленное настроеніе. Обсуждаемъ положеніе. Ночь безъ сна. Между Могилевымъ и Быховымъ мечутся автомобили нашихъ доброжелателей изъ офицерскаго комитета и казачьяго союза. Глубокой ночью узнаемъ обстоятельства перемѣны Ставкой рѣшенія. Представители казачьяго союза долго уговаривали Духонина отпустить насъ на Донъ, указывая, что въ любую минуту онъ — Верховный главнокомандующій, если самъ не покинетъ городъ, можетъ стать просто узникомъ. Духонинъ согласился, наконецъ, вручить казачьему представителю именныя распоряженія о нашемъ переѣздѣ на имя коменданта Быховской тюрьмы и главнаго начальника сообщеній, но подъ условіемъ, что эти документы будутъ использованы лишь въ моментъ крайней необходимости. Казачьи представители нашли, что 18-го этотъ моментъ насталъ. Духонинъ, узнавъ о готовящейся посадкѣ, отмѣнилъ распоряженіе, а явившимся къ нему казачьимъ представителямъ сказалъ:

— Еще рано. Этимъ распоряженіемъ я подписалъ себѣ смертный приговоръ.

Но утромъ 19-го въ тюрьму явился полковникъ генеральнаго штаба Кусонскій и доложилъ генералу Корнилову:

— Черезъ четыре часа Крыленко пріѣдетъ въ Могилевъ, который будетъ сданъ Ставкой безъ боя. Генералъ Духонинъ приказалъ вамъ доложить, что всѣмъ заключеннымъ необходимо тотчасъ-же покинуть Быховъ.

Генералъ Корниловъ пригласилъ коменданта, подполковника Текинскаго полка Эргардта и сказалъ ему:

— Немедленно освободите генераловъ. Текинцамъ изготовиться къ выступленію къ 12 часамъ ночи. Я иду съ полкомъ.

. . . .

Духонинъ былъ и остался честнымъ человѣкомъ. Онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ, въ чемъ состоитъ долгъ воина передъ лицомъ врага, стоящаго за линіей окоповъ, и былъ вѣренъ своемъ долгу. Но въ пучинѣ всѣхъ противорѣчій, брошенныхъ въ жизнь революціей, онъ безнадежно запутался. Любя свой народъ, любя армію и отчаявшись въ другихъ способахъ спасти ихъ, онъ продолжалъ итти, скрѣпя сердце, по пути съ революціонной демократіей, тонувшей въ потокахъ словъ и боявшейся дѣла, заблудившейся между Родиной и революціей, переходившей постепенно отъ борьбы «въ народномъ масштабѣ» къ соглашенію съ большевиками, отъ вооруженной обороны Ставки, какъ «техническаго аппарата», къ сдачѣ Могилева безъ боя.

Въ той средѣ, съ которой связалъ свою судьбу Духонинъ, ни стимула, ни настроенія для *настоящей борьбы* онъ найти не могъ.

Генералъ Духонинъ (†).

Стр. 144.

Его оставили всѣ: общеармейскій комитетъ распустилъ себя 19-го и разсѣялся; Верховный комиссаръ Станкевичъ уѣхалъ въ Кіевъ; генералъ-квартирмейстеръ Дитерихсъ укрылся въ Могилевѣ и, если вѣрить Станкевичу, это онъ уговорилъ остаться генерала Духонина, сдавшагося было на убѣжденія ѣхать на Юго-западный фронтъ. Бюрократическая Ставка, вѣрная своей традиціи «аполитичности», вѣрнѣе безпринципности, въ тотъ день, когда чернь терзала Верховнаго главнокомандующаго, въ лицѣ своихъ старшихъ представителей привѣтствовала новаго главковерха!..

Еще 19-го командиры ударныхъ батальоновъ, прибывшихъ ранѣе въ Могилевъ по собственной иниціативѣ, просили разрѣшенія Духонина защищать Ставку. Обще-армейскій комитетъ передъ роспускомъ сказалъ «нѣтъ». И Духонинъ приказалъ батальонамъ въ тотъ же день покинуть городъ.

— Я не хочу братоубійственной войны — говорилъ онъ командирамъ. — Тысячи вашихъ жизней будутъ нужны Родинѣ. Настоящаго мира большевики Россіи не дадутъ. Вы призваны защищать Родину отъ врага и Учредительное Собраніе отъ разгона...

Благословивъ другихъ на борьбу, самъ остался. Извѣрился очевидно во всѣхъ, съ кѣмъ шелъ.

— Я имѣлъ и имѣю тысячи возможностей скрыться. Но я этого не сдѣлаю. Я знаю, что меня арестуетъ Крыленко, а можетъ быть меня даже разстрѣляютъ. Но это смерть солдатская.

И онъ погибъ.

На другой день толпа матросовъ — дикихъ, озлобленныхъ на глазахъ у «главковерха» Крыленко растерзала генерала Духонина и надъ трупомъ его жестоко надругалась.

* * *

Въ смыслѣ безопасности передвиженія трудно было опредѣлить, который способъ лучше: тотъ-ли, который избралъ Корниловъ, или нашъ. Во всякомъ случаѣ далекій зимній походъ представлялъ огромныя трудности. Но Корниловъ былъ крѣпко привязанъ къ Текинцамъ, оставшимся ему вѣрными до послѣдняго дня, не хотѣлъ разставаться съ ними и считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ итти съ ними на Донъ, опасаясь, что ихъ иначе постигнетъ злая участь. Обстоятельство, которое чуть не стоило ему жизни.

Мы простились съ Корниловымъ сердечно и трогательно, условившись встрѣтиться въ Новочеркасскѣ. Вышли изъ воротъ тюрьмы, провожаемые противъ ожиданія добрымъ словомъ нашихъ тюремщиковъ-георгіевцевъ, которыхъ не удивило освобожденіе арестованныхъ, ставшее послѣднее время частымъ.

— Дай вамъ Богъ, не поминайте лихомъ...

На квартирѣ коменданта мы переодѣлись и рѣзко измѣнили свой внѣшній обликъ. Лукомскій сталъ великолѣпнымъ «нѣмецкимъ колонистомъ», Марковъ — типичнымъ солдатомъ, неподражаемо имитиро-

вавшимъ разнузданную манеру «сознательнаго товарища». Я обратился въ «польскаго помѣщика». Только Романовскій ограничился одной перемѣной генеральскихъ погонъ на прапорщичьи.

Лукомскій рѣшилъ ѣхать прямо на встрѣчу Крыленковскимъ эшелонамъ — черезъ Могилевъ — Оршу — Смоленскъ въ предположеніи, что тамъ искать не будутъ. Полковникъ Кусонскій на экстренномъ паровозѣ сейчасъ-же продолжалъ свой путь далѣе въ Кіевъ, исполняя особое порученіе, предложилъ взять съ собою двухъ человѣкъ — больше не было мѣста. Я отказался въ пользу Романовскаго и Маркова. Простились. Остался одинъ. Не стоитъ придумывать сложныхъ комбинацій: взять билетъ на Кавказъ и ѣхать ближайшимъ поѣздомъ, который уходилъ по расписанію черезъ пять часовъ. Рѣшилъ переждать въ штабѣ польской дивизіи. Начальникъ дивизіи весьма любезенъ. Онъ получилъ распоряженіе отъ Довборъ-Мусницкаго «сохранять нейтралитетъ», но препятствовать всякимъ насиліямъ совѣтскихъ войскъ и оказать содѣйствіе быховцамъ, если они обратятся за нимъ. Штабъ дивизіи выдалъ мнѣ удостовѣреніе на имя «помощника начальника перевязочнаго отряда Александра Домбровскаго»; случайно нашелся и попутчикъ — подпоручикъ Любоконскій, ѣхавшій къ роднымъ, въ отпускъ. Этотъ молодой офицеръ оказалъ мнѣ огромную услугу и своимъ милымъ обществомъ, облегчавшимъ мое самочувствіе, и своими заботами обо мнѣ во все время пути.

Поѣздъ опоздалъ на шесть часовъ. Послѣ томительнаго ожиданія, въ 10½ ч. мы наконецъ выѣхали.

Первый разъ въ жизни — въ конспираціи, въ несвойственномъ видѣ и съ фальшивымъ паспортомъ. Убѣждаюсь, что положительно не годился бы для конспиративной работы. Самочувствіе подавленное, мнительность, никакой игры воображенія. Фамилія польская, разговариваю съ Любоконскимъ по польски, а на вопросъ товарища-солдата:

— Вы какой губерніи будете?

Отвѣчаю машинально—Саратовской. Приходится давать потомъ сбивчивыя объясненія, какъ полякъ попалъ въ Саратовскую губернію. Со второго дня съ большимъ вниманіемъ слушали съ Любоконскимъ потрясающія свѣдѣнія о бѣгствѣ Корнилова и Быховскихъ генераловъ; вмѣстѣ съ толпой читали расклеенныя по нѣкоторымъ станціямъ аршинныя афиши. Вотъ одна: «всѣмъ, всѣмъ»: «Генералъ Корниловъ бѣжалъ изъ Быхова. Военно-революціонный комитетъ призываетъ всѣхъ сплотиться вокругъ комитета, чтобы рѣшительно и безпощадно подавить всякую контръ-революціонную попытку». Идемъ дальше. Другая — предсѣдателя «Викжеля», адвоката Малицкаго: «сегодня ночью изъ Быхова бѣжалъ Корниловъ сухопутными путями съ 400 текинцевъ. Направился къ Жлобину. Предписываю всѣмъ желѣзнодорожникамъ принять всѣ мѣры къ задержанію Корнилова. Объ арестѣ меня увѣдомить». Какое жандармское рвеніе у представителя свободной профессіи! Настроеніе въ толпѣ довольно, впрочемъ, безразличное. Ни радости, ни огорченія. Любоконскій пытается всту-

пать съ сосѣдями въ политическіе споры, я останавливаю его. Гдѣ то, кажется на станціи Конотопъ, пришлось пережить непріятныхъ полчаса, когда красноармейцы-милиціонеры заняли всѣ выходы изъ зала, а ихъ начальникъ по странной случайности расположился возлѣ нашего стола... Не доѣзжая Сумъ поѣздъ остановился среди чистаго поля и простоялъ около часа. За стѣнкой купэ слышенъ разговоръ:

— Почему стоимъ?

— Оберъ говорилъ, что провѣряютъ пассажировъ, кого-то ищутъ.

Томительное ожиданіе. Рука въ карманѣ сжимаетъ крѣпче рукоятку револьвера, который, какъ оказалось впослѣдствіи... не дѣйствовалъ. Нѣтъ! гораздо легче, спокойнѣе, честнѣе встрѣчать открыто смертельную опасность въ бою, подъ ревъ снарядовъ, подъ свистъ пуль — страшную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, радостно волнующую, захватывающую своей реальной жутью и мистической тайной.

Вообще же путешествіе шло благополучно, безъ особенныхъ приключеній. Только за Славянскомъ произошелъ маленькій инцидентъ: въ нашемъ вагонѣ, набитомъ до отказа солдатами, мое долгое лежаніе на верхней полкѣ показалось подозрительнымъ, и внизу заговорили:

— Полдня лежитъ, морды не кажетъ. Можетъ быть самъ Керенскій?.. (слѣдуетъ скверное ругательство).

— Поверни ка ему шею!

Кто-то дернулъ меня за рукавъ, я повернулся и свѣсилъ голову внизъ. Повидимому сходства не было никакого. Солдаты разсмѣялись; за безпокойство угостили меня чаемъ.

И съ *нимъ* встрѣча была возможна; по горькой ироніи судьбы въ одно время съ «мятежниками» прибылъ въ Ростовъ бывшій диктаторъ Россіи, бывшій Верховный главнокомандующій ея арміи и флота Керенскій, переодѣтый и загримированный, прячась и спасаясь отъ той толпы, которая не такъ давно еще носила его на рукахъ и величала своимъ избранникомъ.

Времена измѣнчивы...

Эти нѣсколько дней путешествія и дальнѣйшія скитанія мои по Кавказу въ забитыхъ до одури и головокруженія человѣческими тѣлами вагонахъ, на площадкахъ и тормазахъ, простаиваніе по много часовъ на узловыхъ станціяхъ — ввели меня въ самую гущу революціоннаго народа и солдатской толпы. Раньше со мной говорили какъ съ главнокомандующимъ и потому по различнымъ побужденіямъ не были искренни. Теперь я былъ просто «буржуй», котораго толкали и ругали — иногда злобно, иногда такъ — походя, но на котораго по счастью не обращали никакого вниманія. Теперь я увидѣлъ яснѣе подлинную жизнь и ужаснулся.

Прежде всего — разлитая повсюду безбрежная ненависть — и къ людямъ, и къ идеямъ. Ко всему, что было соціально и умственно выше толпы, что носило малѣйшій слѣдъ достатка, даже къ неодушевленнымъ предметамъ — признакамъ нѣкоторой культуры, чуждой или недоступной толпѣ. Въ этомъ чувствѣ слышалось непосредственное

вѣками накопившееся озлобленіе, ожесточеніе тремя годами войны и воспринятая черезъ революціонныхъ вождей истерія. Ненависть съ одинаковой послѣдовательностью и безотчетнымъ чувствомъ рушила государственные устои, выбрасывала въ окно вагона «буржуя», разбивала черепъ начальнику станціи и рвала въ клочья бархатную обшивку вагонныхъ скамеекъ. Психологія толпы не обнаруживала никакого стремленія подняться до болѣе высокихъ формъ жизни: царило одно желаніе — захватить или уничтожить. Не подняться, а принизить до себя все, что такъ или иначе выдѣлялось. Сплошная апологія невѣжества. Она одинаково проявлялась и въ словахъ того грузчика угля, который проклиналъ свою тяжелую работу и корилъ машиниста — «буржуемъ», за то, что тотъ, получая дважды больше жалованья, «только ручкой вертитъ», и въ развязномъ спорѣ молодого кубанскаго казака съ какимъ-то станичнымъ учителемъ, доказывавшимъ довольно простую истину: для того, чтобы быть офицеромъ, нужно долго и многому учиться.

— Вы не понимаете и потому говорите. А я самъ былъ въ командѣ развѣдчиковъ и прочесть, чего на картѣ написано, или тамъ что — не хуже всякаго офицера могу.

Говорили обо всемъ: о Богѣ, о политикѣ, о войнѣ, о Корниловѣ и Керенскомъ, о рабочемъ положеніи и, конечно, о землѣ и волѣ. Гораздо меньше о большевикахъ и новомъ режимѣ. Трудно облечь въ связныя формы тотъ сумбуръ мыслей, чувствъ и рѣчи, которыя проходили въ живомъ калейдоскопѣ мѣнявшагося населенія поѣздовъ и станцій. Какая безпросвѣтная тьма! Слово разсудка ударялось какъ о каменную стѣну. Когда начиналъ говорить какой-либо офицеръ, учитель или кто-нибудь изъ «буржуевъ», къ ихъ словамъ заранѣе относились съ враждебнымъ недовѣріемъ. А тутъ же какой-то по разговору полуинтеллигентъ въ солдатской шинели развивалъ невѣроятнѣйшую систему соціализаціи земли и фабрикъ. Изъ путанной, обильно снабженной мудреными словами его рѣчи можно было понять, что «народное добро» будетъ возвращено «за справедливый выкупъ», понимаемый въ томъ смыслѣ, что казна должна выплачивать крестьянамъ и рабочимъ чуть ли не за сто прошлыхъ лѣтъ ихъ протори и убытки за счетъ буржуйскаго состоянія и банковъ. Товарищъ Ленинъ къ этому уже приступилъ. И каждому слову его вѣрили, даже тому, что «на Аральскомъ морѣ водится птица, которая несетъ яйца въ добрый арбузъ и оттого тамъ никогда голода не бываетъ, потому что одного яйца довольно на большую крестьянскую семью». Повидимому, впрочемъ, этотъ солдатъ особенно расположилъ къ себѣ слушателей кощунственнымъ воспроизведеніемъ ектеньи «на революціонный манеръ» и проповѣди въ сельской церкви:

— Братіе! Оставимъ всѣ наши споры и раздоры. Сольемся воедино. Возьмемъ топоры да вилы и, осѣня себя крестнымъ знаменіемъ, пойдемъ вспарывать животы буржуямъ, Аминь.

Толпа гоготала. Ораторъ ухмылялся — работа была тонкая, захватывавшая наиболѣе чувствительныя мѣста народной психики.

Помню, какъ на одномъ перегонѣ завязался споръ между желѣзнодорожникомъ и какимъ-то молодымъ солдатомъ изъ-за мѣста, перешедшій вскорѣ на общую тему о бастующихъ дорогахъ и о бѣгущихъ съ поля боя солдатахъ. Солдатъ оправдывался:

— Я, товарищъ, самъ подъ Бржезанами въ іюлѣ былъ, знаю. Развѣ мы побѣжали бы? Когда офицера насъ продали — въ тылу у насъ мосты портили! Это, братъ, всѣ знаютъ. Двоихъ въ сосѣднемъ полку поймали — прикончили.

Меня передернуло. Любоконскій вспыхнулъ:

— Послушайте, какую вы чушь несете! Зачѣмъ же офицеры стали бы портить мосты?

— Да ужъ мы не знаемъ, вамъ виднѣе...

Отзывается съ верхней полки старообразный солдатъ — «черноземнаго» типа:

— У васъ, у шкурниковъ всегда одинъ отвѣтъ: какъ дастъ стрекача, такъ завсегда офицеры виноваты.

— Послушайте, вы не ругайтесь! Сами то зачѣмъ ѣдете?

— Я?.. На, читай. Грамотный?

Говорившій, порывшись за бортомъ шинели, сунулъ молодому солдату засаленный листъ бумаги.

— Призыва 1895 года. Уволенъ въ чистую, понялъ? Съ самаго начала войны и по сей день, не сходя съ позиціи въ 25 артиллерійской бригадѣ служилъ... Да ты вверхъ ногами держишь!

Солдаты засмѣялись, но не поддержали артиллериста.

— Должно быть «шкура»...*) процѣдилъ кто-то сквозь зубы.

Долгіе, томительные часы среди этихъ опостылѣвшихъ разговоровъ, среди невыразимой духоты и пряной ругани одурманчиваютъ сознаніе. Бѣдная демократія! Не та, что блудитъ словомъ въ совѣтахъ и на митингахъ, а вотъ эта — сермяжная, сѣро-шинельная. Эта — отъ чьего имени въ теченіи полугода говорили пробирающійся теперь тайно въ Новочеркасскъ Керенскій, «восторженно привѣтствуемый» въ Тифлисѣ Церетелли и воцарившійся въ Петроградѣ Ленинъ.

Пріѣхали благополучно въ Харьковъ. Пересадка. Сгрудились стѣною для атаки вагона ростовскаго поѣзда. Вдругъ впереди вижу дорогіе силуэты: Романовскій и Марковъ стоятъ въ очереди. Стало легче на душѣ. Ни выйти изъ купэ, ни даже пріоткрыть дверь въ коридоръ, устланный грудой тѣлъ, было невозможно. Разстались съ Любоконскимъ. Поближе къ Дону становится свободнѣе. Теперь въ купэ насъ всего десять человѣкъ: два торговца-черкеса, дама, офицеръ, пять солдатъ и я. Провѣрилъ документы и осматривалъ багажъ только одинъ разъ гдѣ-то за Изюмомъ—вѣжливый патруль полка Пограничной стражи. У черкесовъ и у солдатъ оказалось много мануфактуры.

---

*) Такъ называли сверхсрочныхъ въ солдатской средѣ.

Всѣ обитатели купэ спятъ. Только два солдата ведутъ разговоръ — шопотомъ, какимъ то воровскимъ жаргономъ. Я притворяюсь спящимъ и слушаю. Одинъ приглашаетъ другого — повидимому стараго пріятеля — «въ дѣло». Обширное предпріятіе «мѣшечниковъ», имѣющее базы въ Москвѣ и Ростовѣ. Съ сѣвера возятъ мануфактуру, съ юга хлѣбъ; какіе-то московскій и ростовскій лазареты снабжаютъ артель «санитарными билетами» и проѣздными бланками. Далѣе разговоръ болѣе тихій и интимный: хорошо бы прихватить черкесскую мануфактуру... Можно обдѣлать тихо — въ случаѣ чего припугнуть ножикомъ — народъ жидкій; лучше — передъ Иловайской; оттуда можно свернуть на Екатеринославъ...

Неожиданное осложненіе для нелегальнаго пассажира. Черезъ нѣсколько минутъ дама нервно вскочила и вышла въ коридоръ. Очевидно и до ея слуха что-нибудь долетѣло. На ближайшей большой остановкѣ мѣшечники вышли въ окно за кипяткомъ. Я предупредилъ черкеса и офицера о возможности покушенія. Черкесы куда то исчезли. Изъ коридора хлынуло въ купэ, давя другъ друга, новое населеніе. Перебравшись съ трудомъ черезъ спящія тѣла, перехожу въ отдѣленіе къ друзьямъ. Радостная встрѣча. Поздоровался съ Романовскимъ. Марковъ сгораетъ отъ нетерпѣнія, но выдерживаетъ роль — не вмѣшивается.

Здѣсь гораздо уютнѣе. Марковъ — деньщикъ Романовскаго — въ дружбѣ съ «товарищами», бѣгаетъ за кипяткомъ для «своего офицера» и ведетъ бесѣды самоувѣреннымъ тономъ съ митинговымъ пошибомъ и ежеминутно сбиваясь на культурную рѣчь. Какой-то молодой поручикъ, возвращающійся изъ отпуска въ Кавказскую армію, посылаетъ его за папиросами и потомъ мнетъ нерѣшительно бумажку въ рукѣ: дать на чай, или обидится?.. Удивительно милый этотъ поручикъ, сохранившій еще незлобіе и жизнерадостность, думающій о полку, о войнѣ и какъ-то конфузливо скромно намекающій, что его вѣроятно уже ждутъ въ полку два чина и «Владиміръ». Онъ привязался за время пути къ Романовскому и ставилъ его въ труднѣйшее положеніе своими разспросами. Иванъ Павловичъ на ухо шепнулъ мнѣ: «изолгался я до противности». Поручикъ увидѣлъ меня.

— Ваше лицо мнѣ очень знакомо. Ваша летучка не была-ли во 2-й дивизіи въ 16-мъ году?

2-ая дивизія дѣйствительно входила въ составъ моего корпуса на Румынскомъ фронтѣ. Я спѣшу отказаться и отъ дивизіи, и отъ знакомства.

Но вотъ, наконецъ, цѣль нашихъ стремленій — Донская область. Прошли благополучно Таганрогъ, гдѣ съ часу на часъ ожидалось прибытіе матросскихъ эшелоновъ. Вотъ и Ростовскій вокзалъ — громадный военный лагеръ съ какимъ-то тревожнымъ и неяснымъ настроеніемъ. Рѣшили до выясненія обстановки соблюдать конспирацію. Марковъ остался до утра у родныхъ въ Ростовѣ. Кавказскій поручикъ предупредительно предлагаетъ взять билеты на Тифлисъ и озаботиться мѣстами.

— Нѣтъ, милый поручикъ. Ѣдемъ мы вовсе не въ Тифлисъ, а въ Новочеркасскъ; а во 2-й дивизіи мы съ вами дѣйствительно видѣлись и подъ Рымникомъ вмѣстѣ дрались. Прощайте, дай вамъ Богъ счастья...

— А-а! — онъ застылъ отъ изумленія.

Въ Новочеркасскъ прибыли подъ утро. Въ Европейской гостиницѣ — «контръ-революціонный штабъ» — не оказалось ни одного свободнаго номера. Въ спискѣ жильцовъ нашли знакомую фамилію — «полковникъ Лебедевъ». Послали въ номеръ заспаннаго швейцара.

— Какъ о васъ доложить?

— Скажите, что спрашиваютъ генералы Деникинъ и Романовскій, — говоритъ мой спутникъ.

— Ахъ, Иванъ Павловичъ! Ну и конспираторы же мы съ вами!...

Въ это чуть занимавшееся утро не спалось. Послѣ почти трехъ мѣсяцевъ замкнутой тюремной жизни свобода ударила по нервамъ массой новыхъ впечатлѣній. Въ нихъ еще невозможно было разобраться. Но одно казалось несомнѣннымъ и нагло кричало о себѣ на каждомъ шагу:

Большевизмъ далеко еще не побѣдилъ, но вся страна — во власти черни.

И невидно или почти невидно сильнаго протеста или дѣйствительнаго сопротивленія. Стихія захлестываетъ, а въ ней безсильно барахтаются человѣческія особи, не слившіяся съ нею. Вспомнилъ почему-то видѣнную мною разъ сквозь пріотворенную дверь купэ сцену. Въ проходѣ, набитомъ сѣрыми шинелями, высокій, худой, въ бѣдномъ потертомъ пальто человѣкъ, очевидно много часовъ переносившій пытку стоянія, нестерпимую духоту и главное всевозможныя издѣвательства своихъ спутниковъ, истерически кричалъ:

— Проклятые! Вѣдь я молился на солдата... А теперь вотъ, если бы могъ, собственными руками задушилъ бы!..

Странно — его оставили въ покоѣ.

* * *

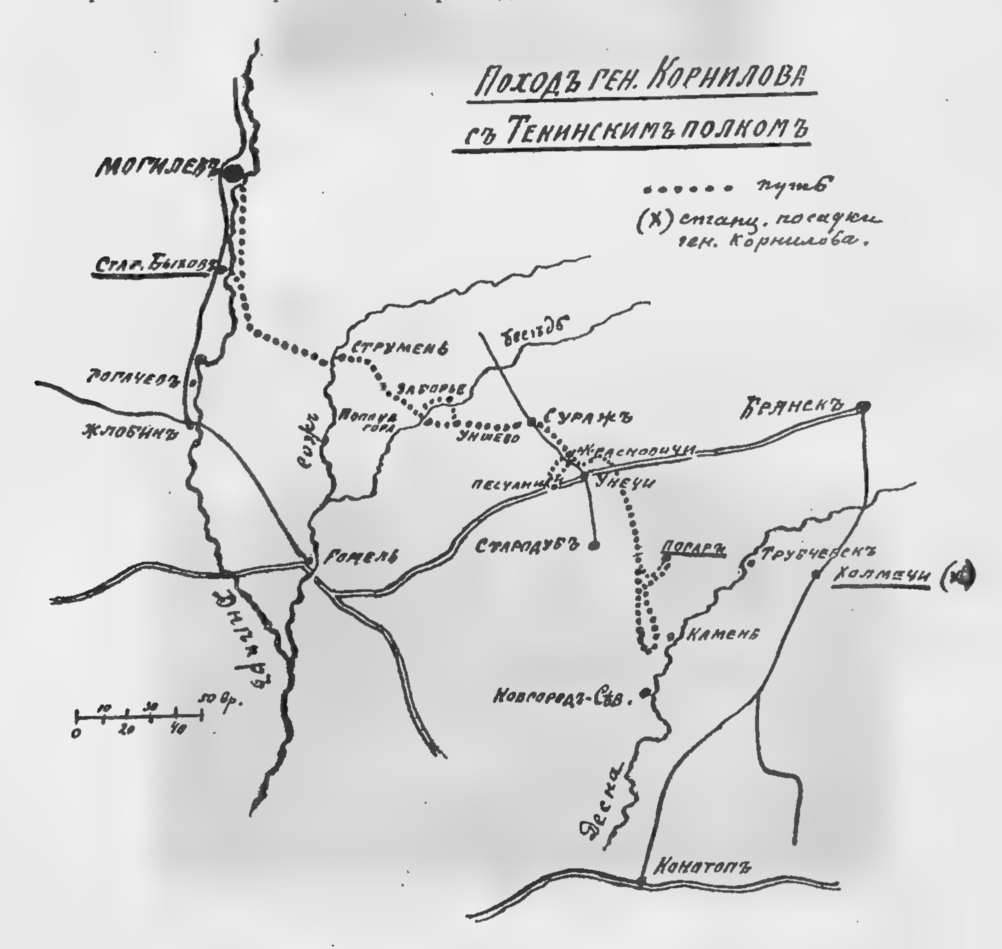
Поздно вечеромъ 19 ноября комендантъ Быховской тюрьмы сообщилъ георгіевскому караулу о полученномъ распоряженіи освободить генерала Корнилова, который уѣзжаетъ на Донъ. Солдаты приняли это извѣстіе безъ какихъ-либо сомнѣній. Офицеры караула капитанъ Поповъ и прапорщикъ Гришинъ бесѣдовали по этому поводу съ георгіевцами и встрѣтили съ ихъ стороны сочувствіе и доброе отношеніе къ уѣзжающему.

Въ полночь караулъ былъ выстроенъ, вышелъ генералъ, простился съ солдатами, поблагодарилъ своихъ «тюремщиковъ» за исправное несеніе службы, выдалъ въ награду 2 тысячи рублей. Они отвѣтили пожеланіемъ счастливаго пути и провожали его криками «Ура!»..

Оба караульные офицеры присоединились къ Текинцамъ.

Вь часъ ночи сонный Быховъ былъ разбуженъ топотомъ коней: Текинскій полкъ во главѣ съ генераломъ Корниловымъ шелъ къ мосту и, перейдя Днѣпръ, скрылся въ ночной тьмѣ.

Изъ Могилева двигался навстрѣчу 4-й эскадронъ съ командиромъ полка. Командиръ не сочувствовалъ походу и не подготовилъ полкъ къ дальнему пробѣгу, но теперь шелъ съ нимъ, такъ какъ зналъ, что не въ силахъ удержать ни офицеровъ, ни всадниковъ. Не было взято ни картъ, ни врача, ни фельдшера и ни одного перевязочнаго пакета; не запаслись и достаточнымъ количествомъ денегъ. Небольшой колесный обозъ, взятый съ собой, обслуживался регулярными солдатами, которые послѣ перваго-же перехода бѣжали.

Текинскій полкъ шелъ всю ночь и весь день, чтобы сразу оторваться отъ могилевскаго раіона. Слѣдуя въ общемъ направленіи на юго-востокъ и заметая слѣды, полкъ дѣлалъ усиленные переходы, преимущественно по ночамъ, встрѣчая на пути плохо еще замерзшія, съ трудными переправами рѣки и имѣя впереди рядъ желѣзнодорожныхъ

Текинцы.

Стр. 152.

НАЧАЛЬНИКЪ ШТАБА
Польской стрѣлковой
ДИВИЗІИ
по части
„ “ 1917 г.
№
Дѣйствующая армія.

У д о с т о в ѣ р е н і е N. 536

Предъявитель сего есть дѣйствительно помощникъ Завѣдующаго 73 перевязочнымъ Польскимъ отрядомъ Александръ ДОМБРОВСКІЙ, что подписью и приложеніемъ казенной печати удостовѣряется.

Штабъ 1-й Польской стрѣлковой дивизіи

ВРИД. Начальника Штаба
1 Польской стрѣлковой дивизіи
К а п и т а н ъ

Старшій Адъютантъ
Штабсъ- Капитанъ.

Удостовѣреніе, съ которымъ я ѣхалъ на Донъ.

Стр. 146.

линій, на которыхъ ожидалось организованное сопротивленіе. Въ попутныхъ деревняхъ жители разбѣгались или съ ужасомъ встрѣчали Текинцевъ, напуганные грабежами и разбоями вооруженныхъ шаекъ, бороздившихъ тогда вдоль и поперекъ Могилевскую губернію. И провожали съ удивленіемъ «дикихъ», въ первый разъ увидѣвъ солдатъ, которые никого не трогаютъ и за все щедро расплачиваются.

Въ техническомъ отношеніи полковникъ Кюгельгенъ велъ полкъ крайне не искусно и не расчетливо. Въ первые семь сутокъ пройдено было 300—350 верстъ, безъ дневокъ, по дорогамъ и безъ дорогъ — лѣсомъ, подмерзшими болотами и занесенной снѣжными сугробами цѣлиной, — по двое сутокъ не разсѣдлывали лошадей; изъ семи ночей провели въ походѣ четыре; шли обыкновенно безъ надлежащей развѣдки и охраненія, сбивались и кружили; пропадали отсталые, квартирьеры и раненые...

Былъ сильный морозъ, гололедица; всадники приходили въ изнеможеніе отъ огромныхъ переходовъ и безсонныхъ ночей; невѣроятно страдали отъ холода и, какъ говоритъ одинъ изъ участниковъ, въ концѣ концовъ буквально «отупѣли»; лошади, не втянутыя въ работу, шли съ трудомъ, отставали и калѣчились. Впереди — огромный путь и полная неизвѣстность. Среди офицеровъ сохранялось приподнятое настроеніе, поддерживаемое обаяніемъ Корнилова, вѣрностью слову и, можетъ быть, романтизмомъ всего предпріятія: изъ Быхова на Донъ, больше тысячи верстъ, въ зимнюю стужу, среди множества преградъ и опасностей, съ любимымъ вождемъ — это было похоже на красивую сказку... Но у всадниковъ съ каждымъ днемъ настроеніе падало, и скоро... сказка оборвалась; началась тяжелая проза жизни.

На седьмой день похода, 26-го, полкъ выступилъ изъ села Красновичи и подходилъ къ деревнѣ Писаревкѣ, имѣя цѣлью пересѣчь желѣзную дорогу восточнѣе станціи Унечи. Явившійся добровольно крестьянинъ проводникъ навелъ Текинцевъ на большевистскую засаду: поравнявшись съ опушкой лѣса, они были встрѣчены почти въ упоръ ружейнымъ огнемъ. Полкъ отскочилъ, отошелъ въ Красновичи и оттуда свернулъ на юго-западъ, предполагая обойти Унечи съ другой стороны. Около 2 ч. дня подошли къ линіи Московско-Брестской желѣзной дороги около станціи Песчаники. Неожиданно изъ-за поворота появился поѣздъ и изъ приспособленныхъ «площадокъ» ударилъ по колоннѣ огнемъ пулеметовъ и орудія. Головной эскадронъ повернулъ круто въ сторону и ускакалъ;*) нѣсколько всадниковъ — свалилось; подъ Корниловымъ убита лошадь;**) полкъ разсыпался. Корниловъ, возлѣ котораго остались командиръ полка и подполковникъ Эргардтъ, отъѣхалъ въ сторону.

---

*) I-ый эскадронъ прошелъ западнѣе и болѣе къ полку не присоединился; за Клинцами въ м. Павличи онъ былъ разоруженъ большевиками и отправленъ въ Минскъ, гдѣ нѣкоторое время офицеровъ и всадниковъ держали въ тюрьмѣ.

**) Вынесла его изъ огня и пала.

Долго собирали полкъ; подвели его къ Корнилову. Измученные въ конецъ Текинцы, не понимавшіе что творится вокругъ, находились въ большомъ волненіи. Они сдѣлали все, что могли, они попрежнему преданы генералу, но... . .

— Ахъ, бояръ! Что мы можемъ дѣлать, когда вся Россія — большевикъ...— говорили они своимъ офицерамъ.

«Подъѣхавъ къ сборному пункту полка — разсказываетъ штабъ-ротмистръ С. — я засталъ такую картину: всадники стояли въ безпорядкѣ, плотной кучей; тутъ-же лежало нѣсколько раненыхъ и обезсилѣвшихъ лошадей и на землѣ сидѣли и лежали раненые всадники. Текинцы страшно пали духомъ и вели разговоръ о томъ, что все равно они окружены, и половины полка нѣтъ на лицо и поэтому нужно сдаться большевикамъ. На возраженіе офицеровъ, что большевики въ такомъ случаѣ разстрѣляютъ генерала Корнилова, всадники отвѣтили, что они этого не допустятъ, и въ то-же время упорно твердили, что необходимо сдаваться. Офицеры попросили генерала Корнилова поговорить съ всадниками. Генералъ говорилъ имъ, что не хочетъ вѣрить, что Текинцы предадутъ его большевикамъ. Послѣ его словъ стихшая было толпа всадниковъ вновь зашумѣла и изъ заднихъ рядовъ раздались крики, что дальше идти нельзя и надо сдаваться. Тогда генералъ Корниловъ вторично подошелъ къ всадникамъ и сказалъ:

— Я даю вамъ пять минутъ на размышленіе; послѣ чего, если вы все таки рѣшите сдаваться, вы разстрѣляете сначала меня. Я предпочитаю быть разстрѣляннымъ вами, чѣмъ сдаться большевикамъ.

Толпа всадниковъ напряженно затихла; и въ тотъ-же моментъ ротмистръ Натансонъ, безъ папахи, вставъ на сѣдло, съ поднятой вверхъ рукой, закричалъ толпѣ:

— Текинцы! Неужели вы предадите своего генерала? Не будетъ этого, не будетъ!.. 2-й эскадронъ садись!»

Вывели впередъ штандартъ, за нимъ пошли всѣ офицеры, началъ садиться на коней 2-й эскадронъ, за нимъ потянулись остальные. Это не былъ уже строевой полкъ — всадники шли вперемѣшку, толпой, продолжая ворчать, но все же шли покорно за своими начальниками. Кружили всю ночь и подъ утро благополучно пересѣкли желѣзную дорогу восточнѣе Унечи.

Въ этотъ день Корниловъ рѣшилъ разстаться съ полкомъ, считая, что безъ него полку будетъ легче продвигаться на югъ. Полкъ съ командиромъ полка и семью офицерами долженъ былъ двигаться въ м. Погаръ, вблизи Стародуба, и далѣе на Трубчевскъ, а Корниловъ — съ отрядомъ изъ всѣхъ остальныхъ офицеровъ (одиннадцать) и 32 всадниковъ на лучшихъ лошадяхъ пошелъ на югъ на переправу черезъ Десну, въ направленіи Новгорода-Сѣверска. Отрядъ этотъ натыкался на засады, былъ окруженъ, нѣсколько разъ былъ обстрѣлянъ, и, наконецъ, 30-го отошелъ въ Погаръ. Здоровье генерала Корнилова, который чувствовалъ себя очень плохо еще въ день выступленія, окончательно пошатнулось. Послѣдній переходъ онъ уже едва шелъ, все время поддерживаемый подъ руки кѣмъ либо изъ офицеровъ; страш-

ный холодъ не давалъ возможности сидѣть на лошади. Считая безцѣльнымъ подвергать въ дальнѣйшемъ риску преданныхъ ему офицеровъ, Корниловъ наотрѣзъ отказался отъ ихъ сопровожденія и рѣшилъ продолжать путь одинъ.

Въ сопровожденіи офицера и двухъ всадниковъ онъ, переодѣтый въ штатское платье, отправился на станцію Холмечи и, простившись съ ними, сѣлъ въ поѣздъ, отправлявшійся на югъ. Командиръ полка послалъ телеграмму Крыленко приблизительно такого содержанія: выполняя приказаніе покойнаго Верховнаго главнокомандующаго, генерала Духонина, Текинскій полкъ сопровождалъ на Донъ генерала Корнилова; но 26-го полкъ былъ обстрѣлянъ, подъ генераломъ Корниловымъ убита лошадь, и самъ онъ пропалъ безъ вѣсти. За прекращеніемъ задачи, полкъ ожидаетъ распоряженій.

Но распоряженій не послѣдовало. Пробывъ въ Погарахъ почти двѣ недѣли, отдохнувъ и устроившись, полкъ въ составѣ 14 офицеровъ и не болѣе, чѣмъ 125 всадниковъ двинулся на югъ, никѣмъ уже не тревожимый; принималъ участіе гдѣ-то возлѣ Новгородъ-Сѣверска въ бою между большевиками и украинцами на сторонѣ послѣднихъ, потомъ послѣ долгихъ мытарствъ попалъ въ Кіевъ. И въ январѣ, ввиду отказа украинскаго правительства отправить Текинскій полкъ на Донъ и послѣдовавшаго затѣмъ занятія большевиками Кіева, полкъ былъ распущенъ. Десятокъ офицеровъ и взводъ всадниковъ съ января сражались въ рядахъ Добровольческой арміи.

Въ ночь на 3 декабря въ арестантскомъ вагонѣ подъ сильнымъ украинскимъ карауломъ везли въ Кіевъ двухъ отставшихъ и пойманныхъ текинскихъ офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, ротмистръ А. на станціи Конотопъ въ сопровожденіи караульнаго офицера былъ отпущенъ въ буфетъ за провизіей. На перронѣ его окликнулъ хромой старикъ, въ старой заношенной одеждѣ и въ стоптанныхъ валенкахъ:

— Здорово товарищъ! А Гришинъ съ вами?

— Здравія... здравствуйте, да...

Старикъ кивнулъ головой и исчезъ въ толпѣ.

— Послушайте, да вѣдь это генералъ Корниловъ! — воскликнулъ караульный офицеръ.

Ледяной холодъ въ сердцѣ, неискренній смѣшокъ и сбивчивая рѣчь въ отвѣтъ:

— Что вы, ха—ха, какъ такъ Корниловъ, просто знакомый одинъ...

6 декабря «старикъ» — по паспорту Ларіонъ Ивановъ, бѣженецъ изъ Румыніи — прибылъ въ г. Новочеркасскъ, гдѣ его ждали съ тревожнымъ нетерпѣніемъ семья и соратники.

ГЛАВА XIV.

Пріѣздъ на Донъ генерала Алексѣева и зарожденіе „Алексѣевской организаціи". Тяга на Донъ. Генералъ Калединъ.

30 октября генералъ Алексѣевъ, не перестававшій еще надѣяться на перемѣну политической обстановки въ Петроградѣ, съ большимъ трудомъ согласился на уговоры окружавшихъ его лицъ — бросить безнадежное дѣло и, согласно намѣченному ранѣе плану, ѣхать на Донъ. Въ сопровожденіи своего адъютанта ротмистра Шапрона, онъ 2-го ноября прибылъ въ Новочеркасскъ и въ тотъ же день приступилъ къ организаціи вооруженной силы, которой суждено было судьбой играть столь значительную роль въ исторіи русской смуты

Алексѣевъ предполагалъ воспользоваться юго-восточнымъ раіономъ, въ частности Дономъ, какъ богатой и *обезпеченной собственными вооруженными силами* базой, для того чтобы собрать тамъ оставшіеся стойкими элементы — офицеровъ, юнкеровъ, ударниковъ, быть можетъ старыхъ солдатъ и организовать изъ нихъ армію, необходимую для водворенія порядка въ Россіи. Онъ зналъ, что казаки не желали итти впередъ для выполненія этой широкой государственной задачи. Но надѣялся, «что собственное свое достояніе и территорію казаки защищать будутъ».

Обстановка на Дону оказалась, однако, необыкновенно сложной. Атаманъ Калединъ, познакомившись съ планами Алексѣева и выслушавъ просьбу «дать пріютъ русскому офицерству», отвѣтилъ принципіальнымъ сочувствіемъ; но, считаясь съ тѣмъ настроеніемъ, которое существуетъ въ области, просилъ Алексѣева не задерживаться въ Новочеркасскѣ болѣе недѣли и перенести свою дѣятельность куда-нибудь за предѣлы области — въ Ставрополь или Камышинъ.

Не обезкураженный этимъ пріемомъ и полнымъ отсутствіемъ денежныхъ средствъ, Алексѣевъ горячо взялся за дѣло: въ Петроградъ, въ одно благотворительное общество послана была условная телеграмма объ отправкѣ въ Новочеркасскъ офицеровъ, на Барочной улицѣ помѣщеніе одного изъ лазаретовъ обращено въ офицерское общежитіе, ставшее колыбелью добровольчества, и вскорѣ получено было первое доброхотное пожертвованіе на «Алексѣевскую организацію» — 400 руб. — это все, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ удѣлило русское общество своимъ защитникамъ. Нѣсколько помогло благотворительное общество. Нѣкоторыя финансовыя учрежденія оправдывали свой отказъ въ помощи циркулярнымъ письмомъ генерала Корнилова, требовавшимъ направленія средствъ исключительно по адресу Завойко. Было трогательно видѣть и многимъ, быть можетъ, казалось нѣсколько смѣшнымъ, какъ бывшій Верховный главнокомандующій, правившій милліонными арміями и распоряжавшійся милліард-

нымъ военнымъ бюджетомъ, теперь бѣгалъ, хлопоталъ и волновался, чтобы достать десятокъ кроватей, нѣсколько пудовъ сахару и хоть какую-нибудь ничтожную сумму денегъ, чтобы пріютить, обогрѣть и накормить бездомныхъ, гонимыхъ людей.

А они стекались — офицеры, юнкера, кадеты и очень немного старыхъ солдатъ — сначала одиночно, потомъ цѣлыми группами. Уходили изъ совѣтскихъ тюремъ, изъ развалившихся войсковыхъ частей, отъ большевистской «свободы» и самостійной нетерпимости. Однимъ удавалось прорываться легко и благополучно черезъ большевистскіе заградительные кордоны, другіе попадали въ тюрьмы, за ложниками въ красно-армейскія части, иногда... въ могилу. Шли всѣ они просто на Донъ, не имѣя никакого представленія о томъ, что ихъ ожидаетъ, — ощупью, во тьмѣ черезъ сплошное большевистское море — туда, гдѣ яркимъ маякомъ служили вѣковыя традиціи казачьей вольницы и имена вождей, которыхъ народная молва упорно связывала съ Дономъ. Приходили измученные, оборванные, голодные, но не павшіе духомъ. Прибылъ небольшой кадръ Георгіевскаго полка изъ Кіева, а въ концѣ декабря и Славянскій ударный полкъ, возстановившій здѣсь свое прежнее имя «Корниловскій».

* * *

Одиссея Корниловскаго полка чрезвычайно интересна, какъ показатель тѣхъ внутреннихъ противорѣчій, которыя ставила революція передъ сохранившими вѣрность долгу частями арміи.

Корниловъ, прощаясь съ полкомъ 1 сентября, писалъ въ приказѣ: «всѣ ваши мысли, чувства и силы отдайте Родинѣ, многострадальной Россіи. Живите, дышите только мечтою объ ея величіи, счастьи и славѣ. Богъ въ помощь вамъ». И полкъ пошелъ продолжать свою службу на Юго-Западный фронтъ въ самую гущу озвѣрѣлой и ненавидѣвшей его солдатской массы, становясь на защиту велѣній ненавидимаго имъ правительства. Слабые духомъ отпадали, сильные держались. Въ сентябрьскую и октябрьскую полосу бунтовъ и мятежей правительственные комиссары широко использовали полкъ для усмиреній, такъ какъ «революціонныя войска» — ихъ войска потеряли образъ и подобіе не только воинское, но и человѣческое. Полкъ былъ законопослушенъ и тѣмъ все болѣе навлекалъ на себя злобу и обвиненіе въ «контръ-революціонности». Въ послѣднихъ числахъ октября, когда въ Кіевѣ вспыхнуло большевистское возстаніе, правительственный комиссаръ докторъ Григорьевъ*) отъ имени Временнаго правительства проситъ полкъ поддержать власть и ведетъ его въ Кіевъ, поставивъ его тамъ нелѣпыми и безграмотными въ военномъ отношеніи распоряженіями въ тяжелое положеніе. На улицахъ города идетъ кровавый бой, въ которомъ политическая дьявольская мельница отсѣяла три теченія: 1. корниловцы и нѣсколько кіевскихъ военныхъ училищъ (Константиновское, Николаевское, Сергіевское),

*) Помощникъ Іорданскаго.

— на сторонѣ не существующаго уже Временнаго правительства; 2. украинцы совмѣстно съ большевиками, руководимые двумя характерными фигурами — генеральнымъ секретаремъ Петлюрой и большевистскимъ комиссаромъ Пятаковымъ; 3. чехи и донскіе казаки, сохраняющіе «нейтралитетъ» и не желающіе «итти противъ народа».

Опять гибнетъ стойкая молодежь, разстрѣливаемая и въ бою, и просто на улицахъ, и въ домахъ — *украинцами и большевиками.*

Въ разгарѣ боя комиссаръ заявляетъ, что «выступленіе правительственныхъ войскъ въ Кіевѣ противъ большевиковъ натолкнулось на національное украинское движеніе, на что онъ не шелъ, а потому онъ приступаетъ къ переговорамъ о выводѣ правительственныхъ войскъ».*)

Власть въ городѣ переходитъ къ Центральной радѣ въ блокѣ съ большевиками. Военныя училища отправляются на Донъ и Кубань, а Корниловскій полкъ получаетъ приглашеніе Петлюры остаться... для охраны города! Какія чувства недоумѣнія, подавленности и отчаянія должны были испытывать эти люди среди того сплошного бедлама, въ который обратилась русская жизнь!

Съ большимъ трудомъ выведя полкъ изъ Кіева, Нѣженцевъ послалъ отчаянную телеграмму въ Ставку, прося спасти полкъ отъ истребленія и отпустить его на Донъ, на что получено было согласіе донского правительства. Ставка, боясь навлечь на себя подозрѣніе, категорически отказала. Только 18 ноября, наканунѣ ликвидаціи Ставки получено было распоряженіе Верховнаго, выраженное условнымъ языкомъ телеграммы: передвинуть полкъ на Кавказъ «для усиленія Кавказскаго фронта и для новыхъ формированій»... Но было уже поздно: всѣ пути заняты большевиками, «Викжель» имъ содѣйствуетъ; оставалась только одна возможность присоединенія по частямъ къ казачьимъ эшелонамъ, которые, какъ «нейтральные», пропускались на востокъ безпрепятственно. Начинается лихорадочная погрузка полкового имущества. Составили поѣздъ, груженный оружіемъ, пулеметами, обозомъ — ни одинъ казачій эшелонъ не беретъ его съ собою. Тогда полкъ рѣшается на послѣднее средство: эшелонъ съ имуществомъ подъ небольшой охраной съ фальшивымъ удостовѣреніемъ о принадлежности его къ одной изъ кавказскихъ частей отправляется самостоятельно, полкъ распускается, а по начальству доносятъ, что весь наличный составъ разбѣжался...

И вотъ, послѣ долгихъ мытарствъ къ 19 декабря прибываетъ въ Новочеркасскъ эшелонъ Корниловскаго полка, а къ 1 января 1918 г. кружными путями въ одиночку и группами собираются 50 офицеровъ и до 500 солдатъ.

Передо мною списокъ этихъ офицеровъ: большая половина ихъ, въ томъ числѣ и доблестный командиръ полка, сложили свои головы на тернистомъ пути отъ Курска до Новороссійска и Крыма... Прочіе — одни живы, другихъ судьбы не знаю.

---

*) Изъ рапорта командира полка, капитана Нѣженцева.

Я остановился на этихъ страницахъ полковой исторіи, чтобы показать, въ какихъ мукахъ рождалась на свѣтъ Добровольческая армія и въ какой суровой жизненной школѣ закалялось упорство и твердость первыхъ бойцовъ ея. Была и человѣческая накипь, быть можетъ очень много, но ей не заслонить свѣтлую идею и подвигъ добровольчества.

* *
*

Пока не опредѣлялись еще конкретно ни цѣли движенія, ни лозунги; шелъ только сборъ силъ вокругъ генерала Алексѣева, и имя его служило единственнымъ показателемъ ихъ политическаго направленія. Но въ широкихъ кругахъ Донской области съѣздъ «контръ-революціоннаго офицерства» и многихъ людей съ одіозными для массъ именами, вызвалъ явное опасеніе и недовольство. Его разжигала и агитація и свободная большевистская печать. Рабочіе, въ особенности въ Ростовѣ и Таганрогѣ, волновались. Степенное казачество видѣло большія военныя приготовленія совѣтской власти и считало, что ея волненіе и гнѣвъ навлекаютъ только непрошенные пришельцы. Этому близорукому взгляду не чуждо было и само донское правительство, думавшее соглашательствомъ съ мѣстными революціонными учрежденіями и лояльностью въ отношеніи совѣтской власти примирить ее съ Дономъ и спасти область отъ большевистскаго нашествія. Казачья молодежь, развращенная на фронтѣ, больше всего боялась опостылѣвшей всѣмъ войны и враждебно смотрѣла на тѣхъ, кто можетъ вовлечь ее въ «новую войню». Сочувствующая намъ интеллигенція была, какъ вездѣ, безгласна и безсильна.

— Съ Дона выдачи нѣтъ!

Эта старинная формула исторической казачьей традиціи, значительно, впрочемъ, поблекшая въ дни революціи, дѣйствовала все-же на самолюбіе казаковъ и служила единственнымъ оправданіемъ Каледину въ его «попустительствѣ» по отношенію къ нежелательнымъ пришельцамъ. Но по мѣрѣ того, какъ росъ притокъ добровольцевъ, усиливалось давленіе на атамана извнѣ и увеличивалось его безпокойство. Онъ не могъ отказать въ пріютѣ бездомнымъ офицерамъ и не хотѣлъ раздражать казачество. Калединъ просилъ Алексѣева не разъ ускорить переѣздъ организаціи, а пока не дѣлать никакихъ офиціальныхъ выступленій и вести дѣло въ возможной тайнѣ.

Такое положеніе до крайности осложняло развитіе организаціи. Безъ огласки, безъ средствъ, не получая никакого содѣйствія отъ донского правительства — небольшую помощь, впрочемъ, оказывали Калединъ и его жена тайкомъ, въ порядкѣ благотворительности «бѣженцамъ» — Алексѣевъ выбивался изъ силъ, взывалъ къ глухимъ, будилъ спящихъ, писалъ, требовалъ, отдавая всю свою энергію и силы своему «послѣднему дѣлу на землѣ», какъ любилъ говорить старый вождь.

Жизнь однако ломала предразсудки: уже 20 ноября атаманъ Калединъ, желая разоружить стоявшіе въ Новочеркасскѣ два большевистскихъ запасныхъ полка, кромѣ юнкеровъ и конвойной сотни, не на-

шелъ послушныхъ себѣ донскихъ частей и вынужденъ былъ обратиться за помощью въ Алексѣевскую организацію. Первый разъ городъ увидѣлъ мѣрно и въ порядкѣ идущій офицерскій отрядъ.

* * *

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ около 22 ноября, я не засталъ ген. Алексѣева, уѣхавшаго въ Екатеринодаръ на засѣданіе правительства Юго-восточнаго союза. Направился къ Каледину, съ которымъ меня связывали давнишнее знакомство и совмѣстная боевая служба. Въ атаманскомъ дворцѣ пустынно и тихо. Калединъ сидѣлъ въ своемъ огромномъ кабинетѣ одинъ, какъ будто придавленный неизбѣжнымъ горемъ, осунувшійся, съ безконечно усталыми глазами. Не узналъ. Обрадовался. Очертилъ мнѣ кратко обстановку.

Власти нѣтъ, силы нѣтъ, казачество заболѣло, какъ и вся Россія. Крыленко направляетъ на Донъ карательныя экспедиціи съ фронта. Черноморскій флотъ прислалъ ультимативное требованіе «признать власть за совѣтами рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ». Въ Макѣевскомъ раіонѣ объявлена «Донецкая соціалистическая республика». Вчера къ Тагангору подошелъ миноносецъ, нѣсколько траллеровъ съ большимъ отрядомъ матросовъ; траллеры прошли гирла Дона и вошли въ ростовскій портъ. Военно-революціонный комитетъ Ростова выпустилъ воззваніе, призывая начать открытую борьбу противъ «контръ-революціоннаго казачества». А Донцы бороться не хотятъ. Сотни, посланныя въ Ростовъ, отказались войти въ городъ. Атаманъ былъ подъ свѣжимъ еще гнетущимъ впечатлѣніемъ разговора съ какимъ-то полкомъ или батареей, стоявшими въ Новочеркасскѣ. Казаки хмуро слушали своего атамана, призывавшаго ихъ къ защитѣ казачьей земли. Какой-то наглый казакъ перебилъ:

— Да что тамъ слушать, знаемъ, надоѣли!

И казаки просто разошлись.

Два раза я еще былъ у атамана съ Романовскимъ — никакого просвѣта, никакихъ перспективъ. Нѣсколько разъ при мнѣ Каледина вызывали къ телефону, онъ выслушивалъ докладъ, отдавалъ распоряженіе спокойнымъ и теперь какимъ-то безстрастнымъ голосомъ и, положивъ трубку, повернулъ ко мнѣ свое угрюмое лицо со страдальческой улыбкой.

— Отдаю распоряженія и знаю, что почти ничего исполнено не будетъ. Весь вопросъ въ казачьей психологіи. Опомнятся — хорошо, нѣтъ — казачья пѣсня спѣта.

Я просилъ его высказаться совершенно откровенно о возможности нашего пребыванія на Дону, не создастъ ли это для него новыхъ политическихъ осложненій съ войсковымъ правительствомъ и революціонными учрежденіями.

— На Дону пріютъ вамъ обезпеченъ. Но, по правдѣ сказать, лучше было бы вамъ, пока не разъяснится обстановка, переждать гдѣ-нибудь на Кавказѣ или въ кубанскихъ станицахъ...

Генералъ Калединъ (†).
(Послѣдній снимокъ).

Стр. 160.

— И Корнилову?

— Да, тѣмъ болѣе.

Я уважалъ Каледина и нисколько не обидѣлся за этотъ совѣтъ: атаману виднѣе, очевидно такъ нужно. Но, знакомясь ближе съ жизнью Дона, я приходилъ къ выводу, что все направленіе политики и даже внѣшніе этапы жизни донского правительства и представительныхъ органовъ сильно напоминали общій характеръ дѣятельности и судьбы общерусской власти... Это было тѣмъ болѣе странно, что во главѣ Дона стоялъ человѣкъ несомнѣнно государственный, казалось сильный и, во всякомъ случаѣ, мужественный.

Каледина я зналъ еще до войны по службѣ въ Кіевскомъ военномъ округѣ. Тогда военная жизнь была проще и требованія ея элементарнѣе. Знающій, честный, угрюмый, настойчивый, быть можетъ упрямый. Этимъ и ограничивались мои впечатлѣнія. Въ первый мѣсяцъ войны 12-я дивизія, которою онъ командовалъ, шла передъ фронтомъ 8 арміи Брусилова, въ качествѣ армейской конницы. Брусиловъ былъ недоволенъ дѣйствіями конницы и высказывалъ неодобреніе Каледину. Но скоро отношеніе перемѣнилось. Успѣхъ за успѣхомъ далъ имя и дивизіи, и ея начальнику. Въ побѣдныхъ реляціяхъ Юго-западнаго фронта все чаще и чаще упоминались имена двухъ кавалерійскихъ начальниковъ — только двухъ — конница въ эту войну перестала быть «царицей поля сраженія» — графа Келлера и Каледина, одинаково храбрыхъ, но совершенно противоположныхъ по характеру: одинъ пылкій, увлекающійся, иногда безразсудно, другой спокойный и упорный. Оба не посылали, а водили въ бой свои войска. Но одинъ дѣлалъ это — вовсе не рисуясь — это выходило само собой — эффектно и красиво, какъ на батальныхъ картинахъ старой школы, другой просто, скромно и расчетливо. Войска обоимъ вѣрили и за обоими шли. Неумолимая судьба привела ихъ къ одинакому концу: оба, слѣдуя совершенно разными путями, въ послѣднемъ жизненномъ бою погибли на проволочныхъ загражденіяхъ, сплетенныхъ дикими парадоксами революціи.

Наши встрѣчи съ Калединымъ носили эпизодическій характеръ, связаны съ воспоминаніями о тяжкихъ бояхъ и могутъ дать нѣсколько характерныхъ черточекъ къ его біографіи. Помню встрѣчу подъ Самборомъ, въ предгорьяхъ Карпатъ въ началѣ октября 1914 года. Моя 4 стр. бригада вела тяжелый бой съ австрійцами, которые обтекали нашъ фронтъ и прорывались уже долиной Кобло въ обходъ Самбора. Неожиданно встрѣчаю на походѣ Каледина съ 12 кавал. дивизіей, получившей отъ штаба арміи приказаніе спѣшно итти на востокъ, къ Дорогобычу. Калединъ, узнавъ о положеніи, не задумываясь ни минуты предъ неисполненіемъ приказа крутого Брусилова, остановилъ дивизію до другого дня и бросилъ въ бой часть своихъ силъ. По той быстротѣ, съ которой двинулись эскадроны и батареи, видно было, какъ твердо держалъ ихъ въ рукахъ начальникъ.

Въ концѣ января 15 года судьба позволила мнѣ отплатить Самборскій долгъ. Отрядъ Каледина дрался въ горахъ на Ужгородскомъ

направленіи, и мнѣ приказано было усилить его, войдя въ подчиненіе Каледину.

Въ хатѣ, гдѣ расположился штабъ, кромѣ начальника отряда, собрались командиръ пѣхотной бригады генералъ Поповичъ-Липовацъ и я со своимъ начальникомъ штаба Марковымъ. Калединъ долго, пространно объяснялъ намъ маневръ, вмѣшиваясь въ нашу компетенцію, давая указанія не только бригадамъ, но даже батальонамъ и батареямъ.

Когда мы уходили, Марковъ сильно нервничалъ:

— Что это онъ за дураковъ насъ считаетъ!?

Я успокоилъ его, высказавъ предположеніе, что разговоръ относился преимущественно къ Липовацу — храброму черногорцу, но мало грамотному генералу. Но началось сраженіе, а изъ штаба отряда шли детальныя распоряженія, сбивавшія мои планы и вносившія нервность въ работу и раздраженіе среди исполнителей. Помню такой эпизодъ: на третій день боя наблюдаю, что какая-то наша батарея стрѣляетъ ошибочно по своимъ; стрѣлки негодуютъ и жалуются по всѣмъ телефонамъ; набрасываюсь на батарейныхъ командировъ; получаю отвѣтъ, что цѣли видны прекрасно, и ни одна изъ батарей не стрѣляетъ въ этомъ направленіи. Приказалъ на нѣсколько минутъ прекратить огонь всей артиллеріи; продолжаются довольно удачные разрывы... надъ нашими цѣпями. Бросились искать таинственную артиллерію и нашли, наконецъ: въ трехъ-стахъ шагахъ за моимъ наблюдательнымъ пунктомъ, въ лощинѣ стоитъ донская батарея, которую Калединъ послалъ ко мнѣ на подмогу, указавъ ей самъ путь, мѣсто и даже задачу и цѣли.

Началась непріятная нервная переписка. Дня черезъ два пріѣзжаетъ изъ штаба отряда офицеръ генеральнаго штаба «ознакомиться съ обстановкой».

— Это официально, говоритъ онъ мнѣ. А неофиціально хотѣлъ доложить по одному деликатному вопросу. Вы не сердитесь. Генералъ всегда такъ вначалѣ недовѣрчиво относится къ частямъ, пока не познакомится. Теперь онъ очень доволенъ дѣйствіями стрѣлковъ, поставилъ вамъ задачу и больше вмѣшиваться не будетъ.

— Ну спасибо, кланяйтесь генералу и доложите, чтобъ былъ спокоенъ, австрійцевъ разобьемъ.

Сильный морозъ; снѣгъ по грудь; бой чрезвычайно тяжелый; уже идетъ въ дѣло послѣдній резервъ Каледина — спѣшенная его кавалерійская бригада. Я никогда не забуду этого жуткаго поля смерти, гдѣ весь путь, пройденный стрѣлками, обозначался торчащими изъ снѣга неподвижными фигурами съ зажатыми въ рукахъ ружьями. Они застыли въ тѣхъ позахъ, въ какихъ застигла ихъ вражеская пуля во время перебѣжки. А между ними, утопая въ снѣгу, смѣшиваясь съ мертвыми, прикрываясь ихъ тѣлами, пробирались живые на встрѣчу смерти. Бригада растаяла.

Калединъ не любилъ и не умѣлъ говорить красивыхъ, возбуждающихъ словъ. Но когда онъ раза два пріѣхалъ къ моимъ полкамъ

посидѣлъ на утесѣ, обстрѣливаемомъ жестокимъ огнемъ, спокойно распрашивая стрѣлковъ о ходѣ боя и интересуясь ихъ дѣйствіями, этого было достаточно, чтобы возбудить ихъ довѣріе и уваженіе.

Послѣ тяжкихъ боевъ взята была стрѣлками деревня Лутовиско, — центръ позиціи, потребовавшій смерти многихъ храбрыхъ, и отрядъ, разбивъ австрійцевъ, отбросилъ ихъ за Санъ.

Май 1916 года застаетъ Каледина въ роли командующаго 8 арміей. Онъ смѣнилъ Брусилова, назначеннаго главнокомандующимъ арміями Юго-западнаго фронта. Назрѣвала большая операція, первоначальныя приготовленія къ которой сдѣланы были Брусиловымъ. И какъ это ни странно, но Брусиловъ, обязанный всей своей славой 8 арміи, почти два года пробывшій во главѣ ея, испытывалъ какую-то быть можетъ безотчетную ревность къ своему замѣстителю, которая проглядывала во всѣхъ ихъ взаимоотношеніяхъ и въ дни побѣдъ и еще болѣе въ дни неудачъ. Помню, какъ главнокомандующій прислалъ

своего начальника штаба, генерала Клембовскаго провѣрить подготовку ударнаго фронта 8 арміи, выразилъ въ приказѣ неудовольствіе и потомъ приписалъ участію Клембовскаго весьма преувеличенное значеніе въ успѣхѣ операціи, наградивъ его георгіевскимъ оружіемъ. Позиціи моей дивизіи посѣтили и Клембовскій, и Калединъ. Первый

былъ необыкновенно учтивъ и высказывалъ удовольствіе отъ всего видѣннаго, а потомъ вдругъ въ приказѣ Брусилова появилось нѣсколько непріятныхъ замѣчаній. Это казалось несправедливымъ, направленнымъ черезъ наши головы въ штабъ арміи, а главное ненужнымъ: своего опыта было достаточно, и всѣ съ огромнымъ подъемомъ готовились къ штурму. Второй — пріѣхалъ какъ всегда угрюмый, тщательно осмотрѣлъ боевую линію, не похвалилъ и не побранилъ, а уѣзжая сказалъ:

— Вѣрю, что стрѣлки прорвутъ позицію.

Въ его устахъ эта простая фраза имѣла большой вѣсъ и значеніе для дивизіи.

Въ концѣ мая началось большое наступленіе всего фронта, увѣнчавшееся огромной побѣдой, доставившее новую славу и главнокомандующему и генералу Каледину. Его армія разбила на голову 4 австрійскую армію Линзингена и въ 9 дней съ кровавыми боями проникла на 70 верстъ впередъ, въ направленіи Владиміръ-Волынска. На фонѣ общей героической борьбы не прошла безслѣдно и боевая работа 4 стрѣлковой дивизіи, которая на третій день послѣ прорыва австрійскихъ позицій у Олыки, ворвалась уже въ городъ Луцкъ.

Въ іюнѣ и въ іюлѣ шли еще горячіе бои въ 8 арміи, но къ осени, послѣ прибытія большихъ нѣмецкихъ подкрѣпленій, установилось какое-то равновѣсіе: армія атаковала въ общемъ направленіи отъ Луцка на Львовъ — у Затурцы, Шельвова, Корытницы, вводила въ бой большое число орудій и крупныя силы, несла неизмѣнно очень тяжелыя потери и не могла побороть сопротивленія врага. Было очевидно, что здѣсь играютъ роль не столько недочеты управленія и моральнаго состоянія войскъ, сколько то обстоятельство, что наступилъ предѣлъ человѣческой возможности: фронтъ, пересыщенный смертоносной техникой и огромнымъ количествомъ живой силы, сталъ окончательно непреодолимымъ и для насъ, и для нѣмцевъ; нужно было бросить его и приступить, не теряя времени, къ новой операціи, начавъ переброску силъ на другое направленіе. Въ началѣ сентября я командовалъ уже 8 корпусомъ и совмѣстно съ гвардіей и 5 сибирскимъ корпусомъ повторилъ отчаянныя кровопролитныя и безплодныя атаки въ раіонѣ Корытницы. Въ началѣ еще какъ-то вѣрилось въ возможность успѣха. Но скоро не только среди офицеровъ, но и въ солдатской массѣ зародилось сомнѣніе въ цѣлесообразности нашихъ жертвъ. Появились уже признаки нѣкотораго разложенія: передъ атакой всѣ ходы сообщенія бывали забиты солдатами перемѣшанныхъ частей и нужны были огромныя усилія, чтобы продвинуть батальоны навстрѣчу сплошному потоку чугуна и свинца, съ непрекращавшимся ни на минуту дикимъ ревомъ бороздившихъ землю, подвинуть на проволочныя загражденія, на которыхъ висѣли и тлѣли неубранные еще отъ предыдущихъ дней трупы.

Но Брусиловъ былъ неумолимъ, и Калединъ приказывалъ повторять атаки. Онъ пріѣзжалъ въ корпусъ на наблюдательный пунктъ, оставался по цѣлымъ часамъ и уѣзжалъ, ни съ кѣмъ изъ насъ не по-

видавшись, мрачнѣе тучи. Брусиловъ не могъ допустить, что 8 армія — *его* армія топчется на мѣстѣ, терпитъ неудачи, въ то время, какъ другія арміи, Щербачева и Лечицкаго, продолжаютъ побѣдное движеніе. Я увѣренъ, что именно этотъ психологическій мотивъ заслонялъ собою всѣ стратегическія соображенія. Брусиловъ считалъ, что причина неудачи кроется въ недостаточной настойчивости его преемника и нѣсколько разъ письменно и по аппарату посылалъ ему рѣзкіе, обидные и несправедливые упреки. Калединъ нервничалъ, страдалъ нравственно и говорилъ мнѣ, что радъ бы сейчасъ сдать армію и уйти въ отставку, какъ бы это ни было тяжело для него, но самъ уйти не можетъ — не позволяетъ долгъ.

Послѣ одного неудачнаго штурма и очередного непріятнаго разговора съ главнокомандующимъ, Калединъ пригласилъ насъ — пять корпусныхъ командировъ къ себѣ; не предлагая сѣсть, чрезвычайно рѣзко и сурово осудилъ дѣйствія войскъ и потребовалъ прорыва непріятельскихъ позицій во что бы то ни стало. Черезъ нѣсколько дней — новый штурмъ, новые ручьи крови и... полный неуспѣхъ.

Когда на другой день я получилъ приказъ изъ арміи «продолжать выполненіе задачи», въ душу невольно закралось жуткое чувство безнадежности. Но черезъ нѣсколько часовъ Калединъ прислалъ въ дополненіе къ официальному приказу частное «разъясненіе», сводившее все общее наступленіе къ затяжнымъ мѣстнымъ боямъ, имѣвшимъ характеръ исправленія фронта. Въ первый разъ вѣроятно суровый и честный солдатъ обошелъ кривымъ путемъ подводный камень воинской дисциплины.

Боевая дѣятельность на фронтѣ армій съ этого дня постепенно начала замирать.

Когда вспыхнула революція и въ армію хлынули потокомъ роковыя идеи «демократизаціи», Калединъ органически не въ состояніи былъ не только принять «демократизацію», но даже подойти къ ней. Онъ рѣзко отвернулся отъ революціонныхъ учрежденій и еще глубже ушелъ въ себя. Комитеты выразили протестъ, а Брусиловъ въ серединѣ апрѣля сказалъ генералу Алексѣеву:

— Калединъ потерялъ сердце и не понимаетъ духа времени. Его необходимо убрать. Во всякомъ случаѣ на моемъ фронтѣ ему оставаться нельзя.

Вновь назначенный главнокомандующій Румынскаго фронта генералъ Щербачевъ согласился было предоставить Каледину 6 армію вмѣсто Цурикова, окончательно запутавшагося въ демагогіи. Но по требованію комитетовъ Цуриковъ былъ оставленъ. Тогда я, будучи весною начальникомъ штаба Верховнаго, предложилъ Каледину 5 армію на Сѣверномъ фронтѣ и вошелъ въ соотвѣтственныя сношенія по этому поводу. Но генералъ Драгомировъ отстаивалъ своего кандидата — Юрія Данилова, Верховный не поддержалъ меня, и для генерала Каледина, давшаго арміи столько славныхъ побѣдъ, не нашлось больше мѣста на фронтѣ: онъ ушелъ на покой въ Военный совѣтъ.

Когда изъ Петрограда Калединъ ѣхалъ на Донъ и его спросили — согласится ли онъ принять постъ донского атамана, на который его выдвигаютъ донскіе дѣятели, онъ отвѣтилъ:

— Никогда! Донскимъ казакамъ я готовъ отдать жизнь; но то, что будетъ — это будетъ не народъ, а будутъ совѣты, комитеты, совѣтики, комитетики. Пользы быть не можетъ. Пусть идутъ другіе. Я — никогда*).

Но, избранный огромнымъ большинствомъ голосовъ, послѣ неоднократныхъ отказовъ, Калединъ сдался. И 18 іюня Донской кругъ постановилъ: «по праву древней обыкновенности избранія войсковыхъ атамановъ, нарушенному волею Петра I въ лѣто 1709 и нынѣ возстановленному, избрали мы тебя нашимъ войсковымъ атаманомъ»...

Калединъ принялъ власть, «какъ тяжелый крестъ». Онъ говорилъ:

— Я пришелъ на Донъ съ чистымъ именемъ воина, а уйду, быть можетъ, съ проклятіями...

Русскій патріотъ и Донской атаманъ!

Въ этомъ двойственномъ бытіи—трагедія жизни Каледина и разгадка его самоубійства. Этотъ всей революціонной демократіей и темной толпой подозрѣваемый, уличаемый и обвиняемый человѣкъ проявлялъ такую удивительную лояльность, такое уваженіе къ принципамъ демократіи и къ волѣ казачества, его избравшаго, какъ ни одинъ изъ вождей революціи. Въ этомъ было его моральное оправданіе и политическое безсиліе. Онъ мыслилъ и чувствовалъ, какъ русскій патріотъ; жилъ въ эти мѣсяцы, работалъ и умеръ, какъ донской атаманъ. Калединъ ставилъ себѣ государственныя задачи также ясно, какъ Алексѣевъ и Корниловъ и не менѣе страстно, чѣмъ они, желалъ освобожденія страны. Но въ то время, когда они, ничѣмъ не связанные, могли итти на Кубань, на Волгу, въ Сибирь — всюду, гдѣ можно было найти откликъ на ихъ призывъ, Калединъ — выборный атаманъ, отнесшійся къ своему избранію, какъ къ нѣкоему мистическому предопредѣленію, кровно связанный съ казачествомъ и любившій Донъ, могъ итти къ общерусскимъ національнымъ цѣлямъ только вмѣстѣ съ донскимъ войскомъ, только возбудивъ въ немъ порывъ, поднявъ чувство если не государственности, то по крайней мѣрѣ самосохраненія. Когда пропала вѣра въ свои силы и въ разумъ Дона, когда атаманъ почувствовалъ себя совершенно одинокимъ, онъ ушелъ изъ жизни.

Ждать исцѣленія Дона не было силъ.

---

*) Разсказъ полк. Гущина.

ГЛАВА XV.

Общій очеркъ военно-политическаго положенія въ началѣ 1918 г. Украйны, Дона, Кубани, Сѣвернаго Кавказа и Закавказья.

И такъ, распадъ центральной власти вызвалъ временную балканизацію русскаго государства по признакамъ національнымъ, территоріальнымъ, историческимъ, псевдо-историческимъ, подчасъ совершенно случайнымъ, обусловленнымъ мѣстнымъ соотношеніемъ силъ.

Наиболѣе серьезное значеніе въ этомъ пестромъ калейдоскопѣ новообразованій, болѣе или менѣе склонныхъ сопротивляться распространенію власти народныхъ комиссаровъ, пріобрѣли первое время Украйна и Юго-востокъ Россіи. Въ ихъ сторону поэтому съ наибольшей силой обрушился большевизмъ. Для объясненія общей обстановки, въ которой протекла первоначально борьба Добровольческой арміи, необходимо предпослать краткій очеркъ событій въ этихъ новообразованіяхъ.

* *
*

Центральная рада, прикрываясь успокоительными фразами о нерушимости государственной связи съ Россіей и непризнаніи лишь правительственнаго режима ея, продолжала вести шовинистическую политику въ отношеніи Россіи и русскихъ, дѣлая тѣмъ завѣдомо невозможнымъ сложеніе противобольшевистскихъ силъ. Тѣмъ болѣе, что территорія Украйны была насыщена русскими войсками Юго-Западнаго, отчасти Румынскаго фронтовъ, а въ центрѣ новообразованія, его столицѣ — Кіевѣ насчитывалось всего лишь 9% населенія, считающаго своимъ роднымъ языкомъ украинскій. Приступая къ организаціи обороны, Рада, вмѣстѣ съ тѣмъ, настойчиво добивалась соглашенія съ совѣтской властью и повела одновременно секретные переговоры о мирѣ съ центральными державами.

Военное положеніе Украйны представляло картину невѣроятнаго хаоса. Въ декабрѣ ген. Щербачевъ, «согласно постановленію украинской народной республики», принялъ на себя главное командованіе войсками Юго-Западнаго и Румынскаго фронтовъ, ставъ, такимъ образомъ, въ двойственное подчиненіе: къ Центральной радѣ и — на территоріи Румынскаго фронта — къ комитету національныхъ комиссаровъ, «согласующему свои дѣйствія съ директивами Украины». Военный комиссаріатъ послѣдней (Петлюра), владѣя базой снабженія обоихъ фронтовъ, сталъ поэтому фактически руководителемъ ихъ, поскольку этотъ терминъ умѣстенъ въ примѣненіи къ анархической солдатской массѣ.

Петлюра приступилъ къ демобилизаціи «русскихъ частей» и къ формированію «однородной украинской арміи», вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь притянуть тѣ украинизированныя войска, которыя оставались еще на другихъ фронтахъ. На всемъ пространствѣ Юго-западнаго края и Новороссіи шло разоруженіе и роспускъ не-украинскихъ частей. Передвигались эшелоны войскъ «украинскихъ», большевистскихъ, просто русскихъ, «ничьихъ», наконецъ дезертировъ. Всѣ они имѣли одинаковую моральную и боевую цѣнность, одинаково не желали вести серьезныхъ военныхъ дѣйствій, закупоривали станціи, осѣдали временно въ попутныхъ городахъ, иногда вступали въ бой другъ съ другомъ и чинили погромы. Никакой идеи, никакого національнаго движенія въ этомъ переселеніи по существу не было; вмѣсто отслаиванія шла все большая путаница и въ организаціи и въ солдатскихъ умахъ, все большее недоумѣніе и озлобленіе, выливавшіяся иногда въ жестокихъ формахъ теперь уже междуусобной розни. Петлюра, очевидно для внѣшняго престижа, создалъ легенду о 3 милліонахъ украинскаго войска; союзники, особенно французы, удивительно плохо разбиравшіеся въ русскихъ дѣлахъ, строили иллюзорные планы на созданіи новаго Южнаго фронта. Одинъ скрывалъ, другіе не понимали, что, помимо общихъ неблагопріятныхъ условій, на тощей почвѣ украинскаго неопатріотизма нельзя строить ни народнаго воодушевленія, ни народной арміи. Взаимоотношенія съ совѣтской властью оставались совершенно неопредѣленными, и въ половинѣ декабря украинскій секретаріатъ предъявилъ Петрограду «ультимативный» запросъ:

«Воюемъ мы, или нѣтъ?»

Дѣйствительно, въ этомъ хаосѣ трудно было опредѣлить сущность взаимоотношеній двухъ столкнувшихся «высокихъ сторонъ», у которыхъ къ тому-же ни у одной не было настоящей арміи... Тѣмъ не менѣе постепенно стало выясняться, что большевистскія банды красной гвардіи медленно, но безостановочно распространяются по Украйнѣ и цѣлый рядъ пунктовъ на сѣверѣ ея признаютъ большевистскую власть. Чтобы держать прочно въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ Кіевъ, Петлюра вновь пытался прибѣгнуть къ тому универсальному средству, которое практиковалось во всѣ времена и на всѣхъ политическихъ фронтахъ: при посредствѣ Маркотуна онъ обратился за содѣйствіемъ къ В. Шульгину для привлеченія *русскихъ офицеровъ* въ украинскія части. Петлюра, якобы, былъ готовъ тогда порвать съ большевизмомъ Винниченки и съ австрофильствомъ Грушевскаго, утверждая, что «имѣетъ только двухъ враговъ — нѣмцевъ и большевиковъ и только одного друга — Россію».*)

Но соглашеніе не состоялось, да было и поздно.

12 января Малая рада опубликовала 4-й универсалъ, въ силу котораго «украинская народная республика» становилась «самостоятельной, суверенной державой украинскаго народа», причемъ укра-

*) Изъ открытаго письма В. Шульгина къ Г. Петлюрѣ.

инскому учредительному собранію предстояло рѣшить «про федеративную связь съ народными республиками бывшей Россійской имперіи»...

Суверенитетъ, однако, продолжался только двѣ недѣли. Уже 16-го въ самомъ Кіевѣ вспыхнуло возстаніе. Возставшіе большевики — русскіе, украинскіе и инородные — овладѣли арсеналомъ; началась всеобщая забастовка, поддержанная 35-ю профессіональными союзами; къ возставшимъ присоединились и украинскія части. И когда 26-го января къ Кіеву подошла незначительная совѣтская банда Муравьева, городъ немедленно перешелъ въ ея руки. Рада, правительство и Петлюра бѣжали.

Во всѣхъ этихъ событіяхъ, въ точности повторяющихъ повѣсть паденія другихъ русскихъ городовъ и областей, поражаетъ полное отсутствіе *національнаго момента* въ идеѣ борьбы или, по крайней мѣрѣ, совершенно ничтожное его значіе. Совѣтское правительство объявило, что оно ведетъ борьбу не противъ Украинской республики, а противъ центральной рады, ввиду ея «явно контръреволюціонной политики».*) Этому лозунгу — лживому, но, по крайней мѣрѣ, опредѣленному и популярному въ массахъ, Украйна могла противополагать лишь полный разбродъ народныхъ устремленій, слагавшихся изъ крайне разнообразныхъ факторовъ. Въ области соціальной — острое недовольство рабочихъ Кіева, Одессы, Харькова и другихъ фабричныхъ центровъ и индиферентное отношеніе крестьянства, занятаго чернымъ передѣломъ, согласно 3-му универсалу; въ отношеніи политическомъ — вліяніе, которое издавна оказывали на раду центральныя державы, стремленіе къ власти политиканствовавшихъ украинскихъ круговъ, колебанія или безучастіе русскихъ людей, поставленныхъ между большевизмомъ и самостійностью; наконецъ, просто — чувство самосохраненія, объединявшее болѣе благоразумную часть населенія и желаніе спасти край отъ моральныхъ и физическихъ послѣдствій нашествія большевиковъ. Но кличъ — «Хай живе вільна Украйна» совершенно не будилъ ни разума, ни чувства въ сколько-нибудь широкихъ кругахъ населенія, отзываясь неестественной бутафоріей. Ничего «народнаго», «общественнаго», «національнаго» не было въ столкновеніи совѣтскихъ и украинскихъ бандъ — безъидейныхъ, малочисленныхъ и неорганизованныхъ. И вовсе не онѣ рѣшили исходъ событій: было ясно, что большевизмъ совѣтовъ побѣждалъ психологически полубольшевизмъ Рады, петроградскій централизмъ бралъ верхъ надъ кіевскимъ сепаратизмомъ.

Какъ бы то ни было, 4-ый универсалъ далъ нѣмцамъ офиціальный предлогъ «признать» Украинскую республику, заключить съ ней миръ (27 января) и впослѣдствіи приступить къ фактической оккупаціи всего хлѣбороднаго юга Россіи.

Обстановка, сложившаяся на Украйнѣ къ январю 1918 года, оказала чрезвычайно неблагопріятное вліяніе на положеніе Юго-Востока,

---

*) Офиціальное обращеніе Крыленко.

въ частности Дона. До тѣхъ поръ съ фронта безпрепятственно пропускались на Донъ и на Кавказъ казачьи эшелоны, и Рада изъ чувства самосохраненія не допускала прохода черезъ украинскую территорію большевистскихъ войскъ. Теперь для большевиковъ открывались прямые пути на Донъ, до крайности затруднялся притокъ пополненій въ Добровольческую армію и прекращался подвозъ военнаго снаряженія изъ богатыхъ запасовъ Юго-западнаго фронта, до сихъ поръ, хоть и не въ большомъ количествѣ, просачивавшихся съ попутными эшелонами.

* * *

Первый Донской кругъ далъ перначъ выборному атаману, но не далъ ему власти. Во главѣ области поставлено было «войсковое правительство», состоявшее изъ 14 старшинъ, избранныхъ каждымъ округомъ «излюбленныхъ людей», внѣ всякой зависимости отъ ихъ государственнаго, оообщественнаго и просто дѣлового стажа. Атаманъ являлся только предсѣдателемъ въ засѣданіяхъ правительства, а его помощникъ — членомъ. Эти засѣданія имѣли характеръ засѣданій провинціальной городской думы съ нудными, митинговыми, а главное лишенными практическаго значенія словопреніями. Дѣятельность эта не оставила по себѣ никакого слѣда въ исторіи Дона, и на тускломъ фонѣ ея меркли крупный и твердый государственный разумъ Каледина и яркій молодой порывъ донского баяна Митрофана Богаевскаго.

Калединъ отзывался въ разговорахъ со мной о правительствѣ съ большой горечью. Богаевскій выражался о немъ осторожно и деликатно: оно «по своему составу было не сильно: члены правительства были люди безусловно честные и добросовѣстные, но не смогли сразу охватить всей колоссальной работы».*) Во всякомъ случаѣ, въ средѣ правительства государственные взгляды Каледина поддержки не нашли, и ему предстояло итти или путемъ «революціоннымъ» наперекоръ правительству и настроеніямъ казачества, или путемъ «конституціоннымъ», демократическимъ, которымъ онъ пошелъ и который привелъ его и Донъ къ самоубійству.

Въ первое время послѣ октябрьскаго переворота донская власть искала связи съ обломками Временнаго правительства**) при помощи такихъ несерьезныхъ посредниковъ, какъ бывшій командующій войсками московскаго округа Грузиновъ и крупный темный дѣлецъ Молдавскій. Но правительство сгинуло, и Каледину поневолѣ приходилось на Дону принимать на себя функціи центральной власти, что онъ дѣлалъ съ большой осмотрительностью и даже нерѣшительностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы получить болѣе широкую народную опору, донское правительство 20 ноября обратилось къ населенію области съ

*) У Добрынина: „Борьба съ большевизмомъ на Югѣ Россіи“.

**) См. Т. I, главу XXVII.

весьма либеральной декларацiей, созывая на 29 декабря единовременный съѣздъ казачьяго и крестьянскаго населенiя для устроенiя жизни Донской области и привлеченiя къ участiю въ управленiи краемъ пришлаго элемента. Въ началѣ января вопросъ этотъ разрѣшился образованiемъ коалицiоннаго министерства на паритетныхъ началахъ, причемъ 7 мѣстъ было предоставлено казачеству и 7 иногороднимъ. 3-й донской кругъ, впредь до установленiя законодательнаго органа, предоставилъ правительству всю полноту власти. Но иногороднiй съѣздъ ограничилъ ее выдѣленiемъ дѣлъ, касающихся не-казачьяго населенiя, изъ общей компетенцiи правительства и передачей ихъ на усмотрѣнiе иногородней половины его. Это расширенiе базы и привлеченiе въ составъ правительства демагоговъ-интеллигентовъ и революцiонной демократiи, быть можетъ полнѣе отражая колеблющееся, неустойчивое настроенiе области, вызвало, какъ увидимъ ниже, параличъ власти въ основномъ и для этого времени единственно жизненномъ вопросѣ — борьбѣ съ большевизмомъ.

Крестьянство, составлявшее 48% населенiя области, увлеченное широкими посулами большевиковъ, не удовлетворялось тѣми мѣропрiятiями, которыя принимала донская власть — введенiемъ земства въ крестьянскихъ округахъ, привлеченiемъ крестьянъ къ участiю въ станичномъ самоуправленiи, широкомъ прiемѣ ихъ въ казачье сословiе и надѣленiемъ 3 миллiонами десятинъ отбираемой у помѣщиковъ земли. Подъ влiянiемъ пропаганды пришлаго соцiалистическаго элемента, крестьянство ставило непримиримо требованiе общаго раздѣла всей казачьей земли.*) Рабочая среда — наименьшая численно (10—11%), но сосредоточенная въ важныхъ центрахъ и наиболѣе безпокойная—не скрывала своихъ явныхъ симпатiй къ совѣтской власти. Революцiонная демократiя не изжила своей прежней психологiи и съ удивительнымъ ослѣпленiемъ продолжала ту разрушительную политику, которую она вела въ Таврическомъ дворцѣ и въ Смольномъ и которая погубила уже ея дѣло въ общерусскомъ масштабѣ. Блокъ с.-д. меньшевиковъ и с.-р.-овъ царилъ на всѣхъ крестьянскихъ, иногороднихъ съѣздахъ, въ городскихъ думахъ, совѣтахъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, въ профессiональныхъ организацiяхъ и межпартiйныхъ собранiяхъ. Не проходило ни одного засѣданiя, гдѣ бы не выносились резолюцiи недовѣрiя атаману и правительству, гдѣ бы не слышалось протестовъ противъ всякой мѣры, вызванной военными обстоятельствами и анархiей. Они протестовали противъ военнаго положенiя, противъ разоруженiя большевистскихъ полковъ, противъ арестовъ большевистскихъ агитаторовъ. Они проповѣдывали нейтралитетъ и примиренiе съ той силой, которая шла на проломъ и устами одного изъ своихъ военныхъ начальниковъ, шедшихъ покорять Донъ, объявляла: «требую отъ всѣхъ встать за насъ или противъ насъ. Ней-

*) Этотъ вопросъ вообще имѣлъ рѣшающее значенiе въ установленiи взаимоотношенiй Юго-восточнаго казачества съ иногороднимъ населенiнмъ.

тральности не признаю».*) Была ли эта дѣятельность результатомъ серьезнаго сложившагося убѣжденія? Конечно нѣтъ: къ ней обязывала партійная дисциплина и партійная нетерпимость. На одномъ изъ собраній нар. соц. Шикъ, характеризуя позицію, знятую соціалистами ростовской думы, говорилъ: «въ тиши (они) мечтаютъ о казачьей силѣ, а въ своихъ офиціальныхъ выступленіяхъ эту силу чернятъ».

Но недовѣріе и неудовлетворенность дѣятельностью атамана Каледина наростала и въ противоположномъ лагерѣ. Въ представленіи круговъ Добровольческой арміи и ея руководителей, довѣрявшихъ вполнѣ Каледину, казалось однако недопустимымъ полное отсутствіе дерзанія съ его стороны. Русскіе общественные дѣятели, собравшіеся со всѣхъ концовъ въ Новочеркасскъ, осуждали медлительность въ дѣлѣ спасенія Россіи, политиканство, нерѣшительность донского правительства. Это обвиненіе на одномъ собраніи вызвало горячую отповѣдь Каледина:

«А вы что сдѣлали?.. Я лично отдаю Родинѣ и Дону свои силы, не пожалѣю и своей жизни. Но весь вопросъ въ томъ, имѣемъ ли мы право выступить сейчасъ же, можемъ ли мы расчитывать на широкое народное движеніе?.. Развалъ общій. Русская общественность прячется гдѣ-то на задворкахъ, не смѣя возвысить голоса противъ большевиковъ... Войсковое правительство, ставя на карту Донское казачество, обязано сдѣлать точный учетъ всѣхъ силъ и поступить такъ, какъ ему подсказываетъ чувство долга передъ Дономъ и передъ Родиной».

Въ сознаніи русской общественности возникло еще одно опасеніе, навѣянное впечатлѣніями рѣчей мѣстныхъ трибуновъ, терявшихъ душевное равновѣсіе и чувство государственности. Отраженіемъ этого настроенія появилась статья въ сдержанномъ кадетскомъ органѣ «Ростовская рѣчь»,**)—въ которой высказывалось опасеніе, чтобы «организація государственной власти на мѣстахъ — этотъ своеобразный сепаратизмъ «областныхъ республикъ»... не превратилась изъ средства въ цѣль, и чтобы... борьба противъ насилія и узурпаціи государственной власти не превратилась въ конечномъ итогѣ въ борьбу противъ самой свободы, добытой революціей, и противъ государственной власти, какъ таковой».

Во всякомъ случаѣ Донъ не давалъ достаточныхъ поводовъ къ такому опасенію, а лично Калединъ этого упрека не заслуживалъ совершенно. Онъ былъ вполнѣ искрененъ, когда на областномъ съѣздѣ иногороднихъ 30 декабря говорилъ:

— Не признавъ власти комиссаровъ, мы принуждены были создать государственную власть здѣсь, къ чему мы никогда раньше не

*) Приказъ командовавшаго большевисткими войсками Петрова послѣ взятія станицы Каменской.

**) 16 декабря 1917 г., статья профессора Евлахова.

стремились. Мы хотѣли лишь широкой автономіи, но отнюдь не отдѣленія отъ Россіи.

Въ такой обстановкѣ протекала трудная работа Каледина.

Когда въ ночь на 26 ноября произошло выступленіе большевиковъ въ Ростовѣ и Таганрогѣ и власть въ нихъ перешла въ руки военно-революціонныхъ комитетовъ, Калединъ, которому «было страшно пролить первую кровь»,*) рѣшился однако вступить въ вооруженную борьбу.

Но казаки не пошли.

Въ этотъ вечеръ сумрачный атаманъ пришелъ къ генералу Алексѣеву и сказалъ:

— Михаилъ Васильевичъ! Я пришелъ къ вамъ за помощью. Будемъ какъ братья помогать другъ другу. Всякія недоразумѣнія между нами кончены. Будемъ спасать, что еще возможно спасти.

Алексѣевъ просіялъ и, сердечно обнявъ Каледина, отвѣтилъ ему:
— Дорогой Алексѣй Максимовичъ! Все, что у меня есть, радъ отдать для общаго дѣла.

Офицерство и юнкера на Барочной были мобилизованы, составивъ отрядъ въ 400—500 штыковъ, къ нимъ присоединилась донская молодежь — гимназисты, кадеты, позднѣе одумались нѣсколько казачьихъ частей, и Ростовъ былъ взятъ.

Съ этого дня Алексѣевская организація получила право на легальное существованіе. Однако отношеніе къ ней оставалось только терпимымъ, выражаясь не разъ въ офиціальныхъ постановленіяхъ донскихъ учрежденій въ формахъ обидныхъ и даже унизительныхъ. Въ частномъ засѣданіи 3-го круга говорили: «пусть армія существуетъ; но, если она пойдетъ противъ народа, она должна быть расформирована». Значительно рѣзче звучало постановленіе съѣзда иногороднихъ, требовавшаго «разоруженія и роспуска Добровольческой арміи,**) борющейся противъ наступающаго войска революціонной демократіи». Съ большимъ трудомъ войсковому правительству удалось прійти со съѣздомъ къ соглашенію, въ силу котораго Д. А., какъ говорилось въ деклараціи, «существующая въ цѣляхъ защиты Донской области отъ большевиковъ, объявившихъ войну Дону и въ цѣляхъ борьбы за Учредительное собраніе, должна находиться подъ контролемъ объединеннаго правительства и, въ случаѣ установленія наличности въ этой арміи элементовъ контръ-революціонныхъ, таковые элементы должны быть удалены немедленно за предѣлы области».***)

Неудивительно, что съ первыхъ же шаговъ въ сознаніи добровольчества возникло острое чувство обиды и безпокойное сомнѣніе въ цѣлесообразности новыхъ жертвъ, приносимыхъ не во имя про-

---

*) Изъ доклада на 3-емъ кругѣ.

**) Такое названіе получила „Алексѣевская организація“ въ концѣ декабря.

***) Декларація коалиціоннаго правительства 5 января 1918 года.

стой и ясной идеи отчизны, а за негостепріимный край, не желающій защищать свои предѣлы, и за абстрактную формулу, въ которую послѣ 5 января обратилось Учредительное Собраніе. Измученному воображенію представлялось повтореніе картинъ Петрограда, Москвы, Кіева, гдѣ лозунги оказались фальшивыми, довѣріе растоптано и подвигъ оплеванъ.

Поддерживала только вѣра въ вождей.

* *
*

Подъ вліяніемъ бесѣды съ Калединымъ Лукомскій уѣхалъ во Владикавказъ, я и Марковъ на Кубань. Романовскій, рѣшивъ, что имя его не такъ одіозно, какъ наши, и не доставитъ огорченія донскому правительству, остался въ Новочеркасскѣ и принялъ участіе въ Алексѣевской организаціи. Условились, что намъ дадутъ знать немедленно, какъ только пріѣдетъ Корниловъ и выяснятся ближайшія перспективы нашей работы.

Прожили мы на Кубани первую недѣлю въ станицѣ Славянской, потомъ я переѣхалъ въ Екатеринодаръ, пользуясь документомъ на имя «Домбровскаго». То, что я увидѣлъ на Кубани, привело меня въ большое недоумѣніе своимъ рѣзкимъ контрастомъ съ оцѣнкой Каледина. Внутреннее состояніе здѣсь было еще болѣе сложно и тревожно, чѣмъ на Дону. И, если оно не прорывалось крупными волненіями, то только потому, что «внутренній фронтъ» былъ далеко, и Донская область прикрывала Кубань отъ непосредственной угрозы воинствующаго большевизма.

Тотъ разрывъ государственныхъ связей съ центромъ, который на Дону наступилъ въ силу крушенія Временнаго правительства, на Кубани существовалъ давно, будучи вызванъ другими, менѣе объективными причинами. Еще 5 октября, при рѣшительномъ протестѣ представителя Временнаго правительства, Краевая казачья рада приняла постановленіе о выдѣленіи края въ самостоятельную Кубанскую республику, являющуюся «равноправнымъ, самоуправляющимся членомъ федераціи народовъ Россіи». При этомъ право выбора въ новый органъ управленія предоставлялось исключительно казачьему, горскому и незначительному численно «коренному» иногороднему населенію,*) т. е. почти половина области лишена была избирательныхъ правъ.**) Во главѣ правительства, состоявшаго по преимуществу изъ соціалистовъ, былъ поставленъ войсковой атаманъ, полковникъ Филимоновъ — человѣкъ, обладавшій несомнѣнно болѣе государственными взглядами, нежели его сотрудники, но не достаточно сильный и самостоятельный, чтобы внести свою индивидуальность въ направленіе

*) Крестьяне староселы.

**) До тѣхъ поръ Кубанская область управлялась двумя органами, враждовавшими другъ съ другомъ: Войсковымъ правительствомъ и Исполнительнымъ комитетомъ иногороднихъ.

дѣятельности правительства. Рѣшеніе Рады принято было значительнымъ большинствомъ голосовъ, составленнымъ изъ оригинальнаго сочетанія «стариковъ» — консервативнаго элемента, нѣсколько патріархальной складки, чуждаго всякихъ политическихъ тенденцій, и казачьей интеллигенціи. Эта послѣдняя носила партійныя названія с.-р-овъ и с.-дковъ; но, вскормленная на сытомъ хлѣбѣ привольныхъ кубанскихъ полей, она пользовалась соціалистическими теоріями только въ качествѣ внѣшняго одѣянія и для «экспорта», сохраняя у себя дома въ силѣ всѣ кастовыя традиціонныя перегородки. Противъ рѣшенія Рады были фронтовые казаки и коренные крестьяне; послѣдніе, выразивъ протестъ противъ не-патріотическаго и не-демократическаго по ихъ убѣжденію закона, вышли изъ состава рады.

Мотивами къ такому негосударственному рѣшенію вопроса — отдѣленію «Кубанской республики» — послужили тревога «стариковъ» за участь казачьихъ земель, которымъ угрожала обще-русская земельная политика, честолюбіе кубанской соціалистической интеллигенціи, жаждавшей трибуны и портфелей и, наконецъ, украинскія вліянія, весьма сильныя среди представителей черноморскихъ округовъ.

Рознь между казачьимъ и иногороднимъ населеніемъ приняла еще болѣе острыя формы: на верху, въ представительныхъ учрежденіяхъ она проявлялась непрекращавшейся политической борьбой, — внизу, въ станицахъ — народной смутой, расчищавшей путь большевизму. Казачьи соціалисты не учли соотношенія силъ. Противъ Рады и правительства встало не только иногороднее населеніе, но и фронтовое казачество; эти элементы обладали явнымъ численнымъ перевѣсомъ, а главное большимъ дерзаніемъ и буйной натурой. Большевизмъ пришелъ въ массу иногороднихъ, найдя въ различныхъ слояхъ ихъ такую-же почву, какъ и вездѣ въ Россіи, осложненную вдобавокъ чувствомъ остраго недовольства противъ земельныхъ и политическихъ привиллегій господствующаго класса — казачества. Но фронтовая молодежь не имѣла рѣшительно никакихъ данныхъ въ политическихъ, бытовыхъ, соціальныхъ условіяхъ жизни Кубани для воспріятія большевизма. Ее толкнули къ нему только психологическія причины: пьяный угаръ обезумѣвшей солдатчины на фронтѣ, принимавшій заразительныя формы, безотчетное сознаніе силы въ новомъ нашествіи, усталость отъ войны и нежеланіе дальнѣйшей борьбы въ какой бы то ни было формѣ; наконецъ, сильнѣшая агитація большевиковъ, угрожавшихъ кровавой расправой въ случаѣ сопротивленія и обѣщавшихъ не касаться внутренняго казачьяго уклада, имущества и земель въ случаѣ покорности. Былъ еще одинъ элементъ на Кубани, по природѣ своей глубоко враждебный большевизму, это — черкесскій народъ, вызывавшій большія и необоснованныя надежды на Дону и въ кругахъ Добровольческой арміи въ качествѣ одного изъ источниковъ комплектованія противобольшевистской вооруженной силы. Бѣдные, темные, замкнутые въ узкихъ рамкахъ архаическаго быта, черкесы оказались наименѣе воинственнымъ элементомъ на Кавказѣ и при-

няли большевистскую власть съ наибольшей покорностью и съ наиболѣе тяжелыми жертвами. Формированія же черкесскихъ частей впослѣдствіи окончились полной неудачей: полки эти были страшнѣе для мирнаго населенія, чѣмъ для противника.

Въ конечномъ результатѣ, когда Калединъ, чтобы создать въ глазахъ донскихъ казаковъ нѣкоторую иллюзію обще-казачьяго фронта, просилъ Кубанскаго атамана прислать на Донъ хоть одинъ пластунскій батальонъ, такого на Кубани не оказалось. Кубанскія части не шли войной противъ своего правительства, но не шли также и противъ большевиковъ и приказанія своей выборной власти не исполнили. Кубанскому правительству въ декабрѣ пришлось прибѣгнуть въ свою очередь къ универсальному средству — формированію добровольческаго отряда изъ офицеровъ и юнкеровъ, заброшенныхъ судьбою на Кубань. Формированіе это поручено было капитану-летчику Покровскому. И здѣсь передъ элементомъ государственнымъ, какимъ являлось офицерство, встали смутныя, неясныя цѣли: защита «Кубанской республики» и ея соціалистическаго, отчасти украинофильскаго правительства.

Почтенный старикъ Ф. Щербина — историкъ Кубанскаго края приводитъ статистическія данныя по вопросу распространенія на Кубани большевизма, какъ доказательство полной чужеродности его казачьей средѣ. Поражены имъ были прежде всего и главнымъ образомъ станицы, лежавшія на желѣзнодорожныхъ путяхъ изъ Ростова и Закавказья, откуда шли солдатскіе эшелоны и возвращались фронтовые казаки. Баталпашинскій, напримѣръ, отдѣлъ, расположенный въ сторонѣ отъ магистралей, сохранился дольше и лучше всѣхъ. Мартирологъ Кубанскихъ станицъ, переходившихъ въ большевизмъ, выражается слѣдующими цифрами:

1917 г.		1918 г.	
августъ	3	январь . . .	20
сентябрь	2	февраль	16
октябрь	5	мартъ	24*)
ноябрь	5	апрѣль	1
декабрь	10	май	1

Всего 87 станицъ.

Такимъ образомъ, роковой кругъ замкнулся втеченіе 10 мѣсяцевъ.

Эта оригинальная статистика, вѣроятно единственная въ своемъ родѣ на пространствѣ русской территоріи, даетъ и другія любопытныя указанія: на 947.151 жителей станицъ, большевиковъ было 164.579, т. е. 17 процент.; въ ихъ числѣ казаковъ 3,2 процент. и иногороднихъ 96,8 процент. Въ пятидесяти станицахъ насчитано 770 видныхъ совѣтскихъ дѣятелей-комиссаровъ, членовъ совѣта и агита-

*) Подъ чертой — время совѣтской власти.

Большевистскіе дѣятели на Терекѣ (минер. воды).

1. Командиръ Таманскаго полка, 2. Командиръ Дербентскаго полка, 3. Палачъ чрезвычайки.

Стр. 178.

торовъ; изъ нихъ 69 интеллигентовъ и полуинтеллигентовъ и 711 людей совершенно необразованныхъ, состоявшихъ на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, по большей части уголовнаго элемента. Въ общемъ числѣ ихъ 34 процент. казаковъ и 66 процент. иногороднихъ.

Большевизмъ началъ проявляться въ области обычными своими признаками: отрицаніемъ краевой власти, упраздненіемъ станичной администраціи и замѣной ея совѣтами, насиліями надъ офицерами, зазажиточными казаками и «буржуями», разбоями, «соціализаціями», реквизиціями и т. д. Въ самомъ Екатеринодарѣ царила до нельзя сгущенная, нездоровая атмосфера, шли непрерывные митинги, на каждомъ перекресткѣ собиралась толпа, возбуждаемая рѣчами большевистскихъ ораторовъ. Въ городѣ съ октября существовалъ военно-революціонный комитетъ, имѣвшій свои отдѣлы — Дубинскій и Покровскій — въ пригородахъ.

Кубанское правительство, сознавая отсутствіе всякой опоры, пошло по пути Дона: 12 декабря былъ созванъ совмѣстный съѣздъ представителей всего населенія. Половина иногороднихъ представителей оказалась большевиками и отказалась отъ участія въ работѣ съѣзда. Другая половина въ согласіи съ казачествомъ приступила къ работѣ. Но вмѣсто того, чтобы принять героическія мѣры хотя бы къ спасенію родныхъ очаговъ, соединенныя силы казачьей и обще-русской революціонной демократіи въ созданной ими Законодательной радѣ и въ преобразованномъ на паритетныхъ началахъ правительствѣ приступили, по выраженію современнаго публициста, «къ кипучей творческой работѣ», прямымъ результатомъ которой было созданіе конституціи Кубанской республики, «всесторонне разработанная программа рѣшенія важнѣйшихъ политическихъ и экономическихъ вопросовъ» и... отдача всей Кубани во власть большевиковъ.

«Паритетъ», какъ и на Дону, только ослабилъ сопротивленіе, введя въ составъ власти элементы еще менѣе устойчивые, соглашательскіе. Добровольческій отрядъ успѣшно сдерживалъ еще попытки большевистскихъ бандъ, наступавшихъ со стороны Новороссійска и даже въ концѣ января у Эйнема, подъ начальствомъ капитана Покровскаго, нанесъ имъ жестокое пораженіе. Но въ то-же время на узловыхъ станціяхъ Кавказской, Тихорѣцкой, Тимашовкѣ осѣдали солдатскіе эшелоны бывшей Кавказской арміи и мѣстные большевики, сжимая все болѣе и болѣе въ тѣсномъ кольцѣ Екатеринодаръ. Въ гор. Армавирѣ большевики образовали «кубанскій краевой революціонный комитетъ», подъ предсѣдательствомъ Я. Полуяна; оттуда началась систематическая борьба противъ Екатеринодара вооруженной силой и агитаціей.

* * *

Сѣверный Кавказъ бушевалъ. Паденіе центральной власти вызвало потрясеніе здѣсь — болѣе серьезное, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Примиренное русскою властью, но не изжившее еще психологически

вѣковой розни и не забывшее старыхъ взаимныхъ обидъ разноплеменное населеніе Кавказа заволновалось. Объединявшій его ранѣе русскій элементъ — 40 процент. населенія края*) — состоялъ изъ двухъ почти равныхъ численно группъ — Терскихъ казаковъ и иногороднихъ, разъединенныхъ соціальными условіями и сводившихъ теперь въ междуусобной борьбѣ старые счеты, по преимуществу земельные; они не могли поэтому противопоставить новой опасности ни силы, ни единства. Терское войско, слабое численно, затерянное среди враждебной стихіи и переживавшее тѣ-же моральные процессы, что и старшіе братья на Дону и Кубани, внесло еще менѣе своей индивидуальности въ направленіе борьбы. Еще до половины декабря, когда былъ живъ атаманъ Карауловъ и до нѣкоторой степени сохранилось нѣсколько терскихъ полковъ, сохранялся еще и призракъ власти и вооруженной силы. Карауловъ велъ опредѣленную политику борьбы съ большевизмомъ и примиренія съ горцами. Видя невозможность для себя остановить анархію въ краѣ, Карауловъ пришелъ къ мысли о созданіи «Временнаго Терско-Дегестанскаго правительства», которое и было образовано въ началѣ декабря совмѣстно тремя организаціями: Терскимъ казачьимъ правительствомъ, Союзомъ горцевъ Кавказа и союзомъ городовъ Терской и Дагестанской областей. Новое правительство приняло на себя «впредь до созданія основныхъ законовъ полноту общей и мѣстной государственной власти».

Но эта власть не имѣла рѣшительно никакой реальной силы, ни на кого не опиралась, и даже въ самомъ Владикавказѣ ее игнорировалъ мѣстный совѣтъ. 13 декабря на станціи Прохладной толпа солдатъ-большевиковъ, по указанію изъ владикавказскаго совдепа, оцѣпила вагонъ, въ которомъ находился атаманъ Карауловъ съ нѣсколькими сопровождавшими его лицами, отвела на дальній путь и открыла по вагону огонь. Карауловъ былъ убитъ. Съ его смертью «Терско-Дегестанское правительство» стало еще болѣе обезличеннымъ.

Фактически на Терекѣ власть перешла къ мѣстнымъ совѣтамъ и бандамъ солдатъ Кавказскаго фронта, которые непрерывнымъ потокомъ текли изъ Закавказья и, не будучи въ состояніи проникнуть дальше, въ родныя мѣста, ввиду полной закупорки кавказскихъ магистралей, осѣдали какъ саранча по Терско-Дагестанскому краю. Они терроризовали населеніе, насаждали новые совѣты или нанимались на службу къ существующимъ, внося повсюду страхъ, кровь и разрушеніе. Этотъ потокъ послужилъ наиболѣе могущественнымъ проводникомъ большевизма, охватившаго иногороднее русское населеніе (жажда земли), задѣвшаго казачью интеллигенцію (жажда власти и идеи соціализма) и смутившаго сильно терское казачество (страхъ «итти противъ народа»). Что касается горцевъ, то крайне консервативные въ своемъ укладѣ жизни, въ которомъ весьма слабо отражалось соціальное и земельное неравенство, вѣрные своимъ задачамъ и обычаямъ, они управлялись своими національными совѣтами, были

*) Все населеніе Терско-дагестанскаго Края около 1,4 милліона.

глубоко чужды и враждебны идеямъ большевизма, но быстро и охотно восприняли многія прикладныя стороны его, въ томъ числѣ насиліе и грабежъ. Тѣмъ болѣе, что путемъ разоруженія проходившихъ войсковыхъ эшелоновъ или купли у нихъ, горцы пріобрѣли много оружія (даже пушки) и боевыхъ припасовъ. Кадромъ для формированія послужили полки и батареи бывшаго Кавказскаго Туземнаго корпуса.

Въ началѣ 1918 года въ общихъ чертахъ картина жизни на Сѣверномъ Кавказѣ представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

Дагестанъ, въ общемъ наиболѣе замиренный и лояльный, теперь подъ вліяніемъ событій сталъ подпадать подъ турецкое вліяніе, и въ нагорной части его велась широко проповѣдь панисламизма. Подогрѣваемая его идеей шла не прекращаясь партизанская война противъ большевиковъ, группировавшихся по преимуществу вдоль дороги Баку—Петровскъ; но по отношенію къ казакамъ и служилымъ русскимъ людямъ дагестанцы враждебныхъ дѣйствій не проявляли.

Чечня, раздираемая внутренними междуусобіями, раздѣленная на 50—60 враждующихъ партій по числу вліятельныхъ шейховъ, склоняясь то къ турецкой, то къ большевистской оріентаціи, проявила, однако, полное единеніе въ исторической тяжбѣ съ русскими колонизаторами. Общая идея совмѣстной съ ингушами борьбы ихъ заключалась въ томъ, чтобы отбросить терскихъ казаковъ и частью осетинъ за Сунжу и Терекъ, овладѣть ихъ землями и, уничтоживъ тѣмъ черезполосицу, связать прочно горную и плоскостную Игнушетію (въ раіонѣ Владикавказа) съ одной стороны и Чечню съ Игнушетіей — съ другой. Еще въ концѣ декабря чеченцы съ фанатическимъ воодушевленіемъ крупными силами обрушились на сосѣдей. Грабили, разоряли и жгли до тла богатыя цвѣтущія селенія, экономіи и хутора Хасавъ-Юртовскаго округа, казачьи станицы, желѣзно-дорожныя станціи; жгли и грабили городъ Грозный и нефтяные промысла.

Ингуши, наиболѣе сплоченные и выставившіе сильный и отлично вооруженный отрядъ, грабили всѣхъ: казаковъ, осетинъ, большевиковъ, съ которыми, впрочемъ, были въ союзѣ, держали въ постоянномъ страхѣ Владикавказъ, который въ январѣ захватили въ свои руки и подвергли сильному разгрому. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ союзѣ съ чеченцами игнуши приступили къ вытѣсненію казачьихъ станицъ Сунженской линіи, для чего еще въ ноябрѣ въ первую очередь подожгли со всѣхъ сторонъ и разрушили станицу Фельдмаршальскую.

Осетины — наиболѣе культурный изъ горскихъ народовъ, имѣвшій «даже» свою соціалистическую интеллигенцію, склонявшуюся къ большевизму. Народъ однако выдержалъ искушеніе. Подчиняясь господствующей силѣ, осетины все-же считали своими врагами большевиковъ и ингушей и, не взирая на не разрѣшенные еще земельные споры съ казаками, охотно присоединялись къ каждому выступленію ихъ противъ большевиковъ.

Наконецъ Кабардинцы, воспринявъ отъ большевиковъ земельную практику, отняли у своихъ узденей (дворянства) земли и затѣмъ жили мирно, стараясь сохранить нейтралитетъ среди борющихся сторонъ.

Въ этой сложной обстановкѣ терское казачество пало духомъ. Въ то время, какъ горскіе народы, побуждаемые національнымъ чувствомъ, путемъ чистой импровизаціи создавали вооруженную силу, природное войско съ историческимъ прошлымъ, выставлявшее 12 хорошо организованныхъ полковъ, разлагалось, расходилось и разоружалось по первому требованію большевиковъ. Агитація, посулы большевистскихъ агентовъ и угрозы горцевъ заставляли малодушныхъ искать спасенія въ большевизмѣ, который, вначалѣ по частной иниціативѣ мѣстныхъ совѣтскихъ организацій, потомъ по указанію изъ центра, пользовался распрей, становясь то на сторону горцевъ противъ казаковъ, то на сторону казаковъ противъ горцевъ и въ общемъ хаосѣ утверждая на крови тѣхъ и другихъ свою власть.

Въ концѣ января въ гор. Моздокѣ собрался «рабоче-крестьянскій съѣздъ», переѣхавшій затѣмъ въ Пятигорскъ. Съѣздъ выбралъ изъ своего состава самостоятельное правительство «Терскій народный совѣтъ», подъ предсѣдательствомъ нѣкоего Пашковскаго, сосланнаго нѣкогда въ каторжныя работы за ограбленіе казначея реальнаго училища и возвращеннаго въ силу общей амнистіи, данной Временнымъ правительствомъ.

Въ теченіи мѣсяца «Народный совѣтъ» правилъ параллельно съ «Терско-Дагестанскимъ правительствомъ»; наконецъ, послѣднее, не видя ни откуда поддержки, въ концѣ февраля «во избѣжаніе кровопролитія» добровольно сложило съ себя власть и предложило «Совѣту» переѣхать во Владикавказъ.

Терскій край былъ объявленъ составной частью «Р. С. Ф. С. Р.»

* * *

Мнѣ остается еще отмѣтить двѣ попытки къ объединенію Юго-востока въ болѣе широкихъ областныхъ или національныхъ рамкахъ.

Вскорѣ послѣ начала революціи возникъ «Союзъ горцевъ Сѣвернаго Кавказа», который выдѣлилъ центральный комитетъ и первоначально поставилъ своей цѣлью борьбу съ анархіей, поддержаніе правопорядка, мирное разрѣшеніе межнаціональныхъ столкновеній, обезпеченіе правъ національныхъ меньшинствъ въ Учредительномъ Собраніи и т. д. Послѣ большевистскаго переворота центральный комитетъ въ декабрѣ 1917 года объявилъ себя «правительствомъ горскихъ народовъ Кавказа». Тотъ разбродъ задачъ и цѣлей, которыя преслѣдовали горскіе народы, лишалъ всякой почвы «союзное правительство». Совершенно чуждое однимъ (абхазцы и черкесы), враждебное другимъ (осетины), оно установило нѣкоторую внѣшнюю связь съ Ингушетіей и Чечней, откуда изрѣдка и случайно получались небольшія суммы на содержаніе самого правительства. Эти суммы и личный большой кредитъ предсѣдателя, богатаго чеченца нефтепромышленника Топы Чермоева были единственнымъ источникомъ суще-

ствованія «правительства». Не имѣя никакихъ реальныхъ возможностей управленія, «горское правительство» съ самого начала бросило всякія попытки устроенія края и перешло къ чистой политикѣ, составивъ звено въ цѣпи тѣхъ многочисленныхъ самодовлѣющихъ «народныхъ» представительствъ, которыя рождены были русской революціей и составляютъ одну изъ любопытныхъ ея чертъ.

Январскія событія во Владикавказѣ заставили «горское правительство» перейти въ Тифлисъ и тѣмъ порвать почти вовсе связи съ краемъ. Съ тѣхъ поръ личный составъ «правительства» разсѣялся; иногда только оно подавало признаки своего существованія торжественными деклараціями отъ имени двухъ своихъ столповъ — Топы Чермоева и Пшемаха Коцева. И только черезъ годъ, когда Добровольческая армія освободитъ Сѣверный Кавказъ, мы встрѣтимся опять съ возглавляемымъ Коцевымъ «меджилисомъ горскихъ народовъ», обнаружившимся неожиданно въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ и обратившимся къ главному командованію съ ультимативными требованіями.

Въ посланіи къ Кабардинскому національному совѣту *) Коцевъ писалъ:

«Почти годъ тому назадъ... я вырванъ изъ среды близкаго, родного мною народа. Обстоятельства такъ сложились, что меня бросало по всему лицу Европы и Азіи. Само собою разумѣется, что за все это время я дѣлалъ народное дѣло. Когда анархія и развалъ коснулись и нашей окраины, то для меня стало ясно, что собственными силами и авторитетомъ мы не можемъ водворить у себя порядокъ; и вотъ все это время прошло въ хлопотахъ за поисками этой силы».

Въ теченіи года г. г. Чермоевъ и Коцевъ призывали варяговъ послѣдовательно въ лицѣ турокъ, нѣмцевъ, англичанъ, грузинъ, едва поспѣвая за быстро вертящимся колесомъ міровыхъ событій. А тѣмъ временемъ Сѣверный Кавказъ въ огнѣ и въ крови разрѣшалъ самостоятельно вопросы своего бытія.

* * *

Гораздо серьезнѣе и по замыслу и по политическому значенію представлялось образованіе въ концѣ сентября Юго-восточнаго союза. Возникшее по инициативѣ Кубани, это объединеніе должно было включать три казачьи области — Донскую, Кубанскую, Терскую и «вольные народы горъ и степей», подъ которыми разумѣлись горцы сѣвернаго Кавказа, калмыки и другіе инородцы Ставропольской губерніи. Въ дальнѣйшемъ въ составъ союза предполагалось привлечь Уральское (Яицкое) и Астраханское войско и, можетъ быть, Закавказье.

Первоначальная идея этого объединенія, вызваннаго къ жизни главнымъ образомъ безсиліемъ центральной власти, съ достаточной полнотой выражена въ постановленіи Донского «большого круга», засѣдавшаго въ первой половинѣ сентября **):

*) 10 декабря 1918 года.

**) Цитирую по труду С. Сватикова. „Государственно-правовое положеніе Дона".

«Заслушавъ и обсудивъ докладъ представителя Кубанскаго войска, поддержанный представителемъ войска Терскаго по вопросу о федеративномъ устройствѣ государства Россійскаго и признавая федерацію, какъ принципъ, какъ идею, на основаніи прошлаго историческаго опыта зарожденія и существованія казачества желательной, постановилъ:

1. поручить войсковому правительству принять участіе въ конференціи, созываемой въ Екатеринодарѣ 20 сентября 1917 г. по этому вопросу, съ правомъ делегировать отъ имени войска представителей въ союзный органъ, имѣющій быть созданнымъ для защиты краевыхъ интересовъ;

2. просить этотъ союзный органъ, съ участіемъ представителей сосѣднихъ областей, вольныхъ народовъ и коренного не казачьяго населенія казачьихъ земель, а также свѣдующихъ лицъ, разработать къ Учредительному Собранію проэктъ такого устройства края, которое, обезпечивая полную самостоятельность національностей и крупныхъ бытовыхъ группъ въ сферѣ мѣстнаго законодательства, суда, управленія, земельныхъ отношеній, культурной и экономической жизни, въ то-же время оставило бы ненарушенной тѣсную связь частей съ цѣлымъ, не поколебало бы единства и силы Россіи».

Подъ этой довольно безобидной формой *пожеланій* и признанія авторитета Всероссійскаго Учредительнаго собранія скрывались однако болѣе реальныя стремленія. Въ нихъ смѣшались начала государственно-охранительныя и центробѣжныя; стремленіе сохранить отъ разложенія болѣе устойчивую часть въ интересахъ цѣлаго и желаніе использовать государственную смуту въ интересахъ чисто мѣстныхъ.

Практическаго осуществленія идея союза однако не получила. Къ концу сентября создано было «Объединенное правительство Юго-восточнаго союза», во главѣ съ В. А. Харламовымъ*) — правительство чисто фиктивное, не только не оказавшее въ ту трудную пору (конецъ 17 — начало 18 года) какого либо вліянія на ходъ событій, но просто прошедшее незамѣченнымъ для широкихъ круговъ населенія Юга. Безвластіе и безсиліе областныхъ правительствъ, неимѣніе денежныхъ средствъ и вооруженной силы, а главное — отсутствіе опоры въ народной массѣ лишили это начинаніе казачьей интеллигенціи всякаго реальнаго значенія.

Идея союза, однако, не была оставлена и въ 1919 году, при совершенно иной военно-политической обстановкѣ вновь привлекла къ себѣ серьезное вниманіе казачьихъ верховъ.

* * *

15 ноября Закавказскій комитетъ сложилъ свои полномочія и власть перешла въ руки «Закавказскаго комиссаріата» (правитель-

*) **Донской дѣятель, кадетъ, бывшій комиссаръ Закавказья.**

ства), избраннаго на совѣщаніи изъ представителей революціонныхъ организацій и соціалистическихъ партій. Этимъ же совѣщаніемъ постановленъ былъ созывъ Закавказскаго сейма въ составѣ членовъ, избранныхъ во Всероссійское Учредительное Собраніе, пополненномъ членами политическихъ партій. Сеймъ собрался въ началѣ февраля. Еще ранѣе въ концѣ октября и въ ноябрѣ собирались національные съѣзды и возникли національные совѣты.

Передъ новымъ правительствомъ, возглавлявшимся Гегечкори, позднѣе передъ сеймомъ возникли вопросы необыкновенной важности и трудности: объ отношеніи къ русской государственности, о войнѣ или мирѣ и, наконецъ, о ликвидаціи Кавказскаго фронта, представлявшаго въ глазахъ правительства опасность не меньшую, чѣмъ угроза турецкаго нашествія.

На первомъ совѣщаніи и національныхъ съѣздахъ идея русской государственности не потерпѣла никакого колебанія. Лейтъ мотивомъ на нихъ было рѣшительное отмежеваніе отъ совѣтскаго правительства и признаніе самостоятельнаго существованія *мѣстной* власти только временно до возстановленія обще-русской центральной власти или до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Но въ Сеймѣ настроеніе создалось уже нѣсколько иное: по почину мусульманской фракціи его и грузинской партіи националъ-демократовъ былъ возбужденъ вопросъ о полной независимости Закавказья. Мотивами выставлялись длительный характеръ русской смуты, необходимость предотвращенія назрѣвающаго междуусобія и, главное, возможность заключенія сепаратнаго мира съ турками, нашествіе которыхъ грозило краю неисчислимыми бѣдствіями. Нѣтъ сомнѣнія, что въ самой постановкѣ вопроса сказывалось уже весьма сильное германо-турецкое вліяніе, которое опиралось на панисламистскія тенденціи части кавказской интеллигенціи, на общее недовольство разгорающейся анархіей мусульманскаго населенія, увидѣвшаго въ единовѣрныхъ туркахъ своихъ избавителей и, наконецъ, на давнишнюю связь турецкаго и германскаго правительствъ съ «Комитетомъ освобожденія Грузіи»; комитетъ этотъ былъ образованъ партіей грузинскихъ националъ-демократовъ еще въ 1914 году и вошелъ съ враждебными намъ державами въ договорныя отношенія, обязывавшія одну сторону къ предательству, другую къ созданію независимой Грузіи.

Грузинскіе соціалъ-демократы — наиболѣе вліятельная партія — присоединились къ требованію независимости. Ихъ лидеръ Ной Жорданія, который въ ноябрѣ говорилъ, что и теперь «въ предѣлахъ Россіи грузинскій народъ долженъ искать устроенія своей судьбы», въ февралѣ на сеймѣ сказалъ:

— Когда есть выборъ — Россія или Турція, мы выбираемъ Россію. Но когда есть выборъ Турція или самостоятельность Закавказья, мы выбираемъ самостоятельность Закавказья.

Предложеніе, однако, встрѣтило рѣзкій протестъ въ средѣ русскихъ соціалистовъ и армянскихъ дашнакцакановъ. Рѣшено было передать вопросъ на обсужденіе особой комиссіи. Эта комиссія «об-

судила вопросъ въ рядѣ засѣданій съ участіемъ свѣдущихъ лицъ — представителей арміи, банковъ, финансоваго и другихъ вѣдомствъ и пришла къ единодушному убѣжденію въ невозможности самостоятельнаго существованія Закавказья безъ поддержки какой либо стратегически и экономически сильной державы».

Это заключеніе и признаніе сейма «при извѣстныхъ условіяхъ принципіально допустимымъ объявленіе Закавказья независимой республикой», если и не рѣшали вопроса, то въ значительной мѣрѣ предрѣшали его. Окончательно онъ былъ разрѣшенъ позднѣе прямымъ воздѣйствіемъ германскаго правительства, поставившаго себѣ цѣлью расчлененіе Россіи и въ частности полное отторженіе отъ нея Закавказья.

Фронта въ дѣйствительности не существовало. Поэтому, когда во второй половинѣ ноября командующій турецкой арміей Вехибъ-паша предложилъ перемиріе, генералъ Пржевальскій и закавказское правительство приняли предложеніе, и перемиріе было заключено въ началѣ декабря въ Эрзинджанѣ.

Съ этого времени начался хаотическій отходъ русскихъ корпусовъ и одновременно лихорадочное формированіе національныхъ войскъ для охраны территоріи 1914 года. Шло оно туго въ тылу и весьма неуспѣшно на фронтѣ, наталкиваясь на сильное препятствіе со стороны войсковыхъ революціонныхъ учрежденій и среди самихъ грузинскихъ и армянскихъ воиновъ, у которыхъ стремленіе разойтись по домамъ было не менѣе сильно, чѣмъ у русскихъ.

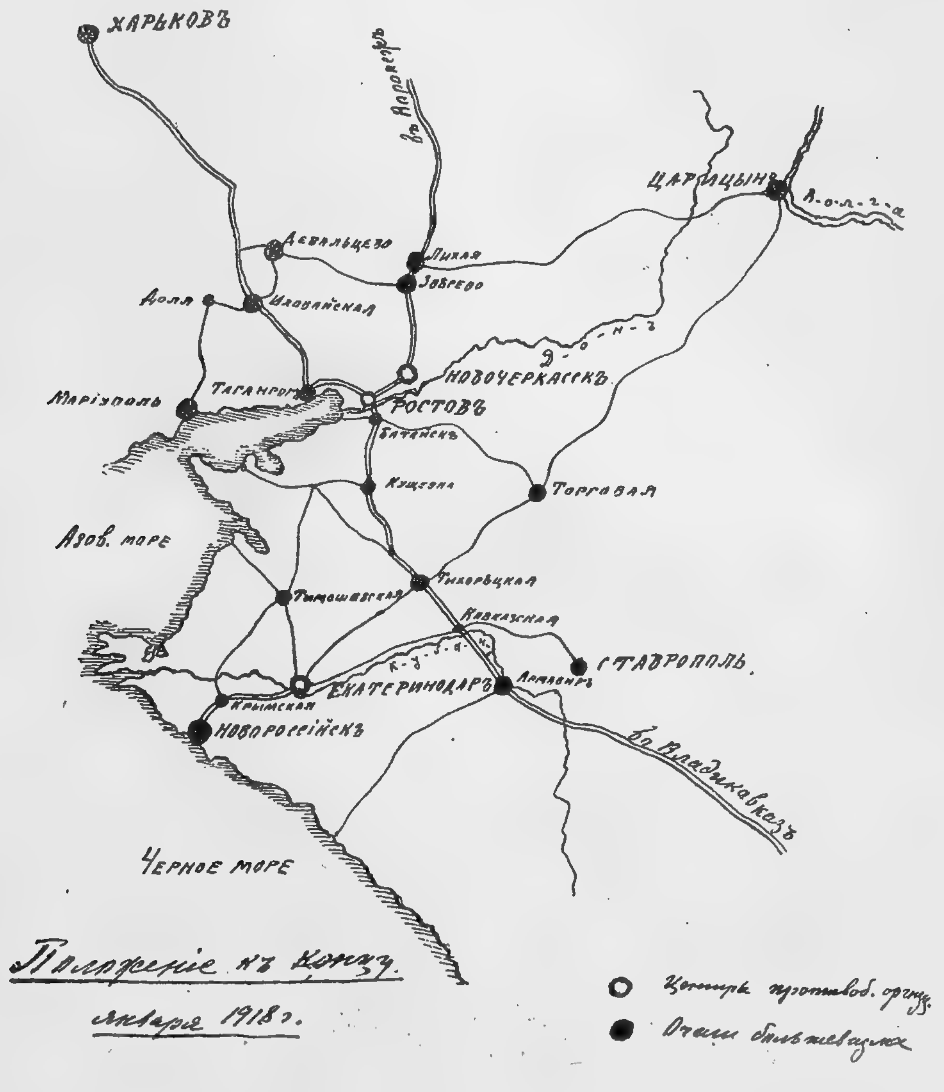
Общую директиву отходящія банды кавказскаго фронта получили отъ «Второго краевого съѣзда Кавказской арміи», состоявшагося въ Тифлисѣ съ 10 по 25 декабря. Въ воззваніи къ солдатамъ, подписанномъ Е. Вильямовскимъ говорилось:

«Съѣздъ призналъ за вами право на оружіе при оставленіи арміи для защиты родины отъ контръ-революціонной буржуазіи съ ея приспѣшниками Калединымъ — Донскимъ атаманомъ, Дутовымъ — Оренбургскимъ и Филимоновымъ — Кубанскимъ. Для руководства продвиженія товарищей солдатъ и для борьбы съ контръ-революціей на Сѣверномъ Кавказѣ, на Кубани и въ Закавказьи, избранъ съѣздомъ Краевой совѣтъ и военно-революціонный комитетъ... Вы, товарищи, должны всѣ принять участіе... въ установленіи совѣтской власти. Провести домой оружіе вы можете, двигаясь лишь сильными отрядами всѣхъ родовъ оружія, съ избраннымъ командным составомъ... Кто не можетъ (провезти), сдавайте его совѣтамъ, комитетамъ въ Новороссійскѣ, Туапсе, Сочи, Крымской и т. д., гдѣ есть представители совѣтской власти»...

Солдаты двинулись двумя потоками, бросая на произволъ судьбы милліардное имущество: одинъ — въ общемъ направленіи на Тифлисъ, который нѣсколько мѣсяцевъ жилъ буквально въ положеніи осажденнаго города; власти и комитеты употребляли героическія усилія и вели форменные бои, чтобы отвести эти буйныя и голодныя массы отъ города далѣе на Баку и Сѣверный Кавказъ. Другой по-

токъ шелъ на Трапезундъ, откуда захватываемые съ бою транспорты развозили войска по портамъ Чернаго моря. Въ серединѣ января въ Трапезундѣ образовался «комитетъ по организаціи добровольческихъ отрядовъ для борьбы съ контръ-революціей» и, благодаря предоставленію ему внѣочередной перевозки, приступилъ съ большимъ успѣхомъ къ формированіямъ, которыя спѣшно направлялись въ Новороссійскъ противъ Кубани и Дона.

Въ февралѣ представители сейма и главнаго кавказскаго командованія ѣхали въ Эрзерумъ для веденія переговоровъ о мирѣ; но судьбы

мира были предрѣшены одностороннею волею побѣдителей. Въ Трапезундѣ делегація застала уже 37-ую турецкую дивизію Казимъ-бея, занявшую городъ съ согласія «интернаціональнаго комитета», такъ

какъ мѣстныя совѣтскія власти отчаялись окончательно силами двухъ грузившихся послѣдовательно корпусовъ отразить хотя бы шайки турецкихъ разбойниковъ, грабившихъ прилежащій сильно укрѣпленный раіонъ и даже окраины Трапезунда.

Турки вступали въ городъ, встрѣченные совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, почетнымъ карауломъ и музыкой.

* *
*

Я привелъ этотъ сжатый очеркъ, чтобы охарактеризовать положеніе, въ которомъ оказалась зарождающаяся новая сила — Добровольческая армія.

Отъ Харькова и Воронежа шли совѣтскія войска, и Бронштейномъ (Троцкимъ) принимались всѣ мѣры, чтобы «въ кратчайшій срокъ стереть съ лица земли контръ-революціонный мятежъ казачьихъ генераловъ и кадетской буржуазіи»... На Волгѣ — Царицынъ, давній оплотъ большевизма и Астрахань, послѣ кровавой расправы съ офицерствомъ и буржуазіей 24 января перешедшая въ руки большевиковъ; далѣе на востокъ, — павшій 17 января Оренбургъ. На Кавказѣ — мятущіеся инородцы и надвигающійся потокъ бывшей Кавказской арміи. На Черномъ морѣ — порты, запруженные враждебными намъ солдатскими бандами и флотъ, поднявшій красные флаги. Наконецъ, сама колыбель добровольчества — Тихій Донъ, если не враждебный, то, во всякомъ случаѣ, только только терпимо относящійся къ непрошеннымъ гостямъ.

Тогда мы совершенно не знали всей совокупности обстановки, будучи вскорѣ отрѣзаны отъ внѣшняго міра и питаясь лишь газетными слухами и свѣдѣніями отъ рѣдкихъ освѣдомителей, вносившихъ слишкомъ много индивидуальнаго въ свои доклады. Приходилось опираться не столько на конкретныя данныя, сколько на внутренній голосъ, который почти всѣхъ насъ — не казачьихъ генераловъ — побуждалъ вѣрить въ скорое исцѣленіе казачества, казака Каледина привелъ къ самоубійству, а казака Корнилова безотчетно звалъ... въ Сибирь.

ГЛАВА XVI.

„Московскій центръ". Связь Москвы въ Дономъ. Пріѣздъ на Донъ генерала Корнилова. Попытки организаціи государственной власти на Югѣ: „тріумвиратъ" Алексѣевъ — Корниловъ — Калединъ; „совѣтъ"; внутреннія тренія въ тріумвиратѣ и совѣтѣ.

Когда мы съѣхались въ Новочеркасскѣ, тамъ многое измѣнилось.

Калединъ призналъ окончательно необходимость совмѣстной борьбы и не возбуждалъ болѣе вопроса объ уходѣ съ Дона Добровольческой арміи, считая ее теперь уже единственной опорой противъ большевизма.

6-го декабря пріѣхалъ Корниловъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшійся всѣми; послѣ перваго свиданія его съ Алексѣевымъ стало ясно, что совмѣстная работа ихъ, вслѣдствіе взаимнаго предубѣжденія другъ противъ друга, будетъ очень нелегкой. О чемъ они говорили, я не знаю; но приближенные вынесли впечатлѣніе, что «разстались они темнѣе тучи»...

Въ Новочеркасскѣ уже образовалась «политическая кухня», въ чаду которой наѣзжіе дѣятели сводили старые счеты, намѣчали новыя вѣхи и создавали атмосферу взаимной отчужденности и непониманія совершающихся на Дону событій. Собрались и лица, игравшія злосчастную роль въ корниловскомъ выступленіи. Б. Савинковъ съ безграничной настойчивостью, но вначалѣ безуспѣшно добивался пріема у генераловъ Алексѣева и Корнилова. Добрынскій сводилъ дружбу съ приближенными Корнилова, свидѣтельствуя о своей преданности генералу и необходимости своего участія въ новомъ строительствѣ. Его присутствіе около организаціи, благодаря неясному прошлому, странному поведенію во время корниловскаго выступленія и налету хлестаковщины, производило досадное впечатлѣніе. Завойко я уже не засталъ. Онъ вызвалъ всеобщее недоумѣніе монополіей сбора пожертвованій и плелъ какую то нелѣпѣйшую интригу, съ цѣлью сверженія Каледина и избранія на должность донского атамана ...генерала Корнилова. Ознакомившись съ его дѣятельностью, Корниловъ приказалъ ему въ 24 часа покинуть Новочеркасскъ.

Пріѣхали и представители Московскаго центра. Организація эта осенью 17 года образовалась въ Москвѣ изъ представителей к. д.-ской партіи, совѣта общественныхъ организацій, торгово-промышленниковъ и другихъ буржуазно-либеральныхъ и консервативныхъ круговъ. Пер-

воначально были присланы делегатами М. М. Федоровъ и А. С. Бѣлецкій (Бѣлоруссовъ) и еще двое. Позднѣе изъ числа этихъ лицъ остался при Добровольческой арміи только М. М. Федоровъ, а остальныхъ замѣнили кн. Г. Н. Трубецкой, П. Б. Струве и А. С. Хрипуновъ.

Пригласивъ къ себѣ на конспиративную квартиру генерала Алексѣева, делегація обратилась къ нему съ глубоко прочувствованнымъ словомъ, растрогавшимъ генерала. Задачу делегаціи Федоровъ въ общихъ чертахъ опредѣлялъ такъ: «служить связью Добровольческой организаціи съ Москвой и остальной общественной Россіей, всемѣрно помогать генералу Алексѣеву въ его благородномъ и національномъ подвигѣ своимъ знаніемъ, опытомъ, связями; предоставить себя и тѣхъ лицъ, которыя могли быть для этого вызваны, въ распоряженіе генерала Алексѣева для созданія рабочаго аппарата гражданскаго управленія при арміи въ тѣхъ предѣлахъ, какія вызывались потребностями арміи и всей обстановкой ея дѣятельности, и отвезти тѣ первыя средства, которыя были тогда собраны».

У Алексѣева явились, такимъ образомъ, надежды расширить значительно масштабъ Добровольческой организаціи — надежды весьма скоро обманувшія его.

18 декабря состоялось первое большое совѣщаніе московскихъ делегатовъ и генералитета. Предстояло рѣшить основной вопросъ существованія, управленія и единства «Алексѣевской организаціи». По существу весь вопросъ сводился къ опредѣленію роли и взаимоотношеній двухъ генераловъ — Алексѣева и Корнилова. И общественные дѣятели и мы были заинтересованы въ сохраненіи ихъ обоихъ въ интересахъ арміи. Ея хрупкій еще организмъ не выдержалъ бы удаленія кого-нибудь изъ нихъ: въ первомъ случаѣ (уходъ Алексѣева) армія раскололась бы, во второмъ — она бы развалилась. Между тѣмъ, обоимъ въ узкихъ рамкахъ только что начинавшагося дѣла было, очевидно, слишкомъ тѣсно.

Произошла тяжелая сцена; Корниловъ требовалъ полной власти надъ арміей, не считая возможнымъ иначе управлять ею и заявивъ что въ противномъ случаѣ онъ оставитъ Донъ и переѣдетъ въ Сибирь; Алексѣеву, повидимому, трудно было отказаться отъ прямого участія въ дѣлѣ, созданномъ его руками. Краткія, нервныя реплики ихъ перемѣшивались съ рѣчами общественныхъ дѣятелей (въ особенности страстно реагировалъ Федоровъ), которые говорили о самопожертвованіи и о государственной необходимости соглашенія.... Послѣ второго засѣданія оно какъ будто состоялось: вся военная власть переходила къ Корнилову. Недоразумѣнія начались вновь при пріемѣ «Алексѣевской организаціи», когда выяснилась полная матеріальная необезпеченность арміи не только въ будущемъ, но даже и въ текущихъ потребностяхъ. Корниловъ опять отказался отъ командованія арміей; но послѣ новыхъ уговоровъ было достигнуто соглашеніе. На Рождествѣ былъ объявленъ «секретный» приказъ о

вступленіи генерала Корнилова въ командованіе *Арміей*, которая съ этого дня стала именоваться офиціально *Добровольческой*.

* *
*

Предстояло разрѣшить еще одинъ важный вопросъ — о существѣ и формахъ органа, возглавляющаго все движеніе. Принимая во вниманіе взаимоотношенія генераловъ Алексѣева и Корнилова и приходящіе интересы Дона, форма «верховной власти» естественно опредѣлялась въ видѣ *тріумвирата Алексѣевъ — Корниловъ — Калединъ*. Такъ какъ территорія подвѣдомственная тріумвирату не была установлена, а мыслилась въ предѣлахъ стратегическаго вліянія Добровольческой арміи, то тріумвиратъ представлялъ изъ себя въ скрытомъ видѣ *первое обще-русское противо-большевистское правительство*. Въ такомъ эмбріональномъ состояніи оно просуществовало въ теченіи мѣсяца, до смерти Каледина.

Конституція новой власти все еще обсуждалась и грозила внести новыя тренія въ налаживавшіяся съ такимъ трудомъ отношенія. Поэтому я набросалъ проэктъ «конституціи» приблизительно по слѣдующей схемѣ:

1. Генералу Алексѣеву — гражданское управленіе, внѣшнія сношенія и финансы.
2. Генералу Корнилову — власть военная.
3. Генералу Каледину — управленіе Донской областью.
4. Верховная власть — тріумвиратъ. Онъ разрѣшаетъ всѣ вопросы государственнаго значенія, причемъ въ засѣданіяхъ предсѣдательствуетъ тотъ изъ тріумвировъ, чьего вѣдѣнія вопросъ обсуждается.

Моя записка, прочтенная въ конспиративной квартирѣ профессора К.-ва совѣщанію генераловъ*) была одобрена и, проредактированная затѣмъ начальникомъ штаба арміи, генераломъ Лукомскимъ, подписана тріумвирами и послана Московскому центру съ однимъ изъ возвращавшихся делегатовъ.

Если этотъ документъ попадаетъ когда-нибудь въ руки государствовѣда, то для свѣдѣнія его сообщаю: это не было упражненіемъ въ области государственно-правовыхъ формъ власти, а исключительно психологическимъ средствомъ, вполнѣ достигшимъ цѣли. Въ то время и при той необыкновенно сложной обстановкѣ, въ которой жили Донъ и Армія, формы *несуществующей фактически государственной власти* временно были совершенно безразличны. Единственно, что было тогда важно и нужно — создать мощную вооруженную силу, чтобы этимъ путемъ остановить потопъ, заливающій насъ съ сѣвера. Съ возстановленіемъ этой силы пришла бы и власть.

---

*) Генералы Алексѣевъ, Корниловъ, Калединъ, Лукомскій, Романовскій, Марковъ и я.

Въ такихъ-же мукахъ рождался «Совѣтъ». По опредѣленію главнаго иниціатора этого учрежденія Федорова, задачи Совѣта заключались въ «организаціи хозяйственной части арміи, сношеніяхъ съ иностранцами и возникшими на казачьихъ земляхъ мѣстными правительствами и съ русской общественностью»; наконецъ, въ «подготовкѣ аппарата управленія по мѣрѣ продвиженія впередъ Добровольческой арміи».

Въ составъ Совѣта отъ русской общественности вошли московскіе делегаты Федоровъ, Бѣлецкій, позднѣе Струве и кн. Г. Трубецкой; персонально П. Милюковъ.

Первое затрудненіе при образованіи Совѣта встрѣчено было со стороны «Донского экономическаго совѣщанія», возникшаго еще въ половинѣ ноября, возглавляемаго к. д.-томъ Н. Парамоновымъ и состоявшаго изъ донскихъ и пришлыхъ общественныхъ дѣятелей. «Экономическое совѣщаніе» при донскомъ атаманѣ и правительствѣ играло до нѣкоторой степени тождественную роль той, которая намѣчалась Совѣту. Явилось поэтому не прикрытое соревнованіе въ вопросѣ о пріоритетѣ въ освободительномъ движеніи донского казачества и добровольчества и, сообразно съ этимъ, Экономическаго совѣщанія и Совѣта... Вопросъ, впрочемъ, былъ скоро улаженъ вмѣшательствомъ Каледина и М. Богаевскаго: Совѣтъ былъ признанъ, и въ составъ его вошли Парамоновъ и М. Богаевскій.

За кулисами продолжалась работа Савинкова. Первоначально онъ стремился во что бы то ни стало связать свое имя съ именемъ Алексѣева, возглавить вмѣстѣ съ нимъ организацію и обратиться съ совмѣстнымъ воззваніемъ къ странѣ. Эта комбинація не удалась. Корниловъ въ первые дни послѣ своего пріѣзда не хотѣлъ и слышать имени Савинкова. Но вскорѣ Савинковъ добился свиданія съ Корниловымъ. Начались длительные переговоры между генералами Алексѣевымъ, Корниловымъ съ одной стороны и Савинковымъ съ другой, въ которыхъ приняли участіе, какъ посредники, Милюковъ и Федоровъ. Савинковъ доказывалъ, что «отмеживаніе отъ демократіи составляетъ политическую ошибку», что въ составъ Совѣта необходимомо включить представителей демократіи въ лицѣ его—Савинкова и группы его политическихъ друзей, что такой составъ Совѣта сниметъ съ него обвиненіе въ скрытой реакціонности и привлечетъ на его сторону солдатъ и казачество; онъ утверждалъ кстати, что въ его распоряженіи имѣется въ Ростовѣ значительный контингентъ революціонной демократіи, которая хлынетъ въ ряды Добровольческой арміи...

Всѣ три генерала относились отрицательно къ Савинкову. Но Калединъ считалъ, что «безъ этой уступки демократіи ему не удастся обезпечить пребываніе на Дону Добровольческой арміи», Алексѣевъ уступалъ передъ этими доводами, а Корнилова смущала возможность упрека въ томъ, что онъ препятствуетъ участію Савинкова въ организаціи по мотивамъ личнымъ, восходящимъ ко времени августовскаго выступленія.

На одномъ изъ военныхъ совѣщаній генералъ Алексѣевъ предъявилъ ультимативный запросъ Савинкова относительно принятія его условій. Конечнымъ срокомъ для отвѣта Савинковъ назначалъ 4 ч. дня (было 2), послѣ чего оставлялъ за собой «свободу дѣйствій». Члены тріумвирата долго обсуждали это странное обращеніе; Лукомскій, Романовскій и я не принимали участія въ ихъ разговорѣ. Наконецъ, я выразилъ изумленіе, что уходитъ время на обсужденіе болѣе чѣмъ смѣлаго требованія лица, представляющаго только себя лично и уже одинъ разъ сыгравшаго отрицательную роль въ корниловскомъ выступленіи.

Условія, однако, были приняты на томъ основаніи, что не стоитъ наживать врага... Въ составъ Совѣта вошли четыре соціалиста — Б. Савинковъ и указанныя имъ лица: бывшій комиссаръ 8-й арміи Вендзягольскій, донской демагогъ Агѣевъ и предсѣдатель крестьянскаго съѣзда, бывшій ссыльный и эмигрантъ Мазуренко.

Отъ предложенія Корнилова, сдѣланнаго мнѣ, вступить въ составъ Совѣта я отказался.

Участіе Савинкова и его группы не дало арміи ни одного солдата, ни одного рубля и не вернуло на стезю государственности ни одного донского казака; вызвало лишь недоумѣніе въ офицерской средѣ.

Въ силу общихъ неблагопріятныхъ условій и отсутствія подлежащей управленію территоріи, дѣятельность Совѣта имѣла самодовлѣющій характеръ и въ жизни арміи не отражалась вовсе. Къ тому же въ нѣдрахъ самого учрежденія создались совершенно ненормальныя отношенія, о которыхъ одинъ изъ членовъ Совѣта пишетъ: «Оба теченія, правое и лѣвое, держались обособленно. Савинковъ внушалъ къ себѣ недовѣріе со стороны правыхъ и чувствовалъ это. Когда онъ что-нибудь предлагалъ, всѣ настораживались и старались отклонить его предложеніе. Но эта обструкція была поневолѣ слабой, потому что рѣдко кто изъ насъ вносилъ въ свою очередь другое предложеніе».

Впрочемъ Совѣтъ просуществовалъ всего лишь недѣли 2—3 и въ серединѣ января, съ переѣздомъ штаба арміи въ Ростовъ фактически прекратилъ свою дѣятельность.

Часть членовъ его разъѣхалась. Савинковъ взялъ на себя порученіе «войти въ сношеніе съ нѣкоторыми извѣстными демократическими дѣятелями» и отбылъ въ Москву. Удостовѣреніе за подписью Алексѣева открывало ему новыя возможности. Его именемъ онъ началъ собирать офицерство, распыляя наши силы, и организовывать возстанія, которыя были скоро и кроваво подавлены большевиками.

Вендзягольскій уѣхалъ въ Кіевъ — для связи съ Юго-западнымъ фронтомъ, отчасти съ поляками и чехо-словаками и вскорѣ обратился къ арміи съ воззваніемъ, начинавшимся такими неожиданными словами: «отъ имени послѣдняго русскаго правительства — національнаго и неизмѣнническаго, сверженнаго въ октябрѣ большевиками, я, военный комиссаръ 8 арміи объявляю»... Врядъ ли мож-

но было найти болѣе одіозныя къ тому времени въ военной средѣ понятія, какъ «Временное правительство» и «комиссаръ», чтобы ихъ авторитетомъ побудить офицеровъ и солдатъ ѣхать на Донъ...

* * *

Главный вопросъ, отъ котораго зависѣло само существованіе арміи — денежный, оставался попрежнему неразрѣшеннымъ.

Денежная Москва ограничилась «горячимъ сочувствіемъ» и обѣщаніями отдать «все» на спасеніе Родины. «Все» выразилось въ суммѣ около 800 тысячъ рублей, присланныхъ въ два пріема; и дальше этого Москва не пошла; впослѣдствіи, по мѣрѣ утвержденія совѣтской власти и захвата ею средствъ буржуазіи, неограниченныя ранѣе финансовыя возможности послѣдней значительно сократились.

Повторилось опять то явленіе, которое имѣло мѣсто въ дни корниловскаго выступленія. И генералы Алексѣевъ и Корниловъ съ полнымъ основаніемъ обращались съ суровымъ осужденіемъ къ Московскому центру, въ лицѣ его делегатовъ.

Московскій Центръ въ лицѣ трехъ его членовъ, командированныхъ въ Петроградъ, обратился за финансовой помощью и къ союзнымъ дипломатамъ. Попытка эта также не привела ни къ чему. Въ первое время послѣ большевисткаго переворота иностранныя посольства находились въ состояніи страха и полной растерянности. Англійское, впрочемъ, устами второстепеннаго представителя маіора Кизъ обѣщало крупную матеріальную поддержку.

По мысли Федорова и московской делегаціи, отъ имени оставшихся на свободѣ членовъ Временнаго правительства мѣстной казенной палатѣ предложено было обращать 25 процент. всѣхъ областныхъ государственныхъ сборовъ на содержаніе борющейся противъ большевиковъ арміи. Послѣ длительныхъ переговоровъ съ атаманомъ и донскимъ правительствомъ эта мѣра и была осуществлена, причемъ общая сумма отнесена въ равныхъ доляхъ на нужды Добровольческой и Донской армій.

Этотъ источникъ былъ главнымъ средствомъ существованія арміи и, въ силу зависимости отъ донской власти, постоянныхъ треній съ нею и крайне слабаго поступленія казенныхъ доходовъ, являлся весьма скуднымъ и ненадежнымъ. Чтобы расширить на тѣхъ-же началахъ финансовую базу, въ Екатеринодаръ и Владикавказъ былъ командированъ Федоровъ и г. Н. Кубанское правительство отказало наотрѣзъ, а съ послѣдовавшимъ паденіемъ Дона и исходомъ арміи дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи прекратились.

Тѣмъ временемъ сборъ средствъ шелъ и на мѣстахъ: ростовская плутократія по подпискѣ дала около 6½ милліоновъ, новочеркасская около 2-хъ. Половина этихъ суммъ должна была поступить въ фондъ Добровольческой арміи, но фактически до самого нашего выхода казначейству удалось собрать съ трудомъ не болѣе 2-хъ милліоновъ.

Генералъ Корниловъ (×) среди чиновъ Корниловскаго полка въ Новочеркасскѣ. (Нѣженцевъ ××).

Стр. 195.

Временами состоянiе добровольческой казны было таково, что приходилось для ея нуждъ въ ростовскихъ банкахъ учитывать мелкiе векселя кредитоспособныхъ бѣженцевъ. Впослѣдствiи въ учрежденiяхъ Юга Россiи возникла даже тяжба для рѣшенiя вопроса — кто былъ Мининымъ: банкъ или бѣженецъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣленiя государственнаго банка и казначейства Дона, не подкрѣпляемыя наличностью, испытывали большiя затрудненiя, грозившiя еще больше запутать экономическое положенiе области. Въ виду этого по инициативѣ донского экономическаго совѣщанiя донская власть приступила къ печатанiю собственныхъ денежныхъ знаковъ — операцiя, осуществленная въ значительныхъ размѣрахъ только весною 1918 г. послѣ освобожденiя Дона.

* *
*

Внутреннiя тренiя въ трiумвиратѣ не прекращались. Однажды едва не кончились полнымъ разрывомъ. 9 января, незадолго до переѣзда въ Ростовъ, меня и Лукомскаго вызвали спѣшно въ помѣщенiе канцелярiи генерала Алексѣева. Пришли мы поздно, когда все уже кончилось, и съ удивленiемъ услышали о происшедшемъ столкновенiи.

Нѣкто капитанъ Капелька, состоявшiй при штабѣ Алексѣева, со словъ Добрынскаго доложилъ Алексѣеву о предстоящемъ «переворотѣ»: съ переѣздомъ въ Ростовъ генералъ Корниловъ долженъ былъ свергнуть трiумвиратъ и объявить себя диктаторомъ; сдѣланы якобы уже назначенiя до «московскаго генералъ-губернатора» включительно.

Не взирая на мутный источникъ этихъ свѣдѣнiй, генералъ Алексѣевъ, предубѣжденный въ отношенiи Корнилова, не переговоривъ съ кѣмъ-либо изъ насъ, собралъ членовъ Совѣта и старшихъ генераловъ и пригласилъ генерала Корнилова для объясненiй.

Корниловъ, взбѣшенный подобнымъ обвиненiемъ и инсценировкой «судилища», отвѣтилъ рѣзкимъ словомъ и удалился. На другой день московская делегацiя получила письма съ отказомъ отъ участiя въ организацiи обоихъ генераловъ — Алексѣева и Корнилова. Опять пришлось уговаривать: Алексѣева — мнѣ лично, Корнилова — вмѣстѣ съ Калединымъ.

Корниловъ удовлетворился извиненiями Алексѣева, но при этомъ потребовалъ отъ московской делегацiи 1. «письменнаго извѣщенiя, что Совѣтъ признаетъ себя органомъ только совѣщательнымъ при коллегiи изъ трехъ генераловъ, и ни одинъ вопросъ, внесенный на разсмотрѣнiе Совѣта, не получаетъ окончательнаго рѣшенiя безъ утвержденiя означенныхъ трехъ лицъ; 2. включенiя въ составъ Совѣта-начальника штаба армiи и предсѣдателя вербовочнаго комитета; 3. «признанiя за командующимъ Добровольческой армiей права назначенiя лицъ, обязательно изъ военныхъ, возглавляющихъ военно-поли-

тическіе центры...*) съ указаніемъ, что эти лица получаютъ инструкціи по военнымъ дѣламъ только отъ штаба арміи» и проч.

Въ отвѣтъ на это требованіе 12 января поступило письмо, подписанное Федоровымъ, Струве и кн. Трубецкимъ:

«Обсудивъ вмѣстѣ съ генералами Лукомскимъ, Деникинымъ, Романовскимъ и Марковымъ общее положеніе организаціи и наиболѣе цѣлесообразные способы наладить въ дальнѣйшемъ работу ея, мы пришли къ заключенію»... и далѣе удовлетворялись всѣ требованія Корнилова.

Чтобы понять обращеніе Корнилова именно къ московской делегаціи, нужно имѣть въ виду, что въ глазахъ тріумвирата она пользовалась извѣстнымъ значеніемъ, такъ какъ съ ней связывалось представленіе о широкомъ фронтѣ русской общественности. Это было добросовѣстное заблужденіе членовъ делегаціи, вводившихъ также добросовѣстно въ заблужденіе и всѣхъ насъ. Сами они стремились принести пользу нашей арміи, но за ними не было никого: Московскій центръ повидимому забылъ и своихъ представителей на Дону, и свои обязательства въ отношеніи Добровольческой арміи...

* * *

И такъ еще одинъ подводный камень былъ обойденъ.

Много разъ потомъ мнѣ приходилось выслушивать сомнѣніе, правильно ли поступали мы всѣ, употребляя такія усилія, чтобы соединить несоединимое, статику и данамику добровольческаго движенія. И не лучше ли было предоставить каждому изъ вождей итти своимъ путемъ... Полагаю, что въ обстановкѣ того времени иначе поступать мы не могли, а въ масштабѣ историческомъ то или иное рѣшеніе вопроса врядъ ли могло бы видоизмѣнить ходъ событій, управляемыхъ великими и невѣдомыми законами бытія.

---

*) Эпизоды съ командировкой Савинкова въ Москву и Вендзягольскаго въ Кіевъ.

ГЛАВА XVII.

Формированіе Добровольческой арміи. Ея задачи. Духовный обликъ первыхъ добровольцевъ.

Подъ вліяніемъ всякого рода недоразумѣній Корниловъ все еще колебался въ окончательномъ рѣшеніи. На него угнетающе дѣйствовали отсутствіе «полной мощи», постоянныя тренія и препятствія, встрѣчаемыя на пути организаціи арміи, скудость средствъ и ограниченность перспективъ. Извнѣ на Корнилова оказывали давленіе въ двухъ направленіяхъ: одни считали, что для человѣка столь крупнаго «всероссійскаго» масштаба слишкомъ мелко то дѣло, которое зарождалось въ Новочеркасскѣ, и что ему необходимо временно устраниться съ военно-политическаго горизонта, чтобы впослѣдствіи возглавить широкое національное движеніе. Ранѣе этотъ взглядъ поддерживалъ по побужденіямъ личнымъ Завойко. Другіе звали генерала въ Сибирь, на его родину, гдѣ «нѣтъ самостійныхъ стремленій» и гдѣ почва въ соціальномъ и бытовомъ отношеніи казалась наиболѣе чуждой большевизму. Наконецъ, были и просто авантюристы, въ родѣ И. Добрынскаго, который, въ неудержимомъ стремленіи играть политическую роль, примѣнялъ всѣ виды шантажа. Такъ въ половинѣ января по какимъ-то атавистическимъ признакамъ онъ неожиданно оказался астраханскимъ казакомъ, нашилъ желтые лампасы и явился къ генералу Корнилову въ сопровожденіи находившихся въ Ростовѣ г.г. Н. Киселева и Б. Самсонова, въ качествѣ делегаціи «отъ поволжскаго купечества и Астраханскаго соединеннаго съ Калмыцкимъ войска». Обращеніе, подписанное этими тремя лицами 16 января, послѣ дифирамба диктатурѣ и вождю, звало Корнилова въ Астрахань для водворенія въ губерніи законности и порядка, обѣщало широкую матеріальную поддержку и заканчивалось такой политически безграмотной тирадой, превращавшей идею добровольчества въ своего рода средневѣковый институтъ ландскнехтовъ: «купечество произведетъ милитаризацію своихъ предпріятій, сохранивъ за военными навсегда ихъ служебное положеніе, давъ обязательство въ томъ, что всѣ назначенія въ этомъ смыслѣ будутъ происходить съ согласія генерала Корнилова».

Въ эти дни Астрахань, какъ я уже говорилъ, агонизировала и 24-го послѣ жестокой рѣзни перешла въ руки большевиковъ.

Однако, мало по малу, связь Корнилова съ арміей укрѣплялась все болѣе и чѣмъ серьезнѣе, безвыходнѣе становилось положеніе, тѣмъ больше росла его привязанность къ добровольцамъ и ихъ пре-

клоненіе передъ своимъ вождемъ. Его имя сразу заняло центральное мѣсто и стало тѣмъ нравственнымъ стержнемъ, вокругъ котораго группировались всѣ боевые элементы арміи. Тѣ тренія, которыя происходили между Алексѣевымъ и Корниловымъ, находили прямое отраженіе (иногда наоборотъ — служили отраженіемъ) только среди политиканствующаго привилегированнаго офицерства, стоявшаго ближе къ обоимъ генераламъ и создавшаго раздѣленіе на «корниловцевъ» и «алексѣевцевъ». Только въ этой средѣ, и то весьма сдержанно, шли разговоры о «демократизмѣ» Корнилова и «монархизмѣ» Алексѣева, и дѣлались вытекающіе изъ этого выводы. Для арміи это было тогда безразлично. Армія воспринимала положеніе болѣе просто и непосредственно: она относилась съ искреннимъ уваженіемъ, довѣріемъ и любовью къ Алексѣеву, помня его прежнія заслуги, зная его доброту, доступность и трогательное вниманіе къ ея нуждамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, армія чувствовала, что повести ее въ кровавый бой долженъ конечно Корниловъ, имя котораго было обвѣяно боевой славой, окружено уже легендой. Въ глазахъ добровольчества жизнь сплела эти имена. И Алексѣевъ, и Корниловъ были необходимы арміи.

Поэтому я, вмѣстѣ съ Лукомскимъ и Романовскимъ, считалъ своимъ долгомъ примирять обѣ стороны и сглаживать насколько возможно возникавшія недоразумѣнія. А накоплявшаяся на поверхности военно-общественнаго движенія людская накипь вела, между тѣмъ, систематически разрушительную работу. Она проявлялась ежедневно во всѣхъ мелочахъ жизни, но дважды вызвала особенно тягостное впечатлѣніе: въ эпизодѣ съ «объявленіемъ диктатуры», приведенномъ мною въ предыдущей главѣ, и въ событіи, имѣвшемъ мѣсто передъ самымъ выступленіемъ арміи изъ Ростова. Нѣкоторыя лица явились къ начальнику штаба*) и представили списокъ офицеровъ, которые, якобы, рѣшили организовать убійство Корнилова. Въ спискѣ фигурировали имена людей «Алексѣевскаго окруженія» и нѣкоторыхъ чиновъ штаба. Когда Романовскій, смотрѣвшій на этотъ инцидентъ, какъ на злостную выдумку, все же собрался доложить о немъ генералу Корнилову, тотъ перебилъ его:

— Мнѣ это извѣстно.

И перешелъ къ текущимъ вопросамъ.

Оскорбленные навѣтомъ офицеры требовали реабилитаціи или отчисленія ихъ изъ арміи. Черезъ 2 — 3 дня Корниловъ собралъ ихъ и сказалъ:

— Дѣло не въ Корниловѣ. Я просто не допускаю мысли, что бы въ арміи нашлись офицеры, которые могли бы поднять руку на своего командующаго. Я вамъ вѣрю и прошу продолжать службу.

* * *

Донская политика привела къ тому, что командующій Добровольческой арміей, генералъ Корниловъ жилъ конспиративно, ходилъ въ

---

*) Тогда былъ уже Романовскій.

штатскомъ платьѣ, и имя его не упоминалось офиціально въ донскихъ учрежденіяхъ.

Донская политика лишила зарождающуюся армію еще одного весьма существеннаго организаціоннаго фактора... Кто знаетъ офицерскую психологію, тому понятно значеніе *приказа*. Генералы Алексѣевъ и Корниловъ при другихъ условіяхъ могли бы отдать приказъ о сборѣ на Дону всѣхъ офицеровъ русской арміи. Такой приказъ былъ бы юридически оспоримъ, но морально обязателенъ для огромнаго большинства офицерства, послуживъ побуждающимъ началомъ для многихъ слабыхъ духомъ. Вмѣсто этого распространялись анонимные возванія и «проспекты» Добровольческой арміи. Правда, во второй половинѣ декабря въ печати, выходившей на территоріи совѣтской Россіи, появились довольно точныя свѣдѣнія объ арміи и ея вождяхъ. Но не было властнаго приказа, и ослабѣвшее нравственно офицерство шло уже на сдѣлки съ собственной совѣстью. Пробирались въ армію сотни, а десятки тысячъ, въ силу многообразныхъ обстоятельствъ, въ томъ числѣ главнымъ образомъ тяжелаго семейнаго положенія и слабости характера, выжидали, переходили къ мирнымъ занятіямъ, преображались въ штатскихъ людей или шли покорно на перепись къ большевистскимъ комиссарамъ, на пытку въ чрезвычайки, позднѣе на службу въ Красную армію. Часть офицерства оставалась еще на фронтѣ, гдѣ офицерское званіе было упразднено и гдѣ Крыленко доканчивалъ «демократизацію», проходившую, по словамъ его доклада Совѣту народныхъ комиссаровъ «безболѣзненно, если не считать того, что въ цѣломъ рядѣ частей стрѣлялись офицеры, которыхъ назначали на должность кашеваровъ»... Другая часть распылялась. Важнѣйшіе центры — Петроградъ, Москва, Кіевъ, Одесса, Минеральныя воды, Владикавказъ, Тифлисъ — были забиты офицерами. Пути на Донъ были конечно очень затруднены*), но твердую волю настоящаго русскаго офицера не остановили бы никакіе кордоны. Невозможность производства мобилизаціи даже на Дону привела къ такимъ поразительнымъ результатамъ: напоръ большевиковъ сдерживали нѣсколько сотъ офицеровъ и дѣтей — юнкеровъ, гимназистовъ, кадетъ, а панели и кафэ Ростова и Новочеркасска были полны молодыми здоровыми офицерами, не поступавшими въ армію. Послѣ взятія Ростова большевиками, совѣтскій комендантъ Калюжный жаловался въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ на страшное обремененіе работой: тысячи офицеровъ являлись къ нему въ управленіе съ заявленіями, «что они не были въ Добровольческой арміи»... Также было и въ Новочеркасскѣ. Донское офицерство, насчитывающее нѣсколько тысячъ, до самаго паденія Новочеркасска уклонилось вовсе отъ борьбы: въ донскіе партизанскіе отряды поступали десятки, въ Добровольческую армію единицы, а всѣ остальные, связанные кровно, имущественно,

---

*) Съ Кавказа не особенно затруднены. Большая группа офицерства, преимущественно гвардейскаго, въ Минеральныхъ водахъ не откликнулась вовсе на призывъ командированнаго туда ген. Эрдэли.

земельно съ войскомъ, не рѣшались пойти противъ ясно выраженнаго настроенія и желаній казачества.

Надежды на Москву также не оправдались. Въ ноябрѣ пріѣхалъ къ генералу Алексѣеву посланецъ отъ Брусилова. Брусиловъ писалъ, что тяжелое испытаніе, ниспосланное Россіи, должно побудить всѣхъ честныхъ людей работать совмѣстно. Узнавъ, что Алексѣевъ формируетъ армію, онъ отдаетъ себя въ полное его распоряженіе и проситъ полномочій для работы въ Москвѣ. Алексѣевъ отвѣтилъ сердечнымъ письмомъ, въ которомъ изложилъ свои планы и надежды, далъ полномочія и поставилъ задачу — направлять рѣшительно всѣхъ офицеровъ и всѣ средства на Донъ. Скоро, однако, алексѣевскій штабъ убѣдился, что Брусиловъ перемѣнилъ направленіе и, пользуясь остаткомъ своего авторитета, запрещаетъ выѣздъ офицеровъ на Донъ... Вѣроятно нѣтъ болѣе тяжелаго грѣха у стараго полководца, потерявшаго въ тискахъ большевистскаго застѣнка свою честь и достоинство, чѣмъ тотъ, который онъ взялъ на свою душу, давая словомъ и примѣромъ оправданіе сбившемуся офицерству, поступавшему на службу къ врагамъ русскаго народа.

Свою вѣроятно не послѣднюю въ жизни эволюцію онъ объяснилъ позднѣе слѣдующими, полными внутренней лжи словами:

— Я подчиняюсь волѣ народа — онъ въ правѣ имѣть правительство, какое желаетъ. Я могу быть не согласенъ съ отдѣльными положеніями, тактикой совѣтской власти; но, признавая здоровую жизненную основу, охотно отдаю свои силы на благо горячо любимой мною родины*).

Цѣли, преслѣдуемыя Добровольческой арміей, впервые были обнародованы въ воззваніи, исходившемъ изъ штаба, 27 декабря.

1. Созданіе «организованной военной силы, которая могла бы быть противопоставлена надвигающейся анархіи и нѣмецко- большевистскому нашествію. Добровольческое движеніе должно быть всеобщимъ. Снова, какъ встарину, 300 лѣтъ тому назадъ, вся Россія должна подняться всенароднымъ ополченіемъ на защиту своихъ оскверненныхъ святынь и своихъ попранныхъ правъ».

2. «Первая непосредственная цѣль Добровольческой арміи — противостоять вооруженному нападенію на Югъ и Юго-востокъ Россіи. Рука объ руку съ доблестнымъ казачествомъ, по первому призыву его Круга, его правительства и Войскового атамана, въ союзѣ съ областями и народами Россіи, возставшими противъ нѣмецко-большевистскаго ига, — всѣ русскіе люди, собравшіеся на Югѣ со всѣхъ концовъ нашей Родины, будутъ защищать до послѣдней капли крови самостоятельность областей, давшихъ имъ пріютъ и являющихся послѣднимъ оплотомъ русской независимости, послѣдней надеждой на возстановленіе Свободной Великой Россіи.

*) Изъ бесѣды съ корреспондентомъ „Новаго Пути“. Лѣто 1921 года.

3. Но рядомъ съ этой цѣлью—другая ставится Добровольческой арміи. Армія эта должна быть той дѣйственной силой, которая дастъ возможность русскимъ гражданамъ осуществить дѣло государственнаго строительства Свободной Россіи... Новая армія должна стать на стражѣ гражданской свободы, въ условіяхъ которой хозяинъ земли русской — ея народъ — выявитъ черезъ посредство избраннаго Учредительнаго Собранія державную волю свою. Передъ волей этой должны преклониться всѣ классы, партіи и отдѣльныя группы населенія. Ей одной будетъ служить создаваемая армія, и всѣ участвующіе въ ея образованіи будутъ безпрекословно подчиняться законной власти, поставленной этимъ Учредительнымъ Собраніемъ.»

Въ заключеніе воззваніе призывало «встать въ ряды Россійской рати... всѣхъ, кому дорога многострадальная Родина, чья душа истомилась къ ней сыновней болью.»

Отозвались, какъ я уже говорилъ, офицеры, юнкера, учащаяся молодежь и очень, очень мало прочихъ «городскихъ и земскихъ» русскихъ людей. «Всенароднаго ополченія» не вышло. Въ силу создавшихся условій комплектованія, армія въ самомъ зародышѣ своемъ таила глубокій органическій недостатокъ, пріобрѣтая характеръ *классовый*. Нѣтъ нужды, что руководители ея вышли изъ народа, что офицерство въ массѣ своей было демократично, что все движеніе было чуждо соціальныхъ элементовъ борьбы, что офиціальный символъ вѣры арміи носилъ всѣ признаки государственности, демократичности и доброжелательства къ мѣстнымъ областнымъ образованіямъ... Печать классоваго отбора легла на армію прочно и давала поводъ недоброжелателямъ возбуждать противъ нея въ народной массѣ недовѣріе и опасенія и противополагать ея цѣли народнымъ интересамъ.

Было ясно, что при такихъ условіяхъ Добровольческая армія выполнить своей задачи въ обще-россійскомъ масштабѣ не можетъ. Но оставалась надежда, что она въ состояніи будетъ сдержать напоръ неорганизованнаго пока еще большевизма и тѣмъ дастъ время окрѣпнуть здоровой общественности и народному самосознанію, что ея крѣпкое ядро со временемъ соединитъ вокругъ себя пока еще инертныя или даже враждебныя народныя силы.

Лично для меня было и осталось непререкаемымъ одно весьма важное положеніе, вытекавшее изъ психологіи октябрьскаго переворота:

Если бы въ этотъ трагическій моментъ нашей исторіи не нашлось среди русскаго народа людей, готовыхъ возстать противъ безумія и преступленія большевистской власти и принести свою кровь и жизнь за разрушаемую родину, — это былъ бы не народъ, а навозъ для удобренія безпредѣльныхъ полей стараго континента, обреченныхъ на колонизацію пришельцевъ съ Запада и Востока.

Къ счастью мы принадлежимъ къ замученному, но великому *русскому народу.*

* *
*

Формированіе арміи вначалѣ носило поневолѣ случайный характеръ, опредѣляясь зачастую индивидуальными особенностями тѣхъ лицъ, которыя брались за это дѣло. Къ началу февраля въ составъ арміи входили:

1. Корниловскій ударный полкъ (Подполковникъ Нѣженцевъ).

2. Георгіевскій полкъ — изъ небольшого офицерскаго кадра, прибывшаго изъ Кіева. (Полковникъ Киріенко).

3. 1-й, 2-й, 3-й офицерскіе батальоны — изъ офицеровъ, собравшихся въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ. (Полковникъ Кутеповъ, Подполковники Борисовъ и Лаврентьевъ, позднѣе полковникъ Симановскій).

4. Юнкерскій батальонъ — главнымъ образомъ изъ юнкеровъ столичныхъ училищъ и кадетъ. (Штабсъ-капитанъ Парфеновъ).

5. Ростовскій добровольческій полкъ — изъ учащейся молодежи Ростова. (Генералъ-маіоръ Боровскій).

6. Два кавалерійскихъ дивизіона. (Полковниковъ Гершельмана и Глазенапа).

7. Двѣ артиллер. батареи — преимущественно изъ юнкеровъ артиллерійскихъ училищъ и офицеровъ. (Подполковники Міончинскій и Ерогинъ).

8. Цѣлый рядъ мелкихъ частей, какъ то «морская рота» (капитанъ 2-го ранга Потемкинъ), инженерная рота, чехо-словацкій инженерный батальонъ, дивизіонъ смерти Кавказской дивизіи (Полковникъ Ширяевъ) и нѣсколько партизанскихъ отрядовъ, называвшихся по именамъ своихъ начальниковъ.

Всѣ эти полки, батальоны, дивизіоны были по существу только кадрами, и общая боевая численность всей арміи врядъ ли превосходила 3—4 тысячи человѣкъ, временами, въ періодъ тяжелыхъ ростовскихъ боевъ, падая до совершенно ничтожныхъ размѣровъ. Армія обезпеченной базы не получила. Приходилось одновременно и формироваться, и драться, неся большія потери и иногда разрушая только что сколоченную съ большими усиліями часть.

Около штаба кружились авантюристы, предлагавшіе формировать партизанскіе отряды. Генералъ Корниловъ слишкомъ довѣрчиво относился къ подобнымъ людямъ и зачастую, получивъ деньги и оружіе, они или исчезали, или отвлекали изъ рядовъ арміи въ тылъ элементы послабѣе нравственно, или составляли шайки мародеровъ.*) Особенную извѣстность получилъ отрядъ сотника Грекова — «Бѣлаго дьявола» — какъ онъ самъ себя именовалъ, который въ теченіе двухъ, трехъ недѣль разбойничалъ въ окрестностяхъ Ростова, пока, наконецъ, отрядъ не расформировали. Самъ Грековъ гдѣ-то скрывался и только осенью 1918 года былъ обнаруженъ въ Херсонѣ или Николаевѣ, гдѣ вновь по порученію городского самоуправленія со-

---

*) Донцамъ удалось сформировать нѣсколько хорошихъ партизанскихъ отрядовъ, о которыхъ говорится дальше.

бралъ отрядъ, прикрываясь добровольческимъ именемъ. Позднѣе былъ пойманъ въ Крыму и посланъ на Донъ въ руки правосудія. Какой то туземецъ вербовалъ персовъ, набирая ихъ, какъ оказалось, среди подонковъ ростовскихъ ночлежныхъ домовъ... Всѣ эти импровизаціи вносили разстройство въ организацію арміи и придавали несвойственный ей скверный налетъ. Къ счастью, вскорѣ этому былъ положенъ предѣлъ. Назрѣвала мистификація и въ болѣе широкомъ масштабѣ: изъ Екатеринодара пріѣхалъ нѣкто — Девлетъ-ханъ-Гирей, съ предложеніемъ «поднять черкесскій народъ», для чего потребовался авансъ въ 750 тысячъ рублей и до 9 тысячъ ружей. Только пустая армейская казна остановила этотъ странный опытъ, такъ неудачно повторенный впослѣдствіи.

Армія пополнялась на добровольческихъ началахъ, при чемъ каждый доброволецъ давалъ подписку прослужить четыре мѣсяца и обѣщалъ безпрекословное повиновеніе командованію. Состояніе казны давало возможность оплачивать добровольцевъ до крайности нищенскими окладами:

		Офиц.	Солдаты
1917 г.	ноябрь	только паекъ.	только паекъ.
"	декабрь	100 руб.	30 руб.
1918 г.	январь	150 руб.	50 руб.
"	февраль*)	270 руб.	150 руб.

Въ офицерскихъ батальонахъ, отчасти и батареяхъ, офицеры несли службу рядовыхъ, въ условіяхъ крайней матеріальной необезпеченности. Въ донскихъ войсковыхъ складахъ хранились огромные запасы, но мы не могли получить оттуда ничего иначе, какъ путемъ кражи или подкупа. И войска испытывали острую нужду рѣшительно во всемъ: не хватало вооруженія и боевыхъ припасовъ, не было обоза, кухонь, теплыхъ вещей, сапогъ... И не было достаточно денегъ, чтобы удовлетворить казачьи комитеты, распродававшіе *на сторону* все, до совѣсти включительно...

Высоко поучительна исторія созданія добровольческой артиллеріи. Одну батарею (два орудія) украли въ 39 дивизіи, ушедшей самовольно съ Кавказскаго фронта и обратившей Ставропольскую губернію въ свой ленъ. Сборный офицерско-юнкерскій отрядъ произвелъ ночной набѣгъ на одно изъ селеній, расположенныхъ въ раіонѣ Торговой (Ставропольской губ., верстъ за полтораста отъ Новочеркасска), гдѣ квартировала батарея; отбилъ у солдатъ два орудія и привезъ ихъ въ Новочеркасскъ. Два орудія мы взяли въ донскомъ складѣ съ разрѣшенія комитета для отданія почестей на похоронахъ добровольческаго офицера и «затеряли». Одну батарею *купили* у вернувшихся съ фронта казаковъ-артиллеристовъ, пославъ къ нимъ

*) Кромѣ того, небольшая прибавка семейнымъ.

полковника Тимановскаго, который споилъ команду и уплатилъ ей около 5 тысячъ рублей. Можно себѣ представить наше огорченіе, когда донцы неожиданно отказались отъ сдѣлки, въ виду того, что войсковой штабъ назначилъ въ батарею пополненіе и неизвѣстно было, какъ оно отнесется къ самоупраздненію. Послали телеграмму въ донской штабъ, который поспѣшилъ отмѣнить свое распоряженіе.

Наконецъ, въ началѣ января команда въ составѣ около 40 офицеровъ и юнкеровъ была командирована въ Екатеринодаръ за уступленными намъ кубанскимъ атаманомъ пушками. На узловой станціи Тимашевской вагонъ съ добровольцами окружили казаки мѣстнаго кубанскаго полка и, когда послѣ долгихъ споровъ добровольцы, не желая пролитія крови, согласились сдать оружіе съ тѣмъ, что ихъ пропустятъ въ Екатеринодаръ,*) казаки перецѣпили вагонъ и подъ сильнымъ конвоемъ отправили его... въ Новороссійскъ, сдавъ добровольцевъ военно-революціонному комитету. Нѣсколько человѣкъ на полномъ ходу выбросились изъ вагона и вернулись въ Ростовъ, остальные томились почти восемь мѣсяцевъ въ Новороссійской тюрьмѣ, въ ожиданіи той участи, которая постигла тамъ вскорѣ несчастныхъ офицеровъ Варнавинскаго полка... (Команда контръ-миноносца «Керчь», совмѣстно съ совѣтскими властями города, сняла съ транспорта, отходившаго отъ пристани съ 491-мъ Варнавинскимъ полкомъ, выданныхъ солдатами, послѣ нѣкотораго колебанія, всѣхъ офицеровъ полка. Въ тотъ же день, 18 февраля, офицеры, помѣщенные на баржу, были раздѣты, связаны, изувѣчены, изрублены, разстрѣляны, а затѣмъ сброшены въ море. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ трупы несчастныхъ стали всплывать на поверхность воды... По счастливой случайности артиллеристы остались цѣлы и были выручены вступившими въ Новороссійскъ въ августѣ 1918 года частями Добровольческой арміи.

Сколько мужества, терпѣнія и вѣры въ свое дѣло должны были имѣть тѣ «безумцы», которые шли въ армію, не взирая на всѣ тяжкія условія ея зарожденія и существованія!

Отличительнымъ знакомъ новой арміи былъ нашиваемый на рукавъ уголъ изъ лентъ національныхъ цвѣтовъ.

Я былъ назначенъ начальникомъ «Добровольческой дивизіи», въ составъ которой входили всѣ наши формированія, такъ что въ сущности возникало двоевластіе, устраненное впослѣдствіи, въ началѣ февраля. Хозяйственныхъ функцій у меня не было никакихъ. Начальникомъ штаба «дивизіи» сталъ генералъ Марковъ; штабъ 4—5 офицеровъ.

При командующемъ арміей образовался большой штабъ арміи, возглавляемый генераломъ Лукомскимъ и вѣдавшій всѣми организаціонными, административными, хозяйственными вопросами, а также высшимъ оперативнымъ руководствомъ арміи. Имѣлъ свой штабъ и

*) Въ этомъ ихъ завѣрилъ и штабъ офицеръ кубанскаго полка.

генералъ Алексѣевъ. Несоотвѣтствіе численности нашихъ штабовъ боевому составу арміи рѣзко бросалось въ глаза и вызывало осужденіе въ рядахъ войскъ. Вызывалось оно разными причинами: широкимъ размахомъ, который хотѣли придать всему начинанію, навыкомъ начальниковъ, занимавшихъ ранѣе высокіе посты и привыкшихъ къ большому масштабу работы, наличіемъ многихъ опытныхъ штабныхъ работниковъ, не годившихся къ строевой службѣ и, конечно, тѣмъ стихійнымъ стремленіемъ всѣхъ штабовъ всѣхъ временъ къ саморазмноженію, съ которымъ безнадежно боролись и Корниловъ, и впослѣдствіи я. Отчасти на этой почвѣ въ концѣ января произошло недоразумѣніе между генераломъ Корниловымъ и генераломъ Лукомскимъ, послѣ чего въ должность начальника штаба арміи вступилъ генералъ Романовскій, а Лукомскій былъ назначенъ представителемъ арміи при Донскомъ атаманѣ.

Штабъ арміи состоялъ изъ двухъ отдѣловъ — строевого и снабженій. Первымъ вѣдалъ генералъ Романовскій, вторымъ — генералъ Эльснеръ. Въ первый періодъ дѣятельность Ивана Павловича заслонялась многими наслоившимися инстанціями и не привлекала къ себѣ особеннаго вниманія. Только его манера рѣзко и откровенно обрывать людей недобросовѣстныхъ, независимо отъ положенія, людей, которые все больше и больше облѣпляли организацію, — создавала этому скромнѣйшему по характеру человѣку репутацію «надменнаго»... За то на почвѣ тяжелаго матеріальнаго положенія арміи всеобщее озлобленіе обрушилось на голову начальника снабженій, генерала Эльснера. Его бранили и въ строю, и въ штабахъ, и среди общественныхъ дѣятелей, прикосновенныхъ къ организаціи. Впослѣдствіи А. Суворинъ зло и несправедливо обрушился на него въ печати... Дѣйствительно суровое время требовало и другихъ людей. Эльснеръ былъ выдающимся начальникомъ снабженія Юго-западнаго фронта, а здѣсь нуженъ былъ просто хорошій, крѣпкій интендантъ, умѣющій найти и купить. Эльснеръ былъ добросовѣстенъ, медлителенъ и трудолюбивъ, нѣсколько придавленъ бердичевскимъ и быховскимъ сидѣніемъ, состарившимъ его, и слишкомъ добръ, тогда какъ требовалась исключительная энергія, порывъ и безжалостность. Наконецъ Эльснеръ былъ честенъ, тогда какъ подлое время требовало, очевидно, и подлыхъ пріемовъ. Генералъ Алексѣевъ, по выходѣ книги А. Суворина, вступившись за Эльснера, между прочимъ писалъ: «Начинали мы работу съ грошами, а главное совершенно не имѣли времени и возможности готовиться къ походу... Наиболѣе тяжкимъ и кошмарнымъ представлялся (тогда)... вопросъ санитарный... Вы знаете причины этого: не недостатокъ средствъ, а полное отсутствіе людей, готовыхъ беззавѣтно и умѣло работать въ этой области Такъ и по другимъ частямъ: нѣтъ энергичнаго интенданта —толковаго и дѣль-

наго, нѣтъ другихъ сотрудниковъ, могущихъ честно и продуктивно работать въ области хозяйства»...*)

Былъ, впрочемъ, въ организаціи одинъ инженеръ, обладавшій какъ разъ всѣми свойствами противоположными тѣмъ, которыми судьба надѣлила Эльснера. Но и онъ въ тогдашней удручающей обстановкѣ не далъ арміи ничего, себѣ же создалъ весьма сомнительную репутацію.

Назначеніе начальниковъ строевыхъ частей вначалѣ имѣло поневолѣ чисто случайный характеръ: выбора не было, людей не знали. Одинъ оказался пьяницей и садистомъ и, будучи исключенъ изъ арміи, впослѣдствіи подобралъ шайку, нанялся къ ставропольскимъ овцеводамъ и терроризировалъ населеніе, пока не былъ преданъ суду. Другой, выдававшій себя за родственника Корнилова, — безтолковый и недалекій, игравшій на аракчеевскомъ «безъ лести преданъ» и льстившій до приторности командующему, графоманъ и кляузникъ, въ теченіе трехъ недѣль безнадежно путалъ въ дѣлѣ командованія отрядомъ, пока случай не избавилъ насъ отъ него: послѣ одного тяжелаго боя онъ уѣхалъ въ Ростовъ и оттуда послалъ своему замѣстителю на позицію распоряженіе присылать ежедневно по 15—20 человѣкъ подъ видомъ обмороженныхъ; такимъ образомъ соберется весь отрядъ и отдохнетъ... А въ эти дни порѣдѣвшій фронтъ еле держался. Письмо попало въ руки генерала Корнилова и рѣшило участь писавшаго: онъ былъ уволенъ въ резервъ.

Корниловъ привязывался къ людямъ, вѣрилъ имъ и страдалъ, когда обнаруживалась ошибка. Помню, какъ въ тотъ день онъ характернымъ жестомъ провелъ рукою по опечаленному лицу и сказалъ:

— Какъ тяжело разочаровываться въ людяхъ.

Такіе типы были, однако, исключеніемъ; въ большинствѣ подобрались высоко доблестные командиры, а тяжкіе бои и походъ создавали тѣсное взаимное общеніе и близкое знакомство и отсѣивали постепенно все болѣе слабое. Добровольческая армія чтитъ память многихъ первыхъ своихъ командировъ: Нѣженцевъ — влюбленный въ Корнилова и въ его идею до самопожертвованія, пронесшій ее нерушимо сквозь тысячи преградъ, безстрашный, жившій полкомъ и для полка и сраженный пулей въ минуту вдохновеннаго порыва, увлекая поколебавшіеся ряды Корниловцевъ въ атаку... Міончинскій — этотъ виртуозъ артиллерійскаго боя, жившій, горѣвшій и священнодѣйствовавшій въ музыкѣ смертоноснаго огня... Тимановскій — весь израненный — въ Кубанскихъ походахъ ходившій въ атаку также спокойно, съ величайшимъ презрѣніемъ къ смерти, какъ и въ дни Луцкаго прорыва въ рядахъ «желѣзной дивизіи»... «Нашъ» Марковъ... И много другихъ, уже павшихъ или уцѣлѣвшихъ, которые съ первыхъ

---

*) Письмо генерала Алексѣева къ А. Суворину 13 августа 1918 года.

дней арміи добросовѣстно и безкорыстно отдали ей свои силы и жизнь.

* * *

Много уже написано, еще больше напишутъ о духовномъ обликѣ Добровольческой арміи. Тѣ, кто видѣлъ въ ней осіянный страданіемъ и мученичествомъ подвигъ — правы. И тѣ, кто видѣлъ грязь, пятнавшую чистое знамя, во многихъ случаяхъ искренни. Весь вопросъ въ правильномъ синтезѣ ряда сложныхъ явленій въ жизни арміи — явленій, рожденныхъ войной и революціей. Такъ, *каждый* въ отдѣльности офицеръ, выведенный въ купринскомъ «Поединкѣ», — живой человѣкъ, но такого собранія офицеровъ, такого *полка* въ русской арміи не было.

Въ нашу своеобразную Запорожскую сѣчь шли всѣ, кто дѣйствительно сочувствовалъ идеѣ борьбы и былъ въ состояніи вынести ея тяготы. Шли и хорошіе, и плохіе. Но четыре года войны и кошмаръ революціи не прошли безслѣдно. Они обнажили людей отъ внѣшнихъ культурныхъ покрововъ и довели до высокаго напряженія всѣ ихъ сильныя и всѣ ихъ низменныя стороны. Было бы лицемѣріемъ со стороны общества, испытавшаго небывалое моральное паденіе, требовать отъ добровольцевъ аскетизма и высшихъ добродѣтелей. Былъ подвигъ, была и грязь. Героизмъ и жестокость. Страданіе и ненависть. Соціальная терпимость и инстинктъ классовой розни. Первыя явленія возносили, со вторыми боролись. Но вторыя не были отнюдь преобладающими: исторія отмѣтитъ тотъ важный для познанія русской народной души фактъ, какъ на почвѣ кровавыхъ извращеній революціи, обывательской тины и интеллигентскаго маразма могло вырасти такое положительное явленіе, какъ добровольчество, при всѣхъ его тѣневыхъ сторонахъ сохранившее героическій образъ и національную идею.

Добровольцы были чужды политики, вѣрны идеѣ спасенія страны, храбры въ бояхъ и преданы Корнилову. Впереди ихъ ждало увѣчье, скитаніе, многихъ — смерть; побѣда представлялась тогда въ далекомъ будущемъ. Они дрались на подступахъ къ Ростову, зная, что сотни тысячъ казаковъ и ростовской буржуазіи за ихъ спиною живутъ легко и привольно. Они были оборваны, мерзли и голодали, видя какъ бѣснуется и веселится богатѣйшій Ростовъ, финансовая знать котораго съ большимъ трудомъ «пожертвовала» на армію два милліона рублей, растворившихся быстро въ бездонной ея нуждѣ. Они встрѣчали въ обществѣ равнодушіе, въ народѣ вражду, въ резолюціяхъ революціонныхъ учрежденій и соціалистической печати злобу, клевету и поношеніе. Одиночные добровольцы, случайно попадавшіе въ Темерникъ — рабочіе кварталы Ростова — часто не возвращались... Однажды въ Ростовѣ, когда юнкерскій караулъ, спровоцированный выстрѣломъ на большомъ желѣзнодорожномъ митингѣ, пустилъ въ ходъ оружіе, въ результатѣ чего оказались одинъ

или два рабочихъ убиты, это событіе вызвало огромную демонстрацію; съ разрѣшенія донского правительства «жертвамъ» были устроены грандіозныя похороны съ толпами народа, депутаціями, вѣнками и рѣчами, направленными противъ «враговъ народа». А «враги народа» въ это время каждый день тихо, безъ вѣнковъ и рѣчей, въ наскоро сколоченныхъ гробахъ, иногда и безъ гробовъ, опускались въ холодную могилу возлѣ чужихъ и незнакомыхъ имъ станцій и полустанковъ Донской земли. И рѣдко когда ихъ провожала слеза друга или брата, ибо звѣриное время зачерствляло сердца и понижало цѣну жизни.

Гражданская война довершила тотъ психологическій процессъ, который только намѣтила война на фронтѣ.

Вскорѣ стало извѣстнымъ, что большевики *убиваютъ всѣхъ добровольцевъ,* захваченныхъ ими, *предавая передъ этимъ безчеловѣчнымъ мученіямъ.* Сомнѣній въ этомъ не было. Не разъ на мѣстахъ, переходившихъ изъ рукъ въ руки, добровольцы находили изуродованные трупы своихъ соратниковъ, слышали леденящую душу повѣсть свидѣтелей этихъ убійствъ, спасшихся чудомъ изъ рукъ большевиковъ. Помню, какою жутью повѣяло на меня, когда первый разъ привезли восемь замученныхъ добровольцевъ изъ Батайска — изрубленныхъ, исколотыхъ, съ обезображенными лицами, въ которыхъ подавленные горемъ близкіе едва могли различить родныя черты... Поздно вечеромъ, гдѣ-то далеко на заднемъ дворѣ товарной станціи, среди массы составовъ я нашелъ вагонъ съ трупами, загнанный туда по распоряженію ростовскихъ властей, «чтобы не вызвать эксцессовъ». И когда при тускломъ мерцаніи восковыхъ свѣчекъ священникъ, робко озираясь, возглашалъ «вѣчную память убіеннымъ», сердце сжималось отъ боли, и не было прощенія мучителямъ...

Помню свою поѣздку на «Таганрогскій фронтъ» въ серединѣ января. На одной изъ станцій возлѣ Матвѣева кургана, на платформѣ лежало тѣло, прикрытое рогожей. Это былъ трупъ начальника станціи, убитаго большевиками, узнавшими, что его сыновья служатъ въ Добровольческой арміи. Отцу порубили руки и ноги, вскрыли брюшную полость и закопали еще живымъ въ землю. По искривленнымъ членамъ и окровавленнымъ израненнымъ пальцамъ видно было, какія усилія употреблялъ несчастный, чтобы выбраться изъ могилы. Здѣсь же были два его сына — офицеры, пріѣхавшіе изъ резерва, чтобы взять тѣло отца и отвезти его въ Ростовъ. Вагонъ съ покойникомъ прицѣпили къ поѣзду, въ которомъ я ѣхалъ. На какой то попутной станціи одинъ изъ сыновей, увидѣвъ вагонъ съ захваченными въ плѣнъ большевиками, пришелъ въ изступленіе, ворвался въ вагонъ и, пока караулъ опомнился, застрѣлилъ нѣсколько человѣкъ...

Среди кроваваго тумана калѣчились души молодыхъ жизнерадостныхъ и чистыхъ сердцемъ юношей. Однажды въ Ростовѣ, въ Парамоновскомъ домѣ, до слуха моего долетѣлъ веселый разговоръ. Разсказывалъ о чемъ то молодой подпоручикъ, почти мальчикъ,

17 лѣтъ. Я поинтересовался, въ чемъ дѣло. Оказывается, шелъ онъ по улицѣ, какъ обычно, съ винтовкой черезъ плечо. Наткнулся на облаву, устроенную милиціонерами на бандитовъ, принялъ участіе и одного бандита убилъ выстрѣломъ:

— Вскинулъ ружье, бацъ — прямо въ глазъ, такъ и свалился, не пикнувъ!

И онъ сопровождалъ разсказъ веселымъ смѣхомъ. Я обрушился на него:

— Стыдитесь вы! Неужели вы не понимаете всего цинизма вашего смѣха? Если судьба привела убить человѣка, такъ развѣ можно этому радоваться?

По мѣрѣ того, какъ я говорилъ, лицо у подпоручика сводило сильной судорогой, глаза наполнились слезами, и онъ опустился безпомощно на стулъ. Мнѣ разсказали потомъ его исторію. Большевики убили его отца, дряхлаго отставного генерала, мать, сестру и мужа сестры — полнаго инвалида послѣдней войны. Самъ подпоручикъ, будучи юнкеромъ, принималъ участіе въ октябрьскіе дни въ бояхъ на улицахъ Петрограда, былъ схваченъ, жестоко избитъ, получилъ сильныя поврежденія черепа и съ трудомъ спасся.

И много было такихъ людей, исковерканныхъ, изломанныхъ жизнью, потерявшихъ близкихъ или оставившихъ семью безъ куска хлѣба тамъ, гдѣ то далеко—на произволъ бушующаго краснаго безумія. Не они создавали основной обликъ арміи, но ихъ психологія должна быть учтена тѣми, въ особенности, кто на крестномъ пути добровольцевъ склоненъ видѣть только мрачныя тѣни.

Большевики съ самого начала опредѣлили характеръ гражданской войны:

Истребленіе.

Совѣтская опричнина убивала и мучила *всѣхъ* не столько въ силу звѣринаго ожесточенія, непосредственно появлявшагося во время боя, сколько подъ вліяніемъ направляющей сверху руки, возводившей терроръ въ систему и видѣвшей въ немъ единственное средство сохранить свое существованіе и власть надъ страной. Терроръ у нихъ не прятался стыдливо за «стихію», «народный гнѣвъ» и прочіе безотвѣтственные элементы психологіи массъ — онъ шествовалъ нагло и беззастѣнчиво. Представитель красныхъ войскъ Сиверса, наступавшихъ на Ростовъ, Волынскій, явившись на третій день послѣ взятія города въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, не оправдывался, когда изъ меньшевистскаго лагеря послышалось слово — «убійцы». Онъ сказалъ:

— Какихъ бы жертвъ это ни стоило намъ, мы совершимъ свое дѣло, и каждый, съ оружіемъ въ рукахъ возставшій противъ совѣтской власти, не будетъ оставленъ въ живыхъ. Насъ обвиняютъ въ жестокости, и эти обвиненія справедливы. Но обвиняющіе забываютъ, что гражданская война — война особая. Въ битвахъ народовъ сражаются люди — братья, одураченные господствующими клас-

сами; въ гражданской же войнѣ идетъ бой между подлинными врагами. Вотъ почему эта война не знаетъ пощады, и мы безпощадны»*).

Выбора въ средствахъ противодѣйствія при такой системѣ веденія войны не было. Въ той обстановкѣ, въ которой дѣйствовала Добровольческая армія, находившаяся почти всегда въ тактическомъ окруженіи — безъ своей территоріи, безъ тыла, безъ базъ, представлялись только два выхода: отпускать на волю захваченныхъ большевиковъ или «не брать плѣнныхъ». Я читалъ гдѣ то, что приказъ въ послѣднемъ духѣ отдалъ Корниловъ. Это не вѣрно: безъ всякихъ приказовъ жизнь приводила во многихъ случаяхъ къ тому ужасному способу войны «на истребленіе», который до извѣстной степени напомнилъ мрачныя страницы русской пугачевщины и французской Вандеи... Когда во время боевъ у Ростова отъ поѣзда оторвалось нѣсколько вагоновъ съ ранеными добровольцами и сестрами милосердія и покатилось подъ откосъ въ сторону большевистской позиціи, многіе изъ нихъ, въ припадкѣ безумнаго отчаянія, кончали самоубійствомъ. Они знали, что ждетъ ихъ. Корниловъ же приказывалъ ставить караулы къ захваченнымъ большевистскимъ лазаретамъ. Милосердіе къ раненымъ — вотъ все, что могъ внушать онъ въ ту грозную пору. Только много времени спустя, когда совѣтское правительство, кромѣ своей прежней опричнины, привлекло къ борьбѣ путемъ насильственной мобилизаціи подлинный народъ, организовавъ Красную армію, когда Добровольческая армія стала пріобрѣтать формы государственнаго учрежденія съ извѣстной территоріей и гражданской властью, удалось мало по малу установить болѣе гуманные и человѣчные обычаи, поскольку это, вообще, возможно въ развращенной атмосферѣ гражданской войны.

Она калѣчила жестоко не только тѣло, но и душу.

---

*) „Рабочее дѣло“ 14 февраля 1918 г.

Снимокъ группы Быховцевъ съ автографами, найденный въ большевистской чрезвычайкѣ.

Стр. 206.

Типы большевиковъ, — участниковъ пытокъ и разстрѣловъ. — (Крымъ).

Стр. 206.

Типы большевиковъ, — участниковъ пытокъ и разстрѣловъ. — (Крымъ).

Стр. 206.

ГЛАВА XVIII.

Конецъ старой арміи. Организація красной гвардіи. Начало вооруженной борьбы совѣтской власти противъ Украины и Дона. Политика союзниковъ; роль чехо-словацкаго и польскаго корпусовъ. Бои Добровольческой арміи и донскихъ партизанъ на подступахъ къ Ростову и Новочеркасску. Оставленіе Добровольческой арміей Ростова.

Въ Брестъ-Литовскѣ происходилъ торгъ между центральными державами и ихъ совѣтскими агентами, воспоминаніе о которомъ вызываетъ жгучій стыдъ и боль. Никогда еще европейскіе государственные дѣятели не сбрасывали съ себя съ такимъ безстыдствомъ всякіе покровы чести и справедливости. Совѣтъ народныхъ комиссаровъ, связанный денежными отношеніями съ нѣмецкимъ штабомъ, соблюдалъ, однако, внѣшній декорумъ. Совѣтъ пожелалъ узнать мнѣніе крыленковской Ставки — подписывать ли немедленный миръ на нѣмецкихъ условіяхъ или нѣтъ, «въ зависимости отъ способности фронтовъ къ боевому сопротивленію». Крыленко собралъ 22 января «военный совѣтъ»*), членовъ котораго онъ познакомилъ съ мнѣніями по этому поводу Ленина и Бронштейна. Первый считалъ необходимымъ заключеніе мира во что бы то ни стало; второй предлагалъ «всю матеріальную часть дѣйствующей арміи эвакуировать вглубь страны... старую армію распустить, а потомъ, не подписывая и не заключая мира, предоставить нѣмцамъ поступать съ нами, какъ они хотятъ, заранѣе зная, что они все равно фактически намъ сдѣлать ничего не могутъ, такъ какъ Германія заливается пожаромъ пролетарской революціи». Даже крыленковскій «совѣтъ» возмутился подобной постановкой вопроса и большинствомъ 7 голосовъ противъ 4 (въ послѣднемъ числѣ голосъ самого главковерха) призналъ невозможнымъ заключеніе мира на предложенныхъ нѣмцами условіяхъ и необходимымъ продолжать борьбу всѣми средствами. На этомъ секретномъ засѣданіи Крыленко высказалъ нѣкоторые взгляды, отражавшіе образъ мыслей народныхъ комиссаровъ, обнаженные отъ всякихъ условныхъ формъ совѣтскаго лукавства и несравнимые по своему цинизму.

*) Изъ 9 предсѣдателей различныхъ военныхъ большевистскихъ учрежденій и двухъ генераловъ — Бончъ-Бруевича и Лукирскаго.

«Какое намъ дѣло — говорилъ онъ — до того, заботится или не заботится Германія о нарощеніи или ненарощеніи территоріи? Какое намъ дѣло, будетъ или не будетъ урѣзана Россія? И какое, наконецъ, намъ дѣло, — будетъ или не будетъ существовать сама Россія въ томъ видѣ, какъ это доступно пониманію буржуевъ? Наплевать намъ на территорію! Это — плоскость мышленія буржуазіи, которая разъ навсегда и безвозвратно должна погибнуть»...

«Войну нужно окончить теперь же... Старую армію расформировать до послѣдняго человѣка, чтобы отъ этой крестьянской рухляди не осталось и слѣдовъ, чтобы сама идея старой арміи была растоптана и раздавлена»...

Такимъ языкомъ говорили они теперь о той силѣ, которой раньше расточали низкую лесть и которая привела большевизмъ къ власти надъ страной.

«Новая соціалистическая армія не должна вести войну на внѣшнемъ фронтѣ противъ непріятельской арміи... она будетъ стоять на стражѣ совѣтской власти, какъ основа ея существованія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнѣйшая задача арміи будетъ заключаться еще въ томъ, чтобы раздавить нашу буржуазію»*).

Исходя изъ этой точки зрѣнія, еще въ половинѣ января совѣтская власть обнародовала декретъ объ организаціи «рабоче-крестьянской арміи» изъ «наиболѣе сознательныхъ и организованныхъ элементовъ трудящагося класса». Но формированіе новой классовой арміи шло неуспѣшно, и совѣту пришлось обратиться къ старымъ организаціямъ: выдѣлялись части съ фронта и изъ запасныхъ батальоновъ, соотвѣтственно отсѣянныя и обработанныя, латышскіе, матросскіе отряды и красная гвардія, формировавшаяся фабрично-заводскими комитетами. Всѣ они шли противъ Украины и Дона. Какая сила двигала этихъ людей, смертельно уставшихъ отъ войны, на новыя жестокія жертвы и лишенія? Меньше всего — преданность совѣтской власти и ея идеаламъ. Голодъ, безработица, перспективы праздной, сытой жизни и обогащенія грабежомъ, невозможность пробраться инымъ порядкомъ въ родныя мѣста, привычка многихъ людей за четыре года войны къ солдатскому дѣлу, какъ къ ремеслу («деклассированные»), наконецъ, въ большей или меньшей степени чувство классовой злобы и ненависти, воспитанное вѣками и разжигаемое сильнѣйшей пропагандой. Ростовскій органъ с. д. «Рабочее слово» (№ 8, 1918 г.) приводилъ интересный фактъ: возвращеніе изъ ограбленнаго Кіева Макѣевскаго отряда рудничныхъ рабочихъ, ихъ «внѣшній обликъ и размахъ жизни» вызвали въ угольномъ раіонѣ такое стремленіе въ красную гвардію, что сознательные рабочіе круги были серьезно обезпокоены, «какъ бы весь наличный составъ квалифицированныхъ рабочихъ не перешелъ въ красную гвардію»...

*) Секретный протоколъ засѣданія „военнаго совѣта".

Извѣстное участіе въ наступленіи противъ Юга принялъ и нѣмецкій генеральный штабъ, одна изъ организацій котораго — маіора фонъ Бельке — занималась формированіемъ для совѣтской арміи отрядовъ изъ военно-плѣнныхъ нѣмцевъ, широкой пропагандой и развѣдкой на Дону. Какъ видно изъ документовъ, опубликованныхъ Сиссономъ, маіоръ фонъ Бельке, совмѣстно съ большевиками, организовалъ также покушеніе на убійство генераловъ Алексѣева и Каледина и помощника атамана М. Богаевскаго, неудавшееся въ силу того, что командированные для этой цѣли агенты, по опредѣленію нѣмцевъ, «оказались трусливыми и непредпріимчивыми людьми».

Однако, военное положеніе въ теченіе всего декабря и начала января въ представленіи совѣтскаго командованія рисовались въ чрезвычайно пессимистическихъ краскахъ. Совѣтскія сводки до смѣшного преувеличивали и силы Добровольческой арміи, и активность ея намѣреній. Такъ 18 декабря, когда добровольческія части не выходили еще на фронтъ, а донскія митинговали, съ южнаго фронта доносили: «положеніе крайне тревожное. Калединъ и Корниловъ идутъ на Харьковъ и Воронежъ... Главнокомандующій проситъ присылать на помощь отряды красногвардейцевъ»*). Комиссаръ Склянскій сообщалъ совѣту народныхъ комиссаровъ, что Донъ мобилизованъ поголовно, вокругъ Ростова собрано 50 тысячъ войска. Ленинъ разсылалъ во всѣ стороны отчаянныя телеграммы, подымая красную гвардію противъ «Каледина, напавшаго на русскую революцію». Только въ концѣ января большевистское командованіе получило болѣе подробную оріентировку о военно-политическомъ строѣ Добровольческой арміи, между прочимъ какъ писали «Извѣстія», и отъ генерала Д. Потоцкаго, арестованнаго военно-революціоннымъ комитетомъ деревни Позднѣевки и отправленнаго въ Петропавловскую крѣпость.**)

Не взирая на кажущуюся безсистемность дѣйствій большевистскихъ отрядовъ, въ общемъ направленіи ихъ чувствовалась рука старой Ставки и опредѣленный стратегически-политическій планъ. Онъ заключался въ томъ, чтобы разъединить Украину и Донъ путемъ захвата желѣзнодорожныхъ узловъ и линій и тѣмъ пресѣчь связь между ними и снабженіе Дона; затѣмъ — одновременнымъ наступленіемъ захватить административные центры новообразованій —Кіевъ, Ростовъ (Новочеркасскъ). Въ частности противъ Дона, который, кромѣ своего военно-политическаго значенія, имѣлъ и огромное экономическое, преграждая пути къ хлѣбу, углю и нефти, наступленіе должно было вестись концентрически со стороны Харькова, Воронежа, Царицына и Тихорѣцкой (Ставрополя). Первое направленіе, послѣ паденія Украины, пріобрѣтало наиболѣе серьезное значеніе, въ особенности въ виду сосредоточенія на немъ болѣе стойкихъ и послуш-

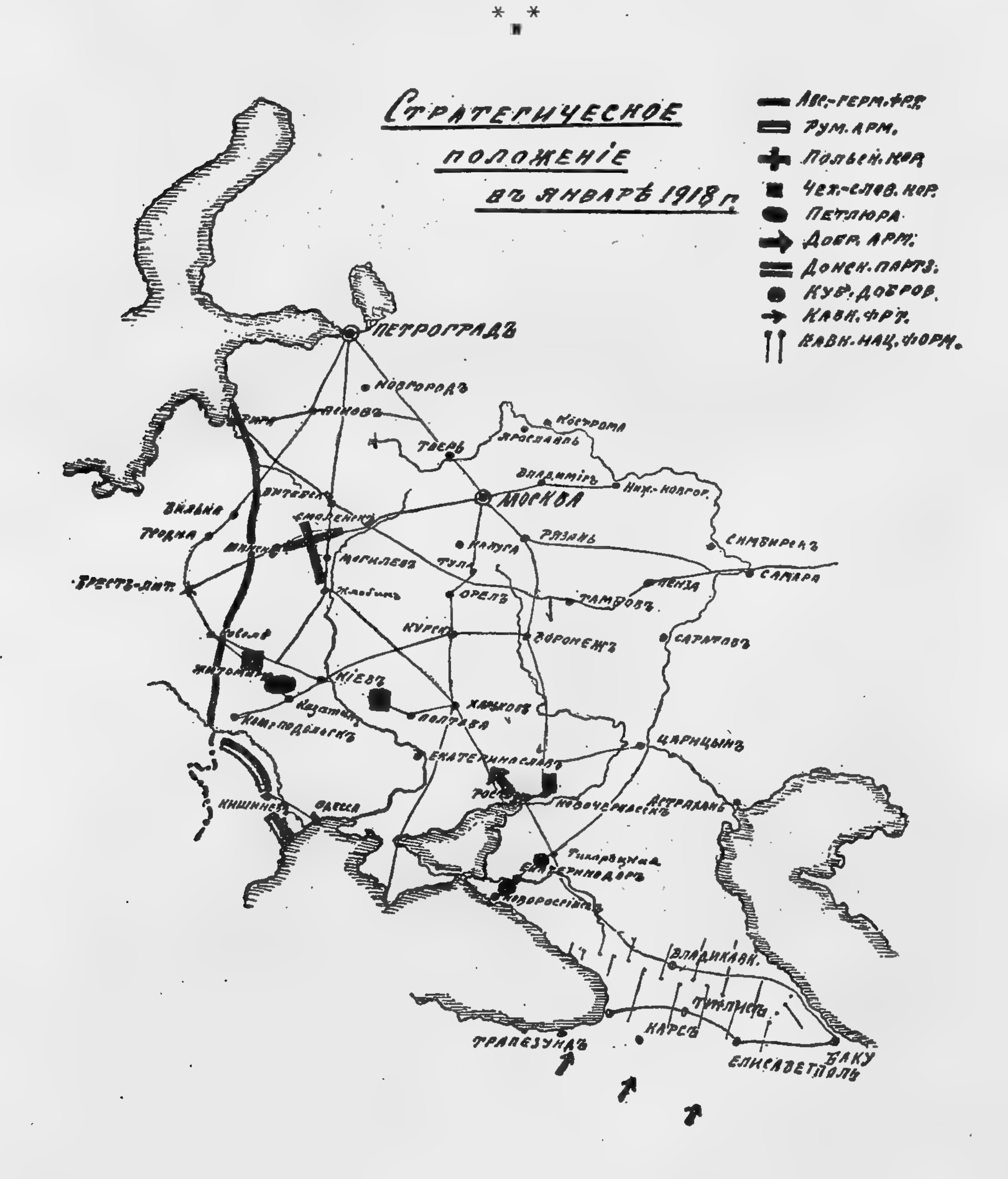
*) Московскія „Извѣстія".

**) Ростовскія „Извѣстія". 1918 года № 19. Ген. Потоцкій былъ до Богаевскаго командующимъ войсками въ Ростовѣ.

ныхъ центру войскъ. На послѣднихъ трехъ, въ силу продолжавшейся въ Воронежѣ, Царицынѣ и на Кавказѣ анархіи и неповинованія центральной власти со стороны мѣстныхъ совѣтовъ, пока еще не замѣтно было активныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе, большевистское кольцо вокругъ казачьихъ столицъ все болѣе сжималось, и къ серединѣ января всѣ желѣзнодорожные пути къ нимъ были отрѣзаны.

Общимъ фронтомъ наступленія командовалъ комиссаръ Антоновъ-Овсѣенко, а «арміей», наступавшей на Ростовъ, Сиверсъ — бывшій редакторъ «Окопной правды», издававшейся на Сѣверномъ фронтѣ.

* *

Къ концу января обстановка на «внутреннемъ фронтѣ» складывалась слѣдующимъ образомъ: украинскія части Петлюры находились въ безпорядочномъ отступленіи отъ Кіева къ Житомиру; Добровольческая армія сосредоточилась въ Ростовѣ, имѣя передовыя части у станціи Матвѣевъ Курганъ; партизанскіе отряды донцовъ защищали съ сѣвера Новочеркасскъ, располагаясь у Сулина; добровольческіе отряды на Кубани прикрывали Екатеринодаръ со стороны Тихорѣцкой и Новороссійска; въ Закавказьи національныя войска — грузинскія, татарскія только еще готовились къ сопротивленію большевикамъ и турецкому нашествію; отряды атамана Дутова, выбитые изъ Оренбурга, ушли въ степи; на Уралѣ войсковая власть вела скрытую подготовку вооруженной силы, стараясь не привлекать къ себѣ вниманія совѣтскаго правительства и руководствуясь, по словамъ уральскаго бытописателя, исторической поговоркой:

«Живи казакъ, пока Москва не узнала. Москва узнаетъ — плохо будетъ».

Въ Финляндіи, послѣ ея отдѣленія, образовалась своя національная красная гвардія; въ Бессарабскую губернію, подъ предлогомъ возстановленія порядка, вступила румынская армія Авереско. Наконецъ, на западѣ и юго-западѣ Россіи расположены были два сильныхъ и достаточно организованныхъ корпуса: польскій — генерала Довборъ-Мусницкаго — въ раіонѣ Витебскъ — Минскъ — Жлобинъ, и чешско-словацкій, подъ начальствомъ русскаго генерала Шокорева — въ раіонѣ Полоннаго (Волынск. губ.) и Ромоданъ (Полтавской губ.).

Два эти корпуса привлекали издавна наше вниманіе, и генералы Алексѣевъ и Корниловъ вели длительные переговоры съ ихъ руководителями, съ цѣлью привлеченія этихъ войскъ къ борьбѣ противъ большевиковъ. Планы наши не встрѣтили сочувствія ни со стороны политическихъ руководителей польскихъ и чехо-словацкихъ войскъ, ни въ средѣ французской дипломатіи, голосъ которой имѣлъ рѣшающее значеніе въ силу того, что оба корпуса поступили въ вѣдѣніе французскаго правительства и содержались на его средства.

Полное непониманіе совершающихся въ Россіи событій приводило союзническую политику къ ряду непоправимыхъ ошибокъ, послѣдствія которыхъ одинаково тяжело отзывались на ихъ и нашихъ интересахъ.

Командированный Корниловымъ въ Кіевъ офицеръ — чехъ — въ началѣ декабря доносилъ:

«У нашихъ вождей (профес. Массарикъ и Максъ) крѣпко засѣла мысль, что (они) не имѣютъ права вмѣшиваться въ русскія дѣла; (они) недостаточно оцѣниваютъ силы корпуса, а генералъ Шокоревъ ничѣмъ себя не проявляетъ, подчиняется вполнѣ молодому профессору Максу»...

Состоявшій комиссаромъ при корпусѣ проф. Максъ на предложеніе Корнилова о соединеніи чеховъ съ польскимъ корпусомъ отвѣтилъ отказомъ на томъ основаніи, что безъ разрѣшенія Централь-

ной рады погрузка чешскихъ эшелоновъ невозможна. Лояльность Макса въ отношеніи совѣтской власти была настолько велика, что само присутствіе въ раіонѣ чешскаго штаба офицера, такъ или иначе причастнаго къ корниловскому выступленію, сочтено было неудобнымъ и ему предложили покинуть Кіевъ...

Впослѣдствіи, въ концѣ января 1918 года, генералъ Алексѣевъ въ письмѣ, обращенномъ къ начальнику французской миссіи въ Кіевѣ, указавъ на серьезное значеніе добровольческой организаціи и очертивъ тяжелую обстановку на Дону, говорилъ:

«... Но силы неравны, и безъ помощи мы вынуждены будемъ покинуть важную въ политическомъ и стратегическомъ отношеніи территорію Дона къ общему для Россіи и союзниковъ несчастью. Предвидя этотъ исходъ, я давно и безнадежно добивался согласія направить на Донъ, если не весь чешско-словацкій корпусъ, то хотя-бы одну дивизію. Этого было бы достаточно, чтобы вести борьбу и производить дальнѣйшія формированія Добровольческой арміи. Но, къ сожалѣнію, корпусъ безполезно и безъ всякаго дѣла находится въ раіонѣ Кіева и Полтавы, а мы теряемъ территорію Дона. Сосредоточеніе одной сильной дивизіи съ артиллеріей въ раіонѣ Екатеринославъ — Александровскъ — Синельниково уже оказало бы косвенную намъ помощь... Весь корпусъ — сразу поставилъ бы на очередь рѣшеніе широкой задачи. Зная ваше вліяніе на г. Макса и, вообще, на чеховъ, я обращаюсь къ Вамъ съ просьбой принять изложенное мною рѣшеніе. Быть можетъ, еще не поздно. Черезъ нѣсколько дней вопросъ можетъ рѣшиться безповоротно не въ пользу Дона и русскихъ вообще»...

Наши призывы не были услышаны. Французскій посолъ Нулансъ отнесся весьма несерьезно къ зарождавшемуся на Югѣ движенію. И онъ, и кіевская французская миссія продолжали строить близорукіе планы удержанія развалившагося русскаго фронта сначала въ единеніи съ большевиками, демобилизовавшими армію, потомъ съ Украиной, уже приступившей къ тайнымъ переговорамъ о мирѣ съ Германіей, и опирались въ то же время на помощь польскихъ и чехо-словацкихъ войскъ. 8 февраля Нулансъ обратился къ комиссару Бронштейну (Троцкому), предлагая отъ имени союзниковъ, подъ личной своей отвѣтственностью, совѣтскому правительству финансовую и техническую помощь для продолженія войны съ нѣмцами. Только послѣ подписанія совѣтами 19 февраля Брестъ-Литовскаго мира, Нулансъ нашелъ, что нельзя больше «расчитывать на совѣтскую армію для возстановленія восточнаго фронта»... «Во имя *нашихъ интересовъ и нашей чести, всякое* сотрудничество французскихъ офицеровъ въ качествѣ инструкторовъ красныхъ войскъ должно быть *отнынѣ* воспрещено. Я не замедлилъ сдѣлать это»*). «Честь» находилась въ такой зависимости отъ «интересовъ», что послѣ 19 февраля она пріобрѣтала иное внутреннее содержаніе, чѣмъ до 19-го...

*) Изъ письма Нуланса къ Кашэну 7 февр. 1921 г.

Эти нелѣпые планы, надъ которыми жизнь издѣвалась ежедневно, тѣмъ не менѣе, гипнотизировали французовъ и препятствовали имъ оцѣнить надлежаще все огромное значеніе *новаго* (южнаго) общесоюзническаго фронта — болѣе глубокаго, но въ полной мѣрѣ удовлетворявшаго идеѣ борьбы противъ австро-германцевъ и большевиковъ.

Что касается г.г. Массарика и Макса, они, всецѣло преданные идеѣ національнаго возрожденія своего народа и борьбы его съ германизмомъ, въ запутанныхъ условіяхъ русской дѣйствительности не сумѣли найти правильной дороги и, находясь подъ вліяніемъ русской революціонной демократіи, раздѣляли ея колебанія, заблужденія и подозрительность.

Жизнь жестоко мстила за эти ошибки. Она заставила скоро обѣ національныя силы, столь упорно уклонявшіяся отъ вмѣшательства «во внутреннія русскія дѣла», принять участіе въ нашей междуусобной распрѣ, поставивъ ихъ въ безвыходное положеніе между германской арміей и большевизмомъ.

Уже въ февралѣ, во время нѣмецкаго наступленія на Украину, чехо-словаки, среди общаго позорнаго бѣгства русскихъ войскъ, будутъ вести ожесточенные бои противъ германцевъ и бывшихъ своихъ союзниковъ — украинцевъ *на сторонѣ большевиковъ*. Потомъ они двинутся къ безконечному Сибирскому пути, выполняя фантастическій планъ французскаго командованія — переброски 50-ти тысячнаго корпуса на западно-европейскій театръ, отдѣленный отъ восточнаго девятью тысячами верстъ желѣзнодорожнаго пути и океанами. Весною выступятъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ своихъ недавнихъ союзниковъ — большевиковъ, предающихъ ихъ нѣмцамъ. Лѣтомъ союзная политика повернетъ ихъ обратно для образованія фронта на Волгѣ. И долго еще будутъ они участвовать дѣятельно въ русской трагедіи, вызывая къ себѣ среди русскихъ людей перемежающееся чувство злобы и благодарности...

Польскій корпусъ окончитъ печальнѣе, сдѣлавшись игрушкой въ рукахъ нѣмцевъ. Въ началѣ января, по требованію германскаго генеральнаго штаба и въ связи съ обнаруженными сношеніями между генералами Алексѣевымъ и Довборъ-Мусницкимъ, большевистская агитація обрушится на польскія войска, внося разложеніе въ ихъ среду; въ концѣ января начнутся жестокіе бои поляковъ съ большевиками, неудачные для первыхъ, а въ февралѣ — въ то самое время, когда чехи будутъ вести бои совмѣстно съ большевиками *противъ германцевъ,* польскія дивизіи, признавъ варшавскій «регентскій совѣтъ», совмѣстно съ нѣмцами перейдутъ вновь въ наступленіе *противъ большевиковъ*. Вѣроятно затѣмъ только, чтобы черезъ нѣсколько недѣль ихъ вѣроломно разгромили, разоружили и расформировали... нѣмцы.

Всѣ эти событія, при всей ихъ очевидной непослѣдовательности и отсутствіи внутренней логики, имѣютъ, однако, одно общее обоснованіе — въ томъ забвеніи моральнаго начала въ политикѣ и чрез-

мѣрнаго развитія государственнаго матеріализма, которыя были свойственны не только нашимъ врагамъ, но и друзьямъ. Всѣ они руководствовались исключительно собственной выгодой; до несчастія русскаго народа имъ не было никакого дѣла. Они могли идти съ украинцами и противъ украинцевъ, съ большевиками и противъ большевиковъ, могли возсоединять и расчленять Россію, лишь бы эти дѣйствія соотвѣтствовали ихъ національнымъ интересамъ. Но крайности этой доктрины, при отсутствіи политическаго предвидѣнія, привели какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ.

А между тѣмъ обоюдная государственная польза требовала отъ союзниковъ не самопожертвованія — этотъ банальный съ точки зрѣнія Европы альтруизмъ былъ похороненъ давно на поляхъ восточной Пруссіи и Галиціи въ русскихъ братскихъ могилахъ; она требовала нѣкоторой жертвы.

Коньюнктура безнадежная.

До такой моральной высоты психологія европейскихъ государственныхъ дѣятелей и практика союзной дипломатіи подняться не могли.

* * *

И такъ мы остались одни.

Въ серединѣ января штабъ и всѣ добровольческія части перешли изъ Новочеркасска въ Ростовъ.*) Корниловъ руководствовался при этомъ рѣшеніи слѣдующими мотивами: важное харьково-ростовское направленіе было брошено донцами и принято всецѣло добровольцами; переѣздъ создавалъ нѣкоторую оторванность отъ донского правительства и Совѣта, возбуждавшихъ въ командующемъ арміей чувство раздраженія; наконецъ, Ростовскій и Таганрогскій округа были не казачьими, что облегчало до нѣкоторой степени взаимоотношенія добровольческаго командованія и областной власти.

Въ Таганрогѣ былъ расположенъ офицерскій батальонъ полковника Кутепова и юнкерская школа; у Батайска — дивизіонъ полковника Ширяева, позднѣе усиленный Морской ротой, съ выдвинутой впередъ къ станціи Степной заставой.

Города Таганрогъ и Ростовъ, съ ихъ многочисленнымъ рабочимъ населеніемъ, враждебнымъ Добровольческой арміи, поглощали много силъ на внутреннюю охрану. Буржуазія и въ этомъ вопросѣ проявила полнѣйшее равнодушіе, ограничившись взносомъ нѣкоторой суммы денегъ на организацію охраны и длительными спорами, въ результатѣ которыхъ городская дума и совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ потребовали формированія охраны изъ... безработныхъ-большевиковъ. Въ концѣ концовъ въ армію пошли только

---

*) Штабъ расположился въ Парамоновскомъ домѣ. Послѣ нашего ухода изъ Ростова въ немъ поселилась чрезвычайка; подвалы его были залиты кровью; домъ вскорѣ сгорѣлъ.

дѣти. Въ батальонѣ генерала Боровскаго можно было наблюдать комическія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубоко трогательныя сцены, какъ юный воинъ съ громкимъ плачемъ доказывалъ, что ему уже 16 лѣтъ (минимальный возрастъ для пріема) или какъ другой прятался подъ кровать отъ являвшихся на розыски родителей, отъ имени которыхъ было имъ представлено подложное разрѣшеніе на поступленіе въ батальонъ. На этотъ батальонъ предполагалось возложить несеніе болѣе легкой службы по охранѣ города, но судьба распорядилась иначе: черезъ нѣсколько недѣль юные добровольцы ушли въ далекій, тяжкій походъ, изъ котораго многіе не вернулись. Походъ былъ не худшій выходъ, ибо оставшихся въ Ростовѣ въ теченіе многихъ дней большевики ловили, мучили и убивали. «Безсильные иными путями предотвратить продолжающіяся убійства... мы заявляемъ о нашей полной готовности быть разстрѣлянными въ любой моментъ и въ очереди, какую будетъ угодно установить военно-революціонному комитету взамѣнъ дѣтей, предназначенныхъ къ разстрѣлу»... Съ такимъ полнымъ отчаянія и безсилія крикомъ обратились тогда вожди ростовской революціонной демократіи *) къ тѣмъ злымъ духамъ, которыхъ они-же вызвали.

Въ десятыхъ числахъ января обозначилось наступленіе совѣтскихъ войскъ на Ростовъ и Новочеркасскъ, и съ этого времени работа по организаціи фактически прекратилась. Всѣ кадры были двинуты на фронтъ. 2-й офицерскій батальонъ по просьбѣ Каледина былъ посланъ на Новочеркасское направленіе, гдѣ, въ виду отказа казаковъ отъ борьбы, создавалось трагическое положеніе.

Началась агонія донского фронта.

Полковникъ Кутеповъ выступилъ изъ Таганрога и, усиленный частями Георгіевскаго полка и донского партизанскаго отряда Семилѣтова, дважды разбилъ отрядъ Сиверса у Матвѣева Кургана. Это былъ первый серьезный бой, въ которомъ яростному напору неорганизованныхъ и дурно управляемыхъ большевиковъ, преимущественно матросовъ, противопоставлено было искусство и воодушевленіе офицерскихъ отрядовъ. Послѣдніе побѣдили легко. Среди офицеровъ я видѣлъ высокій подъемъ и стоическое отношеніе ко всѣмъ жизненнымъ невзгодамъ, вызывавшимся вопіющимъ неустройствомъ хозяйственной части. Но ихъ была горсть противъ тысячъ. Разбитые совѣтскіе отряды разбѣгались или послѣ бурныхъ митинговъ брали съ бою вагоны и требовали обратнаго своего отправленія. Но на смѣну имъ приходили другіе, и бои шли изо дня въ день — нудно, томительно, вызывая среди безсмѣнно стоявшихъ на позиціи добровольцевъ смертельную нравственную усталость.

Между тѣмъ, послѣ ухода войскъ изъ Таганрога среди рабочаго населенія города, составлявшаго болѣе 40 тысячъ, начались волненія. Непониманіе совершающихся событій было настолько велико, что

*) Васильевъ, Петренко, Мельситовъ, Смирновъ.

городская дума послала на фронтъ делегацію для переговоровъ о «примиреніи сторонъ»; ее черезъ добровольческія линіи не пропустили. 14 января въ городѣ вспыхнуло возстаніе. Красногвардейцы въ теченіе двухъ дней громили городъ и выбивали слабые, разбросанные юнкерскіе караулы. Собравъ, что было возможно, начальникъ училища, полковникъ Мостенко, выступилъ на соединеніе съ Кутеповымъ. Юнкера, пробиваясь по улицамъ подъ сильнымъ обстрѣломъ, понесли вновь тяжелыя потери; раненый Мостенко, котораго пытались вынести, приказалъ бросить себя и застрѣлился; только небольшая часть юнкеровъ пробилась къ станціи Марцево на соединеніе съ добровольческими войсками.

Сильный напоръ съ сѣвера и потеря Таганрога, красная гвардія котораго угрожала тылу и сообщеніямъ отряда Кутепова, заставили меня въ двадцатыхъ числахъ отвести его въ раіонъ станціи Синявской, всего въ одномъ переходѣ отъ Ростова. Здѣсь подъ начальстомъ генерала Черепова отрядъ, усиленный всѣмъ, что можно было выдѣлить изъ Ростова, въ томъ числѣ и Корниловскимъ полкомъ, продолжалъ сдерживать большевиковъ. Особенно давало себя чувствовать отсутствіе конницы,*) въ то время какъ на открытомъ флангѣ съ сѣвера у селенія Салы появилась большевистская бригада 4-й кавалерійской дивизіи съ конной артиллеріей. Поступили свѣдѣнія, что командуетъ ею вахмистръ, а помощникъ у него... офицеръ генеральнаго штаба. Удалось было намъ поднять нѣсколько сотъ казаковъ Гниловской станицы, появился донской партизанскій отрядъ Назарова, но послѣ неудачной атаки селенія Салы, во время которой начальники сборнаго отряда проявили чрезмѣрную самостоятельность, все это донское ополченіе разсыпалось и исчезло.

Держался сильнѣйшій морозъ и стужа. Добровольческія части, плохо одѣтыя, стояли безсмѣнно на позиціи и съ каждымъ днемъ таяли.

* * *

На новочеркасскомъ направленіи было еще хуже. Калединъ приступилъ къ переформированію казачьихъ полковъ, оставляя на службѣ лишь четыре младшихъ возраста, къ мобилизаціи офицеровъ и къ организаціи партизанскихъ и добровольческихъ казачьихъ частей.

Но Донъ не откликнулся.

Прикрытіе Новочеркасска лежало всецѣло на состоявшемъ по преимуществу изъ учащейся молодежи партизанскомъ отрядѣ эсаула Чернецова. Въ личности этого храбраго офицера сосредоточился какъ будто весь угасающій духъ донского казачества. Его имя повторяется съ гордостью и надеждой. Чернецовъ работаетъ на всѣхъ

*) Въ конномъ дивизіонѣ полк. Гершельмана было не болѣе 50—60 шашекъ.

направленіяхъ: то разгоняетъ совѣтъ въ Александровскѣ-Грушевскомъ, то усмиряетъ Макѣевскій рудничный раіонъ, то захватываетъ станцію Дебальцево, разбивъ нѣсколько эшелоновъ красногвардейцевъ и захвативъ всѣхъ комиссаровъ. Успѣхъ сопутствуетъ ему вездѣ, о немъ говорятъ и свои, и совѣтскія сводки, вокругъ его имени родятся легенды, и большевики дорого оцѣниваютъ его голову.

Между тѣмъ, 11 января, большевики берутъ станицу Каменскую, создаютъ военно-революціонный комитетъ и объявляютъ его правительствомъ Донской области. Черезъ нѣсколько дней предсѣдатель комитета, донской урядникъ Подтелковъ — будущій «президентъ Донской республики» — ѣдетъ въ Новочеркасскъ предъявлять ультимативное требованіе донскому правительству—передать ему власть... Правительство колеблется, но Калединъ посылаетъ въ отвѣтъ Чернецова. Три донскихъ полка, вернувшихся съ фронта, подъ начальствомъ демагога, войскового старшины Голубова, идутъ съ большевиками «за трудовой народъ» противъ «калединцевъ»...

Чернецовъ легко взялъ Звѣрево — Лихую — Каменскую, но 20-го въ бою съ Голубовымъ попалъ въ плѣнъ. На другой день Подтелковъ послѣ дикихъ надругательствъ звѣрски зарубилъ Чернецова.

Со смертью Чернецова какъ будто ушла душа отъ всего дѣла обороны Дона. Все окончательно разваливалось. Донское правительство вновь вступило въ переговоры съ Подтелковымъ, а генералъ Калединъ обратился къ Дону съ послѣднимъ своимъ призывомъ — посылать казаковъ добровольцевъ въ партизанскіе отряды. Въ этомъ обращеніи, 28 января, Калединъ повѣдалъ Дону скорбную повѣсть его паденія:

«... Наши казачьи полки, расположенные въ Донецкомъ округѣ, подняли мятежъ и въ союзѣ со вторгнувшимися въ Донецкій округъ бандами красной гвардіи и солдатами напали на отрядъ полковника Чернецова, направленный противъ красногвардейцевъ, и частью его уничтожили, послѣ чего большинство полковъ — участниковъ этого подлаго и гнуснаго дѣла — разсѣялись по хуторамъ, бросивъ свою артиллерію и разграбивъ полковыя денежныя суммы, лошадей и имущество».

«Въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ вернувшіеся съ фронта полки, въ союзѣ съ бандой красноармейцевъ изъ Царицына, произвели полный разгромъ на линіи желѣзной дороги Царицынъ — Себряково, прекративъ всякую возможность снабженія хлѣбомъ и продовольствіемъ Хоперскаго и Усть-Медвѣдицкаго округовъ».

«Въ слободѣ Михайловкѣ, при станціи Себряково, произвели избіеніе офицеровъ и администраціи, при чемъ погибло, по слухамъ, до 80 однихъ офицеровъ. Развалъ строевыхъ частей достигъ послѣдняго предѣла и, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ полкахъ Донецкаго

округа удостовѣрены факты *продажи казаками своихъ офицеровъ большевикамъ за денежное вознагражденіе»*...

Въ концѣ января генералъ Корниловъ, прійдя къ окончательному убѣжденію о невозможности дальнѣйшаго пребыванія Добровольческой арміи на Дону, гдѣ ей при полномъ отсутствіи помощи со стороны казачества грозила гибель, рѣшилъ уходить на Кубань. Въ штабѣ разработанъ былъ планъ для захвата станціи Тихорѣцкой, подготовлялись поѣзда и 28-го послана объ этомъ рѣшеніи телеграмма ген. Каледину.

29-го Калединъ собралъ правительство, прочиталъ телеграммы, полученныя отъ генераловъ Алексѣева и Корнилова, сообщилъ, что для защиты Донской области нашлось на фронтѣ всего лишь 147 штыковъ и предложилъ правительству уйти.

— Положеніе наше безнадежно. Населеніе не только насъ не поддерживаетъ, но настроено намъ враждебно. Силъ у насъ нѣтъ, и сопротивленіе безполезно. Я не хочу лишнихъ жертвъ, лишняго кровопролитія; предлагаю сложить свои полномочія и передать власть въ другія руки. Свои полномочія войскового атамана я съ себя слагаю.

И во время обсужденія вопроса добавилъ:

— Господа, короче говорите. Время не ждетъ. Вѣдь отъ болтовни Россія погибла!*)

Въ тотъ же день генералъ Калединъ выстрѣломъ въ сердце покончилъ жизнь.

. . . .

Калединскій выстрѣлъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ. Явилась надежда, что Донъ опомнится послѣ такой тяжелой искупительной жертвы...

Изъ Новочеркасска поступали къ намъ свѣдѣнія, что на Дону объявленъ «сполохъ», подъемъ растетъ, собравшійся кругъ избралъ атаманомъ генерала Назарова и призвалъ къ оружію всѣхъ казаковъ отъ 17 до 55 лѣтъ.

Въ Парамоновскомъ домѣ настроеніе вновь поднялось. Приходившіе къ намъ постоянно ростовскіе и пришлые общественные дѣятели, въ томъ числѣ Милюковъ, Струве, кн. Гр. Трубецкой, забывъ вопросы широкой политики, сосредоточили свое вниманіе исключительно на донскомъ фронтѣ, жили его судьбою, сильно тяготѣли къ Ростову и въ каждомъ малѣйшемъ просвѣтѣ военнаго положенія жадно искали симптомовъ перелома. Также относился къ вопросу ростовскій градоначальникъ к. д. Зеелеръ, который служилъ добросовѣстнымъ и дѣятельнымъ посредникомъ между Добровольческой арміей съ одной стороны, скаредной ростовской плутократіей и враждебной намъ революціонной демократіей — съ другой. Точка зрѣнія этихъ лицъ, телеграммы Назарова и надежда на «сполохъ» измѣнили планы Корнилова.

---

*) Изъ разсказа М. Богаевскаго.

Мы остались.

На совѣщанiи съ политическими дѣятелями возникъ вопросъ о своевременности передачи ростовскаго округа въ подчиненie Добровольческой армiи и назначенiи командованiемъ ея генералъ-губернатора. До сихъ поръ военная власть въ городѣ номинально находилась въ рукахъ «командующаго войсками» донского генерала А. Богаевскаго. Богаевскiй шелъ во всемъ навстрѣчу армiи, но, не имѣя въ подчиненiи никакой вооруженной силы, находясь всецѣло въ зависимости отъ донского правительства, ничего существеннаго сдѣлать не могъ. Этимъ актомъ положенъ былъ бы конецъ безначалiю и тому нелѣпому и унизительному положенiю армiи, при которомъ она, защищая Ростовъ, не могла извлечь изъ него никакихъ средствъ для борьбы и своего существованiя. Этого хотѣли и ростовскiе финансисты, боявшiеся репрессiй со стороны большевиковъ и предпочитавшiе, чтобы добровольческое командованiе обложило ихъ «насильно»...

Чтобы придать предстоящей реформѣ легальный характеръ, генералъ Корниловъ предложилъ атаману Назарову объявить о ней атаманскимъ приказомъ. Назаровъ не пожелалъ взять на себя отвѣтственности и предоставилъ инициативу добровольческому командованiю. Вопросъ осложнился еще натянутыми отношенiями между генералами Алексѣевымъ и Корниловымъ, невыясненнымъ послѣ распаденiя «трiумвирата» раздѣленiемъ ролей между ними, вызвалъ размолвку и заглохъ. Этотъ эпизодъ интересенъ для характеристики того удивительнаго стремленiя всѣхъ главныхъ дѣятелей противобольшевистскаго движенiя къ «легальнымъ» выходамъ — стремленiя, которое среди развалинъ государственнаго строя и общихъ анархическихъ тенденцiй прiобрѣтало характеръ совершенно не жизненный. Былъ еще одинъ случай подобнаго рода: рѣшивъ въ первый разъ уходить изъ Ростова, ген. Корниловъ распорядился взять съ армiей цѣнности ростовскаго отдѣленiя государственнаго банка. Генералы Алексѣевъ, Романовскiй и я рѣзко высказались противъ этой мѣры, считая, что она набросить тѣнь на доброе имя Добровольческой армiи. Въ результатѣ цѣнности мы отправили въ Новочеркасскъ, въ распоряженiе донского правительства, и тамъ въ день спѣшной эвакуацiи города онѣ были оставлены большевикамъ...

Скоро всѣ надежды разсѣялись.

Донской кругъ, принимая смѣлыя рѣшенiя, вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ надеждъ на соглашательство и послалъ депутацiю къ совѣтскимъ властямъ въ Каменскую. Большевистскiй «командующiй» Саблинъ отвѣтилъ делегацiи съ исчерпывающей ясностью: «казачество, какъ таковое, должно быть уничтожено, съ его сословностью и привиллегiями». Это заявленiе не усилило на кругѣ рѣшимости бороться; напротивъ, внесло унынiе и подавленность. Поднявшiеся въ довольно большомъ количествѣ казаки, преимущественно старшихъ возрастовъ, стекались къ Новочеркасску, вмѣсто нормальнаго сосредоточенiя въ разгромленныхъ уже полковыхъ штабахъ; тамъ,

не находя ни подготовленныхъ пріемниковъ, ни организованнаго продовольствія, они принимались митинговать, буйствовать и расходились по станицамъ.

Подъема хватило лишь на нѣсколько дней.

Между тѣмъ, положеніе ростовскаго фронта значительно ухудшилось. Большевистскому «главковерху» удалось заставить выступить противъ насъ Ставропольскій гарнизонъ (112 запасн. полкъ), къ которому примкнули по дорогѣ части 39 дивизіи, составивъ отрядъ около $2^1/_2$ тысячъ пѣхоты съ артиллеріей. Отрядъ этотъ, передвигаясь по желѣзной дорогѣ, 1-го февраля неожиданно напалъ на наши части у Батайска; онѣ, окруженныя на вокзалѣ вплотную со всѣхъ сторонъ, весь день отстрѣливались и, понеся значительныя потери, ночью прорвались сквозь большевистское кольцо, отойдя кружнымъ путемъ по еле державшемуся льду на Ростовъ. Ростовскія переправы я наскоро закрылъ юнкерскимъ батальономъ. Большевики остановились въ Батайскѣ и дня черезъ два начали обстрѣливать городъ огнемъ тяжелой артиллеріи, внося напряженное настроеніе и панику среди его населенія.

На Таганрогскомъ направленіи бои продолжались. Добровольческія части таяли съ каждымъ днемъ отъ боевыхъ потерь, болѣзней, обмороживанія и утечки болѣе слабыхъ, потерявшихъ душевное равновѣсіе въ обстановкѣ, казавшейся безвыходной.

Войска Сиверса овладѣли постепенно Морской, Синявской, Хопрами и къ 9-му февраля отрядъ Черепова, сильно потрепанный — въ особенности большія потери понесъ Корниловскій полкъ — подъ напоромъ противника подходилъ уже къ Ростову, обстрѣливаемый и съ тыла... казаками Гниловской станицы, вторично бросившими обойденный правый флангъ Нѣженцева. На Темерникѣ — предмѣстьи Ростова рабочіе подняли возстаніе и начали обстрѣливать вокзалъ.

Въ этотъ день Корниловъ отдалъ приказъ отходить за Донъ, въ станицу Ольгинскую. Вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи не былъ еще рѣшенъ окончательно: на Кубань или въ донскіе зимовники.

Хмурые, подавленные, собрались въ вестибюлѣ Парамоновскаго дома чины армейскаго штаба, вооруженные винтовками и карабинами, построились въ колонну и въ предшествіи Корнилова двинулись пѣшкомъ по пустымъ, словно вымершимъ улицамъ на соединеніе съ главными силами.

Мерцали огни брошеннаго негостепріимнаго города. Слышались одиночные выстрѣлы. Мы шли молча, каждый замкнувшись въ свои тяжелыя думы. Куда мы идемъ, что ждетъ насъ впереди?

Корниловъ какъ будто предвидѣлъ ожидавшую его участь. Въ письмѣ, посланномъ друзьямъ наканунѣ похода, онъ говорилъ съ тревожнымъ безпокойствомъ о своей семьѣ, оставленной безъ средствъ, на произволъ судьбы среди чужихъ людей и о томъ, что больше вѣроятно встрѣтиться не придется...

Сохранились строки, написанныя къ близкимъ рукой другого вождя, генерала Алексѣева, которыя какъ будто служили отвѣтомъ на мучившій многихъ тревожный вопросъ:

«... Мы уходимъ въ степи. Можемъ вернуться только, если будетъ милость Божья. Но нужно зажечь свѣточъ, чтобы была хоть одна свѣтлая точка среди охватившей Россію тьмы»...

ГЛАВА XIX.

ПЕРВЫЙ КУБАНСКІЙ ПОХОДЪ.

Отъ Ростова до Кубани; военный совѣтъ въ Ольгинской; паденіе Дона; народныя настроенія; бой у Лежанки; новая трагедія русскаго офицерства.

Мы уходили.

За нами слѣдомъ шло *безуміе*. Оно вторгалось въ оставленные города безшабашнымъ разгуломъ, ненавистью, грабежами и убійствами. *Тамъ* остались наши раненые, которыхъ вытаскивали изъ лазаретовъ на улицу и убивали. *Тамъ* брошены наши семьи, обреченныя на существованіе, полное вѣчнаго страха передъ большевистской расправой, если какой нибудь непредвидѣнный случай раскроетъ ихъ имя...

Мы начинали походъ въ условіяхъ необычайныхъ: кучка людей, затерянныхъ въ широкой донской степи, посреди бушующаго моря, затопившаго родную землю; среди нихъ два верховныхъ главнокомандующихъ русской арміей, главнокомандующій фронтомъ, начальники высокихъ штабовъ, корпусные командиры, старые полковники... Съ винтовкой, съ вещевымъ мѣшкомъ черезъ плечо, заключавшимъ скудные пожитки, шли они въ длинной колоннѣ, утопая въ глубокомъ снѣгу... Уходили отъ темной ночи и духовнаго рабства въ безвѣстныя скитанія...

— За синей птицей.

Пока есть жизнь, пока есть силы, не все потеряно. Увидятъ «свѣточъ», слабо мерцающій, услышатъ голосъ, зовущій къ борьбѣ — тѣ, кто пока еще не проснулись...

Въ этомъ былъ весь глубокій смыслъ *Перваго Кубанскаго похода*. Не стоитъ подходить съ холодной аргументаціей политики и стратегіи къ тому явленію, въ которомъ все — въ области духа и творимаго подвига. По привольнымъ степямъ Дона и Кубани ходила Добровольческая армія — малая числомъ, оборванная, затравленная, окруженная — какъ символъ гонимой Россіи и русской государственности.

На всемъ необъятномъ просторѣ страны оставалось только одно мѣсто, гдѣ открыто развѣвался трехцвѣтный національный флагъ — это ставка Корнилова.

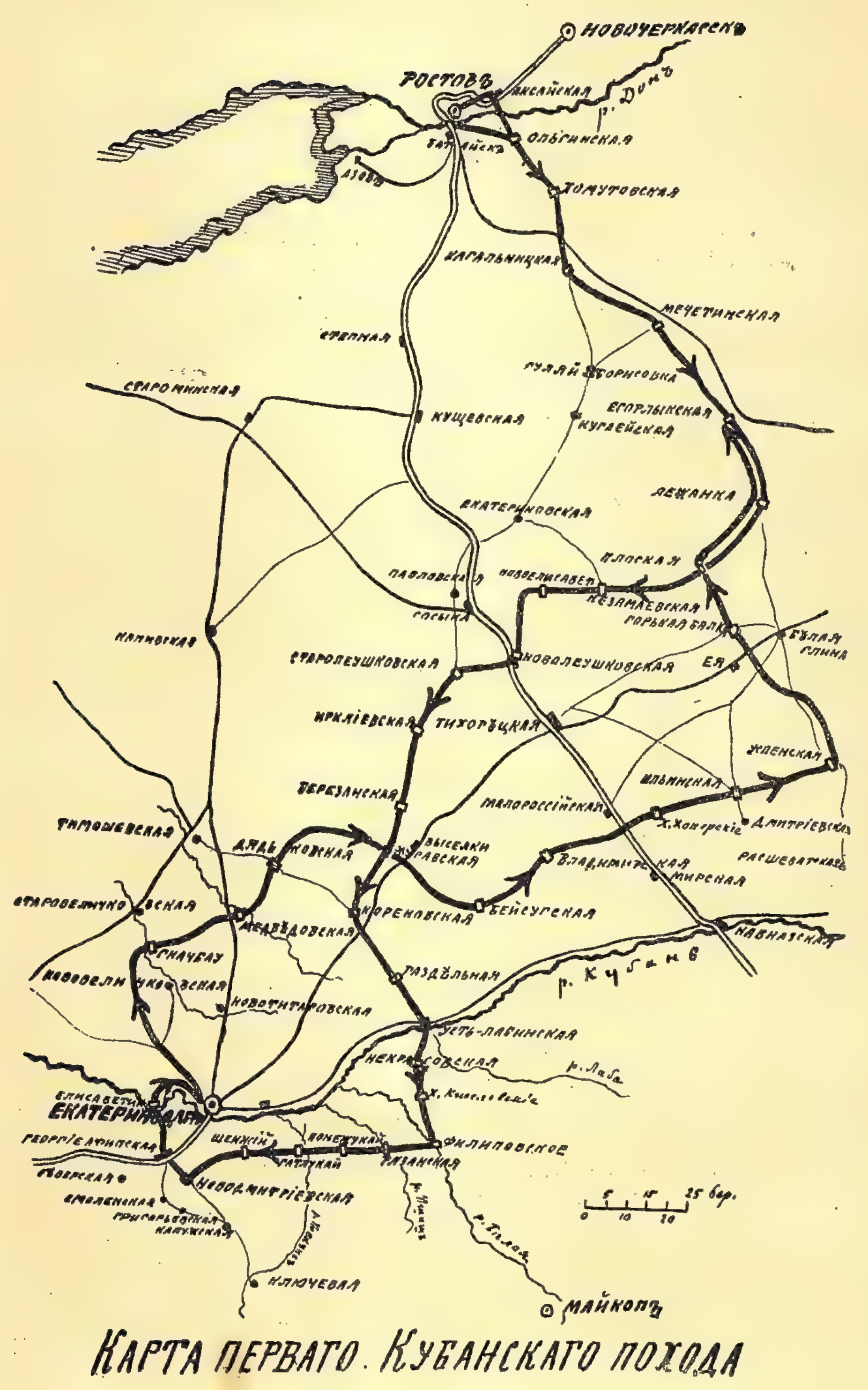
* * *

Покруживъ по вымершему городу, мы остановились на сборномъ пунктѣ — въ казармахъ Ростовскаго полка (ген. Боровскаго), въ

Знакъ, установленный въ память перваго Кубанскаго похода.

Стр. 225.

КАРТА ПЕРВАГО КУБАНСКАГО ПОХОДА

ожиданіи подхода войскъ. Еще съ утра Боровскій предложилъ ростовской молодежи — кто желаетъ — вернуться домой: впереди тяжелый походъ и полная неизвѣстность. Нѣкоторые ушли, но часть къ вечеру вернулась: «всѣ сосѣди знаютъ, что мы были въ арміи, товарищи или прислуга выдадутъ»...

Долго ждемъ сбора частей. Разговоръ не клеится. Каждый занятъ своими мыслями, не хочется думать и говорить о завтрашнемъ днѣ. И какъ то странно даже слышать доносящіеся иногда обрывки фразъ — такихъ обыденныхъ, такихъ далекихъ отъ переживаемыхъ минутъ...

Двинулись, наконецъ, окраиной города. По глубокому снѣгу. Проѣхало мимо нѣсколько всадниковъ. Одинъ остановился. Доложилъ о движеніи коннаго дивизіона. Проситъ Корнилова сѣсть на его лошадь.

— Спасибо не надо.

Изъ боковыхъ улицъ показываются рѣдкіе прохожіе и, увидѣвъ силуэты людей съ ружьями, тотчасъ-же исчезаютъ въ ближайшихъ воротахъ. Вышли въ поле, пересѣкаемъ дорогу на Новочеркасскъ. На дорогѣ безнадежно застрявшій автомобиль генерала Богаевскаго. Съ небольшимъ чемоданчикомъ въ рукахъ онъ присоединяется къ колоннѣ. Появилось нѣсколько извозчичьихъ пролетокъ. Съ нихъ нерѣшительно сходятъ офицеры, повидимому задержавшіеся въ городѣ. Подошли съ опаской къ колоннѣ и, убѣдившись, что свои, облегченно вздохнули.

— Ну,слава Те, Господи! Не знаете, гдѣ 2-й батальонъ?

Идемъ молча. Ночь звѣздная. Корниловъ — какъ всегда хмурый, съ внѣшне холоднымъ, строгимъ выраженіемъ лица, скрывающимъ внутреннее бурное горѣніе, съ печатью того присущаго ему во всемъ — въ фигурѣ, взглядѣ, рѣчи, — достоинства, которое не покидало его въ самые тяжкіе дни его жизни. Такимъ онъ былъ полковникомъ и Верховнымъ главнокомандующимъ; въ бою 48 дивизіи и въ австрійскомъ плѣну; на высочайшемъ пріемѣ и въ кругу своихъ друзей; въ могилевскомъ дворцѣ и въ быховской тюрьмѣ. Казалось не было таго положенія, которое могло сломить или принизить его. Это впечатлѣніе невольно возбуждало къ нему глубокое уваженіе среди окружающихъ и импонировало врагамъ.

Вышли на дорогу въ Аксайскую станицу. Невдалекѣ отъ станицы встрѣчаетъ квартирьеръ:

— Казаки «держатъ нейтралитетъ» и отказываются дать ночлегъ войскамъ.

Корниловъ нервничаетъ.

— Иванъ Павловичъ! поѣзжайте, поговорите съ этими дураками.

Не стоитъ начинать походъ «усмиреніемъ» казачьей станицы. Романовскій повернулъ встрѣчныя сани, пригласилъ меня, поѣхали впередъ. Долгіе утомительные разговоры сначала со станичнымъ атаманомъ (офицеръ), растеряннымъ и робкимъ человѣкомъ, потомъ со

станичнымъ сборомъ: тупые и наглые люди, безтолковыя рѣчи. Послѣ полуторачасовыхъ убѣжденій Романовскаго, согласились впустить войска съ тѣмъ, что на слѣдующее утро мы уйдемъ, не ведя боя у станицы. Думаю, что рѣшающую роль въ переговорахъ сыгралъ офицеръ-ординарецъ, который отвелъ въ сторону наиболѣе строптиваго казака и потихоньку сказалъ ему:

— Вы рѣшайте поскорѣе, а то сейчасъ подойдетъ Корниловъ — онъ шутить не любитъ: васъ повѣситъ, а станицу спалитъ.

Утомленные переживаніями дня и ночнымъ походомъ добровольцы быстро разбрелись по станицѣ. Все спитъ. У Аксая — переправа черезъ Донъ по льду. Ледъ подтаялъ и трескается. Явился тревожный вопросъ — выдержитъ ли артиллерію и повозки?

Оставили въ Аксайской арьергаръ для своего прикрытія и до окончанія разгрузки вагоновъ съ запасами, которые удалось вывезти изъ Ростова, и благополучно переправились. По безконечному, гладкому снѣжному полю вилась темная лента. Пестрая, словно цыганскій таборъ: ѣхали повозки, груженыя наспѣхъ и цѣнными запасами, и всякимъ хламомъ; плелись какіе то штатскіе люди; женщины — въ городскихъ костюмахъ и въ легкой обуви вязли въ снѣгу. А вперемежку шли небольшія, словно случайно затерянныя среди «табора», войсковыя колонны — все, что осталось отъ великой нѣкогда русской арміи... Шли мѣрно, стройно. Какъ они одѣты! Офицерскія шинели, штатскія пальто, гимназическія фуражки; въ сапогахъ, валенкахъ, опоркахъ... Ничего — подъ нищенскимъ покровомъ живая душа. Въ этомъ — все.

Вотъ проѣхалъ на телѣжкѣ генералъ Алексѣевъ; при немъ небольшой чемоданъ; въ чемоданѣ и подъ мундирами нѣсколькихъ офицеровъ его конвоя — «деньгоношъ» — вся наша тощая казна, около шести милліоновъ рублей кредитными билетами и казначейскими обязательствами. Бывшій Верховный самъ лично собираетъ и распредѣляетъ крохи армейскаго содержанія. Не разъ онъ со скорбной улыбкой говорилъ мнѣ:

— Плохо, Антонъ Ивановичъ, не знаю, дотянемъ ли до конца похода...

Солнце свѣтитъ ярко. Стало теплѣе. Настроеніе у всѣхъ поднялось: вырвались изъ Ростова, перешли Донъ — это главное, а тамъ... Корниловъ выведетъ.

Онъ здоровается съ проходящими частями. Отвѣчаютъ радостно. И затѣмъ, пройдя нѣсколько шаговъ, продолжаютъ нескладную, но задушевную пѣсню:

Дружно, Корниловцы, въ ногу
Съ нами Корниловъ идетъ;
Спасетъ онъ, повѣрьте, отчизну,
Не выдастъ онъ русскій народъ.

Молодость, порывъ, вѣра въ будущее и вотъ эта крѣпкая, здоровая связь съ вождемъ проведутъ черезъ всѣ испытанія.

* *
*

Остановились въ станицѣ Ольгинской, гдѣ уже ночевалъ отрядъ генерала Маркова, пробившійся мимо Батайска лѣвымъ берегомъ Дона. Корниловъ приступилъ къ реорганизаціи Добровольческой арміи, насчитывавшей всего около 4 тысячъ бойцовъ, путемъ сведенія многихъ мелкихъ частей.

Составъ арміи получился слѣдующій:

І-й Офицерскій полкъ, подъ командой генерала *Маркова* — изъ трехъ офицерскихъ батальоновъ, кавказскаго дивизіона и морской роты.

Юнкерскій батальонъ, подъ командой генерала *Боровскаго* — изъ прежняго юнкерскаго батальона и Ростовскаго полка.

Корниловскій ударный полкъ, подъ командой полковника *Нѣженцева.* Въ полкъ влиты части б. Георгіевскаго полка и партизанскаго отряда полковника Симановскаго.

Партизанскій полкъ, подъ командой генерала *А. Богаевскаго* — изъ пѣшихъ донскихъ партизанскихъ отрядовъ.

Артиллерійскій дивизіонъ, подъ командой полковника *Икишева* — изъ четырехъ батарей по два орудія. Командиры: Міончинскій, Шмидтъ, Ерогинъ, Третьяковъ.

Чехо-словацкій инженерный батальонъ, подъ «управленіемъ» штатскаго инженера *Краля* и подъ командой капитана *Нѣметчика.*

Конные отряды:)*

а) Полковника *Глазенапа* — изъ донскихъ партизанскихъ отрядовъ.

б) Полковника *Гершельмана* — регулярный.

в) Подполковника *Корнилова* — изъ бывшихъ частей Чернецова.

Сведеніе частей вызвало много обиженныхъ самолюбій смѣщенныхъ начальниковъ и на этой почвѣ нѣкоторое неудовольствіе въ частяхъ. Приглашаетъ меня къ себѣ Алексѣевъ и взволнованно говоритъ:

— Я не ручаюсь, что сегодня не произойдетъ бой между юнкерами и студентами.**) Юнкера считаютъ ихъ «соціалистами»... Какъ можно было сливать такія несхожія по характеру части.

— Ничего, Михаилъ Васильевичъ. Все обойдется. Волнуется больше П.,***) чѣмъ батальонъ.

---

*) Донскіе партизанскіе отряды Краснянскаго, Бокова, Лазарева и др. присоединились къ намъ въ Ольгинской.

**) Ростовскій полкъ назывался еще въ началѣ формированія „Студенческимъ“, хотя студентовъ въ немъ было очень мало.

***) П. бывшій командиръ юнкерскаго батальона.

У Маркова также были нѣкоторыя тренія, но онъ съ первыхъ же дней взялъ въ руки свой полкъ.

— Не много-же васъ здѣсь — обратился онъ къ собравшимся въ первый разъ офицерскимъ батальонамъ. — По правдѣ говоря, изъ трехсоттысячнаго офицерскаго корпуса я ожидалъ увидѣть больше. Но не огорчайтесь. Я глубоко убѣжденъ, что даже съ такими малыми силами мы совершимъ великія дѣла. Не спрашивайте меня, куда и зачѣмъ мы идемъ, а то все равно скажу, что идемъ къ чорту за синей птицей. Теперь скажу только, что приказомъ Командующаго арміей, имя котораго хорошо извѣстно всей Россіи, я назначенъ командиромъ I-го Офицерскаго полка, который сводится изъ вашихъ трехъ батальоновъ и изъ роты моряковъ, хорошо извѣстной намъ по боямъ подъ Батайскомъ. Командиры батальоновъ переходятъ на положеніе ротныхъ командировъ; но и тутъ, господа, не огорчайтесь. Вѣдь и я съ должности начальника штаба фронта фактически перешелъ на батальонъ.

Спѣшно комплектовали конницу и обозъ, покупая лошадей съ большимъ трудомъ и за баснословную цѣну у казаковъ. Патроновъ было очень мало, снарядовъ не болѣе 600—700. Для этого рода снабженія у насъ оставался только одинъ способъ — брать съ боя у большевиковъ цѣною крови.

Меня Корниловъ назначилъ «помощникомъ командующаго арміей». Функціи довольно неопредѣленныя, идея жуткая — преемственность. На бѣду у меня вышло недоразумѣніе еще въ Ростовѣ съ вещами: чемоданъ съ военнымъ платьемъ былъ отправленъ впередъ въ Батайскъ еще тогда, когда предполагалось везти армію по желѣзной дорогѣ, и тамъ во время захвата станціи попалъ въ руки большевиковъ. Въ походъ пришлось идти въ штатскомъ городскомъ костюмѣ и въ сапогахъ съ рваными подошвами. Въ результатѣ послѣ двухъ пѣшихъ переходовъ — тяжелая форма бронхита, благодаря которому потомъ долгое время на походѣ я ѣхалъ съ войсками, а на остановкахъ принужденъ былъ лежать въ постели.

Въ Ольгинской разрѣшился, наконецъ, вопросъ о дальнѣйшемъ планѣ нашего движенія.

Корниловъ склоненъ былъ двигаться въ раіонъ зимовниковъ,*) въ Сальскій округъ Донской области. Нѣкоторыя предварительныя распоряженія были уже сдѣланы. Обезпокоенный этимъ генералъ Алексѣевъ 12 февраля писалъ Корнилову:

«Въ настоящее время съ потерей главной базы арміи — г. Ростова, въ связи съ послѣдними рѣшеніями Донского войскового круга и неопредѣленнымъ положеніемъ на Кубани — всталъ вопросъ о возможности выполненія тѣхъ общегосударственныхъ задачъ, которыя себѣ ставила наша организація».

---

*) Зимовникъ — усадьба — становище донскихъ табуновъ.

«Событія въ Новочеркасскѣ развиваются съ чрезвычайной быстротой. Сегодня къ 12 часамъ положеніе рисуется въ такомъ видѣ: атаманъ слагаетъ свои полномочія; вся власть переходитъ къ военно-революціонному комитету; кругъ вызвалъ въ Новочеркасскъ революціонныя казачьи части, которымъ и ввѣряетъ охрану порядка въ городѣ; кругъ началъ переговоры о перемиріи; станица Константиновская и весь сѣверъ области въ рукахъ военно-революціоннаго комитета; всѣ войсковыя части (главн. образ. партизаны), не пожелавшія подчиниться рѣшенію круга, во главѣ съ походнымъ атаманомъ и штабомъ, сегодня выступаютъ въ Старочеркасскую для присоединенія къ Добровольческой арміи».

«Создавшаяся обстановка требуетъ немедленныхъ рѣшеній не только чисто военныхъ, но въ тѣсной связи съ рѣшеніемъ вопросовъ общаго характера».

«Изъ разговоровъ съ генераломъ Эльснеромъ и Романовскимъ я понялъ, что принятъ планъ ухода отряда въ зимовники, къ сѣв.-зап. отъ станицы Великокняжеской. Считаю, что при такомъ рѣшеніи невозможно не только продолженіе нашей работы, но даже при надобности и относительно безболѣзненная ликвидація нашего дѣла и спасеніе довѣрившихъ намъ свою судьбу людей. Въ зимовникахъ отрядъ будетъ очень скоро сжатъ съ одной стороны распустившейся рѣкой Дономъ, а съ другой — желѣзной дорогой Царицынъ — Торговая — Тихорѣцкая — Батайскъ, при чемъ всѣ желѣзнодорожные узлы и выходы грунтовыхъ дорогъ будутъ заняты большевиками, что лишитъ насъ совершенно возможности получать пополненія людьми и предметами снабженія, не говоря уже о томъ, что пребываніе въ степи поставитъ насъ въ сторонѣ отъ общаго хода событій въ Россіи».

«Такъ какъ подобное рѣшеніе выходитъ изъ плоскости чисто военной, а также потому, что предварительно начала какой-либо военной операціи, необходимо теперь же разрѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи нашей организаціи и направленіи ея дѣятельности — прошу Васъ сегодня же созвать совѣщаніе изъ лицъ, стоящихъ во главѣ организаціи, съ ихъ ближайшими помощниками».

На военномъ совѣтѣ, собранномъ въ тотъ же вечеръ, мнѣнія раздѣлились. Одни настаивали на движеніи къ Екатеринодару, другіе, въ томъ числѣ Корниловъ, склонялись къ походу въ зимовники.

Помимо условій стратегическихъ и политическихъ, это второе рѣшеніе казалось весьма рискованнымъ и по другимъ основаніямъ. Степной раіонъ, пригодный для мелкихъ партизанскихъ отрядовъ, представлялъ большія затрудненія для жизни Добровольческой арміи, съ ея пятью тысячами ртовъ. Зимовники, значительно удаленные другъ отъ друга, не обладали ни достаточнымъ числомъ жилыхъ помѣщеній, ни топливомъ. Располагаться въ нихъ можно было лишь мелкими частями, разбросанно, что при отсутствіи техническихъ средствъ связи до крайности затрудняло бы управленіе. Степной раіонъ кромѣ

зерна (немолотаго), сѣна и скота не давалъ ничего для удовлетворенія потребностей арміи. Наконецъ, трудно было расчитывать, чтобы большевики оставили насъ въ покоѣ и не постарались уничтожить по частямъ распыленные отряды.

На Кубани, наоборотъ: мы ожидали встрѣтить не только богато обезпеченный край, но, въ противоположность Дону, сочувственное настроеніе, борющуюся власть и добровольческія силы, которыя значительно преувеличивались молвой. Наконецъ, уцѣлѣвшій отъ захвата большевиками центръ власти — Екатеринодаръ давалъ, казалось, возможность начать новую большую организаціонную работу.

Принято было рѣшеніе идти на Кубань.

Однако, на другой день вечеромъ обстановка измѣнилась: къ командующему пріѣхалъ походный атаманъ, генералъ Поповъ и его начальникъ штаба, полковникъ Сидоринъ. Въ донскомъ отрядѣ у нихъ было 1500 бойцовъ, 5 орудій, 40 пулеметовъ. Они убѣдили Корнилова идти въ зимовники. Нашъ конный авангардъ, стоящій у Кагальницкой, получилъ распоряженіе свернуть на востокъ... Поднявшись съ постели, я пошелъ въ штабъ отвести душу. Безрезультатно. Нѣкоторое колебаніе однако посѣяно: рѣшили собрать дополнительныя свѣдѣнія о раіонѣ.

Въ Ольгинской — приливъ и отливъ.

Присоединилось нѣсколько казачьихъ партизанскихъ отрядовъ, прибываютъ офицеры, вырвавшіеся изъ Ростова, раненые добровольцы, бѣжавшіе изъ новочеркасскихъ лазаретовъ. Притворяются здоровыми, боясь, что ихъ не возьмутъ въ походъ.

Пріѣхалъ изъ Новочеркасска генералъ Лукомскій. Наканунѣ нашего выступленія изъ Ольгинской, онъ вмѣстѣ съ генераломъ Ронжинымъ,*) переодѣтые въ штатское платье, поѣхали въ бричкѣ прямымъ путемъ на Екатеринодаръ для установленія связи съ Кубанскимъ атаманомъ и добровольческими отрядами. Но въ селѣ Гуляй-Борисовкѣ они были пойманы большевиками, томились подъ арестомъ и едва спаслись отъ разстрѣла.

Уѣхалъ полковникъ Лебедевъ съ небольшимъ отрядомъ «особаго назначенія», состоявшимъ при генералѣ Алексѣевѣ. Ему было поручено связаться съ Заволжьемъ и Сибирью. Лебедевъ впослѣдствіи пробрался въ Сибирь и сталъ начальникомъ штаба у адмирала Колчака; часть его спутниковъ, по совѣтскимъ сообщеніямъ, попала въ тюрьмы Поволжья. Уѣхали вовсе, по личнымъ побужденіямъ, нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ генеральн. штаба генералъ Складовскій и капитанъ Роженко (быховецъ). Оба они въ Великокняжеской были убиты большевиками, исключительно за «буржуйный» видъ, и тѣла ихъ бросили въ колодецъ...

Опредѣлилось яснѣе настроеніе донскихъ казаковъ. Не понимаютъ совершенно ни большевизма, ни «корниловщины». Съ на-

*) Впослѣдствіи главный военный прокуроръ вооруж. силъ Юга Россіи.

шими разъясненіями соглашаются, но какъ будто плохо вѣрятъ. Сыты, богаты и, повидимому, хотѣли бы извлечь пользу и изъ «бѣлаго», и изъ «краснаго» движенія. Обѣ идеологіи теперь еще чужды казакамъ, и больше всего они боятся ввязываться въ междуусобную распрю... пока большевизмъ не схватилъ ихъ за горло. А, между тѣмъ, становилось совершенно ясно, что тактика «нейтралитета» наименѣе жизненная. Налетѣвшій шквалъ суровъ и безпощаденъ: горячіе и холодные — въ его стихіи гибнутъ или властвуютъ, а теплыхъ онъ обращаетъ въ человѣческую пыль...

Впрочемъ, неопредѣленная судьба арміи ставила въ трагическое положеніе и тѣхъ, кто ей сочувствовалъ.

— Генералъ Корниловъ насъ здорово срамилъ у станичнаго правленія — говорилъ мнѣ тоскливо крѣпкій, зажиточный казакъ среднихъ лѣтъ, недавно вернувшійся съ фронта и недовольный разрухой. — Что-жъ, я пошелъ бы съ кадетами *), да сегодня вы уйдете, а завтра придутъ въ станицу большевики. Хозяйство, жена...

Казачество, если не теперь, то въ будущемъ считалось нашей опорой. И потому Корниловъ требовалъ особенно осторожнаго отношенія къ станицамъ и не примѣнялъ реквизицій. Мѣра, психологически полезная для будущаго, ставила въ тупикъ органы снабженія. Мы *просили* крова, *просили* жизненныхъ припасовъ — за дорогую плату, не могли достать ни за какую цѣну сапогъ и одежды, тогда еще въ изобиліи имѣвшихся въ станицахъ, для босыхъ и полуодѣтыхъ добровольцевъ; не могли получить достаточнаго количества подводъ, чтобы вывезти изъ Аксая остатки армейскаго имущества.

Условія неравныя: завтра придутъ большевики и возьмутъ все— имъ отдадутъ даже послѣднее безпрекословно, съ проклятіями въ душѣ и съ униженными поклонами.

Скоро на этой почвѣ началось прискорбное явленіе армейскаго быта — «самоснабженіе». Для устраненія или по крайней мѣрѣ смягченія его послѣдствій, командованіе вынуждено было вскорѣ перейти къ приказамъ и платнымъ реквизиціямъ.

* * *

Мы шли медленно, останавливаясь на дневкахъ въ каждой станицѣ. Отъ Ольгинской до Егорлыцкой 88 верстъ — шли 6 дней. Сколачивали части, заводили обозъ. При условіи направленія въ зимовники, такая медленность была вполнѣ понятна.

У Хомутовской Корниловъ пропускалъ въ первый разъ колонну. Какъ всегда — у молодыхъ горѣли глаза, старики подтягивались при видѣ сумрачной фигуры командующаго. Съ колонной много небоевого элемента, въ томъ числѣ два брата Сувориныхъ (А. и Б.), Н. Н. Львовъ,

---

*) Такъ называли въ народѣ противобольшевистскіе элементы, не влагая въ это понятіе партійно-политическаго содержанія.

Полковникъ Тимановскій.

Стр. 235.

Офицеры первопоходники (въ походѣ юнкера) 1-ой батареи.

Стр. 236.

Л. В. Половцевъ, Л. Н. Новосильцевъ, ген. Кисляковъ, Н. П. Щетинина, два профессора Донского политехническаго института и др. Члены нашего «Совѣта» не пошли: и Корниловъ, и я въ самой рѣшительной формѣ отсовѣтовали имъ идти съ нами въ походъ, который представлялся чреватымъ всякими неожиданностями и въ которомъ каждый лишній человѣкъ, каждая лишняя повозка — въ тягость.

Два перехода шли по невылазной грязи, въ которой нѣкоторые добровольцы буквально оставили обувь и продолжали путь босыми...

Утромъ передъ выступленіемъ изъ Хомутовской большевистскій отрядъ — нѣсколько эскадроновъ 4-ой кавал. дивизіи съ однимъ орудіемъ — подошелъ вплотную къ станицѣ и открылъ по ней ружейный и артиллерійскій огонь. Охранялись добровольцы плохо: пока еще не было надлежащей выносливости въ трудной солдатской работѣ. На окраинѣ станицы, ближайшей къ противнику, стоялъ обозъ, и нестроевые съ повозками сломя голову помчались по всѣмъ направленіямъ, запрудивъ улицы и внеся безпорядокъ. Вышелъ Корниловъ со штабомъ, успокоилъ людей. Разсыпалась цѣпь, развернулась батарея; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ и обозначившагося движенія во флангъ нашей сотни, большевики ушли.

Идемъ дальше. Въ колоннѣ опять веселое настроеніе; смѣхъ и шутки, даже среди раненыхъ, которыхъ уже безъ боевъ набралось болѣе шестидесяти. Удивительны эти переливы въ настроеніи — быстро мѣняющіеся и тотъ огромный импульсъ жизни у нашихъ добровольцевъ, благодаря которому малѣйшій проблескъ среди тяжелой, иногда удручающей обстановки, даетъ душевное спокойствіе и вызываетъ подъемъ.

«Дополнительныя свѣдѣнія» о раіонѣ зимовниковъ оказались вполнѣ отрицательными, и поэтому принято рѣшеніе двигаться на Кубань. Въ Мечетинской Корниловъ вызвалъ всѣхъ командировъ отдѣльныхъ частей, чтобы объявить имъ о принятомъ рѣшеніи. Собралось много офицеровъ — каждый партизанъ, имѣвшій подъ командой 30—40 человѣкъ (въ составѣ Партизанскаго полка) ищетъ самостоятельности. Корниловъ сухо, рѣзко, какъ всегда изложилъ мотивы и императивно указалъ новое направленіе. Но взоръ его испытующе и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ слѣдилъ за лицами донскихъ партизанъ.

Пойдутъ ли съ Дона?

Партизаны нѣсколько смущены, нѣкоторые опечалены. Но въ душѣ выборъ ихъ уже сдѣланъ: идутъ съ Корниловымъ.

Послано было предложеніе походному атаману Попову присоединиться къ Добровольческой арміи. Черезъ два — три дня онъ отвѣтилъ отказомъ. Поповъ объяснялъ, что, считаясь съ настроеніемъ своихъ войскъ и начальниковъ, онъ не могъ покинуть родного Дона, и рѣшилъ въ его степяхъ выждать пробужденія казачества. Про него же говорили, что честолюбіе удержало его отъ подчиненія Корнилову. Для насъ Донъ былъ только частью *русской* территоріи, для нихъ по-

нятіе «родины» раздваивалось на составные элементы — одинъ болѣе близкій и ощутимый, другой отдаленный, умозрительный.

Какъ бы то ни было, лишеніе арміи такой силы, въ особенности въ виду крайняго недостатка у насъ въ конницѣ, отяжеляло наше положеніе и суживало перспективы.

* *
*

Наиболѣе привѣтливо встрѣтила насъ станица Егорлыцкая. Во всемъ — въ сердечности пріема, въ заботахъ о раненыхъ, въ готовности продовольствовать войска. Многіе проявляли свои симпатіи въ формахъ весьма экспансивныхъ. Хозяинъ того дома, въ которомъ я помѣстился — священникъ — положительно умилялъ своимъ желаніемъ помочь добровольцамъ. Я смотрѣлъ на него съ благодарностью, но и... съ глубокимъ сожалѣніемъ. Положеніе *кочующей* арміи создавало поистинѣ трагическія противорѣчія: со своими врагами расправлялись добровольцы, съ ихъ друзьями расправлялись потомъ *тѣ,* кто шелъ по нашимъ слѣдамъ. Егорлыцкая уцѣлѣла. Но за время похода много было пролито крови тѣхъ, кто такъ или иначе помогалъ «кадетамъ». Въ станицѣ Успенской, напримѣръ, въ апрѣлѣ большевики повѣсили послѣ нашего ухода хозяина одного дома только за то, что я — тогда уже командующій Добровольческой арміей — останавливался у него.

Въ Егорлыцкой при полномъ станичномъ сборѣ говорили генералы Алексѣевъ и Корниловъ. Первый объяснялъ казакамъ положеніе Россіи и цѣли Добровольческой арміи; второй не любилъ и не умѣлъ говорить; сказалъ лишь нѣсколько словъ; потомъ длинную рѣчь держалъ Баткинъ...

«Матросъ 2-й статьи Феодоръ Баткинъ».

Довольно интересный типъ людей, рожденныхъ революціей и только на ея фонѣ находящихъ почву для своей индивидуальности.

По происхожденію — еврей; по партійной принадлежности — соц.-рев.; по ремеслу — агитаторъ. Въ первые дни революціи поступилъ добровольцемъ въ Черноморскій флотъ, черезъ два, три дня былъ выбранъ въ комитетъ, а еще черезъ нѣсколько дней ѣхалъ въ Петроградъ въ составѣ такъ называемой Черноморской делегаціи. Съ тѣхъ поръ въ столицахъ — на всевозможныхъ съѣздахъ и собраніяхъ, на фронтѣ — на солдатскихъ митингахъ раздавались рѣчи Баткина. Направляемый и субсидируемый Ставкой, онъ сохранялъ извѣстную свободу въ трактованіи политическихъ темъ и служилъ добросовѣстно, проводя идею «оборончества». Въ январѣ Баткинъ появился въ Ростовѣ и приступилъ снова къ агитаціонной дѣятельности за счетъ штаба Добровольческой арміи. Соціалистическій этикетъ обязывалъ его, очевидно, къ извѣстной манерѣ рѣчи, къ изображенію арміи въ несвойственномъ ей обликѣ и къ огульному опороченію всего «стараго строя», задѣвая и военныя традиціи. На

этой почвѣ въ извѣстной части добровольческаго офицерства, преувеличивавшаго значеніе Баткина, возникла глухая вражда къ нему и недовольство Корниловымъ. Незадолго до выхода въ походъ, комплотъ офицеровъ хотѣлъ убить Баткина, и я, совершенно случайно узнавъ объ этомъ, помѣшалъ ихъ замыслу. Корниловъ сдалъ Баткина подъ охрану своего конвоя.

На походѣ фигура Баткина, трясущагося верхомъ на лошади, неизмѣнно появлялась среди квартирьеровъ и потомъ на станичныхъ и сельскихъ сходахъ. Его «предшествіе» и рѣчи производили странное впечатлѣніе: умѣстныя, быть можетъ, въ солдатско-рабочей средѣ, онѣ были одинаково чужды и добровольческой психологіи и міровоззрѣнію казачества, для уясненія котораго требовалось глубокое знаніе казачьей жизни и быта.

Въ Егорлыцкой кончается Донская область. Дальше — Ставропольская губернія, бурлящая большевизмомъ и занятая частями ушедшей съ фронта 39 пѣх. дивизіи. Здѣсь нѣтъ еще совѣтской власти, но есть мѣстные совѣты, анархія и... ненависть къ «кадетамъ». Мы попадаемъ въ сплошное осиное гнѣздо...

Послѣ состоявшагося рѣшенія идти на Кубань, необходимо форсированное движеніе, по возможности избѣгая боевъ, для скорѣйшаго достиженія политическаго центра области — Екатеринодара. Мы начинаемъ двигаться съ возможной скоростью.

* * *

Въ селеніи Лежанкѣ намъ преградилъ путь большевистскій отрядъ съ артиллеріей.

Былъ ясный слегка морозный день.

Офицерскій полкъ шелъ въ авангардѣ. Старые и молодые; полковники на взводахъ. Никогда еще не было такой арміи. Впереди — помощникъ командира полка, полковникъ Тимановскій шелъ широкимъ шагомъ, опираясь на палку, съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ; израненный много разъ, съ сильно поврежденными позвонками спинного хребета... Одну изъ ротъ ведетъ полковникъ Кутеповъ, бывшій командиръ Преображенскаго полка. Сухой, крѣпкій, съ откинутой на затылокъ фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдаетъ приказанія. Въ рядахъ много безусой молодежи — безпечной и жизнерадостной. Вдоль колонны проскакалъ Марковъ, повернулъ голову къ намъ, что-то сказалъ, чего мы не разслышали, на ходу «разнесъ» кого-то изъ своихъ офицеровъ и полетѣлъ къ головному отряду.

Глухой выстрѣлъ, высокій, высокій разрывъ шрапнели. Началось.

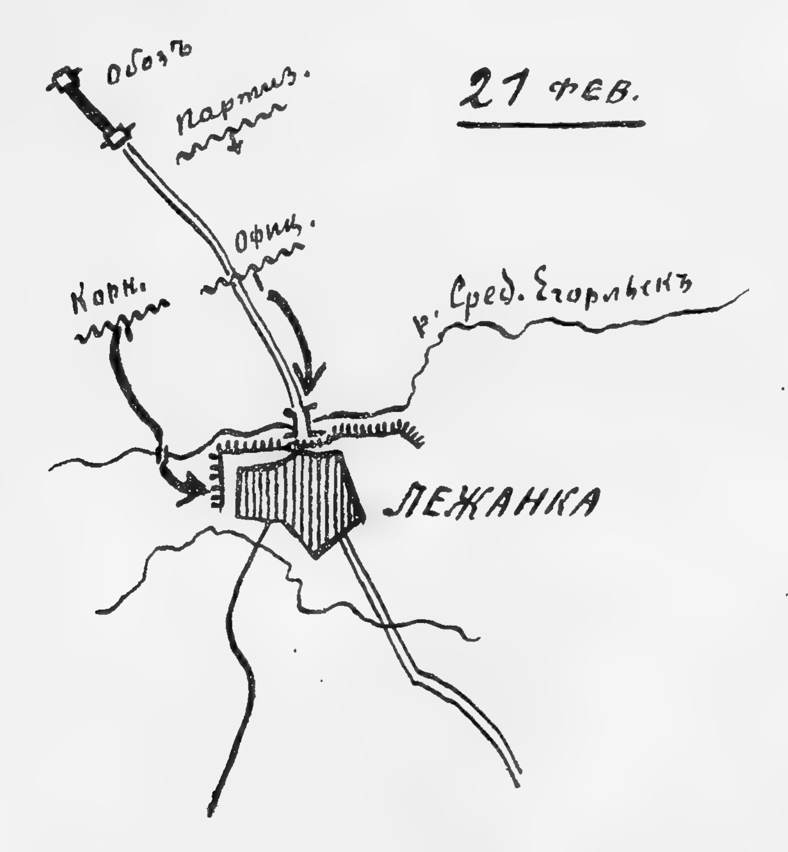
Офицерскій полкъ развернулся и пошелъ въ наступленіе: спокойно, не останавливаясь, прямо на деревню. Скрылся за гребнемъ. Подъѣзжаетъ Алексѣевъ. Пошли съ нимъ впередъ. Съ гребня открывается обширная панорама. Раскинувшееся широко село опоясано ли-

ніями окоповъ. У самой церкви стоитъ большевистская батарея и безпорядочно разбрасываетъ снаряды вдоль дороги. Ружейный и пулеметный огонь все чаще. Наши цѣпи остановились и залегли: вдоль фронта болотистая, незамерзшая рѣчка. Придется обходить.

Вправо, въ обходъ двинулся Корниловскій полкъ. Вслѣдъ за нимъ поскакала группа всадниковъ съ развернутымъ трехцвѣтнымъ флагомъ...

— Корниловъ!

Въ рядахъ — волненіе. Всѣ взоры обращены туда, гдѣ виднѣется фигура командующаго...

А вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Міончинскаго подводятъ орудія прямо въ цѣпи подъ огнемъ непріятельскихъ пулеметовъ; скоро огонь батареи вызвалъ замѣтное движеніе въ рядахъ противника. Наступленіе, однако, задерживается...

Офицерскій полкъ не выдержалъ долгаго томленія: одна изъ ротъ бросилась въ холодную, липкую грязь рѣчки и переходитъ вбродъ на другой берегъ. Тамъ — смятеніе, и скоро все поле уже усѣяно бѣгущими въ паникѣ людьми, мечутся повозки, скачетъ батарея. Офи-

церскій полкъ и Корниловскій, вышедшій къ селу съ запада черезъ плотину, преслѣдуютъ.

Мы входимъ въ село, словно вымершее. По улицамъ валяются трупы. Жуткая тишина. И долго еще ея безмолвіе нарушаетъ сухой трескъ ружейныхъ выстрѣловъ: «ликвидируютъ» большевиковъ... Много ихъ...

Кто они? Зачѣмъ имъ, «смертельно уставшимъ отъ 4-хъ лѣтней войны», идти вновь въ бой и на смерть? Бросившіе турецкій фронтъ полкъ и батарея, буйная деревенская вольница, человѣческая накипь Лежанки и окрестныхъ селъ, пришлый рабочій элементъ, давно уже вмѣстѣ съ солдатчиной овладѣвшій всѣми сходами, комитетами, совѣтами и терроризировавшій всю губернію; быть можетъ и мирные мужики, насильно взятые совѣтами. Никто изъ нихъ не понимаетъ смысла борьбы. И представленіе о насъ, какъ о «врагахъ» — какое-то расплывчатое, неясное, созданное бѣшено растущей пропагандой и безпричиннымъ страхомъ.

— «Кадеты»... Офицеры... хотятъ повернуть къ старому...

Членъ ростовской управы, с. д. меньшевикъ Поповъ, странствовавшій какъ разъ въ эти дни по Владикавказской жел. дорогѣ, параллельно движенію арміи, такими словами рисовалъ настроеніе населенія:

«...Чтобы не содѣйствовать такъ или иначе войскамъ Корнилова въ борьбѣ съ революціонными арміями, все взрослое мужское населеніе уходило изъ своихъ деревень въ болѣе отдаленныя села и къ станціямъ жел. дорогъ... — «Дайте намъ оружіе, дабы мы могли защищаться отъ кадетъ» — таковъ былъ общій крикъ всѣхъ пріѣхавшихъ сюда крестьянъ... Толпа съ жадностью ловила извѣстія съ «фронта», комментировала ихъ на тысячу ладовъ, слово «кадетъ» переходило изъ устъ въ уста. Все, что не носило сѣрой шинели, казалось не своимъ; кто былъ одѣтъ «чисто», кто говорилъ «по образованному», попадалъ подъ подозрѣніе толпы. «Кадетъ» — это воплощеніе всего злого, что можетъ разрушить надежды массъ на лучшую жизнь; «кадетъ» можетъ помѣшать взять въ крестьянскія руки землю и раздѣлить ее; «кадетъ» это злой духъ, стоящій на пути всѣхъ чаяній и упованій народа, а потому съ нимъ нужно бороться, его нужно уничтожить»*).

Это несомнѣнно преувеличенное опредѣленіе враждебнаго отношенія къ «кадетамъ», въ особенности въ смыслѣ «всеобщности» и активности его проявленія, подчеркиваетъ, однако, основную черту настроенія крестьянства — его безпочвенность и сумбурность. Въ немъ не было ни «политики», ни «Учредительнаго Собранія», ни «республики», ни «царя»; даже земельный вопросъ самъ по себѣ здѣсь, въ Задонье и въ особенности въ привольныхъ Ставропольскихъ степяхъ, не имѣлъ особенной остроты. Мы, помимо своей воли, попали просто

*) „Рабочее слово" 1918 г. № 10.

въ заколдованный кругъ общей соціальной борьбы: и здѣсь, и потомъ всюду, гдѣ ни проходила Добровольческая армія, часть населенія болѣе обезпеченная, зажиточная, заинтересованная въ возстановленіи порядка и нормальныхъ условій жизни, тайно или явно сочувствовала ей; другая, строившая свое благополучіе — заслуженное или незаслуженное — на безвременьи и безвластьи, была ей враждебна. И не было возможности вырваться изъ этого круга, внушить имъ истинныя цѣли арміи. Дѣломъ? Но что можетъ дать краю *проходящая* армія, вынужденная вести кровавые бои даже за право своего существованія. Словомъ? Когда слово упирается въ непроницаемую стѣну недовѣрія, страха или раболѣпства.

Впрочемъ, сходъ Лежанки (позднѣе и другіе) былъ благоразуменъ — постановилъ пропустить «корниловскую армію». Но пришли чужіе люди — красногвардейцы и солдатскіе эшелоны, и цвѣтущія села и станицы обагрились кровью и заревомъ пожаровъ...

У дома, отведеннаго подъ штабъ, на площади, съ двумя часовыми-добровольцами на флангахъ, стояла шеренга плѣнныхъ офицеровъ — артиллеристовъ квартировавшаго въ Лежанкѣ большевистскаго дивизіона.

Вотъ она новая трагедія русскаго офицерства!..

Мимо плѣнныхъ черезъ площадь проходили одна за другой добровольческія части. Въ глазахъ добровольцевъ презрѣніе и ненависть. Раздаются ругательства и угрозы. Лица плѣнныхъ мертвенно блѣдны. Только близость штаба спасаетъ ихъ отъ расправы.

Проходитъ генералъ Алексѣевъ. Онъ взволнованно и возмущенно упрекаетъ плѣнныхъ офицеровъ. И съ его устъ срывается тяжелое бранное слово. Корниловъ рѣшаетъ участь плѣнныхъ:

— Предать полевому суду.

Оправданія обычны: «не зналъ о существованіи Добровольческой арміи»... «Не велъ стрѣльбы»... «Заставили служить насильно, не выпускали»... «Держали подъ надзоромъ семью»...

Полевой судъ счелъ обвиненіе недоказаннымъ. Въ сущности не оправдалъ, а *простилъ*. Этотъ первый приговоръ былъ принятъ въ арміи спокойно, но вызвалъ двоякое отношеніе къ себѣ. Офицеры поступили въ ряды нашей арміи.

Помню, какъ въ концѣ мая въ бою подъ Гуляй-Борисовкой — цѣпи полковника Кутепова, мой штабъ и конвой подверглись жестокому артиллерійскому огню, направленному очевидно весьма искусной рукой. Иванъ Павловичъ, попавши въ створу многихъ очередей шрапнели, по обыкновенію невозмутимо резонерствуетъ:

— Не дурно ведетъ огонь, каналья, пожалуй нашему Міончинскому не уступитъ...

Черезъ мѣсяцъ при взятіи Тихорѣцкой былъ захваченъ въ плѣнъ капитанъ — командиръ этой батареи.

— Взяли насильно... хотѣлъ въ Добровольческую армію... не удалось.

Когда кто-то неожиданно напомнилъ капитану его блестящую стрѣльбу подъ Гуляй-Борисовкой, у него сорвался вѣроятно искренній отвѣтъ:

— Профессіональная привычка...

И такъ, инертность, слабоволіе, безпринципность, семья, «профессіональная привычка» создавали понемногу прочные офицерскіе кадры Красной арміи, подымавшіе на добровольцевъ братоубійственную руку.

ГЛАВА XX.

Походъ къ Екатеринодару: настроеніе Кубани; бои подъ Березанкой, Выселками и Кореновской; вѣсть о паденіи Екатеринодара.

23 февраля мы вступили въ предѣлы Кубанской области.

Совсѣмъ другое настроеніе: армію встрѣчаютъ привѣтливо, хлѣбомъ-солью. Послѣ скитаній среди равнодушной или враждебной намъ стихіи — душевный уютъ и новыя надежды.

Кубань — земля обѣтованная!

Это настроеніе проходило, словно невидимый токъ, по всему добровольческому организму и одинаково захватывало мальчика изъ юнкерскаго батальона, полковника, шагающаго въ рядахъ офицерскаго полка, бывшаго политическаго дѣятеля, трясущагося на возу въ обозѣ, и... самого командующаго арміей.

Кубань — наша база. Здѣсь мы найдемъ надежную опору. Отсюда можно начать серьезную и организованную борьбу.

Насъ — пришельцевъ съ сѣвера удивляли огромное богатство ея безпредѣльныхъ полей, ломящіеся отъ хлѣба скирды и амбары, ея стада и табуны. Сыты всѣ — и казаки, и иногородніе, и «хозяинъ» и «работникъ».

Насъ располагалъ къ себѣ веселый, открытый характеръ кубанскихъ казаковъ и казачекъ — такихъ далекихъ, такихъ, казалось, чуждыхъ большевистскаго угара.

Тихая заводь привольной кубанской жизни замутилась, однако, враждой и чувствомъ мести къ тѣмъ, кто нарушилъ ея покой. Когда въ станицѣ Незамаевской я замѣшался въ пестрой праздничной, веселой толпѣ, тамъ это чувство буйно рвалось наружу. Они уже «сосчитались» съ одними или угрожали сосчитаться съ другими изъ своихъ большевиковъ, главнымъ образомъ иногороднихъ. Придетъ утро, мы уйдемъ, а еще черезъ день появится отрядъ «товарища» Сорокина или Автономова и начнется возмездіе...

Казаки начали поступать въ армію добровольцами: Незамаевская выставила цѣлый отрядъ, человѣкъ въ полтораста. Станичные сборы враждебны большевикамъ и выражаютъ преданность Корнилову.

Кубань — земля обѣтованная!

Этотъ прогнозъ оказался впослѣдствіи правильнымъ по существу — въ оцѣнкѣ психологіи рядового кубанскаго казачества, но не расчитаннымъ во времени: восточныя станицы не испытали тогда еще настоящаго большевистскаго гнета; еще не изжито было навож-

Генералъ Марковъ (†).

Стр. 241.

деніе фронтовымъ казачествомъ; не было еще широкаго народнаго движенія, готоваго превратиться въ открытую, активную борьбу. Кубанцы выжидали. Колеблющемуся настроенію давало перевѣсъ въ нашу пользу только присутствіе внушительной силы — арміи; оно открывало уста однимъ и заставляло умолкнуть другихъ. Съ уходомъ арміи — маятникъ покачнется въ другую сторону...

Въ направленіи на Екатеринодаръ намъ предстояло пересѣчь Владикавказскую желѣзную дорогу. Узлы ея — Тихорѣцкая и Сосыка заняты были большими силами красногвардейцевъ, по дорогѣ ходили бронированные поѣзда. Чтобы избѣгнуть боя съ ними, штабъ прибѣгнулъ къ ряду демонстрацій въ западномъ направленіи, а съ вечера 25-го изъ станицы Веселой, армія круто повернула на югъ. Двигались всю ночь и къ утру подошли къ станицѣ Новолеушковской, гдѣ подъ прикрытіемъ части Корниловскаго полка, занявшаго станцію, безконечная колонна стала быстро пересѣкать желѣзнодорожный путь. Остановленный взрывомъ полотна внѣ досягаемости выстрѣловъ, большевистскій бронепоѣздъ громилъ изъ орудій станцію и посылалъ навстрѣчу колоннѣ рядъ бѣлыхъ дымковъ, расплывавшихся по небесной синевѣ далеко въ сторонѣ.

За эти сутки войска прошли около 60 верстъ. Перенесли походъ легко — даже дѣти батальона Боровскаго.

Миновали Старо-Леушковскую, Иркліевскую и 1-го марта подошли къ Березанской. Здѣсь впервые противъ насъ выступили кубанскіе казаки. Маятникъ колеблющагося настроенія чуть качнулся влѣво, иногородніе и фронтовики одержали верхъ на станичномъ сборѣ, и вокругъ станицы за ночь выросли окопы, изъ которыхъ подъ утро по нашему авангарду ударили градомъ пуль.

Бой былъ кратокъ: огонь добровольческой артиллеріи, развернувшіяся цѣпи Корниловцевъ и «Марковцевъ» быстро заставили большевиковъ очистить позицію. Цѣпи ихъ не успѣли еще скрыться въ станицѣ, какъ всадникъ въ бѣлой папахѣ въ сопровожденіи трехъ — четырехъ конныхъ ординарцевъ уже влетѣлъ въ самую станицу и исчезъ за поворотомъ улицы.

— Генералъ Марковъ!

Мѣстные большевики разошлись по домамъ и попрятали оружіе. Пришлые ушли на Выселки.

Вечеромъ «старики» въ станичномъ правленіи творили расправу надъ своей молодежью — пороли ихъ нагайками...

* * *

Добровольческая армія прошла уже около 250 верстъ по взбаламученному краю, обходя или легко опрокидывая большевистскіе отряды. Власть «главковерха» Антонова и Донского военно-революціоннаго комитета, проявляясь въ центрахъ, становилась чисто фиктивной по мѣрѣ удаленія отъ нихъ. «Главныя силы» Ставропольскаго

«совѣта народныхъ комиссаровъ» послѣ взятія Батайска и разграбленія Ростова, не исполнивъ приказа «главковерха» о преслѣдованіи Добровольческой арміи, обративъ въ заложниковъ своего командующаго Сохацкаго и военнаго комиссара Анисимова, пробивались съ награбленнымъ добромъ обратно въ Ставрополь, безчинствуя и грабя по пути. На станціяхъ Владикавказской дороги — Степной, Кущевкѣ, Сосыкѣ, Тихорѣцкой, Торговой и др. образовались многочисленныя и буйныя вооруженныя скопища, не подчинявшіяся никакимъ центрамъ и «управляемыя» своими собственными революціонными комитетами и мѣстными самодержцами. Многія изъ нихъ въ два-три раза превышали численно всю нашу армію, но такое только превосходство въ силахъ не представлялось тогда опаснымъ для добровольцевъ.

Теперь мы попали въ нѣсколько иныя условія: Кубанскій военно-революціонный комитетъ и «главнокомандующій войсками Сѣв. Кавказа» Автономовъ сумѣли собрать вокругъ себя значительныя силы красной гвардіи (по преимуществу — эшелоны быв. Кавказской арміи), которыя вели успѣшную борьбу съ Екатеринодаромъ. Гдѣ-то недалеко на высотѣ Кореновской и Усть-Лабинской должна была проходить линія обороны кубанскихъ добровольческихъ отрядовъ, пока еще нами не обнаруженная. Теперь уклоненіе отъ боя было нецѣлесообразнымъ. Корниловъ рѣшилъ подойти къ ж. д. магистрали и ударить *въ тылъ* большевистскимъ войскамъ, тѣмъ болѣе, что уже роковымъ образомъ ощущался недостатокъ боевыхъ припасовъ, склады которыхъ мы надѣялись найти на ж. д. станціяхъ.

2 марта главныя силы арміи двинулись на станицу Журавскую, а Нѣженцевъ съ Корниловскимъ полкомъ ударилъ по станціи Выселки. Послѣ краткаго боя, понеся небольшія потери, Корниловцы лихой атакой взяли Выселки и продвинулись на нѣсколько верстъ впередъ къ хутору Малеваному. Армія расположилась на ночлегъ въ Журавской, а въ Выселкахъ долженъ былъ стать заслономъ конный дивизіонъ полковника Гершельмана. Дивизіонъ почему-то ушелъ безъ боя изъ Выселокъ, которыя были заняты вновь крупными силами большевиковъ*). Положеніе создалось крайне непріятное.

Корниловъ приказалъ генералу Богаевскому, съ Партизанскимъ полкомъ и батареей ночной атакой овладѣть Выселками. Ночь была темная, на дворѣ сильнѣйшій холодъ. Въ маленькой станицѣ не хватало ни крышъ, ни продовольствія для всѣхъ частей, набившихся въ нее. Партизаны — голодные, усталые, до поздней ночи оставались подъ открытымъ небомъ. Вѣроятно поэтому Богаевскій отложилъ наступленіе до утра. Чуть забрезжилъ разсвѣтъ, потянулась колонна къ Выселкамъ, и подъ рѣдкимъ огнемъ артиллеріи стали развертываться противъ села отряды партизанъ капитана Курочкина, эсаула Лазарева, Власова, полковника Краснянскаго... Рѣдкія цѣпи шли без-

*) Гершельманъ былъ отрѣшенъ за это отъ должности.

остановочно къ окраинѣ деревни, словно вымершей. И вдругъ длинный гребень холмовъ, примыкавшихъ къ селу ожилъ и брызнулъ на наступавшія цѣпи огнемъ пулеметовъ и ружей...

Ура!.. Ура!.. — покатилось по рядамъ. Бросились Партизаны въ атаку. Но валятся одинъ за другимъ люди, рѣдѣютъ цѣпи. А тутъ справа — во флангъ и тылъ имъ ударило свинцомъ изъ всѣхъ оконъ каменнаго зданія паровой мельницы, утопленной въ лощинѣ... Цѣпи подались назадъ и залегли.

Бой оказался серьезнѣе, чѣмъ расчитывали. Пришлось выдвинуть новыя силы. Изъ Малеванаго направленъ въ обходъ Выселокъ съ востока батальонъ Корниловцевъ, прямо на село двинутъ Офицерскій полкъ Маркова.

Когда утромъ Корниловъ со штабомъ подъѣзжалъ къ партизанскимъ цѣпямъ, по дорогѣ длинной вереницей намъ навстрѣчу несли носилки съ убитыми и ранеными. Дорого стоила атака: погибли партизанскіе начальники Краснянскій, Власовъ, раненъ Лазаревъ, большой уронъ понесла донская молодежь Чернецовскаго отряда...

Скоро обозначилось наступленіе Корниловскаго батальона. Идутъ быстро, не останавливаясь, какъ на ученьи, заходя большевикамъ въ тылъ. Подходятъ Марковцы; лѣвый флангъ Партизанъ продвинулся уже впередъ — въ охватъ. Словно электрическій токъ проносится по всѣмъ цѣпямъ, раскинувшимся далеко — не окинешь взглядомъ; Партизаны поднялись и бросились снова впередъ.

Противникъ бѣжитъ.

А справа отъ мельницы слышится уже заглушенный сухой трескъ одиночныхъ выстрѣловъ: идетъ, повидимому, расправа.

Прости, Господи, виноватыхъ и не осуди за кровь невинныхъ!..

Корниловъ крупной рысью ѣдетъ въ Выселки. Колышется распущенный трехцвѣтный флагъ. Прошли село, ѣдемъ вдоль желѣзнодорожной насыпи — попали подъ сильнѣйшій ружейный огонь, укрылись за желѣзнодорожную будку. Впереди — никого. Нагоняетъ жидкая цѣпь Партизанъ. Начальникъ отряда, раненный въ ногу, весь мокрый, ковыляетъ бѣгомъ по неровному полю. Не то оправдывается, не то сердится, обращаясь къ штабнымъ:

— Зачѣмъ генералъ срамитъ насъ? Вѣдь онъ конный, а мы пѣшіе — догнать трудно.

Цѣпь продвинулась къ впереди лежащей рощѣ и скрылась изъ глазъ; огонь прекратился скоро, и все поле боя смолкло.

Корниловъ объѣзжаетъ собирающіяся въ колонны войска и благодаритъ ихъ за одержанную побѣду.

Въ этотъ день мы узнали крайне непріятную новость: не такъ давно здѣсь, возлѣ Выселокъ произошелъ бой между большевиками и отрядомъ кубанскихъ добровольцевъ Покровскаго. Добровольцы были разбиты и поспѣшно отступили въ сторону Екатеринодара. Шли какіе-то зловѣщіе слухи и о кубанской столицѣ...

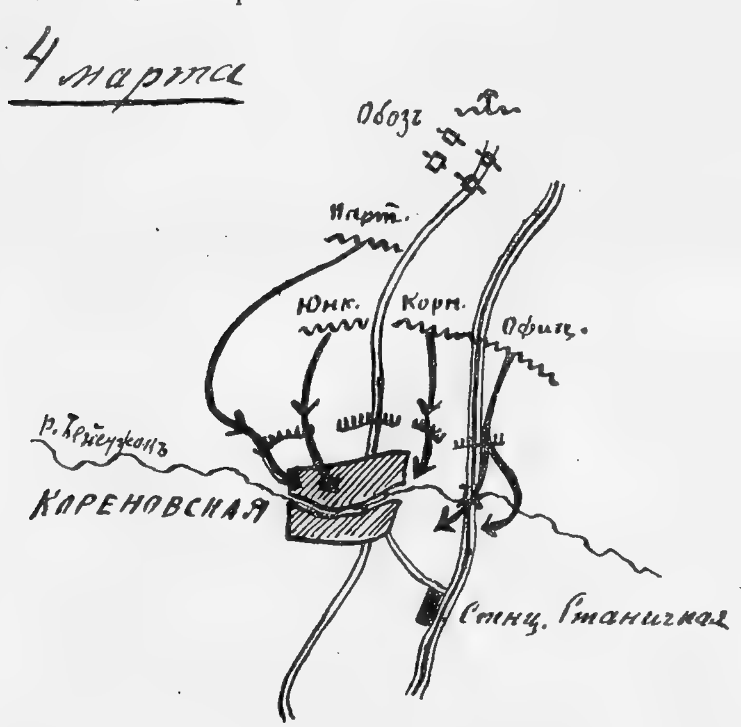
Пока — только слухи. И потому на завтра приказано наступать далѣе, на Кореновскую, въ которой сосредоточилось не менѣе 10 тысячъ красногвардейцевъ съ бронепоѣздами и съ большимъ количествомъ артиллеріи. Большевистскими силами командовалъ кубанскій казакъ, бывшій фельдшеръ Сорокинъ.

Противъ насъ былъ уже не *тылъ,* а *фронтъ* екатеринодарской группы большевиковъ.

* * *

4-го утромъ мы шли съ авангардомъ Боровскаго. Конная часть, бывшая впереди, по обыкновенію не предупредила, и голова колонны, выйдя на гребень, съ котораго открывались уже купола кореновской церкви, попала подъ сильный ружейный огонь.

— Положите Юнкеровъ!

Но Боровскій не слышитъ или не хочетъ слышать — онъ занятъ отдачей распоряженій. И на него и на молодежь дѣйствуетъ присутствіе командующаго. Чувствуютъ на себѣ его пристальный взглядъ... Разсыпаются по линіи, никто не ложится. И скоро жидкія цѣпи Юнкеровъ тихо, въ ростъ, не останавливаясь, двинулись на станицу, опоясанную длиннымъ рядомъ окоповъ, въ которыхъ даже простымъ глазомъ замѣтно было большое скопленіе большевиковъ.

Было трогательно и волнующе это наступленіе юношей, почти мальчиковъ — внѣшне такое немощное и такое красивое своей внутренней доблестью и простотой. Видно и на большевиковъ оно произвело впечатлѣніе: огонь здѣсь сталъ рѣже и безпорядочнѣе.

Главный ударъ наносится слѣва на станцію Станичную Офицерскимъ и Корниловскимъ полками. Мы подвигаемся влѣво. Бой тамъ въ полномъ разгарѣ. Немолчно гудитъ непріятельская артиллерія, ружейный огонь сливается въ сплошной гулъ. Попали въ полосу сильнаго ружейнаго обстрѣла. Всѣ легли. Пытаюсь убѣдить Корнилова отойти въ сторону или, по крайней мѣрѣ, лечь. Безрезультатно. Обращаюсь къ Романовскому:

— Иванъ Павловичъ, уведите вы его... Подумайте, если случится несчастье...

— Говорилъ не разъ — безполезно. Онъ подумаетъ въ концѣ концовъ, что я о себѣ забочусь...

Корниловъ поднялся на пригорокъ, глядитъ въ бинокль. Съ нимъ рядомъ Романовскій. Смотрю на нихъ съ тревогой, любуюсь обоими и думаю: кто изъ нихъ выше въ этой побѣдѣ духа надъ плотью; вспоминаю — кого еще на протяженіи шести лѣтъ трехъ войнъ я видѣлъ такимъ равнодушнымъ къ дыханію смерти...

Въ наступленіи произошелъ переломъ. Корниловскій полкъ на всемъ фронтѣ отходитъ. За нимъ валятъ густыми нестройными линіями большевики. Много, много ихъ чернѣетъ на свѣтло-сѣромъ фонѣ поля. Артиллерійскій огонь перешелъ въ ураганъ; шрапнели бѣлыми дымками густо стелются по небу и осыпаютъ отходящія цѣпи пулями.

Изъ обоза доносятъ: патроны и снаряды на исходѣ; части требуютъ; отдавать ли послѣдніе?

— Надо выдать — на станціи мы найдемъ ихъ много — говоритъ Корниловъ.

Но Корниловцы остановились, потоптались нѣсколько минутъ въ нерѣшительности на мѣстѣ и опять двинулись впередъ; большевики залегли. Еще нѣтъ успѣха, но уже чувствуется, что кризисъ миновалъ.

Стало, однако, яснымъ, что надо искать рѣшительныхъ результатовъ въ другомъ мѣстѣ. Корниловъ послалъ весь свой резервъ — Партизанскій полкъ и чехо-словацкую роту подъ начальствомъ Богаевскаго въ охватъ позиціи съ запада.

Едва только части эти отдѣлились отъ обоза, оттуда пришло донесеніе:

— Въ тылу возлѣ насъ появилась непріятельская конница. У обоза никакого прикрытія нѣтъ.

Положеніе осложняется...

Корниловъ посылаетъ офицера конвоя:

— Передайте Эльснеру, что у него есть два пулемета и много здоровыхъ людей. Этого вполнѣ достаточно. Пусть защищаются сами. Я ничего дать имъ не могу.

Съ гребня видно, какъ въ обозѣ зашевелились повозки, строя вагенбургъ, и разсыпалась жидкая цѣпь.

Въ этотъ день, кромѣ превосходства силъ, мы встрѣтили у противника неожиданно — управленіе, стойкость и даже нѣкоторый подъемъ. Бой затягивался, потери росли.

Среди офицеровъ разговоръ:

— Ну и дерутся же сегодня большевики!..

— Ничего удивительнаго — вѣдь русскіе...

Разговоръ оборвался. Брошенная случайно фраза задѣла больныя струны...

Мы переѣхали къ Богаевскому. Партизаны медленно разворачивались противъ станицы, батарея полковника Третьякова шла вмѣстѣ съ цѣпями и, снявшись на послѣдней позиціи, открыла огонь въ упоръ по юго-западной окраинѣ ея. Батальонъ Боровскаго, дважды уже захватывавшій окраину и оба раза выбитый оттуда, поднялся вновь и пошелъ въ атаку. Ударили и Партизаны. Черезъ полчаса мы входили уже въ станицу. Батарея галопомъ мчалась по широкой улицѣ къ мосту черезъ Бейсужекъ, гдѣ скоро въ сгрудившуюся человѣческую массу отступавшихъ большевиковъ ударила картечью.

А съ востока подошли уже Офицерскій полкъ и Корниловцы, преодолѣвъ бронированные поѣзда, ураганный огонь артиллеріи и рѣку — по широкому броду, усѣявъ свой путь вражескими тѣлами. Повидимому, взятіе Офицерскимъ полкомъ моста рѣшило дѣло.

Арьергардъ противника задержался нѣсколько въ рощѣ, южнѣе Кореновской, но, выбитый оттуда Корниловцами, ушелъ къ станицѣ Платнировской.

Въ Кореновской армія пополнила свою хозяйственную часть и, въ особенности, боевые припасы. Но, увы, слишкомъ дорогой цѣной: за послѣдніе бои наша маленькая армія потеряла до 400 человѣкъ убитыми и ранеными.*)

Здѣсь-же ожидало насъ окончательное подтвержденіе зловѣщихъ слуховъ: въ ночь на 1марта кубанскіе добровольцы полковника Покровскаго, атаманъ и рада оставили Екатеринодаръ и ушли за Кубань, въ горы. Екатеринодаръ въ рукахъ большевиковъ. Подобранная въ окопахъ совѣтская газета въ патетическихъ тонахъ описывала встрѣчу делегатовъ екатеринодарскаго совѣта съ передовымъ отрядомъ красныхъ войскъ, во время которой обѣ стороны «не могли говорить отъ волненія» и только «со слезами на глазахъ обнимали другъ друга»...

---

*) Армія пополнилась тремя сотнями Брюховецкой станицы, которыхъ обозъ принялъ за большевистскую конницу.

Это былъ тяжелый ударъ для арміи. Терялась идея всей операціи, Идея простая, понятная всякому рядовому добровольцу — накануне ея осуществленія: до Екатеринодара оставалось всего два — три перехода. Гипнозъ «Екатеринодара» среди добровольцевъ былъ весьма великъ, и разочарованіе, казалось, должно было отразиться на духѣ войскъ. Мнѣ представлялось необходимымъ продолжать выполненіе разъ поставленной задачи во что бы то ни стало, тѣмъ болѣе, что армія давно уже находилась въ положеніи стратегическаго окруженія и выходъ изъ него опредѣлялся не столько тѣмъ или инымъ направленіемъ, сколько разгромомъ главныхъ силъ противника, который долженъ былъ повлечь за собою политическое его паденіе. А несравненныя войска Добровольческой арміи внушали неограниченное довѣріе и надежды...

Въ штабѣ узналъ, что готовится приказъ о поворотѣ на югъ, за Кубань. Поговорилъ съ Иваномъ Павловичемъ, который раздѣлялъ мое мнѣніе, и вмѣстѣ съ нимъ пошли къ командующему.

— Я съ вами согласенъ — отвѣтилъ намъ Корниловъ, но вы говорили съ Марковымъ и Нѣженцевымъ?

— Нѣтъ.

— Вотъ видите-ли. Они были сегодня у меня съ докладомъ о состояніи полковъ...

Онъ передалъ намъ вкратцѣ сущность доклада: большая убыль и крайнее утомленіе — физическое и особенно моральное. Нѣкоторые тревожные симптомы проявились уже во вчерашнемъ бою. Оба командира считали необходимымъ дать людямъ нѣкоторый отдыхъ — отъ этого ежедневнаго крайняго нравственнаго напряженія, отъ боя и отъ кошмара походнаго лазарета; постоять на мѣстѣ и не чувствовать себя вѣчно окруженными.

— Если-бы Екатеринодаръ держался — говорилъ Корниловъ — тогда бы не было двухъ рѣшеній. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдемъ за Кубань и тамъ въ спокойной обстановкѣ, въ горныхъ станицахъ и черкесскихъ аулахъ отдохнемъ, устроимся и выждемъ болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ.

Споръ нашъ не привелъ ни къ чему. Вѣроятно потому, что всѣ трое мы руководствовались только теоретическими предположеніями и интуитивнымъ чувствомъ. Ибо за предѣлами армейскаго раіона мы ничего не знали. Область была охвачена пожаромъ, всѣ внутреннія связи — моральныя, административныя, техническія — были порваны, взаимоотношенія перепутались, и на почвѣ общаго разлада росли и ширились только слухи, одинъ другого нелѣпѣе, одинъ другого обманчивѣе. Ничтожный составъ конницы не позволялъ производить серьезныхъ дальнихъ развѣдокъ. Посылаемые штабомъ тайные развѣдчики — люди вѣрные и самоотверженные — обыкновенно пропадали: ихъ ловили, мучили, убивали, въ лучшемъ случаѣ они томились въ тюрьмахъ и въ подвалахъ чрезвычаекъ.

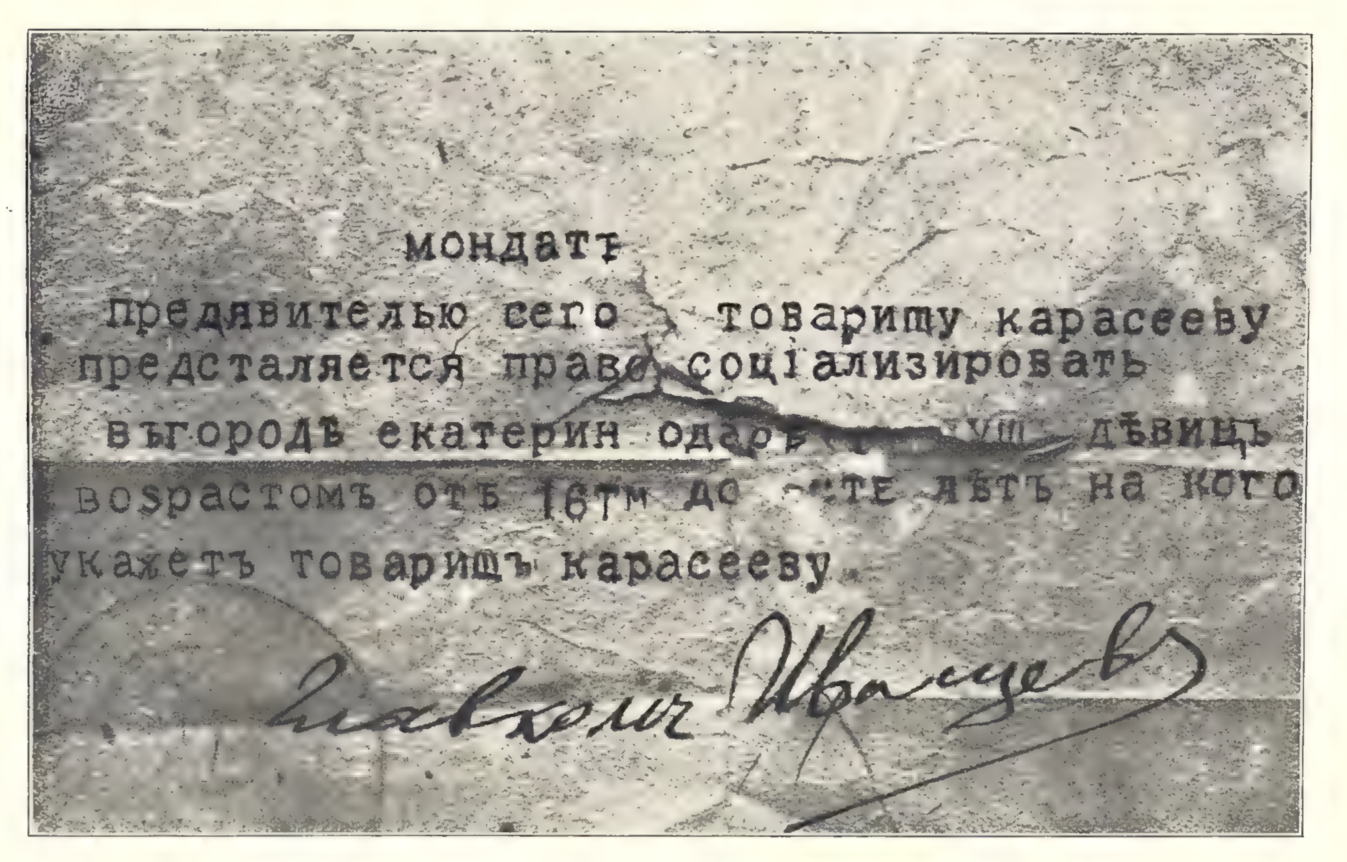
Мы не знали тогда, что за Кубанью армія попадетъ въ сплошной большевистскій раіонъ и долго еще будетъ вести непрерывные тяжелые бои изо дня въ день; что и это новое огромное напряженіе не сломитъ духъ добровольцевъ; что, наконецъ, по ироніи судьбы въ то самое утро, когда армія наша повернетъ съ Екатеринодарскаго направленія на югъ, кубанскій добровольческій отрядъ, увѣровавшій наконецъ въ приходъ Корнилова на Кубань, поведетъ наступленіе черезъ аулъ Шенджій на Екатеринодаръ...

5 марта былъ отданъ приказъ — арміи съ наступленіемъ сумерекъ, соблюдая полнѣйшую тишину, двинуться на Усть-Лабинскую переправу.

Штабъ Автономова и Сорокина.

Стр. 242.

МОНДАТЪ

Предявителью сего товарищу карасееву
предсталяется право социализировать
въгородѣ екатерин одар[illegible] дѣвицъ
возрастомъ отъ 16тм до [illegible]те лѣтъ на кото
укажетъ товарищъ карасееву.

Мандатъ на соціализацію женщинъ (Екатеринодаръ).

Стр. 273.

ГЛАВА XXI.

Поворотъ арміи на югъ: бой у Усть-Лабы; кубанскій большевизмъ; штабъ арміи.

Двинулись холодной ночью. Предполагали остановиться на большой привалъ въ станицѣ Раздольной, но, лишь только разсвѣло, большевистскія войска, занявшія тотчасъ же послѣ ухода нашего арьергарда (Партизанскій полкъ генерала Богаевскаго) Кореновскую, стали тѣснить Богаевскаго и обстрѣливать его артиллерійскимъ огнемъ. Колонна двинулась дальше. Верстахъ въ двухъ отъ Устъ-Лабы авангардъ остановился: окраина станицы и желѣзнодорожная насыпь были заняты большевиками.

Нашъ маневръ отличался смѣлостью почти безразсудною. Только съ такой арміей, какъ Добровольческая, можно было рѣшиться на него. Только потому, что Корниловъ зналъ свою армію, а армія беззавѣтно вѣрила своему вождю.

Сзади напиралъ значительный отрядъ Сорокина, грозившій опрокинуть слабыя силы Богаевскаго. Впереди — станица, занятая неизвѣстными силами, длинная, узкая дамба (2—3 версты), большой мостъ, который могъ быть сожженъ или взорванъ, и желѣзный путь отъ Кавказской и Екатеринодара — двухъ большевистскихъ военныхъ центровъ, могущихъ перебросить въ нѣсколько часовъ въ Усть-Лабинскую и подкрѣпленія и бронепоѣзда.

Начался бой на сѣверъ и на югъ, все болѣе сжимая въ узкое кольцо нашъ громадный обозъ, остановившійся среди поля и уже обстрѣливаемый перелетнымъ огнемъ артиллеріи Сорокина.

Въ обозѣ — наша жизнь, наше страданіе и страшныя путы, сковывающія каждую операцію, вызывающія много лишнихъ потерь, которыя въ свою очередь увеличиваютъ и отягчаютъ его. Въ немъ все матеріальное снабженіе, въ особенности драгоцѣнные боевые припасы кочующей арміи, не имѣющей своей базы и складовъ. Въ немъ тогда уже было до 500 раненыхъ и больныхъ, и число ихъ къ концу похода превышало полторы тысячи!.. Наконецъ, много бѣженцевъ. Обозъ живетъ одной жизнью съ арміей, цѣлыми часами стоитъ на полѣ боя, не разъ подвергаясь сильному обстрѣлу. Въ обозѣ знаютъ, что неустойка боевой линіи грозитъ имъ гибелью. Оттого въ немъ повышенная впечатлительность и склонность къ распространенію самыхъ страшныхъ слуховъ. Но паники почти не бывало. Спасаться некуда: впереди бой, сзади бой, справа и слѣва маячатъ непріятель-

скіе разъѣзды. И обозъ тихо и терпѣливо ждалъ развязки боя, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ приближающимся и замирающимъ отзвукамъ артиллерійской и ружейной стрѣльбы.

Водилъ обозъ всегда самъ начальникъ снабженія генералъ Эльснеръ. Не слишкомъ энергично, но съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Кромѣ перемѣнныхъ мѣстныхъ подводчиковъ, контингентъ возчиковъ крайне разнообразный: плѣнные австро-германцы, старые полковники, легко раненые офицеры, иногда просто уклоняющіеся отъ строя; много не боевого элемента, въ томъ числѣ почти всѣ общественные дѣятели, слѣдовавшіе при арміи. Революція и походъ перевернули соціальныя перегородки.

Если всѣмъ было тяжело, то положеніе раненыхъ, въ особенности тяжелыхъ, стало катастрофическимъ. Почти каждый день длинный утомительный походъ, въ тряской телѣгѣ, по невылазной грязи, по кочкамъ и рытвинамъ, иногда рысью. Три четверти дня подъ открытымъ небомъ, въ полѣ подъ проливнымъ дождемъ или въ жестокую стужу, отъ которой не спасала подостланная солома и наброшенныя жидкія шинели и одѣяла. Ночлегъ — въ только что взятой съ бою станицѣ или аулѣ, которые не могли дать въ краткій срокъ остановки ни достаточно крышъ, ни достаточно продовольствія для набившагося сверхъ мѣры воинства. Иногда двое сутокъ безъ ночлега и безъ разгрузки — съ одной только перепряжкой лошадей. И на походѣ, и не разъ на стоянкѣ — немолчный гулъ непріятельской артиллеріи и сухой трескъ рвущихся возлѣ снарядовъ...

Не было надлежащей санитарной организаціи и почти не было ни инструментовъ, ни медикаментовъ, ни перевязочнаго матеріала и антисептическихъ средствъ. Раненые испытывали невѣроятныя страданія, умирали отъ зараженія крови и отъ невозможности производить операціи — даже легко раненые. Нужно было обладать, поистинѣ, огромнымъ жизненнымъ импульсомъ, чтобы вынести всѣ эти муки и сохранить незатемненный разумъ и самую жизнь. Иногда даже жизнерадостность... наканунѣ смерти.

Въ арміи знали, что дѣлается въ лазаретѣ и что ожидаетъ каждаго, кому придется лечь туда. Изъ лазарета шелъ стонъ и просьбы о помощи; тамъ создавалась острая атмосфера враждебности раненыхъ къ лазаретному персоналу, вызывавшая иногда въ отвѣтъ полную апатію даже со стороны людей преданныхъ своему дѣлу, но положительно сбившихся съ ногъ и растерявшихся въ необычайной обстановкѣ похода. Ибо наряду съ безразлично относившимися къ страданіямъ добровольцевъ, среди врачей и сестеръ были люди въ полномъ смыслѣ слова самоотверженные. О многихъ изъ нихъ сохранили благодарную память добровольцы, уже обреченные и вырвавшіеся изъ холодныхъ объятій смерти. Вспоминаютъ, вѣроятно, добрымъ словомъ и одного изъ бывшихъ начальниковъ лазарета, доктора Сулковскаго — друга немощныхъ, который умеръ потомъ черезъ годъ, заразившись отъ больныхъ сыпнымъ тифомъ.

Не разъ жалобы раненыхъ доходили до генерала Корнилова, чутко относившагося къ нимъ и болѣвшаго за нихъ душой; онъ обрушивался сурово на виновниковъ неурядицы, облегчалъ какъ могъ положеніе раненыхъ и однимъ своимъ присутствіемъ вносилъ успокоеніе въ души страдальцевъ.

Въ свою очередь кричалъ, ругался, просилъ и разводилъ безпомощно руками Эльснеръ. По существу они могли только смѣнить людей и улучшить внутренніе санитарные распорядки. Дѣйствительно, за время похода смѣнилось 8 начальниковъ лазарета, среди которыхъ былъ и персонажъ комическій, и самоотверженный врачъ, и душевно преданный своему дѣлу, работавшій безъ устали полковникъ, наконецъ, пріобрѣтшій большой опытъ въ санитарномъ дѣлѣ еще на Юго-западномъ фронтѣ — земецъ. Дѣло шло то нѣсколько лучше, то хуже. Никто не могъ измѣнить общихъ условій жизни арміи и ея зіяющей раны, ибо для этого нужно было прежде всего вырваться изъ большевистскаго окруженія.

Смерть витала надъ лазаретомъ, и молодыя жизни боролись съ ней не разъ исключительно только силою своего духа.

Иногда обстановка слагалась особенно тяжело, и раненые, теряя самообладаніе, угрожали лазаретному персоналу револьверами. Начальство и армейскій комендантъ принимали мѣры къ успокоенію. Одного только не рѣшались сдѣлать — отнять у раненыхъ оружіе; возможность распорядиться своею жизнью въ послѣдній роковой моментъ — была неотъемлемымъ правомъ добровольцевъ...

* * *

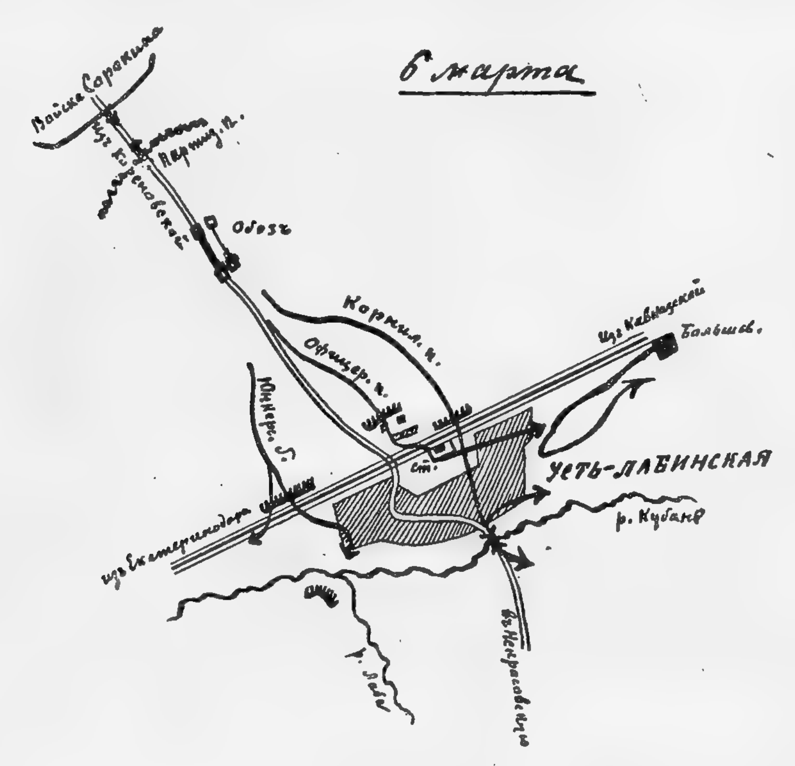
Подъ Усть-Лабой надо было спѣшить, такъ какъ всегда спокойный и уравновѣшенный Богаевскій доносилъ, что его сильно тѣснятъ и просилъ подкрѣпленій. Корниловъ двинулъ впередъ Юнкерскій батальонъ и Корниловскій полкъ. Первый пошелъ правѣе на виднѣвшуюся насыпь желѣзн. дороги изъ Екатеринодара, второй прямо на станицу. Быстро, безъ выстрѣла двинулись Юнкера и, встрѣченные передъ самымъ полотномъ огнемъ непріятельскихъ цѣпей, съ крикомъ — Ура! ударили на нихъ и скрылись за насыпью.

Мы идемъ съ корниловцами, которые выслали колонну влѣво, въ обходъ станціи и наступаютъ тихо, выжидая результатовъ обхода. Съ цѣпями идетъ съ винтовкой въ рукахъ генералъ Казановичъ — корпусный командиръ.

— Совѣстно такъ, безъ дѣла — отвѣчаетъ, улыбнувшись изподлобья на чей-то шутливый вопросъ.

Нѣсколько поодаль стоитъ генералъ Алексѣевъ со своимъ адъютантомъ ротмистромъ Шапрономъ и съ сыномъ. Ему тяжко въ его годы и съ его болѣзнью, но никогда еще никто не слышалъ изъ устъ его малодушнаго вздоха. Тщательно избѣгая всего, что могло бы показаться Корнилову вмѣшательствомъ въ управленіе арміей, онъ бы-

валъ, однако, всюду — и въ лазаретѣ, и въ обозѣ, и въ бою; всѣмъ интересовался, все принималъ близко къ сердцу и помогалъ добровольцамъ чѣмъ могъ — совѣтомъ, словомъ ободренія, тощею казной.

Со стороны станицы показался какой то конный, неистово машущій руками. Делегатъ: «товарищи» форштадта*) рѣшили пропустить насъ безъ боя. Цѣпи поднялись и пошли, съ ними штабъ и конвой. Но едва прошли полверсты — изъ окраины станицы затрещали ружья, пулеметы, а изъ появившагося бронированнаго поѣзда полетѣли шрапнели. Пришли, очевидно, чужіе — подкрѣпленіе изъ Кавказской.

Опять Корниловъ въ жестокомъ огнѣ, и Марковъ горячо нападаетъ на штабъ:

— Уведите вы его, ради Бога. Я не въ состояніи вести бой и чувствовать нравственную отвѣтственность за его жизнь.

— А вы сами попробуйте, Ваше превосходительство!.. — отвѣчаетъ, улыбаясь, всегда веселый ген. Трухачевъ.

Но охватъ Корниловцевъ уже обозначился. Двинулись въ атаку и съ фронта, и скоро весь полкъ ворвался на станцію и въ станицу, сбилъ большевиковъ съ отвѣсной береговой скалы, вѣнчавшей входъ на дамбу, овладѣлъ мостомъ и перешелъ за рѣку Кубань.

---

*) Иногородній поселокъ возлѣ станицы.

Мы поѣхали слѣдомъ черезъ поле, на которомъ кое-гдѣ были разбросаны большевистскіе и добровольческіе трупы, черезъ вымершій вокзалъ, къ станичной площади. Остановились на привалъ. Вдругъ получается донесеніе, что съ востока, отъ Кавказской подошелъ большевистскій эшелонъ, разгрузился и идетъ къ станицѣ. Скоро по вокзалу и станицѣ начали глухо взрываться шестидюймовыя бомбы. Штабъ и конвой — больше никого! Нѣженцевъ въ пылу боя увлекся преслѣдованіемъ и не оставилъ заслона противъ Кавказской. Корниловъ сумраченъ и озабоченъ; вмѣстѣ съ Романовскимъ идутъ къ окраинѣ; скоро ординарцы развозятъ распоряженія: поставить на площади батарею, повернуть на восточную окраину часть Офицерскаго полка, который съ Марковымъ подходилъ къ вокзалу, вернуть батальонъ корниловцевъ... Проходитъ около ³/₄ часа, пока собираются части, и борьбу ведетъ одна лишь батарея Міончинскаго. Но скоро бѣгомъ мимо станціи проходятъ Марковскіе офицеры и вмѣстѣ съ Корниловцами бьютъ и обращаютъ въ бѣгство подходящихъ уже къ самой станицѣ большевиковъ.

Путь свободенъ.

Какъ по внушенію въ одно мгновеніе знаетъ объ этомъ все населеніе трехверстнаго обоза — всеобщая радость; дошло извѣстіе и до арьергарда. Тамъ устойчиво — Богаевскій выполнилъ свою задачу, сдержалъ преслѣдующихъ.

До Некрасовской, гдѣ назначенъ ночлегъ, еще 10 верстъ. Всю ночь идутъ нескончаемой вереницей обозы, колонны. Запрудили улицы Некрасовской. Въ сутки прошли 46 верстъ съ двухстороннимъ боемъ и переправой!.. Измученные люди въ ожиданіи квартирьеровъ валятся на порогахъ хатъ, просто на улицѣ. Спятъ и грезятъ: пришли въ Закубанье на желанный отдыхъ... И хотя завтра мы проснемся вновь отъ злорадно стучащей по крышамъ домовъ большевистской шрапнели, но это уже не такъ важно: благополучная переправа черезъ Кубань подымаетъ настроеніе добровольцевъ, оживляетъ ихъ надежды.

* * *

Повсюду въ области, въ каждомъ поселкѣ, въ каждой станицѣ собиралась красная гвардія изъ иногороднихъ (къ нимъ примыкала часть казаковъ, фронтовиковъ), еще плохо подчинявшаяся Армавирскому центру*), но слѣдовавшая точно его политикѣ. Объединяясь временами въ волостныя, раіонныя, «армейскія» организаціи, эта вооруженная сила, представлявшая недисциплинированныя, хорошо вооруженныя, буйныя банды, будучи *единственной* въ краѣ, приступила къ выполненію своихъ мѣстныхъ задачъ: насажденію совѣтской власти, земельному передѣлу, «изъятію хлѣбныхъ излиш-

*) До 1-го марта Кубан. воен.-рев. комит. находился въ Армавирѣ.

ковъ» «соціализаціи» т. е. попросту ограбленію зажиточнаго казачества и обезглавливанію его — преслѣдованіемъ офицерства, небольшевистской интеллигенціи, священниковъ, крѣпкихъ стариковъ. И прежде всего — къ обезоруженію. Достойно удивленія, съ какимъ полнымъ непротивленіемъ казачьи станицы, казачьи полки и батареи отдавали свои орудія, пулеметы, ружья, которые шли отчасти на вооруженіе мѣстныхъ красногвардейскихъ отрядовъ, отчасти отвозились въ ближайшіе центры. Когда, напримѣръ, потомъ, въ концѣ апрѣля, возстали противъ большевиковъ казаки одиннадцати станицъ Ейскаго отдѣла и двинулись на Ейскъ, это было по описанію Щербины въ полномъ смыслѣ безоружное ополченіе. «У казаковъ было не болѣе 10 винтовокъ на сотню, остальные вооружились чѣмъ могли. Одни прикрѣпили къ длиннымъ палкамъ кинжалы или заостренныя полоски желѣза, другіе, сдѣлавъ изъ желѣзныхъ вилъ что-то въ родѣ копій, третьи вооружались острогой, а иные просто захватили лопаты и топоры». Возстаніе тогда было жестоко подавлено. Противъ беззащитныхъ станицъ выступали обыкновенно бронепоѣзда и карательные отряды съ... казачьими орудіями. Иногда за этими карательными отрядами шли большіе обозы; въ нихъ нагружалось награбленное добро женщинами красногвардейцевъ, которыя не разъ превосходили въ жестокости и садизмѣ мужчинъ.

Къ началу апрѣля всѣ селенія иногороднихъ, а изъ 87 кубанскихъ станицъ 85, уже числились большевистскими. По существу большевизмъ станицъ былъ чисто внѣшній. Во многихъ смѣнялись лишь названія: атаманъ сталъ комиссаромъ, станичный сборъ — совѣтомъ; станичное правленіе — исполнительнымъ комитетомъ. Гдѣ комитеты захватывались иногородними, ихъ саботировали, переизбирая чуть ли не каждую недѣлю. Шла упорная, но чисто пассивная борьба вѣкового уклада жизни, цѣпко державшаго въ своихъ рукахъ даже прозелитовъ новой вѣры — фронтовую молодежь. Борьба безъ воодушевленія, безъ подъема, а, главное, безъ всякаго духовнаго руководства: отъ своего офицерства и рядовой интеллигенціи казачество отвернулось — безъ злобы, скорѣе съ сожалѣніемъ, полагая такой цѣной купить покой и «нейтралитетъ»; а казачья революціонная демократія сама оторвалась отъ массы, ставъ на распутьи между большевистскимъ коммунизмомъ и казачьимъ консерватизмомъ.

Было желаніе, но не было дерзанія. Вотъ и большая, богатая Некрасовская станица, съ незначительнымъ составомъ иногороднихъ, покорно подчинялась какой-то «Еленовской ротѣ», насъ встрѣтила съ чувствомъ радости и затаенной надежды, но, узнавъ, что завтра мы пойдемъ дальше, притихла и замкнулась въ себя.

Большевистскій отрядъ, стоявшій въ Некрасовской, долго бряцалъ оружіемъ и митинговалъ, но въ день нашего прихода съ утра потихоньку, стыдливо ушелъ изъ станицы за Лабу. Въ этомъ раіонѣ, густо усѣянномъ иногородними поселеніями, давно уже

было введено совѣтское управленіе и существовала военная организація, возглавлявшаяся «армейскимъ военно-революціоннымъ совѣтомъ», съ центромъ въ селѣ Филипповскомъ.

Нѣсколько красногвардейскихъ шаекъ съ батареей заняли вплотную лѣвый берегъ Лабы, камыши и прилегающіе хутора и съ утра 7-го по станицѣ, расположенной на нагорномъ берегу, открыли орудійный и пулеметный огонь. Войска измучены, наведеніе моста и переправа черезъ глубокую рѣку засвѣтло подъ огнемъ противника вызоветъ тяжелыя потери... Корниловъ приказалъ начать переправу авангардныхъ частей ночью.

Днемъ обсуждали планъ предстоящихъ дѣйствій. Въ Закубаньи на отдыхъ расчитывать нельзя — раіонъ кишитъ большевиками; учитывая общее направленіе движенія арміи, большевики поджидали насъ въ Майкопѣ, куда «Кубанскій областной комитетъ» сосредоточивалъ войска, оружіе и боевые запасы. Рѣшено было поддержать большевиковъ въ этомъ убѣжденіи, двигаясь на югъ; затѣмъ, перейдя рѣку Бѣлую, круто повернуть на западъ. Это движеніе выводило насъ въ раіонъ черкесскихъ ауловъ, дружественныхъ арміи, давало возможность соединенія съ Кубанскимъ добровольческимъ отрядомъ, отошедшимъ по слухамъ въ направленіи Горячаго ключа, и не отвлекало отъ главной цѣли — Екатеринодара.

Большевистское офиціальное сообщеніе, напечатанное въ «Извѣстіяхъ», найденныхъ позже, и относящееся къ этому дню — 7 марта, такъ опредѣляло общее положеніе «бѣлогвардейскихъ бандъ»:

«Послѣ обхода станціи Тихорѣцкой, Корниловъ продвинулся къ Выселкамъ. Совѣтскія войска умѣлымъ маневромъ окружили здѣсь корниловцевъ. Къ сожалѣнію, по топографическимъ условіямъ мѣстности не удалось создать тѣснаго кольца... и Корниловъ вынужденъ былъ (пойти) черезъ имѣвшуюся отдушину къ востоку по дорогѣ со станц. Кореновской на станицу Усть-Лабинскую, имѣя своей задачей пробиться къ Майкопу... Бѣлогвардейцы снова заперты въ кольцѣ войскъ еще болѣе тѣсномъ... Они мечутся, стараясь нащупать болѣе слабое мѣсто среди кольца революціонныхъ войскъ, чтобы, найдя его, пробиться къ какому нибудь мало мальски крупному городскому центру, гдѣ можно было бы хоть временно опереться... Часъ расплаты Корнилова, Алексѣева и всѣхъ главарей, находящихся у него въ отрядѣ, сталъ ближе».

Что касается «отрядовъ Филимонова и Покровскаго», то «разбитые подъ Екатеринодаромъ они разсѣялись по направленію отъ Эйнема и Георгіе-Афипской къ востоку... и никакой угрозы собою представлять не могутъ».

Оптимизмъ Екатеринодарскаго совѣта не оправдался...

* * *

Послѣ совѣщанія бесѣдовали съ Иваномъ Павловичемъ.

— Вы обратили вниманіе, какъ сегодня Корниловъ рѣзко отозвался о штабѣ при строевыхъ начальникахъ — вѣдь они, несомнѣнно, разскажутъ въ частяхъ. И притомъ совершенно несправедливо.

— Да, но онъ вѣдь потомъ призналъ свою ошибку и извинился.

Отъ этого не легче. Онъ — просто по горячности — вспылитъ и сейчасъ-же отойдетъ, а полки и безъ того насъ недолюбливаютъ. Скажите, чѣмъ это объяснить?

— Иванъ Павловичъ, да когда же вы видѣли, чтобы строй любилъ штабъ? Это извѣстная и ничѣмъ неустранимая психологическая антитеза. Вспомните Маркова въ Ростовѣ...

Марковъ — «начальникъ штаба Добровольческой дивизіи» въ Ростовѣ — съ его живымъ горячимъ характеромъ, рѣзкими жестами и не всегда сдержанной рѣчью — производилъ ошеломляющее впечатлѣніе на всѣхъ добровольцевъ, по дѣлу или безъ дѣла являвшихся въ штабъ дивизіи и не знавшихъ его. Добрый по натурѣ, онъ казался имъ безсердечнымъ; человѣкъ простой и доступный — заносчивымъ и надменнымъ. Неудовольствіе противъ Маркова въ концѣ января приняло такія формы, что Корниловъ дважды бесѣдовалъ со мной о необходимости освобожденія Маркова отъ должности начальника штаба. Я категорически протестовалъ, и только расформированіе передъ выходомъ изъ Ростова «дивизіи» разрѣшило безболѣзненно этотъ вопросъ. Теперь тотъ-же Марковъ, съ той-же горячностью и прямотой — кумиръ своего полка и любимецъ арміи.

Кромѣ чисто инстинктивнаго предубѣжденія, войска не имѣли поводовъ относиться отрицательно къ штабу арміи. Корниловскій штабъ, начиная съ его начальника, состоялъ изъ людей храбрыхъ и хорошихъ работниковъ. Кто былъ знакомъ съ ихъ жизнью, тотъ чувствовалъ это. Въ отвратительныхъ условіяхъ, набитые не разъ въ тѣсной и грязной избѣ такъ, что пройти трудно было, они въ ней работали днемъ и ночью, ѣли и спали вповалку на полу. Съ тѣмъ, чтобы на утро пойти въ поискъ, на развѣдку, установить связь или по многу часовъ разъѣзжать съ Корниловымъ на полѣ боя подъ жестокимъ огнемъ. А съ приходомъ на новый ночлегъ — колесо заводилось сначала. Они яснѣе понимали, чѣмъ въ строю, всю серьезность положенія, и, тѣмъ не менѣе, въ штабѣ, обыкновенно, царило бодрое настроеніе и здоровый оптимизмъ. Два, три офицера не подходили подъ общій уровень, но они не могли испортить общаго впечатлѣнія. Корниловъ обычно относился хорошо къ своему штабу, не взирая на нѣсколько грубоватыя иногда внѣшнія формы отношеній. Онъ любилъ и цѣнилъ своего начальника штаба Романовскаго, такъ счастливо дополнявшаго своей уравновѣшенной натурой его пылкій и впечатлительный темпераментъ, скрывавшійся подъ суровой и сухой внѣшностью. Начальникъ штаба мирился съ нелегкимъ характеромъ командующаго, былъ преданъ ему, и не разъ—только онъ одинъ могъ, глядя на Корнилова своими добрыми глазами, остановить шаги, про-

Генералъ (въ походѣ полковникъ) Кутеповъ.

Стр. 260.

диктованные минутной вспышкой. Никогда не подчеркивалъ своей большой работы и не переносилъ на другихъ ошибки, не имъ сдѣланныя.

— Прошлый разъ, когда вышла такая-же исторія при Марковѣ и Нѣженцевѣ, я попросилъ его освободить меня отъ должности. Онъ отвѣтилъ: «никуда я васъ, Иванъ Павловичъ, не отпущу». Тѣмъ и кончилось. Теперь слишкомъ тяжелое время — такіе вопросы подымать неумѣстно. Но, какъ только придемъ въ тихую пристань, уйду въ строй.

Богъ судилъ, чтобы тихою пристанью для него стала холодная могила Константинопольскаго кладбища...

* * *

Весь день рвутся надъ станицей снаряды, летящіе съ юга изъ-за рѣки, весь день слышенъ орудійный гулъ съ сѣвера, со стороны Усть-Лабы, противъ которой стояли въ арьергардѣ Корниловцы. Посреди большой площади высокая каменная церковь; ея колокольня возвышается надъ всѣмъ низкимъ южнымъ берегомъ на много верстъ; по ней направляютъ огонь. На площади, по квадратному фасу которой расположены штабъ, квартира Корнилова и другихъ генераловъ — такой порядокъ заведенъ всегда — съ глухимъ воемъ рвутся гранаты. Обозъ, запрудившій было всю площадь, понемногу разползся по всей станицѣ; осталось лишь нѣсколько распряженныхъ повозокъ съ торчащими вверхъ оглоблями. Площадь пустынна, изрѣдка лишь пробѣжитъ, пугливо озираясь, превозмогая страхъ, кто-нибудь изъ станичныхъ жителей въ церковь. Идетъ вечерня. Въ храмѣ, кромѣ некрасовцевъ — наши добровольцы, раненые — на костыляхъ, съ повязками. Въ полумракѣ слабо мерцаютъ свѣчки передъ ликами скорбными и суровыми. И когда за стѣною раздастся рѣзкій ударъ, а по куполу застучитъ, словно отъ крупнаго града, глуше звучатъ возгласы изъ алтаря, ниже склоняются головы молящихся. Изъ темнаго угла послышался гулко и явственно чей-то голосъ:

— Господи, прости!

Не жалоба, не прошеніе, а покаяніе. Не такъ ли въ сознаніи широкихъ слоевъ русскаго народа всѣ ужасы лихолѣтья приняты, какъ возмездіе за грѣхи мірскіе, грѣхи вселенскіе, которые ниспослалъ «Богъ — грозный судія, довлѣющій во гнѣвѣ»... И чудится, какъ вмѣстѣ съ дымомъ кадильнымъ изъ сотни сердецъ возносятся «горе» моленія такія страстныя и мучительныя... О комъ? О себѣ, о насъ, о тѣхъ, кто за рѣкой? Вѣдь и о нихъ, вѣроятно, кто-нибудь молится...

Храмъ—единственное убѣжище, куда не вторгнулось еще звѣриное начало. Завтра придутъ «они», убьютъ священника и надругаются надъ храмомъ.*)

---

*) Священникъ станицы Некрасовской отецъ Георгій Руткевичъ былъ убитъ большевиками по обвиненію въ „сочувствіи кадетамъ и буржуямъ“.

ГЛАВА XXII.

Походъ въ Закубанье; бой за Лабой и у Филипповскаго; тѣневыя стороны армейскаго быта.

Въ ночь на 8 марта наши передовыя части перешли съ боемъ на лѣвый берегъ Лабы и, отбросивъ большевиковъ, обезпечили переправу арміи. Первымъ перешелъ Юнкерскій батальонъ. Боровскій доносилъ, что юнкера смѣло бросились въ холодную воду, хотя «малыши пускали пузыри», такъ какъ мѣстами глубина рѣки превышала ихъ ростъ.

Перешедшія войска сразу же попали въ сплошное большевистское окруженіе. Каждый хуторъ, каждая роща, отдѣльныя строенія ощетинились сотнями ружей и встрѣчали наступающія части огнемъ. Марковцы, Партизаны,Юнкера шли по расходящимся направленіямъ, выбивая противника, появлявшагося неожиданно, быстро ускользавшаго, неуловимаго. Каждая уклонившаяся въ сторону команда или отбившаяся повозка встрѣчала засаду и... пропадала. Занятые съ бою хутора оказывались пустынными: все живое населеніе ихъ куда-то исчезало, уводя скотъ, унося болѣе цѣнный скарбъ и оставляя на произволъ судьбы свои дома и пожитки. Скоро широкая долина рѣки, насколько видно было глазу, озарилась огнемъ пожаровъ: палили рвавшіяся гранаты, мстительная рука казака и добровольца или просто попавшая случайно среди брошенныхъ хатъ непотушенная головня.

Нѣженцевъ занималъ еще сѣверную окраину станицы, прикрывая ее со стороны войскъ, наступавшихъ отъ Усть-Лабы. А внизу, подъ крутымъ скатомъ берега шла лихорадочная переправа обоза; жиденькій мостъ былъ сильно перегруженъ; часть повозокъ съ бѣженцами и ранеными спустилась къ глубокимъ бродамъ; лошади шли неохотно въ студеную воду, иногда повозка опрокидывалась или, отнесенная теченіемъ въ глубокое мѣсто, погружалась чуть не доверху, вмѣстѣ съ походнымъ скарбомъ или безпомощно бьющимся человѣческимъ тѣломъ. На томъ берегу обозъ раскинулся широкимъ таборомъ въ ожиданіи «открытія пути».

Лишь къ закату армія раздвинула нѣсколько сжимавшее ее огневое кольцо и заночевала въ двухъ хуторскихъ поселкахъ. Штабъ— въ Киселевскихъ хуторахъ. Собственно только эти два пункта находились въ нашемъ фактическомъ обладаніи, охраняемые на небольшомъ разстояніи аванпостами. А дальше — раздвинутое кольцо сжалось вновь.

Шелъ дождь, была стужа. На улицахъ тѣснаго поселка сбились въ кучу повозки, столпились люди — и половинѣ не хватило крышъ. Я пошелъ ночевать къ Алексѣеву. Онъ былъ нездоровъ и, видимо, нѣсколько разстроенъ: вчера опять вышло недоразумѣніе между нимъ и Корниловымъ по поводу неправильно отведенной квартиры. Эти два человѣка органически непріязненны другъ другу, но сознаніе долга и огромной нравственной отвѣтственности заслоняютъ личныя чувства и заставляютъ ихъ идти вмѣстѣ, одной дорогой, къ одной одинаково понимаемой цѣли. Съ большимъ трудомъ удалось Романовскому успокоить Корнилова. О своихъ взаимоотношеніяхъ съ Корниловымъ Алексѣевъ избѣгаетъ говорить. Мы дѣлимся впечатлѣніями минувшаго боя и прогнозомъ будущаго. Послѣдній неизмѣненъ:

— Пробужденіе казачества и созданіе обезпеченной базы.

Иначе конецъ организаціи и весьма болѣзненный процессъ переноса живой силы ея на другую почву — болѣе плодотворную. Волга, Сибирь. При отсутствіи иного выхода — даже, быть можетъ, Закавказье. Мы не углубляемъ еще этой темы — надежда не потеряна — но одно было ясно, что добровольческое движеніе только еще начинается. Вспомнилась фраза, сказанная какъ-то Иваномъ Павловичемъ:

— Умомъ не постигаю, но сердцемъ вѣрую, что не погибнетъ ни идея, ни армія.

Штабъ Алексѣева со всѣмъ конвоемъ расположился въ одномъ дворѣ.Его и меня помѣстили въ маленькой каморкѣ съ полатями; на нихъ чья-то добрая рука положила густо соломы и покрыла рядномъ. Тепло, благодать! Ночью просыпаюсь отъ страшнаго удушья: припадокъ бронхита? Нѣтъ... Вся комната полна дымомъ, огненные языки лижутъ полати. Вскочилъ. Подо мною сейчасъ-же вспыхнула солома. Съ большимъ трудомъ разбудилъ Алексѣева. Выбита рама, полетѣлъ въ окно, въ грязь мой обгорѣвшій вещевой мѣшокъ съ послѣдними пожитками...

— Чемоданъ забыли!

Въ комнату вскочилъ сынъ Алексѣева, еще кто-то и съ большимъ трудомъ вытащили оттуда знаменитый «Алексѣевскій чемоданъ» — въ немъ вся добровольческая казна.

Пожаръ потушили. Кто-то уже остритъ:

— Казенное добро въ водѣ не тонетъ, въ огнѣ не горитъ.

* * *

Выступленіе назначено рано, но до полудня продвинулись мало, такъ какъ шедшіе впереди Офицерскій полкъ и, въ особенности, Партизанскій пробивались съ трудомъ, отвоевывая каждую версту пути упорнымъ боемъ. Задерживаться въ хуторахъ также было небезопасно, такъ какъ вскорѣ у самой окраины ихъ послышался сильный трескъ пулеметовъ... Пули жужжали между избами. Всѣ войска втянулись въ бой, и потому для прикрытія колонны съ тыла въ распоря-

женіе коменданта штаба, полковника Корвинъ-Круковскаго, оставлена въ хуторахъ «охранная» рота изъ офицеровъ — инвалидовъ и конвой Корнилова. Съ трудомъ протискиваясь по запруженной улицѣ, эти части выходятъ на окраину. Двинулся обозъ и остановился въ верстѣ. Опять по немъ бьетъ непріятельская артиллерія — очевидно перелеты по боевымъ линіямъ — и съ фронта, и съ тыла, и еще откуда-то, видимо со стороны Некрасовской.

Офицерскій полкъ разсыпанъ рѣдкими цѣпями, затерявшимися среди безпредѣльнаго поля и такими, казалось, слабыми въ сравненіи съ массой большевиковъ. Цѣпи подвигаются очень медленно: мы ѣдемъ впередъ рысью къ маленькому хуторку. Корниловъ съ Романовскимъ — уже на стогу. Трескъ пулеметовъ. Раненъ тяжело въ голову полковникъ генеральнаго штаба Патроновъ. Текинцы суетливо прячутъ за стогъ и за хату лошадей...

Отчетливо видны отдѣльныя фигуры въ цѣпяхъ. Похаживаетъ вдоль нихъ небольшого роста, коренастый человѣкъ. Шапка на затылкѣ, руки въ карманахъ — Кутеповъ — командиръ 3-ей роты. Въ этотъ день три пули пробили его плащъ, но по счастью не ранили. Подымаются отдѣльныя группы прямо въ ростъ, перетаскиваютъ куда-то пулеметъ. Тихо бредутъ и ползутъ назадъ раненые. И не одинъ изъ нихъ вдругъ валится на пашню, какъ срѣзанный — догнала новая пуля... Офицеры поднялись, снова пошли въ атаку, и темная масса впереди сначала зашевелилась на мѣстахъ, потомъ хлынула назадъ.

Немедленно подъ прикрытіемъ Офицерскаго полка главныя силы и обозъ двинулись влѣво, въ направленіи Филипповскаго. Прошли версты три, опять остановились: справа у Богаевскаго еще идетъ бой, а впереди слышна дальняя рѣдкая перестрѣлка, и отъ Нѣженцева, направленнаго съ утра на Филипповское, нѣтъ свѣдѣній — занято-ли уже это село — центръ большевизма и военной организаціи всего раіона... Стоимъ въ полѣ долго. Уже наступаетъ ночь — тихая беззвѣздная. Кони давно не кормлены, повѣсили понуро головы. По обочинамъ дороги лежатъ группами люди и тихо ведутъ бесѣду.

Пять тысячъ жизней — старыхъ и молодыхъ — собрались въ темную ночь въ чистомъ полѣ, въ глухомъ углу Кубанской области, среди враждебной имъ стихіи. Безъ крова и пріюта. Бросившихъ домъ, семью, близкихъ и «взыскующихъ града». Уставшихъ отъ тяготъ небывалаго похода, моральнаго одиночества и непрерывныхъ боевъ. Не знающихъ — что сейчасъ сулятъ имъ темныя дали съ чуть мерцающими двумя, тремя путеводными огоньками: покой или новый бой, кровь, быть можетъ смерть...

О чемъ ихъ мысли?

О гибнущей отчизнѣ... О прошломъ-далекомъ и невозвратимомъ... О славѣ, подвигѣ, о радостяхъ жизни... О завтрашнемъ днѣ и новомъ вражескомъ окруженіи... О тѣхъ могильныхъ холмахъ, которые выросли на всемъ пройденномъ пути... что къ нимъ, быть можетъ, сегодня или завтра присоединится еще одинъ — маленькій, незамѣтный,

который смоютъ дожди, распашетъ плугъ, и сгинетъ слѣдъ человѣческой жизни... Наконецъ, просто о теплой хатѣ и сытномъ ужинѣ.

Темное небо прямо на западъ, въ направленіи Екатеринодара прорѣзали блѣдныя зарницы и—почудилось только, или было на самомъ дѣлѣ — издалека донеслись совсѣмъ тихіе, еле слышные звуки, словно рокотъ отдаленнаго грома...

— Смотрите, смотрите, это у Покровскаго!

Онъ или не онъ, быть можетъ мѣстное возстаніе казаковъ или горцевъ, но одно несомнѣнно: гдѣ-то, за нѣсколько десятковъ верстъ идетъ артиллерійскій бой. Тамъ столкнулись двѣ силы, два начала, одно изъ которыхъ очевидно родственно арміи. И по всей колоннѣ, по всему обозному табору люди напрягаютъ зрѣніе, чтобы отгадать таинственный смыслъ далекихъ зарницъ, видятъ незримое и слышатъ незвучное...

Скоро и другая пріятная новость: Корниловскій полкъ послѣ небольшой стычки овладѣлъ Филипповскимъ, которое оставили большевики и покинули всѣ жители.

* *
*

Въ волостномъ правленіи толчея. Собрались начальники въ ожиданіи отвода квартирныхъ раіоновъ. Толпятся квартирьеры, снуютъ ординарцы съ донесеніями и за указаніями. За стѣной слышенъ громкій споръ.

— Вы почему заняли кварталы правѣе площади?

— Да потому, что ваши роты явились съ вечера и до чиста обобрали нашъ раіонъ.

— Ну, знаете... кто бы говорилъ. Я вотъ сейчасъ заходилъ въ лавку за церковью, видѣлъ, какъ ваши офицеры ящики разбиваютъ...

Вотъ — оборотная сторона медали. Подвигъ и грязь. Нервно подергивается Кутеповъ и куда-то уходитъ. Черезъ четверть часа возвращается.

— Нашли сухари и рисъ. Что-же прикажете бросить и не варить каши?

Никто не возразилъ. Тяжелая обстановка гражданской войны вступала въ непримиримыя противорѣчія съ общественной моралью. Интендантство не умѣло и не могло организовать правильной эксплуатаціи мѣстныхъ средствъ въ селеніяхъ, которыя брались вечеромъ съ бою и оставлялись утромъ съ боемъ. Походныхъ кухонь и котловъ было ничтожное количество. Части довольствовались своимъ попеченіемъ, преимущественно отъ жителей подворно. Къ серединѣ похода не было почти вовсе мелкихъ денегъ и не только приварочные оклады, но и жалованье выдавалось зачастую коллективно 5-8 добровольцамъ тысячерублевыми билетами, впослѣдствіи и пятитысячными, а организованный размѣнъ наталкивался всегда на непреоборимое недовѣріе населенія. Да и за деньги нельзя было достать одежды, даже у

казаковъ; иногородніе не разъ скрывали и запасы, угоняли скотъ въ дальнее поле. Голодъ, холодъ и рваныя отрепья — плохіе совѣтчики, особенно, если село брошено жителями на произволъ судьбы. Нужда была поистинѣ велика, если даже офицеры, изранивъ въ конецъ свои полубосыя ноги, не брезгали снимать сапоги съ убитыхъ большевиковъ.

Жизнь вызвала извѣстный сдвигъ во взглядѣ на правовое положеніе населенія не только въ военной средѣ, но и у почтенныхъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей, слѣдовавшихъ при арміи. Я помню, какъ одни изъ нихъ въ брошенномъ Филипповскомъ съ большимъ усердіемъ таскали подушки и одѣяла для лазарета... Какъ другіе на переходѣ по убійственной дорогѣ изъ Георгіе-Афипской въ аулъ Панахесъ силою отнимали лошадей у крестьянъ, чтобы впречь ихъ въ ставшую и брошенную на дорогѣ повозку съ ранеными. Какъ расцѣнивали жители эти факты, этотъ вопросъ не вызываетъ сомнѣній. Что-же касается общественныхъ дѣятелей, то я думаю, что ни тогда, ни теперь они не опредѣляли этихъ своихъ поступковъ иначе, какъ проявленіемъ милосердія.

Въ этотъ сложный и больной вопросъ примѣшивались еще обстоятельства чисто психологическаго характера. Чрезвычайно трудно было кубанскому казаку или черкесу, которыхъ большевики обобрали до нитки, у которыхъ спалили домъ или разорили до тла хозяйство, внушить уваженіе къ «частной собственности» большевиковъ, которыми они чистосердечно считали всѣхъ иногороднихъ. Мой вѣстовой — текинецъ — былъ до крайности изумленъ, когда я въ томъ-же Филипповскомъ, въ брошенномъ домѣ выгналъ его изъ кладовки, гдѣ онъ перебиралъ въ сундукѣ хозяйское добро — добро того большевика, который встрѣтилъ насъ огнемъ и потомъ бѣжалъ, оставивъ «добычу». Оттого отношеніе къ станицѣ и аулу было иное, чѣмъ къ селу; къ казачьему двору иное, чѣмъ къ хутору иногородняго. Въ одномъ только отношеніи не было разницы между «эллиномъ и іудеемъ» — въ отношеніи лошадей. Совершенно одинаково кавалеристы-добровольцы, казаки, черкесы, по прочно внѣдрившимся навыкамъ еще европейской войны, «промышляли» лошадей для посадки спѣшенныхъ — у всѣхъ и всѣми способами, считая это не грѣхомъ, а лихостью. Такъ, впослѣдствіи, въ мартѣ 1919 года, когда временно развалился донской фронтъ, а два Кубанскихъ корпуса были брошены въ Задонье, чтобы остановить вторгнувшіяся туда большевистскія силы, «младшій братъ» у «старшаго» увелъ много табуновъ — тысячи головъ добрыхъ донскихъ коней.

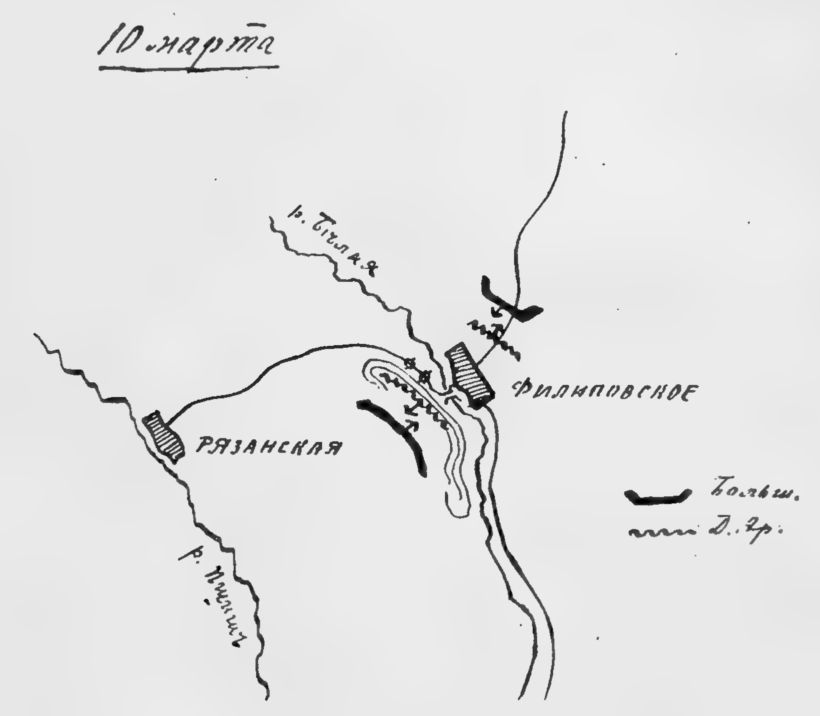
Наконецъ, армія состояла не изъ однихъ пуританъ и праведниковъ. Та исключительная обстановка, въ которой приходилось жить и бороться арміи, неуловимость и потому возможная безнаказанность многихъ преступленій — давали широкій просторъ порочнымъ, смущали морально неуравновѣшенныхъ и доставляли нравственныя мученія чистымъ.

Съ явленіями этими боролись и Корниловъ, и весьма энергичный комендантъ штаба, полковникъ Корвинъ-Круковскій, и большинство командировъ — иногда мѣрами весьма суровыми. Искоренить своеволіе они не могли, но сдерживали его все-же въ извѣстныхъ рамкахъ. До нѣкоторой степени облегчало борьбу то обстоятельство, что части шли компактно и останавливались на ночлегъ въ большинствѣ случаевъ въ одномъ пунктѣ.

Война и революція были слишкомъ дурной школой для моральнаго воспитанія націи и арміи.

* * *

10 марта намъ пришлось вести бой — наиболѣе серьезный и кровопролитный. Еще съ разсвѣта головной батальонъ Корниловскаго полка, шедшаго въ авангардѣ, перешелъ черезъ рѣку Бѣлую у окраины села и, повернувъ круто на западъ, двинулся по дорогѣ на станицу Рязанскую. Дорога здѣсь шла низкой долиной, постепенно удаляясь отъ берега и подходя къ гребню высотъ, тянувшихся параллельно рѣкѣ.

Едва только начали переправу главныя силы полка, какъ на гребень, оставленный безъ наблюденія, высыпали густыя цѣпи большевиковъ и открыли жестокій огонь по мостамъ. Произошло замѣшательство. Люди шарахнулись съ моста, многіе попадали въ воду. Полкъ понесъ потери, но скоро оправился отъ неожиданности, при содѣй-

ствіи артиллерійскаго огня переправился и, поднявшись на гребень, оттѣснилъ нѣсколько большевистскій фронтъ. Только оттѣснилъ: передъ нами развернулись крупныя силы, значительно превосходившія численно Добровольческую армію, собранныя со всѣхъ сторонъ для прикрытія Майкопскаго направленія. Ихъ развертываніе вдоль параллельныхъ берегу высотъ въ случаѣ успѣха ставило армію въ критическое положеніе, запирая ее въ узкой (1/2—1 вер.) долинѣ непроходимой въ бродъ болотистой рѣки. Едва только за Корниловскимъ полкомъ успѣли пройти Партизаны и чехо-словаки, развернувшись вправо и влѣво отъ Корниловцевъ, какъ большевики вновь широкимъ фронтомъ перешли въ рѣшительное наступленіе на наши линіи... И, тѣмъ не менѣе, нашъ несчастный обозъ вынужденъ былъ переходить рѣку и идти именно туда, навстрѣчу, подъ склонъ высотъ, на гребнѣ которыхъ вотъ-вотъ могъ появиться вновь прорывающійся противникъ. Ибо съ сѣвера на Филиппповское давили уже наши вчерашніе враги, ихъ батарея обстрѣливала село и переправу, и Боровскій съ Юнкерами, оставленный въ арьергардѣ, съ трудомъ сдерживалъ ихъ напоръ.

А переправа по одному мосту протекаетъ убійственно долго...

Удержатъ ли гребень?..

Уже начинаютъ отходить чехо-словаки, разстрѣлявъ всѣ свои патроны; отдѣльныя фигуры ихъ стали спускаться съ высотъ. Къ нимъ поскакалъ конвой Корнилова. Тамъ — замѣшательство. Командиръ батальона капитанъ Нѣметчикъ легъ на землю, машетъ неистово руками и прерывающимся голосомъ кричитъ:

— Дале иземъ немохль уступоватъ. Я зустану зде доцеля самъ...*)

Возлѣ него въ нерѣшительности мнутся чехо-словаки, нѣкоторые остановились и залегли. Текинцы снабдили ихъ патронами и легли рядомъ. Открыли вновь огонь. Наступленіе врага пріостановлено. Надолго ли?

Уже начинаетъ изнывать Корниловскій полкъ; заколебался одинъ батальонъ, въ которомъ убитъ командиръ... Густыя цѣпи большевиковъ идутъ безостановочно сплошной стѣной, явственно слышатся ихъ крики и ругательства. Потери растутъ. Мечется нервный, горячій Нѣженцевъ — изъ части въ часть, изъ боя въ бой, видитъ, что трудно устоять противъ подавляющей силы, и шлетъ Корнилову просьбы о подкрѣпленіи.

Корниловъ со штабомъ стоялъ у моста, пропуская колонну, сумраченъ и спокоенъ. По его приказанію офицеровъ и солдатъ, шедшихъ съ обозомъ и по наружному виду способныхъ драться, отводятъ въ сторону. Роздали ружья и патроны, и двѣ команды человѣкъ въ 50—60 каждая, съ какимъ то полковникомъ во главѣ идутъ къ высотамъ.

---

*) „Дальше я не могу отступать: останусь здѣсь хотя бы одинъ."

— «Психологическое» подкрѣпленіе.

Дѣйствительно, боевая цѣнность его не велика, но появленіе на полѣ боя всякой новой «силы» однимъ своимъ видомъ производитъ впечатлѣніе всегда на своихъ и на чужихъ.

Весь день идетъ бой съ такимъ неопредѣленнымъ перемежающимся успѣхомъ — слишкомъ неравныя силы. Весь день непріятельскіе снаряды кроютъ гребень, село, раіонъ переправы и лощину, гдѣ словно вросъ въ землю и замеръ обозъ. Наши орудія отвѣчаютъ рѣдко, одиночными выстрѣлами. Несутъ много раненыхъ. И въ обозѣ нѣсколько повозокъ разбито гранатами; опрокинуло повозку Алексѣева и смертельно ранило его кучера; самъ генералъ былъ гдѣ-то на бугрѣ. Люди здѣсь жмутся въ кучки и какъ-то странно передвигаются съ мѣста на мѣсто, очевидно стараясь предугадать новое направленіе шрапнельной очереди. Изъ артиллерійскаго отдѣла то и дѣло высылаютъ войскамъ снаряды и патроны — остается ихъ угрожающе малое количество. Роздали уже ружья легко раненымъ. И когда сухой трескъ пулеметной стрѣльбы становится такимъ болѣзненно отчетливымъ и близкимъ, на подводахъ, съ лежащими подъ жидкими одѣялами безпомощными тѣлами страдальцевъ, замѣтно волненіе. Слышится чей-то придавленный голосъ:

— Сестрица, не пора ли стрѣляться?..

Въ горячемъ сраженіи бываютъ минуты, иногда долгіе часы, когда между двумя враждебными линіями наступаетъ какое-то странное и неустойчивое равновѣсіе. И достаточно какого-либо ничтожнаго толчка, чтобы нарушить его и сломить волю одной изъ сторонъ, *психологически* признавшей себя побѣжденной. Такъ и въ этотъ день: по приказу и безъ приказа передъ вечеромъ наши войска на всемъ лѣвобережномъ фронтѣ перешли въ контръ наступленіе — и противникъ былъ отброшенъ. Въ западномъ направленіи расчищена широкая «отдушина»», и колонна, извиваясь среди холмистаго поля кавказскихъ предгорій, быстро уходила на западъ, провожаемая справа и слѣва безпорядочнымъ и безвреднымъ огнемъ большевистской артиллеріи.

Вскорѣ огонь смолкъ. Мы шли то степью, то жидкими перелѣсками среди беззвучной тишины умиравшаго дня. На душѣ покойно и радостно. Вѣроятно у всѣхъ такъ. Идутъ загорѣлые, обвѣтренные, пыльные, грязные. Всю усталость отъ напряженнаго боя и перехода сразу какъ будто рукой сняло. Въ колоннѣ слышится разговоръ, смѣхъ и шутки. Откуда-то вдругъ доносится пѣсня:

Такъ за Корнилова, за Родину, за Вѣру.

Мы грянемъ дружное «Ура»!

Прозвучала, покатилась по полю, отозвалась за холмомъ и такъ-же неожиданно оборвалась: командиръ напомнилъ о близости противника... Мы обгоняемъ рысью колонну и на ходу обмѣниваемся съ Романовскимъ короткими фразами:

— Гдѣ еще найдется — говоритъ Иванъ Павловичъ — такое офицерство!..

— Нигдѣ, конечно.

* * *

Станица Рязанская «выразила покорность». Главныя силы съ обозомъ перешли рѣчку Пшишъ и остановились на большой привалъ въ черкесскомъ аулѣ Несшукай — раннимъ утромъ предстояло дальнѣйшее движеніе. Штабъ съ арьергардомъ остался въ Рязанской. Въ первый разъ въ казачьей станицѣ такъ неуютно, прямо тягостно. Начиная со встрѣтившей Корнилова съ бѣлымъ флагомъ «депутаціи», участники которой все порывались стать на колѣни, во всей станицѣ въ отношеніи къ намъ чувствуется страхъ и раболѣпство. Многіе дома были брошены жителями передъ нашимъ приходомъ.

Только на другой день въ черкесскомъ аулѣ выяснилась причина: рязанскіе имѣли основаніе опасаться суровой кары. Станица одна изъ первыхъ приняла большевизмъ, при чемъ въ практическомъ его примѣненіи трогательно объединились и казаки, и иногородніе. Они разгромили совмѣстно сосѣдніе мирные аулы, а въ одномъ — Габукаѣ — перебили почти всѣхъ мужчинъ-черкесовъ*). Добровольцы въ иныхъ пустыхъ сакляхъ находили груды человѣческихъ внутренностей... Нѣсколько дней пріѣзжали изъ Рязанской въ аулъ съ подводами казаки, крестьяне, женщины и дѣти и забирали черкесское добро... Аулъ словно кладбище.

Среди добровольцевъ — разговоры:

— Если-бы знали раньше, спалили бы Рязанскую...

Бѣдные черкесскіе аулы встрѣчали насъ, какъ избавителей, окружали вниманіемъ, провожали съ тревогой. Ихъ элементарный разумъ воспринималъ всѣ внѣшнія событія просто: не стало начальства — пришли разбойники (большевики) и грабятъ аулы, убиваютъ людей. Въ ихъ настроеніяхъ нельзя было уловить никакихъ отзвуковъ революціонной бури: ни соціальнаго сдвига, ни разрыва со старой государственностью, ни черкесской самостійности.

Былъ страхъ, и было желаніе вернуться къ спокойнымъ, мирнымъ условіямъ жизни. Только.

Штабъ получилъ, наконецъ, подтвержденіе слуховъ объ отрядѣ Покровскаго: въ послѣдніе дни онъ велъ бои гдѣ-то въ раіонѣ ауловъ Шенджи — Гатлукая, верстахъ въ 40—60 отъ насъ. Теперь уже представилась реальная возможность соединенія. Необходимо было спѣшить, чтобы большевики не успѣли разбить кубанскихъ добровольцевъ до соединенія съ нами. И Корниловъ ведетъ армію по тяжелымъ дорогамъ такъ быстро, какъ только позволяютъ наши путы — обозъ, съ каждымъ боемъ непомѣрно растущій. Отъ Филипповскаго

---

*) 320 человѣкъ. Въ аулѣ Ассоколай большевиками убито 305 чел. и т. д.

прошли, не разгружая лазаретъ, два дня — 40 верстъ до Панажукая. Оттуда послѣ дневки, опять такимъ же порядкомъ,—40 верстъ до аула Шенджій. Армія понимала хорошо значеніе этихъ маршей. Понимали и тѣ, кто днями и ночами тряслись на подводахъ по весеннимъ ухабамъ съ гноящимися ранами и переломленными костями, терпѣли и видѣли... какъ одного за другимъ уноситъ смерть.

13 марта мы стали на ночлегъ въ аулѣ Шенджій, а на другой день въ аулъ въѣзжалъ въ сопровожденіи наряднаго, пестраго конвоя кавказскихъ всадниковъ, произведенный въ этотъ день Кубанской радой въ генералы «командующій войсками Кубанскаго края» Покровскій.

ГЛАВА XXIII.

Судьба Екатеринодара и Кубанскаго добровольческаго отряда; встрѣча съ нимъ.

Оставленіе Екатеринодара «кубанскими правительственными войсками» являлось вопросомъ не столько военной необходимости, сколько психологіи. Еще во второй половинѣ января послѣ неудачнаго боя подъ Выселками, Кубанскій добровольческій отрядъ, прикрывавшій Тихорѣцкое направленіе, спѣшно отступилъ къ Екатеринодару; въ связи съ этимъ были отведены и другіе отряды, и въ двадцатыхъ числахъ всѣ вооруженныя силы «Кубанской республики», въ составѣ, преимущественно, добровольцевъ-офицеровъ и юнкеровъ, Черкесскаго полка и незначительнаго числа кубанскихъ казаковъ, стояли уже на ближайшихъ подступахъ къ Екатеринодару.

Во всей области, охваченной большевистскимъ угаромъ, оставалась только одна точка — Екатеринодаръ, еще боровшійся, но уже испытывавшій и въ своихъ стогнахъ тяжкій гнетъ большевиствующей революціонной демократіи.

Довольно нетерпимое въ своихъ отношеніяхъ къ не-казачьему и не-кубанскому элементу кубанское правительство принуждено было , минуя своихъ генераловъ, вручить командованіе войсками капитану Покровскому, произведенному правительствомъ за бой подъ Эйнемомъ въ полковники. Покровскій былъ молодъ, малаго чина и военнаго стажа и никому неизвѣстенъ. Но проявлялъ кипучую энергію, былъ смѣлъ, жестокъ, властолюбивъ и не очень считался съ «моральными предразсудками». Одна изъ тѣхъ характерныхъ фигуръ, которыя въ мирное время засасываются тиной уѣзднаго захолустья и армейскаго быта, а въ смутные дни вырываются кратковременно, но бурно на поверхность жизни. Какъ бы то ни было, онъ сдѣлалъ то, чего не сумѣли сдѣлать болѣе солидные и чиновные люди: собралъ отрядъ, который одинъ только представлялъ изъ себя фактическую силу, способную бороться и бить большевиковъ. Успѣхъ подъ Эйнемомъ окончательно укрѣпилъ его авторитетъ въ глазахъ правительства. Но для преобладающей массы добровольцевъ имя его не говорило ничего. Еще меньше внутренней связи было между добровольцами и кубанской властью. Хотя въ офиціальныхъ актахъ и упоминался часто терминъ «вѣрныя правительству войска», но это была лишь фраза безъ содержанія, ибо въ войскахъ создалось если не враждебное, то во всякомъ случаѣ, недоброжелательное отношеніе

къ многостепенной кубанской власти, слишкомъ напоминавшей ненавистный офицерству «совдепъ» и слишкомъ рѣзко отмежевавшейся отъ обще-русской идеи. Еще съ января въ Екатеринодарѣ жилъ генералъ Эрдели, въ качествѣ представителя Добровольческой арміи. Въ числѣ порученій, данныхъ ему, было подготовить почву для включенія Кубанскаго отряда въ составъ Добровольческой арміи. При той оторванности, которая существовала тогда уже между Ростовомъ и Екатеринодаромъ, такое подчиненіе должно было имѣть главнымъ образомъ моральное значеніе, расширяя военно-политическую базу арміи и давая идейное обоснованіе борьбѣ кубанскихъ добровольцевъ. Въ то же время М. Федоровъ добивался отъ Кубани матеріальной помощи для Добровольческой арміи.

Эти предположенія встрѣтили рѣзко отрицательное отношеніе къ себѣ среди всѣхъ кубанскихъ правителей. Стоявшій тогда во главѣ правительства Лука Бычъ заявилъ рѣшительно:

— Помогать Добровольческой арміи, значитъ готовить вновь *поглощеніе Кубани Россіей.*

О внутреннихъ противорѣчіяхъ кубанской политической жизни я уже говорилъ. Внѣшне же въ февралѣ противобольшевистскій станъ въ Екатеринодарѣ представлялъ слѣдующую картину:

Законодательная рада, оторванная отъ казачества, продолжала творить «самую демократическую въ мірѣ конституцію самостоятельнаго государственнаго организма — Кубани» и одновременно втайнѣ отъ своей иногородней, явно большевистской фракціи, собиралась на закрытыя совѣщанія о порядкѣ исхода...

Кубанское правительство ревниво оберегало свою власть отъ вторженія атамана, косилось на Эрдели, по-царски награждало Покровскаго, но начинало уже не на шутку побаиваться все яснѣе обнаруживавшихся его диктаторскихъ замашекъ.

Атаманъ Филимоновъ то клялся въ конституціонной вѣрности, то поносилъ раду и правительство въ дружескихъ бесѣдахъ съ Эрдели и Покровскимъ.

Командующій войсками Покровскій требовалъ оглушительныхъ кредитовъ отъ атамана и отъ правительства и самъ мечталъ объ атаманской булавѣ и о разгонѣ «совдепа» (правительства).

Добровольцы — казаки то поступали въ отряды, то бросали фронтъ въ самую критическую минуту. А добровольцы — офицеры просто заблудились: безъ ясно поставленныхъ и понятныхъ цѣлей борьбы, безъ признанныхъ вождей они собирались, расходились, боролись — впотьмахъ, считая свое положеніе временнымъ и нервно ловя слухи о Корниловѣ, чехословакахъ, союзной эскадрѣ — о всемъ томъ дѣйствительномъ и несбыточномъ, что *должно было,* по ихъ убѣжденію, появиться, смести большевиковъ, спасти страну и ихъ.

Несомнѣнно въ этомъ пестромъ сочетаніи разнородныхъ элементовъ были и люди стойкіе, убѣжденные, но *общей идеи,* связую-

щей ихъ, не было вовсе, если не считать всѣмъ одинаково понятнаго сознанія опасности и необходимости самообороны.

Въ февралѣ палъ Донъ, большевистскія силы приближались къ Екатеринодару. Настроеніе въ немъ упало окончательно. «Работа правительства и рады — говоритъ офиціальный повѣствователь — съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, конечно, не могла уже носить спокойнаго и плодотворнаго характера... Грохотъ снарядовъ заглушалъ и покрывалъ собою все». Правительство рѣшило «сохранить себя, какъ идейно-политическій центръ..., какъ ядро будущаго оздоровленія края» и совмѣстно съ казаче-горской фракціей рады постановило покинуть Екатеринодаръ и уйти въ горы, выведя и «вѣрныя правительству» войска. День выступленія предоставлено было назначить полковнику Покровскому.

При создавшихся военно-политическихъ условіяхъ длительная оборона Екатеринодара не имѣла бы дѣйствительно никакого смысла. Но 25-го февраля обстановка въ корнѣ измѣнилась. Въ этотъ день прибылъ въ Екатеринодаръ посланный штабомъ Добровольческой арміи и пробравшійся чудомъ сквозь большевистскій раіонъ офицеръ. Онъ настойчиво и тщетно убѣждалъ кубанскія власти повременить съ уходомъ, въ виду того, что Корниловская армія идетъ къ Екатеринодару и теперь уже должна быть недалеко.

Ему не повѣрили или не хотѣли повѣрить: держали его подъ негласнымъ надзоромъ.

Вечеромъ 28 февраля изъ Екатеринодара черезъ рѣку Кубань на югъ выступили добровольческіе отряды, атаманъ, правительство, казаче-горская фракція законодательной рады, городскіе нотабли и много бѣженцевъ. Въ ихъ числѣ и предсѣдатель Государственной думы М. В. Родзянко. Въ обращеніи къ населенію бывшая кубанская власть объясняла свой уходъ тактической трудностью обороны города, нежеланіемъ «подвергать опасности борьбы городское населеніе», на которое можетъ обрушиться «ярость большевистскихъ бандъ» и, наконецъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что населеніе края «не смогло защитить своихъ избранниковъ».

Въ этомъ послѣсловіи сепаратной дѣятельности кубанской революціонной демократіи въ первый періодъ смуты — прозвучалъ и новый, какъ будто, примиряющій мотивъ: «Мы одухотворены *идеей защиты республики Россійской* и нашего края отъ гибели, которую несутъ съ собой захватчики власти, именующіеся большевиками».

* * *

Сосредоточившіяся на другой день въ аулѣ Шенджій кубанскія войска были сведены въ болѣе крупныя части, составивъ въ общей сложности отрядъ до 2½—3 тысячъ штыковъ и сабель съ артиллеріей.

Отрядъ дошелъ до станицы Пензенской. Но въ эти нѣсколько дней похода отсутствіе объединяющей политической и стратегической цѣли встало предъ всѣми настолько ярко, что не только подъ давленіемъ рѣзко обозначившагося настроенія войскъ, но и по собственному побужденію кубанскія власти сочли необходимымъ поставить себѣ ближайшей задачей соединеніе съ Корниловымъ. Тѣмъ болѣе, что къ этому времени вновь были получены свѣдѣнія о движеніи Добровольческой арміи къ Екатеринодару и о происходившихъ къ востоку отъ него 2—4 марта бояхъ.

Покровскій двинулъ отрядъ обратно въ Шенджій и 7 марта, выславъ заслоны противъ станціи Эйнема и Екатеринодарскаго желѣзнодорожнаго моста, неожиданно съ главными силами захватилъ Пашковскую переправу. Въ теченіе двухъ дней Покровскій велъ артиллерійскую перестрѣлку, не вступая въ серьезный бой, и въ ночь на 10-е, отчаявшись въ подходѣ Корнилова, ушелъ на востокъ. 10-го встрѣтилъ сопротивленіе большевиковъ у аула Вочепшій, гдѣ бой затянулся до ночи.

Неудача поисковъ Добровольческой арміи, непонятное метаніе отряда и недовѣріе къ командованію вызвали въ войскахъ сильный упадокъ духа. Аула не взяли (мы были въ этотъ вечеръ всего верстахъ въ 30 отъ Вочепшія) и разстроенный отрядъ ночью, бросая обозъ, безъ дорогъ устремился по направленію къ горамъ на станицу Калужскую. Но со стороны Калужской шло уже наступленіе зна-

чительныхъ силъ большевиковъ, поставившее Кубанскій отрядъ въ критическое положеніе. 11-го произошелъ бой, въ которомъ утомленныя нѣсколькими днями маршей и безсонными ночами войска Покровскаго напрягали послѣднія усилія, чтобы сломить упорство врага. Участь боя, которымъ руководилъ командиръ Кубанскаго стрѣлковаго полка, подполковникъ Туненбергъ, не разъ висѣла на волоскѣ. Уже въ душу многихъ участниковъ закрадывалось отчаяніе, и гибель казалась неизбѣжной. Уже введены были въ дѣло всѣ силы, пошли впередъ вооруженные наспѣхъ обозные, старики, «радяне»*) — подобіе нашего «психологическаго подкрѣпленія»... Артиллерія противника гремѣла не смолкая, цѣпи его пододвинулись совсѣмъ близко... Но вотъ Кубанскій полкъ собрался съ духомъ, поднялся и бросился въ атаку. Большевики дрогнули, повернули назадъ и, преслѣдуемые черкесской конницей, понеся большія потери, отхлынули въ Калужскую.

Побѣда. Но въ станѣ побѣдителей настроеніе далеко не ликующее. Отрядъ, иззябшій и замученный, заночевалъ въ чистомъ полѣ подъ проливнымъ дождемъ. Сзади — занятый большевиками Вочепшій, впереди — Калужская, вокругъ которой идетъ еще бой передовыхъ частей.

Въ эту тяжелую минуту по всему полю, по обозному биваку, по рядамъ войскъ разнеслась вѣсть:

— Пріѣхалъ разъѣздъ отъ Корнилова. Корниловская армія недалеко отъ насъ.

Участники похода передавали мнѣ то неизгладимое впечатлѣніе, которое произвело на всѣхъ появленіе «корниловцевъ».

— И вѣрилось, и немножко мучило сомнѣніе — вѣдь столько разъ обманывали, но безумная радость охватила насъ, словно открылась крышка, уже захлопнувшаяся было надъ нашей головой, и мы увидѣли опять свѣтъ Божій.

На другой день была взята Калужская, и Кубанскій отрядъ расположился наконецъ со спокойнымъ сердцемъ на отдыхъ.

14-го состоялось въ аулѣ Шенджій свиданіе съ Покровскимъ. Въ комнату Корнилова, гдѣ, кромѣ хозяина, собрались генералы Алексѣевъ, Эрдели, Романовскій и я, вошелъ молодой человѣкъ въ черкесскѣ съ генеральскими погонами — стройный, подтянутый, съ какимъ-то холоднымъ, металлическимъ выраженіемъ глазъ, повидимому нѣсколько смущенный своимъ новымъ чиномъ, аудиторіей и предстоящимъ разговоромъ. Онъ произнесъ краткое привѣтствіе отъ имени кубанской власти и отряда, Корниловъ отвѣтилъ просто и сдержанно. Познакомились съ составомъ и состояніемъ отряда, его дѣятельностью и перешли къ самому важному вопросу о *соединеніи*.

*) Члены рады.

Генералъ А. Богаевскій.

Стр. 281.

Корниловъ поставилъ его съ исчерпывающей ясностью: полное подчиненіе командующему и влитіе кубанскихъ войскъ въ составъ Добровольческой арміи.

Покровскій скромно, но настойчиво оппонировалъ: кубанскія власти желаютъ имѣть свою собственную армію, что соотвѣтствуетъ «конституціи края»; кубанскіе добровольцы сроднились со своими частями, привыкли къ своимъ начальникамъ, и всякія перемѣны могутъ вызвать броженіе въ войскахъ. Онъ предлагалъ сохраненіе самостоятельнаго «кубанскаго отряда» и оперативное подчиненіе его генералу Корнилову.

Алексѣевъ вспылилъ.

— Полно-те, полковникъ — извините, не знаю, какъ васъ и величать. Войска тутъ не при чемъ — мы знаемъ хорошо, какъ относятся они къ этому вопросу. Просто вамъ не хочется поступиться своимъ самолюбіемъ.

Корниловъ сказалъ внушительно и рѣзко:

— Одна армія и одинъ командующій. Иного положенія я не допускаю. Такъ и передайте своему правительству.

Хотя вопросъ и остался открытымъ, но стратегическая обстановка не допускала промедленія. И потому условились, что на другой день, 15-го, нашъ обозъ перейдетъ въ Калужскую, гдѣ и останется временно вмѣстѣ съ кубанскимъ, подъ небольшимъ прикрытіемъ; войска же Добровольческой арміи и Кубанскаго отряда въ тотъ-же день одновременнымъ ударомъ захватятъ станицу Новодмитріевскую, занятую крупными силами большевиковъ, и тамъ фактически соединятся. Небольшой конный отрядъ долженъ былъ произвести демонстрацію на Эйнемъ.

Это движеніе къ Новодмитріевской—на юго-западъ, а не на Калужскую—въ горы, гдѣ насъ ждали бы голодъ и распыленіе—носило въ себѣ идею активной борьбы, свидѣтельствовало объ увѣренности въ своихъ силахъ и предрѣшало ходъ дальнѣйшихъ событій.

* *
*

Екатеринодаръ, между тѣмъ, послѣ ухода добровольцевъ переживалъ тяжело перемѣну власти. 1-го марта въ городъ вошли войска Сорокина, и начались неслыханныя безчинства, грабежи и разстрѣлы. Каждый военный начальникъ, каждый отдѣльный красногвардеецъ имѣлъ власть надъ жизнью «кадетъ и буржуевъ». Всѣ тюрьмы, казармы, общественныя зданія были переполнены арестованными, заподозрѣнными «въ сочувствіи кадетамъ». Въ каждой воинской части дѣйствовалъ свой «военно-революціонный судъ», выносившій смертные приговоры.

Военные начальники красной гвардіи не могли или не хотѣли остановить безчинства, а гражданская власть въ теченіе всего марта

мѣсяца только еще слагалась. Первоначально, съ 1 марта образовался «Комитетъ общественной безопасности» изъ представителей революціонной демократіи Екатеринодара; 3-го былъ созданъ объединенный комитетъ, въ составъ котораго вошли представители екатеринодарскаго, армавирскаго и новороссійскаго комитетовъ и красной гвардіи, и который получилъ названіе «Кубанскаго областного военно-революціоннаго комитета»; онъ дѣйствовалъ до конца марта; 20-го на съѣздѣ совѣтовъ Кубанскаго края былъ избранъ исключительно изъ большевиковъ и лѣвыхъ с. р.-овъ «Кубанскій областной исполнительный комитетъ», выдѣлившій изъ своей среды «совѣтъ народныхъ комиссаровъ».

Въ теченіе марта мѣсяца центральная власть за предѣлами Екатеринодара почти ничѣмъ не проявлялась. Да и въ самомъ Екатеринодарѣ она вынуждена была вести борьбу съ игнорировавшими ее главковерхами Автономовымъ, Сорокинымъ, Чистовымъ и др., издавать никѣмъ не исполнявшіеся декреты и взывать къ совѣсти красной гвардіи.

Красногвардейщина залила, заполонила всю область. Вопли шли со всѣхъ сторонъ: отъ демократіи, буржуазіи и казаковъ. И въ то время, когда не слишкомъ разборчивый въ средствахъ и не отличавшійся чрезмѣрной гуманностью «Цикъ» все-же требовалъ отъ Автономова прекращенія безчинствъ, военный комендантъ Екатеринодара Сошенко, поддержанный «главковерхомъ», издавалъ приказы, призывавшіе пролетаріатъ «къ искорененію всей сволочи, которая не хотитъ замазать свои бѣлыя руки»... «Я инвалидъ — писалъ Сошенко — и, какъ поставленый Арміей Кавказскаго фронта во власти коменданта города, слѣжу за свободой; предупреждаю всю буржуазію, что за нарушеніе правилъ (?), выказанныхъ противъ трудового народа, буду безпощадно разстрѣливать или уполномачивать лицъ мандатами на право разстрѣливанія негодяевъ Трудового Народа».

Такъ какъ «правилъ» екатеринодарцы такъ и не узнали, то жили въ постоянномъ смертномъ страхѣ за свою судьбу, страстно ожидая избавленія.

ГЛАВА XXIV.

Ледяной походъ — бой 15 марта у Ново-Дмитріевской. Договоръ съ кубанцами о присоединеніи Кубанскаго отряда къ арміи. Походъ на Екатеринодаръ.

15 марта — Ледяной походъ — слава Маркова и Офицерскаго полка, гордость Добровольческой арміи и одно изъ наиболѣе яркихъ воспоминаній каждаго первопоходника о минувшихъ дняхъ — не то были, не то сказки.

Всю ночь наканунѣ лилъ дождь, не прекратившійся и утромъ. Армія шла по сплошнымъ пространствамъ воды и жидкой грязи — по дорогамъ и безъ дорогъ — заплывшихъ, и пропадавшихъ въ густомъ туманѣ, стлавшемся надъ землею. Холодная вода пропитывала насквозь все платье, текла острыми, пронизывающими струйками за воротникъ. Люди шли медленно, вздрагивая отъ холода и тяжело волоча ноги въ разбухшихъ, налитыхъ водою, сапогахъ. Къ полудню пошли густыя хлопья липкаго снѣга, и подулъ вѣтеръ. Застилаетъ глаза, носъ, уши, захватываетъ дыханіе, и лицо колетъ, словно острыми иглами.

Впереди перестрѣлка: не доходя 2—3 верстъ до Новодмитріевской — рѣчка, противоположный берегъ которой занятъ аванпостами большевиковъ. Ихъ отбросили огнемъ наши передовыя части, но мостъ оказался не то снесеннымъ вздувшейся и бурной рѣчкой, не то испорченнымъ противникомъ. Послали конныхъ искать броды.

Колонна сгрудилась къ берегу. Двѣ, три хаты небольшого хуторка манили дымками своихъ трубъ. Я слѣзъ съ лошади и съ большимъ трудомъ пробрался въ избу сквозь сплошное мѣсиво человѣческихъ тѣлъ. Живая стѣна больно сжимала со всѣхъ сторонъ; въ избѣ стоялъ густой туманъ отъ дыханія сотни людей и испареній промокшей одежды, носился тошнотный, ѣдкій запахъ прѣлой шинельной шерсти и сапогъ. Но по всему тѣлу разливалась какая-то живительная теплота, отходили окоченѣвшіе члены, было пріятно и дремотно.

А снаружи ломились въ окна, въ двери новыя толпы.

— Дайте погрѣться другимъ, совѣсти у васъ нѣту.

Переправу искали долго. Корниловъ разослалъ и всѣхъ конвойныхъ офицеровъ. Всадники шли по подернувшему рѣку у берега тонкому слою льда, проваливались и иногда вмѣстѣ съ конемъ погружались въ ледяную воду. Наконецъ, Марковскіе конные развѣдчики

перешли рѣку въ бродъ у снесеннаго моста. Тотчасъ же мелькнула бѣлая папаха Маркова, и съ того берега донесся его громкій голосъ:

— Всѣхъ коней къ мосту, полкъ переправлять верхомъ и на крупахъ.

Началась томительно долгая переправа: глубина — въ полъ корпуса лошади, одновременно проходило не болѣе двухъ; потомъ въ поводу поворачивали коней обратно за новой очередью пѣхоты. Попробовали провезти орудіе. Лошади шарахнулись, запутались въ постромкахъ, повалились вмѣстѣ съ ѣздовыми въ воду и опрокинули пушку. Новая задержка. А въ это время переправу начала громить непріятельская артиллерія. Одна за другой ложатся гранаты по снѣжному полю, падаютъ въ рѣку, вздымая высокіе столбы пѣнящихся брызгъ. Вотъ одна упала прямо въ костеръ, разведенный на берегу среди грѣвшейся толпы добровольцевъ; разметала, побила, переранила людей.

Между тѣмъ, погода вновь перемѣнилась: неожиданно грянулъ морозъ, вѣтеръ усилился, началась снѣжная пурга. Люди и лошади быстро обросли ледяной корой; казалось, все промерзло до самыхъ костей; покоробившаяся, будто деревянная одежда сковала тѣло; трудно повернуть голову, трудно поднять ногу въ стремя.

Уже вечерѣетъ — пурга заглушаетъ шумъ ружейной стрѣльбы. Не слышно, что дѣлается впереди. Возлѣ дороги, ведущей отъ переправы къ Новодмитріевской, въ полѣ — брошенныя орудія и повозки, безнадежно застрявшія въ расплывшейся пахоти, подернутой сверху тонкой корой льда. По дорогѣ тянется вереница людей. Словно тѣни. Мѣстами тутъ-же на дорогѣ лежитъ неподвижное тѣло.

— Раненый?

Долго молчитъ. Потомъ отрицательно качаетъ головой.

— Вы подбодритесь, деревня близко, пропадете вѣдь здѣсь, въ полѣ...

Идутъ и не обращаютъ уже никакого вниманія на свистъ пуль, которыми посыпаютъ дорогу застрявшіе гдѣ-то въ сторонѣ, въ темнѣющей рощѣ большевики. Проѣхалъ Корниловъ съ однимъ только штабомъ — конвой почти весь переправляетъ пѣхоту. Стемнѣло окончательно.

Марковъ, развернувъ противъ станицы Офицерскій полкъ, оказался съ нимъ въ полномъ одиночествѣ. Покровскій, который долженъ былъ атаковать станицу съ юга, не подошелъ — счелъ невозможнымъ двигать по такой дорогѣ и въ такую погоду свой отрядъ. Это обстоятельство спасло большевиковъ отъ окруженія и стоило намъ потомъ двухъ лишнихъ боевъ и лишней крови. Конницѣ, направленной въ охватъ вправо, не удалось перейти рѣчку и къ ночи она вернулась къ общей переправѣ; батарея, съ поврежденными механизмами орудій, застряла въ полѣ; въ пятомъ часу только еще начинала переходить въ бродъ голова Партизанскаго полка — переправа его протянется очевидно до ночи...

Марковъ рѣшилъ:

— Ну вотъ что. Ждать некого. Въ такую ночь безъ крышъ тутъ всѣ подохнемъ въ полѣ. Идемъ въ станицу!

И бросился съ полкомъ подъ убійственный огонь мгновенно затрещавшихъ со всѣхъ сторонъ ружей и пулеметовъ.

Полузамерзшіе, держа въ онѣмѣвшихъ рукахъ винтовки, падая и проваливаясь въ густомъ мѣсивѣ грязи, снѣга и льда, офицеры бѣжали къ станицѣ, ворвались въ нее и перемѣшались въ рукопашной схваткѣ съ большевиками; гнали ихъ потомъ до противоположной окраины, встрѣчаемые огнемъ чуть не изъ каждаго дома, гдѣ засѣли и грѣлись не ожидавшіе такой стремительной атаки и не успѣвшіе построиться красногвардейцы резервныхъ частей.

Когда мы подъѣхали къ окраинѣ станицы, Офицерскаго полка тамъ уже не было. У околицы толпились артиллеристы застрявшей батареи съ лошадьми, спасавшіеся отъ стужи и стоявшіе въ нерѣшительности: по всѣмъ темнымъ улицамъ станицы шла безпорядочная стрѣльба. Корниловъ послалъ ординарцевъ разыскать Маркова и полкъ, но не дождался донесенія и поѣхалъ съ Романовскимъ, нѣсколькими чинами штаба и ординарцами въ обычный сборный пунктъ — станичное правленіе.

Командующій арміей входилъ туда какъ разъ въ тотъ моментъ, когда изъ правленія въ другія двери выбѣгала толпа большевиковъ, встрѣченная въ упоръ огнемъ...

Всю ночь шла стрѣльба въ станицѣ; всю ночь переправлялась армія и весь слѣдующій день подбирали и вытаскивали изъ грязи повозки обоза и артиллерію. Утромъ большевики атаковали Новодмитріевскую, но съ большимъ урономъ были отброшены. И каждый день потомъ ихъ артиллерія со стороны Григорьевской громила нашу станицу, преимущественно площадь съ церковью, гдѣ, какъ всегда, располагался Корниловъ съ штабомъ.

Въ тотъ-же день, 15-го, нашъ обозъ переходилъ изъ аула Шенджій въ станицу Калужскую, куда прибылъ поздно ночью. Раненые и больные весь день лежали въ ледяной водѣ... Смерть витала надъ лазаретомъ.

* * *

Мой бронхитъ свалилъ меня окончательно. Молодой зауряд-врачъ, промѣнявшій свою мирную профессію на безпокойную и опасную должность ординарца генерала Маркова, милѣйшій Г. Д. Родичевъ, выслушалъ меня и, найдя какіе-то необыкновенные шумы, смущенно сказалъ:

— Дѣло плохо, надо сбѣгать за докторомъ...

Но 17-го пріѣхали представители Кубани на совѣщаніе по поводу соединенія армій. Пришлось подняться. Предварительно бесѣдовалъ съ Корниловымъ и Романовскимъ. Выяснилось, что части Кубанскаго отряда «съ оказіей» прислали доложить, что онѣ подчиняются только

генералу Корнилову и, если ихъ командованіе и кубанское правительство почему-либо на это не пойдутъ, то всѣ онѣ перейдутъ къ намъ самовольно. Было рѣшено, чтобы не создавать опасныхъ прецедентовъ и не подрывать принциповъ дисциплины, побудить кубанскія власти къ мирному и добровольному соглашенію.

Пріѣхали — атаманъ, полковникъ Филимоновъ, генералъ Покровскій, предсѣдатель и товарищъ предсѣдателя законодательной рады Рябоволъ и Султанъ-Шахимъ-Гирей, предсѣдатель правительства Бычъ — люди которымъ суждено было впослѣдствіи много времени еще играть большую роль въ трагическихъ судьбахъ Кубани.

Начались томительно долгіе нудные разговоры, въ которыхъ одна сторона вынуждена была доказывать элементарныя основы военной организаціи, другая въ противовѣсъ выдвигала такіе аргументы, какъ «конституція суверенной Кубани», необходимость «автономной арміи», какъ опоры правительства и т. д. Они не договаривали еще одного своего мотива — страха передъ личностью Корнилова: какъ бы вмѣстѣ съ Кубанскимъ отрядомъ онъ не поглотилъ и ихъ призрачную власть, за которую они такъ цѣпко держались. Этотъ страхъ сквозилъ въ каждомъ словѣ. На насъ послѣ суровой, жестокой и простой обстановки похода и боя отъ этого совѣщанія вновь повѣяло чѣмъ-то старымъ, уже, казалось, похороненнымъ, напомнившимъ лѣто 1917 года — съ безконечными дебатами революціонной демократіи, доканчивавшей разложеніе арміи. Зиму въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ — съ разговорами донского правительства, думъ и совѣтовъ, подготовлявшими вступленіе на Донъ красныхъ войскъ Сиверса... А за стѣною жизнь, настоящая жизнь уже напоминала о себѣ громкимъ трескомъ рвавшихся на площади и возлѣ дома гранатъ.

Нелѣпый споръ продолжался.

Корниловъ заявилъ категорически, что онъ не согласенъ командовать «автономными» арміями, и пусть въ такомъ случаѣ выбираютъ другого.

Кубанское правительство согласилось, наконецъ, на соединеніе армій, но устами Быча заявило, что оно устраняется отъ дальнѣйшаго участія въ работѣ и снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія.

Корниловъ вспылилъ и, ударяя по столу пальцемъ съ надѣтымъ на немъ перстнемъ — его характерный жестъ — сказалъ:

— Ну нѣтъ! Вы не смѣете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всѣми средствами командующему арміей.

Жизнь настойчиво возвращала совѣщаніе къ суровой дѣйствительности: задрожали стѣны, зазвенѣли стекла; возлѣ нашего дома разорвалось нѣсколько гранатъ; одна забрызгала грязью окна, другая разбила ворота...

Кубанскіе представители попросили разрѣшенія переговорить между собой. Мы вышли въ другую комнату, и, набросавъ тамъ проэктъ договора, послали его кубанцамъ.

Въ окончательной редакціи протоколъ совѣщанія гласилъ:

«1. Въ виду прибытія Добровольческой арміи въ Кубанскую область и осуществленія ею тѣхъ-же задачъ, которыя поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединенія всѣхъ силъ и средствъ признается необходимымъ переходъ Кубанскаго правительственнаго отряда въ полное подчиненіе генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отрядъ, какъ это будетъ признано необходимымъ.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаманъ продолжаютъ свою дѣятельность, всемѣрно содѣйствуя военнымъ мѣропріятіямъ Командующаго арміей.

3. Командующій войсками Кубанскаго края съ его начальникомъ штаба отзываются въ составъ правительства для дальнѣйшаго формированія Кубанской арміи».

Подписали: генералы Корниловъ, Алексѣевъ, Деникинъ, Эрдели, Романовскій, полковникъ Филимоновъ, Бычъ, Рябоволъ, Султанъ-Шахимъ-Гирей.

Послѣднія строки 3-го пункта, введенныя по настоянію кубанскихъ представителей, главнымъ образомъ, якобы, только для моральнаго удовлетворенія смѣщеннаго командующаго войсками, создали впослѣдствіи большія осложненія во взаимоотношеніяхъ между главнымъ командованіемъ и Кубанью.

Въ этотъ день. 17-го, послѣ артиллерійскаго обстрѣла большевики изъ Григорьевской перешли опять въ наступленіе на Новодмитріевскую; вечеромъ проникли даже небольшими частями въ самую станицу, соединившись здѣсь съ мѣстными иногородними. Нѣсколько часовъ по улицамъ жужжали пули, пока, наконецъ, около полуночи наступленіе не было отбито. Въ ближайшіе дни прибыли кубанскія войска, влились въ Добровольческую армію, которая послѣ расформированія нѣкоторыхъ частей получила слѣдующую организацію:*)

1-я бригада, Генералъ Марковъ.

Офицерскій полкъ.
1-й кубанскій стрѣлковый полкъ.
1-я инженерная рота.
1-я и 4-я батареи.

2-я бригада, Генералъ Богаевскій.

Корниловскій ударный полкъ.
Партизанскій полкъ.
Пластунскій батальонъ.
2-я инженерная рота.
2-я, 3-я и 5-я батареи.

---

*) Чехо-словацкій батальонъ не включался въ составъ бригадъ.

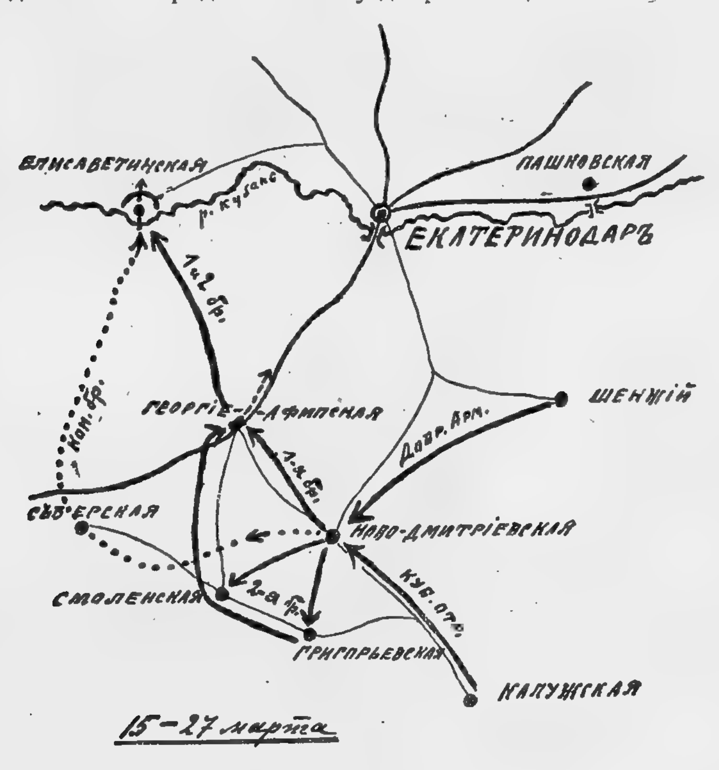
Конная бригада, Генералъ Эрдели.

1-й конный полкъ.
Кубанскій полкъ (вначалѣ — дивизіонъ).
Черкесскій полкъ.
Конная батарея.

Общая численность арміи возросла до 6 тысячъ бойцовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ почти удвоился нашъ обозъ.

* * *

Атака Екатеринодара рѣшена. Были сомнѣвающіеся, но не было несогласныхъ, тѣмъ болѣе, что армія до этихъ дней не знала неудачи и выполняла, не взирая на невѣроятныя трудности, всякій маневръ, который ей указывалъ командующій. Второй мѣсяцъ уже Корниловъ шелъ впередъ, разбивая всѣ преграды, которыя встрѣчалъ на своемъ пути, побѣждая большевиковъ силою своей воли, обаяніемъ своего мужества и доблестью преданныхъ ему добровольцевъ.

15—27 марта

Планъ операціи заключался въ слѣдующемъ: 1) разбить отряды противника, дѣйствовавшіе южнѣе Екатеринодара, для того, чтобы обезпечить возможность переправы и увеличить запасъ боевыхъ припасовъ за счетъ большевистскихъ складовъ; 2) внезапнымъ ударомъ

захватить станицу Елисаветинскую въ 18 верстахъ западнѣе Екатеринодара — пунктъ, гдѣ имѣлась только паромная переправа и гдѣ насъ меньше всего ожидали; 3) переправиться черезъ Кубань и атаковать Екатеринодаръ. *)

Въ двадцатахъ числахъ бригада генерала Богаевскаго послѣ кровопролитнаго боя захватила Григорьевскую и Смоленскую. Эрдели съ конницей пошелъ къ Елисаветинской. 24-го передъ разсвѣтомъ генералъ Марковъ долженъ былъ внезапнымъ ударомъ овладѣть Георгіе-Афипской станицей и станціей, гдѣ былъ центръ закубанскихъ отрядовъ, гарнизонъ свыше 5 тысячъ человѣкъ съ артиллеріей и бронепоѣздами и складъ боевыхъ припасовъ.

Неожиданнымъ нападеніе не вышло: выступленіе почему-то сильно замѣшкалось и, когда голова колонны была въ разстояніи менѣе версты отъ станицы, какъ-то сразу разсвѣло. Большевики увидѣли передъ собою на ровномъ открытомъ полѣ не успѣвшую развернуться компактную массу пѣхоты, артиллеріи, конныхъ и, послѣ минутнаго замѣшательства, открыли по ней убійственный огонь, въ которомъ принялъ участіе и показавшійся за поворотомъ бронированный поѣздъ. Корниловъ со штабомъ въ это время обгонялъ колонну и едва успѣлъ отъѣхать въ сторону. Ружейной пулей ранило въ ногу навылетъ генерала Романовскаго, который, однако, остался съ Корниловымъ. По всему полю заметались люди, орудія... По счастью, впереди по заливнымъ лугамъ проходила высокая насыпь желѣзной дороги, и Марковъ успѣлъ развернуть и скрыть за ней свои части.

Въ такомъ положеніи колоннѣ Маркова пришлось простоять нѣсколько часовъ. Впереди — окраина станицы, опоясанная протекавшей въ совершенно отвѣсныхъ берегахъ рѣчкой Шелшъ съ единственнымъ черезъ нее мостомъ.

Наступленіе замерло.

Корниловъ послалъ приказаніе бригадѣ Богаевскаго ускорить движеніе отъ Смоленской въ глубокій обходъ Гергіе-Афипской съ запада. Самъ переѣхалъ на это направленіе.

Во второй половинѣ дня Корниловцы и Партизаны, прорѣзавъ желѣзную дорогу, вышли въ тылъ большевикамъ и послѣ краткаго горячаго боя ворвались въ станицу и на станцію. Съ востока вошелъ и Марковъ. Началось истребленіе метавшихся по всей станицѣ остатковъ большевиковъ, не успѣвшихъ прорваться къ Екатеринодару. На станціи, въ числѣ прочей добычи, нашли и драгоцѣнные для насъ снаряды — до 700 штукъ.

Полки какъ всегда соперничали въ доблести, не омраченной ревнивымъ чувствомъ. Когда Корниловъ благодарилъ командира Пар-

---

*) Ближайшія переправы были: деревянный мостъ у Пашковской, гдѣ недавно былъ Покровскій и гдѣ поэтому насъ могли ожидать; желѣзнодорожный мостъ у самаго Екатеринодара, атака котораго представляла непреодолимыя техническія трудности.

тизанскаго полка, генерала Казановича, за взятіе станицы, онъ отвѣтилъ:

— Никакъ нѣтъ, Ваше Высокопревосходительство. Всѣмъ успѣхомъ мы обязаны Митрофану Осиповичу*) и его полку...

25 марта подтянулся обозъ и пополудни армія двинулась дальше на сѣверо-западъ, подорвавъ желѣзнодорожный мостъ и выславъ отрядъ для демонстраціи противъ Екатеринодара. Шли вначалѣ вдоль полотна; скоро однако пріостановились: подъѣхалъ бронированный поѣздъ и эшелонъ большевиковъ, съ которымъ нашъ авангардъ велъ бой до темноты. Колонна свернула въ сторону и продолжала путь уже темной ночью. Опять безъ дорогъ, сбиваясь и путаясь среди сплошного моря воды, залившей луга и дороги, скрывшей канавы, ямы, обрывы, въ которые проваливались люди и повозки. Ночь казалась такой безконечно долгой, и такимъ желаннымъ — разсвѣтъ...

Пройдя 32 версты, колонна остановилась въ аулѣ Панахесъ, откуда послѣ небольшого отдыха, 2-я бригада генерала Богаевскаго двинулась дальше къ Елисаветинской переправѣ, находившейся въ десяти верстахъ и уже захваченной Эрдели.

* *
*

Переправа черезъ Кубань представляетъ большой интересъ не только технической стороной ея выполненія, но и необыкновенной смѣлостью замысла.

У Елисаветинской былъ паромъ, подымавшій нормально около 15 всадниковъ или 4 повозки съ лошадьми, или 50 человѣкъ. Позднѣе откуда то снизу, притянули другой паромъ, меньшей подъемной силы и съ неисправнымъ тросомъ, дѣйствовавшій съ перерывами. Былъ еще десятокъ рыбачьихъ гребныхъ лодокъ.

Этими средствами нужно было перебросить армію съ ея обозомъ и бѣженцами, въ составѣ не менѣе 9000 человѣкъ, до 4000 лошадей и до 600 повозокъ, орудій, зарядныхъ ящиковъ.

Операція выполнялась подъ угрозой съ лѣваго берега — со стороны большевиковъ, владѣвшихъ желѣзно-дорожнымъ мостомъ, и подъ нѣкоторымъ давленіемъ съ праваго — со стороны авангарда екатеринодарской группы большевиковъ.

Переправа протекала въ полномъ порядкѣ и длилась трое сутокъ въ условіяхъ почти мирныхъ — за исключеніемъ нѣсколькихъ часовъ 27-го — безъ обстрѣла. Обратный отходъ съ боемъ потребовалъ бы значительно большаго времени, вѣрнѣе былъ невыполнимъ вовсе, и, въ случаѣ неудачи боя, грозилъ арміи гибелью.

---

*) Подполковникъ Нѣженцевъ, командиръ Корниловскаго полка.

Переброшенный на правый берегъ громадный обозъ — подвижной тылъ арміи, прижатый къ рѣкѣ, становился въ полную зависимость отъ какой либо случайности въ измѣнчивой обстановкѣ сраженія.

Для того, чтобы рѣшиться на такую операцію, нужна была крѣпкая вѣра вождя въ свое боевое счастье и въ свою армію.

Корниловъ не сомнѣвался.

27 марта мы бесѣдовали въ штабѣ о вопросахъ, связанныхъ съ занятіемъ Екатеринодара, какъ о чемъ то неизбѣжномъ и недопускающемъ сомнѣнія. Чтобы не повторить ростовской ошибки, рѣшено было временно, до упроченія военнаго положенія, не возстановлять кубанскую власть, а назначить въ Екатеринодаръ генералъ-губернатора; эта должность возложена была на меня. Помню, что кубанское правительство отнеслось къ этой мѣрѣ съ молчаливымъ осужденіемъ. И, когда я просилъ дать мнѣ въ помощь опытныхъ общественныхъ дѣятелей, они предложили мнѣ... уволеннаго нѣкогда полиціймейстера и свое контръ-развѣдочное отдѣленіе...*) Въ этотъ же день Корниловъ *въ первый разъ* отдалъ *приказъ* о томъ, чтобы окрестныя кубанскія станицы выставили и немедленно прислали въ составъ Добровольческой арміи опредѣленное число вооруженыхъ казаковъ.

Не сомнѣвалась и армія.

Весело толпились у берега, спѣша переправиться, Корниловцы и Партизаны, шедшіе въ этотъ разъ въ головѣ, за конницей. Нервничали Марковскіе офицеры, и ворчалъ ихъ генералъ, оставленный съ бригадой въ арьергардѣ на лѣвомъ берегу до окончанія переправы обоза.

— Чортъ знаетъ что! Попадешь къ шапочному разбору!..

Хорошее настроеніе царило и въ обозномъ походномъ городкѣ, по капризу судьбы вдругъ выросшемъ на берегу Кубани вокругъ маленькаго черкесскаго аула**). Сотни повозокъ; пасущіяся возлѣ, стреноженныя лошади; пестрыя лохмотья, разложенныя для сушки на чуть пробивающейся травѣ подъ яркими еще холодными лучами весенняго солнца; дымъ и трескъ костровъ; разбросанныя по всему полю группы людей, съ нетерпѣніемъ ждущихъ своей очереди для переправы и жадно ловящіе вѣсти съ того берега. Словно во времена очень далекія — таборъ крестоносцевъ — безумцевъ или праведниковъ, пришедшихъ изъ-за горъ и морей подъ стѣны святого города...

И у нашей арміи былъ свой маленькій «Іерусалимъ». Пока еще не тотъ — завѣтный, далекій съ золотыми маковками сорока сороковъ Божьихъ церквей... Болѣе близкій:

— Екатеринодаръ.

---

*) Нужно замѣтить, что контръ-развѣдка не была исключительной слабостью военной власти. Всякое мѣстное „демократическое правительство“ въ это смутное время начинало свою дѣятельность съ организаціи широкой сѣти контръ-развѣдки.

**) Хатукъ.

Онъ влекъ необыкновенной притягательной силой. Даже люди съ холоднымъ умомъ, ясно взвѣшивавшіе военно-политическое положеніе, не обольщавшіеся слишкомъ радужными надеждами, поддавались невольно его гипнозу. А массы видѣли въ немъ конецъ своимъ мученіямъ, прочную почву подъ ногами и начало новой жизни.

Почему — въ этомъ плохо разбирались, но вѣрили, что такъ именно будетъ.

ГЛАВА XXV.

Штурмъ Екатеринодара.

Къ 27 марта на правомъ берегу Кубани была уже конница Эрдели и 2-я бригада Богаевскаго. Бригада Маркова прикрывала обозъ.

Смѣлый замыселъ, поразившій воображеніе большевиковъ и спутавшій всѣ расчеты ихъ командованія, не былъ доведенъ до своего логическаго конца. Надъ тактическими принципами, требовавшими быстраго сосредоточенія всѣхъ силъ для рѣшительнаго удара, восторжествовало чувство человѣчности — огромная моральная сила вождя, привлекающая къ нему сердца воиновъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда сковывающая размахъ стратегіи и тактики.

Корниловъ могъ, расчитывая на трудную проходимость лѣвобережныхъ плавней, оставить для прикрытія обоза части вспомогательнаго назначенія — охранную, инженерныя роты, команды кубанскаго правительства, вооруженныхъ чиновъ обоза и т. п. Бригада Маркова могла бы къ вечеру 27-го сосредоточиться въ Елисаветинской. Но раненые оставались бы тогда три ночи безъ крова, и всему многочисленному населенію обоза, въ случаѣ серьезнаго наступленія съ тыла отъ аула Панахесъ, грозила опасность попасть въ руки большевиковъ.

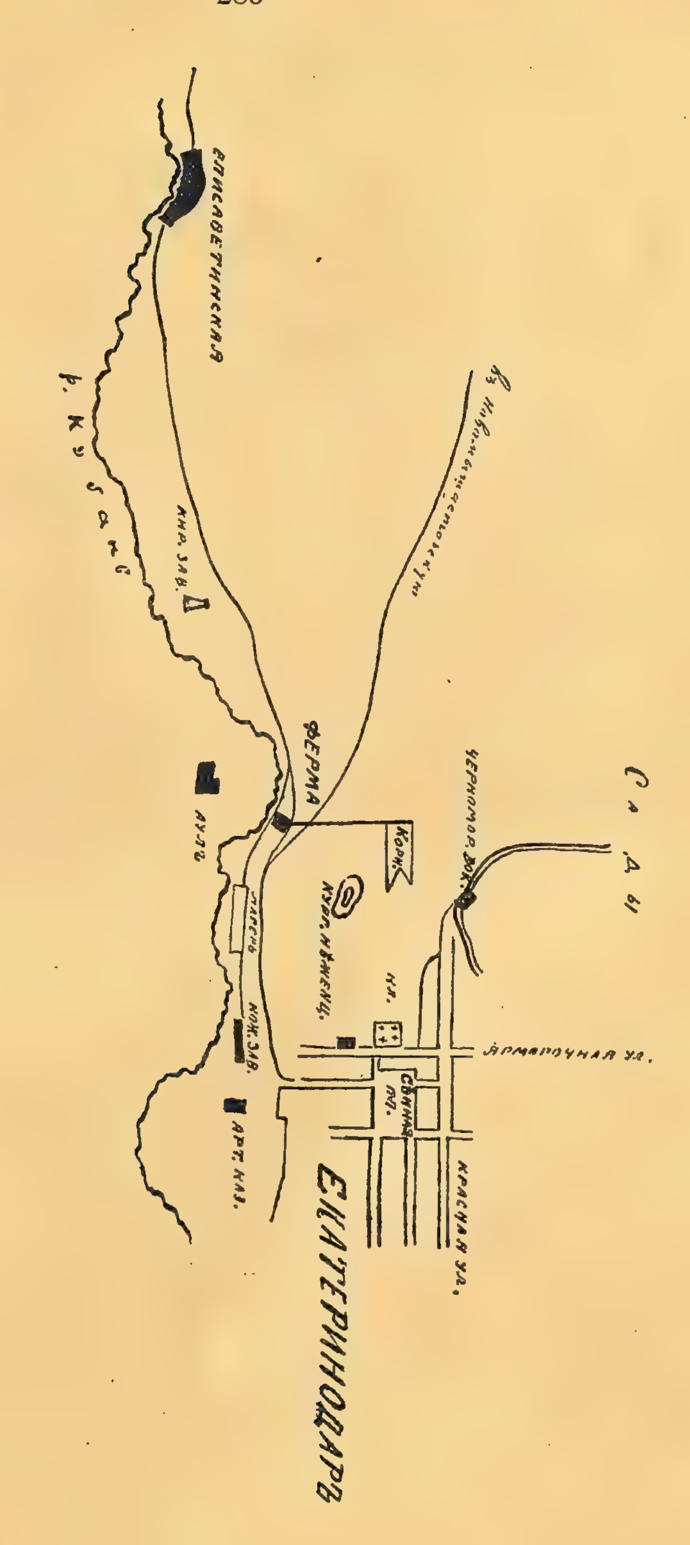
И Корниловъ оставилъ на лѣвомъ берегу треть своихъ силъ и... Маркова. I-я бригада постепенно, по частямъ выходила потомъ въ боевую линію, начиная съ полудня 28-го и до вечера 29-го.

Начался бой за Екатеринодаръ.

Утромъ, 27-го, отрядъ большевиковъ изъ Екатеринодара повелъ наступленіе на Елисаветинскую и открылъ артиллерійскій огонь по станицѣ, явно нащупывая переправу. Сторожевое охраненіе Корниловцевъ было потѣснено, и Нѣженцевъ постепенно ввелъ въ дѣло весь свой полкъ. Пополудни генералъ Богаевскій двинулъ въ бой и Партизанскій полкъ. Генералъ Казановичъ, развернувъ свои батальоны Партизанъ, двинулся въ атаку безъ выстрѣла вдоль Екатеринодарской дороги, поддерживаемый рѣдкимъ огнемъ своей батареи. Большевики не выдержали атаки и бросились бѣжать въ направленіи на Екатеринодаръ. Бѣжали густыми толпами, въ полномъ безпорядкѣ и остановились только на линіи «фермы»*) и примыкающихъ къ ней хуторовъ — въ 3-хъ верстахъ отъ города.

---

*) Образцовая ферма Екатеринодарскаго сельско-хозяйственнаго общества.

Къ штурму Екатеринодара
(схема по памяти)
Елисаветинская
р. Кубань
кир. зав.
Ферма
Аулъ
лагерь
кож. зав.
арт. каз.
Черномор. вок.
Сады
Ярмарочная ул.
Красная ул.
Екатеринодаръ

Казановичъ, преслѣдуя большевиковъ, овладѣлъ кирпичнымъ заводомъ, стоявшимъ на берегу Кубани, въ полупути отъ Екатеринодара.

Въ виду того, что на Богаевскаго возложено было только прикрытіе Елисаветинской, а атака Екатеринодара предположена была лишь послѣ переправы всей арміи, онъ счелъ свою задачу выполненной и, оставивъ на высотѣ кирпичнаго завода сторожевое охраненіе, отвелъ полки на ночлегъ въ станицу.

Между тѣмъ, въ штабѣ настроеніе значительно поднялось. Легкость, съ которой былъ одержанъ успѣхъ этого дня, моральная неустойчивость большевиковъ, доходившія свѣдѣнія о паникѣ въ Екатеринодарѣ, о начинающейся будто бы эвакуаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о подходящихъ спѣшно подкрѣпленіяхъ — все это побудило Корнилова поспѣшить атакой и нанести рѣшительный ударъ прежде чѣмъ большевики опомнятся и усилятся, не дожидаясь сосредоточенія всѣхъ нашихъ силъ. Поздно ночью отданъ былъ приказъ ускорить переброску Кубанскаго стрѣлковаго полка (изъ бригады Маркова), а Богаевскому совмѣстно съ Эрдели атаковать Екатеринодаръ 28-го марта.

Въ этомъ рѣшеніи многіе видѣли потомъ причину рокового исхода операціи... На войнѣ принимаются не разъ рѣшенія какъ будто безразсудныя и просто рискованныя. Первыя кончаются удачей иногда, вторыя часто. Успѣхъ въ этомъ случаѣ создаетъ полководцу ореолъ прозорливости и геніальности, неудача обнажаетъ одну только отрицательную сторону рѣшенія.

Корниловъ рискнулъ и... ушелъ изъ жизни раньше, чѣмъ окончилась Екатеринодарская драма. Рокъ опустилъ внезапно занавѣсъ, и никто не узнаетъ, какимъ былъ-бы ея эпилогъ.

* * *

Утромъ 28-го Богаевскій двинулся на Екатеринодаръ. Партизанскому полку приказано было атаковать западную окраину города, Корниловскому — Черноморскій вокзалъ (сѣвернѣе города). Еще лѣвѣе шла конница Эрдели въ охватъ города съ сѣвера и сѣверовостока; она должна была преградить большевикамъ пути по Черноморской и Владикавказской желѣзнымъ дорогамъ и поднять казаковъ станицы Пашковской.

Корниловцы, не получивъ почему-то своевременно приказа, задержались, и Казановичъ — этотъ несравненный таранъ для лобовыхъ ударовъ — атаковалъ ферму и прилегающіе хутора одинъ и послѣ горячаго боя взялъ ихъ. Не надолго: большевики подвели крупные резервы, при содѣйствіи сильнаго артиллерійскаго огня перешли въ контръ атаку и вновь овладѣли фермой. Но слѣва подходили уже Корниловцы, опрокидывая большевиковъ; кубанскіе пластуны полковника Улагая поддержали Партизанъ и вмѣстѣ съ ними снова ворвались на ферму, закрѣпивъ ее за нами окончательно. Въ этотъ день пало

много храбрыхъ; въ числѣ другихъ ранены генералъ Казановичъ, полковникъ Улагай, партизанъ — эсуалъ Лазаревъ...

Мы подъѣхали къ фермѣ вскорѣ послѣ ея занятія. Былъ ясный солнечный день. Съ возвышенности, на которой стояла ферма, открывалась панорама Екатеринодара. Отчетливо видны были контуры домовъ предмѣстья, кладбище и Черноморскій вокзалъ. Впереди ихъ — длинные неправильные ряды большевистскихъ окоповъ.

Возлѣ фермы стала наша батарея. Каждый выѣздъ на позицію— это трагедія: десятокъ патроновъ — по цѣлямъ, требующимъ сотенъ, молчаніе— когда пѣхота не въ силахъ подняться изъ окоповъ подъ сплошнымъ ливнемъ непріятельскаго огня. Вправо, ближе къ берегу, пошли и скрылись въ складкахъ поля и въ рощѣ Партизаны и пластуны, направляясь на кожевенные заводы. Сѣвернѣе большой дороги наступаетъ Корниловскій полкъ, и Нѣженцевъ идетъ впередъ, не обращая вниманія на летящія пули, уже сразившія нѣсколькихъ его спутниковъ; идетъ къ кургану, откуда должно быть видно, какъ на ладони, открытое поле, отдѣляющее насъ отъ вокзала — поле смерти, которое судьба на этотъ разъ предоставляла преодолѣть его полку.

Странно и жутко было видѣть отъ фермы человѣческіе силуэты*) на вершинѣ бугра среди цѣпей и огня.

Ферма, гдѣ остановился штабъ арміи, расположена на высокомъ отвѣсномъ берегу Кубани. Она маскировалась нѣсколько рядомъ безлистыхъ тополей, окаймлявшихъ небольшое опытное поле, примыкающее къ фермѣ съ востока. Съ запада къ ней подходила вплотную небольшая четырехугольная роща. Внутри двора — крохотный домикъ въ четыре комнаты, каждая площадью не больше полуторы сажени, и рядомъ сарай. Вся эта рѣзко выдѣлявшаяся на горизонтѣ группа была отчетливо видна съ любого мѣста городской окраины и, стоя среди открытаго поля, въ центрѣ расположенія отряда, не могла не привлечь къ себѣ вниманія противника.

Передъ вечеромъ получено было донесеніе, что войска праваго крыла, подъ начальствомъ полковника Писарева (Партизаны, пластуны и подошедшій батальонъ Кубанскаго стр. полка) послѣ жестокаго боя овладѣли предмѣстьемъ города съ кожевеннымъ заводомъ и идутъ дальше.

Настроеніе «фермы» ликующее. Уже никто не сомнѣвается, что Екатеринодаръ падетъ. Не было еще случая, чтобы красная гвардія, потерявъ окраину, принимала бой внутри города или станицы. Корниловъ хотѣлъ уже перейти на ночлегъ въ предмѣстьѣ и ему съ трудомъ отсовѣтовали ѣхать туда. Коменданту штаба арміи послано было приказаніе — къ разсвѣту выслать квартирьеровъ...

Размѣстились тѣсно — на полу, на соломѣ: въ одной комнаткѣ — Корниловъ съ двумя адъютантами, въ двухъ — Романовскій со штабомъ и команда связи, четвертая — для перевязочнаго пункта;

---

*) Тамъ оказались Казановичъ, Нѣженцевъ и ихъ полковые штабы.

Подполковникъ Нѣженцевъ (†).

Стр. 291.

„Ферма“ (× комната ген. Корнилова).

Стр. 288.

въ маленькой кладовкѣ, рядомъ съ комнатой Корнилова, помѣстился я съ двумя офицерами. Весь корридоръ былъ забитъ мертвецки спящими тѣлами. Богаевскій со штабомъ расположился возлѣ, въ рощѣ, подъ бурками.

Мнѣ плохо спалось: отъ холода, отъ стоновъ, раздававшихся всю ночь изъ перевязочной, и отъ напряженнаго ожиданія.

* * *

Утромъ 29-го насъ разбудилъ трескъ непріятельскихъ снарядовъ, въ большомъ числѣ рвавшихся въ раіонѣ фермы. Въ теченіе трехъ дней съ тѣхъ поръ батареи большевиковъ перекрестнымъ огнемъ осыпали ферму и рощу. Расположеніе штаба становилось тѣмъ болѣе рискованнымъ, что ферма стояла у скрещенія дорогъ — большой и береговой, по которымъ все время сновали люди и повозки, поддерживавшіе сообщеніе съ боевой линіей. Но вблизи жилья не было, а Корниловъ не хотѣлъ отдаляться отъ войскъ. Романовскій указалъ командующему на безразсудность подвергаться такой опасности, но, видимо, не очень настойчиво, больше по обязанности, такъ какъ и самъ лично относился ко всякой опасности съ полнѣйшимъ равнодушіемъ.

И штабъ остался на фермѣ.

За ночь, оказалось, боевая линія не продвинулась. Писаревъ дошелъ до ручья, отдѣлявшаго отъ предмѣстья артиллерійскія казармы, обнесенныя кругомъ землянымъ валомъ, представлявшимъ прекрасное оборонительное сооруженіе, и дальше продвинуться не могъ. Атаки повторены были и ночью, и подъ утро — не оставившимъ строя раненымъ Казановичемъ, вызвали лишь тяжелыя потери (раненъ былъ и полковникъ Писаревъ), но успѣхомъ не увѣнчались. Казановичъ предпринималъ болѣе «солидную» артиллерійскую подготовку. На нашемъ языкѣ это означало лишнихъ 15—20 снарядовъ...

Нѣженцевъ оставался въ прежнемъ положеніи, встрѣтивъ упорное сопротивленіе и будучи не въ силахъ преодолѣть жестокій огонь противника. Корниловскій полкъ, ослабленный сильно предшествовавшими боями, таялъ. Въ его ряды на пополненіе влили двѣ—три сотни мобилизованныхъ кубанскихъ казаковъ по большей части необученныхъ, которые, попадая сразу въ самое пекло оглушительнаго боя, терялись и нервничали. Нѣженцевъ страдалъ за полкъ, ставилъ на чашку вѣсовъ послѣднюю гирю — свое моральное обаяніе и второй день уже безотлучно сидѣлъ возлѣ цѣпей на курганѣ, вокругъ котораго неустанно сыпались пули, и рвали въ клочья человѣческое тѣло вражескія гранаты.

Только у Эрдели дѣло шло повидимому успѣшно: конница его заняла Сады*), пересѣкла желѣзную дорогу и направилась къ Пашков-

*) Сѣверное предмѣстье Екатеринодара со сплошными садами.

ской. Станица эта, расположенная въ 10 верстахъ къ востоку отъ Екатеринодара — большая и многолюдная, была враждебна большевизму съ первыхъ его дней, и возстаніе тамъ въ ближайшемъ тылу екатеринодарскаго гарнизона сулило весьма благопріятныя перспективы.

Между тѣмъ, береговой дорогой къ кожевенному заводу мимо насъ потянулись части Офицерскаго полка. Скоро показался и Марковъ. Идетъ широкимъ шагомъ, размахивая нагайкой и издали еще, на ходу ругается:

— Чортъ знаетъ что! Раздергали мой Кубанскій полкъ, а меня вмѣсто инвалидной команды къ обозу пришили. Пустили бы сразу со всей бригадой — я бы уже давно въ Екатеринодарѣ былъ.

— Не горюй, Сережа, — отвѣчаетъ Романовскій — Екатеринодаръ отъ тебя не ушелъ.

Два близкихъ друга — родственныхъ по духу. Въ обоихъ — горитъ огонь. Только въ одномъ онъ прорывается наружу яркимъ пламенемъ, другой сковалъ его силой воли и сознаніемъ исключительной нравственной отвѣтственности своего поста...

Въ виду сосредоточенія всей бригады Маркова, рѣшено было разобрать перемѣшанныя части и вечеромъ въ 5 часовъ повторить атаку всѣмъ фронтомъ: Маркову на артиллерійскія казармы, Богаевскому противъ Черноморскаго вокзала.

Батарея полковника Третьякова рѣдкимъ огнемъ подготовляетъ штурмъ казармъ. Цѣпи наши лежатъ словно вросшія въ землю; нельзя поднять головы, чтобы тотчасъ-же не задѣла одна изъ тысячъ летящихъ кругомъ пуль. Въ глубокой канавѣ — Марковъ съ Тимановскимъ, штабомъ (три человѣка) и командой развѣдчиковъ. Онъ ходитъ нервными шагами, нетерпѣливо ждетъ начала атаки. Приказъ отданъ, но части медлятъ...

— Ну, видимо, безъ насъ дѣло не обойдется.

Вскочилъ на насыпь и бросился къ цѣпямъ.

— Друзья, въ атаку, впередъ!

Ожило поле, поднялись Добровольцы, и все живое бросилось къ смертоносному валу — храбрые и робкіе — падая, подымаясь, оставляя за собою на взрыхленномъ снарядами полѣ, на камняхъ мостовой судорожно подергивавшіяся и мертвенно неподвижныя тѣла...

Артиллерійскія казармы взяты.

Когда извѣстіе объ этомъ дошло до лѣваго фланга, Нѣженцевъ отдалъ приказъ атаковать. Со своего кургана, на которомъ Богъ хранилъ его цѣлыя сутки, онъ видѣлъ, какъ цѣпь поднималась и опять залегала; связанный незримыми нитями съ тѣми, что лежали внизу, онъ чувствовалъ, что наступилъ предѣлъ человѣческому дерзанію, и что пришла пора пустить въ дѣло «послѣдній резервъ». Сошелъ съ холма, перебѣжалъ въ оврагъ и поднялъ цѣпи.

— Корниловцы, впередъ!

Голосъ застрялъ въ горлѣ. Ударила въ голову пуля. Онъ упалъ. Потомъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и повалился опять, убитый наповалъ второй пулей.

Не стало Митрофана Осиповича Нѣженцева!..

Потрясенные смертью командира, потерявъ раненымъ помощника Нѣженцева, полковника Индѣйкина и убитымъ командира Партизанскаго батальона, капитана Курочкина, перемѣшанныя цѣпи Корниловцевъ, Партизанъ и елисаветинскихъ казаковъ схлынули обратно въ оврагъ и окопы.

А къ роковому холму подходилъ послѣдній батальонъ резерва*), и генералъ Казановичъ съ рукой на перевязи, превозмогая боль перебитаго плеча, повелъ его въ атаку. Подъ бѣшеннымъ огнемъ, увлекая за собой и елисаветинцевъ, онъ опрокинулъ передовыя цѣпи большевиковъ и уже въ темнотѣ по пятамъ бѣжавшихъ двинулся къ городу.

Вечеромъ этого дня Богаевскій объѣзжалъ позицію. «Большевики открыли бѣшенный пулеметный огонь — разсказываетъ онъ — пришлось спѣшиться и выждать темноты. Ощупью, оріентируясь по стонамъ раненыхъ, добрался я до холмика съ громкимъ названіемъ «штабъ Корниловскаго полка» почти на линіи окоповъ. Крошечный «фортъ» съ отважнымъ гарнизономъ, среди котораго только трое было... живыхъ; остальные бойцы лежали мертвые. Одинъ изъ живыхъ — временно командующій полкомъ, измученный до потери сознанія, спокойно отрапортовалъ мнѣ о смерти командира, подполковника Нѣженцева. Онъ лежалъ тутъ-же, такой-же стройный и тонкій; на груди черкески тускло сверкалъ георгіевскій крестъ.

Отъ позиціи большевиковъ было нѣсколько десятковъ шаговъ. Они замѣтили наше движеніе, и пули роемъ засвистѣли надъ нами, впиваясь въ тѣла убитыхъ. Лежа рядомъ съ павшимъ командиромъ, я слушалъ свистъ пуль и тихій докладъ его замѣстителя о боевомъ днѣ»...

Къ ночи въ штабѣ арміи положеніе фронта опредѣлялось слѣдующимъ образомъ: Бригада Маркова закрѣпляется въ раіонѣ артиллерійскихъ казармъ. Съ партизанами Казановича связь потеряна и о судьбѣ ихъ ничего неизвѣстно. Корниловскій полкъ, весьма разстроенный, занимаетъ прежнія позиціи. Конница Эрдели отходитъ къ Садамъ.

Когда Корнилову доложили о смерти Нѣженцева, онъ закрылъ лицо руками и долго молчалъ. Былъ угрюмъ и задумчивъ; ни разу съ тѣхъ поръ шутка не срывалась съ его устъ, никто не видѣлъ больше его улыбки. Не разъ онъ неожиданно прерывалъ разговоръ съ новымъ человѣкомъ:

— Вы знаете, Нѣженцевъ убитъ, какая тяжелая потеря...

---

*) 2-ой батальонъ Партизанъ, перешедшій съ праваго фланга.

И на минуту замолчитъ, нервно потирая лобъ своимъ характернымъ жестомъ.

Когда къ фермѣ подвезли на повозкѣ тѣло Нѣженцева, Корниловъ склонился надъ нимъ, долго съ глубокой тоской смотрѣлъ въ лицо того, кто отдалъ за него свою жизнь, потомъ перекрестилъ и поцѣловалъ его, прощаясь, какъ съ любимымъ сыномъ...

На фермѣ какъ-то всѣ притихли. Иванъ Павловичъ говорилъ мнѣ въ этотъ день:

— Никогда еще я не видѣлъ *его* такимъ разстроеннымъ. Стараюсь отвлечь его мысли, но плохо удается. Просто такъ вотъ по-человѣчески ужасно жалко его.

Опять ночь на фермѣ. Опять плохо спится — отъ холода, отъ стоновъ раненыхъ и отъ... тревожнаго предчувствія.

* *
*

Утромъ 30-го ко всеобщему сожалѣнію мы узнали, что успѣхъ боя былъ уже почти обезпеченъ, и только рядъ роковыхъ случайностей вырвалъ его изъ нашихъ рукъ. Генералъ Казановичъ съ вечера 29-го, преслѣдуя бѣжавшихъ большевиковъ, прошелъ мимо участка Кутепова и просилъ его атаковать одновременно правѣе и доложить объ этомъ Маркову. Затѣмъ, разсѣявъ легко большевиковъ, занимавшихъ самую окраину, ворвался въ городъ и, не встрѣчая далѣе никакого сопротивленія, сталъ подвигаться по улицамъ вглубь его.

Этотъ удивительный эпизодъ, похожій на сказку, самъ Казановичъ передаетъ такими правдивыми и скромными словами:

> «... Стрѣльба на участкѣ 1-й бригады стихла. Я былъ увѣренъ, что мои сосѣди справа также продвигаются по одной изъ ближайшихъ улицъ, а потому приказалъ отъ времени до времени кричать: «ура генералу Корнилову!» — съ цѣлью обозначить своимъ мѣсто моего нахожденія. Подвигаясь такимъ образомъ, мы достигли Сѣнной площади... Все было тихо. На площади стали появляться повозки, направлявшіяся на позиціи противника. Преимущественно это были санитарныя повозки съ фельдшерами и сестрами милосердія, но попалась и одна повозка съ хлѣбомъ, которой мы очень обрадовались, нѣсколько повозокъ съ ружейнымъ патронами и, что особенно цѣнно, на одной были артиллерійскіе патроны.
>
> Между тѣмъ ночь проходила. Встревоженный долгимъ отсутствіемъ какихъ либо свѣдѣній о нашихъ частяхъ, я послалъ по пройденному нами пути разъѣзды на отбитыхъ у большевиковъ коняхъ».

Вернувшійся разъѣздъ доложилъ, что

> «нашихъ частей нигдѣ не видно, что окраина города въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы въ него ворвались, занята большевиками, ко-

торые повидимому не подозрѣваютъ о присутствіи у нихъ въ тылу противника».

Начальникъ разъѣзда, принятый за своего, успокоилъ большевиковъ, увѣривъ ихъ, что въ городѣ все тихо.

«Потерявъ надежду на подходъ подкрѣпленій, я рѣшилъ, что дожидаться разсвѣта среди многолюднаго города, въ центрѣ расположенія противника, имѣя при себѣ 250 человѣкъ, значитъ обречь на гибель и ихъ, и себя безъ всякой пользы для дѣла. Построивъ въ первой линіи Партизанъ съ пулеметами, за ними Елисаветинцевъ и, наконецъ, захваченныхъ у большевиковъ лошадей и повозки, я двинулся назадъ, приказавъ на разспросы большевиковъ отвѣчать, что мы — «Кавказскій отрядъ» — идемъ занимать окопы впереди города. (Такой отрядъ незадолго передъ тѣмъ высаживался на вокзалѣ). Подходя къ мѣсту нашей послѣдней атаки, мы наткнулись сначала на резервы большевиковъ, а потомъ и на первую линію. Наши отвѣты сначала не возбуждали подозрѣній, затѣмъ раздались удивленные возгласы:

— Куда-же вы идете, тамъ впереди уже кадеты!

— Ихъ-то намъ и надо.

Я расчитывалъ, какъ только подойду вплотную къ большевикамъ, броситься въ штыки и пробить себѣ дорогу. Но большевики мирно бесѣдуя съ моими людьми, такъ съ ними перемѣшались, что нечего было и думать объ этомъ; принимая во вниманіе подавляющее численное превосходство противника, надо было возможно скорѣе выбираться на просторъ.

Все шло благополучно, пока черезъ ряды большевиковъ не потянулся нашъ обозъ. Тогда они спохватились и открыли намъ въ тылъ огонь, отрѣзавъ часть повозокъ».

А въ то-же время, услышавъ огонь, начали стрѣлять изъ казармъ наши части, пока, наконецъ, не выяснилось недоразумѣніе.

Насталъ разсвѣтъ, и все кончилось. Еще одинъ счастливый случай потерянъ. Все складывалось на этотъ разъ къ нашему неблагополучію. И гибель всѣхъ старшихъ начальниковъ на участкѣ Корниловскаго полка, удержавшая лѣвое крыло на мѣстѣ, и то обстоятельство, что Кутеповъ, по его словамъ, не могъ поднять въ атаку свои перемѣшанныя и разстроенныя послѣ вчерашняго боя части, и случайность, что Марковъ перешелъ вечеромъ на свой правый флангъ, а Кутеповъ почему-то не послалъ ему доложить объ атакѣ Казановича.

Шелъ четвертый день непрерывнаго боя. Противникъ проявлялъ упорство доселѣ небывалое. Силы его вездѣ, на всѣхъ участкахъ боевой линіи разительно превышали наши. Какова ихъ дѣйствительная численность не знали ни мы, ни вѣроятно, большевистское командованіе. Развѣдка штаба опредѣляла въ боевой линіи до 18 тысячъ бойцовъ при 2—3 бронепоѣздахъ, 2—4 гаубицахъ и 8—10 легкихъ орудіяхъ.

Но отряды пополнялись, смѣнялись, прибывали новые со всѣхъ сторонъ. Позднѣе въ Екатеринодарскихъ «Извѣстіяхъ» мы прочли, что защита Екатеринодара обошлась большевикамъ въ 15 тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ 10 тысячъ ранеными, которыми забиты были всѣ лазареты, всѣ санитарные поѣзда, непрерывно эвакуируемые на Тихорѣцкую и Кавказскую.

Какъ бы то не было, ясно почувствовалось, что темпъ атаки сильно ослабѣлъ.

Въ этотъ день генералъ Корниловъ собралъ военный совѣтъ — впервые послѣ Ольгинской, гдѣ рѣшалось направленіе движенія Добровольческой арміи. Я думаю, что на этотъ шагъ побудило его не столько желаніе выслушать мнѣніе начальниковъ относительно плана военныхъ дѣйствій, который *былъ имъ предрѣшенъ,* сколько надежда вселить въ нихъ убѣжденіе въ необходимости рѣшительнаго штурма Екатеринодара.

Собрались въ тѣсной комнаткѣ Корнилова генералы Алексѣевъ, Романовскій, Марковъ, Богаевскій, я и кубанскій атаманъ полковникъ Филимоновъ. Во время бесѣды выяснилась печальная картина положенія арміи:

Противникъ во много разъ превосходитъ насъ силами и обладаетъ неистощимыми запасами снарядовъ и патроновъ.

Наши войска понесли тяжелыя потери, въ особенности въ командномъ составѣ. Части перемѣшаны и до крайности утомлены физически и морально четырехдневнымъ боемъ. Офицерскій полкъ еще сохранился, Кубанскій стрѣлковый сильно потрепанъ, изъ Партизанскаго осталось не болѣе 300 штыковъ, еще меньше въ Корниловскомъ*). Замѣчается рѣдкое для добровольцевъ явленіе — утечка изъ боевой линіи въ тылъ. Казаки расходятся по своимъ станицамъ. Конница повидимому ничего серьезнаго сдѣлать не можетъ.

Снарядовъ нѣтъ, патроновъ нѣтъ.

Число раненыхъ въ лазаретѣ перевалило за полторы тысячи.

Настроеніе у всѣхъ членовъ совѣщанія тяжелое. Опустили глаза. Одинъ только Марковъ, склонивъ голову на плечо Романовскаго, заснулъ и тихо похрапываетъ. Кто-то толкнулъ его.

— Извините, Ваше Высокопревосходительство, разморило — двое сутокъ не ложился...

Корниловъ не старался внести успокоительную ноту въ нарисованную картину общаго положенія и не возражалъ. За ночь онъ весь какъ то осунулся, на лбу легла глубокая складка, придававшая его лицу суровое, страдальческое выраженіе. Глухимъ голосомъ, но рѣзко и отчетливо онъ сказалъ:

— Положеніе дѣйствительное тяжелое, и я не вижу другого выхода, какъ взятіе Екатеринодара. Поэтому я рѣшилъ завтра на разсвѣтѣ атаковать по всему фронту. Какъ ваше мнѣніе, господа?

---

*) Командиромъ его былъ назначенъ полковникъ Кутеповъ.

Всѣ генералы, кромѣ Алексѣева, отвѣтили отрицательно.

Мы чувствовали, что первый порывъ прошелъ, что насталъ предѣлъ человѣческихъ силъ, и объ Екатеринодаръ мы разобьемся; неудача штурма вызоветъ катастрофу; даже взятіе Екатеринодара, вызвавъ новыя большія потери, привело бы армію, еще сильную въ полѣ, къ полному распыленію ея слабыхъ частей для охраны и защиты большого города. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы знали, что штурмъ все-таки состоится, что онъ рѣшенъ безповоротно.

Наступило тяжелое молчаніе. Его прервалъ Алексѣевъ.

— Я полагаю, что лучше будетъ отложить штурмъ до послѣ завтра; за сутки войска нѣсколько отдохнутъ, за ночь можно будетъ произвести перегруппировку на участкѣ Корниловскаго полка; быть можетъ станичники подойдутъ еще на пополненіе.

На мой взглядъ такое половинчатое рѣшеніе, въ сущности лишь прикрытое колебаніе, не сулило существенныхъ выгодъ: сомнительный отдыхъ — въ боевыхъ цѣпяхъ, трата послѣднихъ патроновъ и возможность контръ-атаки противника. Отдаляя рѣшительный часъ, оно сглаживало лишь психологическую остроту даннаго момента. Корниловъ сразу согласился.

— И такъ, будемъ штурмовать Екатеринодаръ на разсвѣтѣ 1-го апрѣля.

Участники совѣта разошлись сумрачные. Люди, близкіе къ Маркову, разсказывали потомъ, что, вернувшись въ свой штабъ, онъ сказалъ:

— Надѣньте чистое бѣлье, у кого есть. Будемъ штурмовать Екатеринодаръ. Екатеринодара не возьмемъ, а если и возьмемъ, то погибнемъ.

Послѣ совѣщанія мы остались съ Корниловымъ вдвоемъ.

— Лавръ Георгіевичъ, почему вы такъ непреклонны въ этомъ вопросѣ?

— Нѣтъ другого выхода, Антонъ Ивановичъ. Если не возьмемъ Екатеринодаръ, то мнѣ останется пустить себѣ пулю въ лобъ.

— Этого вы не можете сдѣлать. Вѣдь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего-же намъ не оторваться отъ Екатеринодара, чтобы дѣйствительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцію? Вѣдь въ случаѣ неудачи штурма отступить намъ едва-ли удастся.

— Вы выведете...

Я всталъ и взволнованно проговорилъ:

— Ваше Высокопревосходительство! Если генералъ Корниловъ покончитъ съ собой, то никто не выведетъ арміи — она вся погибнетъ.

Кто-то вошелъ, и мы никогда уже не докончили этотъ разговоръ. Въ тотъ-же вечеръ Корниловъ какъ будто продолжилъ его съ прибывшимъ съ позиціи въ резервъ Казановичемъ:

— Я думаю — сказалъ Корниловъ — завтра повторить атаку всѣми силами. Вашъ полкъ будетъ у меня въ резервѣ, и я двину его въ рѣшительную минуту. Что вы на это скажете?

Казановичъ отвѣтилъ, что по его мнѣнію также слѣдуетъ атаковать и онъ увѣренъ, что атака удастся, разъ Корниловъ лично будетъ руководить ею.

— Конечно, — продолжалъ Корниловъ — мы всѣ можемъ при этомъ погибнуть. Но, по моему, лучше погибнуть съ честью. Отступленіе теперь тоже равносильно гибели: безъ снарядовъ и патроновъ это будетъ медленная агонія...*)

* * *

Въ этотъ день, какъ и въ предыдущіе, артиллерія противника долго громила ферму, берегъ и рощу. Вдоль берега по дорогѣ сновали взадъ и впередъ люди и повозки. Шли изъ екатеринодарскаго предмѣстья раненые — группами и поодиночкѣ. Я сидѣлъ на берегу и вступалъ въ разговоры съ ними. Освѣдомленность ихъ обыкновенно не велика — въ предѣлахъ своей роты, батальона, понятіе объ общемъ положеніи подчасъ фантастическое, но о настроеніи частей даютъ представленіе довольно опредѣленное: есть усталость и сомнѣніе, но нѣтъ унынія; значитъ далеко еще не все потеряно. Съ лѣваго фланга по большой дорогѣ проходятъ люди болѣе подавленные и болѣе пессимистически опредѣляютъ положеніе; они, кромѣ того, голодны и промерзли.

Неожиданная встрѣча: идетъ съ безпомощно повисшей рукой — перебита кость — штабсъ-капитанъ Бетлингъ. Спаситель «Бердичевской группы генераловъ», начальникъ юнкерскаго караула въ памятную ночь 27 августа**). Притерпѣлось или пересиливаетъ боль, но лицо веселое. Усадилъ его на скамейку, поговорили.

У Бетлинга типичный формуляръ офицера-первопоходника:

Геройски дрался съ нѣмцами и былъ ими раненъ.

Въ числѣ первыхъ поступилъ на должность рядового въ Добровольческую армію.

Геройски дрался въ кубанскомъ походѣ и дважды былъ раненъ большевиками.

Съ одной здоровой рукой продолжалъ службу послѣ похода и умеръ отъ сыпного тифа.

Миръ его душѣ!

И этотъ храбрый офицеръ о штурмѣ говорилъ въ тотъ день какъ то нерѣшительно.

— Отъ красногвардейцевъ, когда идешь въ атаку, просто въ глазахъ рябитъ. Но это ничего. Если бы немного патроновъ, а главное

---

*) Разсказъ ген. Казановича въ газетѣ „Свободная рѣчь".

**) См. Т. I, главу 37-ю.

Штабсъ-Капитанъ Бетлингъ (†).

Стр. 296.

Полковникъ Міончинскій (†).

Стр. 308.

Мѣсто (†), гдѣ скончался генералъ Корниловъ.

Стр. 299.

хоть немножко больше артиллерійскаго огня. Вѣдь казармы брали послѣ какого-нибудь десятка гранатъ...

Какъ бы то ни было, тамъ — въ окопахъ, въ оврагахъ екатеринодарскихъ огородовъ, въ артиллерійскихъ казармахъ — люди живутъ своей жизнью, не отдаютъ себѣ яснаго отчета о грозности общаго положенія, страдаютъ и слѣпо вѣрятъ.

Вѣрятъ въ Корнилова.

А вѣдь вѣра творитъ чудеса!..

ГЛАВА XXVI.

Смерть генерала Корнилова.

Съ ранняго утра 31-го, какъ обычно, начался артиллерійскій обстрѣлъ всего раіона фермы. Корнилова снова просили перемѣстить штабъ, но онъ отвѣтилъ:

— Теперь уже не стоитъ, завтра штурмъ.

Перебросились съ Корниловымъ нѣсколькими незначительными фразами — я не чувствовалъ тогда, что онѣ будутъ послѣдними...

Я вышелъ къ восточному краю усадьбы взглянуть на поле боя: тамъ тихо; въ цѣпяхъ не слышно огня, не замѣтно движенія. Сѣлъ на берегу возлѣ фермы. Весеннее солнце стало ярче и теплѣе; дышитъ паромъ земля; внизу подъ отвѣснымъ обрывомъ тихо и лѣниво течетъ Кубань; черезъ головы то и дѣло проносятся со свистомъ гранаты, бороздятъ гладь воды, вздымаютъ столбы брызгъ, играющихъ разноцвѣтными переливами на солнцѣ, и отбрасываютъ отъ мѣста паденія въ стороны широкіе круги.

Подсѣли два, три офицера. Но разговоръ не вяжется, хочется побыть одному. Въ душѣ — тягостное чувство, навѣянное вчерашней бесѣдой съ Корниловымъ. Нельзя допустить непоправимаго... Завтра мы съ Романовскимъ, которому я передалъ разговоръ съ командующимъ, будемъ неотступно возлѣ него...

Былъ восьмой часъ. Глухой ударъ въ рощѣ: разметались кони, зашевелились люди. Другой совсѣмъ рядомъ — сухой и рѣзкій...

Прошло нѣсколько минутъ...

— Ваше превосходительство! Генералъ Корниловъ...

Предо мной стоитъ адъютантъ командующаго, подпоручикъ Долинскій съ перекошеннымъ лицомъ и отъ сдавившей горло судороги не можетъ произнести больше ни слова.

Не нужно. Все понятно.

. . . .

Генералъ Корниловъ былъ одинъ въ своей комнатѣ, когда непріятельская граната пробила стѣну возлѣ окна и ударилась объ полъ подъ столомъ, за которымъ онъ сидѣлъ; силой взрыва его подбросило повидимому кверху и ударило объ печку. Въ моментъ разрыва гранаты въ дверяхъ появился Долинскій, котораго отшвырнуло въ сторону. Когда затѣмъ Казановичъ и Долинскій вошли первыми въ комнату, она была наполнена дымомъ, а на полу лежалъ генералъ

Корниловъ, покрытый обломками штукатурки и пылью. Онъ еще дышалъ... Кровь сочилась изъ небольшой ранки въ вискѣ и текла изъ пробитаго праваго бедра.

. . . .

Долинскій не докончилъ еще своей фразы, какъ къ обрыву подошелъ Романовскій и нѣсколько офицеровъ, принесли носилки и поставили возлѣ меня. Онъ лежалъ на нихъ безпомощно и недвижимо; съ закрытыми глазами, съ лицомъ, на которомъ какъ будто застыло выраженіе послѣднихъ тяжелыхъ думъ и послѣдней боли. Я наклонился къ нему. Дыханіе становилось все тише, тише и угасло.

Сдерживая рыданіе, я приникъ къ холодѣющей рукѣ почившаго вождя...

. . . .

Рокъ — неумолимый и безпощадный. Щадилъ долго жизнь человѣка, глядѣвшаго сотни разъ въ глазъ смерти. Поразилъ его и душу арміи въ часы ея наибольшаго томленія.

Непріятельская граната попала въ домъ только одна, только въ комнату Корнилова, когда онъ былъ въ ней, и убила только его одного. Мистическій покровъ предвѣчной тайны покрылъ пути и свершенія невѣдомой воли.

Вначалѣ смерть главнокомандующаго хотѣли скрыть отъ арміи до вечера. Напрасныя старанія: вѣсть разнеслась, словно по внушенію. Казалось, что самый воздухъ напоенъ чѣмъ то жуткимъ и тревожнымъ и что тамъ въ окопахъ еще не знаютъ, но уже чувствуютъ, что свершилось роковое.

Скоро узнали все. Впечатлѣніе потрясающее. Люди плакали навзрыдъ, говорили между собою шопотомъ, какъ будто между ними незримо присутствовалъ властитель ихъ думъ. Въ немъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилось вѣдь все: идея борьбы, вѣра въ побѣду, надежда на спасеніе. И когда его не стало, въ сердца храбрыхъ начали закрадываться страхъ и мучительное сомнѣніе. Ползли слухи, одинъ другого тревожнѣе, о новыхъ большевистскихъ силахъ, окружающихъ армію со всѣхъ сторонъ, о неизбѣжности плѣна и гибели.

— Конецъ всему!

Въ этой фразѣ, которая срывалась съ устъ не только малодушныхъ, но и многихъ твердыхъ людей, соединились всѣ разнородныя чувства и побужденія ихъ: безпредѣльная горечь потери, сожалѣніе о погибшемъ, казалось, дѣлѣ и у иныхъ — животный страхъ за свою собственную жизнь.

Корабль, какъ будто, шелъ къ дну, и въ моральныхъ низахъ арміи уже зловѣщимъ шопотомъ говорили о томъ, какъ его покинуть.

Было или казалось только, но многіе вѣрили, что врагъ зналъ уже о роковомъ событіи; чудилось имъ за боевой линіей — какое-то необычайное оживленіе; а въ атакахъ и передвиженіяхъ большевиковъ

видѣли подтвержденіе своихъ догадокъ. Словно таинственные флюиды перенесли дыханіе нашей скорби въ окопы враговъ, вызвавъ въ нихъ злорадство и смѣлость.

* * *

Повозка съ тѣломъ покойнаго, покрытымъ буркой, въ сопровожденіи текинскаго конвоя тихо двигалась по дорогѣ въ Еласаветинскую. Съ ней поравнялся ѣхавшій на ферму генералъ Алексѣевъ. Сошелъ съ коляски, отдалъ земной поклонъ праху, поцѣловалъ въ лобъ, долго, долго смотрѣлъ въ спокойное уже, безстрастное лицо.

Послѣднее прощаніе двухъ дождей, которыхъ связала общность идеи, разъединяло непонятное чувство взаимнаго личнаго разлада и соединитъ черезъ полгода смерть...

Въ Елисаветинской тѣло омыли и положили въ сосновый гробъ, убранный первыми весенними цвѣтами. Въ виду неопредѣленности положенія арміи, надо было скрыть судьбу останковъ отъ вниманія враговъ. Тайно, въ присутствіи лишь нѣсколькихъ человѣкъ, случайно узнавшихъ о смерти Корнилова, станичный священникъ дрожащимъ голосомъ отслужилъ панихиду по убіенномъ воинѣ Лаврѣ... Тайно вечеромъ положили гробъ на повозку и, прикрывъ его сѣномъ, повезли въ обозѣ уходившей арміи. 2 апрѣля на остановкѣ въ нѣмецкой колоніи Гначбау предали тѣло землѣ. Лишь нѣсколько человѣкъ конвоя присутствовало при опусканіи гроба. И вмѣсто похороннаго салюта вѣрныхъ войскъ, почившаго командующаго провожалъ въ могилу громъ вражескихъ орудій, обстрѣливавшихъ колонію. Растерянность и страхъ, чтобы не обнаружить присутствіемъ старшихъ чиновъ мѣста упокоенія, были такъ велики, что начальникъ конвоя доложилъ мнѣ о погребеніи только послѣ его окончанія. И я стороной, незамѣтно прошелъ мимо, чтобы бросить прощальный взглядъ на могилу.

Могилу сравняли съ землей; сняли планъ мѣста погребенія въ трехъ экземплярахъ и распредѣлили между тремя лицами. Невдалекѣ отъ Корнилова былъ похороненъ молодой другъ и любимецъ его — Нѣженцевъ.

Но судьба, безжалостная къ вождю при жизни, была безжалостна и къ праху его.

Когда ровно черезъ четыре мѣсяца Добровольческая армія вошла побѣдительницей въ Екатеринодаръ, и въ Гначбау были посланы представители арміи поднять дорогіе останки, они нашли въ разрытой могилѣ лишь кусокъ сосноваго гроба.

* * *

«Въ тотъ-же день (2-го апрѣля) — говорится въ описаніи Особой комиссіи по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ — Добровольческая армія оставила колонію Гначбау, а уже на слѣдующее утро,

3 апрѣля, появились большевики въ предшествіи разъѣздовъ Темрюкскаго полка. Большевики первымъ дѣломъ бросились искать якобы «зарытыя кадетами кассы и драгоцѣнности». При этихъ розыскахъ они натолкнулись на свѣжія могилы. Оба трупа были выкопаны и тутъ-же большевики, увидѣвъ на одномъ изъ труповъ погоны полнаго генерала, рѣшили, что это генералъ Корниловъ. Общей увѣренности не могла поколебать оставшаяся въ Гначбау по нездоровью сестра милосердія Добровольческой арміи, которая, по предъявленіи ей большевиками трупа для опознанія, хотя и признала въ немъ генерала Корнилова, но стала увѣрять, что это не онъ. Трупъ полковника Нѣженцева былъ обратно зарытъ въ могилу, а тѣло генерала Корнилова, въ одной рубашкѣ, покрытое брезентомъ повезли въ Екатеринодаръ».

«Въ городѣ повозка эта въѣхала во дворъ гостинницы Губкина на Соборной площади, гдѣ проживали главари совѣтской власти Сорокинъ, Золотаревъ, Чистовъ, Чупринъ и другіе. Дворъ былъ переполненъ красноармейцами; ругали генерала Корнилова. Отдѣльныя увѣщанія изъ толпы не тревожить умершаго человѣка, ставшаго уже безвреднымъ, не помогли; настроеніе большевистской толпы повышалось. Черезъ нѣкоторое время красноармейцы вывезли на своихъ рукахъ повозку на улицу. Съ повозки тѣло было сброшено на панель. Одинъ изъ представителей совѣтской власти Золотаревъ появился пьяный на балконѣ и, едва держась на ногахъ, сталъ хвастаться передъ толпой, что это его отрядъ привезъ тѣло Корнилова; но въ то же время Сорокинъ оспаривалъ у Золотарева честь привоза Корнилова, утверждая, что трупъ привезенъ не отрядомъ Золотарева, а Темрюкцами. Появились фотографы; съ покойника были сдѣланы снимки, послѣ чего тутъ-же проявленныя карточки стали бойко ходить по рукамъ. Съ трупа была сорвана послѣдняя рубашка, которая раздиралась на части и обрывки разбрасывались кругомъ. Нѣсколько человѣкъ оказались на деревѣ и стали поднимать трупъ. Но веревка оборвалась, и тѣло упало на мостовую. Толпа все прибывала, волновалась и шумѣла».

«Послѣ рѣчи съ балкона стали кричать, что трупъ надо разорвать на клочки. Наконецъ отданъ былъ приказъ увезти трупъ за городъ и сжечь его. Трупъ былъ уже неузнаваемъ: онъ представлялъ изъ себя безформенную массу, обезображенную ударами шашекъ, бросаніемъ на землю. Тѣло было привезено на городскія бойни, гдѣ, обложивъ соломой, стали жечь въ присутствіи высшихъ представителей большевистской власти, прибывшихъ на это зрѣлище на автомобиляхъ».

«Въ одинъ день не удалось докончить этой работы: на слѣдующій день продолжали жечь жалкіе останки; жгли и растаптывали ногами и потомъ опять жгли».

«Черезъ нѣсколько дней послѣ расправы съ трупомъ по городу двигалась какая-то шутовская ряженая процессія; ее сопровождала

толпа народа. Это должно было изображать «похороны Корнилова». Останавливаясь у подъѣздовъ, ряженые звонили и требовали денегъ на поминъ души Корнилова».

. . . .

На крутомъ берегу Кубани, на мѣстѣ, гдѣ испустилъ послѣднiй вздохъ вождь Добровольческой армiи, поставленъ скромный деревянный крестъ; съ нимъ рядомъ прiютился скоро другой — надъ могилой друга — жены, пережившей его всего лишь на шесть мѣсяцевъ.

Носились слухи, что послѣ нашего ухода съ Кубани въ 1920 году большевики сожгли ферму, сорвали кресты и затоптали могилу.

Безумные люди! Огненными буквами записано въ лѣтописяхъ имя ратоборца за поруганную русскую землю; его не вырвать грязными руками изъ памяти народной.

ГЛАВА XXVII.

Вступленіе мое въ командованіе Добровольческой арміей. Снятіе осады Екатеринодара. Бои у Гначбау и Медвѣдовской. Подвигъ генерала Маркова.

Жизнь шла своимъ чередомъ, не позволяла предаваться унынію и отъ горестныхъ мыслей о тяжкой утратѣ возвращала къ суровой дѣйствительности.

Въ тотъ моментъ, когда отъ берега Кубани понесли носилки съ прахомъ командующаго, его начальникъ штаба обратился ко мнѣ:

— Вы примете командованіе арміей?

— Да.

Не было ни минуты колебанія. Офиціально по званію «помощника командующаго арміей» мнѣ надлежало замѣнить убитаго. Морально я не имѣлъ права уклониться отъ тяжелой ноши, выпавшей на мою долю въ ту минуту, когда арміи грозила гибель. Но только временно — здѣсь, на полѣ боя...

Поэтому когда мнѣ дали на подпись краткое сообщеніе о событіи, адресованное въ Елисаветинскую генералу Алексѣеву, съ приглашеніемъ прибыть на ферму, я придалъ запискѣ форму рапорта, предпославъ фразу: «Доношу, что...» Этимъ я признавалъ за Алексѣевымъ естественное право его на возглавленіе организаціи и, слѣдовательно, на назначеніе постояннаго замѣстителя павшему командующему.

Штабъ перешелъ въ конецъ рощи, гдѣ расположился на перекресткѣ дорогъ, подъ открытымъ небомъ, въ ожиданіи генерала Алексѣева и Кубанскаго атамана полковника Филимонова.

Пріѣхалъ Алексѣевъ и обратился ко мнѣ:

— Ну, Антонъ Ивановичъ, принимайте тяжелое наслѣдство. Помоги вамъ Богъ!

Мы обмѣнялись крѣпкимъ рукопожатіемъ.

Вмѣстѣ съ Романовскимъ Алексѣевъ обсуждалъ проэктъ приказа, при чемъ оба остановились въ нерѣшительности на одной технической детали: неписанная конституція Добровольческой власти не знала иного опредѣленія ея, какъ терминомъ «командующій арміей». Отъ чьего же имени отдавать приказъ, какъ офиціально опредѣлить положеніе Алексѣева? Романовскій разрѣшилъ вопросъ просто:

— Подпишите «генералъ-отъ-инфантеріи»... и больше ничего. Армія знаетъ, кто такой генералъ Алексѣевъ.

Приказъ гласилъ:

§ 1

«Непріятельскимъ снарядомъ, попавшимъ въ штабъ арміи, въ 7 ч. 30 м. 31 сего марта убитъ генералъ Корниловъ.

Палъ смертью храбрыхъ человѣкъ, любившій Россію больше себя и не могшій перенести ея позора.

Всѣ дѣла покойнаго свидѣтельствуютъ, съ какой непоколебимой настойчивостью, энергіей и вѣрой въ успѣхъ дѣла отдался онъ на служеніе Родинѣ.

Бѣгство изъ непріятельскаго плѣна, августовское выступленіе, Быховъ и выходъ изъ него, вступленіе въ ряды Добровольческой арміи и славное командованіе ею — извѣстны всѣмъ намъ.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнетъ воля къ дальнѣйшей борьбѣ. Каждому продолжать исполненіе своего долга, памятуя, что всѣ мы несемъ свою лепту на алтарь Отечества.

Вѣчная память Лавру Георгіевичу Корнилову — нашему незабвенному Вождю и лучшему гражданину Родины. Миръ праху его!

§ 2

Въ командованіе арміей вступить генералу Деникину».

На буркахъ возлѣ дороги сѣли въ кругъ Алексѣевъ, Романовскій, Филимоновъ и я. Я очертилъ общее положеніе арміи. Оно нѣсколько ухудшилось въ тактическомъ отношеніи послѣ 30 марта: на фронтѣ Эрдели началось продвиженіе противника въ охватъ нашего лѣваго фланга, которое Эрдели сдерживалъ лихими конными атаками; но, тѣмъ не менѣе, онъ потѣсненъ и оставилъ Сады. Туда направленъ послѣдній резервъ — Казановичъ съ тремя стами Партизанъ.

Но не въ этомъ главное. Смерть вождя нанесла послѣдній ударъ утомленной нравственно и физически пятидневнымъ боемъ арміи, повергнувъ ее въ отчаяніе.

Поэтому, ставя себѣ главной цѣлью спасеніе арміи, я рѣшилъ сегодня съ закатомъ снять осаду Екатеринодара и быстромъ маршемъ, большими переходами вывести армію изъ-подъ удара екатеринодарской группы большевистскихъ войскъ.

Возраженій не послѣдовало. Мы приступили къ обсужденію маршрута, пользуясь свѣдѣніями Кубанскаго атамана о настроеніи станицъ и о существующихъ переправахъ черезъ рѣки. Выборъ былъ небольшой: на востокѣ Екатеринодаръ, на югѣ рѣка Кубань, съ единственной паромной переправой, на западѣ плавни и море; нашъ злѣйшій врагъ — желѣзная дорога опоясывала насъ кругомъ линіями Тимашевская — Крымская — Екатеринодаръ...

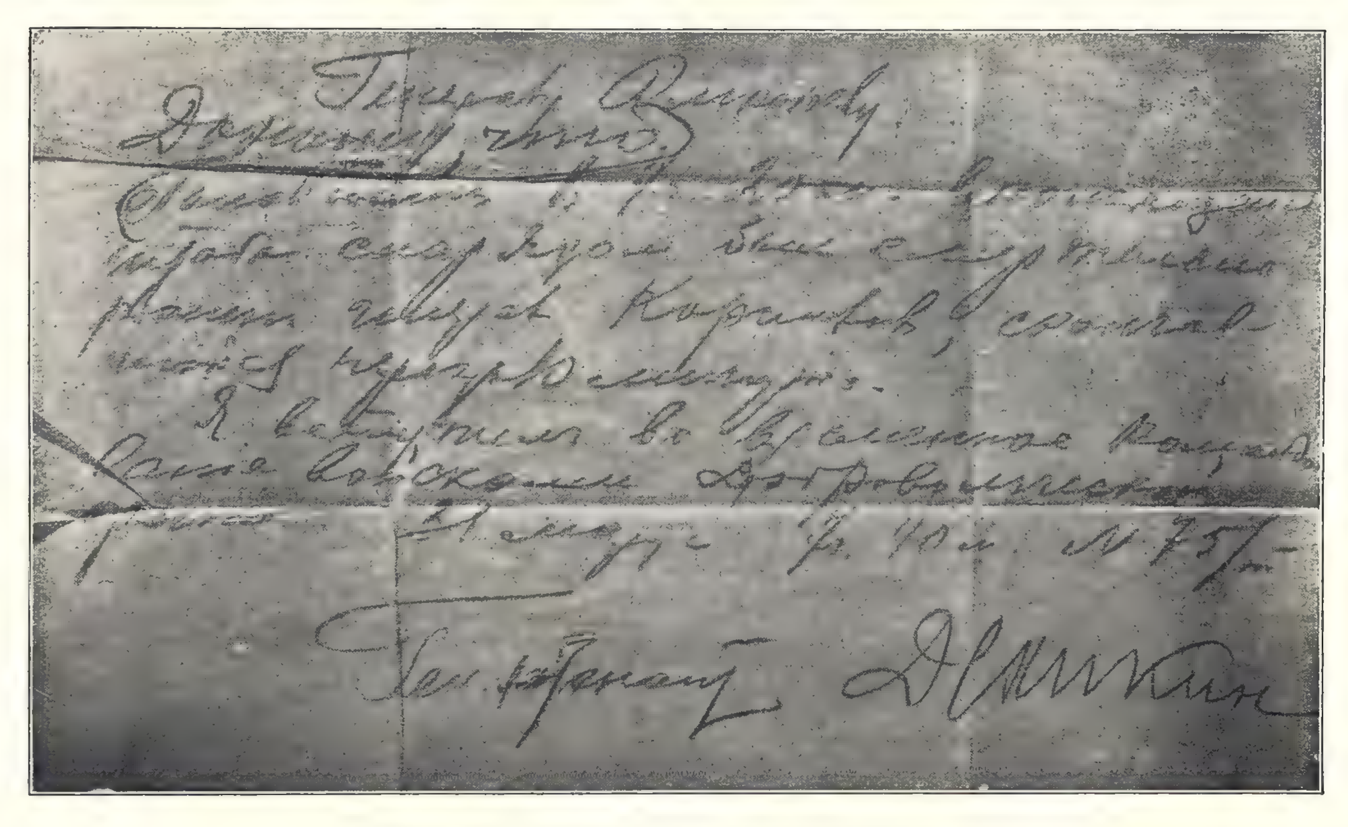
И я отдалъ приказъ Добровольческой арміи съ наступленіемъ темноты двигаться на сѣверъ, въ направленіи станицы Старовеличковской.

* * *

Снимокъ съ трупа ген. Корнилова, сдѣланный большевиками въ Екатеринодарѣ.

Стр. 301.

Факсимиле донесенія о смерти ген. Корнилова.

Манифестація большевиковъ въ Екатеринодарѣ.

Стр. 301.

Въ темную ночь армія уходила отъ Екатеринодара въ неизвѣстное.

Шли молча, понуро, подавленные, но въ полномъ порядкѣ; въ движеніи колоннъ и обоза замѣтна была даже какая-то подчеркнутая исполнительность и дисциплина. Но когда съ разсвѣтомъ съ бронированнаго поѣзда, увидѣвшаго нашъ конный арьергардъ, открыли по немъ артиллерійскій огонь, отдаленные звуки его производили на колонну явно тягостное, доселѣ не замѣчавшееся впечатлѣніе и вызвали большую торопливость...

Необходимо было дать время улечься настроенію и избѣгать боя. Этого, однако, сдѣлать не удалось. Пройдя около 40 верстъ авангардъ былъ встрѣченъ ружейнымъ огнемъ изъ попутной станицы и завязалъ перестрѣлку. Скоро по насъ открыли огонь одно или два большевистскихъ орудія. Колонна продолжала путь, не задерживаясь и свернувъ лишь нѣсколько вправо полевой дорожкой. Я выѣхалъ къ кургану, возлѣ станицы. Противникъ, къ счастью, оказался плохо организованнымъ. Наши части скоро ворвались въ станицу, батарея не болѣе чѣмъ тремя выстрѣлами прогнала непріятельскія орудія, а появившіяся на горизонтѣ во множествѣ подкрѣпленія — повозки съ большевистской пѣхотой — послѣ двухъ трехъ артиллерійскихъ выстрѣловъ умчались назадъ.

Такъ какъ и Старо и Ново-Величковская станицы оказались занятыми непріятелемъ, я приказалъ арміи переправляться черезъ рѣку Понура между двумя этими пунктами по двумъ мостамъ, возлѣ нѣмецкой колоніи Гначбау, гдѣ и заночевать. Конница стала у переправы на хуторахъ.

Арьергардъ (ранѣе авангардъ) прикрывалъ это движеніе, занимая до ночи взятую станицу, которую большевики обстрѣливали артиллеріей. Мостъ былъ испорченъ, пришлось его долго чинить, и переправа продолжалась почти до разсвѣта.

На походѣ я узналъ, что изъ станицы Елисаветинской не удалось вывезти всѣхъ раненыхъ. Начальникъ обоза доложилъ, что окрестности были уже заняты противникомъ, перевозочныхъ средствъ одной Елисаветинской не хватало и пришлось оставить въ ней 64 тяжело раненыхъ изъ числа безнадежныхъ и тѣхъ, которые безусловно не въ состояніи были бы вынести предстоящіе форсированные марши. Съ ранеными оставлены врачъ, сестры и денежныя средства. Глубокой болью сжалось сердце. Я не зналъ тогда, гдѣ смерть вѣрнѣе. Но чувствовалъ, что языкъ цифръ и фактовъ для нихъ не убѣдителенъ, что они — обреченные — имѣли нравственное право осудить ушедшихъ...

Послѣ 50 верстнаго перехода отдыхъ въ Гначбау вышелъ весьма относительный: колонія не въ состояніи была вмѣстить всѣхъ, многимъ пришлось оставаться подъ открытымъ небомъ на улицѣ.

Планъ предстоящаго похода заключался въ томъ, чтобы, двигаясь на востокъ, вырваться изъ густой сѣти желѣзныхъ дорогъ и бо-

лѣе организованнаго раіона борьбы «Кубанско-Черноморской совѣтской республики», сосредоточиться на перепутьи трехъ «республикъ» и трехъ военныхъ командованій — Дона, Кубани и Ставрополя и оттуда, въ зависимости отъ обстановки, начать новую операцію.

Во исполненіе этого плана 2-го апрѣля намъ предстояло прорваться черезъ линію Черноморской желѣзной дороги; я намѣтилъ для этого станцію Медвѣдовскую. Обозы были готовы съ утра, и выступленіе предположено съ такимъ расчетомъ, чтобы подойти къ желѣзной дорогѣ въ темнотѣ. Но около полудня неожиданно со стороны Ново-Величковской обнаружилось наступленіе крупнаго отряда большевиковъ, и скоро колонія съ ея скученнымъ добровольческимъ населеніемъ подверглась жестокому обстрѣлу десятка орудій; въ то же время большевистская пѣхота начала охватывать насъ съ востока, стремясь запереть въ излучинѣ рѣки.

При такихъ условіяхъ о скрытности движенія и перехода черезъ жел. дор. не могло быть и рѣчи. И я рѣшился на крайнее средство — отсидѣться въ Гначбау до темноты съ тѣмъ, чтобы подъ покровомъ ночи скрыть свой маршъ и отъ Гначбаускаго и отъ Медвѣдовскаго противника. Обозъ приказалъ сократить до минимума: изъять всѣ лишнія войсковыя повозки; бросить лишнія орудія, унеся затворы и испортивъ лафеты, такъ какъ для оставшихся 30 снарядовъ достаточно было и четырехъ орудій; бѣженцамъ оставить по повозкѣ на 6 человѣкъ, остальныя порубить. Въ голову обоза поставить лазаретъ.

Части 2-й бригады выдвинулись за окраину, залегли и пріостановили наступленіе противника. Но артиллерійскій обстрѣлъ колоніи продолжался съ исключительной силой.

Этотъ день останется въ памяти первопоходниковъ навсегда. Въ первый разъ за три войны мнѣ пришлось увидѣть панику. Когда люди, прижатые къ рѣкѣ и потерявшіе надежду на спасеніе, теряли всякій критерій реальной обстановки и находились во власти самыхъ нелѣпыхъ, самыхъ фантастическихъ слуховъ. Когда обнажались худшіе инстинкты, эгоизмъ, недовѣріе и подозрительность — другъ къ другу, къ начальству, одной части къ другой. Главнымъ образомъ въ многолюдномъ населеніи обоза. Въ войсковыхъ частяхъ было лучше, но и тамъ создалось очень нервное настроеніе. Вѣроятно среди малодушнаго элемента шли разные разговоры, потому что въ продолженіе пяти, шести часовъ въ штабъ приходили вѣсти одна другой тревожнѣе. Получаю, напримѣръ, донесеніе, что одинъ изъ полковъ конницы рѣшилъ отдѣлиться отъ арміи и прорываться отдѣльно... Что организуется много конныхъ партій, предполагающихъ распылиться... Входитъ блѣдный ротмистръ Шапронъ, адъютантъ Алексѣева и трагическимъ шепотомъ докладываетъ, что въ двухъ полкахъ рѣшили спасаться цѣною выдачи большевикамъ старшихъ начальниковъ и добровольческой казны... предусмотрѣно какое-то участіе въ этомъ дѣлѣ Баткина... что сводный офицерскій эскадронъ прибылъ добровольно для охраны генерала Алексѣева. Отъ всякой охраны лично я

отказался, но много позднѣе узналъ, что тревожные слухи дошли до штаба 1-й бригады и полковникъ Тимановскій*) придвинулъ незамѣтно къ штабу арміи «на всякій случай» офицерскую часть.

Люди теряли самообладаніе, и надо было спасать ихъ помимо ихъ собственной воли. Мы съ Иваномъ Павловичемъ, который сохранялъ, какъ всегда, невозмутимое спокойствіе, успокаивали волнующихся, спорили съ сановными бѣженцами, добивавшимися права слѣдовать чуть ли не съ авангардомъ, и ждали съ нетерпѣніемъ наступленія все примиряющихъ сумерекъ. Часовая стрѣлка въ этотъ день, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, передвигалась съ необычайной медленностью...

Передъ самымъ закатомъ приказалъ начать движеніе колонны на сѣверъ, по Старо-Величковской дорогѣ. Движеніе замѣчено было противникомъ, и лощину, гдѣ проходитъ дорога, большевики начали обстрѣливать ураганнымъ огнемъ. Но уже спускалась ночь, огонь сталъ безпорядочнѣе, голова колонны круто свернула вправо и пошла на сѣверо-востокъ по дорогѣ на Медвѣдовскую.

Вырвались!

* * *

Колонна двигалась въ полной тишинѣ, не преслѣдуемая противникомъ. Въ авангардѣ шла бригада Маркова. Конница Эрдели была направлена сѣвернѣе Медвѣдовской для разсредоточенія, отвлеченія вниманія противника и порчи пути; къ югу для той-же цѣли двинутъ Черкесскій полкъ.

Послѣ 24 верстнаго перехода, въ началѣ пятаго часа утра, замелькали вдали огни желѣзнодорожной будки на переѣздѣ, въ верстѣ отъ станціи. Марковъ послалъ впередъ конныхъ развѣдчиковъ, но не утерпѣлъ, и поскакалъ туда самъ. Когда я со штабомъ подъѣхалъ къ будкѣ, было еще совсѣмъ темно и совершенно тихо. Марковъ, какъ оказалось, отъ лица арестованнаго дорожнаго сторожа переговорилъ уже по телефону съ дежурившими на станціи большевиками, услышавшими подозрительный шумъ и успокоилъ ихъ. На станціи оказались два эшелона красногвардейцевъ и бронепоѣздъ. Подходила голова бригады, и тихо начали разворачиваться возлѣ полотна цѣпи. Батальонъ Офицерскаго полка двинутъ Марковымъ противъ станціи Медвѣдовской, инженерная рота для порчи полотна и обезпеченія съ юга, а для захвата станицы, расположенной въ полуверстѣ отъ будки, я послалъ конныя команды штаба арміи, во главѣ съ подполковникомъ генеральнаго штаба Ряснянскимъ.

Ждемъ результатовъ захвата станціи. На будку приходитъ штабсъ-ротмистръ Алексѣевъ, сынъ Михаила Васильевича.

— Отецъ проситъ разрѣшенія прійти въ будку.

— Пожалуйста, милости просимъ.

---

*) Начальникъ штаба у Маркова.

Это, очевидно—для примѣра другимъ подчеркнутое подчиненіе драконовскимъ правиламъ порядка въ движеніи колонны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подтвержденіе неписанной добровольческой конституціи: полное невмѣшательство въ дѣло организаціи, управленія и вожденія арміей. Такая система завелась съ перваго дня и строго соблюдается, сильно облегчая командованіе.

Въ ночной тишинѣ послышался вдругъ одинъ, другой ружейный выстрѣлъ. Оказалось потомъ, что нашъ разъѣздъ неосторожно спугнулъ большевиковъ — часовыхъ на станціи. И черезъ нѣсколько минутъ со стороны станціи показалась какая-то движущаяся громада: Бронированный поѣздъ.

Медленно, съ закрытыми огнями, надвигается на насъ; только свѣтъ отъ открытой топки скользитъ по полотну и заставляетъ безшумно отбѣгать въ сторону залегшихъ возлѣ полотна людей. Поѣздъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ переѣзда. У будки всѣ: генералъ Алексѣевъ, командующій арміей со штабомъ и генералъ Марковъ. Одна граната, нѣсколько лентъ пулемета и... въ командномъ составѣ арміи произошли бы серьезныя перемѣны.

Марковъ съ нагайкой въ рукѣ бросился къ паровозу.

— Поѣздъ стой! Раздавишь с. с. Развѣ не видишь что свои?.!

Поѣздъ остановился.

И пока ошалѣвшій машинистъ пришелъ въ себя, Марковъ выхватилъ у кого-то изъ стрѣлковъ ручную гранату и бросилъ ее въ машину. Мгновенно изъ всѣхъ вагоновъ открыли по насъ сильнѣйшій огонь изъ ружей и пулеметовъ. Только съ открытыхъ орудійныхъ площадокъ не успѣли дать ни одного выстрѣла.

Между тѣмъ Міончинскій продвинулъ къ углу будки орудіе и подъ градомъ пуль почти въ упоръ навелъ его по поѣзду.

— Отходи въ сторону отъ поѣзда, ложись! — раздается громкій голосъ Маркова.

Грянулъ выстрѣлъ, граната ударила въ паровозъ, и онъ съ трескомъ повалился передней частью на полотно. Другая, третья по блиндированнымъ вагонамъ... И тогда со всѣхъ сторонъ бросились къ поѣзду «Марковцы». Съ ними и ихъ генералъ. Стрѣляли въ стѣнки вагоновъ, взбирались на крышу, рубили топорами отверстія и сквозь нихъ бросали бомбы; принесли изъ будки смоляной пакли, и скоро запылали два вагона. Большевики проявили большое мужество и не сдавались: изъ вагоновъ шла безпрерывная стрѣльба. Отдѣльныя фигуры выскакивали на полотно и тутъ-же попадали на штыки. Было видно, какъ изъ горящихъ вагоновъ, наполненныхъ удушливымъ дымомъ, сквозь пробитый полъ обгорѣлые люди выбрасывались внизъ и ползли по полотну.

Скоро все кончилось. Слышался еще только трескъ горящихъ патроновъ.

Горячо обнимаю виновника этого безпримѣрнаго дѣла.

— Не задѣтъ?

— Отъ большевиковъ Богъ миловалъ — улыбается Марковъ.— А вотъ свои палятъ, какъ оглашенные. Одинъ выстрѣлилъ надъ самымъ моимъ ухомъ — до сихъ поръ ничего не слышу.

Нельзя терять времени. Послалъ приказаніе подвести на рысяхъ вторую батарею, а колоннѣ полнымъ ходомъ продолжать путь. Уже свѣтало . Передъ нашими глазами развернулась картина боя. На сѣверѣ Боровскій съ Офицерскимъ полкомъ атакуетъ станцію; оттуда большевики обстрѣливаютъ сильнымъ огнемъ будку, переѣздъ и дорогу въ станицу; подъ этимъ огнемъ полковникъ Тимановскій — невозмутимый «Степанычъ», какъ его звалъ Марковъ, съ неизмѣнной трубкой въ зубахъ, подгоняетъ залегшихъ Кубанскихъ стрѣлковъ, ведя ихъ въ подкрѣпленіе къ Боровскому. Съ юга задымилась труба паровоза, и новый бронированный поѣздъ открылъ артиллерійскій огонь по колоннѣ; нѣсколькими выстрѣлами, однако, наша батарея отогнала поѣздъ, и орудія его на предѣлѣ продолжали вести по колоннѣ безвредный огонь. Мимо насъ черезъ переѣздъ тянутся безконечной вереницей повозки, попадаютъ въ сплошную полосу огня, мчатся рысью и ныряютъ въ станичныя улицы. А на самомъ переѣздѣ идетъ лихорадочная работа: здѣсь тушатъ, расцѣпляютъ вагоны и выгружаютъ изъ нихъ драгоцѣнные боевые припасы.

Какое счастье! Въ этотъ день взято болѣе 400 артиллерійскихъ и около 100 тысячъ ружейныхъ патроновъ. По добровольческимъ масштабамъ на нѣсколько боевъ мы обезпечены.

Боровскій взялъ станцію, перебилъ много большевиковъ; часть ихъ успѣла погрузиться въ поѣздъ, который ушелъ на сѣверъ.

Конница, потрепанная нѣсколько при переходѣ черезъ желѣзнодорожный мостъ встрѣтившимся бронепоѣздомъ, перешла линію еще сѣвернѣе.

Послѣ привала въ Медвѣдовской армія безъ всякаго давленія противника двигалась дальше 17 верстъ въ мирную, дружественную намъ станицу Дядьковскую. Потери наши были совершенно ничтожны.

Когда я въ этотъ день обгонялъ колонну, то по лицамъ добровольцевъ, по ихъ отвѣтамъ и разговорамъ почувствовалъ ясно, что хотя тяжелая рана, нанесенная смертью любимаго вождя, болитъ и заживетъ не скоро, но что навожденіе уже прошло; что по этой широкой кубанской степи, подъ яснымъ солнцемъ идетъ прежняя Добровольческая армія, сильная духомъ, способная опять бороться за Родину и побѣждать.

ГЛАВА XXVIII.

Походъ на востокъ — отъ Дядьковской до Успенской; трагедія раненыхъ; жизнь на Кубани.

Въ Дядьковской — дневка; въ покоѣ, теплѣ, сытости и уютѣ. Встрѣтили насъ станичники хлѣбомъ-солью и добрымъ словомъ; для меня это наиболѣе тягостная процедура, принимая во вниманіе послѣдствія, ожидающія говорившихъ... послѣ нашего ухода. Но иногда нельзя было избѣгнуть этихъ встрѣчъ.

Для осуществленія общаго плана операціи, чтобы спутать всѣ предположенія большевиковъ внезапностью и быстротою, я рѣшилъ еще больше увеличить суточные переходы, *посадивъ всю пѣхоту на подводы.* Идея эта примѣнялась частично и не безъ пользы красногвардейскими отрядами.

Но это рѣшеніе ставило съ необыкновенной остротой вопросъ о лазаретѣ. Положеніе тяжело-раненыхъ становилось безвыходнымъ. Они цѣлыми днями тряслись въ повозкахъ по ухабамъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ сутокъ (отъ вечера 31-го до вечера 2-го) обозъ прошелъ свыше 90 верстъ, при чемъ «отдыхъ» въ Гначбау не превышалъ 6—8 часовъ, а нѣкоторыя повозки не разгружались за это время вовсе. Въ дальнѣйшемъ ожидались еще большія трудности. Смертность въ лазаретѣ, въ которомъ, кромѣ того, уже изсякли лѣчебныя и перевязочныя средства, достигла ужасныхъ размѣровъ. Предстояло одно изъ двухъ: или измѣнить систему маршей, подвергая армію возможности окруженія и гибели, или обречь походомъ на вѣрную смерть тяжело-раненыхъ добровольцевъ.

Жизнь подсказывала и третье рѣшеніе, морально наиболѣе тяжелое: получено было извѣстіе изъ Елисаветинской, что станичники сберегли нашихъ раненыхъ, и послѣдніе отправлены въ мѣстные лазареты. Впослѣдствіи это свѣдѣніе оказалось ложнымъ: изъ 64 оставленныхъ только 14 спаслись, остальныхъ большевики звѣрски убили. Но тогда оно сыграло извѣстную роль въ принятіи рѣшенія, спасшаго много жизней.

Я пригласилъ на совѣщаніе старшихъ начальниковъ и нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей, слѣдовавшихъ при арміи. Очертивъ имъ обстановку, предложилъ на обсужденіе вопросъ: брать ли съ собой всѣхъ раненыхъ или оставить тяжелыхъ въ станицѣ, принявъ мѣры, до извѣстной степени гарантирующія ихъ безопасность. Отвѣтствен-

ные начальники почти всѣ, въ томъ числѣ Алексѣевъ, Романовскій и Марковъ высказались за оставленіе; другіе говорили о гнетущемъ впечатлѣніи, которое вызоветъ фактъ оставленія.

Я зналъ, конечно, что вся моральная тяжесть этого рѣшенія падетъ на мою голову; что для личнаго моего успокоенія легче было бы взять всѣхъ съ собою и предоставить разрѣшеніе вопроса на волю судьбы; и все-же, послѣ тяжкаго раздумья, приказалъ оставить.

Врачи составили списокъ раненыхъ, не могущихъ выдержать перевозки, которыхъ оказалось около 200; станичный сборъ постановилъ принять ихъ на свое попеченіе; оставлена была извѣстная сумма денегъ, врачъ, сестры и нѣсколько заложниковъ, выведенныхъ кубанцами изъ Екатеринодара, среди которыхъ былъ вліятельный большевикъ Лиманскій, давшій слово оберечь раненыхъ и исполнившій добросовѣстно свое обѣщаніе. Остался по собственному желанію и «матросъ» Баткинъ, услугами котораго болѣе не пользовались.

Фактически осталось только 119 человѣкъ — остальные были увезены своими однополчанами. Впослѣдствіи оказалось, что изъ оставшихся двое были убиты большевиками, шестнадцать умерло и сто одинъ спаслось.

Переживая мысленно минувшее, я живо помню свои душевныя терзанія. И дѣлясь тогда впечатлѣніями съ Романовскимъ, мы оба пришли къ одинаковому заключенію: подписать приказъ заставлялъ тяжелый долгъ начальника; но, если бы пришлось оставаться самимъ, мы предпочли бы пустить себѣ пулю въ лобъ.

* * *

5 апрѣля двинулись дальше на востокъ; предстоялъ снова переходъ черезъ магистраль Владикавказской дороги, казавшуюся намъ весьма опасной, благодаря сосредоточенію въ двухъ ея узлахъ (Екатеринодаръ, Тихорѣцкая) крупныхъ силъ и многихъ бронепоѣздовъ.

Въ приказѣ, отданномъ наканунѣ, ночлегъ былъ фиктивно назначенъ въ станицѣ Березанской. И только на плотинѣ черезъ рѣчку Журавку выставленный штабомъ маякъ сворачивалъ колонны по дѣйствительному направленію къ станицѣ Журавской. Предосторожность оказалась не лишней: большевики своевременно узнали о приказѣ и усиленно рыли окопы для нашей встрѣчи у Березанской.

Добровольческой арміи, противно всей природѣ военнаго дѣла, приходилось двигаться не вдоль, а поперекъ желѣзныхъ дорогъ, находившихся въ рукахъ большевиковъ; эти нормальныя средства связи и питанія были для насъ злѣйшими врагами, которыхъ нужно было портить и разрушать; онѣ сжимали насъ въ своихъ тискахъ, готовя тактическія западни и окруженія; простая сама по себѣ операція перехода осложнялась до крайности наличіемъ 8—10 верстнаго обоза, который требовалъ для своей переброски сносной дороги, желѣзнодорожнаго переѣзда и нѣсколько часовъ времени. Въ на-

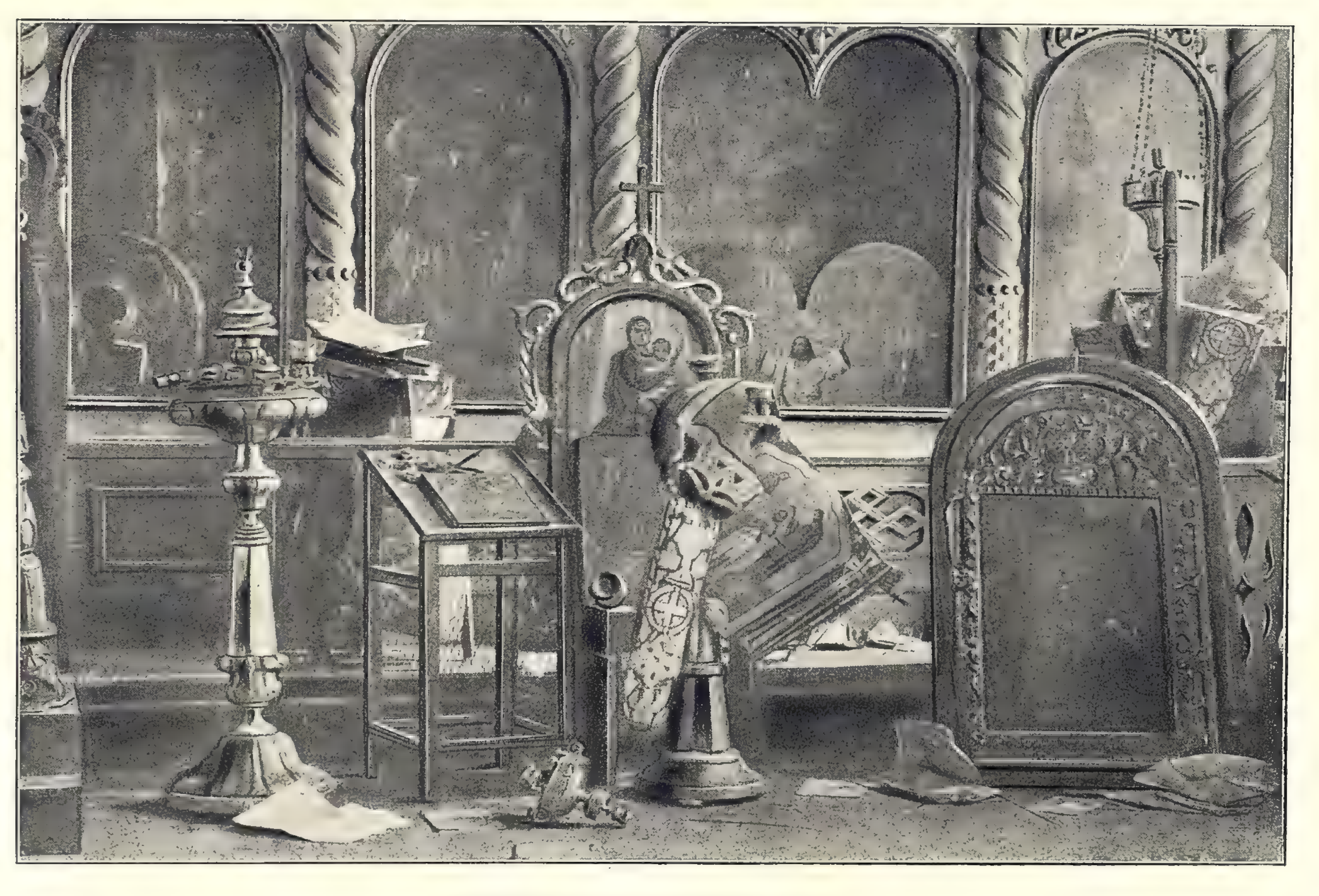
шемъ активѣ были, однако, маневръ и абсолютное повиновеніе войскъ, противопостановленное медлительной системѣ большевистскаго митинговаго управленія.

Послѣ привала въ Журавской, всѣ выходы изъ которой во избѣжаніе сношеній жителей съ большевиками заблаговременно были закрыты конницей, съ наступленіемъ темноты армія приступила къ выполненію задачи. Конница, двинувшись двумя колоннами, быстрымъ налетомъ захватила станцію Выселки и разъѣздъ южнѣе ея и испортила тамъ пути. Авангардъ — бригада Богаевскаго (Марковъ съ Богаевскимъ чередовались постоянно въ этихъ переходахъ) — занялъ средній переѣздъ и обезпечилъ его справа и слѣва ближней порчей рельсъ и выставленіемъ заслоновъ съ артиллеріей. И подъ покровомъ ночи колонна главныхъ силъ, соблюдая возможную тишину, быстро стала пересѣкать желѣзную дорогу. Я пропускалъ колонну у переѣзда. Люди на повозкахъ обоза подозрительно косились въ сторону убѣгавшихъ рельсъ — не появятся ли оттуда огненные глаза поѣзда, со вздохомъ облегченія слушали раскаты отдаленнаго взрыва — наша конница рветъ путь и, благополучно миновавъ переѣздъ, снимали шапки и крестились — «пронесъ Господь»!

Перейдя благополучно и этотъ разъ желѣзнодорожную линію и сдѣлавъ за сутки 65 верстъ, армія заночевала въ станицѣ Бейсугской. На другой день предстояла еще болѣе трудная задача — вырваться изъ треугольника дорогъ черезъ преграждавшую намъ путь линію Тихорѣцкая - Кавказская; между этими двумя узловыми пунктами было всего лишь 60 верстъ — разстояніе допускавшее ударъ съ двухъ сторонъ. Опять усиленныя демонстраціи въ южномъ направленіи, къ станицамъ Тифлисской и Казанской; быстрый маршъ на сѣверо-востокъ; большой привалъ во Владимирской; заслоны конницы противъ Тихорѣцкаго и Кавказскаго узловъ; въ третій разъ благополучный переѣздъ ночью черезъ желѣзную дорогу между станціями Малороссійской и Мирской. И къ утру, 8-го, армія, послѣ 45 верстнаго перехода, сосредоточилась въ Хоперскихъ хуторахъ. Подоспѣвшій непріятельскій броневой поѣздъ успѣлъ лишь обстрѣлять безвреднымъ огнемъ хвостъ арьергарда.

Въ хуторахъ пробыли недолго, такъ какъ обнаружилось наступленіе непріятеля — вѣроятно передовыхъ частей войскъ, подвозимыхъ по желѣзной дорогѣ; вести затяжной бой въ непосредственной близости отъ нея (7 верстъ) было нецѣлесообразно, и армія ночнымъ переходомъ перешла въ станицу Ильинскую, еще 23 версты, гдѣ и расположилась на болѣе продолжительный отдыхъ.

Стратегическое положеніе арміи къ этому времени значительно измѣнилось: въ 9 дней она прошла отъ Екатеринодара 220 верстъ почти безъ потерь и вырвалась изъ густой сѣти желѣзныхъ дорогъ, получивъ извѣстную свободу дѣйствій; добровольцы были измучены физически, но отдохнули и окрѣпли морально.

Разгромленный большевиками храмъ.

Стр. 314.

Разгромленный большевиками буддійскій хурулъ.

Стр. 315.

Въ эти дни совѣтскія газеты были полны ликующихъ сообщеній о «разгромѣ и ликвидаціи бѣлогвардейскихъ бандъ, разсѣявшихся по всему сѣверному Кавказу»...

Въ Ильинской мы отдыхали три дня. 10 и 11-го большевики наступали на станицу небольшими силами съ запада, со стороны станціи Малороссійской, но были легко отброшены. 12-го я перевелъ армію въ Успенскую, обезпечивъ ее заслонами у Дмитріевской, Расшеватской и въ сторону посада Наволокинскаго. Въ послѣднемъ направленіи двинутъ былъ Эрдели съ частью конницы, поддержанной потомъ батальономъ Корниловцевъ; по полученнымъ свѣдѣніямъ въ этомъ раіонѣ находился штабъ мѣстныхъ революціонныхъ войскъ и, что самое главное, складъ боевыхъ припасовъ. Послѣднихъ, къ сожалѣнію, не нашли, отрядъ понесъ потери до 60 человѣкъ, и поискъ этотъ принесъ пользу лишь тѣмъ, что окончательно укрѣпилъ большевиковъ въ мысли о нашемъ намѣреніи «пробиваться на востокъ». Между тѣмъ, въ эти дни, уже забрезжилъ свѣтъ съ сѣвера... Предусматривая поворотъ туда, я избѣгалъ тревожить непріятеля въ этомъ направленіи, посылая къ ж. д. линіи Тихорѣцкая-Торговая только лазутчиковъ.

* * *

Почти два мѣсяца похода по Кубани сблизили насъ съ краемъ. Добровольцы, принимаемые въ станицахъ съ сердечною лаской, платили кубанскимъ казакамъ такимъ-же отношеніемъ. Поступавшие въ ряды арміи кубанцы составляли въ ней элементъ храбрый, надежный и располагающій къ себѣ своей открытой, мягкой натурой, своей простой и ясной вѣрой въ тѣхъ, кто ихъ вели. Казалось, что боевыя узы, совмѣстныя страданія и обильно пролитая за общее дѣло кровь свяжутъ навсегда армію съ краемъ. Такъ было. И понадобилось потомъ полтора года упорной работы кубанской соціалистической демократіи, по обидной ироніи судьбы — главнымъ образомъ тѣхъ представителей ея, которые нашли убѣжище при арміи, чтобы порвать эти связующія нити на погибель краю и добровольческому дѣлу.

Настроеніе Кубани постепенно мѣнялось. Невѣрно было бы утверждать, что область «изжила большевизмъ». Въ казачьей средѣ, какъ я уже говорилъ, больны имъ были не болѣе 30% — фронтовая молодежь. Несомнѣнно, день за днемъ шло нѣкоторое численное перемѣщеніе и изъ этого лагеря въ станъ противниковъ большевизма. Но главное—совѣтскій режимъ съ его неизбѣжными пріемами—убійствами, грабежами и насиліями сталъ вызывать уже въ казачьей средѣ волю къ активному сопротивленію. Оно возникало во многихъ мѣстахъ стихійно, неорганизованно и разрозненно. Такъ, кромѣ Ейскаго округа, поднялись серьезныя возстанія въ раіонахъ Армавира и Кавказской, кроваво подавленныя большевиками, обрушившимися во всеоружіи военной техники на почти безоружныя казачьи ополченія. Во многихъ болѣе крупныхъ центрахъ, наряду съ казачьей революціон-

ной демократіей, все еще искавшей путей примиренія съ совѣтской властью, наряду съ пассивной обывательщиной и довольно значительнымъ числомъ «нейтральнаго» офицерства, проявляли скрытую руководящую дѣятельность и активные элементы: создавались тайные кружки и организаціи, въ составъ которыхъ, кромѣ энергичныхъ офицеровъ и болѣе видныхъ казаковъ, входили представители городской буржуазіи и демократіи. Безъ всякаго навыка къ подобной работѣ, всѣ эти организаціи имѣли уже свои длинные мартирологи выданныхъ и замученныхъ. Но большинство кубанскихъ станицъ были предоставлены самимъ себѣ. Вся ихъ интеллигенція — терроризованный священникъ, нейтральный учитель и скрывающійся офицеръ — опасливо сторонились еще отъ участія въ движеніи, не вполнѣ довѣряя его искренности и серьезности. Тѣмъ болѣе, что совѣтская власть на эту именно интеллигенцію воздвигла жестокое гоненіе, въ особенности на духовенство.

Простое свершеніе христіанскихъ обрядовъ становилось подчасъ... подвигомъ.

Помню, какъ въ станицѣ Ильинской мы собрались въ первый разъ отслужить панихиду по «боляринѣ Лаврѣ и воинахъ Добровольческой арміи, на полѣ брани животъ свой положившихъ». Долго не отворялись царскія врата; наконецъ, послѣ напоминанія вышли растерянные священникъ и діаконъ, и послѣдній глухимъ, дрожащимъ голосомъ возгласилъ прошеніе объ упокоеніи... «православныхъ воиновъ, на брани убіенныхъ». Внушительный шепотъ коменданта штаба арміи исправилъ текстъ поминанія.

Другой разъ, въ Успенской: шло великопостное служеніе; я подошелъ къ аналою исповѣдаться. Священникъ, увидавъ командующаго арміей, затрясся весь и не могъ произнести ни слова; потомъ, покрывъ поспѣшно мою голову епитрахилью, не исповѣдуя, прочелъ разрѣшительную молитву...

Только впослѣдствіи я убѣдился, что опасенія духовенства имѣли вѣскія основанія. Въ одной Кубанской области весною 1918 года было звѣрски замучено 22 священнослужителя за такія вины, какъ «сочувствіе кадетамъ и буржуямъ», осужденіе большевиковъ въ проповѣдяхъ и исполненіе требъ для проходившихъ частей Добровольческой арміи. Аресты, насилія и издѣвательства надъ духовенствомъ производились широко и повсемѣстно. Это гоненіе частью сознательно, частью инстинктивно обрушивалось не столько на людей, сколько на идею. Такъ въ станицѣ Незамаевской большевики замучили священника Іоанна Пригоровскаго — человѣка, по опредѣленію слѣдственной комиссіи «крайняго лѣваго направленія». Въ ночь подъ Пасху, во время службы, посреди церкви красногвардейцы выкололи ему глаза, отрѣзали уши и носъ и размозжили голову. Съ невѣроятнымъ цинизмомъ они оскверняли храмы и священные предметы богослуженія. Помню, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на меня посѣщеніе церкви въ станицѣ Кореновской послѣ взятія ея съ боя добровольцами въ іюлѣ:

стѣны ея исписаны были циничными надписями, иконы размалеваны гнусными рисунками, алтарь обращенъ въ отхожее мѣсто, при чемъ для этого пользовались священными сосудами...

Нравственное одичаніе, шедшее извнѣ, возбуждало пока лишь глухой и робкій протестъ въ неизвращенной еще народной цѣлинѣ.

Просматривая впослѣдствіи синодикъ замученныхъ священнослужителей, я, къ душевному своему успокоенію, не нашелъ въ немъ именъ тѣхъ, которыхъ подвелъ невольно подъ большевистскую опалу.

Кубанскіе казаки начали присоединяться къ арміи цѣлыми сотнями. Кубанскіе правители, шедшіе съ арміей, во всѣхъ попутныхъ станицахъ созывали станичные сборы и объявляли мобилизацію. Правда, многіе казаки тотчасъ по выступленіи въ походъ возвращались домой, многіе должны были за отсутствіемъ оружія слѣдовать при обозѣ. Тѣмъ не менѣе, въ рядахъ арміи къ маю было болѣе двухъ тысячъ кубанцевъ.

Появился и другой неожиданный способъ комплектованія — плѣнные красногвардейцы. Поступали они въ небольшомъ числѣ — обычно въ качествѣ обозныхъ, иногда и въ строй. Но само по себѣ явленіе это служило симптомомъ извѣстнаго положительнаго сдвига въ добровольческой психологіи.

Между кубанскими властями и командованіемъ установились отношенія сухія, но вполнѣ корректныя. Атаманъ, правительство и рада ни разу не дѣлали попытокъ нарушить прерогативы командованія и, кромѣ мобилизаціи, нѣсколько помогли растаявшей казнѣ Алексѣева — милліономъ рублей и принятіемъ на себя реквизиціонныхъ квитанцій за взятыхъ лошадей и другое снабженіе. Въ частяхъ, не исключая и кубанскихъ, къ правительству и радѣ относились иронически и враждебно. Имъ не могли простить ихъ самостійно-революціонное прошлое и то обстоятельство, что «радянскій отрядъ», въ 160 здоровыхъ, молодыхъ всадниковъ, на отличныхъ коняхъ, ѣздилъ въ обозѣ даже тогда, когда въ бой шли раненые.

Что касается революціонности, то діапазонъ ея, впрочемъ, въ представленіи извѣстной части офицерства имѣлъ весьма широкіе размѣры. Въ Успенской ко мнѣ заходитъ М. В. Родзянко и говоритъ:

— Мнѣ очень тяжело объ этомъ говорить, но все-же рѣшилъ съ вами посовѣтоваться. До меня дошло, что офицеры считаютъ меня главнымъ виновникомъ революціи и всѣхъ послѣдующихъ бѣдъ. Возмущаются и моимъ присутствіемъ при арміи. Скажите, Антонъ Ивановичъ, откровенно, если я въ тягость, то останусь въ станицѣ, а тамъ ужъ что Богъ дастъ.

Я успокоилъ старика. Не стоитъ обращать вниманія на праздныя рѣчи.

Добровольцы чистились, мылись, чинились и отсыпались. Даже ходили въ станичный кинематографъ, съ безбожно рябившими въ глазахъ картинами. Создавалась видимость мирной обстановки, хоть на

время успокаивающая издерганные нервы. Части провѣрили свой составъ: добровольцы, самовольно покинувшіе ряды, составляли лишь рѣдкое исключеніе.

Сохранились записанныя кѣмъ-то слова Маркова, обращенныя по этому поводу къ Офицерскому полку:

«Нынѣ армія вышла изъ подъ ударовъ, оправилась, вновь сформировалась и готова къ новымъ боямъ... Но я слышалъ, что въ минувшій тяжелый періодъ жизни арміи нѣкоторые изъ васъ, не вѣря въ успѣхъ, покинули наши ряды и попытались спрятаться въ селахъ. Намъ хорошо извѣстно, какая ихъ постигла участь, они не спасли свою драгоцѣнную шкуру. Если-же кто-либо еще желаетъ уйти къ мирной жизни, пусть скажетъ заранѣе. Удерживать не стану. Вольному — воля, спасенному — рай, и... къ чорту».

Въ Успенской въ первый разъ мнѣ удалось собрать часть арміи на смотръ.

Одежда въ заплатахъ. Загорѣлыя, обвѣтренныя лица. Открытый, довѣрчивый взглядъ. Трогательная простота и скромность, какъ будто не ими пройденъ путь крови, страданій и яркаго подвига.

Говорилъ имъ о славномъ ихъ прошломъ, о предстоящихъ задачахъ арміи, о надеждахъ на спасеніе Родины. Чувствовалъ, что слово идетъ отъ сердца къ сердцу.

Гдѣ они теперь? Спятъ непробуднымъ сномъ, усѣявъ костями своими необъятные русскіе просторы отъ Орла до Владикавказа, отъ Камышина до Кіева.

«Не многіе вернулись съ поля»...

ГЛАВА XXIX.

Возстанія на Дону и на Кубани. Возвращеніе арміи на Донъ. Бои у Горькой балки и Лежанки. Освобожденіе Задонья.

Еще во время остановки въ Ильинской пришли хорошія вѣсти съ двухъ сторонъ.

Изъ кубанской станицы Прочноокопской — наиболѣе твердой и всегда враждебно относившейся къ большевизму, явились посланцы съ просьбой идти къ нимъ, въ Лабинскій отдѣлъ. Они разсказывали, что, не взирая на неудачу, постигшую недавно возставшихъ, вся тайная организація, охватывающая Лабинскій, Баталпашинскій, частью Майкопскій и Кавказскій отдѣлы — сохранилась, что оружіе спрятано, закопано въ землю, что, наконецъ, сдѣланы всѣ приготовленія къ захвату города Армавира, гдѣ имѣются въ изобиліи въ большевистскихъ складахъ оружіе и боевые припасы.

Въ то же время до насъ доносились настойчивые слухи съ Дона, что казачество тамъ встало поголовно и что даже столица донская — Новочеркасскъ — въ рукахъ возставшихъ.

Армія воспрянула духомъ окончательно.

Обозные стратеги волновались больше всѣхъ, роптали на долгую остановку и рвались дальше — къ полуоткрывшимся окнамъ, въ которыхъ вдругъ мелькнулъ свѣтъ. Но военно-политическая обстановка оставалась для штаба все еще далеко неясной. Нужно было убѣдиться въ серьезности всѣхъ этихъ свѣдѣній, чтобы рѣшить, куда идти. Отъ этого зависѣла дальнѣйшая судьба арміи.

Съ этой цѣлью на Донъ, въ станицу Егорлыцкую былъ посланъ съ разъѣздомъ полковникъ генеральнаго штаба Барцевичъ. Одновременно, по просьбѣ кубанскаго правительства и генерала Покровскаго, въ его распоряженіе предоставленъ былъ отрядъ въ составѣ до четырехъ кубанскихъ и черкесскихъ сотенъ, который долженъ былъ составить ядро возставшихъ лабинцевъ; отрядъ сталъ сосредоточиваться къ югу, въ станицѣ Расшеватской, въ ожиданіи рѣшенія общаго плана операціи.

Барцевичъ выѣхалъ изъ Ильинской, въ нѣсколько дней сдѣлалъ лихой пробѣгъ въ 200 верстъ (туда и обратно) и вернулся въ Успенскую съ сотней донскихъ казаковъ въ восторженномъ настроеніи:

— Донъ возсталъ. Задонскія станицы ополчились поголовно, свергли совѣтскую власть, возстановили командованіе и дисциплину и ведутъ отчаянную борьбу съ большевиками. Бьютъ челомъ Добровольческой арміи, просятъ забыть старое и поскорѣе придти на помощь.

Одно только было не совсѣмъ ясно въ привезенныхъ свѣдѣніяхъ: совѣтскія войска по всему сѣверо-донскому фронту проявляли странную нервность, и черезъ Ростовъ, якобы, одинъ за другимъ уходили спѣшно на югъ большевистскіе эшелоны съ войсками и имуществомъ подъ давленіемъ какой-то невѣдомой силы...

* * *

Жизнь Дона подъ властью большевиковъ въ своей бытовой и соціальной сущности ничѣмъ не отличалась отъ кубанской. Поэтому я не буду останавливаться на этомъ вопросѣ, ограничившись лишь фактической стороной его.

12 февраля на засѣданіе войсковаго круга явился большевикъ — войсковой старшина Голубовъ и крикнулъ народнымъ избранникамъ, которые всѣ, кромѣ атамана Назарова, почтительно встали при его появленіи:

— Въ Россіи совершается соціальная революція, а здѣсь какая-то сволочь разговоры разговариваетъ. Вонъ!

Кругъ былъ разогнанъ, атаманъ, предсѣдатель круга Волошиновъ и нѣкоторые члены круга разстрѣляны. Въ Новочеркасскѣ поставленъ командующимъ войсками вахмистръ Смирновъ, въ Ростовѣ сѣлъ «предсѣдатель областного совѣта Донской республики» демагогъ, урядникъ Подтелковъ. Голубовъ остался въ сторонѣ и затаилъ злобу. Началось внѣдреніе совѣтской власти въ предѣлы области, сопровождавшееся, какъ обычно, захватомъ пришлыми элементами мѣстнаго управленія, грабежами, реквизиціями, арестами, убійствами,*) казнями и карательными экспедиціями противъ непокорныхъ станицъ. Хлѣбъ и скотъ большими партіями увозились на сѣверъ; одновременно начался дѣлежъ казачьей земли крестьянами. Казаки скоро убѣдились, что съ новымъ строемъ они теряютъ все: землю, волю и власть. Даже большія надежды донскихъ казаковъ на возможность поживиться несмѣтными богатствами ростовской буржуазіи, оказались тщетными: буржуазія всецѣло поступила въ эксплоатацію пришлаго «россійскаго пролетаріата». Этотъ новый властитель, однако, въ противоположность положенію, создавшемуся на Кубани, оказался одинаково непереносимымъ какъ для обираемаго имъ казачьяго, такъ и для покровительствуемаго крестьянскаго населенія. Въ отчетѣ о засѣданіяхъ областного съѣзда совѣтовъ Донской республики, состоявшагося въ послѣднихъ числахъ марта, отмѣчена враждебность массы его членовъ къ совѣтскому коммунизму и неудержимая тяга къ *«безпартійности»*. При полномъ одобреніи всего крестьянскаго большинства съѣзда, одинъ изъ депутатовъ «со слезами на глазахъ, съ хватающей за душу непосредственностью повѣдалъ, какъ крестьяне партій не знали и шли за тѣмъ, кто «крѣпче» обѣщалъ тру-

*) Однихъ офицеровъ было убито около 500.

довому люду. А въ результатѣ появились свои «трудовые» красногвардейцы, которые понаставили пулеметы и пушки и держатъ въ страхѣ и трепетѣ населеніе»...*)

Такое настроеніе обнаружилось въ донской деревнѣ уже на второй мѣсяцъ большевистскаго управленія.

Пробужденіе казачества пошло стремительнѣе, чѣмъ было его паденіе.

Уже въ серединѣ марта началось сильное броженіе въ различныхъ мѣстахъ области и тайная организація казачьихъ силъ, чему немало способствовала наступившая весенняя распутица, мѣшавшая передвиженію большевистскихъ карательныхъ отрядовъ. 18 марта впервые собирается въ станицѣ Манычской съѣздъ Черкасскаго округа, на которомъ казаки выносятъ постановленія противъ совѣтской власти. Во второй половинѣ марта начались и вооруженныя выступленія.

Одновременно шла и личная борьба между властями Ростова и Новочеркасска. Подтелковъ, связавшій свою судьбу всецѣло съ «рабочимъ пролетаріатомъ», относился крайне подозрительно къ дѣятельности Голубова и Смирнова, проводившихъ большевизмъ свой — донской, казачій, хотя и родственный совѣтскому, но замкнутый въ областныхъ рамкахъ и недопускавшій господства пришлой власти.

Новочеркасскъ скоро сталъ въ рѣзкую оппозицію къ областному комитету. Голубовъ, вернувшись изъ своей поѣздки по области, привезъ въ Новочеркасскъ скрывавшагося Митрофана Богаевскаго, бывшаго помощника атамана Каледина. Настроеніе донской столицы очевидно сильно измѣнилось, если Богаевскому, приведенному съ гауптвахты, дали возможность на многолюдномъ митингѣ въ теченіе трехъ часовъ говорить казакамъ «всю правду». Казаки слушали съ умиленіемъ и клялись «не выдавать».

Областной комитетъ, обезпокоенный этимъ, потребовалъ прибытія въ Ростовъ Голубова и Смирнова и выдачи Богаевскаго. Новочеркасскъ отказалъ. Тогда прибылъ изъ Ростова карательный отрядъ и ликвидировалъ дѣло: Смирновъ и Голубовъ бѣжали, при чемъ послѣдній въ одной изъ станицъ былъ опознанъ и убитъ. Такая-же участь постигла вскорѣ и Подтелкова. М. Богаевскаго бросили всѣ, его перевезли большевики въ Ростовъ и тамъ вскорѣ разстрѣляли.

Такъ окончилось содружество двухъ большевизмовъ — совѣтскаго и казачьяго**). На Дону теперь противопоставлены были безъ средостѣнія двѣ силы: совѣтская власть и подымающееся казачество.

1-го апрѣля казаки станицъ, ближайшихъ къ Новочеркасску, подъ начальствомъ войскового старшины Фетисова внезапнымъ нападеніемъ захватили городъ. Незначительное число коммунистовъ и красной гвардіи было истреблено или бѣжало, а нео-большевики, ка-

*) „Рабочій голосъ“ 1918 г. № 1. Органъ соц.-дем.

**) Представленнаго Голубовымъ и Смирновымъ.

заки голубовской дивизіи, объявили «нейтралитетъ». Это плохо организованное выступленіе полувооруженнаго ополченія кончилось печально: 5-го большевики обратно овладѣли городомъ, подвергнувъ населеніе жестокому грабежу и новымъ казнямъ. Голубовская дивизія предусмотрительно ушла изъ города наканунѣ, захвативъ награбленное за время расположенія въ Новочеркасскѣ добро. По дорогѣ, впрочемъ, оно было отнято и перераспредѣлено возставшими станицами.

Неудача не остановила, однако, донцовъ. Организація вооруженнаго сопротивленія продолжалась открыто, и къ серединѣ апрѣля подъ командой вернувшагося послѣ скитаній въ Сальскихъ степяхъ походнаго атамана, генерала Попова, объединились слѣдующія значительныя группы донскихъ ополченій: 1. Задонская группа генерала Семенова (раіонъ Кагальницкой — Егорлыцкой); 2. Южная группа — полковника Денисова (раіонъ станицы Заплавской); 3. Сѣверная группа — бывшій «Степной отрядъ» — войскового старшины Семилѣтова (раіонъ Раздорской). Во всѣхъ этихъ отрядахъ было свыше 10 тысячъ бойцовъ. Кромѣ того, и въ другихъ отдаленныхъ округахъ формировались болѣе или менѣе значительныя ополченія.

«Пробужденіе Дона» было, однако, далеко еще не полнымъ. И походному атаману, подготовлявшему наступленіе на Новочеркасскъ, приходилось не разъ посылать карательныя экспедиціи въ нераскаявшіяся еще и поддерживавшія большевиковъ станицы, расположенныя даже въ непосредственной близости отъ атаманскаго штаба.

* * *

Всѣхъ этихъ подробностей тогда въ Успенской мы еще не знали. Но и свѣдѣній, привезенныхъ Барцевичемъ, было достаточно, чтобы сдѣлать выборъ: «окно», а не «окошко»; возможность связи и сношеній съ внѣшнимъ міромъ, а не оторванность и одиночество въ кавказскихъ предгоріяхъ; новая военно-политическая база, а не продолженіе партизанской войны. Словомъ — на Донъ!

Генералъ Алексѣевъ раздѣлялъ всецѣло мой взглядъ.

Пригласилъ кубанскихъ правителей, очертилъ имъ обстановку и сообщилъ рѣшеніе. Приняли съ грустью, но безъ протеста. Выразили опасеніе, какъ бы уходъ съ Кубани не вызвалъ оставленія рядовъ арміи кубанскими казаками и черкесами... Опасеніе оказалось неосновательнымъ: сотни, которыя должны были идти по собственному желанію съ Покровскимъ въ Лабинскій отдѣлъ, услышавъ о движеніи арміи на сѣверъ, не пожелали разставаться съ нею.

Окончательное успокоеніе среди кубанцевъ внесло мое заявленіе: Кубани я не брошу; военно-политическая обстановка рисуется въ такомъ видѣ, что армія въ ближайшее время будетъ сосредоточена въ непосредственной близости отъ Кубанской области и, вы-

Полковникъ Дроздовскій (†).

Стр. 327.

полняя обще-россійскую задачу, при первой возможности окажетъ вооруженную помощь для освобожденія Кубани.

Предстояло снова въ четвертый разъ пересѣчь желѣзную дорогу.

Выступленіе назначилъ на 16 апрѣля, пополудни, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ сумеркахъ скрыть направленіе движенія и до разсвѣта закончить переходъ дороги на участкѣ между станціями Ея и Бѣлая Глина. На этихъ станціяхъ стояли бронированные поѣзда, а послѣдняя была занята большимъ отрядомъ красногвардейцевъ.

Выходить изъ Успенской пришлось подъ прикрытіемъ арьергарда, въ виду начавшагося съ юга на станицу наступленія большевиковъ.

Двинулъ колонну умышленно на сѣверо-востокъ; авангардъ вступилъ въ бой съ охраненіемъ ставропольскихъ красногвардейскихъ отрядовъ; колонна пріостановилась и, какъ только стемнѣло, свернула влѣво; двигались въ ночной темнотѣ, по дорогамъ и безъ дорогъ — цѣлиною по указанію сбивавшихся съ пути проводниковъ; подъ утро подошли къ глухому желѣзнодорожному переѣзду и начали переходъ. Опять конница и авангардъ разошлись вѣеромъ — въ разныя стороны, въ видѣ заслоновъ. Взрываютъ путь. Повозки крупной рысью по двѣ въ рядъ, гремя по каменному настилу, летятъ черезъ полотно. Опять люди вздыхаютъ полной грудью, крестятся и поздравляютъ другъ друга:

— Ну, слава Богу, кажется перевалили послѣднюю!..

Но насталъ разсвѣтъ, и отъ Бѣлой Глины показался дымъ бронепоѣзда; у переѣзда начали ложиться непріятельскія гранаты; позади бронепоѣзда сталъ высаживаться изъ вагоновъ эшелонъ пѣхоты и густыми цѣпями разсыпаться по полю; изъ арьергарда донесли, что противникъ «нажимаетъ»; голову обоза изъ села Горькой Балки встрѣтили огнемъ...

Войска спокойно развернулись, открыли огонь наши батареи. И скоро нависшія было тучи разсѣялись: выступленіе мѣстныхъ большевиковъ въ Горькой Балкѣ, яромъ большевистскомъ притонѣ, оказалось не серьезнымъ и скоро было ликвидировано, арьергардъ отбилъ противника, а бронепоѣздъ и эшелоны изъ Бѣлой Глины держались въ почтительномъ отдаленіи нѣсколькими десятками выстрѣловъ нашей артиллеріи и огнемъ праваго заслона.

Послѣ большого привала въ Горькой Балкѣ, во время котораго не прекращался бой къ востоку отъ села, армія двинулась дальше и заночевала въ кубанской станицѣ Плоской.

Въ послѣднія сутки армія прошла съ боемъ до 70 верстъ!

Прибывшій въ Плоскую съ Дона разъѣздъ донесъ, что на Задонскія станицы идетъ большое наступленіе съ сѣвера и запада, и донское начальство проситъ помощи.

19-го я послалъ 1-й конный полкъ полковника Глазенапа прямо на Егорлыцкую, а армію перевелъ въ Лежанку — то село, которое нѣкогда первое встрѣтило Добровольческую армію огнемъ и жестоко за это поплатилось. Теперь тамъ все мирно. Въ окрестностяхъ, однако, собрались большіе отряды красной гвардіи.

Задонье, между тѣмъ, переживало критическій моментъ: большевики, послѣ недолгаго сопротивленія заняли вновь станицы Кагальницкую и Мечетинскую и начали въ нихъ творить расправу; вооруженные казаки отступили на югъ, къ Егорлыцкой, куда также подходитъ непріятель. Такимъ образомъ, вмѣсто отдыха приходилось начинать новую серьезную операцію для освобожденія Задонья.

Оставивъ въ Лежанкѣ бригаду Маркова и конницу Эрдели, я приказалъ Богаевскому со 2-й бригадой идти въ тылъ большевист-

скимъ войскамъ въ направленіи на Гуляй-Борисовку; Глазенапу, послѣ освобожденія Егорлыцкой, наступать на сѣверъ, объединивъ командованіе надъ донскими ополченіями.

20-го Богаевскій выступилъ. Вѣроятно это движеніе было замѣчено большевиками и сочтено за отходъ, такъ какъ въ тотъ-же день со стороны Лопанки началось наступленіе на Лежанку большихъ силъ красной гвардіи.

Въ теченіи двухъ дней большевистская артиллерія громила село, а непріятельскія цѣпи распространялись все дальше къ западу, въ охватъ нашего расположенія, отрѣзая пути на Егорлыцкую. Частными атаками Марковъ временно отбрасывалъ ихъ, но они возвращались опять большими массами. Это несоизмѣримое превосходство силъ и наличіе въ селѣ беззащитнаго обоза сильно препятствовало маневренной свободѣ Марковской бригады.

Были дни страстной недѣли — пятница и суббота. Въ станичной церкви шло богослуженіе, выносили плащаницу, и люди въ скорби и трепетѣ молились «поправшему смерть» подъ громъ рвавшихся вокругъ церковной ограды снарядовъ. Изъ алтаря слышалось слово Божье о прощеніи, а за селомъ лилась кровь, и братъ убивалъ брата...

Въ субботу огонь былъ особенно жестокимъ. Зашелъ ко мнѣ Романовскій и пригласилъ въ штабъ — для выслушанія доклада. Оказалось, что никакого доклада не предстоитъ, а... мой домъ — легкая деревянная постройка, и во дворѣ его шрапнель уже переранила нашихъ лошадей, тогда какъ штабъ помѣщался въ солидномъ каменномъ зданіи. Предосторожность, однако, на этотъ разъ вышла некстати: въ домъ штаба и смежное съ нимъ помѣщеніе лазарета ударило нѣсколько гранатъ; насъ осыпало известкой, но не тронуло; убило и переранило вновь нѣсколькихъ человѣкъ въ лазаретѣ.

Обозу дѣваться некуда — ждетъ своей участи и терпитъ. Наконецъ, пришло донесеніе, что Егорлыцкая свободна. Когда Глазенапъ подошелъ къ станицѣ, въ ней оказались только немногія казачки и дѣти — всѣ казаки съ семьямъ и пожитками ушли въ степь, не расчитывая на свои силы и не желая покоряться большевикамъ. Ихъ вернули и вооруженныхъ присоединили къ отряду; а 21-го большевики, приближавшіеся къ станицѣ, внезапно повернули назадъ и побѣжали. Сказывалось очевидно появленіе Богаевскаго.

Многострадальный обозъ двинулся, наконецъ, кружнымъ путемъ въ Егорлыцкую.

Уходъ его развязалъ руки нашему отряду въ Лежанкѣ. Къ вечеру Марковъ перешелъ въ контръ-атаку по всему фронту и блестящимъ ударомъ Офицерскаго полка, двинувшагося впередъ молча, безъ единаго выстрѣла, опрокинулъ большевиковъ, обратившихся въ бѣгство; ихъ преслѣдовала конница. Я приказалъ Маркову задержаться въ Лежанкѣ на сутки и затѣмъ перейти въ Егорлыцкую круж-

нымъ путемъ, черезъ полустанокъ Цѣлину, чтобы одновременно отбросить отрядъ «анархистовъ», оперировавшій съ бронепоѣздами между Торговой и Егорлыцкой (станція Атаманъ) и испортить тамъ на нѣсколько верстъ желѣзнодорожный путь.

Богаевскій въ эти дни по пути разметалъ отряды большевиковъ, разбилъ ихъ главныя силы подъ Гуляй-Борисовкой и расположился въ этомъ селѣ. Глазенапъ занялъ Мечетинскую, потомъ и Кагальницкую. Задонье было освобождено.

Боевое счастье вновь явно начинало склоняться на сторону Добровольческой арміи...

Поздно ночью я со штабомъ ѣхалъ по дорогѣ въ Егорлыцкую, спѣша къ пасхальной заутренѣ. Бесѣдовали съ Иваномъ Павловичемъ. Съ первыхъ-же дней совмѣстной службы въ качествѣ командующаго и начальника штаба между нами установились отношенія интимной дружбы, основанныя на удивительномъ пониманіи другъ друга и такомъ единомысліи, котораго мнѣ лично еще не приходилось испытывать въ своихъ отношеніяхъ съ людьми. Работать вмѣстѣ было легко и пріятно.

Ночь была тихая и звѣздная. Справа на горизонтѣ догоралъ зажженный кѣмъ-то послѣ боя хуторъ и бросалъ кровавый отблескъ въ небесную высь и въ степь. Гулко стучали подковы по неоттаявшей еще землѣ. Перешли въ шагъ.

— Вотъ — резонерствовалъ Иванъ Павловичъ — два мѣсяца тому назадъ мы проходили это-же мѣсто, начиная походъ. Когда мы были сильнѣе — тогда или теперь? Я думаю, что теперь. Жизнь толкла насъ отчаянно въ своей чертовой ступкѣ и не истолкла; закалилось лишь терпѣніе и воля; и вотъ эта сопротивляемость, которая не поддается никакимъ ударамъ.

— Что-же, Иванъ Павловичъ, какъ говоритъ внутренній голосъ — одолѣемъ?

— Какъ сказать... Мнѣ кажется, что теперь мы выйдемъ на большую дорогу. Но попадемъ въ жестокую схватку между двумя процессами — распада и сложенія здоровыхъ народныхъ силъ. Они по существу будутъ бороться, а мы, въ зависимости отъ теченія ихъ борьбы, одолѣемъ или пропадемъ.

Я вспомнилъ этотъ разговоръ черезъ два года, также въ Святую ночь — въ Средиземномъ морѣ, на русскомъ кораблѣ подъ англійскимъ флагомъ, уносившемъ меня отъ послѣдняго клочка Русской земли и отъ свѣжей могилы друга...

Въ сторонѣ отъ дороги послышался шорохъ.

— Стой!

Въ темнотѣ обрисовались силуэты казачьей заставы. Въѣзжаемъ на площадь.

Свѣтится ярко храмъ. Полонъ народа. Радость Свѣтлаго праздника соединилась сегодня съ избавленіемъ отъ «нашествія», съ воскре-

сеніемъ надеждъ. Радостно гудятъ колокола; радостно шумитъ вся церковь въ отвѣтъ на всеблагую вѣсть:

— Воистину воскресе!

Въ маревѣ дыма кадильнаго и дрожащаго свѣта паникадилъ сіяютъ лица молящихся.

«... И насъ сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити».

ГЛАВА XXX.

Походъ Дроздовцевъ.

Съ приходомъ на Донъ возстановилась связь съ внѣшнимъ міромъ, и мы были ошеломлены нахлынувшими со всѣхъ сторонъ неожиданными новостями.

23 апрѣля донскимъ ополченіемъ Южной группы полковника Денисова взятъ былъ Новочеркасскъ.

Глава посланнаго туда отъ Добровольческой арміи представительства, генералъ Кисляковъ въ своихъ донесеніяхъ опредѣлялъ положеніе съ большой осторожностью: «полевой арміи» въ истинномъ смыслѣ этого слова на Дону еще нѣтъ; казаки по прежнему въ бояхъ не всегда устойчивы; то, что тамъ происходитъ — пока еще только мѣстныя возстанія, не вполнѣ прочно взятыя въ руки». Но несомнѣнно, что возстанія эти серьезныя и на большомъ пространствѣ, за исключеніемъ двухъ округовъ, обнимающія всю область.

Какъ будто въ подтвержденіе его словъ, 25 апрѣля большевики съ сѣвера повели наступленіе на Новочеркасскъ и ко второму дню овладѣли уже предмѣстьемъ города, переживавшаго часы сильнѣйшей паники. Казаки не устояли и начали отступать. Порывъ казался исчерпаннымъ, и дѣло проиграннымъ. Уже жителямъ несчастнаго Новочеркасска мерещились новые ужасы кровавой расправы...

Но въ наиболѣе тяжелый моментъ свершилось чудо: неожиданно въ семи верстахъ къ западу отъ Новочеркасска, у Каменнаго Брода, появился Офицерскій отрядъ полковника Дроздовскаго, силою до 1000 бойцовъ, который и рѣшилъ участь боя.

Это была новая героическая сказка на темномъ фонѣ русской смуты:*) два мѣсяца изъ Румыніи, отъ Яссъ до Новочеркасска, болѣе тысячи верстъ отрядъ этотъ шелъ съ боями на соединеніе съ Добровольческой арміей.

* * *

Чтобы удержать отъ паденія Румынскій фронтъ, генералъ Щербачевъ въ концѣ 1917 года приступилъ къ переформированію корпусовъ въ національныя соединенія, главнымъ образомъ украинскія.

---

*) Данныя о походѣ Дроздовцевъ взяты изъ „Воспоминаній участниковъ“, редактированныхъ полковникомъ Колтышевымъ.

Мѣра эта не привела ни къ какимъ результатамъ, не находя почвы въ солдатскихъ настроеніяхъ и встрѣтивъ рѣшительное противодѣйствіе со стороны большей части офицерства.

Общія невыносимыя условія армейскаго быта, введеніе выборнаго начала и система національзаціи создали большіе кадры бездомнаго офицерства, которое частью разъѣзжалось, но въ большинствѣ осѣдало въ крупныхъ городахъ фронта и въ пунктахъ квартированія высшихъ штабовъ.

Едва ли гдѣ либо слагалась болѣе благопріятная обстановка для добровольческихъ формированій, чѣмъ на Румынскомъ фронтѣ. Тѣмъ болѣе, что сохранившія дисциплину румынскія войска сдерживали въ извѣстной мѣрѣ своеволіе распущенныхъ тыловыхъ бандъ русскихъ солдатъ, а союзныя миссіи имѣли тогда еще большое вліяніе на румынское правительство.

Офицерство ждало *приказа,* ждало, чтобы во главѣ его сталъ авторитетный начальникъ, который повелъ бы его на борьбу. Это стремленіе усилилось еще болѣе, когда стало извѣстнымъ, что генералъ Алексѣевъ прислалъ письмо генералу Щербачеву, которымъ сообщалъ о созданіи Добровольческой арміи, объ ея цѣляхъ и приглашалъ добровольцевъ на Донъ.

Генералъ Щербачевъ не нашелъ въ себѣ достаточно рѣшимости чтобы стать во главѣ движенія, или, по крайней мѣрѣ, придать ему сразу широкія организованныя формы. Несомнѣнно, въ этомъ отношеніи на него повліяло рѣзкое противодѣйствіе украинскаго комиссара Чеботаренко и колебанія французской миссіи, увлекавшейся тогда созданіемъ самостоятельной Украины и «союзной украинской арміи» — идеей, стоявшей въ прямомъ противорѣчіи съ началами положенными въ основу добровольчества. Не взявъ на себя задачи формированія добровольческаго отряда, ген. Щербачевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не откликнулся и на просьбу ген. Алексѣева объ организаціи планомѣрной отправки офицеровъ на Донъ.

Иниціатива пришла снизу.

Полковникъ Михаилъ Гордѣевичъ Дроздовскій, бывшій командующій 14-й пѣх. дивизіей, послѣ настойчивыхъ просьбъ въ началѣ декабря получилъ разрѣшеніе Щербачева формировать добровольческія части.

Храбрый, рѣшительный, упорный человѣкъ, большой патріотъ, Дроздовскій взялся лихорадочно за дѣло, и скоро въ окрестностяхъ Яссъ (мѣстечко Соколы) онъ началъ собирать добровольцевъ, преимущественно офицеровъ, и накапливать военное имущество. Какими оригинальными средствами пріобрѣталось оно, объ этомъ образно говорятъ участники:

«... Добровольцы устраивали у дорогъ, вблизи путей слѣдованія удиравшихъ съ фронта частей, засады; неожиданно нападали на голову колонны и захватывали ѣхавшихъ обыкновенно впереди начальниковъ; затѣмъ быстро и рѣшительно отбирали отъ всѣхъ оружіе,

увозили съ собой необходимое имущество, а иногда забирали и офицеровъ, слѣдовавшихъ съ частями». Никакого сопротивленія солдаты при этомъ не оказывали.

Такимъ путемъ отрядъ Дроздовскаго пріобрѣлъ оружіе, легкую и тяжелую артиллерію, техническое имущество и обозъ.

Между тѣмъ, украинская рада приступила къ сепаратнымъ переговорамъ о мирѣ съ центральными державами. Только это обстоятельство раскрыло, наконецъ, глаза союзнымъ миссіямъ, и онѣ болѣе внимательно начали относиться къ идеѣ добровольчества. Подъ ихъ вліяніемъ и ген. Щербачевъ рѣшилъ расширить рамки организаціи и приказомъ отъ 24 января учредилъ должность «инспектора по формированію добровольческихъ частей». Дроздовскій былъ отодвинутъ на задній планъ, а инспекторомъ назначенъ ген.-маіоръ Кельчевскій; при немъ большой штабъ; предположено было формировать отдѣльный корпусъ.

Въ своемъ первомъ приказѣ новый руководитель обратился къ добровольцамъ со слѣдующими словами:

«... Вамъ, скромные, но мужественные люди, отрезвѣвшая Русь скажетъ спасибо... за то, что среди всеобщей злобы и подозрѣній, среди анархіи и подлыхъ навѣтовъ... вы съ вѣрой въ Бога взялись за великое дѣло по созданію силы для борьбы по возстановленію порядка и на защиту будущаго Учредительнаго Собранія»...

Офицерство стекалось, однако, медленно. Тѣ причины духовнаго переутомленія и всеобщаго нравственнаго упадка, о которыхъ я говорилъ раньше, здѣсь, на Румынскомъ фронтѣ обострялись еще отсутствіемъ *имени*. Имени — привлекающаго, импонирующаго, вокругъ котораго могли бы объединиться всѣ, сохранившіе «свѣтильники непогашенными».

Въ результатѣ изъ всего огромнаго численно Румынскаго фронта къ концу февраля собралось въ раіонѣ Яссъ (1-я бригада полк. Дроздовскаго) около 900 добровольцевъ, въ раіонѣ Кишинева (2-я бриг. ген.-лейт. Бѣлозора) около 800. Одесса, въ которой насчитывалось до 15 тысячъ офицеровъ, эта — «прекрасная Ниневія, гдѣ все продается и все покупается»— не откликнулась вовсе...

27 января Украина заключила миръ съ Германіей. Румынія увидѣла себя окончательно покинутой и въ свою очередь приступила къ сепаратнымъ переговорамъ съ центральными державами. Къ этому времени, согласно распоряженію совѣта комиссаровъ, русскіе корпуса начали оставлять фронтъ, пытаясь прорваться на сѣверъ, къ Черновицамъ. Румыны выставили тамъ заслонъ и, убѣдившись въ полной небоеспособности нашихъ войскъ, приступили къ ихъ разоруженію. Лишь нѣсколько частей оказало незначительное сопротивленіе; всѣ огромные запасы фронта остались въ рукахъ румынъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнилось въ корнѣ отношеніе румынъ къ русскимъ, которыхъ они считали единственными виновниками своихъ бѣдствій; широкою волною разлилась ненависть ко всему русскому,

не разъ проявлявшаяся въ насиліяхъ и оскорбленіяхъ, которыя трудно будетъ когда-либо забыть неповинному, и безъ того изстрадавшемуся тогда русскому офицерству.

Въ виду новаго направленія румынской политики, добровольческая организація, проповѣдывавшая «борьбу съ большевиками и нѣмцами — ихъ пособниками», оказалась въ чрезвычайно трудномъ положеніи. Нѣмецкія войска начали движеніе въ предѣлы незанятой еще Румыніи; сочувствовавшія намъ союзныя миссіи стали покидать Яссы; румынское главное командованіе въ угоду нѣмцамъ предъявило категорическое требованіе о разоруженіи и расформированіи добровольческихъ бригадъ.

Но окончательный ударъ дѣлу былъ нанесенъ во второй половинѣ февраля. Генералы Щербачевъ и Кельчевскій рѣшили, что при сложившемся международномъ и внутреннемъ русскомъ положеніи дальнѣйшее существованіе организаціи безцѣльно. Былъ отданъ приказъ, который освобождалъ офицеровъ отъ данныхъ ими обязательствъ и распускалъ добровольческія бригады.

Казалось, что дѣло окончательно погибло. Ген. Бѣлозоръ распустилъ 2-ю бригаду. Но полковникъ Дроздовскій не могъ помириться съ крушеніемъ начатаго имъ дѣла. Съ непоколебимымъ упорствомъ онъ говорилъ смущеннымъ офицерамъ:

— Не падайте духомъ! Только дѣйствительно неодолимая сила можетъ остановить насъ, а не ожиданіе возможности встрѣтиться съ ней.

Дроздовскій категорически отказался исполнить приказъ и продолжалъ формированіе, поставивъ себѣ цѣлью скорѣйшее движеніе на Донъ, на соединеніе съ Добровольческой арміей, куда влекли всѣхъ имена признанныхъ вождей — Корнилова и Алексѣева.

Бригада откликнулась на призывъ своего начальника.

Начались пререканія со штабомъ фронта и борьба съ румынскимъ правительствомъ, постановившимъ не выпускать бригаду съ оружіемъ въ рукахъ. Дроздовскій заявилъ рѣшительно, что «разоруженіе добровольцевъ не будетъ столь безболѣзненно, какъ это кажется правительству» и что «при первыхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ городъ (Яссы) и королевскій дворецъ могутъ быть жестоко обстрѣляны артиллерійскимъ огнемъ».

Дѣйствительно, 23 февраля, когда румынскія войска начали окружать м. Соколы, противъ нихъ развернулись цѣпи добровольцевъ, а жерла тяжелыхъ орудій направлены были на Ясскій дворецъ...

Румыны поспѣшно увели свои части и на слѣдующій же день подали поѣзда для перевозки добровольцевъ въ Кишиневъ. А 4 марта вся бригада сосредоточилась въ м. Дубоссарахъ, на лѣвомъ берегу Днѣстра, внѣ оккупаціонной зоны румынъ.

Надежды на пополненіе изъ состава Кишиневскаго гарнизона оправдались лишь въ самой ничтожной степени — присоединилось всего нѣсколько десятковъ офицеровъ. Психологія уклонявшагося отъ

борьбы офицерства какъ нельзя лучше сказалась въ приводимомъ полковникомъ Колтышевымъ разговорѣ:

— Мы привыкли исполнять *приказы,* а насъ вмѣсто этого *просятъ;* или даже объявляютъ, что дѣйствительность данныхъ нами обязательствъ уничтожается и что мы лучше сдѣлаемъ, если не пойдемъ на такое рискованное предпріятіе. Ясно, что старшіе начальники сами не вѣрятъ въ успѣхъ, а имъ виднѣе...

Среди такого подавленнаго настроенія, общей растерянности и безнадежности въ Дубоссарахъ жилъ своей особенной жизнью отрядъ русскихъ людей, готовясь къ походу и борьбѣ. Впереди болѣе тысячи верстъ пути, двѣ серьезныя водныя преграды (Бугъ и Днѣпръ), весенніе разливы, край, взбаламученный до дна. А наперерѣзъ, непрерывно двигающіеся отъ Бирзулы къ Одессѣ и къ востоку, по приглашенію Украинской рады, австро-германскіе эшелоны. Впереди полная неизвѣстность — волнующая, но не заглушающая молодого порыва, жажды подвига и вѣры въ правоту своего дѣла; вѣры, все возрастающей, въ своего начальника, въ свое будущее.

Ее не подорвали даже докатившіеся тогда уже до Днѣстра зловѣщіе слухи о паденіи Дона...

* * *

Походъ Дроздовцевъ отъ м. Соколы до Новочеркасска длился 61 день. 7 марта выступили изъ Дубоссаръ; 15-го переправились черезъ Бугъ у Александровки; 28-го перешли Днѣпръ у Бериславля; 3 апрѣля заняли Мелитополь; 21 появились подъ Ростовомъ. Шли форсированными маршами, съ посаженной на подводы пѣхотой, дѣлая иногда 60—70 верстъ въ сутки.*)

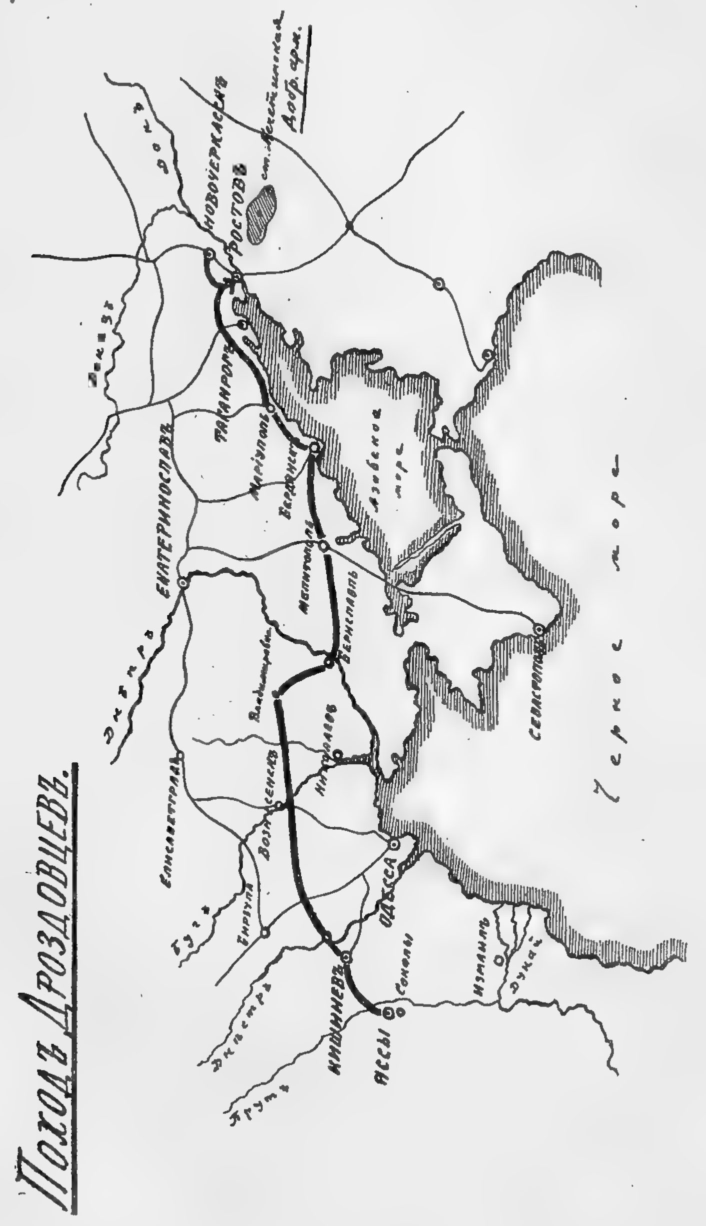
Весь югъ Россіи переживалъ тогда сумбурный періодъ безвременья и безвластья нѣсколько иначе, чѣмъ юго-востокъ. Земельный вопросъ былъ уже тамъ захватнымъ правомъ разрѣшенъ; на югѣ не было столкновенія интересовъ такихъ соціально враждебныхъ группъ, какъ казачество и «иногородніе»; на югѣ не осѣдали еще въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ фронтовыя части, а безъ нихъ формированіе красной гвардіи и утвержденіе совѣтской власти шло замедленнымъ темпомъ. Наконецъ, движеніе австро-германскихъ войскъ вглубь территоріи, опережаемое самыми фантастическими и угрожающими слухами, создавало психологическую обстановку, далеко не благопріятную для большевиковъ.

---

*) Составъ бригады Дроздовскаго: 667 офицеровъ. 370 солдатъ, 14 врачей, священниковъ, чиновниковъ; 12 сестеръ милосердія;

Сводный стрѣлковый полкъ (ген.-маіоръ Семеновъ, позднѣе удаленъ).
Конный дивизіонъ (шт. ротм. Гаевскій).
Легкая батарея (полк. Ползиковъ).
Конно-горная батарея (капит. Колзаковъ).
Мортирный взводъ (полк. Медвѣдевъ).
Техническія части и лазаретъ.

Край былъ наполненъ небольшими неорганизованными шайками, не имѣвшими рѣшительно никакой политической физіономіи, и своими разбоями доводившими до отчаянія все населеніе.

Благодаря этимъ обстоятельствамъ отрядъ Дроздовскаго шелъ, почти не встрѣчая сопротивленія; только у Каховки и Мелитополя онъ столкнулся съ большевистскими бандами, которыя разбилъ легко, почти не понеся потерь, и принялъ участіе въ двухъ, трехъ карательныхъ экспедиціяхъ.

Населеніе повсюду встрѣчало отрядъ какъ своихъ избавителей и, не отдавая себѣ отчета ни въ силѣ, ни въ назначеніи его, съ приходомъ добровольцевъ связывало надежды на окончаніе смуты. Изъ далекихъ селъ приходили депутаціи, прося спасти ихъ отъ «душегубовъ», привозили связанными своихъ большевиковъ, членовъ совѣтовъ — и преступныхъ, и можетъ быть невинныхъ — «на судъ и расправу».

Судъ бывалъ кратокъ, расправа жестока.

А на утро отрядъ уходилъ дальше, оставляя за собой развороченный муравейникъ, кипящія страсти и затаенную месть.

26 марта Дроздовскому подчинился шедшій походомъ изъ Измаила отрядъ полковника Жебрака въ составѣ 130 человѣкъ, главнымъ образомъ изъ состава такъ называемой Балтійской морской дивизіи (пѣхотн.).

По пути къ Дроздовцамъ присоединялись новые добровольцы, преимущественно офицеры и учащаяся молодежь. Обычная картина: послѣ прихода отряда въ большой населенный пунктъ, въ ряды его записываются сотни добровольцевъ; но черезъ день приходятъ по слѣдамъ Дроздовцевъ нѣмцы, въ населеніи появляется увѣренность въ прочности положенія, и съ отрядомъ уходятъ лишь нѣсколько человѣкъ. Нерѣдко въ мѣстахъ записи слышались разговоры:

— А много ли васъ?

— Тысяча.

— Ну, съ этимъ Россію не спасешь!..

Не встрѣчая серьезнаго сопротивленія со стороны большевиковъ, Дроздовскій оказался, однако, въ весьма трудномъ положеніи въ отношеніи другого врага: по слѣдамъ отряда, иногда опережая его по желѣзной дорогѣ, шли австро-германцы... Если широкая политика и истинные мотивы движенія ихъ были не совсѣмъ ясны для офицерства, то во всякомъ случаѣ психологія огромной части его не могла воспринять это событіе иначе, какъ въ смыслѣ продолженія войны и вражескаго нашествія на русскую землю. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, не было ни силъ, ни какой либо возможности противодѣйствовать имъ, не отказываясь отъ выполненія своей основной задачи. Наконецъ, эти враги гонятъ передъ собой большевиковъ, расчищая тѣмъ путь отряду...

Дроздовскій объявилъ, что отрядъ сохраняетъ въ отношеніи австро-германцевъ нейтралитетъ и ведетъ борьбу только противъ большевиковъ.

Не было ли еще инструкцій изъ главной нѣмецкой квартиры, не разобрались нѣмцы въ истинныхъ побужденіяхъ добровольцевъ или просто сравнительно слабымъ передовымъ частямъ ихъ невыгодно было вступать въ столкновеніе съ хорошо вооруженнымъ, организованнымъ и морально стойкимъ отрядомъ, но формула Дроздовскаго была молчаливо принята.

Быть можетъ и совѣсть рядового нѣмецкаго офицерства заговорила при видѣ людей, оставшихся вѣрными своему долгу, и одинокой,

трагически ничтожной кучкой бросившихся въ водоворотъ народной стихіи.

Хотя люди эти и были имъ врагами.

Добровольцы шли въ непосредственной близости отъ своихъ «внѣшнихъ враговъ», стараясь не встрѣтиться съ ними и принимая мѣры боевой предосторожности. На душѣ у нихъ было далеко не спокойно. Но...

«Разумъ бралъ свое, и мы, молча, въ тяжеломъ раздумьи продолжали свой путь»...

До Днѣпра встрѣчались только австрійцы. Они сами, повидимому, избѣгали встрѣчъ съ Дроздовцами. Иногда австрійскіе аванпосты открывали огонь по нашимъ разъѣздамъ, а части ихъ поспѣшно снимались со своихъ стоянокъ и уходили въ сторону. Однажды, когда колонна Дроздовцевъ пересѣкала желѣзную дорогу между Бирзулой и Жмеринкой, въ нее врѣзался эшелонъ австрійцевъ. Къ изумленію добровольцевъ австрійскіе офицеры привѣтствовали ихъ отданіемъ чести и криками:

— Счастливаго пути!

Первый разъ съ нѣмцами встрѣтились на переправѣ черезъ Днѣпръ у Бериславля. Несмотря на усиленные марши, Дроздовскому не удалось предупредить тамъ нѣмцевъ. Когда колонна подходила къ Бериславлю, онъ былъ занятъ уже двумя германскими батальонами, подошедшими изъ Херсона. Послѣ краткихъ переговоровъ, нѣмецкій маіоръ согласился не препятствовать переправѣ добровольцевъ и временно снять съ позиціи свои части, съ тѣмъ чтобы возлѣ моста оставалась одна изъ нѣмецкихъ ротъ.

Обѣ стороны расположились, однако, изъ предосторожности такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, можно было легко вступить въ бой...

Трагическая игра судьбы!

Въ Бериславлѣ у моста стоялъ врагъ — нѣмцы. За рѣкой у Каховки стоялъ другой врагъ — русскіе большевики; они обстрѣливали расположеніе нѣмцевъ артиллерійскимъ огнемъ, преграждая имъ путь. Добровольцамъ предстояло атаковать большевиковъ, какъ будто открывая тѣмъ дорогу нѣмцамъ въ широкіе заднѣпровскіе просторы...

Старые дроздовцы не забудутъ того тяжелаго чувства, которое они испытали въ эту темную, холодную ночь. Когда разумъ мутился, чувство раздваивалось, и мысль мучительно искала отвѣта, запутавшись безнадежно въ удивительныхъ жизненныхъ парадоксахъ.

Каховка послѣ короткаго боя была взята, большевики бѣжали. Но тягостное настроеніе добровольцевъ заставило Дроздовскаго пригласить всѣхъ старшихъ начальниковъ и разъяснить имъ, что онъ «ни въ какіе переговоры о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ съ нѣмцами не входилъ, а лишь потребовалъ пропустить отрядъ».

Приходилось не разъ прибѣгать къ хитрости. Такъ, когда колонна пересѣкала желѣзную дорогу сѣвернѣе Таганрога, часть обоза

и арьергардъ были отрѣзаны подошедшимъ изъ Таганрога паровозомъ, ставшимъ поперекъ переѣзда. Германскій маіоръ Гудерманъ заявилъ, что не пропуститъ колонну до тѣхъ поръ, пока не получитъ разрѣшенія изъ Таганрога отъ корпуснаго штаба. Повидимому онъ выжидалъ прибытія эшелона. Начальникъ арьергарда, полковникъ Жебракъ развернулъ роту съ пулеметами вдоль полотна. Но насильственныя мѣры могли быть чреваты опасными послѣдствіями. Жебракъ вступилъ поэтому въ переговоры съ маіоромъ, посовѣтовавъ для ускоренія отвѣта послать его адъютанта на паровозѣ въ Таганрогъ. Какъ только паровозъ скрылся съ глазъ и путь сталъ свободенъ, повозки рысью двинулись черезъ переѣздъ.

— Вы поступили не по джентельменски, — сказалъ раздраженно Гудерманъ.

— Кому, кому судить объ этомъ — отвѣтилъ Жебракъ — но только не вамъ, маіоръ. У насъ съ вами миръ еще не заключенъ. Кто намъ мѣшаетъ, тотъ намъ врагъ.

Не взирая на рядъ подобныхъ эпизодовъ, въ которыхъ прорывались истинныя чувства отряда, «нейтралитетъ» все же не нарушался, и Дроздовцы приближались благополучно къ «землѣ обѣтованной».

Между тѣмъ, вѣсти, шедшія оттуда, становились все болѣе печальными. 1 апрѣля окончательно подтвердились свѣдѣнія, что весь Донъ занятъ большевиками; о генералѣ Корниловѣ говорили, что онъ «дерется гдѣ-то въ раіонѣ ст. Кавказской, и ходятъ даже слухи, что онъ убитъ». 14-го слухи о смерти вождя не вызывали уже сомнѣній. Будущее опять заволокло зловѣщими тучами. Падала цѣль, казались напрасными всѣ труды и лишенія тысячеверстнаго похода. Малодушныхъ охватило уныніе. Но Дроздовскій — мрачный, замкнутый, не любившій дѣлиться своими надеждами и сомнѣніями съ окружающими, твердо и рѣшительно велъ отрядъ впередъ, напроломъ, руководствуясь не столько реальными данными, сколько вѣрой и внутреннимъ чувствомъ.

Оно не обмануло его. Уже за Бердянскомъ получены были радостныя вѣсти:

— Донъ поднялся!

— Добровольческая армія жива!

* * *

Ростовъ переживалъ тяжелое время.

Много дней уже слышна была отдаленная артиллерійская стрѣльба; ходили неясные слухи о приближеніи нѣмцевъ, украинскихъ гайдамаковъ, какихъ-то невѣдомыхъ «щербачевцевъ», наконецъ, возставшихъ донцовъ. Эти слухи какъ будто находили подтвержденіе въ нервномъ настроеніи совѣтскихъ властей и въ явно производившейся эвакуаціи города.

Ростовцы не знали, кто ихъ освободитъ; но, переходя отъ надеждъ къ отчаянію, все же ждали со дня на день избавленія.

Въ Святую ночь оно какъ будто бы пришло: послѣ сильной артиллерійской канонады большевики начали покидать городъ, отходя въ Нахичевань, и къ утру Свѣтлаго Воскресенія ростовскіе жители, выглянувъ со страхомъ на улицу, увидѣли разъѣзды какихъ то невѣдомыхъ людей, пришедшихъ изъ Румыніи и называвшихъ себя «корниловцами».

Обойдя съ сѣвера Таганрогъ, въ которомъ сосредоточился германскій корпусъ, дошедшій уже передовыми частями до станціи Синявки, Дроздовскій 21 апрѣля атаковалъ Ростовъ.

Операція была весьма рискованная, силы далеко не достаточныя. Но агентурныя свѣдѣнія указывали на стремленіе нѣмцевъ занять Ростовъ. Дроздовскій рѣшилъ поэтому предупредить ихъ, желая оказать скорѣйшую помощь Дону, воспользоваться богатѣйшими военными запасами, сосредоточенными въ городѣ, и учитывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, моральное значеніе захвата этого крупнаго политическаго и военнаго центра «русскими руками».

Конный дивизіонъ Дроздовцевъ съ конно-горной батареей и броневикомъ подъ командой начальника штаба отряда, полковника Войналовича, атаковалъ передовыя части большевиковъ, разбилъ ихъ и ворвался на вокзалъ. Впечатлѣніе этого налета было настолько велико, что большевики начали даже поспѣшно покидать городъ, а эшелоны красной гвардіи, бывшіе на вокзалѣ, цѣлыми толпами сдавались въ плѣнъ. Но прошелъ часъ, другой, подкрѣпленіе не подходило и большевики, опомнившись, открыли огонь по добровольцамъ. Первымъ палъ доблестный полковникъ Войналовичъ. Авангардъ отступилъ. Но вскорѣ подошли главныя силы, и большевики, преслѣдуемые артиллерійскимъ огнемъ, стали отходить окончательно, къ полуночи очистивъ весь городъ. Дроздовскій занялъ вокзалъ и прилегающій раіонъ.

Легкость овладѣнія городомъ вызвала пренебреженіе къ противнику. Стояли безпечно. Утромъ пѣхота разошлась, приступивъ къ очисткѣ города. Развѣдки не было. И потому, когда около 6 часовъ неожиданно открылъ огонь большевистскій бронепоѣздъ и изъ Новочеркасска одинъ за другимъ стали подходить эшелоны красной гвардіи, отрядъ Дроздовскаго былъ застигнутъ врасплохъ.

Начался тяжелый бой, лишенный должнаго управленія, въ результатѣ котораго Дроздовскій очистилъ Ростовъ, потерявъ до 100 человѣкъ, часть обоза и пулеметовъ.

Части собрались въ селѣ Чалтырь. Тамъ уже оказался... авангардъ германцевъ. Несмотря на предупредительное отношеніе нѣмецкаго начальника, предоставившаго отряду для ночлега часть села, офицеры просили увести ихъ оттуда; не взирая на крайнее утомленіе, двинулись дальше и остановились въ селѣ Крымъ.

То фальшивое положеніе, въ которомъ добровольцы находились постоянно въ отношеніи «внѣшняго врага», угнетало ихъ чрезвычайно. Послѣдняя боевая неудача еще болѣе понизила настроеніе.

Дроздовскій счелъ необходимымъ собрать добровольцевъ и снова побесѣдовать съ ними. Коснулся и больного вопроса о причинахъ неудачи:

— Реорганизація необходима. Смѣна нѣкоторыхъ начальниковъ, проявившихъ отсутствіе распорядительности и личнаго примѣра, также необходима. О себѣ-же отчетъ я дамъ лишь своему начальнику — тому, къ которому направлены всѣ наши помыслы, наши стремленія... Начинается воскресеніе Россіи... Вновь обращаюсь къ вамъ: не падайте духомъ!

А черезъ день на горизонтѣ опять просвѣтлѣло: пришло извѣстіе о взятіи донцами Новочеркасска. Тяжелыя потери 22-го получили нѣкоторое моральное оправданіе: бой этотъ, хотя и неудачный, отвлекъ несомнѣнно большія силы отъ Новочеркасска и избавилъ донцовъ отъ перспективы получить свою столицу... изъ рукъ нѣмцевъ.

Въ тотъ же день Дроздовскій двинулся къ Новочеркасску, и 25-го передовыя части его подоспѣли туда, какъ я уже говорилъ, въ самый критическій для донцовъ моментъ. Авангардная батарея открыла огонь во флангъ наступавшему противнику, броневикъ врѣзался въ самую гущу непріятельскихъ резервовъ, внеся смятеніе и смерть въ ряды большевиковъ, разсѣявшихся по всему полю. Казаки, ободренные успѣхомъ, перешли въ контръ-атаку и на разстояніи 15 верстъ преслѣдовали бѣгущаго врага.

Къ вечеру Дроздовцы входили стройными рядами въ Новочеркасскъ, восторженно привѣтствуемые жителями. Вмѣстѣ съ весенними цвѣтами, которыми забрасывали добровольцевъ, на нихъ повѣяло лаской и любовью многотысячныхъ толпъ народа, запрудившихъ всѣ улицы освобожденнаго города.

* * *

«25 апрѣля — писалъ въ своемъ приказѣ Дроздовскій —, части ввѣреннаго мнѣ отряда вступили въ Новочеркасскъ... въ городъ, который съ первыхъ дней возникновенія отряда былъ нашей завѣтной цѣлью... Теперь я призываю васъ всѣхъ обернуться назадъ, вспомнить все, что творилось въ Яссахъ и Кишиневѣ, вспомнить всѣ колебанія и сомнѣнія первыхъ дней, всѣ нашептыванія и запугиванія окружавшихъ васъ малодушныхъ. Пусть же послужитъ вамъ примѣромъ, что только смѣлость и твердая воля творятъ большія дѣла... Будемъ же и впредь въ грядущей борьбѣ ставить себѣ смѣло цѣли и стремиться къ достиженію ихъ съ желѣзнымъ упорствомъ, предпочитая славу и гибель позорному отказу отъ борьбы; другую же дорогу предоставимъ всѣмъ малодушнымъ и берегущимъ свою шкуру».

Въ тотъ же день Дроздовскій отправилъ донесеніе командующему Добровольческой арміей: «Отрядъ... прибылъ въ Ваше распоряженіе... отрядъ утомленъ непрерывнымъ походомъ... но въ случаѣ необходимости готовъ къ бою сейчасъ. Ожидаю приказаній...»

ГЛАВА XXXI.

Нѣмецкое нашествіе на Донъ. Связь съ внѣшнимъ міромъ и три проблемы: единство фронта, внѣшняя „оріентація“ и политическіе лозунги.

Итоги Перваго Кубанскаго похода.

Положеніе донской столицы значительно окрѣпло. Въ области, какъ доносилъ Кисляковъ, было хорошее настроеніе и много хорошаго матеріала; по общему признанію не хватало лишь крѣпкой воли и надлежащей организаціи. Походный атаманъ, генералъ Поповъ — человѣкъ вялый и нерѣшительный не пользовался авторитетомъ; «временное правительство», образовавшееся еще въ дни перваго налета на Новочеркасскъ, во главѣ съ правымъ демагогомъ есауломъ Яновымъ, не чувствовало почвы подъ ногами и, принимая въ свой составъ прибывающихъ въ городъ членовъ круга, обратилось въ многоголовый «совдепъ». Рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ откладывалось, и всѣ надежды возлагались на «Кругъ спасенія Дона», который долженъ былъ собраться изъ представителей возставшихъ станицъ и казачьихъ дружинъ къ 29-му апрѣля.

Изъ новочеркасскихъ впечатлѣній и разговоровъ, изъ взаимоотношеній съ задонскими военными властями понемногу, однако, начало выясняться, что надежды на объединеніе противо-большевистскихъ силъ для дальнѣйшей борьбы становятся все болѣе проблематичными.

Кисляковъ, сдѣлавшій нѣкоторые шаги передъ «временнымъ правительствомъ» въ этомъ направленіи, доносилъ:

«Правительство и атаманъ не считаютъ возможнымъ подчиненіе донской арміи командующему Добровольческой арміей. Мотивы такого рѣшенія — крайнія опасенія, что такое подчиненіе не своему (казачьему) генералу можетъ послужить поводомъ къ агитаціи, которая найдетъ благопріятную почву среди казаковъ. Заявляютъ, что приходъ нашей арміи на Донъ крайне желателенъ и что совмѣстныя дѣйствія съ казаками послужатъ къ укрѣпленію боевого духа послѣднихъ. Словомъ отъ подчиненія отказываются, «уніи» весьма хотятъ».

Къ сожалѣнію «унія» имѣла уже свою печальную исторію въ декабрѣ — февралѣ 1917—1918 г. г. и, какъ идея чужеродная военной организаціи, не предвѣщала ничего хорошаго въ будущемъ.

* * *

Послѣ отступленія Дроздовцевъ, Ростовъ погрузился опять въ холодное отчаяніе. Но паника среди совѣтскихъ властей не улеглась. Они лихорадочно эвакуировали городъ; эшелоны съ красной гвардіей, военными запасами и награбленнымъ имуществомъ тянулись безостановочно за Донъ.

И когда 25-го напуганные ростовскіе жители, удивленные наступившей тишиной, выглянули на улицу, они увидѣли съ изумленіемъ, многіе съ горькимъ разочарованіемъ, марширующія по улицамъ колонны... людей въ каскахъ.

То вступала въ Ростовъ головная дивизія 1-го германскаго корпуса.

Это событіе, словно ударъ грома среди прояснившагося было для насъ неба, поразило своей неожиданностью и грознымъ значеніемъ. Малочисленная Добровольческая армія, почти лишенная боевыхъ припасовъ, становилась лицомъ къ лицу одновременно съ двумя враждебными факторами — совѣтской властью и нѣмецкимъ нашествіемъ, многочисленной красной гвардіей и корпусами первоклассной европейской арміи. Этотъ чужеземный врагъ былъ страшенъ своимъ бездоннымъ національнымъ эгоизмомъ, своимъ полнымъ отрѣшеніемъ отъ общечеловѣческой морали; онъ съ одинаковымъ цинизмомъ жалъ руку палача въ Брестъ-Литовскѣ, обнадеживалъ жертву въ Москвѣ и Кіевѣ и вносилъ растлѣніе въ душу народа, чтобы вывести его надолго изъ строя столкнувшихся міровыхъ силъ.

Какія еще новыя бѣды несетъ съ собой его приходъ?

Донская делегація, посланная «временнымъ правительствомъ» въ Ростовъ, была принята начальникомъ штаба нѣмецкой дивизіи, и между нимъ и донцами произошелъ знаменательный разговоръ:

Донцы: — Съ какой цѣлью и по какимъ соображеніямъ нѣмцы вторглись на территорію Дона?

Нѣмецъ: — Политическія соображенія неизвѣстны, но по стратегическимъ соображеніямъ приказано занять Ростовъ и Батайскъ, чтобы обезпечить Украину отъ большевиковъ удержаніемъ этого важнаго желѣзнодорожнаго узла.

Донцы: — Ростовъ находится на территоріи Дона, права коего слѣдовательно нарушаются вами...

Нѣмцы: — О границахъ Дона съ Украиной вамъ надлежитъ договариваться съ послѣдней.

Д.: Пойдете ли вы на Новочеркасскъ?

Н.: Такого приказанія у насъ нѣтъ, а, если получимъ, то Новочеркасскъ займемъ. Не будетъ ли открыто партизанскими отрядами враждебныхъ дѣйствій противъ нашихъ войскъ?

Д.: Такого распоряженія не отдавалось, почему до выясненія вопроса съ Украиной такія дѣйствія должны разсматриваться, какъ не основанныя на распоряженіяхъ высшей военной власти Дона.

Д.: Признаете ли суверенныя права Дона?

Н.: Да, признаемъ Донъ *штатомъ (?).*

Д.: Какова организація власти на Украинѣ?

Н.: Власть полномочнаго гетмана Скоропадскаго, усмотрѣніемъ коего назначаются министры. Украинѣ запрещено проводить соціалистическія начала. Земля возвращена помѣщикамъ не свыше извѣстной нормы. Приказано всѣмъ засѣять поля.

Д.: Признается-ли за Украиной право рѣшать вопросъ о войнѣ и мирѣ?

Н.: Да, но не противъ Германіи.

Далѣе нѣмцы говорили, что они дѣйствуютъ въ союзѣ съ казаками, ибо дѣйствуютъ совмѣстно противъ красной гвардіи.

Д.: Почему вы двигаетесь на Донъ, заключивъ миръ съ Россіей?

Н.: Мы признаемъ Брестскій договоръ, но правительство комиссаровъ не исполняетъ своего обязательства о разоруженіи красной гвардіи, противъ которой мы и идемъ. Признаетъ ли себя Донъ самостоятельной республикой?

Д.: Мы признаемъ себя частью Россіи, но не признаемъ большевистскаго правительства.»

Изъ этого разговора трудно было еще уяснить себѣ ближайшія перспективы: сохранятъ ли нѣмцы въ отношеніи Добровольческой арміи нейтралитетъ, пойдутъ ли на насъ войною или предоставятъ намъ мѣряться силами съ большевиками только для того, чтобы съ холоднымъ, вѣскимъ расчетомъ на костяхъ и крови русскихъ построить себѣ свободный путь къ морю, хлѣбу и нефти.

Политическая обстановка была запутана до крайности. Будущее темно. Но наказъ, данный мною генералу Кислякову, совершенно ясенъ:

— Ни въ какія сношенія съ командованіемъ враждебной Россіи державы не вступать.

* *
*

Всталъ передо мной еще одинъ вопросъ.

Въ серединѣ апрѣля, почти одновременно пріѣхали изъ Москвы въ армію полковники Страдецкій и Голицынъ*). Первый былъ командированъ въ столицу для связи съ московскими организаціями еще въ января 1918 г. изъ Ростова, второй — бывшій генераломъ для порученій при генералѣ Корниловѣ — посланъ былъ кажется въ Астрахань, но въ виду ея паденія попалъ также въ Москву.

---

*) Нѣсколько штриховъ для характеристики дѣятелей смутнаго времени: Голицынъ доложилъ мнѣ, что вывезъ семью генерала Корнилова въ Москву, гдѣ она проживаетъ инкогнито и въ полной безопасности вмѣстѣ съ его семьей. За это былъ обласканъ и награжденъ изъ скромной добровольческой казны. Затѣмъ уѣхалъ и объявился въ Сибири генераломъ, занимая потомъ высокіе командные посты въ арміи адмирала Колчака. Оказалось впослѣдствіи, что семья Корнилова осталась тогда на Кавказѣ въ тяжеломъ, почти безвыходномъ положеніи.

Голицынъ увѣрялъ, что Москва совсѣмъ не интересуется Югомъ и въ частности «Корниловской арміей», что тамъ идетъ борьба политическихъ лозунговъ и внѣшнихъ оріентацій и нѣкоторая мѣстная концентрація силъ, совершенно не склонныхъ къ подчиненію указаніямъ Юга. Страдецкій, наоборотъ, рисовалъ картину разбросанной широко по Россіи сѣти активныхъ ячеекъ, отчасти подчиненныхъ тайной организаціи, въ которой онъ игралъ видную роль, отчасти самостоятельныхъ. Но что тѣ и другія считаютъ себя всецѣло въ распоряженіи командованія Добровольческой арміи, вполнѣ подготовлены къ выступленію и ожидаютъ только приказа...

Мнѣ показались нѣсколько сомнительными серьезность, сила и вліяніе организаціи, и, во всякомъ случаѣ, я не счелъ возможнымъ, не имѣя яснаго представленія о внутреннемъ положеніи страны, указывать времена и сроки. Предложилъ лишь, въ подтвержденіе предыдущихъ инструкцій, продолжать организацію на мѣстахъ, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы стягивать силы къ намъ на Донъ. Единственнымъ безошибочнымъ моментомъ выступленія надлежало считать приближеніе къ данному раіону Добровольческой арміи.

Много позднѣе я узналъ, что разговоръ шелъ о «Союзѣ защиты Родины и свободы», возглавляемомъ Савинковымъ — обстоятельство, которое Страдецкій утаилъ отъ меня. И что эта организація въ половинѣ апрѣля не имѣла еще рѣшительно никакого реальнаго значенія.

Тѣмъ не менѣе докладъ поставилъ на очередь вопросъ о необходимости сказать во всеуслышаніе слово отъ арміи, тѣмъ болѣе, что само бытіе ея въ послѣднее время среди широкихъ круговъ русскаго общества вызывало сомнѣніе.

Въ Лежанкѣ подъ громъ непріятельской артиллеріи я составлялъ свое первое политическое обращеніе къ русскимъ людямъ:

Отъ Добровольческой арміи.

«Полный развалъ арміи, анархія и одичаніе въ странѣ, предательство народныхъ комиссаровъ, разорившихъ страну до тла и отдавшихъ ее на растерзаніе врагамъ, привело Россію на край гибели.

Добровольческая армія поставила себѣ цѣлью спасеніе Россіи путемъ созданія сильной, патріотической и дисциплинированной арміи и безпощадной борьбы съ большевизмомъ, опираясь на всѣ государственно мыслящіе круги населенія.

Будущихъ формъ государственнаго строя руководители арміи (генералы Корниловъ, Алексѣевъ) не предрѣшали, ставя ихъ въ зависимость отъ воли Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, созваннаго по водвореніи въ странѣ правового порядка.

Для выполненія этой задачи необходима была база для формированія и сосредоточенія силъ. Въ качествѣ таковой была избрана Донская область, а впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія силъ и средствъ

организаціи, предполагалась вся территорія т. н. Юго-Восточнаго союза. Отсюда Добровольческая армія должна была идти историческими путями на Москву и Волгу...

Расчеты, однако, не оправдались...»

Указавъ далѣе мотивы нашего «исхода» съ Дона, и, сдѣлавъ краткій очеркъ перваго кубанскаго похода, я заканчивалъ:

«Предстоитъ и въ дальнѣйшемъ тяжелая борьба. Борьба за цѣлость разоренной, урѣзанной, униженной Россіи; борьба за гибнущую русскую культуру, за гибнущія несмѣтныя народныя богатства, за право свободно жить и дышать въ странѣ, гдѣ народоправство должно смѣнить власть черни.

Борьба до смерти.

Таковъ взглядъ и генерала Алексѣева, и старшихъ генераловъ Добровольческой арміи (Эрдели, Романовскаго, Маркова и Богаевскаго), таковъ взглядъ лучшей ея части. Пусть силы наши не велики, пусть вѣра наша кажется мечтаніемъ, пусть на этомъ пути насъ ждутъ новыя терніи и разочарованія, но онъ — единственный для всѣхъ, кто преданъ Родинѣ.

Я призываю всѣхъ, кто связанъ съ Добровольческой арміей и работаетъ на мѣстахъ, въ этотъ грозный часъ напречь всѣ силы, чтобы немедля сорганизовать кадры будущей арміи и, въ единеніи со всѣми государственно-мыслящими русскими людьми, свергнуть гибельную власть народныхъ комиссаровъ.

Командующій Добровольческой арміей
Генералъ-лейтенантъ Деникинъ».

23-го въ Егорлыцкой я познакомилъ съ «обращеніемъ» генерала Алексѣева и старшихъ начальниковъ арміи, находившихся въ станицѣ. «Обращеніе» не вызвало никакихъ возраженій, и штабъ послалъ большое количество напечатанныхъ въ походной кубанской типографіи экземпляровъ его для распространенія въ Ростовъ, Кіевъ, Москву и далѣе по Россіи.

Прошло дня два. Заходитъ ко мнѣ генералъ Марковъ и смущенно докладываетъ:

— Среди офицерства вызываетъ толки упоминаніе воззванія о «народоправствѣ» и объ «Учредительномъ Собраніи»...

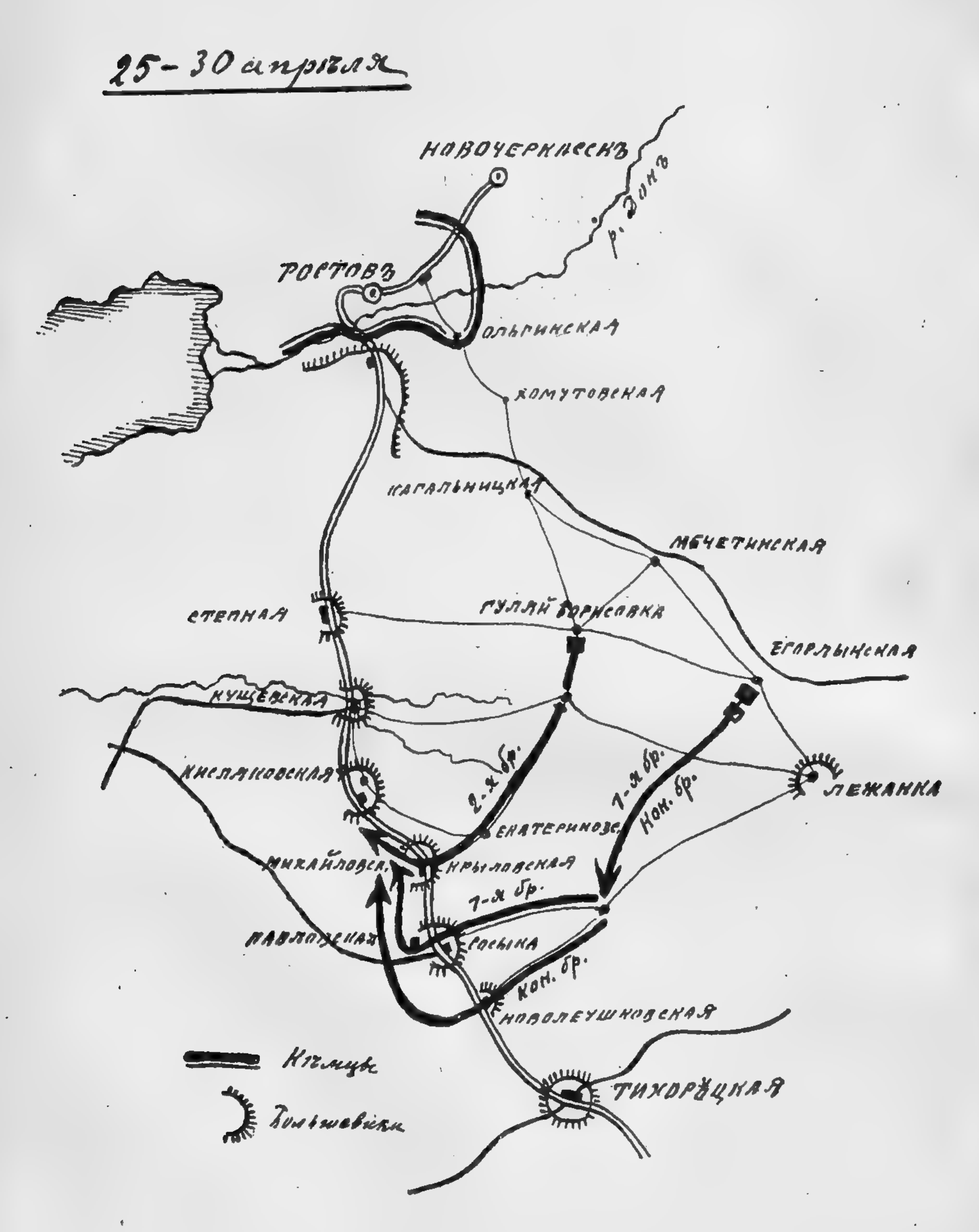
* * *

Я только намѣтилъ здѣсь три капитальнѣйшихъ вопроса, вставшіе передо мной въ ихъ элементарномъ отраженіи — тогда въ глухой донской станицѣ, при первомъ общеніи съ внѣшнимъ міромъ: единство фронта, внѣшняя «оріентація» и политическіе лозунги.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ событій эти вопросы разрастутся въ глубокіе внутренніе процессы, обволакивающіе «бѣлое движеніе» и въ зна-

чительной мѣрѣ лишающіе его единства, ясности и, слѣдовательно, необходимой силы.

* *
*

Освобожденіе Новочеркасска дало мнѣ, наконецъ, возможность отправить туда раненыхъ. Хотя власти приняли ихъ тамъ не особенно ласково, заявивъ, что предпочли бы видѣть полкъ здоровыхъ добровольцевъ... хотя много еще пришлось имъ испытать невзгодъ въ обѣднѣвшихъ и разоренныхъ донскихъ лазаретахъ, но все это было

несравнимо съ тѣмъ, что они вынесли въ походѣ, и казалось счастьемъ.

Въ Егорлыцкой арміи предстояло еще одно испытаніе. Послѣ всѣхъ переживаній тяжелаго похода у всѣхъ наступила нѣкоторая реакція; многихъ тянуло къ Ростову и Новочеркасску, гдѣ остались родные и близкіе; многимъ просто смертельно хотѣлось отдохнуть и отрѣшиться на время отъ острыхъ впечатлѣній боя.

Между тѣмъ, новая политическая обстановка, допускавшая самыя неожиданныя возможности, съ необыкновенной остротой ставила вопросъ о полной необезпеченности арміи снабженіемъ, въ особенности боевыми припасами. Въ то-же время развѣдка упорно доносила объ огромномъ и хаотическомъ движеніи большевистскихъ эшелоновъ по линіи Ростовъ—Тихорѣцкая—Царицынъ, — движеніи, закупорившемъ всѣ узловыя станціи. Шло массовое перемѣщеніе военныхъ матеріаловъ, которые могли ускользнуть окончательно изъ нашихъ рукъ.

Приходилось организовать набѣгъ, чтобы пополнить истощенные запасы.

Назначилъ днемъ выступленія 25 апрѣля. Добровольцы поворчали немного и пошли безпрекословно.

Операція заключалась въ томъ, чтобы быстрымъ маршемъ захватить узловую станцію Сосыка на Кубани, въ тылу той группы большевиковъ, которая стояла противъ нѣмцевъ у Батайска; одновременно для обезпеченія и расширенія раіона захвата занять сосѣднія станціи Крыловскую и Ново-Леушковскую*).

25 апрѣля Богаевскій со 2-й бригадой выступилъ изъ Гуляй-Борисовки и взялъ съ бою станицу Екатериновскую; главная колонна — бригады Маркова и Эрдели — сдѣлавъ 65 верстъ, заночевала въ Незамаевской, занятой безъ сопротивленія.

На разсвѣтѣ 26-го Богаевскій, Марковъ*) и Эрдели**) атаковали тремя колоннами станціи Крыловскую, Сосыку и Ново-Леушковскую и, послѣ горячаго боя съ большими силами и бронепоѣздами большевиковъ, всѣ три станціи были заняты. Много поѣздовъ съ военными матеріалами попало въ наши руки. Въ ту же ночь я перешелъ съ колонной Маркова въ станицу Михайловскую, предполагая расширить нѣсколько задачу къ сѣверу. Но бригада Богаевскаго встрѣтила уже упорное сопротивленіе большевиковъ, усилившихся подошедшими подкрѣпленіями; добыча не стоила бы новыхъ жертвъ. И я увелъ армію безъ всякаго давленія со стороны противника, развивавшаго только сильнѣйшій артиллерійскій огонь, обратно на Донъ.

Увозили съ собой большую добычу: ружья, пулеметы, боевые припасы и обмундировальные матеріалы; уводили нѣсколько сотъ мобилизованныхъ кубанскихъ казаковъ.

---

*) Общій фронтъ 33 версты.

**) Средняя и лѣвая колонны сдѣлали въ этотъ день еще до 40 верстъ.

Долженъ сказать откровенно, что нанесеніе болѣе серьезнаго удара въ тылъ тѣмъ большевистскимъ войскамъ, которые преграждали путь нашествію нѣмцевъ на Кавказъ, не входило тогда въ мои намѣренія: извращенная до нельзя русская дѣйствительность рядила иной разъ разбойниковъ и предателей въ покровы русской національной идеи...

30 апрѣля армія стала, наконецъ, на отдыхъ въ двухъ пунктахъ: станицѣ Мечетинской (штабъ арміи и 2-я бригада) и Егорлыцкой (1-я и конная бригады), прикрываясь заслонами отъ большевиковъ и отъ... нѣмцевъ.

* *
*

Первый кубанскій походъ—Анабазисъ Добровольческой арміи—оконченъ.

Армія выступила 9 февраля и вернулась 30 апрѣля, пробывъ въ походѣ 80 дней.

Прошла по основному маршруту 1050 верстъ.

Изъ 80 дней — 44 дня вела бои.

Вышла въ составѣ 4 тысячъ, вернулась въ составѣ 5 тысячъ, пополненная кубанцами.

Начала походъ съ 600—700 снарядами, имѣя по 150—200 патроновъ на человѣка; вернулась почти съ тѣмъ-же: все снабженіе для веденія войны добывалось цѣною крови.

Въ кубанскихъ степяхъ оставила могилы вождя и до 400 начальниковъ и воиновъ; вывезла болѣе полуторы тысячъ раненыхъ; много ихъ еще оставалось въ строю; много было ранено по нѣсколько разъ.

Въ память похода установленъ знакъ: мечъ въ терновомъ вѣнцѣ.

Издалека, изъ Румыніи на помощь Добровольческой арміи пришли новые бойцы, родственные ей по духу.

Два съ половиной года длилась еще ихъ борьба.

И тѣхъ немногихъ, кто уцѣлѣлъ въ ней, судьба разметала по свѣту: одни — въ рядахъ полковъ, нашедшихъ пріютъ въ славянскихъ земляхъ, другіе — за колючей проволокой лагерей — тюремъ, воздвигнутыхъ недавними союзниками, третьи — голодные и безпріютные — въ грязныхъ ночлежкахъ городовъ стараго и новаго свѣта.

И всѣ на чужбинѣ, всѣ «безъ Родины»...

Когда надъ бѣдной нашей страной почіетъ миръ, и всеисцѣляющее время обратитъ кровавую быль въ далекое прошлое, вспомнитъ русскій народъ тѣхъ, кто первыми поднялись на защиту Россіи отъ красной напасти.

–347–

ОПИСЬ СХЕМАМЪ

ОПИСЬ ИЛЛЮСТРАЦІЯМЪ II ТОМА

350

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОГО ТОМА

-352-

SINABURG & Co., G. M. B. H., BERLIN SW 68

